

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ІОАННА IV-го

и

ѲЕОДОРА ІОАННОВИЧА.

сочиненіе

Сергѣя Соловьева.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

Изданіе пятое.

Университетская типографія, на Страстной бульварѣ.

МОСКВА.

1889.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

ГЛАВА I.

Внутреннее состоянiе русскаго общества во времена Iоанна IV.

Титулъ царскiй.—Обычаи новаго царскаго двора.—Составъ двора.—Знатнѣйшiя фамилiи.—Княжескiя отчины.—Уменьшительныя имена.—Мѣстничество.—Кормленiя и служба.—Стрѣльцы, пушкари, иноземцы.—Продовольствiе войска.—Посоха.—Станичная и сторожевая служба.—Шляхта въ Западной Россiи.—Козаки.—Финансы.—Областное управленiе. —Города.—Села.—Холопи.—Инородцы.—Промышленность.—Торговля.—Физическiя бѣдствiя.—Города въ Западной Россiи, крестьяне, промышленность, торговля. — Церковь въ Восточной и Западной Россiи.—Новый Судебникъ въ Восточной Россiи.—Новый статутъ въ Западной.—Народное право.—Нравы и обычаи въ Восточной и Западной Россiи.—Литература.—Книгопечатанiе.

Если, по словамъ Герберштейна, еще великiй князь Василiй Iоанновичъ кончилъ то, что начато было отцомъ его, и властiю своею надъ подданными превосходилъ всѣхъ монарховъ въ цѣломъ свѣтѣ: то сынъ Василiевъ, вслѣдствiе изложенныхъ выше обстоятельствъ, сознавалъ вполнѣ свое значенiе, сознавалъ свое отличiе отъ тѣхъ государей, которые выбраны многомятежною волею народною или къ которымъ земля приписывается. Это сознанiе Iоанна высказалось прежде всего въ принятiи титула царя и самодержца, во введенiи его въ постоянное употребленiе какъ внутри, такъ и внѣ, въ старанiи оправдать это принятiе, утвердить его на историческихъ основахъ средствами, какiя употреблялись въ то время. Для приданiя титулу большей торжественности, Iоаннъ въ началѣ его сталъ употреблять такъ-называемое богословiе: „Троице пресущественная и пребожественная и преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ хрестьяномъ, дателю премудрости, преневѣдомый и пресвѣтлiй Крайнiй Верхъ! направи насъ на истину Твою и настави насъ на по-

веленія Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоей. Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію и хотѣніемъ удрьжахомъ скипетръ Россійскаго царствія мы, великій государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи самодержецъ, Владимерскій, Московскій, Новгородскій, царь Казанскій, царь Астраханскій, государь Псковскій и великій князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермьскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и великій князь Новгорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Полотцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны повелитель, и государь отчинный земли Лифляндскіе и иныхъ многихъ земель государь.“ Іоанну нравились пышныя выраженія грамотъ, которыя присылались ему восточными владѣтелями и нѣкоторыя изъ этихъ выраженій мы встрѣчаемъ въ его грамотахъ [1].

Что касается до обычаевъ новаго царскаго двора, то обряды царской свадьбы при Іоаннѣ ничѣмъ не отличаются отъ обряда, который мы видѣли при свадьбѣ отца Іоаннова: замѣчательно, что на третьей и на послѣдней свадьбѣ царя, на большомъ мѣстѣ или вмѣсто отца (посаженнымъ отцомъ) былъ у Іоанна меньшой сынъ, царевичъ Θеодоръ, а не старшій, Іоаннъ, который былъ тысяцкимъ; по всѣмъ вѣроятностямъ, причина заключалась въ семейныхъ отношеніяхъ царевича Іоанна; во время третьей свадьбы отцовой онъ былъ самъ женихомъ, въ послѣднюю свадьбу уже не былъ мужемъ первой жены, а мы видѣли, что при обрученіи великой княжны Елены старшій посолъ Литовскій не могъ занимать мѣсто жениха, потому что былъ женатъ на другой женѣ [2]. Въ 1573 году была въ Новгородѣ свадьба нареченнаго Лифляндскаго короля Магнуса, который женился на племянницѣ царской, дочери князя Владиміра Андреевича, Маріи; женихъ былъ протестантъ, и потому при описаніи этой свадьбы читаемъ: „Вѣнчаться королю на Пробойной улицѣ, на Славновѣ, у Дмитрія Святаго, а съ королемъ ѣхать Римскому попу; а княжну обручать и вѣнчать Дмитровскому попу; пріѣхавъ къ вѣнчанью, княжнѣ идти въ церковь, а королю стать на паперти, и вѣнчать короля по его закону, а княжну по христіанскому закону.“

Совершеннолѣтіе сына и наслѣдника Іоанна, въ случаѣ своей смерти, царь назначилъ въ двадцать лѣтъ [3]. Воспріемниками при крещеніи младенцевъ царскаго дома по прежнему были духовныя

лица: такъ воспріемникомъ царевича Іоанна былъ митрополитъ Макарій; крещеніе происходило въ Чудовѣ монастырѣ, у мощей Св Алексія; крещеніе царевны Анны происходило въ Новодѣвичьемъ монастырѣ: и какъ родилась царевна, Іоаннъ пріѣхалъ въ Новодѣвичій монастырь и обложилъ храмъ Св. Іоакима и Анны, тутъ слушалъ всенощную и заутреню, утромъ церковь освѣщалъ и дочь свою крестилъ; воспріемниками были два старца: Адріанъ изъ Андросовой пустыни и Геннадій изъ Сарайской: о крестныхъ матеряхъ не говорится. Когда у князя Владиміра Андреевича родилась дочь, то на его радости на другой день были у него царь, царевичъ Иванъ, царь Александръ Казанскій и многіе бояре и кушали овощи. По случаю рожденія царевича Іоанна прощены были судныя пошлины; царь писалъ дьякамъ: „Какъ сынъ нашъ царевичъ Иванъ народился, и которыя дѣла засужены и кончены до его нарожденья, а пошлины еще не взяты, съ тѣхъ дѣлъ пошлинъ не брать." Въ описаніи пріема польскихъ пословъ во время малолѣтства Іоанна IV читаемъ: стояли у великаго князя, для береженія: на правой сторонѣ бояринъ князь Василій Васильевичъ Шуйскій, а на лѣвой бояринъ и конюшій князь Иванъ Θедоровичъ Оболенскій-Овчина, да у князя Василья стояли Иванъ Ивановичъ Андреевича Челяднинъ, ходилъ у великаго князя *въ дяди мѣсто* [4].—Для сироты, лишившагося отца, мѣсто послѣдняго естественно занималъ дядя, наблюдавшій за его воспитаніемъ и поведеніемъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мать, какъ женщина, не могла присутствовать. Отсюда и теперь употребительное у насъ слово *дядька* въ смыслѣ человѣка, приставленнаго смотрѣть за ребенкомъ. Поѣздки царскія имѣли троякую цѣль: осмотръ мѣстъ (объѣздъ); такъ въ 1566 году ѣздилъ Іоаннъ *въ объѣздъ* въ Козельскъ, Бѣлевъ, Болховъ и другія украинскія мѣста, боярамъ же, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ приказалъ съ собою ѣхать со всѣмъ служебнымъ порядкомъ [5]. Вторая цѣль поѣздокъ было *богомолье;* третья *забава* или, какъ тогда выражались, *прохлада.* Послѣ стола царскаго бывали *пиры;* въ чемъ они состояли, видно изъ того, что они бывали послѣ стола [6]. Трауръ по особамъ царскаго дома, кромѣ печальной одежды, состоялъ еще въ отращиваніи волосъ, что называлось *быть въ волосахъ.*

Въ описи домашнему имуществу царя Іоанна находимъ перечисленіе образовъ разныхъ *нарядовъ:* число этихъ нарядовъ прости-

рается до 55, потомъ перечисляются государевы комнатные образа; кресты и иконы, которые государь носитъ на себѣ. Изъ платья перечисляются: кушаки, ферези, терлики, армяки, кафтаны, кафтанцы, шапки, чуги, опояски, паурузы, опашни, однорядки, тегиляи, епанчи, тафьи, шубы, колпаки, зипуны; упоминаются чулки сафьянные, шитые золотомъ, серебромъ, шелками, башмаки, чеботы; цѣпи; ожерелья; перечисляются сосуды золотые и серебряные разныхъ названій: кувшины, бочки, ендовы, достаканы, мушермы, рукомойники, братины, чарки, ковши, мисы, ложки, кубки, корцы, корчики, лахани, рога буйволовые, стопы; ножи булатные, клепики муромскіе; упоминаются часы мѣдные золоченые книжкою и только! [7]

Мы видѣли, какъ Іоаннъ, при учрежденіи опричнины, опредѣлилъ свои отношенія къ думѣ боярской; видѣли, какимъ образомъ созванъ былъ соборъ по поводу войны Литовской. Названіе князей по прежнему встрѣчаемъ еще выше названія бояръ [8]. Въ духовной Іоанна говорится еще о князьяхъ служилыхъ въ Московской и Тверской землѣ. Но на соборъ 1566 года явились: бояре, окольничіе, казначеи, печатникъ, чиновникъ присутствующій у бояръ въ судѣ, думные дьяки, дворяне первой статьи, дворяне и дѣти боярскіе другой статьи. Здѣсь какъ не видимъ князей въ отдѣльности и выше бояръ, окольничихъ и дворянъ, такъ не видимъ и дѣтей боярскихъ въ отдѣльности и выше дворянъ; ясный знакъ, что вслѣдствіе возвышенія значенія великаго князя, теперь царя, возвышается значеніе службы къ нему близкой, службы при дворѣ его, и передъ этимъ значеніемъ никнетъ значеніе происхожденія, значеніе князя и сына боярскаго; послѣднее названіе мѣняется своимъ мѣстомъ съ названіемъ дворянина и означаетъ уже низшій разрядъ служилыхъ людей [9]. Но любопытно, что если сверху старались возвысить значеніе дворовой службы надъ значеніемъ происхожденія, то внизу удерживались еще прежнія понятія, вслѣдствіе чего видимъ въ актахъ сопоставленіе старыхъ и новыхъ понятій, что, при тогдашней неопредѣленности, легко допускалось. Такъ въ началѣ приведеннаго соборнаго акта 1566 года встрѣчаемъ только названія бояръ, окольничихъ, казначеевъ, печатника, чиновника при боярскомъ судѣ, думныхъ дьяковъ, дворянъ первой и второй статьи; но въ концѣ акта, предъ прикладываніемъ рукъ, читаемъ: „Мы, государя своего царя и великаго князя бояре, и окольничіе, и приказные люди, и дьяки на сей грамотѣ государю

своему крестъ цѣловали и руки свои приложили. А мы, княжата и дѣти боярскіе, и дворяне на сей грамотѣ, на своихъ рѣчахъ, государю своему крестъ цѣловали". Если, по означеннымъ причинамъ, возвысилось значеніе дворянина, то еще болѣе, по тѣмъ же причинамъ, возвысилось значеніе слуги, ибо это названіе съ описываемаго времени является самымъ почетнымъ: въ 1554 году его носилъ князь Михаилъ Ивановичъ Воротынскій [10].

Значеніе окольничаго все болѣе и болѣе уясняется. Въ чинѣ царскаго вѣнчанія говорится: „За великимъ княземъ идутъ его братья и дѣти, за ними бояре и прочіе вельможи и княжата, и дѣти боярскіе и всѣ благородные юноши; и никто же тогда дерзнетъ преходить царскаго пути, но всѣ со страхомъ предстоятъ каждый на своемъ мѣстѣ: потому что по обѣимъ странамъ великаго князя идутъ тогда окольничіе и прочіе чиновники, со всякимъ вниманіемъ и украшеніемъ, каждый по своему чину... Поютъ молебенъ. Тогда же великаго князя окольничіе и прочіе чиновники ходятъ по всей церкви и устанавливаютъ народъ, чтобъ стоялъ со всякимъ молчаніемъ и кротостію и цѣломудрымъ вниманіемъ [11]." Мы видѣли [12], что еще въ правленіе Елены, кромѣ бояръ, окольничихъ и дворецкихъ, жили (присутствовали) въ думѣ и нѣкоторыя дѣти боярскія. Въ самостоятельное правленіе Іоанна видимъ дворянъ, которые называются большими и вмѣстѣ съ боярами присутствуютъ при важныхъ дѣлахъ, когда другіе дворяне быть не могутъ; такъ, при описаніи пріема Литовскаго посланника Быковскаго, читаемъ: „Царь велѣлъ дворянамъ изъ шатра повыступить, а оставилъ у себя бояръ и дьяковъ избныхъ и дворянъ большихъ, которымъ быть пригоже и велѣлъ Литовскому посланнику рѣчь говорить [13]." Потомъ встрѣчаются дворяне, которые „живутъ у государя съ боярами [14]"; далѣе встрѣчаемъ названія: „бояре ближней думы", „и дворяне ближней думы" [15]; наконецъ является и названіе думныхъ дворянъ; при описаніи пріема литовскихъ пословъ, пріѣзжавшихъ отъ Баторія для подтвержденія Запольскаго перемирія, читаемъ: „Отъ государя сидѣли бояре въ большой лавкѣ, и окольничіе, и дворяне думные и казначеи, и дворяне сверстные; а на окольничемъ мѣстѣ сидѣлъ окольничій Степанъ Васильевичъ Годуновъ, и дворяне большіе и князья Черкаскіе и Тюменскіе [16]." Мы видѣли также дворянъ первой и второй статьи при описаніи собора 1566 года. Встрѣчаемъ названія: бояринъ и дворецкій, бояринъ и оружейничій, крав-

чій, путный ключникъ, печатникъ, дьякъ дворцовый, дьякъ избный, дьякъ введенный. Какъ возвысилось значеніе дьяка, можно видѣть изъ того, что одинъ изъ нихъ, извѣстный Ржевскій, называется намѣстникомъ Черниговскимъ [17]. Встрѣчаемъ названіе именитыхъ людей: такъ при описаніи Новгородскаго разгрома лѣтописецъ говоритъ: „Иные дѣти боярскіе въ городѣ гостей и приказныхъ людей государевыхъ, именитыхъ и торговыхъ людей перехватали." Встрѣчаемъ названіе именной человѣкъ вмѣсто знатный [18].

Что касается до порядка мѣстъ, занимаемыхъ боярами въ Думѣ, то о немъ прежде всего можно получить свѣдѣнія изъ сношеній литовскихъ пановъ радныхъ съ боярами; но этими свѣдѣніями нужно пользоваться однако съ большою осторожностію, ибо паны, при отправленіи своихъ пословъ и грамотъ, сообразовались иногда не съ порядкомъ мѣстъ, но съ особеннымъ значеніемъ, особенною приближенностію бояръ къ государю. Въ 1552 году литовскіе паны присылали посла къ князю Ивану Михайловичу Шуйскому и боярину и дворецкому Данилѣ Романовичу Юрьеву; въ 1555 къ князю Ивану Михайловичу Шуйскому. Въ перепискѣ о мирѣ гетмана Хоткевича съ московскимъ воеводою въ Ливоніи, Иваномъ Петровичемъ Ѳедоровичемъ (Челядинымъ), наивысшею радою Московскою называются: бояринъ и воевода наивысшій, намѣстникъ Владимірскій, князь Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій; бояринъ и намѣстникъ Великаго Новгорода, князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій; бояринъ намѣстникъ Казанскій, князь Василій Михайловичъ Глинскій; бояринъ и намѣстникъ Тверской, Данило Романовичъ Юрьевича Захарьина [19]. Между боярами, участвовавшими въ соборномъ совѣщаніи 1566 года, не встрѣчаемъ уже именъ князя Василія Глинскаго и Данилы Романовича: здѣсь за Бѣльскимъ и Мстиславскимъ слѣдуетъ Иванъ Петровичъ Яковля (Челядининъ), потомъ князь Иванъ Ивановичъ Пронскій, Иванъ Большой и Иванъ Меньшой Васильевичи Шереметевы, князь Василій Семеновичъ Серебрянаго, Никита Романовичъ Юрьевъ, князь Михайла Ивановичъ Воротынскій, Иванъ Михайловичъ Воронцовъ, Михайла Яковлевичъ Морозовъ, Василій Михайловичъ Юрьевъ, Иванъ Яковлевичъ Чоботовъ, Василій Дмитріевичъ Даниловъ, Василій Юрьевичъ Малый, Семенъ Васильевичъ Яковля. Здѣсь видимъ представителей старинныхъ Московскихъ боярскихъ родовъ: двоихъ членовъ рода Акинѳова—Ивана Петровича Челяд-

нина и Ивана Яковлевича Чоботова; четырехъ членовъ рода Кошкиныхъ—Никиту Романовича и Василья Михайловича Юрьевыхъ, Ивана Большаго и Ивана Меньшаго Шереметевыхъ (происходившихъ отъ Өедора Кошки чрезъ Константина Александровича Беззубцева); одного Воронцова, одного Морозова; Даниловы вели свой родъ отъ князей Смоленскихъ, служившихъ у Нѣмцевъ, и потомъ выѣхавшихъ къ Ивану Калитѣ; что же касается до боярина Малаго, то это потомокъ извѣстныхъ Трахапіотовыхъ, выѣзжихъ Грековъ. Шуйскихъ не встрѣчаемъ въ это время между боярами: князь Иванъ Михайловичъ умеръ, князь Петръ Ивановичъ погибъ въ битвѣ съ Литовцами въ 1564 году; а другіе члены этой фамиліи были еще молоды, и потому встрѣчаемъ ихъ между дворянами первой статьи, именно князей Ивана Андреевича, знаменитаго впослѣдствіи Ивана Петровича и Василія Өедоровича. Между этими дворянами первой статьи 61 членъ некняжескихъ фамилій и 33 княжескихъ; изъ дворянъ второй статьи 89 членовъ некняжескихъ фамилій и только 11 княжескихъ. Предка знаменитыхъ въ послѣдствіи князей Стародубскихъ-Пожарскихъ, князя Ивана Васильевича, встрѣчаемъ въ описываемое время, именно въ 1547 году, намѣстникомъ Переяславскимъ.

Изъ знатныхъ фамилій особеннымъ расположеніемъ царя пользовались три: князья Мстиславскіе, князья Глинскіе и Романовы-Захарьины-Юрьевы, — всѣ три находившіеся въ родствѣ съ царскимъ домомъ; въ духовной Іоанна на счетъ ихъ читаемъ: „Чѣмъ отецъ нашъ князь великій Василій пожаловалъ князя Өедора Мстиславскаго, и что̀ я придалъ сыну его, князю Ивану, и сынъ мой Иванъ въ ту его вотчину и у его дѣтей не вступается. А что я пожаловалъ князя Михаила князя Васильева сына Львовича Глинскаго вотчиною, и сынъ мой Иванъ у него и у его дѣтей не вступается ничѣмъ. А что я пожаловалъ Романову жену Юрьевича и ея сына Никиту волостями и селами, и сынъ мой Иванъ въ ту вотчину у нихъ и у дѣтей ихъ не вступается.“ Князья Мстиславскіе и Глинскіе были пріѣзжіе изъ Литвы недавно, и въ средствахъ содержанія зависѣли отъ милостей государя; иного рода распоряженія видимъ относительно русскихъ князей Рюриковичей, которые, и поступивши въ служилые князья, сохраняли еще богатыя отчины. У князя Воротынскаго взята была его старая вотчина, городъ Одоевъ съ двумя другими городами, и въ замѣнъ

дана вотчина на сѣверѣ, городъ Стародубъ Ряполовскій, Муромская волость Мошокъ, Нижегородское село Княгинино и на Волгѣ Фокино селище. Въ духовной же Іоанна находимъ указанія на отнятіе отчинъ у потомковъ Стародубскихъ князей — князей Гундоровыхъ, Пожарскихъ, Тулуповыхъ, Ромадановскихъ, Ковровыхъ, Кривоезерскихъ, Нагаевыхъ, Стародубскихъ (собственно), Палецкихъ; далѣе въ духовной читаемъ: „Которыя вотчины я взялъ у князей Ярославскихъ, тѣ вотчины сыну моему Ѳеодору." Для скорѣйшаго перехода княжескихъ вотчинъ въ казну, въ дополнительныхъ указахъ къ Судебнику сдѣланы слѣдующія распоряженія: „Которыя вотчины за князьями Ярославскими, Стародубскими, Ростовскими, Суздальскими, Тверскими, Оболенскими, Бѣлозерскими, Воротынскими, Мосальскими, Трубецкими, Одоевскими, и за другими служилыми князьями вотчины старинныя: тѣмъ князьямъ вотчинъ своихъ не продавать, не мѣнять, за дочерьми и сестрами въ приданое не давать; а котораго князя бездѣтна не станетъ, и тѣ вотчины брать на государя. А который князь напишетъ въ своей духовной грамотѣ вотчину своей дочери или родной сестрѣ, и душу свою напишетъ съ той вотчины строить (поминать); тѣхъ вотчинъ дочерямъ и сестрамъ въ приданое не давать, давать приданое и душу поминать изъ животовъ (движимаго имѣнія); а у котораго князя не будетъ столько животовъ, чтобъ можно было за дочерью или сестрою въ приданое дать и душу поминать, то государь, разсудя по вотчинѣ, велитъ дать изъ своей казны, а вотчины велитъ государь взять на себя. А который князь вотчину свою напишетъ брату родному, или двоюродному, или племяннику, роднаго брата сыну, или какому-нибудь ближнему роду (родственнику) кромѣ тѣхъ степеней, въ которыхъ можно между собою жениться: и государь, того посмотря, по вотчинѣ, и по духовной, и по службѣ, кому какую вотчину напишетъ, велитъ указъ учинить. А котораго князя не стало бездѣтна, и останется у него жена, и откажетъ ей мужъ въ духовной что-нибудь изъ вотчины, то жить ей на этой вотчинѣ до смерти; а какъ ея не станетъ, то вотчина на царя, а душу ея велитъ государь изъ своей казны устроить. А который князь напишетъ женѣ въ духовной всю свою вотчину, а вотчина будетъ велика, то государь о той вотчинѣ указъ учинитъ." Въ слѣдствіе этого распоряженія встрѣчаемъ грамоты съ любопытными выраженіями, наприм.: „Я царь и великій князь по-

жаловалъ князя Бориса Дмитріевича Палецкаго отца его и братьевъ вотчиною, но брата его, князя Андрея духовной грамотѣ. Жить князю Борису въ тѣхъ селахъ и владѣть ему ими до смерти, а умретъ или пострижется, то по немъ дать, за тѣ села, въ монастыри, по нашему уложенью, деньги, а тѣ села взять на меня, царя и великаго князя.“ До насъ дошла любопытная докладная грамота государю о покупкѣ бояриномъ Шереметевымъ вотчины: въ грамотѣ покупатель говоритъ, что онъ покупаетъ „по жалованной царской грамотѣ“ [20].

Мы видѣли, какъ измѣненіе отношеній членовъ дружины къ великому князю Московскому отразилось на именахъ служилыхъ людей въ отпискахъ ихъ къ государю: при Іоаннѣ III-мъ знатные люди подписываются обыкновенными именами: Иванъ и Василій; менѣе знатные употребляютъ уменьшительныя—Иванецъ, Васюкъ; при Василіи встрѣчаемъ форму уменьшительную, уничижительную для людей незначительныхъ, наприм. Илейка; при Іоаннѣ IV и люди знатные начинаютъ употреблять эту послѣднюю форму; наприм. князь Александръ Стригинъ подписывается: „холопъ твой Олешка Стригинъ;“ потомъ встрѣчаемъ: „Ѳедко Умный-Колычевъ“ и т. п., а самые знатные, какъ наприм. бояринъ Челядинъ, употребляютъ форму на ецъ или юкъ [21].

Но преклоняясь все болѣе и болѣе предъ значеніемъ единаго властителя и самодержца, члены дружины, теперь принявшіе названіе людей служилыхъ, ревниво берегли родовую честь при служебныхъ столкновеніяхъ другъ съ другомъ: число мѣстническихъ случаевъ увеличивается все болѣе и болѣе. Это умноженіе мѣстническихъ случаевъ мы не можемъ приписать только тому, что отъ описываемаго времени дошло до насъ большое количество болѣе полныхъ извѣстій о нихъ; мы имѣемъ полное право принять, что были причины, дѣйствительно увеличивавшія мѣстническіе случаи въ описываемое время. Во время усиленія Московскаго княжества на счетъ другихъ княжествъ сѣверо-восточной Россіи, дружина князей московскихъ наполнялась пришельцами, которые получали мѣсто по назначенію Великаго Князя, ихъ принимавшаго; если это мѣсто не казалось имъ достаточно почетнымъ, то они отъѣзжали въ другія княжества; если оставались, то начинали новую службу, независимую отъ прежнихъ преданій; притомъ число ихъ было не велико; число походовъ, въ которыхъ бы сталкива-

лись многіе изъ нихъ, было также не велико; служебныя отношенія предковъ были такъ недавни, такъ на памяти всѣхъ, что трудно было имъ при самомъ назначеніи подавать поводъ къ столкновеніямъ, а если и случались они, то рѣшались легко. Начали пріѣзжать князья, заняли первыя мѣста, но какія могли быть мѣстническія столкновенія между ними? ихъ служба была слишкомъ нова. Но чѣмъ старѣе становилась служба княжескихъ и служилыхъ родовъ, чѣмъ большее число поколѣній прошло въ этой службѣ, чѣмъ многочисленнѣе становился дворъ государей Московскихъ и чѣмъ обширнѣе дѣлались военныя предпріятія и блистательнѣе придворныя торжества,—тѣмъ чаще должны были встрѣчаться мѣстническіе случаи; тѣмъ запутаннѣе должны были они становиться. Понятно, что, по мѣрѣ увеличенія мѣстническихъ случаевъ, столь вреднаго для службы, правительство должно было предпринимать мѣры для ихъ ограниченія, должно было стараться уменьшать въ службѣ число столкновеній, объявляя, что такія-то мѣста не находятся ни въ какомъ отношеніи другъ къ другу, ни въ равномъ, ни въ подчиненномъ; съ другой стороны должно было стараться опредѣлить и нѣкоторыя родовыя отношенія: вотъ почему съ большою осторожностію надобно объяснять древнія княжескія родовыя отношенія позднѣйшими опредѣленіями старшинства родовыхъ ступеней, встрѣчаемыми въ мѣстническихъ случаяхъ и составившимися явно уже по волѣ правительства, по его уложенію.

Въ 1550 году царь Іоаннъ приговорилъ съ митрополитомъ, съ роднымъ братомъ, княземъ Юріемъ Васильевичемъ, двоюроднымъ Владиміромъ Андреевичемъ и съ боярами и въ нарядъ служебный велѣлъ написать, гдѣ быть на его службѣ боярамъ и воеводамъ по полкамъ. Въ большомъ полку быть большому воеводѣ; этотъ первый воевода большаго полка считается выше первыхъ воеводъ передоваго полка, правой и лѣвой руки и сторожеваго полка; а кто будетъ второй воевода въ большомъ полку, до него правой руки большому воеводѣ дѣла и счету нѣтъ, быть имъ безъ мѣстъ. Первые воеводы передоваго и сторожеваго полка не меньше воеводъ правой руки; лѣвой руки воеводы не меньше воеводъ передоваго полка; лѣвой руки воеводы меньше перваго воеводы правой руки, а второй воевода лѣвой руки меньше втораго же воеводы правой руки. Князьямъ и дворянамъ большимъ и дѣтямъ боярскимъ на царской службѣ съ боярами и воеводами, или съ лег-

кими воеводами, для царскаго дѣла быть безъ мѣстъ; и въ нарядъ служебный царь велѣлъ записать, что если боярскимъ дѣтямъ и дворянамъ большимъ случится на царской службѣ быть съ воеводами не по ихъ отечеству, то отечеству ихъ тутъ порухи никакой нѣтъ. А которые дворяне большіе нынѣ будутъ съ меньшими воеводами гдѣ-нибудь на царской службѣ не по своему отечеству, а впередъ изъ нимъ кому-нибудь случится самимъ быть въ воеводахъ съ тѣми жъ воеводами вмѣстѣ, или случится гдѣ быть на посылкѣ: то съ тѣми воеводами, съ которыми они бывали, тогда счетъ имъ дать и быть имъ тогда въ воеводахъ по своему отечеству; а прежде того хотя и бывали съ которыми воеводами меньшими на службѣ: и тѣмъ дворянамъ съ тѣми воеводами въ счетѣ въ своемъ отечествѣ порухи нѣтъ, по государеву приговору" [22]. Такимъ образомъ, вопервыхъ, ограничено число случаевъ, въ которыхъ воеводы разныхъ полковъ могли мѣстничаться; вовторыхъ, уничтожено право молодыхъ служилыхъ людей знатнаго происхожденія мѣстничаться съ воеводами менѣе знатнаго происхожденія; право мѣстничаться они получали только тогда, когда сами становились воеводами, и тутъ прежняя ихъ подчиненная служба не имѣла никакого вліянія.

Опричнина не исключала мѣстничества, хотя иногда нарушала извѣстныя отношенія, ибо послѣ встрѣчаемъ выраженія: „то дѣлалось въ опричнинѣ: хотя такой разрядъ и былъ, но то была государева воля въ опричнинѣ." Воеводы мѣстничались не только при назначеніи въ полки, но и въ города, ибо одинъ городъ былъ честнѣе другихъ; такъ въ разрядѣ 1570 года читаемъ: „А которымъ воеводамъ въ которомъ городѣ быть не вмѣстно, и тѣмъ воеводамъ быть, для Государева дѣла, безъ мѣстъ," то-есть настоящій случай не будетъ имѣть вліянія на послѣдующія столкновенія. Изъ мѣстническихъ случаевъ Іоаннова времени уже открывается ясно, какъ родовыя отношенія, счеты по родовой лѣствицѣ опредѣляли равенство или неравенство лицъ по службѣ; такъ въ грамотѣ Князю Ѳедору Троекурову 1573 года читаемъ: „дядя твой князь Иванъ равенъ князю Константину Курлятеву, а ты по тому равенъ третьему сыну князя Константина Курлятева." Но мы уже замѣтили, что, для избѣжанія различныхъ взглядовъ, различныхъ толкованій при родовыхъ счетахъ, взглядовъ и толкованій, вынесенныхъ изъ разныхъ мѣстъ, разныхъ княжествъ древней Руси,

московское правительство должно было приводить ихъ къ единству своимъ приговоромъ, своимъ уложеніемъ; такъ въ грамотѣ по дѣлу Шереметева съ князьями Курлятевымъ и Хованскимъ царь пишетъ: „По нашему счету, князь Александръ Кашинъ князю Константину Курлятеву седьмой дядя; а по нашему уложенью, перваго брата сынъ четвертому дядѣ въ версту.“ Доказывать, основываясь на родовомъ единствѣ, что старшій или равный въ родѣ одного соперника былъ въ извѣстномъ служебномъ случаѣ ниже равныхъ или младшихъ въ родѣ другаго соперника, называлось утягиваніемъ. Легко понять, какъ страшно было это утягиваніе, легко понять, какъ смотрѣли въ родѣ на человѣка, которымъ можно было утягивать, какъ, слѣдовательно, важно было для каждаго служилаго человѣка не признать своего меньшинства предъ членомъ другаго рода; ибо это признаніе, принятіе низшаго мѣста повлечетъ за собою пониженіе всѣхъ равныхъ и младшихъ въ его собственномъ родѣ передъ членами извѣстнаго другаго рода. Если было сыскиваемо, что двое служилыхъ людей, назначенные на одну службу, одинъ въ большихъ, а другой въ меньшихъ, были равны другъ другу по родовымъ отношеніямъ, по лѣствицѣ и по службѣ, по разряду, то ихъ разводили или отставляли, и эта отставка или разводъ служили и на будущее время доказательствомъ ихъ равенства, невозможности быть вмѣстѣ. Примѣръ вредныхъ слѣдствій мѣстничества и мѣръ, какія правительство должно было принимать при непослушаніи воеводъ, представляютъ извѣстія Разрядныхъ книгъ подъ 1579 годомъ во время Ливонскаго похода: воеводы писали, что имъ быть не вмѣстно; изъ Москвы имъ данъ былъ отвѣтъ, чтобъ были по росписи; но воеводы опять замшились и къ Кеси не пошли; тогда царь, кручинясь, прислалъ къ нимъ изъ Москвы посольскаго дьяка Андрея Щелкалова, а изъ слободы (Александровской) дворянина Данила Салтыкова, и велѣлъ имъ идти къ Кеси и промышлять своимъ дѣломъ мимо воеводъ, а воеводамъ съ ними.

Мѣстничались воеводы по полкамъ, по городамъ; мѣстничались головы у наряда (пушекъ); мѣстничались царедворцы въ придворныхъ церемоніяхъ: въ 1577 году государь велѣлъ стоять у своего стола съ кравчимъ Борисомъ Годуновымъ князю Ивану Сицкому, и князь Иванъ сказалъ, что ему это не вмѣстно, и билъ челомъ на большаго брата Борисова, а Борисъ Годуновъ билъ челомъ на

отца Иванова. Такіе случаи бывали нерѣдко: челобитчикъ, считая того, съ кѣмъ мѣстничался, безспорно ниже себя многими мѣстами, билъ челомъ прямо на высшаго родича своего противника, котораго полагалъ послѣднимъ къ себѣ, т.-е. только однимъ мѣстомъ ниже себя. Иногда, наоборотъ, отвѣтчикъ, считая унизительнымъ для себя бить челомъ самому и увѣренный въ своей высотѣ предъ противникомъ, посылалъ вмѣсто себя бить челомъ или отвѣчать младшаго родича. Средствомъ къ прекращенію мѣстническихъ споровъ, кромѣ развода или отставки, было объявленіе службы безъ мѣстъ или не вмѣстною, т.-е. не имѣющею вліянія на будущіе случаи. Наказаніями за несправедливыя челобитья были: выдача головою (выговоръ, присланный съ царскимъ гонцомъ, причемъ послѣдній бралъ прогоны съ виноватаго), битье батогами предъ Разрядною избою, заключеніе въ тюрьму на извѣстный срокъ, доправленіе безчестья деньгами.[23]

Въ лѣтописи находимъ слѣдующее извѣстіе о распоряженіяхъ Іоанна относительно службы воинской: приговорилъ царь и великій князь съ братьями и боярами о кормленіяхъ и о службѣ всѣмъ людямъ, какъ имъ впредь служить. По сіе время бояре, князья и дѣти боярскіе сидѣли по кормленіямъ по городамъ и по волостямъ для расправы людямъ и всякаго устроенія землямъ, себѣ же для покоя и прокормленія; на которыхъ городахъ и волостяхъ были намѣстники и волостели, тѣмъ городамъ и волостямъ они расправу и устрой дѣлали и отъ всякаго лиха обращали ихъ на благое, а сами были довольны своими оброками и пошлинами указными, что имъ государь уложилъ. И вошло въ слухъ благочестивому государю царю, что многіе города и волости пусты учинили намѣстники и волостели, презрѣвъ страхъ Божій и государскіе уставы, и много злокозненныхъ дѣлъ учинили, не были пастыри и учители, но сдѣлались гонителями-разорителями. Также этихъ городовъ и волостей мужики много коварства содѣлали и убійства ихъ людямъ; и какъ съѣдутъ намѣстники и волостели съ кормленій, и мужики многими исками отыскиваютъ и много въ томъ кровопролитія и оскверненія душамъ сдѣлалось, и многіе намѣстники и волостели и стараго своего имѣнія лишились. И повелѣлъ государь въ городахъ и волостяхъ опредѣлить старостъ, сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, и старшимъ грознымъ запрещеніемъ заповѣдь положить, чтобъ имъ судить разбой, воровство и всякія дѣла, отнюдь бы никакая вра-

жда не именовалась, также ни мзда, ни лживое послушество, а кого между собою найдутъ лихаго, такихъ велѣлъ казнямъ предавать; на города и волости велѣлъ положить оброки по ихъ промысламъ и землямъ, и тѣ оброки сбирать къ царскимъ казнамъ своимъ дьякамъ; бояръ же, вельможъ и всѣхъ воиновъ устроилъ кормленіемъ и праведными уроками, кто чего стоитъ, а городовыхъ въ четвертый годъ, иныхъ же въ третій годъ денежнымъ жалованьемъ. Потомъ государь разсмотрѣлъ, что нѣкоторые вельможи и всякіе воины многими землями завладѣли, а службою оскудѣли, не противъ государева жалованья и вотчинъ служба ихъ: и государь сдѣлалъ имъ уравненіе землемѣріемъ; дано каждому, чего достоинъ, а лишнее раздѣлено неимущимъ. Съ вотчинъ и помѣстій установлено служить службу: со ста четвертей доброй и угожей земли человѣкъ на конѣ и въ доспѣхѣ полномъ, а въ дальній походъ при двухъ коняхъ. Кто послужитъ по землѣ, тѣхъ государь жалуетъ своимъ жалованьемъ, кормленіемъ, и на уложенныхъ людей даетъ денежное жалованье; а кто землю держитъ, но службы съ нея не служитъ, на тѣхъ на самихъ брать деньги за людей; а кто даетъ на службу людей лишнихъ передъ землею, тѣмъ отъ государя большое жалованье самимъ, а людямъ передъ уложенными въ полтретья давать деньгами. Все государь устроилъ, какъ бы служба государская была безо лжи и безъ грѣха, и подлинные тому разряды у государскихъ чиноначальниковъ, у приказныхъ людей [24].

Въ 1550 году государь приговорилъ съ боярами: раздать помѣстья въ Московскомъ уѣздѣ, да въ половинѣ Дмитрова, въ Рузѣ, Звенигородѣ, въ Числякахъ, Ордынцахъ, въ перевѣсныхъ деревняхъ и Тетеревичахъ, и въ оброчныхъ деревняхъ, отъ Москвы верстъ за 60 и за 70, дѣтямъ боярскимъ, лучшимъ слугамъ, 1000 человѣкъ; а которымъ боярамъ и окольничимъ быть готовыми на посылки, а помѣстій и вотчинъ въ Московскомъ уѣздѣ у нихъ нѣтъ, такимъ боярамъ и окольничимъ дать помѣстья въ Московскомъ уѣздѣ по 200 четвертей; дѣтямъ боярскимъ въ первой статьѣ дать помѣстья по 200 же четвертей, другой статьи дѣтямъ боярскимъ дать по 150 четвертей, третьей статьи по 100 четвертей; сѣна давать имъ по стольку жъ копенъ, на сколько кому дано четвертной пашни, кромѣ крестьянскаго сѣна, а крестьянамъ давать сѣна на выть по 30 копенъ. Который изъ той тысячи вымретъ, а сынъ его къ службѣ не пригодится, то на его мѣсто прибрать другого. А за кото-

рыми боярами и дѣтьми боярскими вотчины въ Московскомъ уѣздѣ или въ другомъ городѣ близко отъ Москвы, верстъ за 50 или за 60, тѣмъ помѣстья не давать. Между лицами, назначенными къ надѣленію, упоминаются: Псковскіе помѣщики городовые, Псковскіе помѣщики дворовые, Торопецкіе помѣщики дворовые, Лучане дворяне, Луцкіе помѣщики городовые.

Служилые люди отставлялись отъ службы за старостью и болѣзнями; на ихъ мѣсто назначались въ службу ихъ сыновья, внуки; если эти сыновья или внуки были еще малолѣтны, то давалась имъ отсрочка на извѣстное число лѣтъ (какъ поспѣетъ). Раненые освобождались отъ службы до излѣченія. Освобожденнымъ отъ службы давалась отставленная грамота. Когда у служилаго человѣка поспѣвали сыновья на службу, т.-е. когда достигали пятнадцати лѣтъ, то они или припускались къ отцу въ помѣстье, или жаловались помѣстьемъ въ отводъ отъ отца. Когда служилый человѣкъ вслѣдствіе умноженія семейства билъ челомъ, что ему съ прежняго помѣстья служить нельзя, то показанія челобитной, по царскому указу, повѣрялись явчимъ спискомъ, писцовыми отдѣльными и приправочными книгами и всякими посыльными грамотами, названіе отдѣльныхъ книгъ объясняется словами царскаго указа о прибавкѣ помѣщику Сабурову двухъ обжъ къ прежнему помѣстью: „какъ Никиткѣ къ старому его помѣстью къ десяти обжамъ двѣ обжы отдѣлятъ, и вы бы тѣ двѣ обжы и старое его помѣстье велѣли за нимъ написать въ отдѣльныя книги". Указы о прибавкѣ или раздѣлѣ помѣстья обыкновенно оканчивались словами, что распоряженіе это должно имѣть силу до помѣстнаго верстанья. По смерти служилаго человѣка помѣстье его или раздѣлялось всѣмъ сыновьямъ поровну, или нѣкоторымъ изъ нихъ давалось новое помѣстье; вдовѣ и дочерямъ выдѣлялась также часть помѣстья на прожитокъ; какъ скоро дочери или выходили замужъ, или достигали пятнадцатилѣтняго возраста, или умирали, то ихъ участки отписывались на государя и, по распоряженію послѣдняго, могли отдаваться братьямъ; вдовы пользовались своимъ участкомъ до смерти, пострижения или выхода замужъ. Помѣщики могли полюбовно мѣняться своими участками, подъ условіемъ, чтобъ эта мѣна была ровна, чтобъ обжи пашня пашнѣ землею и всякими угодьями и доходомъ были ровны и не пусты, а государевой службѣ и податямъ при этой мѣнѣ убытка не было бы. Въ Новгородской области сохранялось

еще различіе между земцами и выводными изъ низовыхъ областей служилыми людьми: такъ двое служилыхъ людей били челомъ, что дьяки государевы сначала отдѣлили было имъ въ придачу изъ земецкихъ помѣстій девять обжъ, но потомъ эти земецкія помѣстья у нихъ были взяты и отданы назадъ земцамъ. Если помѣщикъ билъ челомъ, что его помѣстье запустѣло и служить ему не съ чего, то обыскивалось окольными жителями, на всѣ стороны версты по три, четыре, пяти, шести и больше, игуменами, попами и діаконами по священству, а дѣтьми боярскими и крестьянами по крестному цѣлованію, отъ чего помѣстье запустѣло? отъ голоду, лихаго повѣтрія, тягла, или отъ самого помѣщика, или отъ иныхъ отъ кого? и если въ обыску скажутъ, что помѣстье запустѣло отъ помѣщика, отъ его небреженья, то челобитчикъ оставался при старомъ помѣстьѣ; если скажутъ, что помѣстье запустѣло не отъ помѣщика, то оно отбиралось на царя, отдавалось въ оброкъ или на льготу, на извѣстное число лѣтъ, а челобитчику давалось другое помѣстье; иногда же помѣщикъ просилъ не о перемѣнѣ помѣстья, но о льготѣ отъ податей, вслѣдствіе того, что крестьяне вымерли отъ мора, а остальные разошлись отъ меженины (голода). Въ 1548 году путный ключникъ Дуровъ просилъ льготы не только для помѣстья, но и для вотчинъ своихъ, потому что одно сельцо сгорѣло, а другія деревни запустѣли отъ царскихъ податей, отъ проѣзжихъ и ратныхъ людей. Царь далъ льготы на 4 года, въ которые люди и крестьяне вотчинъ и помѣстья Дурова не платили дани, ямскихъ и туковыхъ денегъ, не давали посошныхъ, не строили города, не давали намѣстнику, волостелю и тіуну корма, праветчикова и доводчикова побора, ни подымнаго, коня царскаго не кормили, сѣна не косили, прудовъ не прудили, къ городу камня, извести и колья не возили, на яму съ подводами не стояли, ямскаго двора не дѣлали. При дачѣ помѣстій наблюдалось, чтобъ обжи выдѣлялись сряду, а не въ розни, и не черезъ землю. Помѣстья отписывались за неявку на службу; не явившіеся назывались нѣтями, нѣтчиками; списки, куда записывались ихъ имена, назывались нѣтными списками. Опала съ нѣтчиковъ складывалась, имъ опять давались помѣстья, старыя или новыя, по случаю разныхъ торжествъ, церковныхъ и царскихъ, напримѣръ по случаю принесенія чудотворнаго образа, по случаю рожденія царевича. Сборъ дѣтей боярскихъ на службу производился такимъ образомъ: назначенные изъ Москвы

чиновники ѣхали въ извѣстную область, здѣсь у дьяковъ брали губныхъ старостъ, городовыхъ прикащиковъ и разсыльщиковъ, сколько пригоже, и отправлялись за своимъ дѣломъ, имѣя въ рукахъ списокъ всѣмъ дѣтямъ боярскимъ; которыхъ изъ нихъ встрѣчали на дорогѣ, тѣхъ отдавали на крѣпкія поруки съ записями; собравши дѣтей боярскихъ по списку, всѣхъ сполна, за поруками, ѣхали съ ними на государеву службу; остальныхъ дѣтей боярскихъ, укрывающихся, сыскивая, били кнутомъ и высылали на службу. А которые продолжали скрываться, у тѣхъ забирали дѣтей и людей, да гдѣ про нихъ скажутъ, туда посылали и, сыскавъ, били кнутомъ, давали на поруку, а за поруками высылали на государеву службу. А идучи дорогою, берегли накрѣпко, чтобъ дѣти боярскіе на дорогѣ не отставали, и насильства грабежу дорогою никому не дѣлали, кормовъ людскихъ и конскихъ силою не отнимали. Кромѣ помѣстій служилымъ людямъ давались осадные дворы бѣлые въ городахъ, на которые семейства ихъ перебирались въ случаѣ опасности отъ непріятеля.

Кромѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ, въ описываемое время видимъ стрѣльцовъ; они находятся подъ вѣдѣніемъ головъ своихъ и называются: приборы такого-то головы. Подъ головами находились пятидесятники и десятники; точно также и городовые казаки различались по прибору или сбору головъ своихъ и вмѣстѣ со стрѣльцами находились въ вѣдѣніи стрѣлецкаго приказа. Изъ служителей при нарядѣ артиллеріи упоминаются пушкари, находившіеся также въ вѣдѣніи головъ своихъ; въ 1555 г. царь писалъ къ новгородскимъ дьякамъ: „Какъ къ вамъ пушкари пріѣдутъ, то вы немедленно велите новгородскимъ кузнецамъ сдѣлать 600 ядеръ желѣзныхъ по кружаламъ, какія посланы съ пушкарями, и велите кузнецамъ ядра дѣлать круглыя и гладкія и какъ имъ укажутъ пушкари. Дайте пушкарямъ десять холстовъ, триста листовъ бумаги доброй, большой, толстой, двадцать два пятка льну мягкаго малаго, восемь ужищъ льняныхъ, по двадцати саженъ ужище, восемь коробокъ на ядра и на мѣшки, осьмеро возжей лычныхъ, двадцать гривенокъ свинцу, восемь овчинъ. За пушкарями смотрѣть накрѣпко, чтобъ они у кузнецовъ посуловъ и поминковъ не брали.“ Когда нарядъ отправлялся въ походъ, при немъ были плотники и кузнецы съ плотничьею и съ кузнечною снастью. Въ городахъ у наряду, пушекъ и пищалей находились пищальники неотступно,

день и ночь, городовые воротники, сторожа, кузнецы, плотники: со всѣхъ съ нихъ бралась присяга и давались они на поруки, что имъ изъ города никуда не отъѣзжать. Знаемъ, что пушкарей и пищальниковъ прибирали въ случаѣ надобности въ городахъ, иногда даже изъ старыхъ и отставныхъ. Наконецъ въ составѣ русскаго войска упоминаются иноземные отряды—литовскіе.

Относительно продовольствія войска видимъ, что посылались хлѣбные запасы въ занятые ливонскіе города; доставлять эти запасы было обязанностію посошныхъ людей. Иногда хлѣбные запасы доставлялись въ города по подряду; такъ въ 1582 году какой-то Тереха Ситниковъ нанялся доставить изъ Нижняго въ Астрахань хлѣбный запасъ 2500 четвертей муки и толокна. Подрядчику (запасчику) дана была грамота, по которой его пропускали вездѣ безпошлинно и безъ задержекъ; если кто-нибудь на запасчика или на его людей попроситъ пристава, или козаки его, не желая идти у него на судахъ, станутъ на немъ или на его людяхъ чего искать или чѣмъ его клепать, то бояре, воеводы и дьяки не должны давать на него и на его людей пристава и суда; а кому будетъ до него или до его людей какое дѣло, то ихъ судятъ въ Москвѣ бояре; также бояре, воеводы и дьяки не могли брать козаковъ Терехиныхъ въ стрѣльцы и козаки. Видимъ, что служилымъ татарамъ и козакамъ давалось на конскій кормъ по двѣ деньги на лошадь въ день. При выступленіи въ походъ татарскаго царевича Кайбулы къ шведскимъ границамъ велѣно было готовить по всей дорогѣ людскіе и конскіе кормы: на всякомъ стану давали на 80 человѣкъ яловицу, полосмины крупъ, полбезмена соли, или на 10 человѣкъ по барану, крупъ и соли на деньгу; кожи съ яловицъ и овчины съ барановъ отдавались назадъ тѣмъ людямъ, у которыхъ они взяты; конскаго корма на 10 лошадей давали по четверткѣ овса да по острамку сѣна. „Должно это припасти, сказано въ указѣ, чтобъ ратнымъ людямъ безъ корму не быть, а крестьянству по дорогѣ насилій и грабежа кормоваго не было.“ Царь не прощалъ воеводамъ, которые позволяли своимъ ратнымъ людямъ буйствовать въ русской землѣ; такъ при описаніи похода царя Шигалея и князя Михайлы Глинскаго на Литовцевъ читаемъ: „Тотъ князь Михайла съ людьми своими, ѣдучи дорогою, сильно грабилъ своихъ, и на рубежѣ люди его деревни Псковской земли грабили, скотъ сѣкли, дворы жгли христіанскіе; царь на него за это прогнѣвался и ве-

лѣлъ обыскать, кого грабили дорогою, и на немъ инымъ доправили тѣ грабежи.“ Городовые козаки и стрѣльцы получали жалованья въ годъ по полтинѣ денегъ, кромѣ хлѣбнаго: пищальники, воротники, сторожа, кузнецы и плотники получали по рублю въ годъ денегъ, по два пуда соли, по двѣнадцати коробей ржи и по стольку же овса. Городовые козаки получали и земли: такъ въ 1571 году бояре приговорили относительно путивльскихъ и рыльскихъ козаковъ, что если они захотятъ, то набрать 1000 человѣкъ козаковъ конныхъ, или сколько пригоже, посмотря по землямъ, сколько гдѣ будетъ земель. Служить имъ посылки польскія (степныя) и сторожи съ земли безъ денегъ, и если который послужитъ, тогда государь велитъ его пожаловать.

Ратные люди собирались съ городовъ и селъ такимъ образомъ: въ 1545 году, напримѣръ, государь велѣлъ нарядить съ Новгорода и пригородовъ, съ бѣлыхъ не тяглыхъ дворовъ съ трехъ дворовъ по человѣку, да съ тяглыхъ съ пяти дворовъ по человѣку, всего нарядить 1973 человѣка на коняхъ. Да съ новгородскихъ же посадовъ и съ пригородовъ съ посадовъ, съ рядовъ, погостовъ нарядить 2000 человѣкъ пищальниковъ, половина на коняхъ, а другая половина пѣшихъ. Пѣшіе пищальники были бы въ судахъ, а суда имъ готовить на свой счетъ; у конныхъ людей также должны быть суда, въ чемъ имъ кормъ и запасъ свой въ Нижній-Новгородъ провезти; у всѣхъ этихъ пищальниковъ, у конныхъ и пѣшихъ, должно быть по ручной пищали, а на пищаль по 12 гривенокъ безменныхъ зелья, да по столько же свинцу на ядра; на всѣхъ людяхъ должны быть однорядки или сермяги крашеныя. Въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ прислана была въ Новгородъ грамота, по которой уже требовалось собрать съ бѣлыхъ дворовъ и съ гостинныхъ по человѣку съ двора, съ суконничьихъ по человѣку, съ двухъ дворовъ съ черныхъ, по прежнему, съ пяти дворовъ по человѣку, да съ 20 дворовъ по пуду зелья, со всѣхъ безъ исключенія; но черезъ мѣсяцъ велѣно было съ достаточныхъ людей, живущихъ на черныхъ дворахъ, взять съ двора по человѣку, кромѣ прежняго побора по человѣку съ пяти дворовъ; освобождены были отъ побора дворы архіепископскихъ дѣтей боярскихъ, софійскихъ священниковъ, всѣхъ служилыхъ людей архіепископскихъ; съ ружныхъ священниковъ велѣно было взять съ 6 священниковъ по человѣку, да по двѣ гривенки зелья, а не съ ружныхъ съ 10 священниковъ человѣка, да по двѣ гривенки

зелья; дьяконы же, дьяки, пономари и просвирни помогаютъ своимъ священникамъ по церковному доходу. Которые люди при этомъ объявили, что имъ зелья добыть нельзя, къ тѣмъ посылались мастера ямчужные (селитряные) и пищальники указывать имъ, какъ варить зелье. Подъ 1535 годомъ псковскій лѣтописецъ говоритъ, что горожане его нарядили 500 пищальниковъ, 3000 лошадей въ телѣгахъ и человѣка на конѣ, 3000 четвертей овсяной засыпы на толокно, 3000 полтей свинины, 3000 четвертей солоду, 360 четвертей гороху, столько же сѣмени конопляннаго; на Москву послали 400 пищальниковъ, а Новгородцы много посохи послали для построенія новаго города Себежа. Иногда посошные люди разбѣгались во время похода, и тогда области, ихъ поставившія, должны были нанимать новыхъ; подъ 1561 годомъ лѣтописецъ говоритъ: царскіе воеводы людей потеряли много, посохи, а другіе разбѣжались, потому что нечего ѣсть; отъ этого Пскову, пригородамъ и сельскимъ людямъ проторей стало много въ посохѣ: вмѣсто разбѣжавшейся посохи нанимали другихъ, съ сохи по 22 человѣка, а на мѣсяцъ давали человѣку по три рубля, а иные и по три съ полтиной, съ лошадьми и съ телѣгами подъ нарядъ. Во время похода подъ Полоцкъ въ войскѣ Іоанновомъ было посохи пѣшей и коневой 80,900 человѣкъ, давали посошанамъ во Псковѣ—коневникамъ по 5 р., а пѣшимъ по 2 рубля. Подъ 1570 годомъ псковскій лѣтописецъ говоритъ: пришелъ царь въ Великій Новгородъ и много людей было побито; къ тому же велѣлъ править посоху подъ нарядъ, мосты мостить въ Ливонскую землю, зелейную руду сбирать: отъ этого налога и правежа всѣ люди, Новгородцы и Псковичи, обнищали, давать стало нечего и пошли сами въ посоху, и злою смертію тамъ померли отъ голода и мороза, отъ мостовъ и наряду; во Псковѣ байдаки и лодки большія посохой тянули подъ ливонскіе города, и не много потянувъ, покинули по лѣсамъ, тутъ лодки сгнили, а людей погубили [25].

Московское государство XVI вѣка, относительно юго-восточной границы своей, находилось въ такомъ же положеніи, какъ и древняя приднѣпровская Русь временъ Св. Владиміра: граничило съ степью, изъ которой стремились кочевые хищники на его опустошеніе. Уже давно московскія сторожи, сторожевые отряды или станицы разъѣзжали по разнымъ направленіямъ въ степи и стояли въ опредѣленныхъ мѣстахъ, наблюдая за Татарами [26]; при Іоаннѣ IV московскія

сторо́жи начали сталкиваться съ Литовскими на Днѣпрѣ: мы видѣли, что царь старался показать Сигизмунду-Августу, какъ выгодно для послѣдняго помогать московскимъ сторожамъ, а не затѣвать споровъ о томъ, что они становятся на литовской землѣ. Во второй половинѣ царствованія, обративши все вниманіе на западъ, Іоаннъ тѣмъ болѣе долженъ былъ хлопотать, чтобъ южная граница была защищена, чтобъ Крымцы не могли явиться у Оки безвѣстно. Съ этою цѣлію въ генварѣ 1571 года государь приказалъ боярину своему, князю Михайлѣ Ивановичу Воротынскому, вѣдать станицы, сторо́жи и всякія свои государевы польскія службы. Воротынскій говорилъ государевымъ словомъ въ Разрядѣ дьякамъ, что ему велѣлъ государь вѣдать и поустроить станицы и сторо́жи, и велѣлъ доискаться станичныхъ прежнихъ списковъ; въ города: Путивль, Тулу, Рязань, Мещеру, въ другіе украинные города и въ Сѣверу велѣлъ послать грамоты по дѣтей боярскихъ, по письменныхъ, по станичныхъ головъ, и по ихъ товарищей станичниковъ, и по станичныхъ вожей и по сторожей, которые ѣздятъ изъ Путивля, изъ Тулы, Рязани, Мещеры, изъ Сѣверской страны въ станицахъ на поле къ разнымъ урочищамъ, и которые прежде ѣзжали лѣтъ за десять и пятнадцать, велѣлъ имъ всѣмъ быть въ Москву. Когда они пріѣхали, то государь приказалъ князю Воротынскому сидѣть (заняться) о станицахъ, сторожахъ и всякихъ польскихъ службахъ, станичныхъ головъ, станичниковъ и вожей разспрашивать и, разспрося, расписать подлинно порознь: изъ котораго города, по которымъ мѣстамъ и до какихъ мѣстъ пригоже станицамъ ѣздить, и въ какихъ мѣстахъ сторожамъ на сторожахъ стоять, и до какихъ мѣстъ на которую сторону отъ которой сторо́жи разъѣздамъ быть; и въ которыхъ мѣстахъ на полѣ головамъ стоять для береженія отъ приходу воинскихъ людей; и изъ которыхъ городовъ и по скольку человѣкъ, съ которымъ головою и какимъ людямъ на государевой службѣ быть?—Чтобъ государю про приходъ воинскихъ людей быть не безвѣстну, и воинскіе люди на государевы украйны безвѣстно не приходили.

Послѣ разспросовъ князь Воротынскій приговорилъ съ дѣтьми боярскими, съ станичными головами и станичниками о Путивльскихъ, Тульскихъ, Рязанскихъ и Мещерскихъ станицахъ, и о всѣхъ украйныхъ дальнихъ и ближнихъ мѣсячныхъ сторо́жахъ и сторожахъ, изъ котораго города къ которому урочищу станичникамъ податнѣе

и прибыльнѣе ѣздить, и на которыхъ сторо́жахъ и изъ которыхъ городовъ и по скольку человѣкъ сторожей на которой сторо́жѣ ставить. А станичникамъ бы къ своимъ урочищамъ ѣздить и сторожамъ на сторо́жахъ стоять въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были бы усторожливы, гдѣ бъ имъ воинскихъ людей можно было усмотрѣть. Стоять сторожамъ на сторо́жахъ, съ коней не ссаживаясь, попеременно, и ѣздить по урочищамъ попеременно же, направо и налѣво, по два человѣка по наказамъ, какіе будутъ даны отъ воеводъ. Становъ имъ не дѣлать, огонь раскладывать не въ одномъ мѣстѣ, когда нужно будетъ кому пищу сварить, и тогда огня въ одномъ мѣстѣ не раскладывать дважды; въ которомъ мѣстѣ кто полдневалъ, тамъ не ночевать; въ лѣсахъ не останавливаться, останавливаться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ было бы усторо́жливо. Если станичники или сторожа подстерегутъ воинскихъ людей, то посылаютъ своихъ товарищей съ этими вѣстями въ ближайшіе украинскіе города; а сами позади непріятеля ѣдутъ на сакмы (дороги), по сакмамъ и по станамъ людей смѣчать, и, поѣздивъ по сакмамъ и смѣтивъ людей, съ тѣми вѣстями въ другой разъ отсылаютъ товарищей въ тѣ же города; новые посланные ѣдутъ направо или налѣво, которыми дорогами поближе, чтобъ въ украинскіе города вѣсть была раньше не передъ самымъ приходомъ непріятеля, а самимъ имъ ѣхать за непріятелемъ сакмою, а гдѣ и не сакмою, какъ пригоже, покинувъ сакму направо или налѣво, ѣздить бережно и усторо́жливо, и того беречь накрѣпко: на которыя украйны воинскіе люди пойдутъ, и имъ про то развѣдавши вѣрно, самимъ съ вѣстями подлинными спѣшить къ тѣмъ городамъ, на которые непріятель пойдетъ. Если станичники завидятъ воинскихъ людей на дальныхъ урочищахъ, то имъ посылать посылки по три или по четыре, или сколько будетъ пригоже, посмотря по людямъ и по дѣлу, отъ которыхъ мѣстъ пригоже, а не отъ одного мѣста, чтобъ, провѣдавъ подлинно про непріятеля, на какія мѣста онъ идетъ, самимъ съ подлинными вѣстями спѣшить наскоро въ тѣ города, на которые пойдетъ непріятель. А не бывъ на сакмѣ и не смѣтивъ людей и не довѣдавшись до-пряма, на которыя мѣста воинскіе люди пойдутъ, станичникамъ и сторо́жамъ съ важными вѣстями не ѣздить, и сторожамъ не дождавшись на сторо́жахъ себѣ перемѣны, съ сторо́жъ не съѣжать. А которые сторожа, не дождавшись смѣнѣ, съ сторо́жи сойдутъ, и въ то время государевымъ украйнамъ отъ воинскихъ людей

учинится война: тѣмъ сторожамъ отъ государя быть казненнымъ смертью. Которые сторожа на сторо́жахъ лишніе дни за срокомъ перестоятъ, а ихъ товарищи на смѣну въ тѣ дни къ нимъ не пріѣдутъ, то брать первымъ на послѣднихъ по полуполтинѣ на человѣка на день. Если воеводы или головы пошлютъ кого наблюдать за станичниками и сторожами на урочищахъ и на сторо́жахъ, и посланные найдутъ, что они стоятъ небережно и неусторожливо и до урочищъ не доѣзжаютъ, то хотя бы приходу воинскихъ людей и не ждали, тѣхъ станичниковъ и сторожей за то бить кнутомъ. Воеводамъ и головамъ смотрѣть накрѣпко, чтобъ у сторожей лошади были добрыя и ѣздили бы на сторо́жи о двухъ коняхъ, чтобъ можно было, увидавши непріятеля, уѣхать. У кого изъ станичниковъ и сторожей лошади будутъ худы, а случится посылка скорая, и подъ тѣхъ сторожей велѣть доправить лошадей на ихъ головахъ; а если надобно вскорѣ и доправить некогда, то воеводамъ велѣть брать лошадей добрыхъ у ихъ головъ, а не будетъ у головъ столько лошадей, то воеводамъ брать по оцѣнкѣ лошадей добрыхъ у полчанъ своихъ, а на головахъ брать найму на всякую лошадь по 4 алтына съ деньгою на день и отдавать деньги тѣмъ людямъ, у которыхъ взяты лошади.

Ѣздить станицамъ изъ Путивля или Рыльска: первой станицѣ ѣхать на поле съ весны 1-го апрѣля, второй 15-го, третьей 1-го мая, четвертой 15-го и т. д., осьмой станицѣ ѣхать 15-го іюля; потомъ въ другой разъ первой станицѣ ѣхать 1-го августа и т. д.; послѣдній выѣздъ 15-го ноября. Если же надобно будетъ еще ѣздить станицамъ, снѣга не нападутъ (снѣги не укипутъ), то станичниковъ посылать и позднѣе 15-го ноября по разсчету; посылать по двѣ станицы на мѣсяцъ, межъ станицы пропуская по двѣ недѣли со днемъ.

Для разъѣздовъ употреблялись дѣти боярскіе, посадскіе люди, козаки и наемные жители Сѣверской украйны или Севрюки; но потомъ приговорили послѣднихъ отставить, потому: стоятъ на сторо́жахъ неусторожливо, воинскіе люди на украйны приходятъ безвѣстно, а они того не видятъ, вѣсти отъ нихъ прямой никогда не бываетъ, а пріѣзжаютъ съ вѣстями ложными. Изъ Путивля и Рыльска на Донецкихъ сторо́жахъ стерегли дѣти боярскіе, Путивльцы и Рыляне съ помѣстій и изъ денежнаго жалованья. Кромѣ донецкихъ сторо́жъ, на ближнихъ Путивльскихъ и Рыльскихъ, смѣсныхъ

и несмѣсныхъ сторо́жахъ стерегли съ посадовъ посадскіе люди, равно какъ изъ Новгородка Сѣверскаго на смѣсной Путивльской сторо́жѣ. Изъ Мценска и Карачева, на смѣсныхъ и несмѣсныхъ сторо́жахъ стерегли дѣти боярскіе Мценяне и Карачевцы съ помѣстій и изъ денежнаго жалованья. На Орельскихъ, Новосильскихъ Дѣдиловскихъ, Донковскихъ, Епифанскихъ, Шацкихъ, Ряжскихъ сторо́жахъ стерегли козаки съ земель и изъ денежнаго жалованья. На Кадомскихъ и Темниковскихъ сторо́жахъ стерегли Татары и Мордва съ земель Кадомскихъ и Темниковскихъ. На Алаторскихъ сторо́жахъ стерегли козаки. Послѣ приговорили также ставить на сторо́жу по шести человѣкъ сторожей вмѣсто прежнихъ четырехъ для того, чтобъ имъ разъѣзжать направо и налѣво, перемѣняясь безпрестанно по два человѣка. Для надзора за исправностію сторожей назначены были четыре стоялые головы, которые разъѣзжали по всему пространству степи, отъ Волги до Вороны, Оскола и Донца.

Въ октябрѣ 1571 года, по государеву указу, князь Воротынскій съ товарищами приговорили жечь степь; опредѣлили, изъ которыхъ украинскихъ городовъ и въ какую пору, по какимъ мѣстамъ, къ которымъ урочищамъ, до какихъ мѣстъ, сколькимъ станицамъ и по скольку человѣкъ въ станицѣ ѣздить на поле и жечь его. Жечь поле опредѣлено осенью, въ октябрѣ или ноябрѣ по заморозамъ, какъ на полѣ трава сильно посохнетъ, снѣговъ не дожидаясь, а дождавшись ведренной и сухой поры, чтобъ вѣтеръ былъ отъ государевыхъ украинскихъ городовъ на польскую (степную) сторону; не зажигать травы вблизи украинскихъ городовъ, вблизи лѣсовъ и лѣсныхъ засѣкъ и всякихъ крѣпостей, которыя надѣланы отъ проходу воинскихъ людей. Станицы для зажженія степи дожны были выѣзжать изъ городовъ: Мещеры, Донкова, Дѣдилова, Кропивны, Новосиля, Мценска, Орла, Рыльска и Путивля; пожаръ долженъ былъ обхватывать пространство степи отъ верховьевъ Вороны до Днѣпра и Десны.

Въ 1574 году назначенъ былъ новый начальникъ надъ сторожевою и станичною службою, бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ. При новомъ начальникѣ видимъ перемѣну относительно перваго срока выѣзда станицъ: вмѣсто 1-го апрѣля положено сообразоваться со временемъ открытія весны, потомъ выбирать дѣтей боярскихъ на степную службу велѣно разряднымъ дьякамъ, а не воеводамъ по городамъ. По челобитью польскихъ (степныхъ) мѣсячныхъ сто-

рожей, бояре приговорили: въ Шацкѣ, Рязскомъ, Донковѣ, Епифани, Дѣдиловѣ, Кропивнѣ, Новосилѣ и Орлѣ козаковъ, которые стерегутъ мѣсячную сторожу, помѣстьемъ и денежнымъ жалованьемъ поверстать: придать къ старому ихъ помѣстью, къ 20 четвертямъ еще по 30 четвертей человѣку; а денежнаго жалованья приговорили имъ дать въ третій годъ по три рубля человѣку для сторожевой службы, чтобъ имъ безконнымъ не быть, а быть у нихъ по два коня добрыхъ, или къ коню меринъ добрый. Велѣли послать въ тѣ города писцовъ, дѣтей боярскихъ и подъячихъ добрыхъ—пересмотрѣть всѣхъ козаковъ на лицо съ конями и со всею ихъ службою: которые козаки собою худы или безконны и съ сторожевую службу ихъ не будетъ, тѣхъ отъ сторожевой службы отставить, и служить имъ козачью рядовую службу и помѣстной имъ придачи не придавать, а на ихъ мѣсто прибрать изъ рядовыхъ козаковъ добрыхъ и конныхъ. Во Мценскѣ и Корачевѣ на сторожахъ стеречь дѣтямъ боярскимъ изъ тѣхъ городовъ съ малыхъ статей, съ 50,70 и 100 четвертей, потому что въ этихъ городахъ козаковъ въ росписи не написано; въ Шацкѣ, Новосилѣ и Орлѣ въ прибавку къ козакамъ посылать дѣтей боярскихъ. Что касается границъ станичныхъ разъѣздовъ, то во время управленія боярина Никиты Романовича путивльскія станицы ѣздили къ верховьямъ Тора, по Міюсу, Самарѣ, Арели къ Днѣпру до Песьихъ Костей; тульскія ко Мжу и Коломаку на Муравскій шлякъ (дорогу); рязанскія къ Сѣверскому Донцу и къ Святымъ Горамъ, а мещерскія внизъ по Дону, до Волжской переволоки [27].

Таково было военное устройство въ сѣверовосточной Россіи, въ государствѣ московскомъ. Здѣсь мы видимъ, что значеніе дружины все болѣе и болѣе никнетъ предъ значеніемъ государя. Въ Россіи западной, наоборотъ, шляхта ревниво блюдетъ за поддержаніемъ старыхъ правъ своихъ. На Виленскомъ сеймѣ 1547 года шляхта потребовала у короля защиты отъ двухъ сословій—духовнаго и мѣщанскаго (городоваго), просила, чтобъ люди духовные на судахъ земскихъ и свѣтскихъ не засѣдали и не звали бы къ духовному суду по свѣтскимъ дѣламъ; относительно мѣщанъ шляхта жаловалась, что ремесленники виленскіе берутъ непомѣрныя цѣны за свои работы и надбавляютъ цѣны по произволу, отъ чего шляхта бѣднѣетъ. Король обѣщалъ исполнить просьбу. На сеймѣ 1551 года шляхта просила, чтобъ простыхъ холопей надъ шляхтою не по-

вышать, чтобъ простой холопъ и шляхтичь подозрительнаго происхожденія урядовъ не держали. Король отвѣчалъ на это: пусть укажутъ, какой холопъ или подозрительный шляхтичь посаженъ мною на урядъ? Потомъ шляхта просила, чтобъ паны обходились съ нею почтительно на судахъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ 1576 году браславская шляхта подала королю Стефану челобитную, чтобъ королевскіе указы писались къ нимъ на русскомъ, а не на польскомъ языкѣ [28].

Мы видѣли характеръ козаковъ московскихъ, т.-е. жившихъ по степямъ, прилегавшимъ къ московскому государству, и признававшихъ по имени власть послѣдняго; такой же точно былъ характеръ и козаковъ литовскихъ или малороссійскихъ, извѣстныхъ тогда въ Москвѣ подъ именемъ Черкасъ; притомъ безнаказанность послѣднихъ еще болѣе была обезпечена слабостію польско-литовскаго правительства. Мы видѣли поведеніе козацкихъ вождей, Дашковича, князя Дмитрія Вишневецкаго, который окончилъ свои похожденія жестокою смертію въ Турціи. Въ то самое время, какъ польское правительство употребляло всѣ усилія, чтобъ жить въ мирѣ съ Крымомъ и Турціею, козаки изъ Черкасъ, Канева, Браславля, Винницы, собравшись въ степи за Черкасами, въ числѣ 800 и больше, подъ начальствомъ старшихъ козаковъ: Карпа, Андруша, Лесупа, Яцка Бѣлоуса громили по нѣскольку разъ караваны купцовь турецкихъ и крымскихъ, шедшіе въ Москву и возвращавшіеся назадъ; мало того, крымскій гонецъ, ѣздившій отъ хана къ королю, былъ убитъ козаками въ степи. Соленики, ѣздившіе за солью въ Кочубеевъ (Одессу), терпѣли постоянно отъ ихъ нападеній. Напрасно король писалъ хану, что это разбойничаютъ козаки ихъ общаго непріятеля московскаго, выходящіе изъ Путивля, Чернигова, Новгорода Сѣверскаго: крымскіе и турецкіе купцы умѣли очень хорошо различать козаковъ Московскихъ отъ Черкасъ. Атаманъ Андрей Ляхъ, съ козаками князя Дмитрія Вишневецкаго, напалъ въ степяхъ за Самарою на московскаго гонца Змѣева, шедшаго въ Крымъ; съ Змѣевымъ шелъ вмѣстѣ крымскій гонецъ и, по обычаю, турецкіе купцы и Армяне; козаки убили 13 человѣкъ Турокъ и Армянъ, а троимъ руки отсѣкли за то, что они покупаютъ въ Москвѣ литовскихъ плѣнниковъ.—Московскіе послы, жившіе въ Крыму, извѣщали государя о частыхъ нападеніяхъ Черкасъ на Крымъ; очень любопытно извѣстіе, присланное изъ Крыма въ Москву посломъ Ржев-

скимъ; „пріѣхалъ къ царю крымскому съ Днѣпра козакъ съ вѣстями: на Днѣпръ прислалъ московскій государь къ головѣ, къ князю Богдану Рожинскому и ко всѣмъ козакамъ Днѣпровскимъ съ великимъ своимъ жалованьемъ и приказалъ къ нимъ: если вамъ надобно въ прибавку козаковъ, то я къ вамъ пришлю ихъ сколько вамъ надобно, и селитру пришлю и запасъ всякій, а вы должны идти весною непремѣнно на крымскіе улусы и къ Козлову. Голова и козаки взялись государю крѣпко служить и очень обрадовались государской милости. Ханъ, услыхавъ эти вѣсти, созвалъ на совѣтъ князей и мурзъ, и сталъ говорить: „Если приходить козакамъ, то они прежде возмутъ Бѣлгородъ да Очаковъ, а мы у нихъ за хребтомъ.“ Князья и мурзы отвѣчали на это: „Если придетъ много людей на судахъ, то города ихъ не остановятъ; вѣдь козакъ—собака: когда и на корабляхъ на нихъ приходятъ турецкіе стрѣльцы, то они и тутъ ихъ побиваютъ и корабли берутъ!“ Какъ въ старину русскіе князья, нуждавшіеся въ войскѣ для своихъ усобицъ, находили готовыя дружины въ степяхъ, гдѣ толпились разноименные народцы: такъ теперь, въ XVI вѣкѣ, владѣльцы Дунайскихъ княжествъ, Молдавіи и Валахіи, борясь другъ съ другомъ, искали и находили помощь у козаковъ. Такъ одинъ изъ нихъ, Ивонъ, угрожаемый соперникомъ своимъ, Петриллою, котораго поддерживали Турки, обратился съ просьбою о помощи къ Польскому королю Генриху; тотъ отказалъ въ помощи на томъ основаніи, что Польша въ мирѣ съ Турками; Ивонъ обратился къ козакамъ: этимъ не было никакой нужды, что король ихъ въ мирѣ съ Турками; они пошли помогать Ивону подъ начальствомъ Свирговскаго; сначала имѣли успѣхъ, но наконецъ были подавлены многочисленными полками турецкими. Подкова (какъ говорятъ, братъ погибшаго Ивона), прозванный такъ потому, что могъ ломать подкову, нашелъ также убѣжище между козаками, вмѣстѣ съ ними пошелъ противъ Петриллы и одолѣлъ его; но Стефанъ Баторій, не желая разрывать съ Турками, велѣлъ брату своему, князю Семиградскому, выступить противъ Подковы; послѣдній долженъ былъ отступить и, понадѣявшись на ручательство въ безопасности, данное ему отъ имени королевскаго, отдался въ руки Полякамъ. Обѣщаніе было нарушено: Подкову заключили въ оковы, и когда передъ московскою войною, посолъ Турецкій настаивалъ, чтобъ его казнили, угрожая въ противномъ случаѣ войною, то Баторій исполнилъ его требованіе, и

Подкова былъ казненъ во Львовѣ. Несмотря на то, братъ Подковы, Александръ съ козаками снова выгналъ Петриллу, но попался въ руки Туркамъ, которые посадили его на колъ. Потомъ козаки уже одни отправились противъ Турокъ, сожгли крѣпости Ягорликъ, Бендеры: Баторій велѣлъ войскамъ, стоявшимъ на границѣ, хватать и ковать козаковъ, возвращавшихся изъ этого похода [29].

Постоянное увеличеніе государственныхъ потребностей въ Московскомъ государствѣ требовало увеличенія финансовыхъ средствъ для ихъ удовлетворенія. Какъ же поступало Московское правительство въ этомъ случаѣ? Очень просто и естественно по понятіямъ времени: явится новая потребность, новый расходъ—оно налагаетъ новую подать; отсюда это накопленіе разнаго рода податей, которыя наконецъ начали такъ затруднять финансовыя отправленія древней Россіи. Такъ явились пищальныя деньги, которыхъ съ Новгородскаго посада, пригородковъ, рядковъ и погостовъ сходило 5236 рублей. Мы видѣли, что ближайшія къ мѣсту военныхъ дѣйствій области должны были выставлять на войну посошныхъ людей; посошныя деньги, по два рубля за человѣка. Для продовольствія войска съ земель, находящихся въ частномъ владѣніи, бѣлыхъ сбирался такъ-называемый бѣлый кормъ, съ Московской сохи по 43 алтына безъ двухъ денегъ. Относительно податей и соединенныхъ съ платежемъ ихъ издержекъ любопытны платежныя отписи, напримѣръ: „Я, Юшка Митрофановъ сынъ, десятскій, взялъ у Спасскаго игумна Евфимія со братьею дань и горностальныя деньги, и ямскія, кромѣ дани въ поминокъ подъячему и въ Московскій покругъ, и кормъ Великодневный и Петровскій, все сполна, и отпись ему далъ.“ Или: „Взято: ямскихъ денегъ и примѣту столько-то; дьячихъ писчихъ пошлинъ столько-то; за городовыя и засѣчныя дѣла, за подъячихъ, за земскаго дьячка, за плотниковъ, кузнецовъ; за подмогу ямскихъ охотникамъ; за емчужное дѣло“ и проч.

Кромѣ дани, источникомъ дохода для правительства служили оброки: въ 1543 году вологодскіе писцы, по слову великаго князя, отдали на оброкъ Кирилловскому игумену двѣ великокняжескія пустоши черныя, потому что эти пустоши находятся между монастырскихъ деревень, а отъ великокняжескихъ деревень отошли; съ этихъ пустошей, сказано въ грамотѣ, великому князю не надобны ни дань, ни посошная служба, ни намѣстничьи кормы, ни тіунскія, ни

праветчиковскія, ни доводчиковскія пошлины, и съ черными людьми не тянутъ они ни во что; а даетъ монастырь съ этихъ пустошей великому князю оброкъ ежегодно по десяти алтынъ. Отдавались на оброкъ пашни, сѣнокосы, лѣса, рѣки, мельницы, огороды; отдавались эти статьи на оброкъ изъ наддачи, тому, кто наддавалъ противъ оброчной цѣны, платимой прежнимъ содержателемъ. Правительство спѣшило пользоваться намѣстничьими доходами въ то время, когда старый намѣстникъ выѣзжалъ изъ города, а новый еще не былъ назначенъ; такъ въ 1555 году, когда намѣстникъ князь Палецкій выѣхалъ изъ Новгорода, царь писалъ дьякамъ: „Сей часъ же выберите изъ городничихъ или изъ рѣшеточныхъ приказчиковъ сына боярскаго добраго, кому пригоже и можно вѣрить, и велите ему ту половину Новгорода, намѣстничьи и его пошлинныхъ людей всякіе доходы вѣдать на меня и приведите его къ присягѣ, и надзирайте надъ нимъ, чтобъ нашимъ доходамъ истери не было.“ Какъ сбирались подати, видно изъ царской грамоты къ Новгородскимъ дьякамъ 1556 года: „Вы писали къ намъ, что велѣно во всѣ пятины разослать грамоты, чтобъ князья, дѣти боярскіе и всѣ служивые люди, игумены, попы, дьяконы, старосты, сотскіе, пятидесятскіе, десятскіе и всѣ крестьяне выбрали изъ пятинъ по сыну боярскому доброму, да изъ пятинъ же выбрали человѣка по три и по четыре лучшихъ людей, да изъ погоста по человѣку, а изъ малыхъ погостовъ изъ двухъ или изъ трехъ по человѣку: а велѣно тѣмъ старостамъ выборнымъ сбирать наши ямскія и приметныя деньги, и за посошныхъ людей, и за емчужное дѣло и всякіе подати по писцовымъ книгамъ и привозить къ вамъ въ Новгородъ“ [30].

Мы разсмотрѣли въ своемъ мѣстѣ [31] уставъ откупщикамъ тамги и пятна на Бѣлѣозерѣ, данный Іоанномъ III; при Іоаннѣ IV, въ 1551 году, дана была туда же на Бѣлоозеро таможенная грамота, которая относительно сбора тамги ни чѣмъ не рознится отъ грамоты Іоанна III; но въ ней прибавленъ уставъ о сборѣ помѣрной и дворовой пошлины: помѣрное брать—со пшеницы, ржи, ячменя, солоду, конопель, гречи, гороху, засыпы толокна, рѣпы, и со всякаго жита, съ хмѣлю, также съ рыбы сухой, и съ вандышевъ и съ хохолковъ—брать съ продавца съ четырехъ четвертей деньга, а тамги съ жита и сухой рыбы не брать. А кто продастъ всякаго жита воза два или три безъ мѣры, или кто купитъ не въ

ихъ пятенную мѣру, то съ него заповѣди два рубля: рубль намѣстнику и рубль помѣрщикамъ; а кто продастъ всякаго жита четыре четверти московскихъ, или кто станетъ покупать и продавать не въ ихъ пятинную мѣру, то съ него заповѣди рубль—полтина намѣстнику и полтина помѣрщикамъ. Дворовая пошлина на гостиныхъ дворахъ: кто пріѣдетъ товару купить на гостиномъ дворѣ, дворники берутъ поворотной съ тысячи бѣлки Шувайской или Устюжской по 4 деньги съ тысячи, а съ Клязёмской бѣлки по 2 деньги съ тысячи; съ сорока соболей берутъ по тому жъ разсчету, какъ и съ бѣлки Шувайской: съ куницы съ сорока по деньгѣ; съ десяти бобровъ берутъ по тому жъ разсчету, какъ съ 1000 бѣлки Шувайской; съ постава сукна Ипскаго или Лунскаго по три деньги; а съ Новогонскаго и Трекунскаго по деньгѣ, съ меду съ кади отъ 7 до 10 пудовъ по деньгѣ, будетъ кадь меньше семи пудъ и они берутъ по разсчету; кто купитъ перцу больше рубля или меньше, берутъ по тому жъ разсчету; съ бочки сельдей по деньгѣ, съ лукна икры по деньгѣ, съ бочки сливъ по полуденьгѣ, съ круга воску по 4 деньги, съ стопы бумаги по полуденьгѣ. Кто пріѣдетъ на Бѣлоозеро съ мясомъ или съ какимъ-нибудь товаромъ, а на гостиномъ дворѣ не станетъ, станетъ у когонибудь и дворники уличатъ его предъ намѣстникомъ, что сталъ не на гостиномъ дворѣ, у нихъ не просясь, то намѣстникъ, обыскавъ, беретъ на себя заповѣди полполтины на томъ, у кого во дворѣ тотъ купецъ сталъ, а съ купца взять дворникамъ полполтины же, на немъ же намѣстничью приставу взять хоженаго четыре деньги. Кто привезетъ товару цѣною меньше двухъ рублей, станетъ прямо на торгу и почуетъ тутъ, съ того дворникамъ не брать ничего; кто привезетъ товару больше (кажется должно читать меньше), чѣмъ на два рубля, и станетъ на чьемъ нибудь дворѣ, а не на гостиномъ, то дворникамъ брать у него поворотное смотря по товару, съ амбарнаго брать на недѣлю по четыре деньги. Кто не поѣдетъ съ возами на гостиный дворъ стоять, а товару будетъ у него больше двухъ рублей, то дворники ставятъ его на гостиномъ дворѣ; если же не послушаетъ дворниковъ, не поѣдетъ къ нимъ, то дворники ставятъ его у себя за намѣстничьимъ приставомъ, который беретъ хоженаго по четыре деньги.

Въ таможенной грамотѣ, данной въ 1563 году въ принадлежавшее Симонову монастырю село Весьегонское, въ городецкомъ

стану Бѣжецкаго Верха, съ иногородныхъ купцовъ, московскихъ, тверскихъ, новгородскихъ и псковскихъ велѣно брать тамги съ рубля по четыре деньги; съ людей своего уѣзда—съ рубля по полторы деньги, если торговые люди пріѣдутъ рѣкою Мологою въ судахъ, то съ товару тамга берется съ нихъ по таможенной грамотѣ, а съ судна брать съ полублепнаго и неполублепнаго, съ набои, прикольнаго и поводцоваго—по алтыну, а со струга по три деньги. Если же пріѣдетъ въ село Весь Рязанецъ или Казанецъ, или какой-нибудь другой иноземецъ, то у нихъ брать съ рубля по семи денегъ. Тамга и всѣ таможенныя пошлины (то-есть пятно, помѣрное и проч.) въ селѣ Веси отдавались на откупъ Бѣжичанамъ, Городецкимъ посадскимъ людямъ и сельскимъ крестьянамъ; но въ 1563 году Симоновъ монастырь, жалуясь, что отъ этого его людямъ и крестьянамъ чинятся обиды и продажи великія, выпросилъ откупъ себѣ, обязавшись платить ежегодно по 38 рублей, въ прокъ, безъ наддачи.

Въ 1571 году дана была таможенная новгородская грамота о сборѣ пошлинъ на торговой сторонѣ, въ государевой опричнинѣ. И здѣсь, какъ въ предыдущихъ грамотахъ, начиная съ грамоты новгородскаго князя Всеволода церкви Св. Іоанна на Опокахъ, Новгородцу дается преимущество предъ пригородскими людьми новгородской земли и сельскими людьми, также предъ жителями другихъ областей: Новгородецъ платилъ тамги съ рубля московскаго по полторы московки, остальные всѣ по четыре московки; но если пріѣдутъ Новгородцы съ Софійской стороны съ товаромъ въ государеву опричину, на торговую сторону, то платятъ пошлины наравнѣ съ пригородскими и волостными людьми новгородской земли. Новгородскіе мясники не смѣли покупать коровъ на дорогахъ у п у т н и к о в ъ (погонщиковъ), путники должны были гнать коровъ на продажу въ Новгородъ, или же къ Ивану Святому на Опокѣ; кто же за городомъ или на дорогѣ купитъ коровъ, на томъ заповѣди—половина на купцѣ и половина на продавцѣ. При вывозѣ товаровъ изъ Новгорода новгородскими городецкими людьми, по взятіи тамги, таможенники давали у з о л к и за своею печатью. Мы видѣли, что Новгородскій князь Всеволодъ Мстиславичъ далъ церкви Св. Іоанна на Опокахъ вѣсъ вощаной. Въ описываемое время по прежнему вѣсили товаръ у Ивана Св.; но пошлины, какъ видно, шли прямо въ казну царскую; въ гра-

мотѣ Іоанна IV-го читаемъ: воскъ, медъ, олово, свинецъ, квасцы, ладонъ, темьянъ вѣсить по старинѣ, на крюкъ, у Ивана Св. подъ церковью, па Петрятинѣ дворищѣ, а таможникамъ въ это не вступаться. Далѣе грамота говоритъ: безъ вѣсу меду, икры и соли не продавать; а кто продастъ или купитъ какой-нибудь вѣсный товаръ безъ вѣсу на рубль или больше рубля, то на нихъ заповѣди рубль новгородскій, половина на купцѣ, а другая на продавцѣ; если покупка меньше рубля, то заповѣди брать столько же, на сколько продано товару; если же меньше пяти алтынъ, то пудовщики вѣсчаго и заповѣди не берутъ. Пуда у себя никто не смѣетъ держать, а кого въ томъ уличатъ, тотъ платитъ заповѣди два рубля. Брать тамгу, пудъ и всѣ пошлины съ товаровъ царскихъ, митрополичьихъ, владычнихъ, намѣстничьихъ, боярскихъ, съ сельчанъ царскихъ, митрополичьихъ, владычнихъ, монастырскихъ, боярскихъ, съ грамотчиковъ и со всѣхъ безъ исключенія. Если купцы иноземные привезутъ бархаты, камки, всякое узорочье, лошадей, то эти товары не прежде пускать въ продажу, какъ послѣ выбора изъ нихъ пригодныхъ государю. Таможники должны беречь накрѣпко, чтобъ всякіе торговые люди и иноземцы не вывозили изъ Новгорода въ Литву и къ Нѣмцамъ денегъ, серебра и золота, сосудовъ, пуговицъ, серебряныхъ и золотыхъ, въ сундукахъ, коробьяхъ и ящикахъ. Таможники же должны были брать поплашную пошлину по берегамъ рѣки Волхова, съ судовъ и плотовъ, съ плавнаго вѣсу. Тамга и всѣ таможенныя пошлины собирались гостями и купцами московскими и новгородскими на вѣру, въ которомъ году кого въ головы поставятъ и цѣловальниковъ выберутъ намѣстники новгородскіе и дьякъ. Въ 1577 году дана была грамота цѣловальникамъ на торговой сторонѣ, какъ имъ брать пошлину съ дворовъ гостиныхъ и лавокъ: брать у гостей за одинъ амбаръ на недѣлю, если гостей много, по три деньги, если мало, то по двѣ, а иногда и по одной; за избу особый наемъ. Поворотная пошлина въ Новгородѣ дворниками не бралась; цѣловальники должны были жить на гостиныхъ дворахъ, но женъ не могли на нихъ держать. Тамга и вѣсчая пошлина у Ивана Св. на Опокахъ отдавались на откупъ; въ 1556 году откупщики вѣсчей пошлины отказались, потому что воскъ и сало перестали идти къ Нѣмцамъ и они не могли набрать откупной суммы, за что стояли на правежѣ; тогда царь велѣлъ дьякамъ выбрать людей

(не определено какихъ) и поручить имъ сборъ вѣсчей пошлины съ тѣмъ, чтобъ они собрали въ годъ ту же самую сумму, какую прежде платили откупщики, именно 233 рубля 13 алтынъ, а если соберутъ больше, то царь ихъ пожалуетъ; что же будетъ съ ними, если соберутъ меньше—не сказано.

Въ таможенной орѣшковской грамотѣ перечисляются пошлины: тамга, пудъ, полавочное, поземь, носовое съ судовъ (съ носа на суднѣ), явка, помѣръ, оброкъ съ домницъ и съ горновъ, въ которыхъ дмутъ желѣзо, и съ кузницъ. Мы видѣли въ таможенной Новгородской грамотѣ приказъ брать пошлины со всѣхъ товаровъ, чьи бы они ни были; то же стремленіе къ уничтоженію льготъ относительно взиманія торговыхъ пошлинъ видимъ въ царской грамотѣ дмитровскимъ таможнымъ откупщикамъ 1549 г. Эти откупщики били челомъ, что пріѣзжаютъ въ Дмитровъ и на Кимру и въ село Рогачево изъ царскихъ подклѣтныхъ селъ, изъ Переяславля, изъ царицыной Мироносицкой слободы, митрополичьи, владычни, княжіе, боярскіе, монастырскіе и другіе крестьяне, смоленскіе своеземцы, паны московскіе, бараши, огородники, торгуютъ всякимъ товаромъ, а пошлины не платятъ, говорятъ, что у нихъ царскія грамоты жалованныя, тарханныя, освобождающія ихъ отъ платежа таможенныхъ пошлинъ. Царь отвѣчалъ: я нынѣ всѣ свои жалованныя грамоты тарханныя въ таможенныхъ и помѣрныхъ пошлинахъ уничтожилъ, кромѣ монастырскихъ: Троицкаго Сергіева монастыря, Соловецкаго, Новодѣвичьяго и Кириллова, да Воробьевской слободы.—Наконецъ мы должны упомянуть о новой мѣрѣ (осминѣ), введенной въ 1550 году; какъ она вводилась, видно изъ царской грамоты на Двину, старостамъ, сотскимъ, цѣловальникамъ, лучшимъ, среднимъ и младшимъ сельскимъ людямъ: „Послалъ я къ вамъ на Двину мѣру мѣдную, новую: и когда къ вамъ эту новую мѣдную мѣру привезутъ, то вы всѣ земскіе люди сдѣлайте съ нея передъ собою списки новые деревянные, и велите, передъ собою, на всѣхъ этихъ деревянныхъ спускахъ положить по пятну, и отдайте ихъ помѣрщикамъ, чтобъ они давали мѣрить ими всѣмъ людямъ всякое жито; а мѣрили бы купцы и продавцы и всякіе люди въ тѣ новыя мѣры ровно, безъ верху. Того берегите накрѣпко и въ торгу велите не по одно утро кликать, чтобъ всѣ люди жито мѣрили новыми мѣрами; а кого уличатъ, что онъ мѣрилъ въ старую мѣру, съ того возмите заповѣди два рубля; уличатъ его въ другой разъ,

возмите четыре рубля; уличать въ третій разъ, возмите съ него втрое, да киньте его въ тюрьму до нашего указа; а заповѣдныя деньги пришлите въ Москву.“

Въ Литвѣ мѣста королевскія платили: съ волока земли перваго разряда цыншу 50 грошей, средняго—40, низшаго—30, и съ всякой толоки (нови) по 12 грошей; съ домовъ—на рынкѣ съ прута по 7 пѣнязей, а въ улицахъ отъ прута по 5 пѣнязей, съ огорода по 2, съ гуменныхъ мѣстъ на предмѣстьѣ отъ прута 1 пѣнязь, а отъ морга 3 гроша; копщизна: отъ меду копа грошей, отъ пива копа грошей, отъ горѣлки 30 грошей. Съ мясниковъ ежегодно бралось въ казну за камень (32 фунта) сала по 15 грошей, а уряду въ торговый день платилось особо деньгами отъ каждой скотины за лопатку. Пришлые въ городѣ люди (коморники) платятъ ежегодно по 2 гроша въ казну. Съ волоки сельской доброй земли крестьяне платили въ королевскихъ имѣніяхъ цыншу—21 грошъ, средней 12, дурной 8, самой дурной (песчаной или болотистой) 6, овса съ хорошей и посредственной волоки по двѣ бочки, съ худой одна бочка, или 5 грошей за бочку, да за отвозъ каждой бочки пять грошей; потомъ съ каждой волоки по возу сѣна или по три гроша, за отвозъ 2 гроша; съ волоки очень дурной земли сѣна и овса не давалось; кромѣ того былъ поборъ гусями, курами, яицами. Волока равнялась 19 русскимъ десятинамъ; грошъ литовскій равнялся пяти копѣйкамъ серебромъ.

Еще въ малолѣтство Грознаго, во время боярскаго правленія, мы видѣли новое важное явленіе въ жизни городскаго и сельскаго народонаселенія: послѣ намѣстниковъ, волостелей и тіуновъ ихъ является новая власть, инаго происхожденія: жители городскіе и сельскіе получаютъ отъ правительства позволеніе сами, независимо отъ намѣстниковъ и волостелей, ловить, судить и казнить воровъ и разбойниковъ, для чего должны ставить себѣ въ головахъ дѣтей боярскихъ, человѣка три или четыре въ волости, присоединяя къ нимъ старостъ, десятскихъ и лучшихъ людей: эти выборные старшины называются иногда прикащиками, иногда выборными головами, губными старостами, иногда жители города должны были поставлять между собою десятскихъ, пятидесятскихъ и сотскихъ для наблюденія за лихими людьми; замѣтивши подозрительнаго человѣка, должно было приводить его къ городовому прикащику и съ нимъ вмѣстѣ обыскивать; при пыткѣ должны были присутствовать

также дворскій, цѣловальники и лучшіе люди. Отношенія намѣстниковъ, волостелей и тіуновъ ихъ къ губнымъ старостамъ опредѣляются такъ; „Поймаютъ татя въ первой татьбѣ, то доправить на немъ истцевы иски, а въ продажѣ онъ намѣстнику, и волостелямъ, и ихъ тіунамъ; какъ скоро намѣстники, волостели и ихъ тіуны продажу свою на татѣ возмутъ, то вы, старосты губные, велите его бить кнутомъ и потомъ выбить изъ земли вонъ.“

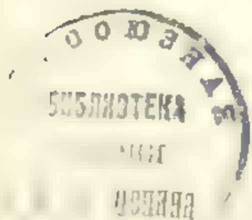
Псковскій лѣтописецъ смотрятъ на губныя грамоты, какъ на направленныя противъ намѣстниковъ, вызванныя злоупотребленіями послѣднихъ: въ губныхъ грамотахъ, дошедшихъ до насъ отъ времени малолѣтства Іоанна IV-го, еще нѣтъ жалобъ на намѣстниковъ: „Мы къ вамъ посылали обыщиковъ своихъ; но вы жалуетесь, что отъ нашихъ обыщиковъ и недѣльщиковъ большіе вамъ убытки; и вы съ нашими обыщиками лихихъ людей разбойниковъ не ловите, потому что вамъ волокита большая.“ Изъ дошедшихъ до насъ грамотъ жалоба на намѣстниковъ и тіуновъ ихъ встрѣчается впервые въ 1552 году, въ просьбѣ Важанъ: „Важане, Шенкурцы и Вельскаго стана посадскіе люди и всего важскаго уѣзда тановые и волостные крестьяне били челомъ и сказывали, что у нихъ на посадахъ многіе дворы, а въ станахъ и волостяхъ многія деревни запустѣли отъ прежнихъ важскихъ намѣстниковъ, отъ ихъ тіуновъ, доводчиковъ, обыскныхъ грамотъ, отъ лихихъ людей, татей, разбойниковъ, костарей; что важскаго намѣстника и пошлинныхъ людей впредь прокормить имъ нельзя; и отъ того у нихъ въ станахъ и волостяхъ многія деревни запустѣли; крестьяне у нихъ отъ того насильства, продажъ, татебъ съ посадовъ разошлись по инымъ городамъ, а изъ становъ и волостей крестьяне разошлись въ монастыри безсрочно и безъ отказу, а иные разбрелись безвѣстно койкуда; на оставшихся посадскихъ людяхъ и крестьянахъ намѣстники и тіуны ихъ берутъ свой кормъ, а праветчики и доводчики свой поборъ сполна, и посадскимъ людямъ и крестьянамъ впередъ отъ намѣстниковъ и отъ ихъ пошлинныхъ людей, отъ продажъ, всякихъ податей тянуть сполна нельзя. И государь бы пожаловалъ, намѣстника и тіуновъ отставилъ, и велѣлъ бы управу чинить во всякихъ земскихъ дѣлахъ по судебнику выборнымъ лучшимъ людямъ, кого они, всѣ Важане и Шенкурцы, посадскіе люди и крестьяне, излюбили. Пошлинъ излюбленнымъ головамъ со всякихъ управныхъ дѣлъ и разбойныхъ не брать; а за всѣ намѣстничьи и тіун-

скія пошлины, за всѣ поборы и доходы, кромѣ государевыхъ оброковъ, велѣть на нихъ положить оброкъ деньгами 1500 рублей ежегодно. — Царь исполнилъ просьбу, велѣлъ быть у нихъ излюбленнымъ головамъ; оброкъ 1500 рублей разводить посадскимъ людямъ, лучшимъ, среднимъ и молодымъ, самимъ между собою, по животамъ и промысламъ, а крестьянамъ, лучшимъ, среднимъ и молодымъ, разводить по пашнямъ, животамъ и сохамъ. Оброкъ привозятъ въ Москву излюбленные головы, перемѣняясь по половинамъ, а съ ними лучшіе люди, не дожидаясь пристава; пріѣхавъ въ Москву съ оброкомъ, посуловъ и поминковъ не даютъ они никому ничего; если же не привезутъ оброка въ срокъ, то царь посылаетъ за ними приставовъ, и доправливаетъ оброки вдвое съ ѣздомъ. Они должны прибрать также земскихъ дьяковъ, кто бъ имъ въ земскіе дьяки любъ былъ; дьяки эти должны писать всякія дѣла излюбленныхъ головъ.—Эта жалованная грамота называется откупною, ибо 1500 рублей, вносимыя ежегодно, называются намѣстничьимъ откупомъ.

Въ уставной грамотѣ крестьянамъ Устюжскихъ волостей 1555 года говорится уже о безпрестанныхъ жалобахъ городскаго и сельскаго народонаселенія на намѣстниковъ и волостелей, равно какъ о жалобахъ намѣстниковъ и волостелей на горожанъ и сельчанъ, и о замѣненіи намѣстниковъ и волостелей излюбленными старостами говорится какъ объ общей мѣрѣ, въ слѣдствіе этихъ жалобъ предпринятой: „Прежде, говоритъ царь, мы жаловали бояръ своихъ, князей и дѣтей боярскихъ, давали города и волости имъ въ кормленья; и намъ отъ крестьянъ челобитья великія и докука безпрестанная, что намѣстники наши и волостели, праветчики и ихъ пошлинные люди, сверхъ нашего указнаго жалованья, чинятъ имъ продажи и убытки великіе; а отъ намѣстниковъ, волостелей, праветчиковъ и ихъ пошлинныхъ людей намъ докуки и челобитья многія, что посадскіе и волостные люди имъ подъ судъ и на поруки не даются, кормовъ имъ не платятъ и ихъ бьютъ: отъ того между ними поклепы и тяжбы великія; отъ того на посадахъ многіе крестьянскіе дворы, въ уѣздахъ деревни и дворы позапустѣли, и наши дани и оброки сходятся не сполна. И мы, жалуя крестьянство, для тѣхъ великихъ продажъ и убытковъ, намѣстниковъ, волостелей и праветчиковъ отъ городовъ и волостей отставили; а за доходы ихъ, пошлины и присудъ велѣли посадскихъ и волостныхъ крестьянъ

пооброчить деньгами; и велѣли во всѣхъ городахъ, станахъ и волостяхъ постановить старостъ излюбленныхъ, которымъ между крестьянами управу чинить, намѣстничьи, волостелины и праветчиковы доходы сбирать и къ намъ на срокъ привозить, которыхъ себѣ крестьяне между собою излюбятъ и выберутъ всю землю, отъ которыхъ бы имъ продажъ и убытковъ и обиды не было, которые умѣли бы ихъ разсудить въ правду безпосульно и безволокитно, и за намѣстничій доходъ оброкъ собрать умѣли бы и къ нашей казнѣ на срокъ привозили бы безъ недобору.“ — Въ слѣдующемъ 1556 году дано было право Двинянамъ вмѣсто намѣстниковъ выбрать излюбленныхъ головъ, которые тутъ же называются выборными судьями. Эти выборные судьи на Колмогорахъ на посадѣ, въ станахъ и волостяхъ должны были выбрать сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, которые были бы добры и прямы и всѣмъ крестьянамъ любы, и велѣть имъ беречь накрѣпко, чтобъ лихихъ людей не было.

Несмотря на то, что замѣненіе намѣстниковъ и волостелей выборными отъ горожанъ и сельчанъ волостями представлено въ одной изъ приведенныхъ грамотъ какъ общая мѣра, мы видимъ, что не во всѣхъ волостяхъ произошло это измѣненіе. Чтобъ объяснить себѣ явленіе, мы должны припомнить, что грамоты, которыми волостямъ давалось право управляться своими выборными властями, назывались откупными; волость извѣстною суммою, вносимою въ казну, откупалась отъ намѣстниковъ и волостелей; правительство давало ей право откупаться вслѣдствіе ея просьбы; если же она не била челомъ, считала для себя невыгоднымъ новый порядокъ вещей, то оставалась при старомъ. Почему волость не рѣшалась на перемѣну?—на это могли быть разныя причины. Мы знаемъ, какъ вездѣ, при неразвитости гражданскихъ понятій, кажется тяжкимъ исполненіе общественныхъ обязанностей, какъ стараются избѣгать общественныхъ должностей, общественныхъ порученій, какъ трудно найти людей, которые бы взялись исполнять ихъ и надлежащимъ образомъ исполняли. Волость избирала людей, которые не только должны были посвятить свое время управленію и суду, но также обязаны были отвозить откупную сумму въ Москву, спѣшить изъ далекихъ мѣстъ къ сроку, а въ противномъ случаѣ подвергались взысканію. Нѣтъ ничего удивительнаго, если нѣкоторыя волости не могли удовлетворить новымъ требованіямъ

и предпочли оставаться при старомъ. Въ 1577 году мы встрѣчаемъ пожалованіе намѣстничества въ кормленіе, дана была грамота князю Морткину на городъ Корачевъ въ кормленіе, со всѣмъ потому, какъ было за прежними намѣстниками: „И вы, всѣ люди того города, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ и судитъ и ходитъ у васъ во всемъ по доходному списку, какъ было при прежнихъ намѣстникахъ.“ Мы видѣли въ Перми намѣстника въ 1581 году, видѣли однако подозрительность, какую обнаружилъ царь относительно его: „людей сбирали бы Пермскіе и Усольскіе люди сами между собою, чтобъ имъ при сборѣ отъ тебя убытка не было.“ Кромѣ кормленія для содержанія намѣстника назначались еще деревни. Въ пограничныхъ, важныхъ по своему военному положенію городахъ видимъ воеводъ. Въ 1555 году князь Дмитрій Палецкій въ Новгородѣ называется и воеводою и намѣстникомъ; потомъ, какъ видно, въ Новгородѣ былъ воевода при намѣстникѣ и считался выше послѣдняго; но въ наказѣ архіепископу Казанскому Гурію видимъ, что намѣстникъ считался честнѣе воеводъ. Въ 1581 году Свіяжскій воевода Сабуровъ былъ переведенъ воеводою же въ Казань, причемъ послана была къ нему такая грамота: Мы велѣли быть на нашей службѣ въ Свіяжскѣ на твое мѣсто воеводѣ князю Петру Буйносову-Ростовскому, а тебѣ велѣли быть въ воеводахъ въ Казани съ княземъ Григоріемъ Булгаковымъ съ товарищи да съ дьякомъ Михайлою Битяговскимъ, вмѣстѣ заодно. И ты бы сдалъ городъ князю Ростовскому, сдай, переписавши нарядъ, пушки и пищали, въ казнѣ зелье и свинецъ и всякій пушечный запасъ, наши прежніе наказы и присыльныя грамоты и всякія наши дѣла. Пріѣхавши въ Казань, былъ бы ты на нашей службѣ въ острогѣ, по прежнему, и списки дѣтей боярскихъ, своихъ полчанъ, которые были прежде у тебя въ полку, взялъ бы у воеводы князя Булгакова, и былъ бы на нашей службѣ въ Казани въ городѣ и въ острогѣ, и дѣтей боярскихъ своихъ полчанъ вѣдалъ, и всякими нашими дѣлами промышлялъ; а съ воеводою княземъ Булгаковымъ съ товарищи и съ дьякомъ Битяговскимъ былъ бы безъ мѣстъ, а розни у васъ не было бы ни въ чемъ.

Въ этомъ наказѣ замѣчательны слова, что воевода Сабуровъ долженъ быть вмѣстѣ заодно съ воеводою княземъ Булгаковымъ и съ дьякомъ Битяговскимъ, чтобъ былъ безъ мѣстъ съ воеводою княземъ Булгаковымъ и дьякомъ Битяговскимъ. Мы видѣли, что

значеніе дьяковъ при дворѣ и въ областномъ управленіи очень усилилось еще при отцѣ Грознаго, и мы видѣли причины, по которымъ оно не могло ослабѣть при самомъ Грозномъ. Курбскій говоритъ, что Іоаннъ вполнѣ довѣрялъ дьякамъ своимъ, которыхъ избиралъ изъ поповичей или изъ простаго всенародства, и поступалъ такъ, ненавидя вельможъ своихъ; другой отъѣзжикъ, Тетеринъ, писалъ къ Морозову: „Есть у великаго князя новые довѣренные люди (вѣрники)—дьяки, которые его половиною кормятъ, а большую себѣ берутъ, которыхъ отцы вашимъ отцамъ въ холопство не годились, а теперь не только землею владѣютъ, но и головами вашими торгуютъ." Псковскій лѣтописецъ не перестаетъ указывать на важное значеніе дьяка въ городовомъ управленіи; такъ, подъ 1534 годомъ, онъ говоритъ: дьяка Колтырю Ракова свелъ князь великій на Москву, и была Псковичамъ радость, потому что онъ многія пошлины во Псковѣ уставилъ. Объ отношеніи дьяковъ къ воеводамъ говорится въ царской грамотѣ 1555 года къ новгородскимъ дьякамъ Еремѣеву и Дубровскому: „Велѣли мы боярамъ своимъ и воеводамъ, князю Петру Михайловичу Щепятеву и князю Дмитрію Ѳедоровичу Палецкому быть для нашего дѣла въ Великомъ Новгородѣ. И которыя наши дѣла у бояръ нашихъ будутъ, и вы бы тѣ дѣла дѣлали и въ нашихъ дѣлахъ ихъ слушали." Но тутъ же видимъ, что при всѣхъ внутреннихъ распоряженіяхъ царь обращается прямо къ дьякамъ; а при внѣшнихъ сношеніяхъ, напримѣръ при допущеніи дерптскихъ Нѣмцевъ торговать въ Новгородѣ и Псковѣ, царь обращается къ намѣстнику князю Палецкому и дьякамъ Еремѣеву и Дубровскому; къ намѣстнику обращается также въ дѣлахъ судныхъ и при распоряженіяхъ относительно войска. Въ концѣ 1555 года, когда намѣстникъ новгородскій, князь Дмитрій Палецкій отправился въ походъ противъ Шведовъ, царское жалованье, Новгородъ, отказалъ и людей своихъ свелъ, царь велѣлъ дьякамъ Еремѣеву и Дубровскому выбрать тіуна и приказать ему судить всякія намѣстничьи дѣла, также выбрать недѣльщиковъ; потомъ царь писалъ къ нимъ: „теперь мы послали въ Великій Новгородъ Ивана Ивановича Жулебина, велѣли ему, да вамъ, дьякамъ нашимъ, дѣла наши земскія дѣлать, которыя дѣлали прежніе намѣстники. Которыхъ дѣлъ тіунамъ нельзя будетъ рѣшить, тѣ рѣшайте вы съ Иваномъ; а которыхъ и вамъ нельзя будетъ рѣшить, тѣ пересылайте къ намъ." Жулебинъ не носилъ ни-

какого особеннаго названія; во всѣхъ грамотахъ царь продолжаетъ попрежнему обращаться къ однимъ дьякамъ; къ Жулебину обращается онъ только разъ, когда дѣло шло о внѣшнихъ сношеніяхъ, именно о пересылкѣ грамоты къ шведскому королю; эта грамота пересылалась отъ имени новгородскаго намѣстника, князя Глинскаго; но изъ словъ грамоты можно заключить, что Глинскій въ это время еще не пріѣзжалъ въ Новгородъ.

Встрѣчаются названія городничихъ, городовыхъ прикащиковъ и городчиковъ. Въ губной грамотѣ Галичанамъ говорится, чтобъ выборные сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе провозили лихихъ людей къ городовымъ прикащикамъ и вмѣстѣ съ ними обыскивали ихъ. Изъ другихъ грамотъ видно также, что они вѣдали дѣла земскія, полицейскія и финансовыя. Въ городовые прикащики, или, какъ выражались, на городовой приказъ выбирали всею землею изъ дѣтей боярскихъ; на содержаніе ихъ выдавалось по пяти вытей въ помѣстье. Подлѣ городовыхъ прикащиковъ упоминаются также рѣшеточные прикащики, выбиравшіеся также изъ дѣтей боярскихъ и получавшіе по пятя обжей въ помѣстье; мы видѣли, что еще при великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ дьяки въ Новгородѣ велѣли поставить рѣшетки по всему городу и сторожей у рѣшетокъ для прекращенія грабежей и убійствъ; это извѣстіе объясняетъ намъ должность рѣшеточныхъ прикащиковъ; въ одной изъ грамотъ царя Іоанна къ новгородскимъ дьякамъ читаемъ: „вы бъ еще прислали изъ городчиковъ или изъ рѣшеточныхъ прикащиковъ, которые получше, да подъячихъ добрыхъ, и велѣли имъ по станамъ припасать кормъ конскій и людской для ратныхъ людей.“ Въ Новгородѣ видимъ попрежнему старостъ по концамъ и улицамъ; когда въ 1548 году царь пожаловалъ, отставилъ въ Новгородѣ корчмы и питье кабацкое, то давали по концамъ и по улицамъ старостамъ, на 30 человѣкъ, двѣ бочки пива, да шесть ведеръ меду, да вина горькаго полтора ведра. Въ 1555 году царь писалъ новгородскимъ дьякамъ: „Учиненъ былъ въ Великомъ Новгородѣ въ старостахъ Иванъ Борзуновъ; жалованья нашего онъ получалъ по 50 рублей на годъ, да ему же дано помѣстье для старощенья. Теперь я этого Ивана Борзунова отъ старощенья велѣлъ отставить: и вы бъ ему въ судѣ у нашихъ намѣстниковъ и дворецкаго быть не велѣли, нашего жалованья ему не давали и помѣстье отписали на меня до тѣхъ поръ, пока выберемъ на его мѣсто другаго старосту.“

Этотъ Борзуновъ былъ староста большой, обязанностію котораго, между прочимъ, было ѣздить на посады, вынимать корчемное питье и питуховъ брать; съ нимъ вмѣстѣ ѣздили: подъячій, уличный староста и посадскіе люди; безчестья большому старостѣ платилось 50 рублей.

Относительно городскаго народонаселенія встрѣчаемъ различіе между людьми, имѣющими свои дворы, и людьми, которые не имѣютъ своихъ дворовъ, живутъ при своедворцахъ и носятъ названіе сосѣдей; такъ напримѣръ въ поручной записи, данной нѣкоторыми Новгородцами по недѣльщикѣ въ 1568 году говорится: я, Потапъ Ѳоминъ сынъ, скотникъ съ Варецкой улицы, живу своимъ дворомъ, да я, Матвѣй Григорьевъ сынъ шелковникъ, живу своимъ дворомъ, да я, Иванъ Ивановъ сынъ Воронковъ, Деменскій купчина съ Павловой улицы, живу у Мити, у Деменскаго же купчины, въ сусѣдѣхъ и т. д. Въ Новгородѣ встрѣчаемъ названіе гостей веденыхъ; изъ Новгорода, равно какъ изъ Пскова, продолжали выводить горожанъ въ Москву и другіе низовые города: такъ въ 1555 году свели въ Казань опальныхъ Псковичей десять семействъ. Въ 1569 году взялъ царь въ Москву изъ Новгорода 150 семей, да изъ Пскова 500 семей. Въ 1572 году поѣхало изъ Новгорода въ Москву изъ земщины гостей веденыхъ сорокъ семействъ, да изъ опричнины шестьдесятъ семействъ. Отъ 1574 года дошло до насъ описаніе Мурома, которое представляетъ намъ этотъ городъ, то-есть посадъ его, въ незавидномъ положеніи. На посадѣ Муромскомъ находился въ это время царскій дворъ, въ которомъ хоромы, горницы, повалуши и сѣни сгнили и развалились, жилъ на немъ одинъ дворникъ; былъ еще другой дворъ царскій поледенный, ставились на немъ подключники и повара царскіе во время государевыхъ рыбныхъ ловель. На посадѣ же находился дворъ зелейный; купеческія лавки: рядъ мясной, рядъ рыбный, соляной, калачный; лавки раздѣлялись на лавки, полки, лубеники, мѣста лавочныя. Въ царскомъ гостиномъ дворѣ находилось 17 лавокъ—всѣ пустыя; кромѣ казеннаго гостинаго двора было два частныхъ; тяглыхъ черныхъ дворовъ 111, жителей въ нихъ 149 человѣкъ, да 107 дворовъ пустыхъ, да пустыхъ дворовыхъ мѣстъ 520, тогда какъ восемь лѣтъ тому назадъ было 587 дворовъ населенныхъ (въ живущемъ), и убыло черныхъ тяглыхъ дворовъ „изъ жива въ

пусто“ 476 дворовъ; лавокъ занятыхъ было 202, которыя платили оброку 32 рубля 15 алтынъ, а пустыхъ лавокъ 117.

Если правительство, для своихъ цѣлей, ставило новые города на западной и южной границахъ, то на востокѣ, куда попрежнему продолжало двигаться народонаселеніе, новые городки являлись сами собою. Мы видѣли, что богатые Строгановы собственными средствами построили нѣсколько городковъ; жители вятской области, Верхнеслободскаго городка, выводили сначала починки и деревни, которыя садились на лѣсу, потомъ этими деревнями и починками поставили себѣ городокъ на Шестаковѣ, на заемныя деньги, причемъ выпросили себѣ у царя льготную грамоту, по которой они могли платить свои долги въ продолженіе пяти лѣтъ въ истую уплату, безъ росту; Слободской намѣстникъ не сталъ было обращать вниманія на эту грамоту, заимодавцы начали править свои деньги на Шестаковцахъ, и послѣдніе обратились къ царю съ жалобою, въ которой между прочимъ писали: „которые людишки должные въ Шестаковскій городъ пришли на пусто, и теперь они отъ своихъ должниковъ (заимодавцевъ) разбѣжались и пашни свои пометали.“ Изъ этого видимъ, вопервыхъ, какого рода люди населяли новые отдаленные городки, и вовторыхъ, чѣмъ они занимались; должники бросились бѣжать отъ своихъ заимодавцевъ и пометали свои пашни. Какъ заводились слободы, видно изъ слѣдующаго извѣстія лѣтописи подъ 1572 годомъ: „Въ Новгородѣ кликали: которые люди кабальные, монастырскіе и всякіе, чей кто-нибудь, пусть идутъ въ государскую слободу на Холыню; государь даетъ по 5 рублей, по человѣку посмотря, а льготы на 5-ть лѣтъ.“

Города не измѣняли своего прежняго вида; попрежнему встрѣчаемъ извѣстія о мощеніи улицъ деревомъ; кучи деревянныхъ зданій, изъ которыхъ составлялись посады, попрежнему становились легкою добычею пламени. Мы упоминали о большомъ Московскомъ пожарѣ; въ Новгородѣ, въ 1541 году, выгорѣлъ весь Славенскій конецъ, сгорѣло 908 дворовъ и 22 человѣка. Въ 1554 году сгорѣло 1500 дворовъ: зажгли зажигальщики; но ко времени Іоанна IV-го относится начало строгихъ мѣръ, предписываемыхъ правительствомъ для избѣжанія частыхъ пожаровъ въ городахъ. Въ 1560 году царскіе дьяки велѣли Новгородцамъ ставить по дворамъ своимъ у дымницъ бочки и чаны съ водою, и чтобъ на каждой избѣ

были вѣники на шестахъ. Въ 1571 году по всему Новгороду запрещено было лѣтомъ избы топить; Новгородцы дѣлали печи въ огородахъ и по дворамъ и тамъ пекли хлѣбы и калачи.

Въ лѣтописяхъ находимъ извѣстія о печатяхъ для городовъ, именно для Дерпта и Новгорода Великаго; велѣлъ царь сдѣлать печать въ вотчину лифляндскую, въ городъ Юрьевъ, а на печати клеймо—орелъ двоеглавый, у орла у правой ноги гербъ, печать юрьевскаго бискупа, около же печати подпись: „царскаго величества боярина и намѣстника лифлянскіе земли печать"; и тою печатію велѣлъ грамоты перемирныя съ шведскимъ королемъ печатать и грамоты въ иныя государства. Государь велѣлъ сдѣлать печать новую въ Великій Новгородъ, намѣстникамъ печатать перемирныя грамоты съ шведскимъ королемъ, а на ней клейно мѣсто, а на мѣстѣ посохъ; а у мѣста на одной сторонѣ медвѣдь, а на другой рысь, а подъ мѣстомъ рыба, а около печати подпись: царскаго величества боярина и намѣстника печать. Изъ этихъ извѣстій ясно видно, что печати эти употреблялись для внѣшнихъ сношеній и, по всѣмъ вѣроятностямъ, были только въ Новгородѣ и Дерптѣ.

Новгородскій лѣтописецъ говоритъ намъ о слѣдующихъ событіяхъ въ своемъ городѣ: въ 1543 году присланъ былъ изъ Москвы въ Новгородъ Иванъ Дмитріевичъ Кривой, который устроилъ въ Новгородѣ 8 корчемныхъ дворовъ; но черезъ три года корчмы были отставлены. Въ 1549 году царь порушилъ въ Новгородѣ ряды, и грамоты рядовыя собралъ въ казну [33].

Мы видѣли, что и сельскіе жители вмѣстѣ съ городскими при Іоаннѣ IV-мъ начали получать откупныя грамоты, дававшія имъ право избирать изъ своей среды правителей и судей. Въ 1555 году крестьяне Устюжскаго уѣзда получили право выбрать излюбленныхъ старостъ или судей; послѣдніе должны были людей судить и управу чинить по Судебнику и уставной грамотѣ; но въ разбойныхъ дѣлахъ волостныхъ людей судятъ и управу чинятъ губные старосты. Излюбленные старосты вмѣстѣ со всѣми крестьянами, лучшими, средними и младшими людьми, выбираютъ цѣловальниковъ, кому у нихъ въ судѣ сидѣть и на разсылкѣ быть, дьяковъ земскихъ, кому судныя дѣла писать, выбираютъ также людей, которые должны заступать мѣсто доводчиковъ, кому у нихъ на поруки давать и на судѣ ставить; выбираются во всѣ эти должности волостные же люди. Въ уставной Двинской грамотѣ 1556 года из-

любленнымъ головамъ поручены также и разбойныя дѣла: „а на судахъ и въ обыскахъ и во всякихъ дѣлахъ у выборныхъ судей быть лучшимъ людямъ посадскимъ и волостнымъ, чтобъ у нихъ силъ и обидъ и продажъ безлѣпичныхъ не было бы.“ Въ 1554 году дана была уставная грамота двумъ дворцовымъ селамъ, Аѳанасьевскому и Васильевскому, по которой царскіе намѣстники, третчики и тіуны крестьянъ этихъ селъ не судили ни въ чемъ, кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ, судилъ ихъ посельскій, у котораго тѣ села и деревни въ приказѣ; а въ 1556 году царь пожаловалъ крестьянъ своихъ переяславскихъ подклѣтныхъ селъ, отъ ключниковъ и посельничьяго суда ихъ отставилъ, а велѣлъ быть у нихъ въ судьяхъ тѣхъ же селъ крестьянамъ, которыхъ они всѣ выбрали. Удѣльный князь Владиміръ Андреевичъ слѣдовалъ примѣру царя, давалъ крестьянамъ своихъ волостей право избирать изъ среды себя излюбленныхъ судей. Касательно содержанія этихъ выборныхъ лицъ знаемъ изъ царской грамоты въ Вышковскій станъ 1565 года, что выборный губной цѣловальникъ получалъ отъ выбравшихъ его крестьянъ подмоги по полтинѣ съ сохи.

Въ царскихъ грамотахъ встрѣчается обыкновенное раздѣленіе крестьянъ на лучшихъ, среднихъ и младшихъ; въ грамотахъ, писанныхъ самими крестьянами, встрѣчаемъ раздѣленіе на крестьянъ пахатныхъ, непахатныхъ и деревенскихъ; именемъ сельчанъ непашенныхъ въ одной грамотѣ называются мельникъ, портной мастеръ, сапожный мастеръ. Такимъ образомъ, если въ городахъ посадскіе люди занимались хлѣбопашествомъ, то съ другой стороны, въ селахъ видимъ сапожныхъ и портныхъ мастеровъ. Относительно крестьянскаго выхода въ новомъ Судебникѣ Іоанна IV-го повторено положеніе Судебника Іоанна III, что крестьяне отказываются изъ волости въ волость и изъ села въ село одинъ разъ въ году: за недѣлю до Юрьева дня осенняго и недѣлю спустя послѣ Юрьева дня; плата за пожилое увеличилась: по Судебнику Іоанна III, крестьянинъ платилъ въ поляхъ за дворъ рубль, а въ лѣсахъ полтину; по Судебнику Іоанна IV-го въ поляхъ платилъ рубль и два алтына, а въ лѣсахъ, гдѣ десять верстъ дохоромнаго (строеваго) лѣсу, полтину и два алтына. Кромѣ этого опредѣленія, что разумѣть подъ выраженіемъ: въ лѣсахъ, въ Судебникѣ Іоанна IV-го находимъ еще слѣдующія прибавки: Пожилое брать съ воротъ, а за повозъ брать съ двора по два алтына, кромѣ же того на крестьянинѣ пошлинъ нѣтъ.

Если останется у крестьянина хлѣбъ въ землѣ (то-есть если выйдетъ, посѣявъ хлѣбъ), то когда онъ этотъ хлѣбъ пожнетъ, платитъ съ него или со стоячаго два алтына; платитъ онъ царскую подать со ржи до тѣхъ поръ, пока была рожь его въ землѣ, а боярскаго ему дѣла, за кѣмъ жилъ, не дѣлать. Если крестьянинъ съ пашни продается кому-нибудь въ полные холопы, то выходитъ безсрочно и пожилаго съ него нѣтъ; а который его хлѣбъ останется въ землѣ, и онъ съ него платитъ царскую подать, а не захочетъ платить подати, то лишается своего землянаго хлѣба. Если поймаютъ крестьянина на полѣ въ разбоѣ или въ другомъ какомъ-нибудь лихомъ дѣлѣ и отдадутъ его за господина его, за кѣмъ живетъ или выручитъ его господинъ, и если этотъ крестьянинъ пойдетъ изъ-за него вонъ, то господинъ долженъ его выпустить, но на отказчикѣ взять поруку съ записью: если станутъ искать этого крестьянина въ какомъ-нибудь другомъ дѣлѣ, то онъ былъ бы на лицо. Встрѣчаются впрочемъ случаи, гдѣ позволялось выводить крестьянъ безсрочно: такъ напримѣръ Важане жаловались, что у нихъ въ станахъ и волостяхъ многія деревни запустѣли, крестьяне отъ насильства, продажъ и татебъ разошлись въ монастыри безрсочно и безъ отказу. Государь, жалуя имъ право выбрать излюбленныхъ головъ, между прочимъ говоритъ въ своей грамотѣ; въ пустыя имъ деревни и на пустоши и на старыя селища крестьянъ называть и старыхъ имъ своихъ тяглецовъ крестьянъ изъ-за монастырей выводить назадъ безсрочно и безпошлинно, и сажать ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревнѣ жилъ прежде.—Здѣсь безсрочный и безотказный выходъ условливаетъ безсрочный и безпошлинный поворотъ крестьянъ на прежнія жилища.

Понятно, что въ эти времена, когда государство было еще такъ юно, когда оно дѣлало еще только первыя попытки для ограниченія насилія сильныхъ, перезывъ крестьянъ, при которомъ сталкивались такіе важные интересы, не могъ обходиться безъ насилій. Помѣщики, пользуясь безпомощнымъ состояніемъ своихъ сосѣдей, вывозили у нихъ крестьянъ не въ срокъ, безъ отказа и безпошлинно. Крестьяне черныхъ становъ Пусторжевскихъ били челомъ, что дѣти боярскіе Ржевскіе, Псковскіе и Луцкіе выводятъ за себя въ крестьяне изъ Пусторжевскихъ черныхъ деревень не по сроку, во всѣ дни и безпошлинно; а когда изъ черныхъ деревень пріѣдутъ къ нимъ отказчики съ отказомъ въ срокъ отказывать изъ-за нихъ

крестьянъ въ черныя деревни, то дѣти боярскіе этихъ отказчиковъ бьютъ и въ желѣза куютъ, а крестьянъ изъ-за себя не выпускаютъ, но, поймавъ ихъ, мучатъ, грабятъ и въ желѣза куютъ, пожилое берутъ съ нихъ не по Судебнику, а рублей по пяти и по десяти, а потому вывести крестьянина отъ сына боярскаго въ черныя деревни никакъ нельзя. Эта жалоба на задержку крестьянъ и на взятіе съ нихъ лишняго за пожилое противъ Судебника не была единственною въ описываемое время. Иногда землевладѣлецъ, взявши съ отказывающагося крестьянина всѣ пошлины, грабилъ его, и когда тотъ шелъ жаловаться, землевладѣлецъ объявлялъ его своимъ бѣглымъ холопомъ и обвинялъ въ воровствѣ. Дѣти боярскіе пользовались своею силою противъ черныхъ деревень, не отпускали къ нимъ крестьянъ: приказчики и крестьяне царскихъ селъ позволяли себѣ насилія, явные разбои надъ монастырскими крестьянами: такъ приказчики и всѣ крестьяне села Хрепелева, принадлежавшаго Покровскому дѣвичью монастырю, били челомъ, что государевъ Дупиловскій приказчикъ прислалъ своихъ людей и крестьянъ, которые оступили село Хрепелево, бросились грабить монастырскіе дворы конюшенный и большой, старосту и крестьянъ начали бить на смерть, стрѣлять изъ луковъ и ручницъ, колоть рогатинами, сѣчь саблями и топорками, пограбили всего добра монастырскаго и крестьянскаго на 160 рублей. Иногда крестьянинъ, отживъ льготные годы, продолжалъ не платить никакихъ пошлинъ, не давался подъ судъ землевладѣльцу, и когда тотъ высылалъ его, не ѣхалъ; землевладѣлецъ обращался къ суду, который, найдя жалобу его справедливою, рѣшалъ, чтобъ крестьянинъ выѣхалъ непремѣнно въ мѣсячный срокъ, въ противномъ случаѣ приказывалъ выметать его вонъ немедленно.

До насъ дошли отъ описываемаго времени порядныя крестьянскіе грамоты съ землевладѣльцами, съ монастырями. Въ нихъ прежде всего говорится сколько земель занимаетъ крестьянинъ, потомъ перечисляется сколько крестьянинъ обязанъ давать оброку землевладѣльцу, причемъ оброкъ хлѣбомъ отдѣляется отъ денежной дани; кромѣ того крестьянинъ обязывался платить тіунскія, ключничьи и посельничьи пошлины, давать всякіе разрубы и ходить на монастырское дѣло, подобно всѣмъ другимъ крестьянамъ; иногда, если крестьянинъ приходилъ на новое или запустѣлое мѣсто, долженъ былъ распахать деревню, какъ тогда выражались, огораживать поля, чинить старые хоромы, строить новые, то получать отъ землевла-

дѣльца подмогу деньгами и льготу на нѣсколько лѣтъ не давать дани и не ходить на работу. Это выраженіе: распахивать деревню указываетъ намъ на первоначальное значеніе деревни и на отношеніе ея къ селу: слово деревня происходитъ отъ дерево и потому означаетъ мѣсто только недавно освобожденное отъ лѣса, расчищенное для пашни; этому представленію соотвѣтствуетъ уже извѣстное намъ западно-русское выраженіе: сырой корень, сѣсть на сыромъ корню. Если крестьянинъ не отживалъ льготныхъ лѣтъ и уходилъ, не исполнивши своихъ обязанностей, то долженъ былъ возвращать подмогу землевладѣльцу. Въ случаѣ неисправнаго платежа оброка правительство грозило крестьянамъ, жившимъ на черныхъ земляхъ: „ослушниковъ изъ волости высылать, и въ передъ имъ въ той волости не живать, а на ихъ мѣсто называть иныхъ жильцевъ.“ Устроить хозяйство на новомъ или запустѣломъ мѣстѣ называлось наставить соху. Иногда на одинъ участокъ земли садились двое крестьянъ, между которыми не видно родственной связи.

Относительно холопей въ новомъ Судебникѣ Іоанна IV-го встрѣчаемъ перемѣны противъ Судебника Іоанна III; перемѣны эти клонятся къ ограниченію числа случаевъ, въ которыхъ свободный человѣкъ становился холопомъ. Въ старомъ Судебникѣ говорится: „по тіунству и по ключу сельскому холопъ, съ докладомъ и безъ докладу;“ въ новомъ: „по тіунству безъ полной и безъ докладной не холопъ; а по сельскому ключу безъ докладной не холопъ.“ Далѣе, у полныхъ и докладныхъ холопей отнято право продавать своихъ свободныхъ сыновей, которые у нихъ родились до холопства; эти свободные сыновья могутъ продаваться сами кому хотятъ, тому ли же господину, у котораго отцы ихъ служатъ, или кому-нибудь другому. Монахи и монахини также лишены права продавать своихъ сыновей и дочерей. Отпускныя можно было давать только въ Москвѣ, Великомъ Новгородѣ и Псковѣ. Если вольный человѣкъ занималъ деньги и за ростъ давалъ на себя кабалу служить заимодавцу, то занимаемая имъ сумма не могла превышать пятнадцати рублей. Если на одного холопа объявятъ притязанія два хозяина, положатъ на одного холопа двѣ полныя или двѣ докладныя: то холопъ присуждается тому, чья полная или докладная будетъ старше, причемъ деньги, заплаченныя новымъ господиномъ пропали; кромѣ того послѣдній долженъ заплатить старому господину за убытки,

если холопъ ушелъ отъ него покравши; второй господинъ вѣдается съ своимъ знахаремъ (человѣкомъ, представившимъ ему холопа за вольнаго) самъ, и если станетъ бить челомъ на знахаря, то дать ему на него судъ. Если холопа рать пополонитъ и онъ выбѣжитъ изъ плѣна, то свободенъ, старому господину больше не холопъ, развѣ самъ захочетъ идти къ нему опять въ холопы. Если холопъ убѣжитъ съ господиномъ своимъ, или одинъ побѣжитъ въ чужую землю, а потомъ опять выйдетъ къ Москвѣ: то онъ старому господину холопъ, развѣ государь пожалуетъ ему вольную грамоту. Дѣтей боярскихъ служивыхъ и дѣтей ихъ, которые еще не служили, въ холопи не принимать никому кромѣ тѣхъ, которыхъ государь отъ службы отставитъ. Кто займетъ деньги въ ростъ тотъ не можетъ служить заимодавцу, живетъ самъ по себѣ и платитъ ростъ; если же заимодавецъ будетъ держать должника у себя и послѣднiй сбѣжитъ у него покравши, то заимодавецъ не имѣетъ права искать своей пропажи и по кабалѣ денегъ лишенъ. Если какiе-нибудь люди станутъ у кого-нибудь служить добровольно, безъ крѣпостей, и пойдутъ отъ нихъ прочь съ отказомъ или безъ отказу, и тѣ люди, у которыхъ они служили, станутъ на нихъ искать сносовъ (покражъ); то тѣмъ людямъ, у которыхъ они служили, суда на нихъ не давать, потому что служилъ онъ у него добровольно, и господинъ, не желая его отъ себя отпустить, ищетъ на него сносу; а что у него пропало, то онъ самъ у себя потерялъ, потому что добровольному человѣку вѣритъ и у себя его держитъ безъ крѣпости. Если кто станетъ искать людей своихъ въ холопи по полнымъ и по докладнымъ, или по холопѣ рабы, или по рабѣ холопа и сносу, а холопи передъ судьею станутъ отъ холопства оттягиваться, и если что-нибудь этихъ холопей съ суда выручитъ, и за порукою холопъ сбѣжитъ: тогда весь искъ и пошлины брать на поручникахъ, съ которыхъ за холопью голову за всякую взять по четыре рубли; и хотя еще господинъ не доказалъ холопства, холопа присудить въ бѣглые: онъ тѣмъ виноватъ, что сбѣжалъ; гдѣ господинъ его найдетъ, тутъ и беретъ себѣ безъ пристава, а деньги, что взялъ на поручникахъ, назадъ не отдаетъ. О наймитѣ определено: если наймитъ, не дослуживъ у господина сроку своего, пойдетъ прочь, то найму лишенъ. А который господинъ наймиту не захочетъ дать найму, и уличитъ его въ этомъ наймитъ, то съ господина доправить наемъ вдвое. Кромѣ названiя н а й м и т ъ для

означенія вольнонанимающагося работника, въ томъ же смыслѣ продолжаемъ встрѣчать названіе к о з а к ъ, преимущественно, когда дѣло идетъ о промышленности не земледѣльческой, напримѣръ въ жалованной грамотѣ Троицкому Сергіеву монастырю 1543 года говорится: „Кто у нихъ станетъ жить у Соли, у варницы и въ дворахъ, повара и водоливы и всякіе козаки: намѣстники наши и волостели и тіуны ихъ тѣхъ людей не судятъ; а которые козаки приходцы порядятся жить за монастыремъ, въ варницы, въ повара, водоливы, дрова рубить и возить и всякое дѣло дѣлать: такимъ являться къ нашимъ намѣстникамъ“ и проч. Докладныя грамоты на холопство имѣютъ такую форму: господинъ, поставя передъ намѣстникомъ человѣка, отдающагося ему въ холопство, говоритъ: вотъ, господинъ! это человѣкъ вольный царя и великаго князя, беретъ у меня столько-то денегъ и въ этихъ деньгахъ отдается мнѣ на ключъ въ мое село, а по ключу отдается мнѣ въ холопи. Намѣстникъ спрашиваетъ у отдающагося въ холопи, дѣйствительно ли это такъ? тотъ утверждаетъ показаніе господина. Потомъ прописываются имена тѣхъ, кто былъ на докладѣ (знахари), прописывается, есть ли у отдающагося въ холопи отецъ и мать, или нѣтъ, и что онъ другому никому не холопилъ.

Если при переходѣ крестьянъ были случаи, когда землевладѣльцы позволяли себѣ нарушеніе закона, перезывали не въ срокъ крестьянъ, задерживали ихъ у себя, брали лишнее за пожилое, то и въ отношеніи къ холопямъ видимъ подобное же нарушеніе закона, переманку къ себѣ чужихъ холопей; случалось, что бѣглый холопъ, отыскиваемый господиномъ, объявлялъ передъ судьею, что онъ бѣжалъ и съ покражею совершенно отъ другаго господина, по обѣщанію послѣдняго отстоять его отъ законнаго иска. До насъ не дошло случаевъ закабаленія вольныхъ людей безъ ихъ согласія: Судебникъ Іоанна IV опредѣляетъ за это смертную казнь.

Изъ инородцевъ одни платили ясакъ правительству, другіе прежнимъ своимъ природнымъ владѣльцамъ: такъ, въ 1580 году дана была жалованная грамота Кадомскому Ишею Мурзѣ на отцовскій ясакъ съ Талдемской Мордвы, что по рѣкѣ Мошкѣ; ясакъ состоялъ въ семи рубляхъ съ полтиною въ годъ; съ этого ясака Ишей Мурза обязанъ былъ служить государеву службу, кормить сестру и выдать ее замужъ [34].

Мы видѣли, что если жители городовъ, т.-е. посадовъ, занимались хлѣбопашествомъ, то жители сельскіе занимались разными ремеслами. Первоначальная промышленность въ царствованіе Іоанна IV распространилась вслѣдствіе пріобрѣтенія новыхъ странъ на востокѣ и населенія незанятыхъ еще тамъ дикихъ пространствъ; особенно распространилось рыболовство вслѣдствіе пріобрѣтенія низовьевъ Волги, гдѣ оно производилось въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Новоустроенный въ Астрахани Троицкій монастырь вмѣсто денежной и хлѣбной руги просилъ нѣсколько мѣстъ въ устьяхъ Волги, удобныхъ для рыболовства. Изъ старыхъ мѣстъ встрѣчаемъ извѣстіе о состояніи рыболовной волости въ Переяславскомъ посадѣ: здѣсь въ 1562 году было рыболовскихъ дворовъ 99 и въ нихъ столько же людей, одинъ средній и 98 младшихъ, пустыхъ дворовъ 21, пустыхъ мѣстъ 40. Ямскія деньги, за посошныхъ людей и за всякое городовое и засѣчное дѣло рыболовы переяславскіе взносили деньги въ Большой дворецъ; оброку давали они царю за щуки закорныя и за сельди четыре рубля двадцать алтынъ съ деньгою, кромѣ того давали на дворецъ неводъ сто саженъ, да двѣ матицы; ловили на царя сельди безурочно; на царя же ловили на п о л е д н о й ловлѣ двѣ ночи, на царицу ночь, на поледчика ночь, на стольника ночь, на двухъ намѣстниковъ по ночи. Ловили они во всемъ озерѣ Переяславскомъ и въ рѣкѣ Вексѣ запорнымъ неводомъ, сѣтями, бредниками, котцами съ весны, какъ вода пойдетъ; имъ дано было кругомъ озера Переяславскаго берегу суши отъ воды по десяти саженъ для пристанища, гдѣ имъ неводы и сѣти вѣшать,—Отъ описываемаго времени дошло до насъ любопытное извѣстіе, что дворцовые сокольники, занимаясь своимъ промысломъ на отдаленномъ сѣверѣ, были также населителями пустынныхъ пространствъ: такъ трое вологодскихъ оброчниковъ соколья пути, Блазновы, просили у царя въ 1548 году себѣ во владѣніе дикія мѣста, покрытыя лѣсомъ, мхами и болотами, гдѣ находятся кречатьи и сокольи сѣдьбища, отъ отбитаемыхъ мѣстъ версты за три и за четыре; царь далъ имъ просимыя земли, велѣлъ тамъ дворы ставить, лѣсъ на пашни разчищать, на мхахъ и болотахъ помыкать кречетовъ и соколовъ для царской охоты; кого перезовутъ къ себѣ не письменныхъ и не тяглыхъ людей, тѣ освобождаются отъ всякихъ пошлинъ на десять лѣтъ; по прошествіи

урочныхъ лѣтъ сокольники даютъ на царскую сокольню по три сокола, а не будетъ соколовъ перомъ, даютъ оброку полтора рубля.

Соляная промышленность распространилась вслѣдствіе занятія Строгановыми дикихъ прикамскихъ земель и вслѣдствіе пріобрѣтенія Астрахани, въ 30 миляхъ отъ которой находилась ископаемая соль; промышленники сами ломали ее, платя въ казну по копѣйкѣ съ пуда. Въ старыхъ областяхъ упоминаются въ 1543 году соляныя варницы въ уѣздѣ Стародуба сѣвернаго или Ряполовскаго, принадлежавшія Троицкому Сергіеву монастырю; названіе Новая Соль на Холую показываетъ, что варницы эти были заведены недавно. Для селитрянаго производства (ямчужнаго дѣла) посылался ямчужный мастеръ, который въ назначенномъ мѣстѣ строилъ амбаръ; окольные сельчане обязаны были высылать къ этому амбару землю, дрова, золу. Въ описываемое время селитра выдѣлывалась на Бѣлозерѣ; выдѣлка производилась отъ казны; но въ 1582 году Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь получилъ право поставить амбаръ и варить селитру всею кирилловскою вотчиною на соху по два пуда, всего 38 пудовъ; это количество селитры доброй, перепущенной, которая бы къ ручному зелью годилась, монастырь обязанъ былъ присылать въ Москву, въ Пушечный Приказъ. Мы видѣли также, что Григорію Строгонову позволено было въ Сольвычегодскѣ сварить 30 пудовъ селитры для построеннаго имъ городка, но не на продажу. Въ двинской области, около Емецкаго яма, жители выдѣлывали много смолы и золы. Псковскіе каменьщики не утратили своей славы: когда въ 1555 году царь задумалъ укрѣпить Казань каменными стѣнами, то псковскій дьякъ Билибинъ, двое старостъ, церковный и городовой, мастеръ Посникъ Яковлевъ и каменьщики псковскіе Ивашка Ширяй съ товарищами получили приказъ прибрать 200 человѣкъ псковскихъ каменьщиковъ, стѣнщиковъ и ломцевъ для отсылки въ Казань. Вообще, какъ видно, и въ описываемое время между русскими людьми мастерства процвѣтали болѣе въ Новгородѣ и Псковѣ, чѣмъ въ Москвѣ. Такъ рѣщики на камнѣ выписывались изъ Новгорода: въ 1556 году царь писалъ къ новгородскимъ дьякамъ: „Мы послали въ Новгородъ мастера печатныхъ книгъ Марушу Нефедьева, велѣли ему посмотрѣть камень, который приготовленъ на помостъ въ церковь къ Пречистой къ Срѣтенію. Когда Маруша этотъ камень осмотритъ, скажетъ вамъ, что онъ годится на помостъ церковный и лице будетъ на него наложить можно: то

вы бы этотъ камень осмотрѣли сами, и мастеровъ добыли, кто бъ на немъ лице наложилъ, какъ у Софіи Премудрости Божіей; а если самъ Маруша захочетъ поискуситься, лице наложить, то вы бы для образца прислали къ намъ камня два или три; да велѣли бы испытать всѣхъ трехъ камней, желѣзницы, голубицы и красный. Маруша же намъ сказывалъ, что есть въ Новгородѣ Васюкомъ зовутъ Никифоровъ, умѣетъ рѣзать рѣзь всякую: и вы бы этого Васюка прислали къ намъ въ Москву". Послѣ большаго московскаго пожара, когда приступили къ возобновленію церквей, то послали за иконописцами въ Новгородъ и Псковъ; изъ псковскихъ иконописцевъ были извѣстны въ это время: Останъ, Яковъ, Михайла. Якушка, Семенъ Высокій Глаголь; въ Новгородѣ дьяконъ Никифоръ Грабленый. Упоминаются колокольный мастеръ Иванъ Аѳанасьевъ, который слилъ колоколъ для Новгорода въ Александровской слободѣ. Подъ 1558 годомъ новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что въ Саввиной пустыни покрывали церковь новою кровлею мастера домашніе Захаръ и Семенъ. Но въ 1535 году каменную церковь Св. Георгія на Хутыни „чудесную, какой нѣтъ въ новгородской землѣ", строили мастера тверской земли: старшему изъ нихъ имя Ермолай, Въ 1536 году, была построена первая т е п л а я церковь въ Новгородѣ, Срѣтенія на Дворищѣ; изъ Новгорода же выписывались серебряные мастера для дѣланія иконныхъ окладовъ: этимъ мастерствомъ были извѣстны Артемій и Родіонъ Петровы съ братьями и дѣтьми. Въ Новгородѣ можно было достать оконничныя разноцвѣтныя стекла, которыя выписывались отсюда царемъ. Въ Москвѣ упоминается особое мастерство ожерелейное, въ Новгородѣ упоминаются сермяжники, молодожники, красильники. По свидѣтельству Михалона Литвина, города московскіе изобиловали мастерами, которые отправляли въ Литву деревянныя чаши, палки для опоры слабымъ, старымъ и пьянымъ, сѣдла, копья, украшенія и различныя оружія. Несмотря на то, русскихъ мастеровъ было очень недостаточно: мы видѣли, какъ Іоаннъ домогался гаваней на Балтійскомъ морѣ для того, чтобъ иностранные мастера могли безпрепятственно пріѣзжать въ его государство; какъ сильна была нужда въ знающихъ какое-нибудь мастерство иностранцахъ, видно изъ слѣдующей грамоты царя къ новгородскимъ дьякамъ въ 1556 году: „Велѣли бы вы въ Новгородѣ, пригородахъ, волостяхъ и рядахъ кликать по торгамъ не одно утро, чтобъ боярскіе дѣти и всякіе люди нѣ-

мецкихъ плѣнниковъ Нѣмцамъ и въ Литву не продавали, а продавали бъ ихъ въ московскіе города; а на кого доведутъ дѣти боярскіе, что нѣмецкихъ плѣнниковъ продавалъ Нѣмцамъ, тѣхъ дѣтей боярскихъ пожалую своимъ жалованьемъ, а доведетъ черный человѣкъ, и ему на томъ, на кого доведетъ, доправить 50 рублей, а продавцовъ сажать въ тюрьму до нашего указу. Если случится у кого-нибудь изъ дѣтей боярскихъ и всякихъ людей Нѣмецъ плѣнный, умѣющій дѣлать руду серебряную и серебряное, золотое, мѣдное, оловянное и всякое дѣло, то вы бы велѣли такихъ плѣнныхъ дѣтямъ боярскимъ везти къ намъ въ Москву, и мы этихъ дѣтей боярскихъ пожалуемъ своимъ великимъ жалованіемъ"[35]. Въ 1567 году выѣхали въ Москву изъ Англіи: докторъ, аптекарь, инженеръ съ помощникомъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ, пробиреръ и другіе мастера.

Пріобрѣтеніе Казани и Астрахани должно было усилить торговлю съ востокомъ, по крайней мѣрѣ сравнительно съ прежнимъ. Объ астраханской торговлѣ до насъ дошли отъ описываемаго времени два противорѣчивыя извѣстія съ востока и запада: мы видѣли какъ огроменъ былъ доходъ московскаго царя отъ таможенныхъ астраханскихъ пошлинъ по показаніямъ магометанскихъ владѣльцевъ, хотѣвшихъ побудить султана къ овладѣнію Астраханью. Но на этихъ показаніяхъ мы конечно не можемъ успокоиться, зная страсть восточныхъ народовъ къ преувеличеніямъ, особенно, когда дѣло идетъ объ исполненіи какого-нибудь желанія. Иначе отзывается объ астраханской торговлѣ англійскіе путешественники: по ихъ словамъ, Русскіе привозятъ въ Астрахань кожи, деревянную посуду, узды; сѣдла, ножи и разныя другія бездѣлицы, также хлѣбъ и другіе съѣстные припасы: Татары привозятъ разнаго рода шерстяные и шелковые товары и другія вещи, но въ такомъ маломъ количествѣ и купцы такъ бѣдны, что не стоитъ говорить объ этомъ. Купцы армянскіе и турецкіе попрежнему пріѣзжали въ Москву: по англійскимъ извѣстіямъ, они платили десятую деньгу со всѣхъ товаровъ, кромѣ того за вѣсъ двѣ деньги съ рубля; при продажѣ лошадей по 4 деньги съ лошади. Бухарцы также пріѣзжали въ Москву, привозили пряныя коренья, мѣха, которые скупали въ Сибири: Ногаи продолжали пригонять на продажу огромные табуны лошадей: въ 1555 году, напримѣръ, они пригнали въ Казань 20,000 лошадей и болѣе 20,000 овецъ.

Въ договорахъ со Швеціею, Даніею и Англіею видимъ со стороны московскаго правительства попытки завести дѣятельную торговлю съ западными европейскими государствами. О значительности торговли со Швеціею можно судить изъ того, что Густавъ Ваза, предъ началомъ войны съ Москвою, велѣлъ захватить въ своихъ владѣніяхъ 300 русскихъ купцовъ изъ Новгорода, Корелы и Орѣшка; здѣсь, разумѣется, могутъ возникнуть два вопроса: не преувеличено ли это показаніе, данное въ Москвѣ въ отвѣтъ польскому королю, который ходатайствовалъ о мирѣ со Швеціею; потомъ любопытно было бы знать—гдѣ торговали эти русскіе купцы— въ пограничныхъ ли городахъ, напримѣръ въ Выборгѣ, или въ собственной Швеціи? Но мы видѣли, что при заключеніи мира со Швеціею царь далъ право шведскимъ купцамъ ѣздить не только въ Москву, Казань и Астрахань, но чрезъ Россію въ Индію и Китай съ условіемъ, чтобъ и русскимъ купцамъ позволено было изъ Швеціи отправляться въ Любекъ, Антверпенъ и Испанію. Въ договорѣ съ королемъ датскимъ выговорена была русскимъ купцамъ свободная торговля во всѣхъ городахъ датской земли „а маклеремъ и веркоперомъ на обѣ стороны отнюдь у нихъ не быть, пошлины и мыты платить какъ гдѣ обычай въ которой землѣ. Которые наши купцы и гости, Русь и Нѣмцы поѣдутъ изъ Копенгагена въ заморскія государства съ товаромъ или заморскихъ государствъ купцы пойдутъ мимо датскаго королевства морскими воротами, проливомъ Зундомъ, то король долженъ ихъ пропускать“. Князю Ромадановскому, ѣхавшему посломъ въ Данію, было наказано: говорить, чтобъ купецкія мѣста царевымъ гостямъ велѣлъ король очистить такія же, какіе дворы даны въ Великомъ Новгородѣ и въ Иванъ-городѣ, гдѣ бы близко пристани и по обѣимъ сторонамъ руской церкви нѣмецкимъ церквамъ не быть. А если король дворовъ не дастъ въ Копенгагенѣ и въ Готландѣ, то сказать, что царь не дастъ датскимъ купцамъ дворовъ въ Новгородѣ и Иванъ-городѣ. Подъ 1567 годомъ въ лѣтописяхъ встрѣчается слѣдующее извѣстіе: „отпустилъ государь съ своею б о л о г о д ѣ т і ю отъ своей казны своихъ гостей и купцовъ въ поморскія государства: въ Антропъ (Антверпенъ) къ бурмистрамъ и ратманамъ послалъ гостя Ивана Аѳанасьева да купца Тимоѳея Смывалова; въ Гурмызъ купцовъ Дмитрія Ивашева да Ѳедора Пер-

шина; въ англійскую землю къ Елисаветѣ королевнѣ купцовъ Степана Твердикова да Ѳедота Погорѣлова.“ Были ли это просто послы, отправленные на царскомъ иждивеніи, или ѣздили они съ товарами изъ казны царской съ цѣлію продать ихъ въ чужихъ земляхъ и купить тамъ другихъ товаровъ, нужныхъ для государя? Какъ видно и то, и другое. По англійскимъ извѣстіямъ въ 1568 году дѣйствительно были въ Англіи русскіе послы Твердиковъ и Погорѣловъ.

Голландцы имѣли свой дворъ въ Новгородѣ и торговали безпошлинно; потомъ за какіе-то противозаконные поступки потеряли свои льготы и снова возвратили ихъ, заплативши 30,000 рублей. Изъ переговоровъ царя съ англійскимъ посломъ Боусомъ мы узнаемъ, что къ извѣстнымъ сѣвернымъ гаванямъ приходили французскіе купцы и купецъ изъ Антверпена Иванъ Бѣлобородъ (Iohn de Wale). Но всего болѣе извѣстій имѣемъ мы объ англійской торговлѣ во времена Іоанна IV-го; мы видѣли, какъ началась она и какіе были послѣдніе о ней переговоры у царя съ посломъ Елисаветы, Боусомъ; здѣсь считаемъ нужнымъ привести нѣкоторыя подробности для показанія, въ какомъ духѣ, съ какими цѣлями дѣйствовала русская компанія, утвержденная королемъ Филиппомъ и королевою Маріею въ 1555 году. Агенты, отправленные компаніею въ Россію, обязаны были изучать характеръ русскаго народонаселенія во всѣхъ сословіяхъ; остерегаться, чтобъ никакой законъ русскій, ни религіозный, ни гражданскій, не былъ нарушенъ ни ими, агентами, ни людьми ихъ, ни моряками, ни кѣмъ-либо изъ Англичанъ; смотрѣть, чтобъ всѣ пошлины были платимы исправно, дабы не навлечь конфискаціи товаровъ, чтобъ все происходило спокойно, безъ нарушенія порядка въ тѣхъ мѣстахъ, куда Англичане пріѣдутъ и будутъ торговать; агенты должны въ Москвѣ или другомъ какомъ-нибудь городѣ или въ нѣсколькихъ городахъ, гдѣ будетъ выгоднѣе торговать, построить одинъ или нѣсколько домовъ для себя и всѣхъ своихъ людей съ магазинами, погребами и другими службами, и смотрѣть, чтобъ никто изъ нижнихъ служителей не смѣлъ ночевать внѣ агентскаго дома безъ позволенія; всѣ нижніе чины должны повиноваться агентамъ, и въ случаѣ неповиновенія наказываются по произволу послѣднихъ. Агенты и факторы будутъ ежедневно собираться и совѣтоваться о томъ, что было бы всего приличнѣе и выгоднѣе для компаніи.

Ни одинъ низшій служитель не можетъ самъ отъ себя произвести никакой торговой сдѣлки, а только по порученію и наказу агентовъ. Агенты должны подробно замѣтить всѣ роды товаровъ, которые могутъ быть съ выгодою проданы въ Россіи, должны имѣть постоянно въ умѣ, какъ бы всѣми возможными средствами узнать дорогу въ Китай, моремъ или сухимъ путемъ; должны заботиться объ изученіи русскаго народа, его характера, нравовъ, обычаевъ, податей, монеты, вѣса, мѣръ, счета, товаровъ, какіе ему нужны и какіе нѣтъ, дабы вслѣдствіе незнанія всего этого компанія не потерпѣла какого-нибудь вреда или убытку, при чемъ она объявляетъ, что незнаніе подобнаго рода не будетъ принято въ оправданіе вины.—Послѣ компанія обозначила своимъ агентамъ, какіе изъ русскихъ товаровъ имѣютъ наибольшій сбытъ въ Англіи, это: воскъ, сало, масло, пенька и ленъ; мѣха требуются только дешевые, дорогихъ мѣховъ не надобно присылать много; не присылать и пеньки необработанной, потому что это будетъ дорого стоить; но компанія посылаетъ въ Россію семь канатныхъ мастеровъ, которыхъ агенты должны засадить тотчасъ за работу, снабдивши ихъ работниками: это дѣло первой надобности; компанія полагаетъ, что это будетъ дешевле стоить, чѣмъ выписывать лапаты изъ Данцига. Компанія предписала агентамъ выслать образцы желѣза и мѣди, ибо она слышала, что въ Россіи и Татаріи добывается большое количество этихъ металловъ; дать знать, какого рода шерстяныя ткани привозятся въ Россію изъ Риги, Ревеля, Польши и Литвы, съ подробнымъ описаніемъ ихъ ширины и длины, цвѣта и цѣны, и какое количество ихъ можетъ быть сбыто въ годъ, чтобъ такое же приготовить въ Англіи; выслать всякаго рода кожи, ибо слышно, что Нѣмцы и Голландцы закупаютъ ихъ въ Россіи большое количество. Прислать на пробу извѣстное количество земель или травъ, или чего бы то ни было, чѣмъ Русскіе красятъ шерстяныя и льняныя ткани, кожи и т. п., равно выслать и тѣ красильныя вещества, которыя Турки и Татары привозятъ въ Россію, съ описаніемъ, какъ употреблять ихъ при крашеніи. Русскій посолъ согласился на просьбы компаніи, чтобъ агенты ея могли покупать у Русскихъ товары въ долгъ: вслѣдствіе этого она требуетъ отъ агентовъ, чтобъ они этимъ или какимъ-нибудь другимъ способомъ накупили какъ можно болѣе воску, чтобъ захватить его весь въ свои руки и снабжать имъ не только

свою страну, но и чужія. Какія выгоды получила компанія отъ торговли съ Россіею, видно изъ донесеній агента ея Гудсона (Hoddesdon): въ Нижнемъ-Новгородѣ онъ продавалъ сукно, стоившее на мѣстѣ 6 фунтовъ стерлинговъ, по 17 рублей за кусокъ, что, по его словамъ, составляло почти тройную цѣну; въ Москвѣ товары, стоившіе 6608 фунтовъ, проданы были за 13644. — Мы видѣли, какія причины выставляло московское правительство англійскому послу Боусу, почему ограничены были льготы англійскихъ купцовъ; но Боусъ приводитъ другія причины: по его словамъ, Голландцы пріобрѣли расположеніе трехъ главныхъ совѣтниковъ царскихъ—Никиты Романовича, Богдана Бѣльскаго и Андрея Щелкалова, ибо кромѣ безпрестанныхъ подарковъ, они заняли у нихъ столько денегъ по 25 процентовъ, что платили каждому изъ нихъ ежегодно по 5000 марокъ, тогда какъ англійскіе купцы не имѣли въ это время ни одного доброжелателя при дворѣ.

Самымъ значительнымъ по торговлѣ городомъ и въ описываемое время продолжалъ быть Новгородъ Великій: хотя государь утвердилъ свой столъ въ Москвѣ, пишутъ Англичане, однако удобство водяныхъ сообщеній и близость моря заставляютъ купцовъ посѣщать Новгородъ предпочтительно предъ Москвою. Главные товары, которыми Новгородъ производилъ торговлю, были: превосходный ленъ и пенька, кожи, медъ и воскъ; двумя послѣдними товарами производилъ торговлю также Псковъ. Послѣ Новгорода и Пскова важными торговыми городами были Ярославль и Вологда. Страна между Ярославлемъ и Москвою была самая населенная и считалась очень плодоносною; зимою по Ярославской дорогѣ въ Москву попадались иногда обозы въ 700 или 800 саней, нагруженныхъ хлѣбомъ или рыбою; сѣверные жители за 1000 верстъ пріѣзжали въ Москву покупать хлѣбъ, и привозили соленую рыбу, мѣха, кожи. Вологда производила торговлю преимущественно льномъ; кромѣ того вологодскимъ купцамъ принадлежала бо́льшая часть судовъ, плававшихъ по Сѣверной Двинѣ, насадовъ и дощаниковъ, на которыхъ перевозилась соль отъ морскаго берега въ Вологду. Англичане устроили въ Вологдѣ контору на основаніи донесенія агента Гасса, который писалъ въ 1554 году о Вологдѣ, что это городъ большой, въ сердцѣ Россіи, окруженъ многими большими и хорошими городами; здѣсь большое изобиліе въ хлѣбѣ, вообще въ жизненныхъ припасахъ и во всѣхъ русскихъ товарахъ;

нѣтъ города въ Россіи, который бы не торговалъ съ Вологдою; всѣ вещи здѣсь вдвое дешевле, чѣмъ въ Москвѣ или въ Новгородѣ. Для торговли мѣхами главнымъ мѣстомъ были Холмогоры, куда мѣха привозились на оленяхъ изъ Печоры, Пинеги, Лампаса (Лампожни, въ 18 верстахъ отъ Мезени) и Пустозерска; жители этихъ мѣстъ скупали ихъ у Самоѣдовъ и промѣнивали купцамъ холмогорскимъ на сукно, олово, мѣдь; для этой мѣны въ зимній Николинъ день была въ Холмогорахъ большая ярмарка, на которую, кромѣ мѣховъ, привозили также тюленій жиръ; жиръ этотъ холмогорскіе купцы отвозили въ Новгородъ, гдѣ продавали Нѣмцамъ, мѣха отвозили въ Новгородъ, Вологду или Москву. Кромѣ того, Холмогоры снабжали сосѣднія страны солью и соленою рыбою. Мы видѣли, что соль эта шла по Сѣверной Двинѣ въ Вологду; другимъ путемъ шла она на югозападъ чрезъ посредство Каргопольцевъ, Онѣжанъ, Турчасовцевъ, Порожанъ, Устьмошанъ и Мехренжанъ, которые ѣздили къ морю, покупали соль у Поморцевъ и въ Каргополѣ продавали Бѣлозерцамъ, Вологжанамъ и жителямъ другихъ городовъ; но эти купцы вели свое дѣло не чисто, подмѣшивали въ соль негодную примѣсь и убытчили купцовъ бѣлозерскихъ и вологодскихъ; жалуясь на нихъ правительству, Бѣлозерцы выставляютъ на видъ, что въ той соли, которую привозятъ съ Двины сами Двиняне, подмѣси никакой не бываетъ.

Сказавши о распространеніи русской торговли въ царствованіе Грознаго, мы должны упомянуть и о препятствіяхъ, которыя она встрѣчала въ это время. По прежнему препятствовала торговлѣ громадность разстояній и неудобства, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невозможность лѣтняго пути. Несмотря на всѣ усилія, гаваней на Балтійскомъ морѣ не получили; открытъ былъ далекій путь чрезъ Бѣлое море и Сѣверный Океанъ, но для проѣзда отъ гавани Св. Николая, гдѣ приставали Англичане, до Вологды водою должно было употребить 14 сутокъ; въ лѣтнюю пору сухимъ путемъ здѣсь нельзя было ѣздить по причинѣ болотъ; зимою на саняхъ отъ Бѣлаго моря до Вологды можно было проѣхать въ 8 дней; отъ Вологды до Ярославля сухимъ путемъ ѣздили въ два дня, изъ Ярославля до Астрахани плыли 30 сутокъ, слѣд. отъ гавани Св. Николая до Каспійскаго моря на этотъ путь, посредствовавшій между Европою и Азіею, надобно было употреблять 46 дней. На Балтійскомъ морѣ Москва, въ продолженіе нѣкотораго времени,

имѣла Нарвскій портъ; но мы видѣли, какъ сосѣднія государства, особенно Польша, хлопотали объ уничтоженіи нарвской торговли. Въ 1567 году агентъ Англійской компаніи Гудсонъ приплылъ въ Нарву съ товарами на 11,000 фунтовъ стерлинговъ; товары эти состояли изъ сукна, каразеи и соли; при продажѣ ихъ компанія получила 40 процентовъ прибыли. Въ 1569 году тотъ же Гудсонъ приплылъ изъ Лондона въ Нарву на трехъ корабляхъ и писалъ компаніи, чтобъ на слѣдующую весну она прислала 13 кораблей, которые всѣ онъ надѣется нагрузить товарами; но притомъ онъ писалъ, что корабли надобно хорошо снабдить огнестрѣльнымъ оружіемъ на случай встрѣчи съ корсарами. Дѣйствительно, англійскіе корабли встрѣтили шесть кораблей польскихъ корсаровъ; бой былъ неравный; одинъ корсарскій корабль ушелъ, другой былъ сожженъ, остальные четыре приведены были въ Нарву и 82 человѣка плѣнныхъ выданы были московскому воеводѣ.

Вторымъ препятствіемъ служило то, что пустынныя дороги не были безопасны. По Волгѣ каждое лѣто проходило 500 судовъ большихъ и малыхъ, съ верхнихъ частей рѣки до Астрахани, за солью и рыбою, но суда эти отъ самой Казани до Астрахани должны были плыть чрезъ страну пустынную; мѣсто на Переволокѣ, тамъ, гдѣ Волга находится въ ближайшемъ разстояніи отъ Дона, славилось разбойниками; Англичане пишутъ, что съ тѣхъ поръ какъ Астрахань и Казань подпали подъ власть русскаго царя, разбойниковъ здѣсь стало меньше; но потомъ мы встрѣчаемъ русскія извѣстія о козацкихъ разбояхъ по Волгѣ, о вредѣ, который они причиняли торговлѣ. На югозападѣ малороссійскіе козаки или Черкасы грабили купцовъ турецкихъ и крымскихъ, шедшихъ въ Москву или изъ Москвы. По прежнему встрѣчаемъ постоянныя жалобы литовскихъ купцовъ на притѣсненія и разбои въ московскихъ областяхъ, и жалобы московскихъ купцовъ на притѣсненія въ Литвѣ. Литовскіе купцы жаловались, что подъ Можайскомъ напали на нихъ разбойники. Могилевскихъ мѣщанъ, ѣхавшихъ съ большимъ обозомъ торговать въ Стародубъ, побили до смерти подъ самымъ городомъ и товару пограбили на 600 рублей. Литовскіе купцы остановились въ слободѣ Селижаровскаго монастыря; монастырскій человѣкъ Окуловъ позвалъ ихъ къ себѣ, угостилъ и, отпуская на подворье, далъ въ провожатые четыре человѣка; но эти провожатые напали на дорогѣ на купцовъ, прибили ихъ и отняли 23 рубля

денегъ; купцы били челомъ игумену, но игуменъ управы имъ не далъ. Въ обоихъ государствахъ, Московскомъ и Литовскомъ, задерживали купцовъ за то, что они покупали, или старались провезти запрещенные товары: такъ одинъ литовскій купецъ привезъ въ Москву сукна и купилъ здѣсь воскъ, а у серебряныхъ мастеровъ купилъ ковши серебряные, чарку и слитки, всего серебра 15 гривенокъ, весь этотъ товаръ у него взяли и, по жалобѣ пословъ, бояре приговорили: весь товаръ отдать купцу, кромѣ купленнаго серебра. Псковскій купецъ шелъ изъ Царяграда и везъ нефть вмѣстѣ съ другими товарами: въ Кіевѣ его схватили, товаръ отняли и самого купца держали три года; на жалобы московскаго правительства король отвѣчалъ, что нефть запрещено возить съ обѣихъ сторонъ. Въ 1555 году въ Москвѣ запретили вывозъ воска и сала въ Ливонію, также ограничена была торговля со Швеціею: царь велѣлъ порубежнымъ людямъ ѣздить въ Выборгъ только съ мелкими товарами, а съ воскомъ, саломъ, льномъ и посконью ѣздить не велѣлъ.

Число внутреннихъ таможенъ не только не уменьшилось, но еще увеличилось вслѣдствіе учрежденія опричнины; такъ въ Новгородской таможенной грамотѣ 1571 года читаемъ: которые гости и торговые люди Новгородцы, Софійской стороны, станутъ пріѣзжать въ государеву опричнину, на торговую сторону съ товарами, то они должы являться таможенникамъ, и таможенники должны брать съ нихъ явку, и съ товаровъ ихъ тамгу и всякія пошлины точно такъ же, какъ берутъ явку и тамгу съ пригородскихъ и волостныхъ людей новгородской земли. Къ числу вредныхъ для торговли распоряженій должно отнести продолжавшійся обычай жаловать монастырямъ право на безпошлинную торговлю; такъ, напримѣръ, астраханскій Троицкій монастырь выпросилъ себѣ право поставить въ Астрахани лавку, покупать въ ней и продавать безпошлинно на монастырскій обиходъ и право держать судно бѣлозерку или дощаникъ, въ длину отъ кормы до носа тридцати саженъ, и привозить въ этомъ суднѣ соль или рыбу изъ Астрахани вверхъ Волгою до Ярославля и Окою до Калуги, продавать эти товары и покупать другіе безпошлинно. Въ 1582 году подтверждена была жалованная грамота Троицкому Сергіеву монастырю, по которой монастырь имѣлъ право посылать съ Вологды на Двину въ Холмогоры и за море четыре насада съ подвозками, возить на нихъ хлѣбъ всякій,

медъ, хмѣль и всякій товаръ, продавать и покупать соль въ Холмогорахъ, по Двинѣ, въ Каргополѣ, Угличѣ, Тотьмѣ и за моремъ бзпошлинно; кромѣ того, монастырь могъ купить сто возовъ рыбы и везти соль и рыбу до монастыря и до Москвы безпошлинно; привезши въ Москву, продавать и покупать безпошлинно же.

Для избѣжанія внутреннихъ таможенъ купцы выбирали для ярмарокъ новыя мѣста, гдѣ еще не было таможенниковъ; но послѣдніе провѣдывали объ этомъ и доносили въ Москву, откуда приходила строгая заповѣдь не торговать нигдѣ, кромѣ назначенныхъ мѣстъ, подъ страхомъ отобранія товаровъ. Иногда вотчинники извѣстнаго ярмарочнаго мѣста били челомъ, чтобъ кромѣ ихъ вотчины по окрестностямъ не было нигдѣ ярмарокъ, ибо они откупали таможенныя и замытныя пошлины; иногда же, наоборотъ, вотчинникъ просилъ о сведеніи ярмарки съ его земли, потому что, при тогдашнемъ состояніи нравовъ и полиціи, крестьянамъ его было больше убытку отъ нея, чѣмъ прибыли; такъ игуменъ Троицкаго Сергіева монастыря съ братіею били челомъ, что подъ ихъ монастыремъ у Пречистой на Киржачи три раза въ годъ съѣзжаются торговать многіе люди со всякимъ товаромъ и отъ этого ихъ монастырскимъ крестьянамъ обиды великія, бьютъ ихъ и грабятъ, хлѣбъ и сѣно травятъ, отъ волостеля и его пошлинниковъ крестьянамъ продажи великія, съ торговыми людьми ихъ продаютъ; царь исполнилъ просьбу игумена, велѣлъ свести торгъ съ Киржачи.

Вообще, хотя мы не имѣемъ достаточнаго числа данныхъ для опредѣленія степени матеріальнаго благосостоянія жителей Московскаго государства въ правленіе Іоанна IV-го сравнительно со временами предшествовавшими и послѣдовавшими: однако изъ тѣхъ извѣстій, которыя дошли до насъ, мы никакъ не можемъ заключить, чтобъ эта степень благосостоянія была велика. Восточныя области государства были успокоены покореніемъ Казани, но южныя страдали по прежнему отъ Крымцевъ: опустошительное вторженіе Девлетъ-Гирея надолго оставило слѣды въ Москвѣ и въ южныхъ областяхъ, лишившихся цвѣта своего народонаселенія. На западѣ шла продолжительная, тяжелая война ливонская, къ которой присоединились войны литовская и шведская, на востокѣ бунтовали дикіе народы: все это требовало сильныхъ напряженій отъ государства юнаго, съ народонаселеніемъ малочисленнымъ; Іоаннъ принужденъ былъ занимать деньги у своихъ подданныхъ, и долги

эти были выплачены только Лжедимитріемъ. Право имѣть выборныя власти, отстранять насилія и своевольства намѣстниковъ и волостелей могло во многихъ мѣстахъ содѣйствовать спокойствію и матеріальному благосостоянію жителей: по вспомнимъ жалобы и своихъ, и чужихъ на опричнину, на жестокости Іоанна. Иностранцы даютъ Новгороду первое мѣсто въ торговомъ отношеніи: но вспомнимъ, что Іоаннъ сдѣлалъ съ Новгородомъ, и не съ однимъ Новгородомъ, ибо онъ началъ опустошительный походъ свой съ Твери.

Сюда присоединялись еще бѣдствія физическія. Осенью 1552 года свирѣпствовалъ моръ въ Новгородѣ и по волостямъ его: умерло 279,594 человѣка. Въ 1553 году былъ большой моръ въ Псковѣ: въ годъ положили въ скудельницахъ 25,000 человѣкъ, а по оврагамъ неизвѣстно сколько. Осенью 1565 года свирѣпствовалъ моръ въ Полоцкѣ, продолжался до 6-го декабря: весною слѣдующаго года онъ открылся на Лукахъ, въ Торопцѣ, Смоленскѣ, осенью свирѣпствовалъ въ Великомъ Новгородѣ, Старой Русѣ, Псковѣ, дошелъ до Можайска и Москвы. Въ 1567 году пришла на казанскія, свіяжскія и чебоксарскія мѣста мышь малая изъ лѣсовъ тучами великими и не оставила ни одного колоса, поѣла хлѣбъ въ житницахъ и закромахъ; въ 1570 году свирѣпствовалъ страшный голодъ и моръ по всему государству. Изъ мѣръ противъ распространенія заразы упоминаются заставы, сторожа. Въ новгородской лѣтописи подъ 1551 годомъ читаемъ: былъ кличъ въ Новгородѣ о Псковичахъ и гостяхъ, чтобъ всѣ они ѣхали вонъ тотчасъ изъ Новгорода съ товарами своими; а поймаютъ гостя Псковича на другой день въ Новгородѣ съ товаромъ, то, выведши за городъ, сжечь его и съ товаромъ; найдутъ Псковича во дворѣ, то дворника бить кнутомъ, а Псковича сжечь. И была застава на Псковской дорогѣ, чтобъ гости съ товарами не ѣздили ни изъ Пскова въ Новгородъ, ни изъ Новгорода во Псковъ. Подъ 1571 годомъ читаемъ: на которыхъ людяхъ было знамя смертоносное, тѣхъ у церквей погребать не велѣли, а велѣли хоронить ихъ за шесть верстъ отъ Новгорода; поставили заставу по улицамъ и сторожей: въ которой улицѣ человѣкъ умретъ знаменемъ, тѣ дворы запирали и съ людьми, и кормили тѣхъ людей улицею; отцамъ духовнымъ исповѣдывать тѣхъ людей знаменныхъ не велѣли, а станетъ священникъ такихъ людей исповѣдывать, не доложа бояръ, то его

сжечь вмѣстѣ съ больными. Въ 1566 году, когда въ Можайскѣ явилось лихое повѣтріе, царь велѣлъ учредить заставу крѣпкую. Во время язвы 1571 года, по англійскимъ извѣстіямъ, дороги были загорожены, и кто пытался проѣхать непозволенными путями, тѣхъ жгли. Въ псковской лѣтописи подъ 1568 годомъ читаемъ: видѣли сторожа у Черескаго моста ночью свѣтъ и людей многое множество, вооруженныхъ воинскимъ обычаемъ и ѣдущихъ ко Пскову, а сторожа тѣ поставлены были стеречь отъ мору [36].

Что касается быта городовъ западной Россіи, то здѣсь продолжается прежнее явленіе, распри горожанъ съ бурмистрами, радцами, воеводами, князьями, панами и боярами, потому что, быть-можетъ, нигдѣ въ то время презрѣніе власти и закона сильными людьми не доходило до такой степени какъ въ Польшѣ и Литвѣ. Мы видѣли, что жители Вильны, въ распрѣ со своими бурмистрами и радцами, требовали измѣненія въ старомъ городовомъ уставѣ: король Сигизмундъ I не согласился на это, оставилъ все по старинѣ. Но недовольные нашли средство привлечь на свою сторону королеву Бону, и, по ея настоянію, какъ говоритъ самъ король, онъ въ 1536 году приказалъ радѣ и поспольству выбрать изъ среды себя вѣрныхъ, смышленныхъ, изучившихъ нѣмецкое Магдебургское право людей, которые бы рѣшили споры, а въ какихъ статьяхъ не могли согласиться, тѣ передали бы на рѣшеніе королевское. Вслѣдствіе этого составленъ былъ и подтвержденъ новый городовой уставъ слѣдующаго содержанія: по прежнему должно быть въ городѣ 24 радцы и 12 бурмистровъ, половина римскаго и половина греческаго закона. Изъ нихъ ежегодно два бурмистра — одинъ римскаго и одинъ греческаго закона и четыре радцы—два римскаго и два греческаго закона—должны быть на степени, присутствующими (сѣдячими), и получаютъ жалованье—бурмистръ по двадцати, а радца по десяти копъ грошей. Городовое имущество, доходы и расходы вѣдаютъ четыре шафера; двоихъ изъ нихъ выбираетъ рада изъ среды себя, а двоихъ выбираетъ рада жъ изъ поспольства такимъ образомъ: поспольство выбираетъ 8 человѣкъ и ставитъ предъ радою, которая изъ нихъ выбираетъ двоихъ. Шаферы обязаны ежегодно составлять отчеты, причемъ должны необходимо присутствовать два члена рады, остальные же какъ хотятъ; должны присутствовать также изъ цеховъ по одному мастеру, которыхъ выбираетъ рада, а поспольство выбираетъ изъ

купцовъ и другихъ виленскихъ горожанъ, постоянно здѣсь живущихъ, 18 человѣкъ, а рада выбираетъ изъ нихъ шесть человѣкъ; эти выборные изъ посполиства и цеховъ, по выслушаніи отчета, присягаютъ, что не будутъ разглашать объ имуществѣ и т а е м н и ц а х ъ городскихъ. Отъ казны и привилегій городскихъ должны быть четыре замка и четверо ключей, двое ключей у бурмистра степеннаго вѣры римской и двое—греческой. Казна это можетъ употребляться только на общія городскія потребности. Рада разсуждаетъ о своихъ дѣлахъ съ бурмистрами въ одной избѣ, а лавники (цѣловальники) сидятъ и судятъ со войтомъ въ другой, развѣ только когда рада пришлетъ за лавниками для какихъ-нибудь общихъ дѣлъ, тогда лавники приходятъ къ радѣ; лавники имѣютъ свою печать, которую король даетъ имъ навсегда; такимъ образомъ, сидя въ разныхъ избахъ, рада и лавники не будутъ мѣшать другъ другу. Въ бурмистры, радцы и лавники не могутъ избираться вмѣстѣ отецъ съ сыномъ и родные братья; также не можетъ отецъ сидѣть въ радѣ, и сынъ его въ лавѣ, или одинъ братъ въ радѣ, а другой въ лавѣ. Каждый четвергъ въ положенный часъ рада должна собираться въ ратушу, и если кто не явится, тотъ платитъ штрафъ, а если по чьему-либо отсутствію не дойдетъ правды простому человѣку, тогда виновный долженъ быть наказанъ по закону. Послы, пришедшіе отъ города и на городскомъ иждивеніи къ государю, не должны въ то время заниматься своими или чьими-нибудь другими дѣлами, кромѣ общихъ городскихъ; когда послы возвратятся отъ государя назадъ въ городъ, тогда рада созываетъ посполиство, и послы передъ радою и посполиствомъ должны объявить, съ чѣмъ пріѣхали отъ государя. Рада и посполиство должны стараться, чтобъ по возможности все было готово къ оборонѣ противъ непріятеля, пушки, ружья и т. п.; чтобъ каждый мѣщанинъ (горожанинъ) имѣлъ свое ружье, рогатины, ведра, топоры. Если случится пожаръ, то каждый мѣщанинъ обязанъ бѣжать гасить огонь, а бурмистры степенные обязаны принуждать къ этому народъ. Во время повѣтрія добрые люди должны наблюдать, чтобъ люди не умирали безъ завѣщаній. Рада должна заботиться о снабженіи города водою, о томъ, чтобъ мясники не били нездоровый скотъ и не продавали, должна скупать на городскія деньги хлѣбъ на случай голода или осады, должна наблюдать за вѣсами и мерами купеческими; всѣ ворота городскія рада должна имѣть подъ

своимъ ключемъ и надзоромъ. Кто захочетъ выйти изъ-подъ Магдебургскаго права и поддаться подъ другое право, тотъ долженъ прежде продать свое недвижимое имущество мѣщанину, ратушѣ послушному. Рада безъ поспольства не можетъ налагать никакихъ новыхъ податей.—Человѣкъ, пришедшій откуда бы то ни было и проживщій въ Вильнѣ шесть лѣтъ, не можетъ быть оттуда выведенъ, ни потревоженъ никакимъ правительственнымъ лицомъ подъ страхомъ платежа 500 копъ грошей штрафа.

Одинакія финансовыя побужденія заставляли правительство какъ восточной, такъ и западной Россіи блюсти за тѣмъ, чтобъ посадскіе люди или мѣщане не выходили съ своимъ недвижимымъ имуществомъ изъ сословія тяглыхъ людей, ибо казна лишалась чрезъ это доходовъ; остальные же горожане чувствовали большую тягость при исполненіи разныхъ общихъ городскихъ обязанностей. До свѣдѣнія короля Сигизмунда дошло, что многіе домы въ Вильнѣ выходятъ изъ послушанія городовому правленію —одни чрезъ тайныя соглашенія и записи, правительству необъявленныя, другіе чрезъ супружество со вдовами и дѣвицами дворянскими или служебниковъ панскихъ, чрезъ подданство ремесленниковъ въ оборону панамъ раднымъ и другимъ правительственнымъ лицамъ, отъ чего доходы королевскіе и городскіе очень уменьшаются. Король въ 1553 году приказалъ войту и радцамъ внимательно наблюдать, чтобъ никто ни подъ какимъ видомъ не высвобождался изъ-подъ городскаго права, и подъ присягою доносить объ этомъ ему, королю, а онъ домы и фольварки такихъ ослушниковъ будетъ отбирать и отдавать на городскія потребности. Но въ томъ же году войтъ, бурмистры, радцы и всѣ мѣщане жаловались королю, что многіе дворяне, бояре и панскіе слуги, взявши въ приданое за женами мѣщанскіе дома, не хотятъ вмѣстѣ съ мѣщанами нести никакихъ городскихъ повинностей: король написалъ воеводѣ виленскому, чтобъ всѣ домовладѣльцы, какого бы званія ни были, исполняли всѣ городскія обязанности. Но черезъ десять лѣтъ приказъ королевскій былъ забытъ, и Сигизмундъ Августъ долженъ былъ повторить панамъ раднымъ, чтобъ они не принимали къ себѣ мѣщанъ виленскихъ съ ихъ домами.

Въ 1568 году Сигизмундъ Августъ въ награду за вѣрность, оказанную особенно въ военное время, далъ шляхетскія права всѣмъ мѣщанамъ виленскимъ, занимавшимъ правительственныя должности

въ городѣ; права эти передавались и дѣтямъ ихъ, если послѣдніе не запятнали себя низкими ремеслами.

Изъ новой грамоты на Магдебургское право, данное Полоцку Баторіемъ въ 1580 году, узнаемъ, что войтомъ обыкновенно былъ здѣсь воевода.

Нѣсколько разъ войтъ, бурмистры, радцы и все поспольство виленское жаловались королю на притѣсненія, которыя имъ дѣлаются при раздачѣ квартиръ постояльцамъ, дворянамъ и слугамъ королевскимъ, панамъ раднымъ и чиновникамъ, посламъ своимъ и чужеземнымъ (когда всѣ эти лица пріѣзжали въ Вильну во время пребыванія тамъ короля): забираютъ лучшія комнаты, хозяина съ женою и дѣтьми выгоняютъ, пожитки ихъ и скотъ забираютъ; помѣстится хозяинъ съ женою и дѣтьми въ одной свѣтлицѣ—и туда часто становятъ постояльца; и все это дѣлается не для того, что постояльцу нужна квартира, а для того, чтобъ взять съ хозяина деньги: не захочетъ откупиться, такъ и терпи. Въ 1568 году король приказалъ, чтобы квартиры расписывались непремѣнно въ присутствіи двухъ городскихъ радцевъ, и чтобъ не отводить квартиръ никому, у кого есть свои домы въ городѣ. Въ 1539 году, вслѣдствіе жалобъ жителей Черкасъ на своего старосту, было опредѣлено, что они обязаны давать на городовую сторожу по два гроша съ каждаго человѣка, который ѣстъ свой хлѣбъ; ежегодно должны давать старостѣ по возу сѣна съ каждаго двора; медъ возить въ Кіевъ на продажу не могутъ, но должны продавать его на мѣстѣ старостѣ по 85 грошей кадь, будетъ ли онъ дешевъ или дорогъ; могутъ сытить ежегодно восемь капуновъ, по двѣ кади каждый разъ: къ Рождеству Христову, къ Великому Дню, къ Св. Иліи, къ Спасу, къ Успенію Пречистой, къ Рождеству Пречистой, къ Св. Михаилу Архангелу, къ Св. Николѣ; съ пасѣкъ старостѣ ничего не даютъ; что касается уходовъ по Днѣпру бобровыхъ и рыбныхъ, то староста отпускаетъ ихъ на эти уходы изъ доли, на какой съ ними условится; осенью, когда колодки на бобровъ будутъ ставить, даютъ по бобру на городъ; рыбу вольно имъ ловить и продавать, только часть должны давать на городъ; который козакъ умретъ или Татары возьмутъ, а жены и дѣтей у него не останется, то половину имѣнія его староста беретъ на городъ, а другую отдаетъ по душѣ; Днѣпровскій порогъ Звонецъ мѣщане держатъ за собою, и староста въ него не вступается; коледы на Рождество Христово мѣщане и

козаки даютъ старостѣ по лисицѣ, или по куницѣ, а не будетъ лисицы или куницы, то по шести грошей; съ двухъ человѣкъ староста беретъ по подводѣ на поѣздъ въ Каневъ; случится посолъ или гонецъ татарскій, то мѣщане даютъ ему квартиру, а староста медъ; что касается сторожи степной и водяной и переѣзжанья татарскихъ шляховъ, то мѣщане обязаны стеречь, а шляхи переѣзжать вмѣстѣ со старостовыми слугами.

Въ 1538 году король позволилъ жителямъ Вильны построить мостъ на городскія деньги съ правомъ собирать пошлину съ проѣзжихъ по пенязю съ воза. Въ томъ же году съ Виленцевъ потребовали было 500 копъ грошей ордынщины; но они объявили, что по привилегіямъ своимъ платятъ только 80 копъ, и король оставилъ эти привилегіи въ силѣ; но когда потомъ Виленцы, основываясь на своихъ привилегіяхъ, хотѣли отбыть отъ новаго мыта, наложеннаго на вывозные товары на всѣ три года по случаю войны московской, то король не исполнилъ ихъ просьбы и велѣлъ платить мыто вмѣстѣ съ другими. Въ 1540 году дана была уставная грамота свислочьскимъ гражданамъ и волостнымъ людямъ, замѣчательная для насъ по сохранившимся въ ней названіямъ самыхъ древнихъ на Руси поборовъ, такъ говорится: „А полюдья по полтора гроша съ дыма, осенью". Въ уставной могилевской грамотѣ 1561 года исчисляются подати, какія горожане должны были платить съ каждаго участка земли, приносящей извѣстный доходъ, съ домовъ, лавокъ, причемъ отличаются дома, находящіеся на рынкѣ, отъ домовъ, построенныхъ на улицахъ: съ первыхъ подать больше, чѣмъ со вторыхъ; луга надъ Днѣпромъ отличаются отъ луговъ на болотахъ: съ первыхъ также подать больше, чѣмъ со вторыхъ. Грамота эта особенно замѣчательна опредѣленіемъ, когда горожане могли приготовлять у себя хмѣльное питье, ибо въ этихъ опредѣленіяхъ сходились, какъ увидимъ, уставныя грамоты городамъ восточной и западной Россіи: „сытить медъ вольно панамъ семь разъ на годъ, т.-е. къ Спасову дню, къ Вознесенью, къ Троицыну дню, къ Успеньеву дню, Николину, Петрову и Ильину дню, на каждый разъ могутъ покупать меду не больше какъ на два рубля грошей широкихъ. Мѣщанамъ могилевскимъ вольно имѣть 12 складовъ въ годъ на праздники, причемъ также не могутъ сытить меду больше чѣмъ на два рубля грошей широкихъ. Кромѣ того, вольно всѣмъ мѣщанамъ для собственнаго употребленія, а не на продажу

держать медъ, пиво, и, съ вѣдома мытниковъ, палить горѣлку къ свадьбѣ сына или дочери и на к о л я ц ы ю (collatio); кромѣ того мѣщане могутъ палить горѣлку пять разъ въ годъ: къ Рождеству Христову, къ Масляницѣ, къ Велику дню, къ Троицыну дню и къ Николину дню осеннему; однако они не могутъ каждый разъ употреблять на горѣлку больше четверти солоду". Въ этой же грамотѣ говорится, что въ силу новаго постановленья поручено войтовство мѣщанину могилевскому Іосифовичу, а для лучшаго порядка и управленія установлено четыре сотника, изъ которыхъ каждому поручена въ управу извѣстная часть людей: войты никакихъ городскихъ дѣлъ не могутъ рѣшать безъ совѣта съ сотниками и другими главнѣйшими мѣщанами.

Что касается цеховъ, то Сигизмундъ Августъ въ 1552 году далъ виленскому войту, бурмистрамъ и ратцамъ право старыя ремесленныя товарищества (collegia opificum) исправлять и учреждать новыя, давая имъ привилегіи, предписывая законы и обычаи; никто въ городѣ не смѣлъ заниматься никакимъ ремесломъ, не будучи приписанъ къ извѣстному товариществу (collegium sev universitas), въ противномъ случаѣ онъ подвергался тюремному заключенію, отнятію инструментовъ ремесленныхъ, конфискаціи движимой собственности.

По челобитью Жидовъ, Стефанъ Баторій въ 1578 году предписалъ войтамъ, бурмистрамъ и радцамъ всѣхъ городовъ, чтобъ Жиды судились правомъ земскимъ, а не Магдебургскимъ.

Мы видѣли, что еще при великомъ князѣ Александрѣ въ Бельзской волости было постановлено, что землевладѣлецъ, который захочетъ установить у себя легчайшія работы и дани съ цѣлію переманить больше крестьянъ, подвергался пени во 100 копъ грошей. Въ 1551 году землевладѣльцы Витебскаго повѣта согласились между собой и постановили, на какихъ условіяхъ жить у нихъ вольнымъ крестьянамъ: каждый обязался водворять ихъ не иначе какъ по принятому въ землѣ полоцкой обычаю, т.-е. крестьянинъ долженъ былъ давать пану четвертый снопъ, который молотился при панскомъ посланцѣ. Притомъ крестьяне должны были кормить посланцевъ панскихъ и доставлять панскую долю въ назначенное мѣсто; отъ пчелъ должны были давать панамъ половину меду. Каждое лѣто должны на панскомъ хлѣбѣ работать на пана восемь толокъ, два дня пахать паровое поле, два дня рубить лѣдъ, два дня косить сѣно.

два дня жать рожь и всякіе хлѣба; весною, въ теченіе недѣли, строить на панскомъ дворѣ новые хоромы или починивать старые, а зимою ходить на охоту и на рыбную ловлю. Если вольный крестьянинъ (похожій человѣкъ) не захочетъ жить на четвертой долѣ, то долженъ круглый годъ работать два дня въ недѣлю, съ косою, сохою, серпомъ, топоромъ, съ чѣмъ только будетъ приказано, да кромѣ того лѣтомъ отработать 8 толокъ. А если вольный крестьянинъ захочетъ перейти къ другому землевладѣльцу, то обязанъ заблаговременно, лѣтомъ, уступить пану своему паровое поле и, явившись на мірской сходкѣ, на первой недѣлѣ великаго поста, ударивши челомъ и заплативши выходную купицу—12 широкихъ грошей, пойдти прочь. Еслибъ вольный крестьянинъ, живя въ селѣ, допустилъ до разстройства свой домъ или гумно, то, уходя прочь, долженъ поправить и обстроить, чтобъ было такъ, какъ онъ самъ засталъ. А еслибъ кто поселилъ вольнаго человѣка на сыромъ корнѣ, гдѣ прежде не было селитьбы, ни готоваго распаханнаго поля, то поселенцу должно быть дано 10 лѣтъ льготы, по миновеніи которыхъ онъ долженъ также давать четвертый снопъ и нести всѣ упомянутыя выше службы.—Постановивши эти условія, землевладѣльцы объявили, что если кто-нибудь изъ нихъ будетъ водворять вольныхъ людей, довольствуясь болѣе легкими повинностями, изъ желанія заселить свое имѣніе, или въ чемъ-нибудь нарушитъ уставъ и будетъ уличенъ, то платитъ королю пени 50 копъ грошей. Въ 1553 году король Сигизмундъ Августъ, подтвердивъ это постановленіе, принялъ его и для своихъ крестьянъ.

Въ уставѣ о волокахъ, данномъ въ 1557 году для королевскихъ волостей княжества Литовскаго, бояре путные, стародавные и некупленные были водворяемы на двухъ волокахъ, съ которыхъ они платили за всѣ повинности деньгами, смотря по оцѣнкѣ земли, а въ тотъ годъ, когда ѣздили въ дорогу, ничего не платили; безъ королевскаго приказанія урядъ не могъ ихъ посылать никуда. Изъ числа этихъ бояръ ревизоры выбирали служекъ, которые должны были находиться при каждомъ замкѣ или дворѣ королевскомъ въ потребномъ числѣ: они ѣздили съ листами королевскими къ дворамъ, уряду подлежащимъ, отвозили въ Вильну денежныя подати, ѣздили на слѣдствія по жалобамъ крестьянъ, и за то держали на одного коня по двѣ волоки, свободныхъ отъ всякихъ податей. Бортники платятъ деньгами отъ волоки, смотря по оцѣнкѣ земли, какъ пла-

тятъ новопоселенцы; когда король прикажетъ идти имъ на войну, то въ томъ году они свободны отъ всякихъ податей; они обязаны также чинить мосты. Кучера сѣдельные или дворовые имѣютъ по двѣ свободныхъ волоки. Стрѣльцы владѣютъ также двумя свободными волоками; служба ихъ состоитъ въ томъ, что они, по приказанію королевскому, отправляются на охоту и на войну. Другіе дворовые слуги также имѣютъ по двѣ волоки свободныхъ; сюда причисляются и осочники (загонщики на охотѣ), которыхъ выбираетъ ревизоръ съ лѣсничимъ. Войты по селамъ имѣютъ по одной волокѣ; служба ихъ состоитъ въ слѣдующемъ: по приказанію уряда они выгоняютъ крестьянъ на работу, для платежа оброка и податей, присутствуютъ при уплатѣ податей, представляютъ крестьянъ въ урядъ на расправу, надзираютъ за работами, сдаютъ въ Вильнѣ овесъ и сѣно, привозимые туда людьми ихъ войтовства, поправляютъ ежегодно межевые знаки, доносятъ уряду о ихъ порчѣ. Урядъ судитъ крестьянъ въ торговый день во всякихъ дѣлахъ, кромѣ кровопролитія и насильства; въ случаѣ послѣднихъ войтъ представляетъ крестьянина на судъ, куда урядъ прикажетъ. Войтъ присутствуетъ на судѣ для помощи крестьянину, ведетъ вѣдомость пенямъ, поступающимъ въ казну, и доноситъ ревизорамъ, наблюдаетъ, чтобъ урядъ не бралъ пеней болѣе установленнаго. Войта судитъ урядъ за всякій поступокъ, но лишить его войтовства можетъ только вмѣстѣ съ ревизоромъ. Отставивши одного войта, должны опредѣлить другаго изъ людей той же волости не подозрительнаго поведенія, на избраніе котораго согласятся крестьяне. Въ каждомъ войтовствѣ должно быть около 100 волокъ, хотя бы для этого можно было соединить два, три и болѣе селъ. Для измѣренія волокъ войтъ долженъ имѣть межевой шнуръ постоянной мѣры, вѣрный. Лавники (цѣловальники) должны быть опредѣляемы въ селахъ по два, по три и больше, смотря по величинѣ села. Обязанность ихъ состоитъ въ изслѣдованіи вреда, причиняемаго на пашняхъ пасущимся скотомъ и другихъ случаевъ; за трудъ они получаютъ при каждомъ случаѣ грошъ огляднаго; за ложное показаніе они казнятся смертію.

Мы видѣли, сколько поземельнаго или цыншу платили королевскіе крестьяне или тяглые люди; работали они съ каждой волоки по два дня въ недѣлю; свободны были отъ работъ—недѣлю о Рождествѣ Христовѣ, недѣлю на Масляницѣ, недѣлю о Свѣтломъ

Воскресенія. Работа крестьянамъ должна быть заказана войтомъ въ воскресный день. Если крестьянинъ не выйдетъ на работу, то за первый день платитъ грошъ, за другой барана, за третій наказывается бичемъ на скамьѣ и отработываетъ пропущенные дни. Если же по какому-нибудь случаю крестьянинъ не можетъ выйти на работу, то долженъ извѣстить о томъ урядъ чрезъ сосѣда или лавника; если причина признана будетъ законною, то наказанію крестьянинъ не подвергается, но долженъ въ другой день отработать все, что пропустилъ. Отъ работы никто не можетъ откупиться. Начинаютъ крестьяне работу съ восходомъ солнца, оканчиваютъ съ захожденіемъ; отдыхъ тѣмъ, которые скотомъ работаютъ — предъ обѣдомъ часъ, въ полдень часъ, подъ вечеръ часъ; а кто работаетъ пѣшкомъ, тому давать только по получасу отдыха. Крестьяне во всѣхъ замкахъ и волостяхъ королевскихъ должны начать отдачу поземельнаго оброка и другихъ податей въ день Св. Михаила и могутъ продолжать платежъ до дня Св. Мартина. Кто не уплатитъ къ этому сроку, и урядъ найдетъ, что не уплачено по нерадѣнію, то виновный отводится въ тюрьму и содержится тамъ, пока не заплатитъ, а воловъ и коней не отбирать никогда за поземельный оброкъ и ни за что другое. А который человѣкъ не можетъ заплатить подати по причинѣ пожара, смерти или болѣзни всего семейства, голода, градобитія и бѣдности, такого войтъ представляетъ въ урядъ; урядъ, разспросивъ войта, лавниковъ и сосѣдей, и освидѣтельствовавши домъ крестьянина, вноситъ его имя въ реестръ, а подскарбій, принимая отчетъ, долженъ опять изслѣдовать дѣло чрезъ ревизора. Ревизоры должны быть присяжные, люди добрые, набожные, осѣдлые, знающіе хорошо размѣреніе волокъ и хозяйство. Ревизоры должны наблюдать, чтобъ никто не рубилъ лѣсовъ королевскихъ, доносить о неисправномъ урядникѣ, смотрѣть, чтобъ мѣста для поселеній назначаемы были землемѣрами въ третьемъ среднемъ полѣ, а урядъ долженъ принуждать крестьянъ селиться на назначенныхъ мѣстахъ. Ревизоръ избираетъ землемѣровъ. Во всѣхъ замкахъ и дворахъ королевскихъ тамъ, гдѣ земли раздѣлены были на волоки, урядъ получаетъ всѣ сборы съ десятой волоки, исключая овесъ и сѣно, изъ гуменъ третій снопъ всякаго хлѣба, торговую и помѣрную пошлину всю, съ мясниковъ въ торговые дни, при спускѣ прудовъ десятую рыбу, пени съ крестьянъ, которые на работу не выйдутъ и проч. Крестьяне имѣютъ право въѣзжать, хотя не глубоко, въ

лѣса королевскіе по дрова, хворостъ, строевой лѣсъ, по лыки, впрочемъ для своей только надобности, а не на продажу. Дѣтямъ и женщинамъ не запрещается собирать во всѣхъ лѣсахъ королевскихъ грибы, лѣсные овощи, ягоды и хмель. На своихъ волокахъ крестьянинъ можетъ убить волка, лисицу, рысь, россомаху, зайца, бѣлку и всякаго другаго малаго звѣря, также птицу всякую, и можетъ продавать эту добычу всякому, не объявляя уряду; по серны и другихъ большихъ звѣрей не можетъ убивать и на своихъ волокахъ; а особливо въ пущахъ и подъ пущами королевскими крестьяне не должны держать ружей и не должны ловить никакихъ звѣрей подъ страхомъ смерти. Крестьяне могутъ ловить рыбу въ рѣкахъ и озерахъ королевскихъ малыми сѣтями, но ёзовъ устроять не могутъ; въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ въ озерахъ не могутъ ловить рыбы ничѣмъ, должны оставлять ее для расплоду, а въ рѣкахъ могутъ ловить всегда. Бѣдный крестьянинъ можетъ, въ голодное время, засѣявъ поля, на зиму уходить для прокормленія, объявивъ о своей бѣдности уряду при войтѣ; у него не отбираются ни хозяйство, ни посѣвъ до дня Св. Іоанна; а если не воротится къ этому времени, то теряетъ посѣвъ, и все его хозяйство отдается другому. Если крестьянинъ уйдетъ, не объявивши урядику при войтѣ, то вся земля его со всѣмъ хозяйствомъ отдается другому, а бѣглеца урядъ отыскиваетъ. Если крестьянинъ, ушедшій съ вѣдома уряда, воротится послѣ Св. Іоанна, также если бѣглецъ будетъ вытребованъ или самъ воротится, то водворять ихъ на пустыхъ волокахъ. Если крестьянинъ уйдетъ вслѣдствіе обиды, нанесенной ему урядникомъ или войтомъ, и потомъ возвратится, то ревизоръ долженъ изслѣдовать дѣло и рѣшить — допустить ли его къ посѣвамъ и усадьбѣ или нѣтъ. Крестьянинъ можетъ продать свое строеніе и хозяйство предъ урядомъ, въ присутствіи войта и лавниковъ и, водворивъ покупщика (который долженъ быть въ силахъ исполнять повинности), можетъ поселиться въ городѣ или на пустой волокѣ, но только въ королевскомъ же имѣніи. Пустыя волоки заселяются добрыми людьми, которые въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ не должны давать больше 42 грошей за всѣ повинности. Для поставки подводъ въ дальній путь или для постройки замковъ и дворовъ крестьяне складываются съ трехъ или четырехъ волокъ на одинъ возъ или на одного работника, за что крестьяне освобождаются отъ податей. Крестьяне должны строить также мосты,

ходить на стражу въ замки и дворы королевскіе. Ремесленники всякаго рода должны быть водворяемы ревизоромъ на одной свободной волокѣ при всѣхъ замкахъ и дворахъ королевскихъ.

Касательно промышленности любопытна грамота, данная Сигизмундомъ Августомъ виленскому стеклянному заводчику, дворянину Мартину Палецкому: заводчикъ обязанъ былъ давать въ казну королевскую ежегодно по 200 сткляницъ большихъ и по 200 малыхъ, и за это получалъ привилегію, что все привозимое въ Вильну стекло, кромѣ венеціанскаго, могло быть продаваемо только одному ему, и въ Вильнѣ не будетъ позволено никому другому устраивать стеклянные заводы.

Относительно торговли замѣчательна грамота Сигизмунда Августа, по которой для избѣжанія дороговизны съѣстныхъ припасовъ въ Вильнѣ запрещено перекупать ихъ; смотрѣть за исполненіемъ королевскаго приказа поручено бурмистрамъ и радцамъ. Въ договорѣ, заключенномъ съ крымскимъ ханомъ въ 1540 году между прочимъ выговорено, что купцы польскіе и литовскіе могутъ свободно брать соль въ Качибіевѣ (Одессѣ) и, заплативши мыто по старинѣ, возить соль въ Кіевъ, Луцкъ и другіе города подъ охраною ханскихъ людей, и еслибы королевскіе подданные потерпѣли въ Качибіевѣ какой-нибудь убытокъ отъ людей ханскихъ, то ханъ за него платитъ; также всѣмъ купцамъ польскимъ и литовскимъ вольно ходить съ товарами въ Перекопъ и Кафу и торговать тамъ, платя стародавныя мыта, и наоборотъ, купцамъ татарскимъ вольно торговать во владѣніяхъ королевскихъ. Въ 1540 году установлены были двѣ торговыя дороги изъ Литвы въ Пруссію: одна шла къ Мемелю на Горжды, гдѣ собирался мытъ; другая на Юрбургъ, гдѣ по пятницамъ происходили торги; изъ товаровъ, складываемыхъ здѣсь, упоминается преимущественно соль. Въ 1547 году на виленскомъ сеймѣ король съ панами и шляхтою разсуждалъ о томъ, что подданные его закона римскаго и греческаго добываютъ въ пущахъ, лѣсахъ и борахъ великаго княжества Литовскаго всякаго рода лѣсные товары и запродаютъ ихъ купцамъ прусскимъ, лифляндскимъ, а также и своимъ литовскимъ Жидамъ, и купцы эти и Жиды при запродажѣ товаровъ, при спускѣ ихъ, бракованьѣ и продажѣ обманываютъ ихъ, такъ что они получаютъ очень малую прибыль; пущи, лѣса, и боры, вѣчная собственность земская, пустошатся, и только чужеземные купцы да Жиды богатѣютъ. Для

избѣжанія этого сеймъ постановилъ: учредить на границахъ складочныя мѣста, куда бы каждый изъ литовскихъ подданныхъ обязанъ были привозить лѣсные товары; здѣсь королевскіе чиновники покупали ихъ по назначеннымъ цѣнамъ, и потомъ уже старались сбывать за границу какъ можно выгоднѣе для казны. Такія складочныя мѣста были устроены въ Ковнѣ, Брестѣ, въ Дриссѣ подъ Полоцкомъ и въ Салатѣ, въ землѣ Жмудской.

Отъ описываемаго времени дошло до насъ извѣстіе о торговомъ значеніи Кіева и его области: „Кіевъ изобилуетъ иностранными товарами, ибо для всего, что привозится изъ Малой Азіи, Персіи, Индіи, Аравіи, Сиріи на сѣверъ, въ Московское государство, Швецію, Данію (драгоцѣнные каменья, шелковыя и золотошвейныя ткани, ладонъ, опміамъ, шафранъ, перецъ и другіе ароматы) нѣтъ другой болѣе вѣрной, прямой и извѣстной дороги, какъ отъ Кафы, чрезъ Перекопъ, Таванскій перевозъ на Днѣпрѣ и Кіевъ. Этою дорогою часто отправляются чужестранные купцы караванами, въ которыхъ бываетъ ихъ до тысячи, со многими повозками и осѣдланными верблюдами. Но когда купцы, чтобъ избѣжать двойной переправы черезъ Днѣпръ и уплаты пошлины, оставя старую дорогу, отправляются отъ Перекопа прямо въ Московское государство на Путивль, то часто подвергаются грабежамъ. Кіевскіе воеводы, откупщики, купцы, мѣнялы, лодочники, возчики, корчмари получаютъ большую выгоду отъ этихъ каравановъ. Выгоды бываютъ отъ каравановъ и тогда, когда проходятъ они въ зимнее время по полямъ и засыпаются грудами снѣга. Такимъ образомъ случается, что кіевскія хижины, обильныя впрочемъ плодами, молокомъ и медомъ, мясомъ и рыбою, но грязныя, наполняются драгоцѣнными шелковыми тканями, дорогими каменьями, соболями и другими мѣхами, ароматами и проч., такъ что шелкъ иногда тамъ дешевле, чѣмъ ленъ въ Вильнѣ, а перецъ дешевле соли“ [37].

Что касается состоянія русской церкви при Іоаннѣ, то предѣлы ея распространились вмѣстѣ съ предѣлами государства на востокѣ, чрезъ покореніе Казани и Астрахани, которыя, сдѣлавшись городами русскими, вмѣстѣ съ тѣмъ должны были сдѣлаться городами христіанскими. По важности мѣста, какимъ была Казань, по важности слѣдствій для церкви и государства, какія могло имѣть обращеніе окружнаго народонаселенія въ христіанство, положено было учредить здѣсь особую епархію. Первый архіепископъ казанскій и

свіяжскій Гурій отправился въ свою епархію изъ Москвы весною 1555 года. Это отправленіе было необычное, первое въ русской исторіи: архіепископъ ѣхалъ въ завоеванное, невѣрное царство распространять тамъ христіанство, утверждать нравственный нарядъ, везъ съ собою духовенство, нужныя для церкви вещи, иконы и проч.; этотъ духовный походъ Гурія въ Казань соотвѣтствовалъ отправленію греческаго духовенства изъ Византіи и Корсуня для просвѣщенія Руси христіанствомъ при Владимірѣ; онъ былъ завершеніемъ покоренія Казани, великаго подвига, совершеннаго для торжества христіанства надъ мусульманствомъ: понятно, что онъ совершился съ большимъ торжествомъ. Въ седьмое воскресенье послѣ Свѣтлаго Воскресенья въ Успенскомъ соборѣ былъ молебенъ: служилъ митрополитъ Макарій, новый архіепископъ Гурій; крутицкій владыка Нифонтъ съ архимандритомъ и игуменами, святили воду надъ мощами; послѣ молебна духовенство съ крестомъ, Евангеліемъ и иконами пошло на Фроловскій мостъ (къ Фроловскимъ или Спасскимъ воротамъ), за нимъ шелъ царь съ братьями, князьями, боярами и множествомъ народа; передъ Кремлемъ другой молебенъ, послѣ котораго царь и митрополитъ простились съ Гуріемъ. Въ это время за Фроловскими воротами уже было положено основаніе знаменитому Покровскому собору въ память взятія Казани: на этомъ основаніи Гурій говорилъ ектенію, осѣнялъ крестомъ и кропилъ святою водою; вышедши на Живой мостъ изъ Новаго города, онъ читалъ Евангеліе, ектенію, осѣнялъ крестомъ и говорилъ молитву, сочиненіе митрополита Иларіона Русскаго, за царя и за все православіе; здѣсь былъ отпускъ: Гурій осѣнилъ крестомъ и благословилъ слѣдовавшій за нимъ народъ, окропилъ его и городъ святою водою, и вошелъ въ судно, гдѣ продолжалось пѣніе и чтеніе Евангелія. Подъ Симоновымъ казанское духовенство вышло изъ судна и было встрѣчено симоновскимъ архимандритомъ съ крестами. Здѣсь Гурій служилъ литургію, обѣдалъ и почевалъ, а на другой день рано отправился въ дальнѣйшій путь, по Москвѣ-рѣкѣ, Окѣ и Волгѣ, на дорогѣ, по прибрежнымъ погостамъ и большимъ селамъ, посылалъ кропить святою водою храмы, мѣста и народъ. Коломенскій владыка долженъ былъ въ своемъ городѣ велѣть кликать на торгу, чтобъ весь народъ шелъ къ молебнамъ и на встрѣчу казанскому архіепископу; встрѣченный владыкою съ крестнымъ ходомъ и всѣмъ народомъ, Гурій служилъ въ Коломнѣ литургію и

обѣдалъ у владыки. Во всѣхъ другихъ городахъ былъ ему такой же пріемъ. По пріѣздѣ въ Казань новый архіепископъ обязанъ былъ поучать народъ каждое воскресенье; новокрещенныхъ всегда поучать страху Божію, къ себѣ пріучать, кормить, поить, жаловать и беречь во всемъ, дабы и прочіе невѣрные, видя такое береженіе и жалованіе, поревновали христіанскому праведному закону и просвѣтились святымъ крещеніемъ. Въ наказѣ, данномъ Гурію, говорится: которые Татары захотятъ креститься волею, а не отъ неволи, тѣхъ велѣть крестить, и лучшихъ держать у себя въ епископіи, поучать христіанскому закону и покоить какъ можно; а другихъ раздавать крестить по монастырямъ; когда новокрещенные изъ-подъ наученія выйдутъ, архіепископу звать ихъ къ себѣ обѣдать почаще, поить ихъ у себя за столомъ квасомъ, а послѣ стола посылать ихъ поить медомъ на загородный дворъ. Которые Татары станутъ приходить къ нему съ челобитьемъ, тѣхъ кормить и поить у себя на дворѣ квасомъ же, а медомъ поить на загородномъ дворѣ, приводить ихъ къ христіанскому закону, причемъ разговаривать съ ними кротко, тихо, съ умиленіемъ, а жестоко съ ними не говорить. Если Татаринъ дойдетъ до вины и убѣжитъ къ архіепископу отъ опалы и захочетъ креститься, то назадъ его воеводамъ никакъ не отдавать, а крестить, покоить у себя, и посовѣтоваться съ намѣстниками и воеводами: если приговорятъ держать его въ Казани, на старой его пашнѣ и на ясаку, то держать его на старой пашнѣ и на ясаку, а нельзя его будетъ держать въ Казани, изъ опасенія новой измѣны, то, крестивъ, отослать къ государю. Котораго Татарина за какую-нибудь вину воеводы велятъ казнить, а другіе Татары придутъ къ архіепископу бить челомъ о печалованіи, то архіепископу посылать отпрашивать виновнаго и, по совѣту намѣстника и всѣхъ воеводъ, взять его у намѣстника и воеводъ за себя и, если можно, держать его въ Казани, а если нельзя, отослать къ государю. Держать архіепископу совѣтъ съ намѣстникомъ и воеводами: на которыхъ Татаръ будетъ у нихъ опала не великая, и захотятъ ихъ остраститъ казнію, а до казни не дойдутъ, о такихъ пусть они сказываютъ архіепископу, и архіепископу отъ казни ихъ отпрашивать, хотя ему отъ нихъ и челобитья не будетъ. Всѣми способами, какъ только можно, архіепископу Татаръ къ себѣ пріучать и приводить ихъ любовію на крещеніе, а страхомъ ко крещенію никакъ не приводить. Услышитъ архіепископъ безчиніе въ казанскихъ и свіяжскихъ воеводахъ, въ

дѣтяхъ боярскихъ и во всякихъ людяхъ, или и въ самихъ намѣстникахъ, относительно закона христіанскаго, то поучать ихъ съ умиленіемъ; не станутъ слушаться—говорить съ запрещеніемъ; не подѣйствуетъ и запрещеніе—писать о ихъ безчинствахъ къ царю. Архіепископу держать намѣстниковъ казанскихъ и свіяжскихъ честно. Если случится намѣстнику казанскому и воеводамъ обѣдать у архіепископа, то намѣстника сажать по конецъ стола, воеводъ сажать у себя по другую сторону въ большомъ столѣ, пропустя отъ себя мѣста съ два; архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ сажать въ кривомъ столѣ; послѣ стола подать чашу царскую архіепископу, архіепископскую чашу намѣстнику, намѣстничью архимандриту или игумену большому, а не случится такого, то архіепископскому боярину. О какихъ царскихъ думныхъ дѣлахъ намѣстникъ и воевода станутъ совѣтоваться съ архіепископомъ, то ему съ ними совѣтоваться и мысль свою во всякихъ дѣлахъ имъ давать, кромѣ однихъ убійственныхъ дѣлъ; а мыслей намѣстника и воеводъ никакъ не разсказывать никому. Держать архіепископу у себя во дворѣ береженье великое отъ огня, поварни и хлѣбни подѣлать въ землѣ; меду и пива въ городѣ у себя на погребѣ не держать, держать на погребѣ у себя квасъ, а вино, медъ и пиво держать за городомъ на погребѣ. Намѣстнику и воеводамъ говорить почаще, чтобъ береженье держали отъ огня и отъ корчмъ великое, чтобъ дѣти боярскіе и всякіе люди ночью съ огнемъ не сидѣли и съѣздовъ у нихъ, ночнаго питья не было; да и днемъ бы не бражничали, по городу и въ воротахъ держали сторожей и береженье великое. Если архіепископъ узнаетъ, что у намѣстника и воеводъ въ городѣ не бережно, или людямъ насиліе, то говорить объ этомъ намѣстнику и воеводамъ дважды и трижды, чтобъ такъ не дѣлали; если же не послушаютъ, то писать къ государю.—Новому архіепископу назначено было, по тому времени, большое жалованье: деньгами 865 рублей, да изъ казанской, свіяжской и чебоксарской таможенной пошлины десятой деньги 155 рублей 11 алтынъ; кромѣ того столовые припасы шли натурою, отъ ржи до пряныхъ кореньевъ.—Наказъ относительно обращенія Татаръ въ христіанство былъ выполненъ какъ нельзя лучше Гуріемъ и двумя помощниками его—архимандритами Германомъ и Варсонофіемъ, изъ которыхъ первый, былъ преемникомъ Гурія на архіепископіи казанской: нѣсколько тысячъ магометанъ и язычниковъ обращены были въ христіанство.

Въ Астрахани были также обращенія; мы видѣли, что черкесскіе князья пріѣзжали въ Москву, крестились сами или крестили сыновей своихъ; къ нимъ въ горы посылались изъ Москвы священники для возстановленія падшаго тамъ христіанства.

На далекомъ сѣверѣ продолжалось обращеніе Лопарей: при Іоаннѣ IV кончилъ свои подвиги относительно обращенія кольскихъ Лопарей Ѳеодоритъ, печенскихъ—Трифонъ. Уроженецъ новгородской области, Трифонъ съ молодыхъ лѣтъ пристрастился къ пустынной жизни; странствуя по лѣсамъ своей родины, онъ услыхалъ голосъ, говорившій ему, что не въ нихъ онъ долженъ искать Христа, что его ждетъ земля необѣтованная, непроходимая, необитаемая и жаждущая. Трифонъ отправился къ берегамъ моря-океана, поселился въ пустынной странѣ на рѣкѣ Печенгѣ, жилъ бездомно и безкровно, и началъ поучать окрестныхъ Лопарей новой вѣрѣ; дѣло было трудное: колдуны-кебуны лопскіе, не умѣя оспорить Трифона словомъ, били, терзали его, собирались убить; но въ толпѣ дикарей являлись защитники, слышались голоса: „чѣмъ же онъ виноватъ? говоритъ онъ намъ о добромъ дѣлѣ, о царствіи Божіемъ, смерть нашу называетъ сномъ, говоритъ, что воскреснемъ; оставимъ его теперь, а если найдемъ въ немъ вину, тогда убьемъ". Трифона выгоняли; но онъ возвращался и успѣлъ огласить многихъ Лопарей; приведенный имъ изъ Колы священникъ крестилъ оглашенныхъ и освятилъ имъ церковь.

Но въ то время, какъ ревностные проповѣдники распространяли христіанство на пустынныхъ берегахъ Сѣвернаго Океана, новгородскіе владыки должны были бороться съ язычествомъ, упорно державшимся въ Воцкой пятинѣ: въ 1534 году новгородскій архіепископъ Макарій долженъ былъ писать въ Воцкую пятину, въ Чудь и во всѣ копорскіе, ямскіе, ивангородскіе, корельскіе и орѣховскіе уѣзды, къ тамошнему духовенству: „Здѣсь мнѣ сказывали, что въ вашихъ мѣстахъ многіе христіане заблудили отъ истинной вѣры, въ церкви не ходятъ и къ отцамъ своимъ духовнымъ не приходятъ, молятся по сквернымъ своимъ мольбищамъ деревьямъ и камнямъ, въ Петровъ постъ многіе ѣдятъ скоромное и жертву и питья жрутъ и пьютъ мерзкимъ бѣсамъ, и призываютъ на свои скверныя мольбища отступниковъ арбуевъ чудскихъ; мертвыхъ своихъ кладутъ въ селахъ по курганамъ и коломищамъ съ тѣми же арбуями, а къ церквамъ на погосты не возятъ хоронить; когда

родится дитя, то они къ родильницамъ прежде призываютъ арбуевъ, которые младенцамъ имена нарекаютъ по своему, а васъ, игуменовъ и священниковъ, они призываютъ послѣ; на кануны свои призываютъ тѣхъ же арбуевъ, которые и арбуютъ сквернымъ бѣсамъ; а вы отъ такихъ злочиній не унимаете и не наказываете ученіемъ. Да въ вашихъ же мѣстахъ многіе люди отъ женъ своихъ живутъ законопреступно съ женками и дѣвками, а жены ихъ живутъ отъ нихъ съ другими людьми законопреступно, безъ вѣнчанія и безъ молитвы". Архіепископъ для искорененія этихъ безпорядковъ послалъ въ Водцкую пятину священника и двоихъ своихъ дѣтей боярскихъ съ приказаніемъ скверныя мольбища разорять и истреблять, огнемъ жечь, а христіанъ поучать истинной вѣрѣ, покаявшихся арбуевъ исправлять по правиламъ церковнымъ, а непослушныхъ хватать и отсылать къ нему въ Новгородъ. Но распоряженія Макарія остались недѣйствительными, потому что черезъ 13 лѣтъ преемникъ его, архіепископъ Ѳеодосій, долженъ былъ повторить тѣ же самыя увѣщанія и распоряженія, указывая на тѣ же самые безпорядки, съ прибавкою одного новаго: „въ вашихъ же мѣстахъ, пишетъ Ѳеодосій, въ Чудской землѣ замужнія жены и вдовы головы брѣютъ, и покрывало на головахъ и одежду на плечахъ носятъ подобно мертвечьимъ одеждамъ, и въ томъ ихъ безчиніи великое поруганіе женскому полу".

Монастыри по прежнему продолжаютъ содѣйствовать заселенію пустынныхъ пространствъ. Игуменъ Ѳеодоръ построилъ пустыньку на лѣсу черномъ дикомъ между Вологодскимъ, Каргопольскимъ и Важскимъ уѣздами; по его челобитью, государь въ 1546 году пожаловалъ, велѣлъ тотъ лѣсъ разчищать на всѣ стороны отъ монастыря по двѣнадцати верстъ, займище распахивать и людей призывать; призванное народонаселеніе, по обычаю, получило извѣстныя льготы. Иногда монастырь основывался вслѣдствіе челобитья народонаселенія цѣлой страны; такъ въ 1580 году съ Вятки изъ города Хлынова выборные судьи и всѣ земскіе люди прислали къ царю отъ всей земли челобитную, что вятскіе города отъ московскихъ городовъ далеко, а монастыря во всей вятской землѣ нѣтъ, престарѣлымъ и увѣчнымъ людямъ постригаться негдѣ, а иные при смерти постричься желаютъ: и потому они хотятъ устроить у себя монастырь, въ строители излюбили Пыскорскаго монастыря постриженника

старца Трифона, а земля у нихъ есть: намѣстничьи деревни стоятъ пустыя, не пашетъ никто.

Сѣверные пустынные монастыри продолжали воспитывать въ своихъ инокахъ твердость духа въ борьбѣ противъ явленій нехристіанскихъ. Въ страшную эпоху кровавой борьбы и насилій торжествующаго начала самый отдаленный на сѣверѣ монастырь Соловецкій выслалъ въ Москву въ митрополиты своего игумена, который не усомнился поднять голосъ за милосердіе: рядъ знаменитыхъ московскихъ іерарховъ, столько содѣйствовавшихъ усиленію Москвы, установленію единодержавія и признанныхъ церковью святыми, заключился великимъ мученикомъ, за священное право печалованія о падшихъ, слабыхъ. Іоаннъ въ посланіи изъ Александровской слободы къ московскому народу жалуется, что духовенство печалуется за людей, по его мнѣнію, недостойныхъ; но любопытно, что здѣсь царь не упоминаетъ о митрополитѣ; съ Филиппа Іоаннъ взялъ обѣщаніе не вступаться въ опричнину и въ домовый царскій обиходъ, но о печалованіи не было упомянуто ни слова; казанскому архіепископу Гурію печалованіе было предписано, какъ средство привлекать Татаръ къ принятію христіанства. Ходатайство митрополита Макарія принималось въ уваженіе царемъ и прямо выставлялось какъ побужденіе къ оказанію какой-нибудь милости, исполненію какой-нибудь просьбы; такъ царь писалъ новгородскимъ дьякамъ: „о женѣ князя Богдана Корецкаго поминалъ намъ отецъ нашъ Макарій, митрополитъ всея Руси, чтобъ намъ ее пожаловать, изъ мужняго помѣстья велѣть дать земли на прожитокъ: и я, для отца своего Макарія митрополита, ее пожаловалъ, велѣлъ ей изъ замужняго помѣстья отдѣлить 15 обежъ“. Для митрополита же пожалованъ былъ новгородскій помѣщикъ Курцовъ, не велѣно было отнимать у него стараго помѣстья; по просьбѣ новгородскаго архіепископа Пимена и митрополита Макарія уменьшенъ былъ денежный взыскъ съ князя Ивана Буйносова-Ростовскаго. Хотя митрополитъ на просьбы литовскихъ пановъ о посредничествѣ для заключенія мира обыкновенно отвѣчалъ, что онъ въ эти дѣла не входитъ, знаетъ только свои церковныя дѣла: однако мы встрѣчаемъ извѣстіе, что государь совѣщался съ митрополитомъ о дѣлахъ вовсе не церковныхъ; такъ 1550 году государь приговорилъ съ митрополитомъ, братьями и боярами гдѣ быть на службѣ боярамъ и воеводамъ по полкамъ.

Сверженіе Филиппа съ митрополіи вслѣдствіе столкновеній съ

опричниною не было первымъ примѣромъ въ XVI вѣкѣ: великій князь Василій свергнулъ митрополита; въ малолѣтство Іоанна свергнуты были два митрополита. До насъ дошелъ чинъ поставленія митрополита Іоасафа; здѣсь сначала сказано: „Князь великій Иванъ Васильевичъ всея Россіи съ своими богомольцами, архіепископомъ Макаріемъ Великаго Новгорода и Пскова, съ епископами, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ старцами духовными и всѣми боярами, избралъ на митрополію духовнаго старца Троицкаго Сергіева монастыря игумена Іоасафа, и нарекъ его митрополитомъ всея Россіи.“ Послѣ этого нареченія государь пошелъ къ соборной церкви Успенія съ нареченнымъ митрополитомъ, со всѣмъ духовенствомъ и боярами; нареченнаго предъ государемъ вели два епископа подъ руки; приложившись къ образамъ и мощамъ, государь пошелъ на митрополичій дворъ, гдѣ архіепископъ и епископы посадили нареченнаго на уготованномъ мѣстѣ.—Потомъ въ приведенномъ актѣ говорится, что въ тотъ же самый день (февраля 6-го 1539 года) въ соборной церкви Успенія, въ придѣлѣ Похвалы Богородицы, по совѣту архіепископа Макарія, сѣли епископы—рязанскій, тверской, сарскій и пермскій и выбрали на митрополію по писанію книжному. Но ошибка въ числѣ поправляется другимъ актомъ, гдѣ говорится о формѣ избранія: февраля 5-го означенные епископы; имѣя съ собою волю и хотѣніе остальныхъ епископовъ русскихъ, избрали на митрополію кіевскую, владимірскую и всея Россіи троихъ: чудовскаго архимандрита Іону, троицкаго игумена Іоасафа, новгородскаго хутынскаго игумена Өеодосія; запечатавши имена ихъ, отдали архіепископу Макарію, который, помолившись, распечаталъ и нарекъ митрополитомъ Іоасафа.

9-го февраля происходило поставленіе избраннаго: предъ литургіею онъ долженъ былъ громогласно прочесть исповѣданіе православной вѣры. Во время литургіи, па третье „Святый Боже“ нареченнаго привели въ алтарь въ царскія двери, и архіепископъ съ епископами поставили его митрополитомъ, и онъ самъ служилъ литургію, причемъ однако посоха митрополичьяго подьяконы не держали; послѣ литургіи, когда новый митрополитъ сѣлъ на свое святительское мѣсто каменное, подошелъ къ нему государь и послѣ рѣчи подалъ посохъ. По выходѣ изъ церкви митрополитъ съ крестомъ въ рукахъ сѣлъ на осля и поѣхалъ на великокняжескій дворъ благословлять государя: осля велъ великокняжескій конюшій

да бояринъ митрополичій. Побывъ у государя, митрополитъ ѣздилъ на свой дворъ завтракать съ архіепископомъ и епископами; послѣ завтрака отправился опять на ослѣ около города каменнаго благословлять народъ и весь городъ, послѣ чего обѣдалъ у себя съ архіепископомъ и епископами. Въ письменномъ исповѣданіи своемъ митрополитъ клялся между прочимъ соблюдать православную вѣру согласно со вселенскими патріархами, а не такъ какъ Исидоръ принесъ отъ новозлочестивнѣ процвѣтшаго несвященнаго латинскаго собора; исповѣдывалъ, что при поставленіи ничего никому не далъ, не обѣщалъ дать и не дастъ; обѣщалъ соблюдать все по старинѣ и не дѣлать ничего по нуждѣ ни отъ царя или великаго князя, ни отъ князей многихъ, если и смертію будутъ грозить, приказывая что-нибудь сдѣлать вопреки божественнымъ и священнымъ правиламъ; обѣщалъ не позволять, чтобъ-кто нибудь изъ православныхъ соединился съ Армянами, Латинами и прочими иновѣрными бракомъ, кумовствомъ и братствомъ.— 9-го февраля былъ поставленъ Іоасафъ, и только 26-го марта предшественникъ его Даніилъ далъ, то-есть принужденъ былъ дать отреченную грамоту. По смерти митрополита Макарія въ 1564 году царь съ сошедшимися для избранія новаго митрополита архіереями приговорилъ: митрополитъ архіепископамъ и епископамъ всѣмъ глава, а въ томъ его высокопрестольной степени почести нѣтъ, что онъ носитъ черный клобукъ, и владыки всѣ носятъ черные же клобуки, а новгородскій архіепископъ носитъ бѣлый клобукъ: отъ сего времени носить митрополиту клобукъ бѣлый съ рясами и херувимовъ, печатать грамоты краснымъ воскомъ; архіепископу новгородскому носить бѣлый клобукъ и печатать грамоты краснымъ воскомъ; архіепископу казанскому краснымъ же воскомъ.— Тогда же написанъ былъ новый чинъ митрополичьяго поставленія съ нѣкоторыми незначительными перемѣнами противъ прежняго.

Относительно избранія епископовъ въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ выраженія: „Повелѣніемъ царя, избраніемъ митрополита и собора“ или: „Повелѣніемъ царя, по благословенію и рукоположенію митрополита, по совѣту освященнаго собора“.—Въ лѣтописномъ извѣстіи о поставленіи архіепископа Александра въ Новгородъ въ 1576 году встрѣчаемъ слова: „а избралъ его на владычество самъ государь.“ О новгородскомъ владыкѣ Ѳеодосіи говорится, что онъ былъ поставленъ въ 1541 году митрополитомъ Макаріемъ и возведенъ на архі-

епископію московскимъ бояриномъ Григоріемъ Мануиловымъ: Новопоставленный владыка, пріѣхавши въ главный городъ своей епархіи, приказывалъ читать всенародно настольную грамоту, данную ему митрополитомъ; подъ 1572 годомъ новгородскій лѣтописецъ разсказываетъ: владыка Леонидъ пѣлъ молебны со всѣми соборами у Св. Софіи, а послѣ молебновъ велѣлъ свою настольную грамоту читать, на амвонѣ, Якову ризничему своему, предъ всѣмъ соборомъ вслухъ людямъ всѣмъ. И въ то же время владыка началъ говорить архимандриту Юрьева монастыря Ѳеоктисту: „Зачѣмъ ты архимандритъ, мнѣ своей настольной грамоты не кажешь? по какому праву ты архимандритишь?“ Архимандритъ отвѣчалъ: „Государь! я не успѣлъ, была поѣздка въ Москву, и потому я тебѣ своей грамоты не приносилъ.“ Владыка сказалъ на это: „Когда у меня настольной грамоты не было, такъ я три дня не служилъ.“ На это архимандритъ отвѣчалъ: „Тебѣ съ меня хочется денегъ содрать, но мнѣ тебѣ нечего дать: тебѣ и архимандритство, и настольная грамота; хочешь сдери съ меня и ризы, я и объ этомъ тужить не буду.“ Тогда владыка сказалъ: „Игумены и всѣ священники! слушайте на соборѣ и послѣ не отопритесь: архимандритъ прекословитъ на соборѣ передъ вами.“ Тутъ же сказалъ онъ всѣмъ священникамъ: „Вы до сихъ поръ мнѣ не приносили своихъ поповскихъ грамотъ подписывать, и я теперь подписывать ихъ не стану; а которые священники дальніе, тѣхъ Богъ проститъ.“ Мы видѣли судьбу новгородскаго владыки Пимена; преемника его Леонида царь велѣлъ зашить въ медвѣжью шкуру и затравить собаками, а по другимъ извѣстіямъ удавить. Мы видѣли, что жители Хлынова, прося прямо царя объ учрежденіи у нихъ монастыря, извѣщаютъ, что они уже излюбили строителя. Иногда игуменъ какого-нибудь монастыря билъ челомъ царю, что онъ уже старъ, и чтобъ царь пожаловалъ, устроилъ на его мѣсто такого-то старца; иногда вся братія просила царя о назначеніи имъ въ игумены такого-то старца. Относительно избранія священниковъ состоялся въ 1551 году соборный приговоръ вслѣдствіе жалобъ новгородскихъ священниковъ: „По всѣмъ церквамъ и улицамъ старостамъ и уличанамъ избирать поповъ и дьяконовъ искусныхъ, грамотѣ горазныхъ и житіемъ непорочныхъ, а денегъ у нихъ на церковь и себѣ мзды не брать ничего: выбравши, приходятъ съ ними къ архіепископу, и архіепископъ, поучивъ и наказавъ, благословляетъ,

и не беретъ съ нихъ ничего, кромѣ благословенной гривны; отъ дьяконовъ, просвирень и пономарей попамъ и уличанамъ прихожанамъ посуловъ не брать, но Бога ради избирать священниковъ всѣмъ вмѣстѣ, чтобъ были искусны и непорочны. А который попъ или дьяконъ овдовѣетъ, и останется у него сынъ или братъ, или зять, или племянникъ, на его мѣсто пригожій, грамотѣ горяздый и искусный, то его въ попы на мѣсто поставить, а денегъ на немъ не брать же".

Мы видѣли, что еще при дѣдѣ Іоанна Грознаго церковь обратила вниманіе на улучшеніе нравственности духовенства, слѣдствіемъ чего было извѣстное постановленіе о вдовыхъ священнослужителяхъ; въ царствованіе Іоанна IV еще сильнѣе обнаружилось стремленіе уврачевать нравственныя язвы, которыми страдало русское общество. Это стремленіе, это сознаніе своихъ недостатковъ и нежеланіе мириться съ ними обнаруживало силу общества, способность его къ дальнѣйшему преуспѣянію: но какъ въ описываемое время, такъ и долго послѣ при этомъ стремленіи во многомъ должны были ограничиваться указаніемъ на нравственныя язвы, выраженіемъ желанія уврачевать ихъ, увѣщаніями къ этому врачеванію; зло не истреблялось, ибо главное средство къ его истребленію, по обстоятельствамъ, не могло придти еще въ силу, хотя необходимость его и сознавалась лучшими людьми: это средство— просвѣщеніе. По недостатку яснаго свѣта должны были идти ощупью, браться за средства внѣшнія, не ведущія къ цѣли и оскорбительныя для нравственнаго достоинства человѣка, какъ напримѣръ постановленіе о вдовыхъ священнослужителяхъ; по недостатку яснаго свѣта не могли различать хорошо предметовъ и смѣшивали дѣйствительные нравственные недостатки съ обычаями, не имѣющими никакого отношенія къ нравственности.

Въ 1545 году десятинники жаловались новгородскому архіепископу Ѳеодосію, что игумены и священники Устюжны Желѣзопольской пренебрегаютъ церковнымъ строеніемъ и службою, вѣнчаютъ первобрачныя свадьбы и двоеженцевъ и троеженцамъ молитвы говорятъ безъ десятильничья знамени и докладу, пошлинъ десятильникамъ не платятъ; а иные крадучи законное уложеніе, многимъ людямъ молитвы говорятъ четвертымъ и пятымъ бракомъ, выставляя ихъ другоженцами и троеженцами; а иныхъ вѣнчаютъ въ роду и племени, въ кумовствѣ, сватовствѣ и законныхъ роспускахъ:

мужья неповинно женъ своихъ законныхъ отпускаютъ и берутъ другихъ, а пущеницы ихъ выходятъ за другихъ мужей: игумены же и священники такія свадьбы вѣнчаніемъ и молитвою случаютъ законопреступно, отъ безстрашія Божія. Многіе игумены и попы приходятъ изъ митрополіи и отъ иныхъ владыкъ, и служатъ въ новгородской архіепископіи, въ устюжской десятинѣ, безъ вѣдома и благословенія владыки новгородскаго; а иные вновѣ ставятся въ попы и въ дьяконы у митрополита и другихъ владыкъ въ устюжскую десятину, безъ совѣта, повелѣнія и безъ протропи владыки новгородскаго, ставятся въ попы и дьяконы хитростію, грамоты отпускныя себѣ вылыгаютъ у митрополита и владыкъ, и этихъ ставленныхъ и отпускныхъ грамотъ архіепископу новгородскому и его десятильникамъ не являютъ; а иные и безъ ставленныхъ и безъ отпускныхъ грамотъ служатъ. Случится попу или дьякону овдовѣть, и они, постригшись въ чернецы, служатъ у церквей литургію самовольно, безъ свидѣтельства, безъ обыску, безъ вѣдома и благословенія владыки. Если за подобныя дѣла десятильникъ станетъ игуменовъ, поповъ и дьяконовъ на поруки давать и назначать срокъ когда имъ явиться на судъ архіепископскій (срочить), то они на судъ не являются, на поруки не отдаются, десятильниковъ бьютъ и злословятъ неподобною бранью.

Въ 1551 году на церковномъ соборѣ царь подалъ святителямъ слѣдующій списокъ безпорядкамъ, для прекращенія которыхъ требовалъ ихъ содѣйствія: чтобъ по церквамъ звонили и пѣли по уставу, чтобъ поставлены были старосты поповскіе надъ всѣми священниками; при отдачѣ антиминсовъ продажа дѣлается большая; иконы пишутся неприлично; чтобъ при дачѣ вѣнечныхъ знаменъ не было великой продажи христіанству; божественныя книги писцы пишутъ съ неправильныхъ переводовъ, и написавъ не исправляютъ же; ученики учатся грамотѣ небрежно; у владыкъ бояре, дьяки, тіуны, десятинники и недѣльщики судятъ и управу чинятъ не прямо, волочатъ и продаютъ съ ябедниками вмѣстѣ, а десятинники поповъ по селамъ продаютъ безъ милости, дѣла сочиняютъ съ ябедниками, а жонки и дѣвки, съ судьею по заговору, чернецовъ, поповъ и міранъ обвиняютъ ложно въ насиліяхъ и позорѣ; въ монастыряхъ нѣкоторые постригаются для покоя тѣлеснаго, чтобъ всегда бражничать; архимандриты и игумены нѣкоторыя службы Божія, трапезы и братства не знаютъ, покоятъ себя въ кельи съ

гостями, племянниковъ своихъ помѣщаютъ въ монастыри и довольствуютъ ихъ всѣмъ монастырскимъ, также и по селамъ, въ кельи жонки и дѣвки приходятъ, ребята молодые по всѣмъ кельямъ живутъ, а братія бѣдная алчутъ и жаждутъ и ничѣмъ не упокоены; все богатство монастырское держатъ власти съ своими родственниками, боярами, гостями, пріятелями и друзьями; монахи и монахини по міру бродятъ, монахини живутъ въ мірскихъ просвирняхъ, монахи у мірскихъ церквей въ попахъ живутъ; просвирни надъ просвирами приговариваютъ. Милостыню и кормъ годовой, хлѣбъ, соль, деньги и одежду по богадѣльнымъ избамъ во всѣхъ городахъ даютъ изъ царской казны, христолюбцы также милостыню подаютъ; но въ богадѣльныя избы вкупаются у прикащиковъ мужики съ женами, а прямые нищіе, больные и увѣчные безъ призору по міру ходятъ: монахи и монахини, попы и міряне, мущины и женщины съ образами ходятъ и собираютъ на церковное строеніе: иноземцы этому дивятся. Надобно подумать, должны ли быть несудимыя грамоты? Въ монастыри отдаются имѣнія, а строенія въ монастыряхъ никакого не прибыло и старое опустѣло: кто этимъ корыстуется? Надобно рѣшить—прилично ли монастырямъ отдавать деньги въ ростъ? Монахи и попы пьянствуютъ; вдовые попы соблазняютъ своимъ поведеніемъ, остаются при церквахъ и исправляютъ всѣ требы, только обѣденъ не служатъ; старецъ на лѣсу келью поставитъ или церковь срубитъ, да пойдетъ по міру съ иконою просить на сооруженіе, у царя земли и руги проситъ, а что соберетъ, то пропьетъ; должно избирать игуменовъ и священниковъ достойныхъ. Въ церквахъ стоятъ въ тафьяхъ и шапкахъ, съ палками, говоръ и ропотъ и всякое прекословіе и бесѣды и срамныя слова; попы и дьяконы пьютъ безчинно, церковные причетники всегда пьяны, безъ страху стоятъ и бранятся; попы въ церквахъ дерутся между собою, и въ монастыряхъ тоже; попы и дьяконы безъ ризъ служатъ; пономари и дьяки двоеженцы и троеженцы въ алтари входятъ и святыни касаются. Головы и бороды брѣютъ и платье иновѣрныхъ земель носятъ; крестное знаменіе кладутъ не по существу; бранятся скаредными словами: и у иновѣрцевъ такое безчиніе не творится; клянутся именемъ Божіимъ во лжу; ружные попы не исполняютъ своихъ обязанностей. Продаютъ давленину. Христіане приносятъ въ церковь кутью, канунъ, на Великъ день пасху, сыры, яйца, рыбы печеныя, въ иные дни

калачи, пироги, блины, короваи и всякіе овощи: въ Новгородѣ и Псковѣ для этого устроенъ кутейникъ во всякой церкви, въ Москвѣ же все это вносится въ жертвенникъ и въ алтарь; въ монастыряхъ монахи и монахини и міряне живутъ вмѣстѣ. Надобно заняться выкупомъ плѣнныхъ изъ бусурманскихъ рукъ.

Соборъ, удовлетворяя царскимъ требованіямъ, постановилъ о поповскихъ старостахъ въ Москвѣ: сто священниковъ, или какъ число вмѣститъ, избираютъ себѣ священника исполненнаго разума духовнаго, рачителя божественному писанію, всякими добродѣтелями украшеннаго; тотъ избираетъ себѣ десятскихъ, и быть у одного старосты храмамъ сряду, чтобъ священники могли удобнѣе собираться для совѣщаній о церковныхъ чинахъ, духовныхъ дѣлахъ и о всякомъ благочестіи. Должно устроить въ Москвѣ семь соборовъ и семь старостъ. Этихъ избранныхъ старостъ приводятъ къ митрополиту, который ихъ испытываетъ и поучаетъ; старосты и священники въ соборномъ храмѣ держатъ полное собраніе божественныхъ правилъ, съ которыми старосты должны постоянно справляться; а священники и дьяконы, которые въ ихъ соборѣ, сходясь, держатъ передъ ними совѣщанія о всякихъ духовныхъ дѣлахъ; всѣ дѣла рѣшаютъ по правиламъ св. отецъ, въ чемъ же будетъ сомнѣніе, извѣщаютъ общему пастырю и учителю, митрополиту. Относительно церковнаго благочинія и нравственности духовенства соборъ постановилъ, чтобъ церковное и алтарное устроеніе было благообразно, чисто и непорочно: въ жертвенникъ и алтарь отнюдь бы ничего не вносили, ни съѣстнаго, никакихъ другихъ вещей, кромѣ иконъ, крестовъ, священныхъ сосудовъ, ризъ, покрововъ, свѣчей, ладону, просвиръ, масла и вина служебнаго, чтобъ на священныхъ сосудахъ непремѣнно былъ третій покровъ или воздухъ, также чтобъ престолъ не былъ безъ покрова и царскія двери безъ занавѣса. У простой чади въ міру дѣти родятся въ сорочкахъ, и былъ обычай эти сорочки приносить къ священникамъ, которые клали ихъ на престолѣ до шести недѣль; соборъ опредѣлилъ: впредь такой нечистоты и мерзости въ св. церкви не приносить. Соборъ постановилъ, чтобъ просвирни были вдовы послѣ одного мужа, не моложе 50 лѣтъ, въ добрыхъ дѣлахъ свидѣтельствованныя; отнюдь не должны онѣ говорить надъ просвирами никакихъ рѣчей; чтобъ монахини при мірскихъ церквахъ не жили въ просвирняхъ. Чтобъ звонъ церковный былъ по уставу. Чтобъ священники уговаривали

своихъ духовныхъ дѣтей чаще ходить въ церкви, особенно по воскресеньямъ и господскимъ праздникамъ; священники въ церквахъ должны показывать собою примѣръ всякой добродѣтели, благочестія, трезвости; также на пирахъ, во всенародномъ собраніи и во всякихъ мірскихъ бесѣдахъ священникамъ должно духовно бесѣдовать и божественнымъ писаніемъ поучать на всякія добродѣтели; а праздныхъ словъ, кощунства, сквернословія и смѣхотворенія отнюдь бы сами не дѣлали и дѣтямъ своимъ духовнымъ дѣлать запрещали; гдѣ же будутъ гусли, прегудники и потѣхи хульныя—отъ этихъ игръ священники должны удаляться, уходить домой, а сами на нихъ отнюдь не дерзать; чтобъ службы церковныя священники отправляли чинно и въ ризахъ. Каждому новому десятиннику всѣ городскіе попы и дьяконы обязаны показывать свои жалованныя, ставленныя, благословенныя и отпускныя грамоты, передъ поповскими и земскими старостами и цѣловальниками, которые у десятинниковъ въ судѣ сидятъ, причемъ пошлинъ съ этихъ грамотъ не даютъ; у которыхъ поповъ и дьяконовъ такихъ грамотъ не будетъ, тѣхъ отсылаютъ къ святителямъ за порукою. У сельскихъ поповъ и дьяконовъ смотрятъ грамоты десятскіе священники и старосты земскіе. Для большаго утвержденія всѣ святители посылаютъ къ духовенству и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ, по всѣмъ городамъ и селамъ соборныхъ священниковъ, добрыхъ, искусныхъ, чтобы церковные чины и божественное пѣніе совершались по уставу. Святители также должны посылать грамоты къ архимандритамъ, игуменамъ и протопопамъ, чтобъ они наблюдали за поведеніемъ поповскихъ старостъ и десятскихъ и всего духовенства. Относительно наблюденія за исполненіемъ соборныхъ предписаній мы имѣемъ выпись, данную въ 1552 году Берсеневу и Тютину, въ которой говорится: „Не велѣно священническому и иноческому чину по священнымъ правиламъ и соборному уложенію, въ корчмы входить, упиваться, праздпословить, браниться; и которые священники, дьяконы и монахи станутъ по корчмамъ ходить, упиваться, по дворамъ и улицамъ скитаться пьяные, сквернословить, непристойными словами браниться, драться: такихъ безчинниковъ хватать и заповѣдь на нихъ царскую брать, по земскому обычаю, какъ съ простыхъ людей бражниковъ берется, и отсылать чернецовъ въ монастыри къ архимандритамъ и игуменамъ, и тѣ ихъ смиряютъ по монастырскому чину; а поповъ

и дьяконовъ отсылать къ поповскимъ старостамъ, которые объявляютъ о нихъ святителямъ, и святители исправляютъ ихъ по священнымъ правиламъ; на которомъ чернецѣ нельзя заповѣди доправить, то взять заповѣдь на томъ, кто его напоилъ. Велѣть по торгамъ кликать: чтобъ православные христіане отъ мала и до велика именемъ Божіимъ во лжу не клялись, на кривь креста не цѣловали, непристойными словами не бранились, отцомъ и матерью скверными рѣчами другъ друга не упрекали, бородъ не брили и не стригли, усовъ не подстригали, къ волхвамъ, чародѣямъ и звѣздочетцамъ не ходили и у поля (судебнаго поединка) чародѣи не были бы.“ Какія мѣры употреблялись для исправленія церковныхъ служителей, забывавшихъ свои обязанности, видно также изъ слѣдующаго разсказа новгородскаго лѣтописца подъ 1572 годомъ: архіепископъ Леонидъ велѣлъ дьяковъ своихъ пѣвчихъ поставить на правежъ и велѣлъ на нихъ взять по полтинѣ московской за то, что не ходятъ въ церковь къ началу службы.—Относительно иконописанія соборъ постановилъ: писать живописцамъ иконы съ древнихъ образовъ, какъ греческіе живописцы писали и какъ писалъ Андрей Рублевъ и прочіе пресловутые живописцы, а отъ своего замышленія ничего не измѣнять. Архіепископы и епископы по всѣмъ городамъ и весямъ и по монастырямъ испытываютъ мастеровъ иконныхъ и ихъ письма сами смотрятъ; каждый въ своемъ предѣлѣ избираетъ нѣсколько живописцевъ, нарочитыхъ мастеровъ, и приказываетъ имъ смотрѣть надъ всѣми иконописцами, чтобъ въ нихъ худыхъ и безчинныхъ не было, а сами архіепископы и епископы смотрятъ надъ тѣми избранными живописцами и берегутъ этого дѣла накрѣпко, а живописцевъ берегутъ и почитаютъ больше простыхъ людей; вельможи и простые люди должны также живописцевъ во всемъ почитать.—Относительно изображеній святыхъ во Псковѣ въ 1540 году было любопытное происшествіе: къ Успеньеву дню старцы, переходцы съ иной земли, привезли образъ Св. Николая и Св. Пятницы на рѣзи въ храмцахъ (кіотахъ); во Псковѣ такихъ иконъ на рѣзи прежде не бывало, и многіе невѣжественные люди поставили это за болванное поклоненіе: была въ людяхъ молва большая и смятеніе; простые люди начали священникамъ говорить, а священники пошли къ намѣстникамъ и дьякамъ съ собора, что въ людяхъ большое смятеніе; старцевъ схватили, а иконы послали къ архіепископу въ Великій

Новгородъ. Владыка Макарій самъ молился предъ этими святыми иконами, молебенъ имъ соборно пѣлъ, честь имъ воздавалъ, самъ проводилъ до судна, и велѣлъ Псковичамъ эти иконы у старцевъ вымѣнить и встрѣчать ихъ соборно.

На жалобу царя, что ученики учатся грамотѣ небрежно, соборъ отвѣчалъ: ставленниковъ святители строго допрашиваютъ: почему мало умѣютъ грамотѣ? и они отвѣчаютъ; „мы учимся у своихъ отцовъ или у своихъ мастеровъ, а больше намъ учиться негдѣ:“ но отцы ихъ и мастера и сами мало умѣютъ, тогда какъ прежде въ Москвѣ, Великомъ Новгородѣ и по инымъ городамъ многія училища бывали, грамотѣ, писать, пѣть и читать учили; и мы по царскому совѣту соборомъ уложили: выбирать добрыхъ священниковъ, дьяконовъ и дьяковъ женатыхъ, благочестивыхъ, грамотѣ читать и писать гораздыхъ, и у нихъ устроить въ домахъ училища: чтобы они дѣтей со всякимъ духовнымъ наказаніемъ, болѣе же всего учениковъ своихъ берегли и хранили во всякой чистотѣ и блюли ихъ отъ всякаго растлѣнія, особенно отъ сквернаго содомскаго грѣха и рукоблудія. Въ Новгородѣ Великомъ попы, дьяконы, дьяки, пономари, просвирьни и уличане къ церкви принимаютъ за большія деньги, на пономарѣ берутъ рублей 15, а иногда 20 и 30, и кто дастъ деньги, съ тѣмъ идутъ къ владыкѣ всею улицею; а если владыка пришлетъ къ церкви попа хорошаго поведенія и грамотѣ гораздаго, но если этотъ попъ большихъ денегъ уличанамъ не дастъ, то они его не примутъ. Вслѣдствіе этихъ злоупотребленій и постановлено было извѣстное уже намъ правило объ избраніи священнослужителей.

О церковномъ судѣ соборъ постановилъ: весь священническій и иноческій чинъ судятъ сами святители съ великимъ истязаніемъ и обыскомъ, соборно, по священнымъ правиламъ, во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ и въ прочихъ, кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ, или судятъ тѣ, кому святители велятъ судить, а не отъ мірскихъ. А что по монастырямъ, у архимандритовъ, игуменовъ и строителей есть царскія жалованныя грамоты, гдѣ написано, что не судить владыкамъ архимандритовъ, игуменовъ, поповъ, чернецовъ и всякій причтъ церковный: то грамоты эти давались вопреки священнымъ правиламъ, и впередъ такимъ грамотамъ не быть. Если кому-нибудь изъ священническаго или иноческаго чина случится искать своихъ обидъ на мірскихъ людяхъ, то они ищутъ предъ мір-

скими судьями, съ которыми вмѣстѣ должны быть святительскіе судьи, десятскіе священники и земскіе старосты. При судѣ крестное цѣлованіе и поле не допускаются, употребляются только обыскъ; если же свидѣтелей нѣтъ и обыскъ не возможенъ, то употребляется жребій: чей напередъ вынется, тотъ и правъ. Крестнаго цѣлованія и поля священническому и иноческому чину не присужать ни въ какихъ дѣлахъ, кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ: въ такихъ винахъ мірскіе судьи судятъ по мірскимъ законамъ. Монастыри и казны монастырскія вѣдаютъ и отписываютъ по всѣмъ монастырямъ царскіе дворецкіе и дьяки, и приказываютъ архимандритамъ, игуменамъ и строителямъ съ соборными старцами, и считаютъ архимандритовъ, игуменовъ и строителей во всемъ приходѣ и расходѣ, да не порочenъ будетъ судъ святительскій. Если митрополитъ нездоровъ, то вмѣсто себя приказываетъ судить владыкѣ Сарскому и Подонскому со всѣми архимандритами и игуменами соборно; а бояре митрополичьи въ этомъ судѣ у святителей не сидятъ, кромѣ писарей, кому дѣло записывать; владыка, судивши соборно и обыскавши достовѣрными свидѣтелями, судный списокъ кладетъ предъ митрополитомъ и ставитъ передъ нимъ обоихъ истцовъ, и митрополитъ, выслушавши списокъ и спросивши истцовъ, былъ ли имъ такой судъ, рѣшаетъ дѣло соборно по священнымъ правиламъ. Если на которыхъ-нибудь духовныхъ пастырей, на архимандритовъ и игуменовъ великихъ честныхъ монастырей, станутъ бить челомъ жалобщики объ управахъ: то святители за ними недѣльщиковъ своихъ не посылаютъ и на поруку ихъ не даютъ, а посылаютъ къ нимъ свои грамоты именныя, за своими печатами, съ тѣми жалобщиками, чтобъ съ ними управились; а по жалобщикахъ брать поруки, чтобъ имъ явиться на срокъ, если не управятся; сроки въ посыльныхъ грамотахъ архимандритамъ и игуменамъ назначать по жалованнымъ и уставнымъ царскимъ грамотамъ, исключая духовныхъ дѣлъ; жалобщики должны отдавать посыльныя грамоты архимандритамъ и игуменамъ передъ братіею на соборѣ; если архимандриты и игумены не управятся съ жалобщиками, то пусть присылаютъ къ отвѣту слугъ своихъ вмѣсто себя, а захотятъ сами ѣхать къ отвѣту—въ томъ ихъ воля. Въ духовныхъ же дѣлахъ архимандриты и игумены ѣздятъ къ отвѣту, какъ имъ святители велятъ; въ случаѣ ослушанія отправляется за ними приставъ съ записями и ставитъ ихъ передъ святителемъ. Царскимъ

боярамъ и дворецкимъ, митрополичьимъ и владычнымъ боярамъ игуменовъ, игуменей и строителей ни въ которыхъ дѣлахъ не судить, судятъ ихъ святители сами по священнымъ правиламъ. А порядным грамотамъ, по духовнымъ, по кабаламъ, въ поклажахъ, бояхъ, грабежахъ и въ прочихъ всякихъ дѣлахъ, кромѣ духовныхъ, поповъ, дьяконовъ и всѣхъ причетниковъ и мірскихъ людей, приказываютъ святители судить своимъ боярамъ, а у бояръ въ судѣ сидѣть старостамъ поповскимъ, пятидесятскимъ и десятскимъ по недѣлямъ, по двѣ или по три, да градскимъ старостамъ и цѣловальникамъ, да земскому дьяку, которымъ государь прикажетъ. Судные списки бояре полагаютъ передъ святителей и ставятъ обоихъ истцовъ; святители, выслушавъ списокъ, спросятъ обоихъ истцовъ: „такой судъ имъ былъ ли?" и когда тѣ скажутъ, что былъ, то святители, обговоривъ списокъ съ искусными людьми, велятъ учинить управу и взять пошлины на виноватомъ. Гдѣ прежде при великихъ чудотворцахъ, Петрѣ, Алексіи, Іонѣ, жили десятильники, вѣдали и судили весь священническій и иноческій чинъ, всѣ причты церковные и прочихъ людей во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ духовныхъ, и теперь тамъ быть десятильникамъ и судить, а на судѣ у нихъ быть поповскимъ старостамъ и десятскимъ, также земскимъ старостамъ, цѣловальникамъ и земскимъ дьякамъ; чинятъ они управу по суду и обыску безпосульно и безволокитно; священникамъ и дьяконамъ къ полю и крестному цѣлованію срока не назначаютъ безъ святительскаго вѣдома; если котораго дѣла не смогутъ рѣшить, то обоимъ истцамъ назначаютъ срокъ стать передъ святителемъ. Корчемъ десятильникамъ не держать, держать имъ питье про себя. Земскіе старосты, цѣловальники, поповскіе старосты и десятскіе священники должны наблюдать за поведеніемъ десятильниковъ, и въ случаѣ злоупотребленій, писать къ владыкѣ, а если владыка не управитъ, писать къ царю; тогда десятильнику быть отъ царя въ великой опалѣ, и взятое напрасно доправляется съ него втрое. Десятильники могутъ давать обвиненнаго на поруку только предъ поповскими старостами и десятскими, священниками или передъ земскими старостами и цѣловальниками, причемъ отъ поруки и поклоннаго не берутъ ничего; обыски пишутъ дьячки церковные или земскіе передъ десятскими, старостами и цѣловальниками. Святительскую дань, десятильничьи пошлины, кормъ, заѣздъ и вѣнечную пошлину должны собирать и доставлять владыкѣ старосты земскіе и поповскіе и

десятскіе священники, по книгамъ, которыя пришлетъ къ нимъ владыка; вѣнечной пошлины сбирать съ перваго брака алтынъ, со втораго два, съ третьяго три (четыре).

Относительно безпорядковъ въ богадѣльныхъ избахъ соборъ отвѣчалъ: да повелитъ благочестивый царь всѣхъ больныхъ и престарѣлыхъ описать по всѣмъ городамъ, отдѣльно отъ здоровыхъ строевъ, и въ каждомъ городѣ устроить богадѣльни мужскія и женскія, гдѣ больныхъ, престарѣлыхъ и неимущихъ куда голову подклонить довольствовать пищею и одеждою, а боголюбцы пусть милостыню и все потребное имъ приносятъ, да приставить къ нимъ здоровыхъ строевъ и бабъ стряпчихъ, сколько будетъ пригоже; священникамъ добрымъ, цѣловальникамъ или городскимъ людямъ добрымъ смотрѣть, чтобъ имъ насильства и обиды отъ стряпчихъ не было; священники должны приходить къ нимъ въ богадѣльни, поучать ихъ страху Божію, чтобъ жили въ чистотѣ и покаяніи, и совершать всѣ требы. Чтобъ здоровые строи съ женами по богадѣльнямъ не жили, а питались бы отъ боголюбцевъ, хотя по дворамъ; которые же могутъ работать, работали бы.

О выкупѣ плѣнныхъ соборъ отвѣчалъ: которыхъ окупятъ царскіе послы въ Ордахъ, въ Цареградѣ, въ Крыму, въ Казани или Астрахани, или въ Кафѣ, или сами откупятся, тѣхъ всѣхъ плѣнныхъ окупать изъ царской казны. А которыхъ плѣнныхъ православныхъ христіанъ окупятъ Греки, Турки, Армяне или другіе гости и приведутъ въ Москву, а изъ Москвы захотятъ ихъ опять съ собою повести, то этого имъ не позволять, за то стоять крѣпко и плѣнныхъ окупать изъ царской же казны, и сколько этого окупа изъ царской казны разойдется, и то раскинуть па сохи по всей землѣ, чей кто-нибудь — всѣмъ ровно, потому что такое искупленіе общею милостынею называется. Но когда статьи соборнаго постановленія были посланы въ Троицкій Сергіевъ монастырь къ бывшему митрополиту Іоасафу, бывшему ростовскому архіепископу Алексію, бывшему чудовскому архимандриту Вассіану, бывшему троицкому игумену Іонѣ и всѣмъ соборнымъ старцамъ, то они, утвердивъ всѣ статьи, о выкупѣ плѣнныхъ написали: „окупъ брать не съ сохъ, а съ архіереевъ и монастырей. Крестьянамъ, царь государь, и такъ много тягости; въ своихъ податяхъ, государь, покажи имъ милость“.

Запретивъ остальные безпорядки, указанные царемъ, безъ особенныхъ подробностей, соборъ обратилъ вниманіе еще на нѣкоторыя безчинства и суевѣрія: на свадьбахъ играютъ скоморохи, и какъ въ церкви вѣнчаться поѣдутъ, священникъ съ крестомъ ѣдетъ, а передъ нимъ скоморохи съ играми бѣсовскими рыщутъ. Нѣкоторые тяжутся не прямо, и поклепавъ, крестъ цѣлуютъ или образа святыхъ, на полѣ бьются и кровь проливаютъ: и въ то время волхвы и чародѣи помощь имъ оказываютъ. Кудесы бьютъ, въ Аристотелевы врата и въ рафли смотрятъ, по звѣздамъ и планетамъ глядятъ, смотрятъ дней и часовъ, и на такія чародѣйства надѣясь, поклепца и ябедникъ не мирятся, крестъ цѣлуютъ и на полѣ бьются и убиваютъ. Запрещено мущинамъ и женщинамъ, монахамъ и монахинямъ мыться въ банѣ въ одномъ мѣстѣ: этотъ обычай указанъ во Псковѣ. По дальнымъ сторонамъ ходятъ скоморохи, собравшись большими ватагами до 60, 70 и до 100 человѣкъ, по деревнямъ у крестьянъ силою ѣдятъ и пьютъ, изъ клѣтей имѣніе грабятъ, а по дорогамъ людей разбиваютъ. Дѣти боярскіе и люди боярскіе и всякіе бражники зернью играютъ и пропиваются, ни службы не служатъ, ни промышляютъ, и отъ нихъ всякое зло дѣлается: крадутъ и разбиваютъ и души губятъ. По погостамъ и селамъ ходятъ лживые пророки, мужики, женщины и дѣвицы и старыя бабы, нагія и босыя, волосы отростивъ и распустя, трясутся и убиваются, и говорятъ что имъ является Св. Пятница и Св. Анастасія, и велятъ имъ заповѣдать христіанамъ канупы завечивать; они же заповѣдываютъ христіанамъ въ среду и пятницу ручнаго дѣла не дѣлать, женщинамъ не прясть, платья не мыть, каменей не разжигать. Соборъ запрещаетъ заниматься злыми ересями, которыя перечисляются: рафли, шестокрылъ, воронограй, остропомія, задей, алманъ, звѣздочетьи, аристотель, аристотелевы врата и иные составы и мудрости еретическія и коби бѣсовскія; вооружается противъ извѣстныхъ уже намъ суевѣрій, которымъ предавался народъ въ Троицкую субботу, Ивановъ день, Великій четвертокъ и проч.

Мы видѣли, какого рода насилія позволяли себѣ сильные надъ слабыми въ быту помѣщичьемъ и крестьянскомъ; челобитная царю игумена Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря и братіи на старца Александра показываетъ, что̀ могъ позволять себѣ тогда дерзкій человѣкъ даже въ монастырѣ: „Живетъ, государь, тотъ Александръ не по чину монастырскому: въ церковь не ходитъ, а строитъ пустыню,

гдѣ и живетъ больше чѣмъ въ монастырѣ: монастырь опустошаетъ, изъ казны, погребовъ, съ сушила всякіе запасы, изъ мельницъ муку и солодъ, изъ селъ всякій хлѣбъ беретъ и отсылаетъ къ себѣ въ пустыню; пріѣхавши въ монастырь, игумена и старцевъ соборныхъ бранитъ б........ дѣтьми, а другихъ старцевъ изъ собору выметалъ и къ морю разослалъ; прочую братію служебниковъ и клирошанъ колетъ остномъ и бьетъ плетми, безъ игуменскаго и старческаго совѣта, и на цѣпь и въ желѣза сажаетъ. Строителемъ онъ былъ въ Москвѣ безъ малаго семь лѣтъ, а отчета въ монастырской казнѣ не далъ. Послѣ ефимона на погребѣ пьетъ силою съ тѣми людьми, которыхъ беретъ съ собою въ пустыню; братіи грозитъ, хочетъ на цѣпь и въ желѣза сажать на смерть, и тебѣ же, государю, хочетъ оговаривать ложью старцевъ и всю братію, и отъ тѣхъ его побой и грозъ братія бѣгутъ розно. Православный царь государь! укажи намъ, какъ съ Александромъ прожить; а про пустыню, про его строенье вели сыскать. Общежительство Кирилловское онъ разоряетъ, слугъ и лошадей держитъ особенныхъ, саадаки, сабли и ружницы возитъ съ собою, солью торгуетъ на себя, лодки у него ходятъ отдѣльно отъ монастырскихъ". Царь Іоаннъ, съ своей стороны, упрекалъ монаховъ, что они обращаютъ слишкомъ много вниманія на знатныхъ постриженниковъ, въ угоду имъ нарушаютъ древніе строгіе уставы монастырскіе; въ знаменитомъ посланіи своемъ въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь онъ пишетъ: „Подобаетъ вамъ усердно послѣдовать великому чудотворцу Кириллу, преданіе его крѣпко держать, о истинѣ крѣпко подвизаться, а не быть бѣгунами, не бросать щита: возьмите вся оружія Божія и не предавайте чудотворцева преданія ради сластолюбія, какъ Іуда предалъ Христа ради серебра. Есть у васъ Анна и Каіафа, Шереметевъ и Хабаровъ, есть и Пилатъ, Варлаамъ Собакинъ, и есть Христосъ распинаемъ—чудотворцево преданіе презрѣнное. Отцы святые! въ маломъ допустите ослабу—большое зло произойдетъ. Такъ отъ послабленія Шереметеву и Хабарову чудотворцево преданіе у васъ нарушено. Если намъ благоволитъ Богъ у васъ постричься, то монастыря уже у васъ не будетъ, а вмѣсто него будетъ царскій дворъ! Но тогда зачѣмъ идти въ черпецы, зачѣмъ говорить „отрицаюсь отъ міра и отъ всего, что въ мірѣ!" Постригаемый даетъ обѣтъ: повиноваться игумену, слушаться всей братіи и любить ее: по Шереметеву какъ назвать монаховъ братіею? у него и десятый

холопъ, что въ кельѣ живетъ, ѣстъ лучше братій, которые въ трапезѣ ѣдятъ. Великіе свѣтильники — Сергій и Кириллъ, Варлаамъ, Димитрій, Пафнутій и многіе преподобные въ русской землѣ установили уставы иноческому житію крѣпкіе, какъ надобно спасаться; а бояре, пришедши къ вамъ, свои любострастные уставы ввели: значитъ, не они у васъ постриглись, а вы у нихъ постриглись, не вы имъ учители и законоположители, а они вамъ. Да, Шереметева уставъ добръ—держите его, а Кирилловъ уставъ плохъ—оставьте его! Сегодня одинъ бояринъ такую страсть введетъ, завтра другой иную слабость, и такъ мало-по-малу весь обиходъ монастырскій испразднится и будутъ обычаи мірскіе. И по всѣмъ монастырямъ сперва основатели установили крѣпкое житіе, а послѣ нихъ разорили его любострастные. Кириллъ чудотворецъ на Симоновѣ былъ, а послѣ него Сергій, и законъ каковъ былъ—прочтите въ житіи чудотворцевѣ; но потомъ одинъ малую слабость ввелъ, другіе ввели новыя слабости и теперь что видимъ въ Симоновѣ? Кромѣ сокровенныхъ рабовъ Божіихъ остальные только по одеждѣ монахи, а все по мірскому дѣлается. Вы надъ Воротынскимъ церковь поставили: хорошо! надъ Воротынскимъ церковь, а надъ чудотворцемъ нѣтъ; Воротынскій въ церкви, а чудотворецъ за церковію. И на страшномъ Спасовомъ судилищѣ Воротынскій да Шереметевъ выше станутъ потому: Воротынскій церковію, а Шереметевъ закономъ, потому что его законъ крѣпче Кириллова. Вотъ въ нашихъ глазахъ у Діонисія преподобнаго на Глушицахъ, и у великаго чудотворца Александра на Свири бояре не постригаются, и монастыри эти процвѣтаютъ постническими подвигами. Вотъ у васъ сперва Іоасафу Умному дали оловянники въ келью, дали Серапіону Сицкому, дали Іонѣ Ручкину, а Шереметеву уже дали и поставецъ, и поварню. Вѣдь дать волю царю — дать ее и псарю, оказать послабленіе вельможѣ, оказать его и простому человѣку. Вассіанъ Шереметевъ у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ постническое житіе ниспровергнулъ: такъ теперь и сынъ его Іона старается погубить послѣднее свѣтило, равно солнцу сіяющее, хочетъ и въ Кирилловѣ монастырѣ, въ самой пустынѣ, постническое житіе искоренить. Да и въ міру тотъ же Шереметевъ съ Висковатымъ первые не стали за крестами ходить, и смотря на нихъ, и другіе всѣ перестали ходить, а прежде всѣ православные христіане съ женами и младенцами за крестами ходили и не торговали, кромѣ съѣстнаго

ничѣмъ, а кто станетъ торговать, на томъ брали заповѣди. Прежде какъ мы въ молодости были въ Кирилловѣ монастырѣ и поопоздали ужинать, то завѣдующій столомъ нашимъ началъ спрашивать у подкеларника стерлядей и другой рыбы; подкеларникъ отвѣчалъ: „объ этомъ мнѣ приказу не было, а о чемъ былъ приказъ, то я и приготовилъ, теперь ночь, взять негдѣ; государя боюся, а Бога надобно больше бояться". Такая у васъ была тогда крѣпость, по пророческому слову: „правдою и предъ цари не стыдяхся". А теперь у васъ Шереметевъ сидитъ въ кельѣ что царь, а Хабаровъ къ нему приходитъ съ другими чернецами, да ѣдятъ и пьютъ что въ міру; а Шереметевъ невѣсть со свадьбы, невѣсть съ родинъ, разсылаетъ по кельямъ постилы, коврижки и иные пряные составные овощи, а за монастыремъ у него дворъ, на дворѣ запасы годовые всякіе, а вы молча смотрите на такое безчиніе! А нѣкоторые говорятъ, что и вино горячее потихоньку въ келью къ Шереметеву приносили: но по монастырямъ и фряжскія вина держать зазорно, не только что горячее! Такъ это ли путь спасенія, это ли иноческое пребываніе? или вамъ не было чѣмъ Шереметева кормить, что у него особые годовые запасы! Милые мои! Прежде Кирилловъ монастырь многія страны пропитывалъ въ голодныя времена, а теперь и самихъ васъ, въ хлѣбное время, еслибъ не Шереметевъ прокормилъ, то всѣ съ голоду бы померли? Пригоже ли такъ въ Кирилловѣ быть, какъ Іоасафъ митрополитъ у Троицы съ клирошанами пировалъ, или какъ Мисаилъ Сукинъ въ Никитскомъ монастырѣ и по инымъ мѣстамъ какъ вельможа какой-нибудь жилъ, или какъ Іона Мотякинъ и другіе многіе живутъ? То ли путь спасенія, что въ чернецахъ бояринъ боярства не сстрижетъ, а холопъ холопства не избудетъ. У Троицы, при отцѣ нашемъ, келарь былъ Нифонтъ, Раполовскаго холопъ, да съ Бѣльскимъ съ одного блюда ѣдалъ: а теперь бояре по всѣмъ монастырямъ испразднили это братство своимъ любострастіемъ. Скажу еще страшнѣе: какъ рыболовъ Петръ и поселянинъ Іоаннъ Богословъ и всѣ двѣнадцать убогихъ станутъ судить всѣмъ сильнымъ царямъ, обладавшимъ вселенною: то Кирилла вамъ своего какъ съ Шереметевымъ поставить? котораго выше? Шереметевъ постригся изъ боярства, а Кириллъ и въ приказѣ у государя не былъ! Видите ли, куда васъ слабость завела? Сергій, Кириллъ, Варлаамъ, Димитрій и другіе святые многіе не гонялись за боярами, да бояре за ними гонялись

и обители ихъ распространились: потому что благочестіемъ монастыри стоятъ и неоскудны бываютъ. У Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ благочестіе изсякло, и монастырь оскудѣлъ: не пострижется никто и не дастъ ничего. А на Сторожахъ до чего дошли? уже и затворить монастыря некому, по трапезѣ трава растетъ, а прежде и мы видѣли, братій до осьмидесяти бывало, клирошанъ по одиннадцати на клиросѣ стаивало. — Если же кто скажетъ, что Шереметевъ безъ хитрости боленъ и ему нужно дать послабленіе: то пусть онъ ѣстъ въ кельѣ одинъ съ келейникомъ. А сходиться къ нему на что̀, да пировать, да овощи въ кельѣ на что̀? До сихъ поръ въ Кирилловѣ иголки и нитки лишней не держали, не только что какихъ-нибудь другихъ вещей. А дворъ за монастыремъ и запасы на что? все это беззаконіе, а не нужда, а если нужда, то онъ ѣшь въ кельѣ какъ нищій, кромѣ хлѣба звѣно рыбы да чаша квасу; а что̀ сверхъ того, если вы послабляете, то вы и давайте, сколько хотите, только бы ѣлъ одинъ, а сходовъ и пировъ не было бы, чтобъ было все какъ прежде у васъ водилось. А кому къ нему придти для бесѣды духовной, и онъ приди не въ трапезное время, ѣды и питья чтобъ въ это время не было, такъ это будетъ и бесѣда духовная. Пришлютъ поминки братья, и онъ бы это отсылалъ въ монастырскія службы, а у себя бы въ кельѣ никакихъ вещей не держалъ; а что̀ къ нему пришлютъ, то бы раздѣлялъ на всю братію, а не двумъ или тремъ, по дружбѣ и пристрастію, и вы его въ кельѣ монастырскимъ всѣмъ покойте, только чтобъ было безстрастно. А люди бы его за монастыремъ не жили: пріѣдутъ отъ братьевъ съ грамотами, съ запасомъ, съ поминками — и они, поживъ дня два, три и взявши отвѣтную грамоту, поѣзжай прочь: такъ и ему будетъ покойно, и монастырю безмятежно. Теперь вы прислали грамоты, отъ васъ намъ отдыху нѣтъ о Шереметевѣ; я писалъ вамъ, чтобъ Шереметевъ и Хабаровъ ѣли въ трапезѣ съ братіею; я это приказывалъ для монастырскаго чина, а Шереметевъ поставилъ себѣ какъ бы въ опалу. Можетъ-быть вамъ потому очень жаль Шереметева, потому такъ сильно за него стоите, что братья его и до сихъ поръ не перестаютъ посылать въ Крымъ и наводить бусурманство на христіанство? А Хабаровъ велитъ мнѣ перевести себя въ другой монастырь: я не ходатай ему и его скверному житію; онъ мнѣ сильно наскучилъ. Иноческое житіе не игрушка: три дня въ чер-

нецахъ, а седьмой монастырь мѣняетъ! Когда былъ въ міру, то только и зналъ, что образа окладывать, книги въ бархатъ переплетать съ застежками и жуками серебряными, налой убирать, жить въ затворничествѣ, келью ставилъ, четки въ рукахъ; а теперь съ братіею вмѣстѣ ѣсть не хочетъ. Надобны четки не на скрижаляхъ каменныхъ, а на скрижаляхъ сердецъ плотяныхъ; я самъ видѣлъ какъ по четкамъ скверными словами бранятся; что въ тѣхъ четкахъ? О Хабаровѣ мнѣ нечего писать: какъ себѣ хочетъ, такъ и дурачится. А что Шереметевъ говоритъ, что его болѣзнь мнѣ вѣдома, то для всѣхъ лежeнокъ не разорять стать законы святые! Написалъ я къ вамъ малое отъ многаго по любви къ вамъ и для иноческаго житія. Больше писать нечего; а впредь бы вы о Шереметевѣ и другихъ такихъ же безлѣпицахъ намъ не докучали: намъ отвѣту не давать. Сами знаете: если благочестіе не потребно, а нечестіе любо, то вы Шереметеву хотя золотые сосуды скуйте и чинъ царскій устройте — то вы вѣдаете; установите съ Шереметевымъ свои преданія, а чудотворцево отложите, и хорошо будетъ; какъ лучше, такъ и дѣлайте, сами вѣдайтесь какъ себѣ съ нимъ хотите, а мнѣ до того ни до чего дѣла нѣтъ; впередъ о томъ не докучайте; говорю вамъ, что ничего отвѣчать не буду: Богъ же миръ и Пречистыя Богородицы милость и Чудотворца Кирилла молитва да будутъ со всѣми вами и нами! Аминь. А мы вамъ, господа мои и отцы, челомъ бьемъ до лица земнаго". Въ новгородскихъ монастыряхъ и въ описываемое нами время продолжало вводиться общее житіе, по настоянію владыкъ; устроить общее житіе означалось на тогдашнемъ языкѣ выраженіемъ: засѣдать общину.

Мы видѣли, что у митрополита и владыкъ были свои бояре, которымъ они поручали церковный судъ. Объ этихъ боярахъ соборъ 1551 года постановилъ: митрополиту и владыкамъ, безъ царскаго вѣдома, не отсылать отъ себя бояръ и дворецкихъ и на ихъ мѣста не ставить другихъ, исключая тотъ случай, когда эти бояре и дворецкіе неоднократно уличены будутъ во взяткахъ, ибо тогда они лишаются своихъ должностей и помѣстій. Если у котораго святителя изведутся бояре и дворецкіе, то ему выбирать новыхъ изъ тѣхъ же родовъ, а некого будетъ выбрать изъ тѣхъ же родовъ, и онъ выбираетъ изъ другихъ родовъ, обославшись съ царемъ; если же владыка не найдетъ нигдѣ способнаго человѣка, то бьетъ челомъ царю, чтобъ государь пожаловалъ, выбралъ у себя; также и

дьяковъ владыки держатъ съ царскаго вѣдома. Что касается до содержанія владычныхъ бояръ, то, какъ видно, они получали помѣстья и отъ царя, ибо новгородскій архіепископъ Леонидъ, давши въ 1574 году помѣстье боярину своему Ѳомину, пишетъ въ грамотѣ: „дано то помѣстье на время, до тѣхъ поръ, какъ его государь пожалуетъ, здѣсь въ великомъ Новгородѣ велитъ дать помѣстье“.

На соборѣ 1551 года былъ поднятъ опять важный вопросъ о церковныхъ недвижимыхъ имуществахъ: въ первый разъ рѣшились постановить нѣкоторые предѣлы увеличенія этихъ имуществъ: соборъ опредѣлилъ: впередъ архіепископамъ, епископамъ и монастырямъ вотчинъ, безъ царскаго вѣдома и доклада, не покупать ни у кого, а князьямъ и дѣтямъ боярскимъ и всякимъ людямъ вотчинъ безъ докладу не продавать; а кто купитъ или продастъ—у купца деньги пропали, а у продавца вотчина: взять вотчину на государя безденежно. Вотчины, данныя или которыя впередъ будутъ даваться монастырямъ по душамъ въ поминокъ, не выкупаются никѣмъ и никакимъ образомъ. Если при отдачѣ вотчинъ въ монастырь датель напишетъ въ духовной, данной или какой-нибудь крѣпостной грамотѣ, что родичи могутъ выкупить ее за извѣстную сумму денегъ, то пусть родичи выкупаютъ по старинѣ, какъ водилось при отцѣ и дѣдѣ государевомъ. Которыя царскія помѣстныя и черныя земли задолжали у дѣтей боярскихъ и у крестьянъ, и насильствомъ поотнимали ихъ владыки и монастыри, или которыя земли писцы отдали владыкамъ и монастырямъ, норовя имъ; если владыки и монастыри починки поставили на государевыхъ земляхъ, сыскать, чьи земли были изстари, затѣмъ и утвердить ихъ. Возвратить назадъ села, волости, рыбныя ловли, всякія угодья и оброчныя деревни, отданныя послѣ великаго князя Василія боярами владыкамъ и монастырямъ; сдѣлать то же съ ругами и милостынями, данными монастырямъ и церквамъ послѣ великаго князя Василія; также милостыни, обращенныя изъ временныхъ въ постоянныя, сдѣлать опять временными. Въ Твери, Микулинѣ, Торжкѣ, Оболенскѣ, на Бѣлоозерѣ и въ Рязани, также князьямъ суздальскимъ, ярославскимъ и стародубскимъ безъ государева доклада вотчинъ въ монастыри по душѣ не давать; если отдадутъ, то брать вотчину у монастыря безденежно на государя; вотчины, отданныя безъ государева доклада до настоящаго приговора, брать на государя, но платить за нихъ деньги по мѣрѣ и отдавать ихъ въ помѣстья.—Въ

1573 году, по государеву приказу, митрополитъ Антоній и весь освященный соборъ и всѣ бояре приговорили: въ большіе монастыри, гдѣ вотчинъ много, впередъ вотчинъ не давать; если вотчина будетъ уже и написана, то ее въ Помѣстной избѣ не записывать, а отдавать роду и племени служилымъ людямъ, чтобъ въ службѣ убытка не было, и земля изъ службы не выходила бы; а монастырскихъ вотчинъ вотчичамъ впередъ не выкупать. Но кто дастъ вотчину монастырямъ малымъ, у которыхъ земель мало, то эти вотчины, доложа государю, записывать. Въ 1580 году сдѣланъ былъ шагъ болѣе рѣшительный: въ соборномъ приговорѣ, состоявшемся 15 января, говорится: „ради надлежащаго варварскаго прещенія, отъ турскаго, крымскаго, Ногай, отъ литовскаго короля, съ которымъ совокупились ярымъ образомъ Польша, Венгры, Нѣмцы лифляндскіе и шведскіе, соединились какъ дикіе звѣри, надмились гордостно и хотятъ истребить православіе, ради того, чтобъ церкви Божіи и священныя мѣста были безъ мятежа, а воинскій чинъ ополчался крѣпко на брань противъ враговъ креста Христова, мы, Антоній митрополитъ всея Руси съ благочестивымъ царемъ и великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Руси, и сыномъ его княземъ Иваномъ Ивановичемъ, со всѣмъ священнымъ соборомъ и царскимъ синклитомъ, уложили такъ: сколько ни есть земель и земляныхъ угодій, до сихъ поръ данныхъ въ митрополіи, епископіи и по монастырямъ, изъ нихъ да не исходитъ, ни по какому суду, ни по какой тяжбѣ не берутъ ихъ и не выкупаютъ; что и не утверждено крѣпостями, и того не выкупать, и впередъ съ монастырями о вотчинахъ не тягаться. А отъ сего дня, 15 января на послѣдующее время вотчинникамъ вотчинъ своихъ по душамъ не отдавать, а давать за нихъ въ монастыри деньги, и села брать наслѣдникамъ, хотя бы кто и далеко былъ въ роду. А если у кого не будетъ роду и дальняго, то вотчину брать на государя, а деньги за нее платить изъ казны; митрополиту, владыкамъ и монастырямъ земель не покупать и въ закладѣ не держать, а кто послѣ этого уложенія купитъ землю или закладную станетъ за собою держать, то землю брать на государя; а которыя теперь закладни за митрополитомъ, владыками и монастырями, тѣ земли брать на государя жъ, а въ деньгахъ вѣдаетъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ. Которыя вотчины княженецкія даны прежде, и въ тѣхъ воленъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ. Впередъ княженецкихъ вот-

чинъ не брать; а кто возьметъ безъ государскаго вѣдома, тѣ вотчины взять на государя безденежно; кто купилъ княженецкія вотчины, и тѣ вотчины взять на государя, а въ деньгахъ вѣдаетъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ. У котораго монастыря убогаго земли будетъ мало, или вовсе не будетъ, то онъ бьетъ челомъ государю, и государь съ митрополитомъ и боярами, соборно приговоря, устроятъ монастырь землею, какъ будетъ пригоже“.

Касательно сборовъ съ духовенства въ пользу архіереевъ соборъ 1551 года, по жалобѣ новгородскихъ священниковъ, отмѣнилъ праздничный сборъ съ священника по алтыну, съ дьякона по три деньги; относительно подводъ новгородскому владыкѣ съ монастырей и городскихъ священниковъ положено не брать больше прежняго. Какъ видно также духовенство помогало епископамъ при построеніи и поправкѣ ихъ домовъ; такъ Псковскій лѣтописецъ подъ 1535 г. говоритъ: начали дѣлать дворъ владычній во Псковѣ, а священники не пособили ни въ чемъ, монастыри же всѣ мшили горницы и повалушу склали. Псковское духовенство давало новгородскому владыкѣ кормъ, когда онъ пріѣзжалъ во Псковъ; по этому случаю подъ 1544 г. лѣтописецъ разсказываетъ слѣдующее: владыка Ѳеодосій пріѣхалъ во Псковъ, и отдѣлились отъ городскихъ поповъ отъ всѣхъ семи соборовъ сельскіе попы и пригородскіе, потому что городскіе попы взяли съ нихъ корму больше, чѣмъ съ себя, и было у нихъ смятеніе большое; владыка далъ имъ особаго старосту. Въ Стоглавѣ, т. е. въ постановленіяхъ собора 1551 г., читаемъ: въ Москвѣ на митрополичьемъ дворѣ вѣчная тіунская пошлина ведется, называемая крестецъ. изъ всѣхъ городовъ архимандриты, игумены, протопопы, монахи, священники, дьяконы пріѣзжаютъ по своимъ дѣламъ, и, живучи въ Москвѣ, сходятся на крестецъ въ торгу на Ильинской улицѣ и нанимаются у Московскихъ священниковъ по многимъ церквамъ обѣдни служить, къ митрополичью тіуну являются и знамя у него берутъ на мѣсяцъ, на два и больше и пошлину ему даютъ, на мѣсяцъ по 10 денегъ, другіе по два алтына; а которые, не доложа тіуну, станутъ служить, на тѣхъ онъ беретъ промыты по 2 рубля, а того не обыскиваетъ, есть ли у нихъ ставленныя и отпускныя грамоты. Соборъ опредѣлилъ досматривать напередъ этихъ грамотъ. Какъ при заселеніи дикой земли правительство давало льготы насельникамъ,

освобождало ихъ отъ податей, такъ при построеніи новой церкви архіерей освобождалъ ея причтъ отъ своихъ податей: въ 1547 г. пермскій и вологодскій епископъ Кипріанъ далъ слѣдующую грамоту Кирилловскому игумену и братіи: „поставили они церковь новую въ моей епископіи вологодской: и кто у нихъ у этой церкви станетъ служить, игуменъ, попъ или дьяконъ, не надобно имъ платить мою дань Рождественскую, ни данскія пошлины, ни десятинничьи пошлины, ни недѣльщичьи, ни конюховое, ни поварское, ни людское, ни явленныхъ куницъ съ грамотою; къ старостѣ поповскому съ тяглыми попами они не тянутъ ни во что, и не судятъ ихъ мои десятинники ни въ чемъ, приставовъ своихъ за ними не посылаютъ, и не въѣзжаютъ къ нимъ наши недѣльщики ни за чѣмъ; а кто будетъ чего-нибудь искать на нихъ, то сужу я ихъ самъ; а вѣдаютъ меня владыку Кипріана игуменъ Аѳанасій съ братіею сами собою.“ Изъ послѣднихъ словъ видно, что Кирилловъ монастырь обязался давать владыкѣ извѣстное вознагражденіе за потерю доходовъ съ новоустроенной церкви. Такую же грамоту далъ ростовскій владыка Алексѣй Троицкому Сергіеву монастырю относительно церкви въ селѣ Берлюковѣ, причемъ, какъ видно, церковь не была вновь построена. Вообще монастырямъ было выгодно освобождать духовенство въ принадлежавшихъ имъ селахъ отъ архіерейскихъ пошлинниковъ: для этого они обязывались сами доставлять владыкѣ слѣдующіе ему доходы; такъ въ 1542 году ростовскій владыка Досиѳей далъ грамоту тому же Кирилловскому игумену Аѳанасію: попы въ монастырскихъ кирилловскихъ селахъ вѣнчаютъ въ своихъ приходахъ крестьянъ безъ знаменъ нашего знаменщика, а знамена берутъ въ Кирилловѣ монастырѣ у казначея, и подать платятъ казначею, а казначей, собравши эти знаменныя деньги, платитъ нашему знаменщику бѣлозерскому. Пѣсношскій монастырь въ 1542 г. освободилъ также духовенство своихъ селъ дмитровской десятины отъ суда митрополичьихъ десятинниковъ и вѣдомства поповскихъ старостъ; митрополитъ, въ своей грамотѣ, обѣщалъ судить священниковъ этихъ селъ самъ, съ условіемъ, чтобъ они платили извѣстный годовой оброкъ ему, его десятиннику и заѣзжику; этотъ оброкъ священники привозили сами въ Москву, въ митрополичью казну, а десятники и заѣзжики къ нимъ не ѣздили и не посылали ни за чѣмъ, подводъ и проводниковъ не брали. Встрѣчаемъ грамоты владыкъ относительно поборовъ съ самихъ монастырей;

такую грамоту далъ новгородскій архіепископъ Леонидъ старорусскому Козмодемьянскому монастырю въ 1574 году. „Давать имъ въ домъ Св. Софіи и мнѣ, за мой подъѣздъ, и за благословенную куницу, и за всѣ десятинничьи пошлины, по новому окладу, всякій годъ, по рублю московскому; но если случится мнѣ по государеву приказу ѣхать въ Москву, въ тотъ годъ монастырь даетъ мнѣ подъѣздъ и десятину сполна по книгамъ.“ Подъ 1571 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ о ссорѣ новгородскаго владыки Леонида съ священниками за милостынныя деньги: „Владыка Леонидъ послѣ выхода всѣмъ священникамъ, старостамъ, десятскимъ и пятидесятскимъ новгородскимъ велѣлъ ризы съ себя снимать и говорилъ имъ: „собаки, воры, измѣнники, да и всѣ Новгородцы съ вами! вы меня оболгали великому князю, подаете челобитныя въ милостынныхъ деньгахъ, а вамъ достанется по шести московокъ, да дьяконамъ по четыре московки; не буди на васъ моего благословенія ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій!“

Относительно содержанія монастырей по прежнему встрѣчаемъ царскія ружныя грамоты, вкладныя грамоты частныхъ людей и царскія, которыми, до послѣдняго соборнаго приговора, давались въ монастыри земельные участки на поминъ души. Самъ царь въ 1575 году далъ въ любимый свой монастырь Кирилло-Бѣлозерскій по душѣ боярина князя Ивана Дмитріевича Бѣльскаго двѣ вотчины послѣдняго въ Ростовскомъ и Московскомъ уѣздахъ. Еще отецъ Іоанновъ далъ въ этотъ же монастырь 1000 рублей на покупку села, самъ Іоаннъ далъ 300 рублей на поминъ своимъ дочерямъ Аннѣ и Марьѣ, умершимъ въ младенчествѣ; такъ какъ на соборѣ 1551 года было положено, что монастыри не могутъ безъ доклада покупать вотчинъ, то Кирилловскій игуменъ съ братіею въ 1556 году били челомъ о позволеніи купить вотчину на означенные денежные вклады; царь позволилъ имъ купить землю, но не дороже какъ на 2000 рублей и внѣ предѣловъ новгородскихъ, псковскихъ, рязанскихъ, тверскихъ и смоленскихъ, также не у князей вотчинныхъ, которымъ запрещено было продавать свои земли безъ царскаго вѣдома; если окажется, что монастырь заплатилъ за вотчину дороже 2000 рублей, то земли отбираются на царя и монастырь лишается своихъ денегъ; если монастырь купитъ пустыя земли или пустоши, и пустое распашетъ, р а з с ѣ ч е т ъ (очиститъ отъ лѣса) и людьми наполнитъ, а старые вотчичи захотятъ выкупить эти

земли, то могутъ выкупить, заплативши монастырю за хоромы и за пашню. Изъ этой же грамоты узнаемъ, что Кирилловъ монастырь при отцѣ Іоанна и въ началѣ царствованія Іоанна имѣлъ право торговать 10,000 пудовъ соли, что приносило ему 600 рублей годоваго дохода; но потомъ Іоаннъ отнялъ у него это право.

Отъ описываемаго времени дошло до насъ нѣсколько уставныхъ грамотъ, которыя давали монастыри своимъ крестьянамъ; такъ отъ 1548 года дошла до насъ уставная грамота Соловецкаго игумена, Св. Филиппа, крестьянамъ Виремской волости и другимъ монастырскимъ крестьянамъ; грамота начинается такъ: „Божіею милостію Господа нашего Іисуса Христа и Боголѣпнаго Его Преображенія, и Пречистыя Его Матери честнаго и славнаго Ея Успенія, и Св. чудотворца Николы и Св. чудотворцевъ Зосимы и Савватія, я игуменъ Филиппъ Колычевъ, посовѣтовавшись съ священниками, келаремъ, казначеемъ, старцами соборными и со всею братіею, благословилъ и пожаловалъ крестьянъ своихъ: дали мы имъ свою грамоту уставную, какъ у нихъ быть старцу прикащику, старцу келарю и слугѣ нашему доводчику, и свои поминки съ году на годъ брать.“ Относительно взиманія этихъ поминковъ крестьяне раздѣляются на три разряда: живущіе на тяглыхъ дворахъ, бобыли, живущіе особыми дворцами, и козаки; первые платили съ земли, съ лука, сколько за кѣмъ было угодья по разсчету. Пріѣдетъ какой козакъ незнаемый или и прежде живалъ, и захочетъ въ монастырскихъ волостяхъ жить и промышлять: то у котораго человѣка станетъ жить, и тому человѣку идти съ нимъ къ прикащику и доводчику, объявить его, и заплатить за явку обоимъ; захочетъ козакъ вонъ выйти изъ монастырскихъ волостей, то прежній хозяинъ опять идетъ съ нимъ къ прикащику и доводчику, объявляетъ его, причемъ не платится ничего; а который козакъ сойдетъ не объявясь, и тотъ человѣкъ, у кого онъ жилъ, объ его уходѣ не объявитъ же, то прикащику взять на немъ пошлину монастырскую и свою; если же козакъ пойдетъ прочь, а прикащика и доводчика въ это время въ волости не будетъ, то хозяинъ долженъ явить козака сосѣдямъ своимъ; если же козакъ сбѣжитъ безвѣстно, то прикащикъ опрашиваетъ хозяина по крестному цѣлованію, ему вѣритъ и не беретъ съ него ничего. Прикащикъ отправлялъ должность судьи и бралъ судныя пошлины; доводчикъ получалъ ѣздъ, если долженъ былъ ѣхать на правду (слѣдствіе); при тяжбахъ монастырскихъ

крестьянъ съ чужими крестьянами, доводчикъ отправлялся къ суду, гдѣ долженъ былъ накрѣпко беречь монастырскихъ крестьянъ, поминковъ и ѣзду съ нихъ не брать, но тотъ крестьянинъ, у кого дѣло, долженъ везти его и кормить. При выдачѣ замужъ монастырской крестьянки въ чужую волость, тотъ, кто выдаетъ, платитъ прикащику за куницу два алтына; если же бракъ заключенъ между крестьянами монастырскихъ волостей, то прикащикъ беретъ алтынъ съ князя и княгини (съ молодыхъ), а приведутъ невѣсту изъ чужой волости въ монастырскую, то взять съ молодыхъ четыре деньги московскихъ. Поѣдутъ по волостямъ торговые люди съ виномъ, то прикащикъ долженъ запретить принимать ихъ на подворьѣ; ни самъ онъ, ни крестьяне, ни козаки не должны покупать у нихъ вина, не должны и своего курить; если же крестьянинъ или козакъ купитъ вина, то платитъ пеню на монастырь прикащику и доводчику. Если крестьяне или козаки станутъ между собою или съ прохожими козаками играть зернью, то прикащикъ беретъ на нихъ пеню на монастырь, себѣ и доводчику, и выбиваетъ ихъ вонъ изъ волости; а станетъ какой-нибудь козакъ играть зернью, то прикащикъ выбиваетъ его вонъ, а у кого онъ жилъ на подворьѣ, на томъ доправляетъ пеню. Если прикащикъ или доводчикъ обидитъ крестьянина или козака, то быть ему отъ игумена въ н о л ь з ѣ и с м и р е н і и, и доправить на немъ вдвое въ пользу обиженнаго. Въ 1561 году крестьяне монастырскаго Соловецкаго села Пузырева въ Бѣжецкомъ Верху били челомъ тому же игумену, что прикащики монастырскіе берутъ оброкъ и пошлины и дѣла дѣлать велятъ не по жалованнымъ грамотамъ и не по окладу; что прикащикъ, когда даетъ хлѣба въ займы, беретъ на с о п ь на двѣ третью и поминки, и если хлѣбъ дорогъ, то даетъ хлѣбъ въ деньги по торговой цѣнѣ, а не въ заемъ. Вслѣдствіе этой жалобы св. Филиппъ далъ имъ уставную грамоту, въ которой опредѣленъ оброкъ: съ выти по 4 четверти ржи и столько же овса, на Госпожинъ день по сыру сухому, на Покровъ по 50 яицъ, по хлѣбу и по калачу; на прикащика, на слугу и на доводчика крестьяне должны молоть рожь на хлѣбы и солодъ на квасъ, привозить на монастырскій дворъ по три воза дровъ съ выти, возить повозъ въ разные города по лошади съ выти; доводчику съ выти по гривнѣ московской, да въѣзжаго по три деньги съ дома. Судитъ прикащикъ, а съ нимъ на судѣ быть священнику да крестьянамъ пяти или шести добрымъ и сред-

нимъ, и на виноватомъ брать пошлину. Опредѣлено, что платить прикащику и доводчику съ браковъ, съ продажи лошади, коровы, хоромины. Крестьяне обязаны были также чинить монастырскій дворъ и гумно, перестраивать хоромы; прикащика должны были слушаться во всемъ и на монастырское дѣло ходить на солнечномъ всходѣ, какъ десятскій вѣсть подастъ, а кто не придетъ, платитъ заповѣдь прикащику двѣ деньги, и доводчику съ десятскимъ двѣ деньги; если прикащикъ позоветъ крестьянъ на монастырское дѣло въ честь сверхъ урока, то пришедшихъ кормить монастырскимъ хлѣбомъ. У которыхъ крестьянъ на поляхъ рощицы, то имъ ихъ беречь, на дрова и на жерди не сѣчь, а кому понадобится столпъ, подпоръ или перекладъ, то сѣчь деревья, доложа прикащика, а кто будетъ сѣчь безъ доклада, тотъ платитъ заповѣдь на монастырь. Хлѣбъ давать въ займы крестьянамъ, рожь и овесъ, безъ насну и не въ цѣну, а брать у нихъ пыловаго и на умѣръ въ годъ съ четверти— со ржи по четыре деньги московской, съ овса по двѣ деньги, также поступать и въ неурожайные годы. Крестьянамъ вольно дворами и землями мѣняться и продавать ихъ, доложа прикащика; а кто свой жребій продастъ или промѣняетъ, прикащику брать явки съ обѣихъ половинъ полполтины на монастырь; кто продастъ свой жребій, а самъ пойдетъ за волость, на томъ брать похоромное сполна, а съ купца брать порядное, смотря по землѣ и по угодью; кому не поживется, и захочетъ пойти изъ волости вонъ, а купца на его жребій не будетъ, на томъ брать похоромное сполна, а его выпускать по сроку".

Въ 1564 году старосты и цѣловальники и всѣ волощане монастырской Соловецкой волости Сумы и крестьяне деревенскіе, и всѣ козаки волостные и деревенскіе били челомъ св. Филиппу, что у нихъ въ Сумѣ между собою смущеніе живетъ великое относительно разрубовъ (раскладки податей) и всякихъ тяголъ. Игуменъ, посовѣтовавшись съ братіею, написалъ имъ такой указъ: „Какъ случится у васъ разрубъ въ волости, то вы бы выбрали изъ большихъ изъ лучшихъ людей два человѣка, изъ среднихъ два, изъ меньшихъ два, изъ козаковъ два, и тѣ бы восемь человѣкъ сидѣли у васъ въ окладѣ и окладывали земскихъ людей и козаковъ въ Божію правду, кого чѣмъ пригоже, кто чего достоинъ, другу бъ не дружили, недругу не мстили, и посуловъ бы эти выборные люди окладчики не брали; а кто изъ нихъ возьметъ посулъ или не за-

хочетъ быть окладчикомъ, того давать на крѣпкія поруки и назначать имъ срокъ становиться на судъ предъ нами въ монастырѣ. Кого земскихъ людей и козаковъ окладчики обложатъ, и тѣ бы люди платили безо всякаго перевода, а кто заупрямится, не станетъ платить, и вы бы у тіуна просили доводчика и велѣли на тѣхъ ослушникахъ доправлять безсрочно. Придется по царской грамотѣ платить приметъ, обежныя деньги, и вы бы, земскіе люди, платили по обжамъ, а не по животамъ и не по головамъ, а козаки бы этого не платили; а придетъ служба ратчина, и вы бы платили по обжамъ и животамъ, по промысламъ и головамъ, земскіе люди и козаки всѣ безъ отмѣны, по разсужденью, кто чего стóитъ. Въ примѣтныхъ же отписяхъ пишутся разныя деньги: намѣстничьи, дьяческія, старостъ городовыхъ, цѣловальническія, плѣннымъ на окупъ, пищальныя, посошныя, въ городовое дѣло, въ мостовщину, хлѣбныя: то вы бы земскіе люди и козаки всѣ эти разныя деньги платили по разсужденью, по животамъ, промысламъ и головамъ въ тотъ годъ, когда службы ратчины нѣтъ; если же случится служба ратчина, то всѣ эти разныя деньги платятъ земскіе люди по обжамъ, животамъ, промысламъ и головамъ, а козаки въ этотъ годъ этихъ денегъ не платятъ, платятъ одну ратчину. Если таможныя деньги возьмутъ на землю, то земскіе люди и козаки платятъ ихъ по торгамъ и головамъ, а не по животамъ: кто больше торгуетъ, тотъ больше и даетъ. Выгоозерскаго волостеля кормъ платится съ обежъ; а прогонныя деньги, подводы разрубали бы земскіе люди по обжамъ и црѣнамъ (по соловаренію). У которыхъ козаковъ дворы свои, лошадей и коровъ держатъ, на тѣхъ бы вы клали выть не цѣлую, по разсужденью, кто чего стóитъ. У которыхъ земскихъ людей есть дѣти или племянники взрослые, которые могутъ звѣря бить, птицу и рыбу ловить, ягоды и губы брать, то вы бы на нихъ клали противъ козаковъ по разсужденью, кто чего достоинъ. По грѣхамъ случится головщина, то вы бы разрубали по головамъ, земскіе люди и козаки, по разсужденью. О црѣнахъ мы уложили во всѣхъ нашихъ деревняхъ црѣномъ варить зимою и лѣтомъ 160 ночей, дровъ на црѣну сѣчь на годъ 600 саженъ, запасать дровъ только на одинъ годъ, не больше, а кто станетъ прибылыя ночи варить или лишнія дрова сѣчь, или запасать болѣе чѣмъ на годъ, съ такихъ брать пеню на монастырь". Далѣе въ грамотѣ слѣдуютъ опредѣленія, что крестьяне должны платить тіуну, доводчику, ста-

ростѣ, бирючу. Старостѣ и бирючу всѣ, и земскіе люди и козаки, должны платить поголовно по московски, исключая тѣхъ, кому меньше 15 лѣтъ.—Въ селѣ Соболевѣ, принадлежавшемъ Троицкому Сергіеву монастырю, крестьяне платили монастырю съ выти по три рубля въ годъ, да прикащику давали со всей волости по 20 четвертей ржи, столько же овса, четыре раза въ годъ—на Великъ день, на Петровъ день, осенью и па Рождество Христово по алтыну съ выти, потомъ съ цѣлой волости по рублю денегъ ежегодно и обязаны были накашивать ему 60 копенъ сѣна. Стоглавъ опредѣлилъ: архимандритамъ, игуменамъ и строителямъ въ объѣздъ не ѣздить и чернецовъ въ посельскіе не посылать, посылать въ посельскіе слугъ добрыхъ: а для дѣлъ монастырскихъ земскихъ, для дозиранія хлѣбнаго или для управы крестьянской посылать старцевъ добрыхъ на время; а не смогутъ старцы управить, то архимандритамъ, игуменамъ и строителямъ не возбраняется одинъ или два раза въ годъ ѣздить самимъ для надзора, но въ объѣздъ по селамъ нигдѣ не ѣздить, на пиры не ходить и даровъ не принимать. Стоглавъ запретилъ также святителямъ и монастырямъ деньги давать въ росты и хлѣбъ въ насны своимъ крестьянамъ и чужимъ людямъ.

Для обереганія монастырей и крестьянъ отъ насилій давались имъ отъ государя приставы: такъ въ 1540 году игуменъ Успенской Зосиминой пустыни жаловался, что прежній приставъ ему съ братіею не любъ, дѣлъ монастырскихъ не бережетъ, старцевъ, слугъ и крестьянъ монастырскихъ продаетъ. Государь игумена съ братіею пожаловалъ, далъ имъ пристава д а н н а г о, который имъ любъ. Должность пристава состояла въ слѣдующемъ: если игуменъ, братія, люди и крестьяне монастырскіе будутъ искать чего-нибудь на комъ-нибудь, или если кто-нибудь будетъ искать на игуменѣ, братіи, людяхъ и крестьянахъ монастырскихъ, то приставъ данный этихъ людей, истцовъ и отвѣтчиковъ, даетъ на поруки и назначаетъ срокъ ставиться на судъ, а недѣльщики за игуменомъ, братіею, ихъ людьми и крестьянами не ѣздятъ. Данный приставъ долженъ былъ также наблюдать, чтобъ никто не смѣлъ рубить лѣсъ монастырскій, виновныхъ долженъ брать, давать на поруку и ставить на судъ. Изъ другихъ грамотъ видно, что эти данные приставы назначались изъ подъячихъ и изъ царскихъ пѣвчихъ дьяковъ.

Мы уже видѣли прежде жалобы митрополита Кипріана на искаженіе книгъ священныхъ и богослужебныхъ переписчиками въ слѣдствіе отсутствія просвѣщенія; жалоба эта была произнесена вновь царемъ Іоанномъ на соборѣ 1551 года: но какъ было помочь злу безъ отстраненія главной его причины—отсутствія просвѣщенія, когда и отъ священниковъ требовалось только одна грамотность. Кромѣ искаженій ненамѣренныхъ, происходившихъ отъ неразобранія словъ подлинника, отъ описокъ, были еще искаженія намѣренныя, происходившія отъ ложныхъ толкованій словъ и цѣлыхъ рѣченій. Интересъ религіозный былъ силенъ; человѣкъ грамотный и чувствовавшій потребность въ умственной пищѣ долженъ былъ обращаться исключительно къ предметамъ религіознымъ, къ книгамъ церковнымъ, останавливался на нѣкоторыхъ мѣстахъ, начиналъ объяснять себѣ ихъ; но какъ онъ могъ ихъ объяснять при отсутствіи просвѣщенія, у кого могъ найти руководство, исправленіе въ случаѣ ошибочности своихъ мнѣній? у священника въ родѣ тѣхъ, о которыхъ писалъ новгородскій владыка Геннадій? Легко было появляться учителямъ, толковникамъ-самозванцамъ, ибо кто могъ повѣрить законность ихъ званія? Стоило только быть грамотѣемъ, начетчикомъ, говоруномъ, чтобъ пріобрѣсти авторитетъ непререкаемый среди толпы людей безграмотныхъ и малочитавшихъ. Часто говоритъ онъ нелѣпо, темно: но говоритъ онъ о вещахъ высокихъ, внушающихъ всеобщее благоговѣніе, безпрестанно приводитъ слова Св. Писанія, отцевъ церкви; чѣмъ непонятнѣе, темнѣе говорилъ онъ, тѣмъ больше возбуждалось къ нему уваженіе: это называлось говорить высоко. Иногда такой мудрецъ не ограничивался одними устными бесѣдами, писалъ книжку, и книжка удостоивалась такого же почетнаго пріема, особенно если самъ авторъ или переписчикъ надписывалъ на ней имя знаменитаго отца церкви.

Естественно, что при отсутствіи просвѣщенія младенчествующая мысль старинныхъ нашихъ грамотѣевъ обращалась не къ духу, а къ плоти, ко внѣшнему, болѣе доступному, входившему въ ежедневный обиходъ человѣческой жизни. Просвѣщенный греко-римскій міръ, при появленіи и утвержденіи христіанства, обращалъ вниманіе на главные существенные предметы новаго ученія, слѣдствіемъ чего было постепенное рѣшеніе вопросовъ, постепенное утвержденіе догмата на вселенскихъ соборахъ; но какіе вопросы

занимали древнихъ русскихъ людей и сильно иногда возмущали покой церкви? Вопросъ о томъ, какую пищу употреблять въ известные праздники, если они случатся въ постные дни, вопросъ, какъ мы видѣли, возобновлявшійся съ одинакою силою и на югѣ, и на сѣверѣ; потомъ мы видѣли, какъ при Іоаннѣ III сильно занималъ правительство церковное и гражданское вопросъ о томъ, какъ ходить во время освященія церквей—по солнцу или противъ солнца? Неправильному рѣшенію этого вопроса приписывались общественныя бѣдствія. Еще въ первой четверти XV вѣка въ псковской области возникъ вопросъ о томъ, двоить или троить аллилуіа въ припѣвѣ: „аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава Тебѣ, Боже!" Въ концѣ вѣка извѣстный намъ новгородскій владыка Геннадій спрашивалъ знаменитаго въ то время грамотѣя, толмача Димитрія Грека, какъ правильнѣе рѣшить этотъ вопросъ? Димитрій отвѣчалъ ему изъ Рима, что онъ смотрѣлъ въ книгахъ и ничего въ нихъ не нашелъ объ этомъ дѣлѣ: „но помнится мнѣ, продолжалъ Димитрій, что и у насъ споръ бывалъ объ этомъ между великими людьми, и они рѣшили, что и то и другое можно допустить: троякое аллилуіа съ четвертымъ: слава Тебѣ Боже! означаетъ единосущіе Тріипостаснаго Божества; а сугубое аллилуіа означаетъ въ двухъ естествахъ единое лицо Христа Бога". Великіе люди судили такъ, успокоился на этомъ и Геннадій; но не хотѣли успокоиться другіе, и въ 1547 году явилось житіе преподобнаго Евфросина, псковскаго чудотворца, составленное клирикомъ Василіемъ (Варлаамомъ), спустя около семидесяти лѣтъ по смерти святаго: въ этомъ житіи провозглашено, что только сугубая аллилуіа есть правильная. Кто-то придумалъ, что подобно класть крестное знаменіе двумя перстами, подобно тому какъ благословляютъ священники, и мнѣніе это изложено въ сочиненіи, приписанномъ блаженному Ѳеодориту, писателю V вѣка; какъ мало было у пастырей русской церкви возможности повѣрять подобныя мнѣнія и сочиненія, видно изъ того, что ложно-ѳеодоритовское мнѣніе о двуперстномъ сложеніи попадается въ проповѣдяхъ митрополита Даніила; въ Кормчей митрополита Макарія находимъ выписки изъ книги Еноха Праведнаго. Игумены монастырей въ своихъ грамотахъ писали такъ: „Божіею милостію Господа нашего Іисуса Христа и Боголѣпнаго Его Преображенія, и Пречистыя Его Матере честнаго и славнаго Ея Успенія". Мнѣнія о двуперстномъ сложеніи и о сугубой алли-

луіа, вмѣстѣ съ запрещеніемъ брить бороды и стричь усы, замѣшались между постановленіями собора 1551 года и распространились вмѣстѣ съ ними.

Такимъ образомъ въ описываемое время накоплялись и освящались мнѣнія, которыя въ послѣдствіи явились основными мнѣніями раскольниковъ. Но подлѣ этихъ мнѣній встрѣчаемъ мнѣнія о предметахъ религіозныхъ болѣе важныхъ, мнѣнія, имѣющія связь съ старымъ ученіемъ жидовствующихъ, подновленнымъ приверженцами ученія новыхъ западныхъ реформаторовъ.

Послѣ большаго московскаго пожара, когда погорѣли кремлевскія церкви, государь послалъ за иконами въ Великій Новгородъ, Смоленскъ, Дмитровъ, Звенигородъ. Изъ этихъ городовъ и изъ другихъ свозили въ Москву иконы и ставили ихъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ, гдѣ иконописцы, пріѣхавшіе изъ Новгорода, Пскова и другихъ городовъ, списывали съ нихъ новые образа. Знаменитый Сильвестръ, доложивъ государю, велѣлъ написать слѣдующія иконы: Троицу Живоначальную въ дѣяніяхъ, Вѣрую во единаго Бога Отца, Хвалите Господа съ небесъ, Софію Премудрость Божію, Достойно есть, Почи Богъ въ день седьмый отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, Единородный Сынъ Слово Божіе, Пріидите людіе трисоставному Божеству поклонимся, Во гробѣ плотски, и другія. Извѣстный дьякъ, Иванъ Висковатый, увидавшій эти новыя иконы, соблазнился, и началъ громко говорить при народѣ, что такъ писать иконы не годится, не слѣдуетъ изображать невидимое Божество и безплотныхъ; Вѣрую во единаго Бога отца Вседержителя, Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ надобно писать словами, а потомъ изображать по плотскому смотрѣнію: „и въ Господа нашего Іисуса Христа" до конца. Висковатый написалъ и къ митрополиту, что Сильвестръ изъ Благовѣщенскаго собора образа старинные вынесъ, а новые своего мудрованія поставилъ. Сильвестръ оправдывался предъ митрополитомъ, что если на святомъ Вселенскомъ соборѣ „Достойно есть" и „Вѣрую во единаго Бога" проповѣдано, то и на иконахъ пишутъ иконописцы, что иконники писали все со старыхъ образцевъ своихъ, отъ древняго преданія, идущаго отъ временъ Св. Владиміра, а онъ, Сильвестръ, ни одной черты тутъ не приложилъ изъ своего разума. Сильвестръ требовалъ, чтобъ дѣло было обсуждено на соборѣ; въ началѣ 1554 года соборъ былъ созванъ, и дѣло рѣшено въ пользу Сильвестра:

на Висковатаго наложена епитимья за то, что о святыхъ иконахъ сомнѣніе имѣлъ и вопилъ, возмущалъ народъ, православныхъ христіанъ; за то, что нарушилъ правило шестаго Вселенскаго собора, запрещающее простымъ людямъ принимать на себя учительскій санъ. Митрополитъ, между прочимъ, говорилъ Висковатому: „Ты сталъ на еретиковъ, а теперь говоришь и мудрствуешь негораздо о святыхъ иконахъ: не попадись и самъ въ еретики; зналъ бы ты свои дѣла, которыя на тебѣ положены — не разроняй списковъ“.

Но соборъ былъ созванъ не по одному этому дѣлу. Пиша къ митрополиту жалобу на Сильвестра относительно иконъ, Висковатый писалъ: „Башкинъ съ Артемьемъ и Семеномъ въ совѣтѣ, а попъ Семенъ Башкину отецъ духовный и дѣла ихъ хвалитъ“. Хотя здѣсь не было упомянуто имени Сильвестра, однако послѣдній счелъ за нужное отклонить отъ себя всякое подозрѣніе и писалъ къ митрополиту: „Священникъ Семенъ (Благовѣщенскаго собора) сказывалъ мнѣ про Матюшу (Башкина) въ Петровъ постъ на заутрени: пришелъ ко мнѣ сынъ духовный необыкновенный, и великими клятвами умолилъ меня принять его къ себѣ на духъ въ Великій постъ, многіе вопросы предлагаетъ мнѣ недоумѣнные, отъ меня поученія требуетъ, а иногда самъ меня поучаетъ.—Я, продолжаетъ Сильвестръ, пришелъ отъ этого въ большое недоумѣніе и отвѣчалъ: Семенъ! каковъ-то этотъ сынъ духовный у тебя будетъ, а слава про него носится недобрая? и какъ государь изъ Кириллова пріѣхалъ, я съ Семеномъ все это разсказалъ ему про Башкина, при Андреѣ протопопѣ (духовникѣ царскомъ) и Алексѣѣ Адашевѣ. Да Семенъ же сказывалъ, что Матюша проситъ истолковать ему многія вещи въ Апостолѣ, и самъ ихъ толкуетъ, только не по сущности, развратно. Семенъ сказалъ ему: я и самъ того не вѣдалъ, чего ты спрашиваешь, а онъ отвѣчалъ ему: спроси у Сильвестра, онъ тебѣ скажетъ. Мы и объ этомъ сказали государю, который велѣлъ Семену сказать Матюшѣ, чтобъ тотъ отмѣтилъ въ Апостолѣ всѣ свои рѣчи; Матюша весь Апостолъ воскомъ измѣтилъ, и Семенъ принесъ книгу въ церковь, гдѣ государь его видѣлъ и всѣ рѣчь и мудрованіе Матюшино слышали. Но тогда государь поѣхалъ въ Коломну и дѣло позалеглось. Захочешь объ этомъ дѣлѣ спросить у Семена, и онъ что вспомнитъ, все тебѣ скажетъ; а я съ

Матюшею никогда не ссылался, и совѣта мнѣ съ нимъ никакого не бывало".

Священникъ Семенъ писалъ митрополиту: „Матвѣй Башкинъ въ Великій постъ у меня на исповѣди былъ и говорилъ на исповѣди: я христіанинъ, вѣрую во Отца и Сына и Святаго Духа и поклоняюся образу Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и Пречистой Богородицы, и великимъ Чудотворцамъ, и всѣмъ святымъ, на иконѣ написаннымъ. Говорилъ: великое ваше дѣло! написано: „ничтожъ сія любви болши, еже положите душу свою за други своя", и вы за насъ души свои полагаете и бдите о душахъ нашихъ, яко слово воздати вамъ въ день судный. Послѣ того пріѣзжалъ ко мнѣ и говорилъ: Бога ради, пользуй меня душевно: надобно что̀ написано въ Бесѣдахъ Евангельскихъ читать, да на слово не надѣяться, а дѣло дѣлать; все начало отъ васъ: прежде вы, священники, должны начало показать, да и насъ научить. Потомъ прислалъ за мною человѣка, и когда я къ нему пріѣхалъ, сталъ мнѣ говорить: въ Апостолѣ написано: „весь законъ въ словеси скончавается: возлюбиши искренняго своего яко самъ себе; аще себе угрызаете и снѣдаете, блюдите, да не другъ отъ друга снѣдени будете". А мы Христовыхъ рабовъ у себя держимъ; Христосъ всѣхъ братьею называетъ, а у насъ на иныхъ кабалы, на иныхъ бѣглыя, на иныхъ нарядныя, на иныхъ полныя грамоты; я благодарю Бога: у меня, что̀ было кабалъ полныхъ, всѣ изодралъ, и держу людей своихъ добровольно: хорошо ему—и онъ живетъ, а нехорошо—идетъ куда хочетъ; вамъ, отцамъ, пригоже посѣщать насъ часто, научать, какъ намъ самимъ жить и людей держать, не томить; я видѣлъ это въ правилахъ и мнѣ показалось это хорошо".

Соборъ, изслѣдовавши дѣло, нашелъ, что Матвѣй Башкинъ и его единомышленники виновны въ слѣдующемъ: 1) не признаютъ Іисуса Христа равнымъ Богу Отцу, а нѣкоторые и другихъ поучаютъ на это нечестіе; 2) тѣло и кровь Христову считаютъ простымъ хлѣбомъ и виномъ; 3) Святую, соборную Апостольскую церковь, отрицаютъ, говоря, что собраніе вѣрныхъ только церьковъ, а эти созданные ничто; 4) изображенія Христа, Богоматери и всѣхъ святыхъ называютъ идолами; 5) покаяніе ни во что̀ полагаютъ, говоря: какъ перестанетъ грѣшить, такъ и нѣтъ ему грѣха, хотя и у священника не покается; 6) отеческія преданія и житія святыхъ баснословіемъ называютъ; на семь Вселенскихъ соборовъ гордость возла-

гаютъ, говоря: все это они для себя писали, чтобъ имъ всѣмъ владѣть, и царскимъ и святительскимъ; однимъ словомъ, все Священное Писаніе баснословіемъ называютъ, Апостолъ же и Евангеліе неправильно излагаютъ. Башкинъ оговорилъ въ единомысліи съ собою Артемія, бывшаго Троицкаго игумена; поставленный съ Башкинымъ съ очей на очи, Артемій не призналъ себя виновнымъ ни въ чемъ, что́ тотъ взводилъ на него. Но кромѣ Башкина, Артемія обвинялъ также бывшій Ѳерапонтскій игуменъ Нектарій: однажды Артемій сказалъ ему: „въ книгѣ Іосифа Волоцкаго написано не гораздо, что послалъ Богъ въ Содомъ двухъ Ангеловъ, то-есть Сына и Св. Духа;“ по словамъ Нектарія, Артемій еретиковъ новгородскихъ не проклиналъ; Латынь хвалилъ, поста не хранилъ, во всю Четыредесятницу рыбу ѣлъ, и на Воздвиженьевъ день у царя за столомъ рыбу же ѣлъ. Артемій признался, что когда случалось ему изъ пустыни приходить къ христолюбцамъ, то онъ рыбу ѣдалъ, и у царя на Воздвиженьевъ день рыбу ѣлъ. Нектарій на очной ставкѣ обвинялъ также Артемія, что тотъ изъ псковскаго Печерскаго монастыря ѣздилъ въ Новый Городокъ Нѣмецкій (Нейгаузъ) и тамъ вѣру нѣмецкую восхвалилъ. На это Артемій отвѣчалъ, что точно ѣздилъ въ Новый Городокъ и говорилъ съ нѣмецкимъ княземъ: есть ли у нихъ такой человѣкъ, съ которымъ бы можно было ему поговорить книгами? и такого ему человѣка книжнаго не указали. Явился еще обвинитель: Троицкій келарь Адріанъ Ангеловъ объявилъ, что Артемій въ Кирилліевѣ монастырѣ, въ кельѣ у игумена выразился такъ о поминовеніи умершихъ: „панихидами и обѣднями имъ не поможешь, отъ этого они муки не избудутъ“. Артемій признался, что говорилъ это о людяхъ растлѣнныхъ житіемъ и грабителяхъ. Троицкій старецъ Курачовъ писалъ, что слышалъ отъ Артемія неприличныя рѣчи объ Іисусовѣ канонѣ и акаѳистѣ Богородичномъ. Объ этомъ самъ Артемій сказалъ на соборѣ: „говорятъ въ канонѣ: Іисусе сладкій! а какъ услышатъ слово Іисусово о заподѣяхъ Его, какъ велѣлъ быть — и горько становится, что надобно ихъ исполнять. Въ акаѳистѣ повторяютъ: радуйся да радуйся, чистая! а сами о чистотѣ не радятъ и въ празднословіи пребываютъ: такъ это говорятъ только по привычкѣ, а не въ правду. Кирилловскій игуменъ Симеонъ писалъ царю: когда онъ объявилъ Артемію, что Башкинъ уличенъ въ ереси, то Артемій отвѣчалъ: „не знаю, что за ересь такая! сожгли Курицына, да Рукаваго, и теперь не знаютъ, за что́ ихъ сожгли“.

Артемій сказалъ на это на соборѣ: „Не упомню, такъ ли я про новгородскихъ еретиковъ говорилъ; я новгородскихъ еретиковъ не помню и самъ не знаю за чтó ихъ сожгли; если я говорилъ, что не знаю за чтó ихъ сожгли и кто ихъ судилъ, то я говорилъ это про себя, не сказалъ я: они того не знаютъ". Митрополитъ, обратившись на соборѣ къ Артемію, говорилъ ему: „Матвѣй Башкинъ ереси проповѣдывалъ, Сына Единороднаго отъ Отца раздѣлилъ, называлъ Сына не равнымъ Отцу, говорилъ: сдѣлаю грубость Сыну и въ страшное пришествіе Отецъ можетъ избавить меня отъ муки, а сдѣлаю грубость Отцу, то Сынъ не избавитъ; молился Матвѣй одному Богу Отцу, а Сына и Св. Духа оставилъ; теперь Матвѣй во всемъ этомъ кается, дѣла всѣ свои на соборѣ обнажилъ". Артемій отвѣчалъ митрополиту: „Это Матвѣй по ребячески поступалъ, и самъ не знаетъ, чтó дѣлалъ своимъ самосмышленіемъ: въ писаніи этого не обрѣтается, и въ ересяхъ не написано". Митрополитъ говорилъ: „Прежніе еретики не каялися и святители ихъ проклинали, а цари ихъ осуждали и заточали, и казнямъ предавали". Артемій отвѣчалъ: „За мною посылали еретиковъ судить, и мнѣ такъ еретиковъ не судить, что казни ихъ предать, да теперь еретиковъ нѣтъ и никто не споритъ". Митрополитъ говоритъ ему: „Написалъ Матвѣй молитву къ единому началу, Бога Отца одного написалъ, а Сына и Св. Духа отставилъ". Артемій отвѣчалъ: „Что ему досталось еще врать, вѣдь есть молитва готовая Манасіина къ Вседержителю". Митрополитъ сказалъ на это: „То было до Христова пришествія, а кто теперь такъ напишетъ къ единому началу, тотъ еретикъ". Артемій отвѣчалъ: Манасіина молитва въ большомъ ефимонѣ написана и говорятъ ее". Когда митрополитъ сказалъ Артемію: „Если ты въ чемъ виноватъ, кайся", то онъ отвѣчалъ: „Я такъ не мудрствую, какъ на меня сказывали; то на меня все лгали: я вѣрую въ Отца, Сына и Св. Духа, въ Троицу единосущную". — Бывшій Ѳерапонтовскій игуменъ Нектарій обвинялъ Артемія во многихъ богохульныхъ рѣчахъ на христіанскій законъ и Божественное писаніе, при чемъ слался на свидѣтелей: на троихъ пустынниковъ Ниловы пустыни и на одного соловецкаго старца; но на соборѣ эти свидѣтели объявили, что отъ Артемія хулы на христіанскія законъ и Божественное Писаніе не слыхали. Вслѣдствіе этого, что свидѣтели не подтвердили Нектаріева обвиненія, царь освободилъ Артемія отъ казни; но такъ какъ соборъ нашелъ, что Артемій не

оправдался въ другихъ обвиненіяхъ, то его присудили на заточеніе въ Соловецкій монастырь: тамъ онъ заключенъ былъ въ молчательной кельѣ, чтобъ душевредный и богохульный недугъ не могъ распространиться отъ него ни на кого; онъ не могъ ни говорить ни съ кѣмъ, ни писать ни къ кому, ни получать ни отъ кого писемъ или другихъ какихъ-нибудь вещей; онъ долженъ былъ сидѣть въ молчаніи и каяться; приставленъ былъ къ нему отецъ духовный, который долженъ былъ извѣщать игумена, истинно ли покаяніе его; самъ игуменъ долженъ былъ поучать его, и въ случаѣ исправленія, позволить ему причаститься въ смертельной болѣзни; книги ему имѣть только такія, какія позволитъ соборъ.— По нѣкоторымъ извѣстіямъ, одинъ изъ отцовъ собора, епископъ рязанскій Кассіанъ, позволилъ себѣ отзываться дурно о книгѣ Іосифа волоцкаго; онъ былъ пораженъ параличемъ, лишился употребленія руки и ноги, оставилъ епископію, удалился въ монастырь, но и тутъ не покаялся, не хотѣлъ называть Христа Вседержителемъ.

Изъ отзывовъ Артемія о книгѣ Іосифа волоцкаго и о новгородскихъ еретикахъ видно, что онъ вмѣстѣ съ другими современными ему грамотными людьми, какъ напримѣръ, съ знаменитымъ княземъ Андреемъ Курбскимъ, не раздѣлялъ убѣжденій Іосифа относительно еретиковъ и справедливости мѣръ, противъ нихъ принятыхъ. Мы видѣли, какъ заволжскіе старцы ратовали противъ мѣръ Іосифа Волоцкаго; Башкинъ, по свидѣтельству лѣтописи, также говорилъ, что заволжскіе старцы злобы его не хулили, а утверждали его въ ней. Въ связи съ самымъ извѣстнымъ изъ заволжскихъ старцевъ, Вассіаномъ Косымъ, былъ Максимъ Грекъ, который находился еще въ живыхъ, когда поднялось дѣло объ ереси Башкина; вмѣстѣ съ другими онъ былъ приглашенъ на соборъ: но царю донесли, что Максимъ оскорбился этимъ приглашеніемъ, думаетъ, что его зовутъ на соборъ изъ подозрѣнія въ единомысліи съ Башкинымъ, хотятъ изъ его мнѣній и приговоровъ о ереси вывести заключеніе — врагъ онъ или скрытый доброжелатель еретиковъ. Чтобъ успокоить Максима, царь писалъ ему: „Послалъ я за тобою, да будешь и ты поборникъ православію, наравнѣ съ древними богоносными отцами, да явишься и ты благочестію ревнитель, да примутъ и тебя тѣ же небесныя обители, какія приняли прежнихъ подвижниковъ за благочестіе. Слышали мы, что ты оскорбляешься, думаешь, что мы тебя соединяемъ съ

Матвѣемъ (Башкинымъ), и потому за тобою послали: никогда мы не сочетаемъ вѣрнаго съ невѣрными; отложи сомнѣніе и данный тебѣ отъ Бога талантъ умножи, пришли ко мнѣ писаніе на нынѣшнее злодѣйство." Изъ этого письма видно, что царь освобождалъ Максима отъ присутствія на соборѣ, прося у него только обличительнаго на ересь посланія.

Башкинъ и единомышленники его были заточены по монастырямъ. Изъ послѣдователей его — бѣлозерскій монахъ, Ѳеодосій Косой и какой-то Игнатій были схвачены въ 1555 году и заключены въ монастырь въ Москвѣ, но бѣжали въ Литву, женились тамъ и продолжали проповѣдывать на свободѣ свое ученіе; это ученіе состояло въ томъ, что Божество не троично, что Христосъ простой человѣкъ, что все внѣшнее устройство церковное не нужно. — Артемію, не смотря на строгій надзоръ, также удалось бѣжать изъ Соловокъ въ Литву. — Есть еще извѣстіе о соборѣ по поводу ереси Давыда, архіепископа ростовскаго въ 1582 году; этотъ Давыдъ выставленъ соумышленникомъ Антонія Поссевина, который самъ приводится на соборъ, излагаетъ странное ученіе, совершенно сходное съ ученіемъ Давыда и опровергается царемъ Іоанномъ. Но извѣстіе о Поссевинѣ явно выдумано: царь не могъ говорить съ нимъ такъ, какъ представленъ говорящимъ на соборѣ; притомъ, еслибъ было что-нибуть подобное, то извѣстіе о немъ сохранилось бы въ статейномъ спискѣ; это сочиненіе въ родѣ переписки царя Іоанна съ турецкимъ султаномъ, попадающейся въ нѣкоторыхъ сборникахъ.

Съ православнымъ востокомъ попрежнему происходили постоянныя сношенія. Въ 1543 году дана была грамота старцамъ аѳонскаго Пантелеймонова монастыря, по которой они вездѣ въ областяхъ Московскаго государства пропускались свободно, не платя никакихъ пошлинъ, получая кормъ и подводы. Въ 1547 году митрополитъ Макарій писалъ окружное посланіе о вспомоществованіи старцамъ Пантелеймонова монастыря, пришедшимъ въ Москву за милостынею. Также билъ челомъ царю Паисій, игуменъ аѳонскаго болгарскаго монастыря Хиландаря, что имъ отъ даней султановыхъ истомы великія и отъ Грековъ обиды большія: государь бы ихъ пожаловалъ, послалъ объ нихъ свою грамоту къ султану, чтобъ тотъ отъ даней ихъ пооблегчилъ и отъ Грековъ оборонилъ. Царь исполнилъ просьбу, послалъ грамоту къ султану. Въ 1545

году александрійскій патріархъ Іоакимъ писалъ Іоанну, ходатайствуя объ освобожденіи Максима Грека, неправедно заточеннаго: „Такъ православные христіане, пишетъ Іоакимъ, не поступаютъ съ бѣдными людьми, особенно съ иноками, и несправедливо держать человѣка силою и оскорблять; не хорошо вѣрить всякому слову, всякому писанію безъ испытанія. Я никогда не писалъ къ тебѣ, ничего не просилъ: такъ не оскорби меня теперь, не заставь писать вторично, ибо я не перестану писать къ тебѣ, пока просьба моя не будетъ исполнена.“

Въ 1556 году пріѣзжалъ въ Москву Іоасафъ, митрополитъ Евгрипскій, съ грамотою патріарха византійскаго; отпустивши его въ слѣдующемъ году, царь отправилъ съ нимъ грамоту къ патріарху Іоасафу, въ которой просилъ о соборномъ благословеніи на свое царское вѣнчаніе. При этомъ послано было патріарху соболей на 2000 золотыхъ. Просимая грамота была прислана въ 1562 году: въ ней соборъ восточныхъ святителей признаетъ Іоанна достойнымъ царскаго имени, потому что онъ ведетъ свое происхожденіе отъ царицы Анны, сестры самодержца Василія Багрянороднаго, и потому что царь Константинъ Мономахъ послалъ съ ефесскимъ митрополитомъ царскую утварь великому князю Владиміру, который и былъ вѣнчанъ на царство.

По смерти царицы Анастасіи, брата царскаго, князя Юрія Васильевича, царевича Іоанна, посылались патріархамъ, на Синайскую, на Аѳонскую горы, нищимъ цареградскимъ богатыя милостыни. Къ константинопольскому патріарху посылались изъ Москвы молодые люди учиться греческому языку: къ патріарху Діонисію въ 1551 году отправленъ былъ паробокъ Обрюта Михайловъ Грековъ; царь писалъ патріарху: ты бы велѣлъ его у себя учить грамотѣ греческой и языку; а если тебѣ у себя его научить нельзя, то отошли его на святую гору Аѳонскую, въ нашъ монастырь св. Пантелеймона. Послѣ Обрюты посланы были учиться двое паробковъ—Ушаковъ и Внуковъ; патріархъ жаловался, что учить ихъ очень трудно, потому что они уже велики, а пристращать ихъ нельзя—какъ бы къ Туркамъ не бѣжали.

Въ то время какъ русская церковь на востокѣ, въ Московскомъ государствѣ, распространялась вмѣстѣ съ распространеніемъ предѣловъ этого государства, на западѣ въ литовско-русскихъ областяхъ происходило явленіе противное: здѣсь русская церковь, вмѣ-

сто пріобрѣтенія новыхъ членовъ, теряла старыхъ, сначала вслѣдствіе распространенія протестантскихъ ученій, потомъ вслѣдствіе католическаго противодѣйствія, главными двигателями котораго были іезуиты. Кромѣ того, нахожденіе подъ властію иновѣрнаго правительства, если еще и не явно враждебнаго, то равнодушнаго къ выгодамъ русской церкви, не могло обезпечивать для послѣдней спокойствія и наряда. Послѣ уничтоженія галицкой митрополіи, названіе галицкаго митрополита было присоединено къ титулу кіевскаго митрополита, и галицкая епархія находилась поэтому въ непосредственномъ завѣдываніи послѣдняго, который назначалъ въ Галичъ своего справцу (прикащика, намѣстника). Но въ то же самое время право назначать намѣстника для управленія православною галицкою церковію имѣлъ католическій львовскій архіепископъ, въ силу грамоты короля Сигизмунда І-го, данной въ 1509 году. Такимъ образомъ намѣстникъ галицкій для отправленія своей должности долженъ былъ получить согласіе православнаго кіевскаго митрополита, католическаго львовскаго архіепископа и подтвержденіе королевское. Въ сороковыхъ годахъ описываемаго вѣка справцею митрополичьимъ въ Галичѣ былъ Сикора, возбудившій своимъ поведеніемъ негодованіе епархіи. Галичане послали къ митрополиту Макарію просьбу, чтобъ далъ ихъ въ опеку Лаврентію, епископу перемышльскому; но митрополитъ назначилъ къ нимъ справцею священника Гошевскаго, написавши впрочемъ къ Галичанамъ, что могутъ не принимать его, если онъ имъ нелюбъ. Новый справца дѣйствительно не полюбился Галичанамъ, и они послали опять къ митрополиту челобитную: „Мы всѣ сообща жители русской (галицкой) и подольской земли не посылали къ вашему святительству попа Гошевскаго и не выбирали его, и теперь никто изъ насъ, великій и малый, богатый и убогій, не хотимъ имѣть его справцею, точно такъ же какъ и Сикоры, потому что при Сикорѣ было большое безнарядье, тяжести и непослушаніе къ вашему святительству; то же было бы и при попѣ Гошевскомъ, или еще хуже; и такъ какъ ваше святительство къ намъ писали, чтобъ мы выбрали добраго человѣка и къ вамъ послали, то мы всѣ духовные, шляхта, мѣщане и все посполъство, отъ большихъ и до меньшихъ, выбрали Макарія Тучанскаго, мѣщанина (горожанина) львовскаго и покорно просимъ ваше святительство благословить его къ намъ въ намѣстники.“ Митрополитъ

исполнилъ ихъ просьбу, новый намѣстникъ началъ дѣйствовать къ общему удовольствію; но старый справца Сикора, подбившись къ католическому архіепископу львовскому, сталъ подучать его противъ Макарія, какъ избраннаго не съ его архіепископскаго согласія; архіепископъ настоялъ у короля, чтобъ назначена была коммиссія для обсужденія поступковъ Макарія, и королевскими листами позвали послѣдняго къ суду коммиссара; Макарій долженъ былъ явиться на этотъ судъ въ сопровожденіи большаго числа обывателей Галиціи и Подоліи, которые должны были свидѣтельствовать въ его пользу; какъ обыкновенно водилось, Макарій и его свидѣтели должны были потратить при этомъ много денегъ; но деньги не помогли, и Макарій перенесъ дѣло къ королю на сеймъ. Король рѣшилъ дѣло въ пользу архіепископа: на основаніи старыхъ Ягайловыхъ привилегій подчинилъ ему православное галицкое духовенство, которое изъялъ изъ вѣдомства митрополита кіевскаго и его намѣстника; Макарію грозило вѣчное заключеніе; но Галичане, посредствомъ двухъ пановъ, нашли доступъ къ королевѣ Бонѣ; имѣвшей большое вліяніе надъ своимъ мужемъ. Король и королева не постыдились взять съ галицкаго духовенства посулъ—200 воловъ; привилегія, данная католическому архіепископу, была разодрана, и обѣщана была привилегія Макарію, какъ скоро 200 воловъ будутъ доставлены. Но этимъ дѣло не кончилось: когда король пріѣхалъ въ Львовъ, Макарій далъ ему 50 воловъ, за что получилъ приказаніе пріѣзжать въ Краковъ за привилегіей; но передъ самымъ выѣздомъ короля изъ Львова архіепископъ опять упросилъ его отдать въ его вѣдомство русское галицкое духовенство; Макарію опять, слѣдовательно, нужно было приниматься за воловъ: 110 воловъ роздалъ онъ королю, королевѣ и панамъ, и получилъ вторично приказаніе ѣхать въ Краковъ за привилегіею. Макарій поѣхалъ и долго жилъ въ Краковѣ, но привилегіи не получилъ: король отложилъ дѣло до сейма, на который Макарій долженъ былъ пріѣхать. Макарій отправился, безъ малаго годъ выжилъ въ Краковѣ и добылъ наконецъ привилегію „съ великою бѣдою, накладомъ и трудомъ“; галицкое духовенство должно было заплатить еще 140 воловъ. Но и этимъ дѣло не кончилось: когда Макарій возвратился изъ Кракова, архіепископъ прислалъ къ нему писаря своего, приказывая ему съ угрозами, чтобъ сталъ передъ нимъ и съ привилегіями. Макарій самъ не пошелъ и привилегій не ото-

слалъ къ нему. Тогда архіепископъ сказалъ: „пока живъ, не отстану отъ этого дѣла; Русь должна быть въ моей власти, король не могъ безъ меня порѣшить иначе.“ Онъ послалъ къ королю жалобу на Макарія и хотѣлъ вытребовать его на сеймъ. Тогда Галичане немедленно отправили Макарія въ Кіевъ къ митрополиту съ просьбою посвятить его въ епископы, потому что ему, какъ владыкѣ, нечего уже будетъ больше бояться архіепископа и всѣхъ бискуповъ католическихъ; Макарій поѣхалъ въ Кіевъ въ сопровожденіи многочисленной толпы своихъ русскихъ: боялись за его жизнь, ибо архіепископъ нѣсколько разъ приказывалъ убить его. Послѣ, между 1569 и 1576 годомъ, видимъ въ Галичѣ явленіе подобнаго же рода: галицкій владыка, Маркъ Балабанъ, передъ смертію, съ позволенія королевскаго, передалъ владычество сыну своему Григорію Балабану; но католическій львовскій архіепископъ, Шломовскій, объявилъ королю, что имѣетъ право назначать православныхъ владыкъ и назначилъ уже Ивана Лопатку Осталовскаго. Сигизмундъ Августъ, несмотря на позволеніе, данное имъ прежде Балабану, подтвердилъ назначеніе Лопатки. Но Балабанъ и его сторона, опираясь на прежнее позволеніе королевское, не соглашались признать правъ Лопатки, хотя король нѣсколько разъ потомъ подтверждалъ ихъ, и когда Лопатка умеръ, то Балабанъ утвердился на владычествѣ.

Мы видѣли, какъ Сигизмундъ Августъ былъ равнодушенъ къ католицизму, и потому при немъ панамъ греческой вѣры легко было испросить уравненіе правъ православнаго шляхетства съ католиками: это уравненіе послѣдовало на Виленскомъ сеймѣ 1563 года. При Баторіи Русская церковь въ Литвѣ сильно почувствовала, чего она должна ожидать впередъ отъ католическаго противодѣйствія и главныхъ проводниковъ его, іезуитовъ: въ 1583 году король велѣлъ отобрать землю у всѣхъ полоцкихъ церквей и монастырей, кромѣ владычнихъ, и отдать ихъ іезуитамъ. Въ 1584 году, во Львовѣ, наканунѣ Рождества Христова, католики, по приказанію архіепископа своего, съ оружіемъ въ рукахъ напали на православныя церкви и монастыри, выволокли священниковъ изъ алтарей, однихъ уже по освященіи даровъ, другихъ передъ самымъ причастіемъ, запечатали церкви и настрого запретили отправлять въ нихъ богослуженіе.

Еще при жизни владыкъ короли уже назначали имъ преемниковъ, иногда людей свѣтскихъ, бояръ, „ласково взглянувши на ихъ вѣрную службу, по желанію воеводы и бояръ“. Иногда престарѣлый владыка сдавалъ управленіе епархіальными дѣлами какому-нибудь свѣтскому лицу, оставивши за собою только званіе и старшинство; новый правитель обращался къ королю съ просьбою объ утвержденіи его на владычномъ столѣ, въ случаѣ смерти стараго архіерея. Назначивши митрополита въ Кіевъ, король давалъ знать объ этомъ патріарху константинопольскому, чтобъ тотъ благословилъ новаго митрополита; грамота королевская патріарху въ этомъ случаѣ имѣла такую форму: „Даемъ знать достоинству вашему, что въ панствахъ нашихъ великаго княжества литовскаго въ животѣ не стало митрополита кіевскаго и галицкаго и всея Руси; на его мѣсто представленъ намъ отъ жителей греческаго закона годный на то, смиренный владыка такой-то. Благословите его на митрополію по закону вашему, къ службѣ церкви святой христіанской, къ наученію и управленію всѣмъ, принадлежащимъ къ этому достоинству, за что будетъ получать и отъ насъ такую же благодарность, какую отъ предковъ нашихъ прежніе митрополиты получали. При этомъ желаемъ вамъ всякаго добра“. Мы видѣли, что распря полоцкаго владыки съ митрополитомъ о титулѣ и распря того же владыки полоцкаго съ владыкою владимірскимъ рѣшены были королемъ съ панами радными: но въ 1548 году, когда полоцкій архіепископъ Симеонъ, вмѣстѣ съ князьями, панами и боярами своей области, подалъ жалобу королю на митрополита Макарія, что тотъ поставилъ его опять ниже владыки владимірскаго, то митрополитъ объявилъ королю, что это судъ духовный, въ который король не можетъ вступаться въ силу привилегіи, данной митрополиту Іосифу, что дѣло должно быть рѣшено на соборѣ, по закону греческому; король согласился на созваніе собора, выговоривъ, что если которая-нибудь изъ тяжущихся сторонъ найдетъ соборный приговоръ несправедливымъ, то имѣетъ право перенести дѣло на рѣшеніе королевское. Въ томъ же году бурмистры, радцы и мѣщане виленскіе греческаго закона выпросили у митрополита грамоту, по которой виленское духовенство отдавалось въ ихъ управу, и еслибъ кто-нибудь изъ священниковъ не захотѣлъ ихъ слушаться, того они могли отставлять отъ церкви и замѣщать другимъ, съ позволенія митрополичьяго. Протопопъ и всѣ священники подали жалобу

королю на такой поступокъ митрополита. Король въ 1542 году писалъ къ митрополиту: „Очень удивило насъ то, что мѣщане виленскіе мимо насъ обратились съ такимъ дѣломъ къ тебѣ и выхлопотали такія неприличныя грамоты, по которымъ присвоили въ свою мѣщанскую управу наше господарское владѣніе, что́ имъ никакъ не слѣдуетъ; не слѣдовало и тебѣ священниковъ, богомольцевъ нашихъ, записывать своими грамотами кому-нибудь во владѣніе; нельзя церквей Божіихъ нашего стольнаго города брать изъ-подъ нашей господарской управы и отдавать въ управленіе подданнымъ: этого никогда при предкахъ нашихъ не бывало. Мы велѣли эту твою грамоту взять въ нашу канцелярію, и приказываемъ: если у какой-нибудь церкви умретъ священникъ, то бурмистръ или кто-нибудь изъ добрыхъ людей, вмѣстѣ съ твоимъ намѣстникомъ, протопопомъ виленскимъ, идутъ въ эту церковь, переписываютъ въ ней церковное имущество и запечатываютъ ее, а ключи церковные отдаются въ соборную церковь Богородицы. Потомъ, выбравши добраго и ученаго человѣка, они даютъ тебѣ знать, и ты, увидавши его годность, ставишь его въ священники и приказываешь отдать ему ту церковь со всѣмъ ея имуществомъ". Къ мѣщанамъ король писалъ, чтобъ они не смѣли управлять священниками подъ страхомъ пени въ 1000 копъ грошей и впередъ подобныхъ грамотъ у митрополита не брали: грамоты эти не имѣютъ никакой силы; ибо митрополитъ имѣетъ власть надъ духовенствомъ только въ дѣлахъ духовныхъ, а въ другихъ дѣлахъ не можетъ ни къ чему ихъ приневоливать. Но этимъ дѣло не кончилось: священники не переставали жаловаться королю на мѣщанъ, а мѣщане на священниковъ; тогда король въ 1544 году, признавши, что имѣетъ право чинить постановленіе Божіимъ церквамъ, далъ имъ уставную грамоту, въ которой опредѣлилъ способъ избранія священниковъ, дьяконовъ и причетниковъ: когда священникъ тяжело занеможетъ, то протопопъ даетъ знать объ этомъ бурмистру греческаго закона; бурмистръ идетъ самъ или посылаетъ двухъ радцевъ и писаря, которые и переписываютъ всѣ церковныя вещи, вмѣстѣ съ протопопомъ и священниками; когда же священникъ умретъ, то бурмистръ запираетъ церковь и держитъ у себя ключи до тѣхъ поръ, пока будетъ поставленъ новый священникъ; выбираютъ священника, дьякона, уставника и пономаря бурмистры и радцы съ протопопомъ и двумя священниками. Въ грамотѣ опредѣляется, сколько

платить священникамъ за погребеніе, за соборованіе масломъ; относительно исповѣди постановлено: мѣщане приходятъ къ отцамъ своимъ духовнымъ по доброй волѣ, а не по нуждѣ, и гдѣ хотятъ, тамъ исповѣдаются; священники неволею никого не должны къ себѣ призывать. Священники не имѣютъ права вмѣшиваться въ духовныя дѣла лицъ свѣтскихъ.

Недовольные судомъ епископа жаловались королю, и тотъ приказывалъ митрополиту пересмотрѣть дѣло.

Что касается отношеній монастырей ко власти свѣтской, то распри между монахами и архимандритами судились воеводами: такъ въ 1534 году полоцкій воевода судилъ монаховъ Предтеченскаго монастыря съ ихъ архимандритомъ; монахи жаловались, что архимандритъ беретъ себѣ слѣдующую имъ половину доходовъ; архимандритъ отвѣчалъ, что когда полоцкій воевода или его урядники пріѣзжаютъ въ монастырь, тогда архимандритъ и чернецы вмѣстѣ ихъ угощаютъ и дарятъ, а теперь чернецы не помогли ему одарить пана воеводу, потому онъ и вычелъ изъ ихъ половины доходовъ; чернецы возражали, что на потребы церковныя и на дары воеводамъ есть деньги постригальныя: когда кто идетъ въ монахи, то даетъ по рублю грошей въ казну монастырскую. Въ 1540 году, вслѣдствіе жалобы монаховъ Уневскаго монастыря на львовскаго епископа Макарія, поданной королю и митрополиту, дѣло разсматривалось передъ девятью шляхтичами, четырьмя мѣщанами и вознымъ; Макарій оправдался, но писалъ потомъ, что дѣло это стоило ему 20 воловъ, которыхъ онъ долженъ былъ подарить пану Краковскому. Монахи признались, что они жаловались на хищность епископа только для того, чтобъ высвободиться изъ-подъ его управленія, вопреки королевской грамотѣ, по которой монастырь ихъ былъ отданъ въ управленіе Макарію. Черезъ 15 лѣтъ, въ 1555 году, дѣло возобновилось: архимандритъ Уневскаго монастыря жаловался митрополиту Макарію на львовскаго епископа Арсенія, что тотъ, пріѣзжая въ монастырь, грабитъ его, архимандрита зоветъ къ суду предъ короля и пановъ радныхъ, желая привести монастырь въ свою власть: король велѣлъ митрополиту разсмотрѣть дѣло; митрополитъ назначилъ срокъ епископу и архимандриту стать предъ нимъ на судъ и рѣшилъ дѣло въ пользу архимандрита, освободилъ монастырь изъ-подъ управленія епископа, не обращая вниманія на упомянутую выше грамоту короля Сигиз-

мунда; тогда епископъ жаловался королю на несправедливость митрополичья суда, и митрополитъ былъ позванъ на судъ королевскій.—Иногда могущественные паны позволяли своимъ урядникамъ вмѣшиваться даже въ духовный судъ митрополита, и лица духовныя, въ надеждѣ на покровительство какого-нибудь могущественнаго вельможи, позволяли себѣ пренебрегать властію митрополита: въ 1554 году митрополитъ Макарій жаловался королю, что княгиня Слуцкая приказываетъ намѣстникамъ своимъ вступаться въ дѣла духовныя, судить священниковъ, сажать ихъ въ заключеніе, разводить мужей съ женами; когда митрополитъ за двукратную неявку къ суду запретилъ отправлять службу слуцкому архимандриту Никандру, то послѣдній митрополичьей грамоты не захотѣлъ и читать, служку, присланнаго съ нею, прибилъ, а самъ прибѣгнулъ къ покровительству княгини Слуцкой, которая за него заступилась. Король запретилъ княгинѣ подобные поступки.

Короли, по праву подаванья, продолжали жаловать православные монастыри свѣтскимъ людямъ въ управленіе: такъ въ 1562 году Сигизмундъ Августъ отдалъ полоцкій Предтеченскій монастырь дворянину Корсаку съ условіемъ, чтобъ онъ держалъ въ монастырѣ намѣстника, особу духовную, человѣка ученаго, который бы умѣлъ въ дѣлахъ духовныхъ управляться по закону греческому. Въ 1568 году на городенскомъ сеймѣ митрополитъ Іона, между прочими просительными статьями, представилъ королю, чтобы достоинства духовныя не раздавать людямъ свѣтскимъ; и если королю случится отдать духовную должность свѣтскому человѣку и послѣдній въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не вступитъ въ санъ духовный, то владыка въ правѣ отбирать у таковыхъ достоинства и хлѣбы духовные и раздавать людямъ духовнымъ. Король отвѣчалъ, что просьба справедлива; но что если кто-нибудь изъ пожалованныхъ не захочетъ вступить въ духовное званіе, то владыка не имѣетъ права отбирать у него пожалованія и отдавать другому, а доноситъ объ этомъ королю, который самъ отбираетъ пожалованія и отдаетъ другимъ, кого признаетъ достойнымъ. Такой отвѣтъ, какъ видно, былъ данъ съ тѣмъ, чтобъ уклоняться, когда нужно, отъ исполненія просьбы: въ 1571 году Сигизмундъ Августъ отдалъ кіевскій Межигорскій монастырь безо всякаго условія дьяку коронной канцеляріи Высоцкому за вѣрную службу, желая еще болѣе усилить въ немъ ревность къ службѣ; ясно, что дьякъ, который долженъ

былъ продолжать канцелярскую службу, не могъ постричься въ монахи. Но въ другихъ случаяхъ припоминали отвѣтъ королевскій, данный на городскомъ сеймѣ. Король Стефанъ далъ минскій Вознесенскій монастырь дворянину Невельскому, а тотъ, не желая вступать въ духовное званіе, передалъ монастырь съ вѣдома королевскаго земянину Достоевскому, который не былъ даже православный; митрополитъ Илія и каштелянъ минскій Янъ Глѣбовичъ жаловались королю, что Достоевскій пользуется только доходами, и вовсе не радитъ объ управленіи монастыремъ, и просили отдать послѣдній земянину же минскому Михаилу Рагозѣ, человѣку благочестивому и въ Священномъ Писаніи знающему, который немедленно пострижется въ монахи. Король исполнилъ ихъ просьбу, ссылаясь на отвѣтъ Сигизмунда Августа, данный на городенскомъ сеймѣ митрополиту. Это было въ 1579 году; въ 1581 видимъ жалованную грамоту дворянину Левоновичу на Браславскій монастырь прямо съ условіемъ, чтобы онъ вступилъ въ духовное званіе. Иногда монастырь отдавался во владѣніе свѣтскому лицу и сыновьямъ его: такъ Сигизмундъ Августъ отдалъ монастырь Св. Спаса во Владимірѣ Волынскомъ Орапскимъ—отцу и троимъ сыновьямъ, которые должны были владѣть одинъ за другимъ: и отецъ, и сыновья при этомъ освобождены были отъ обязанности постригаться въ монахи, только должны были держать въ монастырѣ викарія—духовное лицо. Иногда такіе владѣльцы закладывали монастыри. Виленскій Троицкій монастырь принадлежалъ также къ числу тѣхъ монастырей, которыми распоряжались короли; онъ былъ отданъ королемъ митрополиту Онисифору Дѣвочкѣ. Но еще при жизни послѣдняго, въ 1584 году, бурмистры, радцы и лавники виленскіе греческаго закона били челомъ королю, что, вслѣдствіе рѣдкихъ посѣщеній митрополичьихъ и дальности разстоянія отъ Кіева, монастырь Троицкій обнищалъ и пришелъ въ разстройство; дабы не пришелъ онъ въ окончательный упадокъ, они просили короля отдать имъ его въ управленіе по смерти митрополита Онисифора. Король исполнилъ просьбу, отдалъ имъ монастырь съ тѣмъ, чтобъ они собирали доходы и употребляли ихъ на монастырскія потребности, на поддержку строенія, на содержаніе архимандрита, священниковъ, чернецовъ, убогихъ монахинь, слугъ церковныхъ, на учрежденіе школъ, гдѣ должны воспитываться дѣти людей, живущихъ въ монастырѣ и при монастырѣ. Бурмистры, радцы и лавники получили

право выбирать архимандритовъ въ монастырь, которые не имѣютъ права безъ ихъ вѣдома распоряжаться монастырскимъ имуществомъ; бурмистры, радцы и лавники должны выбрать одного или двухъ добрыхъ людей сами собою или сообща съ православными мѣщанами виленскими; эти выбранные добрые люди должны смотрѣть за доходами монастырскими и ежегодно отдавать объ нихъ отчетъ бурмистрамъ, радцамъ и лавникамъ. Монастыри съ вѣдома королевскаго выбирали себѣ опекуновъ, которые имѣли обязанность охранять ихъ выгоды.

Мы видѣли, что въ 1522 году, вслѣдствіе челобитной, поданной королю Сигизмунду I монахами кіевопечерскаго монастыря, возстановлена была у нихъ община, которая пала отъ обнищанія монастыря послѣ татарскихъ нашествій. Но возстановленная община существовала только при одномъ архимандритѣ Игнатіи, преемники котораго уничтожили ее для своихъ выгодъ, отдавая доходы монастырскіе дѣтямъ своимъ и родственникамъ. Монастырь началъ приходить въ упадокъ, и старцы въ половинѣ вѣка снова обратились къ королю Сигизмунду Августу съ просьбою о возстановленіи общины; король поручилъ это дѣло воеводѣ кіевскому, князю Фридриху Глѣбовичу Пронскому и дворянину Ораnскому, которые и написали уставъ для общины. Здѣсь опредѣлено, какіе доходы должны идти въ казну монастырскую, какіе архимандриту и клирошанамъ: за погребеніе монахи должны брать то, что̀ имъ дадутъ, а не торговаться; братію свою должны хоронить и поминать одинаково, оставитъ ли кто послѣ себя имѣніе, идущее на монастырь, или не оставитъ ничего. Архимандритъ и старцы ѣдятъ и пьютъ въ одномъ мѣстѣ; во время стола происходитъ чтеніе; монахи не смѣютъ выходить изъ монастыря безъ позволенія архимандричьяго и экономова; ослушниковъ архимандритъ съ братіею имѣютъ право наказывать по ихъ духовному праву, имѣютъ право высылать изъ монастыря. Кельи и сады находятся въ общемъ пользованіи: монахъ, желающій выйти изъ монастыря, келью свою не продаетъ, беретъ только движимое имущество; платье и дрова монахамъ даются изъ казны церковной; чернецы не могутъ держать у себя бѣльцовъ, мальчиковъ и никакой живности: одинъ архимандритъ держитъ слугу и хлопца; печать церковная хранится въ казнѣ; архимандритъ вѣдаетъ одно церковное управленіе; доходы же и расходы и управленіе имѣніями находятся въ завѣдываніи эконома,

палатника и братіи; въ доходахъ и расходахъ экономъ и палатникъ дважды въ годъ отдаютъ отчетъ архимандриту и братіи; архимандритъ и старцы не могутъ принимать къ себѣ монаховъ изъ Москвы и Валахіи. Несмотря на то, въ Москвѣ не забывали Кіевопечерскаго монастыря: по царевичѣ Иванѣ послано туда милостыни 100 рублей.

Извѣстно, что въ 1509 году митрополитъ Іосифъ созывалъ въ Вильнѣ соборъ, гдѣ постановлены были мѣры для отвращенія безпорядковъ, происходившихъ отъ столкновенія духовной власти со свѣтскою; въ 1546 году митрополитъ Макарій долженъ былъ созвать въ Вильнѣ соборъ по требованію короля Сигизмунда Августа, который писалъ ему: „Слышали мы отъ многихъ князей и пановъ о безпорядкахъ, которые происходятъ между вашимъ духовенствомъ греческаго закона, также между князьями, панами и простыми людьми, особенно между владыками, какъ напримѣръ на Волыни; а твоя милость, старшій ихъ пастырь, о томъ знать и удерживать ихъ не хочешь". Поученія священникамъ отъ архіерея послѣ поставленія въ юго-западной Руси были сходны съ извѣстными уже намъ поученіями, употреблявшимися въ московской Руси.

Измѣненіе, сдѣланное въ календарѣ папою Григоріемъ XIII, произвело сильное волненіе какъ между протестантскимъ, такъ и между православнымъ народонаселеніемъ польско-литовскаго государства, не хотѣвшимъ принять новости, вышедшей изъ Рима. Въ 1583 году константинопольскій патріархъ Іеремія II запретилъ православному духовенству сообразоваться съ новымъ грегоріанскимъ календаремъ, вслѣдствіе чего въ 1584 году Стефанъ Баторій запретилъ правительственнымъ лицамъ принуждать православныхъ къ отправленію праздниковъ по новому календарю.

Нѣсколько разъ упоминали мы о братчинахъ или складчинныхъ пирахъ, обычаѣ съ незапамятныхъ временъ распространенномъ въ древней Россіи. О братчинахъ упоминаетъ старинная лѣтопись, о ней поетъ старая пѣсня, о ней безпрестанно говорятъ старые уставы, старыя грамоты. О древности и важномъ значеніи братчины въ жизни нашего народа свидѣтельствуетъ языкъ: въ извѣстной поговоркѣ братчина является представительницею всякаго общаго дѣла, союза; о человѣкѣ, неспособномъ по своей сварливости, неуживчивости, къ общему дѣлу, говорится: „Съ нимъ пива не сваришь". Другая пословица говоритъ: „Къ пиву ѣдется, къ слову молвится"

и свидѣтельствуетъ, какъ было много охотниковъ ѣздить на братчины, къ общему пиву. Нѣкоторыя почетныя лица, какъ мы видѣли, были приглашаемы на братчины. Должностныя лица, волостели, тіуны получали съ братчинъ извѣстные поборы. Но кромѣ званыхъ гостей или такихъ, которые по должности своей имѣли право пріѣзжать на братчины, туда являлось много незванныхъ гостей, и такихъ, съ которыми трудно было пиво сварить. Поэтому разныя волости и села выхлопатывали себѣ жалованныя грамоты, по которымъ запрещалось ѣздить къ нимъ на братчины незванымъ. Но понятно, что за пивомъ и между самими участниками въ братчинѣ и гостями званными всего легче можно было начаться ссорамъ и даже дракамъ; легко было поссориться и подраться, легко было и помириться при посредничествѣ другихъ участниковъ; нельзя было на ссоры и драки, происшедшія за пивомъ, смотрѣть какъ на безпорядки, произведенные людьми, въ полномъ сознаніи находящимися, и нельзя было взыскивать обычныхъ штрафныхъ денегъ съ человѣка, который поссорился за пивомъ, а протрезвившись спѣшитъ помириться, и потому въ нѣкоторыхъ уставныхъ грамотахъ говорится: „Въ пиру или братчинѣ поссорятся или побьются, и не вышедши изъ пиру помирятся, то не платятъ ничего; если даже и вышедши съ пиру помирятся за приставомъ, то не платятъ ничего кромѣ хоженаго“. Въ нѣкоторыхъ же областяхъ братчины постарались освободиться совершенно отъ вмѣшательства правительственныхъ лицъ, и пріобрѣсть право суда надъ своими членами, произведшими безпорядокъ во время пира. Легко догадаться что эту большую степень самостоятельности братчины могли пріобрѣсть преимущественно въ Новгородѣ и его владѣніяхъ, во Псковѣ, по извѣстнымъ формамъ тамошняго быта; такъ въ Псковской судной грамотѣ говорится: „братчины судятъ какъ судьи“. То же самое право имѣютъ братчины или братства и въ западной или литовской Россіи, гдѣ бытъ городовъ, какъ мы видѣли, представлялъ сходныя черты съ бытомъ Новгорода и Пскова и гдѣ видимъ сильнѣйшее развитіе цеховаго устройства. Къ этимъ-то братствамъ западной Россіи мы и должны теперь обратиться, потому что объ устройствѣ ихъ въ описываемое время дошли до насъ подробныя извѣстія.

Изъ актовъ описываемаго времени и изъ позднѣйшихъ видно, что братства въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ въ Вильнѣ, по-

лучили свое устройство гораздо прежде, именно въ половинѣ XV вѣка. Въ 1579 году трое мѣщанъ мстиславскихъ отъ лица всѣхъ своихъ собратій жаловались Стефану Баторію, что у нихъ издавна бываютъ складчины три раза въ годъ—на Троицынъ день и на Николинъ—осенній и вешній: на каждый изъ этихъ праздниковъ разсычаютъ они по 10 пудовъ меду и продаютъ его, воскъ отдаютъ на свѣчи въ церковь, деньги чтó выручатъ за медъ отдаютъ также на церковное строеніе. Но старосты мстиславскіе не позволяютъ имъ продавать этихъ складчинныхъ медовъ долѣе трехъ дней, и чтó у нихъ останется меду непроданнаго въ этотъ срокъ, забираютъ за замокъ: отъ этого они терпятъ убытокъ; а церкви Божіи пустѣютъ и приходятъ въ упадокъ. Король предписалъ старостамъ, чтобъ они не забирали медовыхъ складовъ, а позволяли мѣщанамъ распродавать ихъ всѣ и по прошествіи трехъ дней. Въ 1582 году виленскіе мѣщане (горожане) братства купеческаго въ челобитной королю объявляли, что у нихъ въ Вильнѣ есть особый братскій домъ, на собственный счетъ ихъ построенный; въ этотъ братскій домъ собираются купцы виленскіе греческаго закона для разсужденія о потребностяхъ церковныхъ и госпитальныхъ и, по древнему обычаю, покупаютъ медъ восемь разъ въ годъ: на Великъ день, на Седьмую субботу, на Петровъ день, къ Успенію Богородицы, на Покровъ, на Николинъ день, на Рождество Христово и на Благовѣщенье, сытятъ этотъ медъ и пьютъ его, сходясь по три дня въ братскій домъ, воскъ отдаютъ на свѣчи въ церковь, а деньги, вырученныя за медъ, обращаютъ на церковное строеніе, на слугъ церковныхъ, на госпиталь, на милостыню убогимъ. Чтобъ дѣла братскія отправлялись съ бóльшимъ порядкомъ, они просили короля утвердить слѣдующій уставъ: братья старшіе и младшіе братства купеческаго выбираютъ ежегодно между собою старостъ, которымъ поручаютъ всѣ деньги братскія, все имущество и всѣ дѣла; по прошествіи года старосты отдаютъ отчетъ братьямъ старшимъ и младшимъ. Во время братскихъ бесѣдъ эти годовые старосты сами и чрезъ ключниковъ своихъ прилежно смотрятъ, чтобъ братья вписанные и гости приходящіе сидѣли въ дому братскомъ прилично, дурныхъ словъ между собою не говорили, на столъ не ложились, меду братскаго не разливали, пили бы въ мѣру и никакихъ убытковъ не дѣлали; если же кто, напившись пьянъ, причинитъ какой-нибудь убытокъ, станетъ говорить неприличныя слова, на столъ

ляжетъ и питье разольетъ, такого старосты должны сперва удержать словами, а въ случаѣ упорства съ его стороны, берутъ съ него пеню, чѣмъ братья обложатъ. Еслибы кто въ братскомъ домѣ завелъ ссору, то обиженный сейчасъ же объявляетъ о своей обидѣ старостамъ; старосты, выслушавъ жалобу, отлагаютъ дѣло до завтрашняго дня, въ который братія, собравшись въ братскій домъ, судятъ и рѣшаютъ, кто правъ и кто виноватъ, и послѣдній платитъ пеню братству; никто, получивши обиду въ братскомъ домѣ, не жалуется никакому другому начальству, ни духовному, ни свѣтскому, ни земскому, ни городскому, ни римской вѣры, ни греческой, но долженъ судиться передъ старостами и братіею въ томъ домѣ, гдѣ произошла ссора. Кто въ братскомъ домѣ выбранитъ старосту, выбранитъ или ударитъ ключника, тотъ наказывается братскою пенею; ключникъ, непослушный старостѣ, сперва удерживается словами, а потомъ наказывается братскою пенею: если староста провинится предъ братьею, то братья старшіе и младшіе сперва останавливаютъ его словами, а въ другой разъ наказываютъ братскою пенею. Если духовные люди, вѣры римской и греческой, или вписанные въ братство, или приглашенные кѣмъ-нибудь изъ братій, или вписавшіеся на одинъ только день, завели съ кѣмъ-нибудь ссору, то не должны жаловаться—римской вѣры князю епископу, а греческой митрополиту, должны судиться въ братствѣ и довольствоваться братскимъ рѣшеніемъ. Шляхтичъ или дворянинъ, или какой-нибудь чужой человѣкъ, приглашенный на братскій пиръ, или вписавшійся на одинъ день въ братство, не долженъ брезговать мѣстомъ, но обязанъ садиться, гдѣ придется; старосты, зная званіе каждаго, указываютъ мѣста. Никто не смѣетъ входить въ свѣтлицу братскую съ оружіемъ или приводить съ собою слугу. Еслибы кто-нибудь изъ вписанныхъ братьевъ захотѣлъ перейти въ другое братство, то обязанъ объявить объ этомъ старостамъ и братьѣ и взять выпись изъ ихъ реестра; если же имя его будетъ стоять въ братскомъ спискѣ, а онъ будетъ исполнять братскія обязанности въ другомъ мѣстѣ, то онъ не считается братомъ, и братство не обязано хоронить его. Если вписанный братъ умретъ, то братья обязаны дать аксамитъ и свѣчи на погребеніе и сами провожать тѣло. Бурмистры и радцы виленскіе, римской и греческой стороны, не должны брать людей, въ купеческое братство вписанныхъ, служить къ себѣ въ братства: потому что каждое

братство особенныхъ слугъ себѣ выбираетъ и для себя бережетъ". Король утвердилъ уставъ [38].

Замѣчательное по выраженію новыхъ потребностей государственныхъ царствованіе Іоанна IV-го ознаменовалось и составленіемъ болѣе полнаго суднаго устава. Въ 1550 году царь и великій князь Иванъ Васильевичъ съ своими братьями и боярами уложилъ Судебникъ: какъ судить боярамъ, окольничимъ, дворецкимъ, казначеямъ, дьякамъ и всякимъ приказнымъ людямъ, по городамъ намѣстникамъ, по волостямъ волостелямъ, ихъ тіунамъ и всякимъ судьямъ. Такъ какъ въ описываемое время, въ XVI вѣкѣ, явилась сильная потребность въ мѣрахъ противъ злоупотребленій лицъ правительственныхъ и судей, то эта потребность не могла не высказаться и въ Судебникѣ Іоанна IV, что и составляетъ одно изъ отличій царскаго Судебника отъ прежняго великокняжескаго, отъ Судебника Іоанна III. Подобно Судебнику Іоанна III, новый Судебникъ запрещаетъ судьямъ дружить и мстить и брать посулы; но не ограничивается однимъ общимъ запрещеніемъ, а грозитъ опредѣленіемъ наказаніемъ въ случаѣ ослушанія. Мы видѣли, что Судебникъ Іоанна III-го о случаяхъ неправильнаго рѣшенія дѣла судьями выражается такъ: „Кого обвинитъ бояринъ не по суду, и грамоту правую на него съ дьякомъ дастъ, то эта грамота въ неграмоту, взятое отдать назадъ, а боярину и дьяку въ томъ пени нѣтъ". Новый Судебникъ постановляетъ: если судья просудится, обвинитъ кого-нибудь не по суду безъ хитрости, и обыщется то вправду: то судьѣ пени нѣтъ; но если судья посулъ возьметъ и обвинитъ кого не по суду, и обыщется то вправду: то на судьѣ взять истцовъ искъ, царскія пошлины втрое, а въ пенѣ что государь укажетъ. Если дьякъ, взявши посулъ, списокъ нарядитъ или дѣло запишетъ не по суду, то взять съ него передъ бояриномъ въ половину, да кинуть въ тюрьму; если же подъячій запишетъ дѣло не по суду за посулъ, то бить его кнутомъ. Если виноватый солжетъ на судью, то бить его кнутомъ и посадить въ тюрьму. По Судебнику Іоанна III-го судья не долженъ былъ отсылать отъ себя жалобниковъ, не удовлетворивши ихъ жалобамъ; новый Судебникъ говоритъ и объ этомъ подробнѣе: если судья жалобника отошлетъ, жалобницы у него не возьметъ и управы ему или отказа не учинитъ, и если жалобникъ будетъ бить челомъ государю, то государь отошлетъ его жалобницу къ тому,

чей судъ, и велитъ ему управу учинить; если же судья и послѣ этого не учинитъ управы, то быть ему въ опалѣ; если жалобникъ бьетъ челомъ не по дѣлу, судьи ему откажутъ, а онъ станетъ бить челомъ, докучать государю, то кинуть его въ тюрьму. При опредѣленіи судныхъ пошлинъ (отъ рублеваго дѣла судьѣ одиннадцать денегъ, дьяку семь, а подъячему двѣ) противъ стараго Судебника также прибавлена статья о наказаніи за взятіе лишняго: взявшій платитъ втрое; если въ одномъ городѣ будутъ два намѣстника или въ одной волости два волостеля, а судъ у нихъ не въ раздѣлѣ, то имъ брать пошлины по списку обоимъ за одного намѣстника, а тіунамъ ихъ за одного тіуна, и дѣлятъ они себѣ по половинамъ; а которые города или волости подѣлены, а случится у нихъ судъ общій, то имъ обоимъ пошлины брать однѣ и дѣлить между собою по половинамъ же; если же два намѣстника или два волостеля, или два тіуна возьмутъ съ одного дѣла двѣ пошлины и уличатъ ихъ въ томъ, то заплатившій пошлины беретъ на нихъ втрое; если же кто станетъ бить челомъ, что съ него взяли на судѣ лишнее, и окажется, что жалобникъ солгалъ, то казнить его торговою казнію и вкинуть въ тюрьму. Постановлены предосторожности противъ злоупотребленій дьяковъ и подъячихъ и наказанія въ случаѣ ихъ обнаруженія: дѣла нерѣшенныя дьякъ держитъ у себя за своею печатью, пока дѣло кончится. Дьяки, отдавая подъячимъ дѣла переписывать съ черна на чисто, должны къ жалобницамъ и дѣламъ прикладывать руки по склейкамъ, и когда подъячій перепишетъ, то дьякъ свѣряетъ самъ переписанное съ подлинникомъ, прикладываетъ руку и держитъ дѣла у себя, за своею печатью. Подъячіе не должны держать у себя никакихъ дѣлъ; если же вынутъ у подъячаго дѣло или списокъ безъ печати и рукоприкладства дьяка, то искъ, пошлины и ѣздъ взять на дьякѣ, а подъячаго бить кнутомъ; если же вынутъ у подъячаго списокъ или дѣло за городомъ или на подворьѣ, то искъ взять на дьякѣ же, а подъячаго казнить торговою казнію и выкинуть изъ подъячихъ. Недѣльщикъ не долженъ просить посула на судей и самъ не брать; въ противномъ случаѣ казнить его торговою казнію, доправить посулы втрое и выкинуть изъ недѣль (отставить отъ должности). Кромѣ этого по недѣльщикѣ давались еще поручныя записки, въ которыхъ поручившіеся, человѣкъ 10, обязывались: „Ему, за нашею порукою, недѣли дѣлать въ правду; насильства и

продажи никому не чинить, разбойниковъ и воровъ оговаривать людей по недружбѣ не научать, колодниковъ и воровъ не отпускать; безсудныя и правыя грамоты давать, а истцовъ и отвѣтчиковъ не волочить; съ записями людей своихъ и племянниковъ не посылать и съ приставными неписьменныхъ ѣздоковъ не посылать же; корчмы, зерщиковъ, подпищиковъ, б..... и всякихъ лихихъ людей у себя не держать и лихихъ дѣлъ никакихъ не дѣлать; съ конченныхъ дѣлъ истцовы иски и царскія пошлины править безволокитно, истцовы иски отдавать истцамъ, а съ судныхъ дѣлъ пошлинъ не красть; доправя пошлины, у себя не держать, отдавать въ царскую казну. А станетъ онъ дѣлать не такъ, какъ въ этой записи писано, то на насъ на поручникахъ царская пеня, что государь укажетъ, истцовы иски, царскія пошлины, и наши головы въ его голову, наше имѣніе въ его имѣніе".

Грозя наказаніемъ корыстолюбивымъ судьямъ, новый Судебникъ заключаетъ въ себѣ мѣры и противъ ябедничества: по городамъ намѣстникамъ посадскихъ людей судить, обыскивая по ихъ имуществамъ, промысламъ и по размету: кто сколько рублей даетъ царской подати, по тому ихъ судить и управу чинить. Старосты, сотскіе, десятскіе и всѣ горожане должны ежегодно присылать разметныя книги въ Москву къ тѣмъ боярамъ, дворецкимъ, казначеямъ и дьякамъ, у кого будутъ ихъ города въ приказѣ, а другія разметныя книги должны отдавать старостамъ и цѣловальникамъ, которые у намѣстниковъ въ судѣ сидятъ. И если посадскіе люди станутъ искать другъ на другѣ много, не по своему имуществу, то сыскивать про такихъ истцовъ разметными книгами, сколько рублей подати даетъ онъ своего имѣнія: и если окажется, что у него имѣнія настолько есть, насколько ищетъ, то судъ ему дать; если же нѣтъ, то обвинить его, взять съ него пошлины, а самого прислать въ Москву, къ государю. Городскимъ посадскимъ людямъ искать на намѣстникахъ и на ихъ людяхъ также по своимъ имуществамъ, промысламъ и по размету; а въ который годъ староста и цѣловальники разметныхъ книгъ въ Москву не пришлютъ, въ томъ году имъ на намѣстника суда не давать. По волостямъ волостелямъ судить черныхъ людей по ихъ жалобницамъ и управу имъ чинить безволокитно; а кто взыщетъ много, не по имуществу своему, а отвѣтчикъ станетъ бить челомъ, что истецъ ищетъ много, имѣнія у него столько нѣтъ, насколько ищетъ: то волостели

выбираютъ изъ тѣхъ же волостей лучшихъ людей, да цѣловальника одного или двоихъ, посмотря по дѣлу, и посылаютъ ихъ обыскивать накрѣпко, было ли у истца настолько имѣнія, насколько ищетъ, и послѣ обыску поступать какъ въ предыдущемъ случаѣ. Если же истецъ скажетъ, что у него было чужое имѣніе, то обыскивать, правда ли это и много ли было у него чужаго имѣнія, и какимъ образомъ оно попалось къ нему?—Въ 1582 году государю было доложено, что многіе холопи боярскіе ходятъ въ доводахъ за своихъ господъ и нанимаются въ судахъ у другихъ людей, ябедами и крамолами людей проторятъ, въ жалобницахъ пишутъ иски большіе, въ судѣ лгутъ и говорятъ не по дѣлу, оттягивая судъ, или составляютъ крамолу, поминая другія прежнія дѣла и брань; а тѣ, которые нанимаются у ищеи или ответчика стоять за него въ судѣ, стакнувшись съ противникомъ, продаютъ своего наемщика, говорятъ въ судѣ лишнее или не договариваютъ чего надобно и тѣмъ его обвиняютъ; иные, хотя, составляютъ жалобницы и суды за деньги, вмѣщаютъ крамолы въ людей и тяжбы негодныя умножаютъ: и такимъ злымъ людямъ, дѣтямъ боярскимъ и холопямъ и иныхъ чиновъ людямъ казни нѣтъ.—Государь приговорилъ со всѣми боярами: ябедниковъ, крамольниковъ и составщиковъ по прежнимъ уложеніямъ не щадить. Кто будетъ стоять въ судѣ за себя или за своего господина, или за кого-нибудь другаго, и въ жалобницѣ напишетъ искъ большой и доведетъ отвѣтчикъ, что искъ подписанъ ложно, то жалобника обвинить, и что̀ искалъ лишняго, то, на немъ доправя, отдать отвѣтчику, да пошлина и продажа на немъ же. Если въ судѣ онъ будетъ говорить не по дѣлу, того не слушать и не писать, а его, бивъ кнутомъ, отъ суда отослать и впередъ къ суду не пускать. А если безчестилъ кого прежнимъ дѣломъ, того также не писать, и если не докажетъ того, чѣмъ безчестилъ, то, бивъ его кнутомъ, доправить безчестье безъ суда. Если кто назоветъ другаго воромъ, и убійства, крамолы и рокоша на царя государя не доведетъ, того самого казнить смертью за то: въ жалобницѣ и судѣ не безчесть; а кто въ жалобницѣ и судѣ лжетъ и составитъ ябеду, того казнить торговою казнью, да написать въ козаки, въ украинскіе города Сѣвскъ и Курскъ. Если какой-нибудь лихой человѣкъ, взявши деньги, продастъ того, за кого стоялъ: тотъ судъ не въ судъ, наемнаго доводчика казнить смертью, а кто подкупилъ, съ того доправить все, что въ жалоб-

ницѣ написано, также пошлины и протори всѣ, да казнить его торговою казнію; если же доводчикъ съ пытки не скажетъ, что подкупленъ, то судъ съ головы. Которые дѣти боярскіе, бѣгая отъ службы, ходятъ въ суды за другихъ, или бьютъ челомъ ябедою въ большихъ искахъ, а мирятся на маломъ, потому что въ жалобницахъ пишутъ искъ не по дѣлу: такихъ истцовъ винить во всемъ иску, и впередъ ихъ въ судъ не пускать, и жалобницъ отъ нихъ не принимать ни въ какомъ приказѣ. А кто уличенъ будетъ въ составѣ и въ крамолѣ, то такого лихаго человѣка казнить торговою казнью, да сослать въ козаки въ украинскіе города, а помѣстье и отчины, взявши, раздать роду его, а не будетъ у него рода, то безпомѣстнымъ служилымъ людямъ, кого государь пожалуетъ. Если судья будетъ помогать какому-нибудь составнику или ябеднику, или таить крамольника, ябеду не станетъ обличать, или жалобницу приметъ не по дѣлу, или въ судѣ дастъ говорить что не къ дѣлу: на такомъ судьѣ взять истцовъ искъ, пошлины и протори, а въ пенѣ что государь укажетъ.

Мы видѣли, что цѣловальники явились въ Новгородѣ въ правленіе великаго князя Василія; въ Судебникѣ сына его читаемъ: на судѣ у бояръ и дѣтей боярскихъ и у тіуновъ ихъ быть, гдѣ дворскій—дворскому, да старостѣ и лучшимъ людямъ ц ѣ л о в а л ь н и к а м ъ; а въ которыхъ волостяхъ прежде старостъ и цѣловальниковъ не было, въ этихъ мѣстахъ всюду теперь быть старостамъ и цѣловальникамъ. Случится кому изъ тѣхъ волостей передъ намѣстникомъ, или передъ волостелемъ, или передъ ихъ тіунами искать или отвѣчать: то въ судѣ быть старостамъ и цѣловальникамъ той волости, изъ которой кто ищетъ или отвѣчаетъ. Пришлетъ намѣстникъ или волостель, или тіунъ ихъ списокъ судный къ докладу, а ищея или отвѣтчикъ у доклада списокъ оболживитъ: то послать на правду по дворскаго, старосту и цѣловальниковъ, которые у того дѣла въ судѣ сидѣли. Если эти судные мужи скажутъ, что судъ былъ именно такой, у списка руки ихъ и если противень писанъ намѣстничьимъ дьякомъ, сойдется слово въ слово съ суднымъ спискомъ, который писанъ земскимъ дьякомъ: то виноватъ тотъ, кто списокъ лживилъ; въ противномъ же случаѣ, если судные мужи скажутъ, что судъ былъ не таковъ, списокъ писанъ не земскаго дьяка рукою, руки у списка не ихъ, противень не сходенъ со спискомъ: то истцовъ искъ взять на судьѣ, да кромѣ того на-

немъ пеня что государь укажетъ. Если скажетъ дворскій и тѣ судные мужи, старосты и цѣловальники, которые грамотѣ умѣютъ, что судъ былъ именно такой и руки у списка ихъ; а тѣ судные мужи, которые грамотѣ не умѣютъ, съ ними порознятся, скажутъ что судъ былъ, да не таковъ, и противень съ суднымъ спискомъ будетъ не слово въ слово: то виноватъ судья и судные мужи, которые по списку такали, взять на нихъ истцовъ искъ, да пеню что государь укажетъ. Если намѣстничьи или волостелины люди станутъ давать кого на поруку до суда и послѣ суда, и по комъ поруки не будетъ: то должны объявить объ этихъ людяхъ въ городѣ приказчикамъ городовымъ, да дворскому, старостамъ и цѣловальникамъ; а въ волости объявлять старостамъ и цѣловальникамъ, которые въ судѣ сидятъ; если же намѣстничьи или волостелины люди, не явя прикащику, дворскому, старостѣ и цѣловальникамъ, сведутъ къ себѣ человѣка, по комъ поруки не будетъ, да его у себя скуютъ, и родъ его и племя придутъ къ прикащикамъ, дворскому, старостѣ и цѣловальникамъ бить челомъ: то прикащикъ, дворскій, староста и цѣловальники этого человѣка у намѣстничьихъ или волостелиныхъ людей должны вынуть и взять на нихъ его безчестье, и чего онъ на нихъ взыщетъ, взять искъ вдвое.

Относительно уголовныхъ преступленій въ новомъ Судебникѣ видимъ больше мѣръ предосторожности противъ ихъ возобновленія, еще большее, чѣмъ въ старомъ, обращеніе вниманія на интересы цѣлаго общества. Такъ въ старомъ Судебникѣ опредѣлено, что пойманнаго на воровствѣ впервые бить кнутомъ, потомъ доправить на немъ вознагражденіе истцу и судьѣ продажу, и отпустить; если же не будетъ у него имѣнія, то, бивши кнутомъ, выдать истцу головою на продажу. Въ новомъ Судебникѣ правительство не отпускаетъ уже такъ легко человѣка, уличеннаго въ преступленіи и могущаго возобновить его немедленно послѣ суда и наказанія; новый Судебникъ постановляетъ: вора, пойманнаго впервые, бивши кнутомъ и доправивши на немъ истцовъ искъ, дать на крѣпкую поруку; а не будетъ по немъ крѣпкой поруки, то вкинуть въ тюрьму, пока порука будетъ. Если у вора не будетъ имѣнія, чѣмъ заплатить истцу, то, бивши кнутомъ, выдать его истцу головою на правежъ до искупа, а истца дать на поруки, что ему, доправя свое, отдать преступника боярамъ; если же истецъ не захочетъ дать по себѣ поруки, что приведетъ преступника къ

судьѣ, то вора вкинуть въ тюрьму, пока будетъ по немъ порука, и тогда за этою порукою доправлять на немъ истцовъ искъ. О правежѣ государь приговорилъ съ боярами въ 1555 году: стоять на правежѣ во сто рубляхъ мѣсяцъ, а будетъ искъ больше или меньше, то стоять по тому же разсчету; а на которыхъ людяхъ и въ мѣсяцъ истцова иску доправить нельзя, тѣхъ выдавать истцамъ головою до искупа; которые люди добьютъ челомъ о переводѣ, то дать срокъ деньги перевести и на другой мѣсяцъ, а больше того срока не давать для людской волокиты.

Важное различіе новаго Судебника отъ стараго состоитъ и въ томъ, что въ немъ обращено вниманіе на собственное признаніе преступника: приведутъ его съ поличнымъ впервые, то судить его и послать обыскивать. Назовутъ его въ обыску лихимъ человѣкомъ, то пытать; скажетъ на себя самъ, то казнить его смертною казнію; а не скажетъ на себя самъ, то вкинуть въ тюрьму до смерти, а истцово заплатить изъ его имущества; если же скажутъ въ обыску, что добрый человѣкъ, то дѣло вершить по суду. Также при вторичной поимкѣ на воровствѣ велѣно вора пытать, и если скажетъ на себя самъ, то казнить смертною казнію; если же не признается, то обыскивать: скажутъ, что дурной человѣкъ, то посадить въ тюрьму на всю жизнь; назовутъ добрымъ человѣмъ, то дать на крѣпкую поруку. Также если воръ обговоритъ кого-нибудь и по обыску окажется, что обговоренный дурной человѣкъ, то его пытать, и если признается, то казнить; если же не будетъ доказательства вины и въ обыску на него лиха не скажутъ, то рѣчамъ вора не вѣрить и обговореннаго только дать на поруку. Въ разбойныхъ дѣлахъ собственному признанію не дано такой силы. Въ Наказѣ губнымъ старостамъ 1571 года говорится: на кого въ обыску скажутъ, что они лихіе люди, воры и разбойники, къ кому разбойники пріѣжаютъ и разбойную рухлядь привозятъ, кому эту рухлядь продаютъ за разбойное, укажутъ именно на ихъ дурныя дѣла—кого разбивали и кого крали: то старосты эти рѣчи велятъ губнымъ дьякамъ писать подлинно, архимандритамъ, игуменамъ, попамъ, дьяконамъ и обыскнымъ людямъ, которые грамотѣ умѣютъ, велятъ къ этимъ рѣчамъ руки прикладывать, а кто грамотѣ не умѣетъ, вмѣсто тѣхъ прикладываютъ руки отцы ихъ духовные. На кого въ обыску скажутъ, что лихіе люди, а истцовъ имъ нѣтъ: за такими старосты посылаютъ и велятъ ставить ихъ передъ собою, имѣніе

ихъ описывается и печатается до окончанія дѣла, а самихъ пытаютъ: станутъ винитьcя въ разбояхъ и оговаривать другихъ, то старосты посылаютъ за оговоренными и ставятъ ихъ на очную ставку съ оговорителями, а имѣніе ихъ опечатывается. Если на очной ставкѣ языкъ съ нихъ не сговоритъ, то старосты обыскиваютъ объ нихъ многими людьми: окажется по обыску, что люди добрые, то старостамъ отдавать ихъ на чистыя поруки за обыскныхъ людей, которые ихъ одобрили, а по разбойничьимъ рѣчамъ брать на нихъ долю (выти) въ истцовые иски, по сыску и по новому приговору, въ половину истцева иска. Кто самъ повинится въ разбоѣ, того казнить смертію, а объ имѣніи его отписать въ Москву, къ боярамъ, въ Разбойную избу. На кого языкъ взговоритъ въ разбоѣ на одной пыткѣ, а на очной ставкѣ съ него сговоритъ и въ обыску назовутъ его добрымъ: такого давать на чистыя поруки за обыскныхъ людей, безвытно. На кого языкъ говоритъ на двухъ пыткахъ, а на очной ставкѣ, или на третьей пыткѣ, или идя къ казни, станетъ съ него сговаривать и въ обыску назовутъ добрымъ: такого человѣка дать на чистую поруку, но взять на немъ выть и сговору не вѣрить. На кого языкъ въ разбоѣ сговоритъ, но въ обыску назовутъ ихъ лихими людьми, такихъ пытать. Если признавшійся на пыткѣ разбойникъ будетъ боярскій человѣкъ, то на господинѣ его брать выть въ половину истцова иска. На кого языкъ въ разбояхъ говорилъ, и въ обыскахъ назовутъ ихъ лихими людьми, но сами они на пыткахъ не признаются, такихъ казнить смертію по обыску. На комъ истцы ищутъ разбоевъ, но языки на нихъ въ разбояхъ не говорятъ, и истцы кромѣ поля улики не приводятъ никакой, то обыскивать; скажутъ въ обыску, что лихіе люди, а лиха именно не скажутъ, то пытать; не признаются на пыткѣ, то сажать ихъ въ тюрьму на смерть; если же сами не признаются, но въ обыску именно укажутъ на ихъ разбои, то казнить смертію. На кого языкъ говоритъ, а въ обыскѣ половина назоветъ его добрымъ человѣкомъ, а другая половина лихимъ, то его пытать: не признается, отдать на поруку за обыскныхъ людей, которые его одобрили, а по разбойничьимъ рѣчамъ взять на немъ выть; если же въ той половинѣ, которая назвала его лихимъ человѣкомъ, окажется большинство человѣкъ въ пятнадцать или двадцать, а самъ онъ на пыткѣ не признается, то посадить его въ тюрьму на смерть, а послѣ прибудетъ на него другое обвиненіе въ разбоѣ,

то казнить смертію; а на обыскныхъ людяхъ, которые его одобрили взять выть. На кого говорятъ въ разбоѣ языка два или три, а въ обыску одна половина назоветъ его добрымъ, а другая лихимъ, то пытать: не признается, посадить въ тюрьму на смерть, а послѣ прибудетъ новое обвиненіе, то казнить смертію, а на обыскныхъ людахъ, которые его одобряли, взять выть; сверхъ того лучшихъ людей двоихъ или троихъ бить кнутомъ. На кого языки скажутъ въ разбоѣ, а на очной ставкѣ сговорятъ, но въ обыску назовутъ лихими людьми съ доводомъ, такихъ пытать и казнить смертію, хотя бы на пыткѣ и не признались.—Въ Судебникѣ опредѣлено: кто взыщетъ бою и грабежа, и отвѣтчикъ скажетъ, что билъ, а не грабилъ, то отвѣтчика въ бою обвинить и безчестье на немъ взять; а въ пенѣ, посмотря по человѣку, что государь укажетъ; въ грабежѣ же судъ и правда, а во всемъ не обвинять; такъ же поступать, если отвѣтчикъ скажетъ, что грабилъ, а не билъ. И въ другихъ дѣлахъ судить такъ же: кто въ чемъ скажется виноватъ, то на немъ и взять, а въ остальномъ судъ и правда, и крестное цѣлованіе. По старому Судебнику, если скажутъ на кого человѣкъ пять или шесть дѣтей боярскихъ добрыхъ по великаго князя крестному цѣлованію, или черныхъ человѣкъ пять, шесть добрыхъ христіанъ цѣловальниковъ, что онъ воръ, а доказательства не будетъ, что онъ прежде воровалъ, то взять на немъ вознагражденіе истцу безъ суда. Въ новомъ Судебникѣ число свидѣтелей въ этомъ случаѣ увеличено до десяти или пятнадцати.

О полѣ или судебномъ поединкѣ въ новомъ Судебникѣ встрѣчаемъ такія постановленія: къ полю пріѣдутъ окольничій и дьякъ и спрашиваютъ истцовъ и отвѣтчиковъ: кто за ними стряпчіе и поручники? кого за собою стряпчихъ и поручниковъ скажутъ, тѣмъ велѣть у поля стоять; а доспѣху, дубинъ и ослоповъ стряпчимъ и поручникамъ у себя не держать. Бой п о л щ и к а м ъ давать ровный. А придутъ къ полю посторонніе люди, то окольничій и дьякъ ихъ отъ поля отсылаютъ; кто не послушается не пойдетъ, тѣхъ отсылать въ тюрьму. Биться на полѣ бойцу съ бойцомъ, или небойцу съ небойцомъ, а бойцу съ небойцомъ не биться; если же захочетъ небоецъ съ бойцомъ биться, то воля. Если кто пошлется на послуховъ, а послухи между собою порознятъ, одни скажутъ въ истцовы рѣчи, а другіе нѣтъ, и первые попросятъ съ послѣдними поля, то позволять имъ биться. Если послухи, которые показывали согласно съ

истцомъ, у б ь ю т ъ (то-есть поборютъ) тѣхъ послуховъ, которые ему противорѣчили, то истцово и пошлины брать на отвѣтчикахъ и на послухахъ, которые противорѣчили истцу, и наоборотъ. А не попросятъ поля послухи, показавшіе согласно съ истцомъ, или послухи не договорятъ въ истцовы рѣчи, то истецъ обвиняется. Досудятся въ какомъ-нибудь дѣлѣ до поля, а станетъ бить челомъ отвѣтчикъ, что ему стоять у поля нельзя, чтобъ присудили крестное цѣлованіе: то поле отставить, и дать волю истцу—хочетъ самъ цѣлуетъ или дастъ отвѣтчику цѣловать, и наоборотъ, если станетъ бить челомъ истецъ. Подъ 1575 годомъ новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что царь уставилъ въ Новгородѣ намѣстника по старинѣ и полямъ велѣлъ быть по старинѣ.

Относительно обыска постановлено въ 1556 году: если ищеи и отвѣтчики, тяжущіеся передъ боярами и во всѣхъ приказахъ, пошлются въ обыскъ на многихъ людей безыменно, то бояре посылаютъ обыскивать къ старостамъ и цѣловальникамъ. Старосты и цѣловальники велятъ ѣздить къ обыскамъ многимъ людямъ и всѣмъ лучшимъ, князьямъ и дѣтямъ боярскимъ, ихъ прикащикамъ и крестьянамъ, архимандритамъ, игуменамъ, попамъ и дьяконамъ; а изъ городовъ съ посаду лучшими людьми обыскивать съ лица на лицо, а заочно обыскныхъ людей не писать; рѣчи свои обыскные люди пишутъ сами; а которые люди грамотѣ не умѣютъ, тѣ руки прикладываютъ, и отцы ихъ духовные къ тѣмъ рѣчамъ также руки прикладываютъ. Если обыскные люди скажутъ не однѣ рѣчи: иные люди говорятъ по истцѣ, а другіе по отвѣтчикѣ: то по комъ скажетъ больше людей, человѣками пятидесятью или шестидесятью, того по большему обыску оправить, по меньшему обвинить, безъ поля и крестнаго цѣлованія. Послѣ того государь прикажетъ владыкѣ или архимандриту, или игумену развѣдать вправду, которая половина солгала, и лживыхъ казнить. Скажутъ въ обыску поровну, половина по истцѣ, а другая половина по отвѣтчикѣ, то по такимъ обыскамъ дѣла не вершить, а посылать на обыскъ въ другой разъ, велѣть обыскивать другими многими людьми про то, которая половина солгала. На которую половину доведутъ, что она солгала, то выбрать изъ нея, изо ста человѣкъ прикащиковъ и крестьянъ, лучшихъ людей человѣкъ пять или шесть, и бить ихъ кнутомъ, а игуменовъ, поповъ и дьяконовъ отсылать къ святителю; всѣ убытки, которые потерпитъ правый, кромѣ иска, взыскать на тѣхъ,

на которыхъ ложь доведутъ, а которыхъ людей пытали по ложному обыску, тѣмъ людямъ взять на нихъ безчестье вдвое, для лжи, чтобъ впередъ не лгали. Тому же самому подвергаются люди, которые на обыскѣ въ одномъ дѣлѣ двойныя рѣчи говорятъ. Пошлется въ судѣ ищея или отвѣтчикъ не на многихъ людей, человѣкъ на пять или на шесть, а вѣрить этимъ людямъ нельзя, то ими не обыскивать, а вершить дѣло по суду и по дѣлу, что положено на судѣ. Пошлется ищея или отвѣтчикъ на боярина, или на дьяка, или на приказнаго человѣка, кому вѣрить можно, посмотря по дѣлу: то это свидѣтельство принимать и какъ скажутъ, потому и вершить безъ поля и крестнаго цѣлованія. Пошлется ищея или отвѣтчикъ изъ виноватаго, хотя на одного человѣка; то и это свидѣтельство принимать, что скажетъ, потому и винить; еслибы даже немного не договорилъ противъ ищеи или отвѣтчика— обвинить. Бояре, дьяки, всѣ приказные люди и дворяне должны приказать въ своихъ селахъ накрѣпко, чтобъ въ обыскахъ люди ихъ и крестьяне не лгали, а говорили правду; если же сыщется, что люди ихъ и крестьяне солгали въ обыскахъ, то самимъ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ быть отъ государя въ великой опалѣ, и людей крестьянъ ихъ казнить, какъ въ разбойныхъ дѣлахъ. Свѣдаетъ бояринъ, дьякъ, приказный человѣкъ, дворянинъ и сынъ боярскій, что въ обыску люди ихъ и крестьяне лгали: то сказать имъ правду Государю, и въ такомъ случаѣ имъ отъ государя опалы не будетъ, а дѣло, сыскавши вправду, вершить. Старостамъ въ воровскихъ, разбойныхъ и всякихъ дѣлахъ обыскивать правду, по крестному цѣлованію, другу не дружить и недругу не мстить. Беречься имъ и сыскивать накрѣпко, чтобъ въ обыскахъ не говорили бездѣльно, стакавшись семьями и заговорами; старосты должны о такихъ людяхъ писать къ государю: въ случаѣ неисполненія этихъ обязанностей старостъ казнить безъ милости.

Новый Судебникъ отличается отъ стараго подробнымъ постановленіемъ о платѣ за безчестіе: безчестіе дѣтямъ боярскимъ, за которыми кормленія, указывать противъ дохода, по книгамъ; а женамъ ихъ вдвое. Тѣмъ дѣтямъ боярскимъ, которые получаютъ жалованье, плата за безчестье равняется этому жалованью, женѣ вдвое. Дьякамъ палатнымъ и дворцовымъ безчестья что̀ государь укажетъ, женамъ ихъ вдвое. Гостямъ большимъ безчестья пятьдесятъ рублей, женамъ ихъ вдвое. Торговымъ людямъ и посадскимъ и всѣмъ сред-

нимъ безчестья пять рублей, женамъ вдвое. Боярскому человѣку доброму безчестья пять рублей, кромѣ тіуновъ и доводчиковъ, которые получаютъ плату за безчестье противъ дохода, женамъ вдвое. Крестьянину пашенному и непашенному безчестье рубль, женѣ его два рубля. Боярскому человѣку младшему или черному городскому человѣку младшему безчестья также рубль, женамъ ихъ вдвое. За увѣчье налагать пеню, смотря по человѣку и по увѣчью. — Отъ описываемаго времени до насъ дошло дѣло знаменитаго дьяка Василія Щелкалова, на котораго подъячій Айгустовъ доводилъ многія лихія дѣла; на пыткѣ обвинитель признался, что составлялъ на Щелкалова многія дѣла по наученью князя Михайлы Черкаскаго; тогда государь велѣлъ взять на Айгустовѣ безчестье Щелкалова и жены его 600 рублей; такъ какъ у Айгустова не достало денегъ для уплаты, то взяли у него вотчину.

Относительно чужеземцевъ къ положенію стараго Судебника прибавлено: если человѣкъ здѣшняго государства взыщетъ на чужеземцѣ или чужеземецъ на здѣшнемъ человѣкѣ, то давать имъ жребій: чей жребій вынется, тотъ, поцѣловавши крестъ, свое возьметъ, или отцѣлуется. Англичанинъ Лэнъ описываетъ намъ это вынимавіе жребія: два восковыхъ шарика съ именами тяжущихся клались въ шапку, и чье имя прежде вынималось, тотъ выигрывалъ.

Относительно займовъ въ 1557 году царь почелъ за нужное сдѣлать слѣдующее постановленіе: на служилыхъ людяхъ править долги денежные и хлѣбные по кабаламъ и памятямъ и духовнымъ грамотамъ, въ продолженіе пяти лѣтъ (до 1562 года), и с т и н у, деньги безъ росту, а хлѣбъ безъ наспу, разочтя на пять жребіевъ; по старымъ кабаламъ, по Рождество Христово 1557 года всѣ росты государь отставилъ. Но если служилые люди станутъ занимать деньги въ ростъ или хлѣбъ въ наспы въ эти правежныя пять лѣтъ, и въ урочные года въ новыхъ долгахъ не выплатятся, то впередъ съ Рождества Христова 1562 года новые долги на служилыхъ людяхъ править всю и с т и н у сполна, да кромѣ того деньги съ половиннымъ ростомъ (10 на 100) и хлѣбъ съ наспомъ. Который заемщикъ въ этотъ пятилѣтній срокъ не станетъ платиться по годамъ, будучи на службѣ или въ отъѣздѣ годъ, два, то когда возвратится, править на немъ вдругъ за всѣ тѣ годы, въ которые не платилъ. Кто будетъ на службѣ или въ отъѣздѣ всѣ урочныя пять лѣтъ, то по возвращеніи править на немъ весь

долгъ вдругъ, но безъ росту. Сторублевый долгъ править на служиломъ человѣкѣ два мѣсяца, а будетъ долгъ больше или меньше, то по разсчету; а неслужилымъ людямъ стоять на правежѣ во сторублевомъ долгѣ мѣсяцъ. По рядпымъ грамотамъ на всѣхъ людяхъ править всегда сполна. На неслужилыхъ людяхъ въ урочныя пять лѣтъ долги по старымъ кабаламъ править всѣ сполна, но безъ росту; если же они станутъ занимать деньги въ ростъ или хлѣбъ въ наспы въ тѣ же правежные годы: то на нихъ въ новыхъ долгахъ правежъ давать всегда, а ростъ и насыпъ на хлѣбъ велѣть править въ половину (10 на 100); а не выплатятъ новыхъ долговъ въ урочныя пять лѣтъ, то править на нихъ съ полнымъ ростомъ и наспомъ (20 на 100). Кто у кого возьметъ деньги взаймы безкабально и безъ памяти, или кто у кого возьметъ въ ссуду что-нибудь, и на судѣ не отопрется, то велѣть на немъ править сполна и правежъ давать всегда. Тотъ, кто занялъ деньги и заложилъ заимодавцу отчину за ростъ пахать, тотъ можетъ выплачивать свой долгъ въ урочныя пять лѣтъ такимъ образомъ: отдаетъ на первый годъ пятую долю долга по разсчету, а вотчину возьметъ назадъ; но заимодавецъ продолжаетъ пахать ее у него за ростъ, и должникъ не можетъ ни заложить ее, ни продать, ни промѣнять, ни въ приданое, ни по душѣ отдать, пока не выплатитъ всѣхъ денегъ, и если не выплатитъ, то вотчину отдавать назадъ заимодавцу. Если же должникъ, не заплативши всѣхъ денегъ по частямъ въ пять лѣтъ, вотчину свою продастъ, да и продавши, не заплатитъ долга, то править на немъ весь долгъ сполна; а не будетъ должника налицо, то править на томъ, кто у него закладную вотчину купилъ, и если на немъ доправить нельзя, то взять у него эту вотчину и отдать заимодавцу, у кого она была заложена, а ему дать правежъ на того, у кого онъ ее купилъ; если нельзя будетъ съ него взыскать денегъ, то выдать его головою до искупа; а не будетъ его налицо, то у того, кто купилъ заложенную вотчину, деньги пропали, потому: покупай вотчину сыскивая, свободна ли она? а если продавецъ послѣ явится, то дать ему на него управу. Въ 1558 году государь приказалъ: кто займетъ деньги и кабалу на себя дастъ за ростъ служить, но когда дѣло дойдетъ до взысканія, кабалу оболживитъ и скажетъ, что онъ сына боярскаго служиваго сынъ,—то сыскивать: если должнику болѣе пятнадцати лѣтъ, а государевой службы не служитъ и въ десяткѣ

не написанъ и кабала написана, когда уже ему минуло пятнадцать лѣтъ, то судъ на него давать; если же ему будетъ менѣе пятнадцати лѣтъ, то на такихъ суда по кабаламъ не давать. Въ 1560 году, по случаю пожара, было постановлено: кто, потерявши дворы отъ пожара, станетъ искать по кабаламъ заемныхъ денегъ на тѣхъ людяхъ, у которыхъ дворы также погорѣли, то приставовъ не давать и править долговъ не велѣть пять лѣтъ [39].

Мы видѣли, что въ старомъ Судебникѣ, по всѣмъ вѣроятностямъ вслѣдствіе вліянія законовъ Моисеевыхъ, помѣщавшихся въ Кормчихъ книгахъ, имущество умершаго, за неимѣніемъ сына, положено отдавать дочери, за неимѣніемъ дочери — ближайшему въ родѣ. Но Іоаннъ IV, какъ мы видѣли также, счелъ нужнымъ право наслѣдованія въ старинныхъ княжескихъ вотчинахъ ограничить мужескимъ потомствомъ умершаго. Относительно наслѣдства послѣ бездѣтныхъ бояръ и сыновей боярскихъ Іоаннъ тогда же въ 1562 году постановилъ, что если ближняго рода и духовной у нихъ не будетъ, то вотчина отбирается на государя, а женѣ государь велитъ дать изъ этой вотчины, чѣмъ ей можно прожить, и душу умершаго государь велитъ также устроить изъ своей казны. Въ 1572 году относительно вотчинъ пожалованныхъ было опредѣлено, что въ случаѣ смерти бездѣтнаго владѣльца надобно обращать вниманіе на смыслъ жалованной грамоты, будетъ ли въ ней прописано, что вотчина пожалована ему, женѣ, дѣтямъ, роду: какъ написано такъ и поступать; если въ грамотѣ написано, что вотчина жалуется одному лицу, то по смерти его она отходитъ на государя; если же у него не будетъ государевой грамоты, то вотчины отбираются по его смерти на государя, хотя бы у него и дѣти были. Впрочемъ и право боковыхъ родственниковъ наслѣдовать въ выслуженной вотчинѣ ограничено только извѣстными степенями: бездѣтно умершему наслѣдуютъ братья его родные, сыновья и внуки родныхъ братьевъ; если умретъ бездѣтнымъ одинъ изъ этихъ братнихъ сыновей или внуковъ, то участки умершихъ отдаются братьямъ ихъ роднымъ, дядямъ, племянникамъ и двоюроднымъ внукамъ, но родственникамъ далѣе двоюродныхъ внуковъ вотчина не отдается.

Въ новомъ Судебникѣ находимъ постановленіе о правѣ выкупа вотчинъ, которое, по всѣмъ вѣроятностямъ, возникло изъ крѣпкой родовой связи, изъ общаго родоваго владѣнія поземельною соб-

ственностію. Законъ говоритъ: кто вотчину продастъ, то дѣтямъ его и внукамъ до нея дѣла нѣтъ, не выкупать имъ ее. Если братья или племянники продавца подпишутся свидѣтелями въ купчихъ, то имъ, ихъ дѣтямъ и внукамъ также нѣтъ дѣла до проданной отчины. А не будетъ братьи или племянниковъ въ свидѣтеляхъ, то братья, сестры и племянники вотчину покупаютъ. Если самъ продавшій хочетъ выкупить свою отчину, то можетъ сдѣлать это полюбовно, съ согласія того, кому продалъ, но принудить его къ тому не можетъ. Пройдетъ сорокъ лѣтъ послѣ продажи вотчины, то вотчичамъ до нея уже дѣла нѣтъ; нѣтъ имъ дѣла и до купель: кто свою куплю продастъ, дѣти, братья и племянники ее не выкупаютъ. Кто оставитъ свою куплю въ наслѣдство дѣтямъ, то она становится имъ вотчиною и впередъ имъ ее выкупать. Кто вотчину свою выкупитъ въ урочныя сорокъ лѣтъ, тотъ долженъ держать ее за собою, другому въ чужой родъ ее ни продать, ни заложить, отдать ему ее въ свой родъ, именно тѣмъ родственникамъ, которые не подписались въ прежнихъ купчихъ свидѣтелями. Кто выкупитъ вотчину чужими деньгами, или заложитъ, или продастъ, и прежде продавшій его родственникъ докажетъ, что выкупившій выкупилъ ее чужими деньгами и держитъ ее не за собою: то вотчина слѣдуетъ прежнему продавцу безденежно. Кто захочетъ свою вотчину, мимо вотчичей, заложить у сторонняго человѣка: то эти сторонніе люди должны брать въ закладъ вотчины только въ такой суммѣ, чего вотчина на самомъ дѣлѣ стóитъ. Если сторонній человѣкъ возьметъ вотчину въ закладъ въ большей цѣнѣ, и вотчичъ станетъ бить челомъ, то послѣдній можетъ взять эту вотчину въ закладъ, въ мѣру, чего она стóитъ; а что сторонній человѣкъ далъ въ займы лишняго, то у него деньги пропали. Кто свою вотчину промѣняетъ на вотчину и возьметъ въ придачу денегъ; и если кто-нибудь изъ вотчичей захочетъ ее выкупить, то можетъ это сдѣлать, причемъ онъ долженъ тому, у кого выкупаетъ, оставить земли въ мѣру столько, сколько тотъ своей земли промѣнялъ. Въ одномъ спискѣ Судебника находится слѣдующее прибавочное постановленіе: если бездѣтные князья, бояре и дѣти боярскіе и всякаго чина люди захотятъ свои земли продать или заложить, или въ монастырь по душѣ отдать: то имъ вольно это сдѣлать со всѣми своими куплями; что же касается до отчинъ, то могутъ отчуждать ихъ только половину; если же кто отчудитъ

больше половины, и отчичъ будетъ бить челомъ объ этомъ: то лишнюю продажу отдать отчичу; а кто не разузнавши, больше половины купилъ, или подъ закладъ взялъ, тотъ деньги потерялъ [4].

Въ 1556 году было постановлено относительно духовныхъ завѣщаній: если жена, умирая, напишетъ въ духовной мужа своего прикащикомъ, то ему въ прикащикахъ не быть, и духовная эта не въ духовную, потому что жена въ мужней волѣ: что ей велитъ написать, то она и напишетъ. Въ 1561 году велѣно было митрополичьимъ боярамъ выписать изъ митрополичьяго указа, какъ поступать въ слѣдующихъ случаяхъ? кладутъ въ судѣ духовныя, дѣти отцовъ своихъ, матерей, иные братьевъ своихъ, сестеръ, племянницъ, женъ, душеприкащиками назначены братья или сторонніе люди, у жены мужья, отцы духовные; духовныя не подписаны и не запечатаны, завѣщателевой руки нѣтъ, потому что грамотѣ не зналъ или умеръ внезапно, есть только руки прикащиковъ и отцовъ духовныхъ, а у иныхъ только отцовъ духовныхъ: и отвѣтчики на судѣ эти духовныя лживятъ, называютъ ихъ нарядными, а не указываютъ кто наряжалъ; только на нихъ и пороку, что не подписаны и не запечатаны: и тѣмъ духовнымъ вѣрить или не вѣрить? Митрополичьи бояре отписали: вѣрить духовнымъ, которыя хотя не подписаны и не запечатаны, но при нихъ есть отцы духовные, прикащики и сторонніе свидѣтели, противъ которыхъ нѣтъ никакого довода въ составленіи подложной духовной; если въ духовной жена назначила мужа прикащикомъ и вмѣстѣ съ нимъ берутся быть въ приказѣ женины родственники, то такимъ духовнымъ также вѣрить; но если въ духовной у жены мужъ написанъ одинъ, а стороннихъ людей съ нимъ не будетъ, то не вѣрить.

Выраженіе въ приведенномъ указѣ: „жена въ мужней волѣ, что велитъ ей написать, то и напишетъ", ясно указываетъ на положеніе жены въ описываемое время. По понятіямъ этого времени, жена должна была раздѣлять участь мужа въ случаѣ преступленія совершеннаго послѣднимъ: князь Иванъ Пронскій, давая запись царю, говоритъ въ ней, что въ случаѣ отъѣзда его царь воленъ казнить его и его жену.

Изъ разныхъ юридическихъ грамотъ, отступныхъ дѣльныхъ, отказныхъ, видимъ общее родовое владѣніе и раздѣлы родичей, какъ видно двоюродныхъ или троюродныхъ братьевъ, видимъ раздѣлъ

неполный. Замѣчательна форма отступныхъ грамотъ, подтверждающая сказанное нами въ своемъ мѣстѣ о происхожденіи земельнаго владѣнія въ Московскомъ государствѣ: „Мы такіе-то (родные братья) оступились земли Великаго Князя, а своего владѣнія такимъ-то (роднымъ же братьямъ): не измогли мы великокняжеской службы служить, дань давать и всякихъ разрубовъ земскихъ (или волостныхъ), взяли мы себѣ на носилье столько-то“. Видимъ, что цѣлыя общины пріобрѣтали земли: такъ въ 1583 году Никита Строгановъ отказалъ свою деревню въ волость, въ слободку Давыдову, старостамъ и цѣловальникамъ и всѣмъ крестьянамъ. Видимъ, что при дѣлежѣ земель дѣлившіеся братья прибѣгали къ посредничеству посторонняго лица; это лицо должно было раздѣлить землю на участки, послѣ чего дѣлившіеся бросали предъ нимъ жребій (жеребьевали): чей жребій напередъ выпется, тому взять любое, другіе жребіи вынимать такимъ же образомъ, а остальному взять остальной жребій [41].

Что касается законодательной дѣятельности въ западной Россіи, то здѣсь въ 1556 году изданъ былъ новый статутъ. Въ первомъ отдѣлѣ его (о персонѣ господарской) постановлено: кто составитъ заговоръ или бунтъ подниметъ противъ государя, то хотя бы намѣреніе и не приведено было въ исполненіе, виновный, при ясномъ доказательствѣ вины, теряетъ честь и жизнь; кто поднимаетъ бунтъ противъ государя ко вреду государства, станетъ бить монету безъ государской воли, станетъ собирать войско съ намѣреніемъ занять престолъ по смерти государя, кто станетъ сноситься съ непріятелемъ, окажетъ ему помощь, поддастъ ему замокъ, приведетъ въ Литву непріятельское войско: тотъ теряетъ честь и жизнь, сыновья его считаются безчестными, имѣніе его отбирается на государя; жены такихъ измѣнниковъ, если присягнутъ, что не знали о замыслѣ мужей, не теряютъ имущества отцовскаго, материнскаго и вѣна, записаннаго имъ мужьями прежде измѣны. Кто нанесетъ безчестіе государскому величеству, тотъ будетъ наказанъ, смотря по важности дѣла и словъ, только не лишеніемъ чести, жизни и имущества. Кто доноситъ о преступленіи противъ государя, долженъ подтвердить истину показанія своею присягою и присягою шляхтичей, достойныхъ вѣры и незаподозрѣнныхъ. Фальшивыхъ монетчиковъ, также золотарей, которые портятъ золото и серебро, примѣшивая къ нему цынкъ или олово, сожигать безъ милосердія. Въ

дѣлахъ по имуществамъ великіе князья судятся однимъ судомъ со всѣми подданными литовскими. Заповѣдные листы, отсрочивающіе время явки на судъ, даются государствомъ только въ трехъ случаяхъ: 1) еслибы вызываемый къ суду находился въ плѣну у непріятеля; 2) еслибы кто находился въ посольствѣ за границею или былъ отправленъ съ какими-нибудь другими порученіями государскими; 3) если кто дѣйствительно боленъ, что̀ долженъ послѣ подтвердить присягою. Еслибы кто посланца государскаго съ листами государскими, также посланцевъ отъ пановъ радныхъ, старостъ судовыхъ и суда земскаго съ ихъ листами, прибилъ и листы подралъ, такой долженъ просидѣть 12 недѣль въ за̀мкѣ, а дворянину заплатить безчестье; дворянинъ, при подачѣ листовъ, долженъ всегда имѣть при себѣ двоихъ шляхтичей для свидѣтельства, если что̀ съ нимъ случится. Листы желѣзные не будутъ даваться отъ государя такимъ должникамъ, которые по собственной винѣ растратили имѣніе и не могутъ платить долговъ; листы будутъ даваться только такимъ, которые пришли въ убожество по Божьему попущенію, отъ огня, воды, нашествія непріятельскаго, также если кто разорится на службѣ государству: и такимъ больше трехлѣтняго срока для уплаты не будетъ даваться; также не будутъ даваться желѣзные листы простымъ людямъ, купцамъ и Жидамъ противъ шляхты. Никто не смѣетъ заводить новыхъ мытовъ: въ противномъ случаѣ теряетъ имѣніе, въ которомъ заведенъ новый мытъ. Шляхетскія подводы, нагруженныя хлѣбомъ съ ихъ собственныхъ гуменъ, а не купленнымъ не платятъ мыта. Въ третьемъ отдѣлѣ о вольностяхъ шляхетскихъ находимъ постановленіе о сеймикахъ повѣтовыхъ и послахъ земскихъ: за четыре недѣли предъ сеймомъ великимъ собираются семейки повѣтовые; на нихъ собираются воеводы, каштеляны, урядники земскіе, князья, паны, шляхта и совѣщаются о всѣхъ потребахъ земскихъ; потомъ по единогласному приговору выбираютъ пословъ, по двѣ особы отъ каждаго суда земскаго, сколько ихъ будетъ въ воеводствѣ; этихъ пословъ отправляютъ на великій сеймъ, поручивши имъ всѣ повѣтовыя дѣла и давши имъ полномочіе. Король обязывается все держать по старинѣ; если же понадобится сдѣлать новое распоряженіе, то это можно не иначе какъ на великомъ сеймѣ. Король обязуется не повышать простыхъ людей надъ шляхтою, не возводить ихъ въ достоинства и не давать имъ урядовъ. Въ четвертомъ отдѣлѣ — о судьяхъ и судахъ постановлено:

въ каждомъ повѣтѣ долженъ быть судья, подсудокъ и писарь, которые выбираются такимъ образомъ: къ назначенному отъ государя сроку съѣзжаются всѣ землевладѣльцы повѣта ко двору, который находится въ срединѣ повѣта, и выбираютъ изъ всей шляхты на судейство четверыхъ людей добрыхъ, на подсудство четверыхъ и на писарство четверыхъ, а государь изъ этихъ двѣнадцати выбираетъ троихъ: судью, подсудка и писаря. Писарь земскій обязанъ всѣ листы и позвы писать порусски, а не на иномъ какомъ-либо языкѣ. Воеводы для каждаго повѣта выбираютъ возныхъ изъ шляхтичей добрыхъ, постоянно живущихъ въ повѣтѣ; должность възнаго состоитъ въ слѣдующемъ: позвы носить и ими позывать къ суду, срокъ назначать, брать со свидѣтелей присягу въ судѣ, исполнять судейскіе приговоры, дѣлать слѣдствія и все, что̀ найдетъ, записывать въ книги; за злоупотребленіе при своей должности возный казнится смертію. Судьи и подсудки должны судить сами, а не чрезъ намѣстниковъ своихъ. Въ судьи не могутъ быть выбираемы ни духовныя особы, ни урядники государскіе. Судьи судятъ дѣла гражданскія; уголовныя же подлежатъ суду воеводъ, старостъ и державцевъ; кромѣ того воеводы, старосты и всѣ державы замковые и дворовъ государскихъ повѣтовыхъ должны каждый на урядѣ своемъ выбрать добраго шляхтича, который вмѣстѣ съ замковымъ урядомъ судитъ всѣ дѣла относящіяся къ за̀мку. Судъ земскій отправляется три раза въ году; съ Троицына дня, съ Михайлова дня и съ трехъ Королей послѣ Рождества Христова; въ это время судья, подсудки и писарь пріѣзжаютъ на назначенное мѣсто и отправляютъ судъ двѣ недѣли, если много дѣлъ, если же мало, то какъ покончатъ. Послѣ, при Баторіи, срокъ продолженъ до трехъ недѣль. Кто, стоя предъ судомъ, будетъ противника своего бранить, того сажать въ ближайшій зімомъ' на шесть недѣль; если пихнетъ или рукою ударитъ противника, то платитъ ему 12 рублей грошей, а за вину сидитъ шесть недѣль въ заключеніи: если обнажитъ оружіе, то теряетъ руку, если ранитъ, то лишается жизни; то же наказаніе, если подсудимый поступитъ такимъ же образомъ съ судьею, подсудкомъ, писаремъ или съ кѣмъ-нибудь изъ урядниковъ; и наоборотъ; то же наказаніе судьѣ, подсудку, писарю и урядникамъ, если они такимъ же образомъ поступятъ съ подсудимымъ. Урядниковъ государскихъ никто не можетъ судить кромѣ государя, но въ дѣлахъ по имуществу они обязаны становиться передъ судомъ зем-

скимъ. Свидѣтелями въ судахъ должны быть христіане, люди добрые, вѣры достойные, ни въ чемъ не заподозрѣнные; слуги невольные не могутъ быть свидѣтелями ни за господъ своихъ, ни противъ нихъ; не могутъ быть свидѣтелями безумные; обвиненные вмѣстѣ въ одномъ дѣлѣ не могутъ свидѣтельствовать другъ за друга. Кому изъ судящихся приговоръ суда покажется несправедливымъ, тотъ можетъ перенесть дѣло на судъ государскій, причемъ не долженъ говорить суду никакихъ грубыхъ словъ, а только одно: „Панъ судья! твой приговоръ кажется мнѣ незаконный, переношу дѣло къ государю его милости.“ Въ каждомъ повѣтѣ долженъ быть подкоморій, назначаемый Государемъ на всю жизнь. При всякихъ спорахъ земельныхъ и граничныхъ судъ земскій даетъ знать подкоморію, который имѣетъ право посылать позвы по обѣ тяжущіяся стороны подъ собственнымъ именемъ и печатію, назначить срокъ выѣзда на спорную землю за четыре недѣли; выѣхавши и разсмотрѣвши грамоты, знаки пограничные, выслушавши свидѣтелей, допускаетъ къ доводу ту сторону, у которой лучшія грамоты и свидѣтельства и явнѣйшіе знаки межевые; выслушавши доводъ, подкоморій кладетъ рѣшеніе, устанавливаетъ границы и даетъ грамоты суда своего за своею подписью и печатію; въ каждомъ повѣтѣ подкоморій, на помощь себѣ, выбираетъ одного или двоихъ коморниковъ, шляхтичей, имѣющихъ постоянное пребываніе въ повѣтѣ, людей годныхъ. Въ пятомъ отдѣлѣ говорится о брачныхъ договорахъ: отецъ, выдавая дочь за мужъ и давая за нею приданое, долженъ взять съ зятя своего грамоту за печатью и за печатями людей добрыхъ, что тотъ записалъ будущей женѣ своей третью часть своего недвижимаго имущества; если же онъ этого не сдѣлаетъ, то дочь, по смерти мужа, приданое свое теряетъ, хотя бы и бо́льшую сумму денегъ принесла; но дѣти или ближніе умершаго обязаны за вѣнецъ дать ей 30 копъ грошей, если замужъ пойдетъ; если же не захочетъ идти замужъ, то получаетъ изъ имѣній мужа равную часть съ наслѣдниками и остается на ней до смерти; если же имѣніе умершаго 30 копъ грошей не сто́итъ, то жена получаетъ четвертую часть имущества, которую держитъ до смерти своей, еслибъ даже и вышла замужъ. Потомъ слѣдуетъ статья о записываніи вѣна, сходная съ тою же статьею стараго статута. Еслибы кто-нибудь постоянный или временный обыватель великаго княжества женился въ Литвѣ и взялъ за женою недвижимое имущество, то во время войны обя-

занъ нести военную службу съ имѣнія жены своей и съ другихъ, если ихъ пріобрѣтетъ, не отговариваясь тѣмъ, что жена ему ничего не записала: въ противномъ случаѣ онъ и жена его теряютъ имѣніе въ пользу государства. Еслибы шляхтянка, дѣвица или вдова, вышла замужъ не за шляхтича, то лишается имѣнія своего, какъ отцовскаго, такъ и материнскаго, которое переходитъ къ другимъ наслѣдникамъ: но послѣдніе обязаны выдать ей сумму денегъ, опредѣленную статутомъ, за каждую службу людей пять копъ грошей и т. д.; вдовы шляхтянки, вышедшія замужъ за простыхъ людей, теряютъ записанное имъ вѣно. Вдова шляхтянка не можетъ выйти вторично замужъ ранѣе шести мѣсяцевъ по смерти перваго мужа: въ противномъ случаѣ теряетъ записанное ей вѣно, если же вѣна не имѣетъ, то платитъ въ казну 12 рублей грошей. При разводѣ, если духовный судъ признаетъ мужа виновнымъ, то жена удерживаетъ вѣно; если же виновата жена, то теряетъ и вѣно и приданое; если же будутъ разводиться по родству или по другимъ причинамъ, гдѣ ни мужъ, ни жена не виноваты, тогда вѣно остается при мужѣ, а приданое при женѣ.—Въ шестомъ отдѣлѣ заключается постановленіе объ опекѣ: совершеннолѣтіе назначается—мущины 18, дѣвицѣ 15 лѣтъ. Отецъ можетъ быть опекуномъ малолѣтныхъ сыновей, которымъ досталось материнское имѣніе; если во время опеки отецъ отчудитъ это имѣніе вѣчно или временно, то сыновья, достигнувъ совершеннолѣтія, имѣютъ право искать имѣніе на томъ, кто его пріобрѣлъ, лишь бы только не пропустили давности. Если отецъ истратитъ на себя имущество сына и потомъ умретъ, оставя нѣсколько другихъ сыновей, то прежде ровнаго раздѣла они должны всѣ подѣлить между собою отцовскій долгъ, не исключая и того брата, кому отецъ остался долженъ, и когда каждый свою долю долга заплатитъ послѣднему, тогда и приступаютъ къ ровному раздѣлу наслѣдства. Опекунами бываютъ: вопервыхъ тотъ, кого отецъ назначитъ въ завѣщаніи; если не будетъ назначенъ опекунъ въ завѣщаніи, то старшій братъ совершеннолѣтній опекаетъ младшихъ братьевъ и сестеръ; если нѣтъ брата совершеннолѣтняго, то дядья по мужскому колѣну (по мечу); если нѣтъ родныхъ дядей, то ближайшіе родственники по мечу; если и такихъ нѣтъ, то родственники съ материнской стороны (по кудели); если же нѣтъ и такихъ, то назначается опекунъ отъ государя, или отъ воеводъ, или отъ суда земскаго, не чужеземецъ, и котораго имѣніе

равнялось бы тому имѣнію, которое будетъ имѣть въ опекѣ; также и опекунъ изъ родственниковъ долженъ имѣть хорошее состояніе, кромѣ тѣхъ опекуновъ, которые назначены отцомъ въ завѣщаніи.—Въ седьмомъ отдѣлѣ говорится о записяхъ и продажахъ; здѣсь постановлено: всякому вольно имѣнія свои отцовскія, материнскія, выслуженныя, купленныя и какимъ бы то ни было образомъ пріобрѣтенныя, не по старому статуту съ сохраненіемъ двухъ третей для родственниковъ, но всѣ, въ цѣлости или по частямъ, отчуждать, дарить, продавать и т. п. мимо дѣтей и родственниковъ; но изъ родовыхъ имѣній только одна треть можетъ быть отчуждена на вѣки, двѣ же трети могутъ быть выкупаемы дѣтьми и родственниками, почему за эти двѣ трети продающій не можетъ брать денегъ больше, чѣмъ во сколько онѣ оцѣнены, ибо послѣ выкупающій не будетъ платить больше.—Въ отдѣлѣ осьмомъ постановляется о духовныхъ завѣщаніяхъ: относительно имущества движимаго или недвижимаго пріобрѣтеннаго всякій можетъ дѣлать духовныя завѣщанія, здоровъ ли кто или боленъ, только долженъ быть въ доброй памяти; можетъ завѣщать кому хочетъ, призвавши урядъ земскій, судью, подсудка, писаря, каплана, а гдѣ бы этихъ лицъ не было, то можно дѣлать завѣщанія передъ тремя свидѣтелями, достойными вѣры. Если завѣщавшій послѣ того умретъ, то хотя бы и печати не приложилъ, духовное завѣщаніе имѣетъ силу. Свидѣтелями при духовныхъ завѣщаніяхъ не могутъ быть тѣ, которые сами не могутъ дѣлать завѣщаній, женщины, душеприкащики, опекуны, назначенные въ завѣщаніи, наконецъ люди, которымъ что-нибудь по завѣщанію отказано. Никто не можетъ ничего отказать въ завѣщаніи своему рабу, не давши ему прежде свободы. Слуга путный, мѣщанинъ непривилегированныхъ городовъ и простой человѣкъ можетъ завѣщавать треть движимаго кому хочетъ, а двѣ трети долженъ оставить въ домѣ сыну, который обязанъ служить съ той земли, на которой сидитъ; если же не имѣетъ дѣтей, то эти двѣ части остаются въ домѣ на службу того пана, на чьей землѣ сидитъ. Если же дѣти умершаго, будучи вольными, захотятъ пойти прочь, то, взявши двѣ части отцовскаго движимаго, могутъ идти, но земля остается пану съ хлѣбомъ посѣяннымъ, съ хоромами и со всѣмъ, съ чѣмъ отецъ ихъ эту землю взялъ. Причины, по которымъ отецъ можетъ лишить сына или дочь наслѣдства, состоятъ въ непочтительномъ обращеніи, въ покинутіи въ бѣдѣ, въ упорной

привязанности къ ереси, со стороны дочери въ безнравственномъ поведеніи. Слѣпой можетъ дѣлать завѣщаніе при осьми свидѣтеляхъ, не менѣе.—Въ отдѣлѣ одиннадцатомъ говорится о насиліяхъ, причиненныхъ шляхтѣ: кто насильно обвѣнчается съ дѣвицею или вдовою, и окажется, что ни ея, ни родственниковъ ея на то позволенія не было, то похититель лишается жизни, а третья часть имѣнія его идетъ къ похищенной; но еслибы дѣвица или вдова тайкомъ отъ родственниковъ дала согласіе на бракъ и на похищеніе, то лишается имѣнія отцовскаго и материнскаго. Если кто-нибудь изъ супруговъ лишитъ жизни другаго, и преступленіе будетъ подтверждено присягою семи шляхтичей, то преступникъ казнится смертію такимъ же образомъ, какъ убійца отца или матери. Кто кого лишитъ руки, ноги, глаза, губы, зубовъ, уха, долженъ за каждый такой членъ платить по 50 копъ грошей и двадцать четыре недѣли сидѣть въ крѣпости; если лишитъ обѣихъ рукъ или ногъ, обѣихъ ушей и глазъ, то платитъ сто копъ грошей и сидитъ въ крѣпости годъ и шесть недѣль, и т. д. Если мѣщанинъ, находящійся въ должности бурмистра, ранитъ шляхтича, то платитъ ему какъ выше показано; если же ранитъ простой мѣщанинъ, то теряетъ руку. Если простой холопъ ранитъ шляхтича, то теряетъ руку, если же лишитъ шляхтича руки или ноги, или изувѣчитъ на какомъ-нибудь членѣ, то лишается жизни. Если сынъ или дочь умертвитъ отца или мать, то преступника возятъ по рынку, рвутъ тѣло его клещами, потомъ, завязавши въ мѣшокъ вмѣстѣ съ собакою, пѣтухомъ, ужами и кошкою, топятъ; той же казни подвергаются и помощники его; если же отецъ или мать умертвятъ сына или дочь, то должны годъ и шесть недѣль сидѣть въ крѣпости, а потомъ четыре раза въ годъ при главной церкви произносить публичное покаяніе. Кто умертвитъ сестру или брата, лишается жизни, а имѣніе, которое слѣдовало ему и дѣтямъ его, идетъ къ другимъ наслѣдникамъ; кто убьетъ шурина лишается самъ жизни, а жена его, сестра убитаго, наслѣдуетъ послѣ брата, равно какъ и дѣти ея. Слуга, убившій господина, казнится жестокою смертною казнію; если только обнажитъ оружіе, то теряетъ руку.—Въ отдѣлѣ двѣнадцатомъ о головщинахъ и вознагражденіяхъ за раны простымъ людямъ, между прочимъ помѣщено постановленіе, запрещающее Жидамъ и женамъ ихъ ходить въ золотѣ и серебрѣ: желтый цвѣтъ на головномъ уборѣ долженъ былъ отличать Жида отъ христіани-

на. Жидъ, Татаринъ и всякій бусурманинъ не могли получать никакой должности; не могли имѣть рабовъ христіанъ, но могли имѣть закупней, и если было бы доказано, что кто-нибудь изъ нихъ уговаривалъ закупня перейти въ свою вѣру, такой безъ милосердія сожигается огнемъ. Христіанки не могутъ быть мамками у дѣтей жидовскихъ и бусурманскихъ, а еслибы ихъ кто къ тому принуждалъ, такой лишается жизни.—Въ четырнадцатомъ отдѣлѣ о преступленіяхъ говорится: воръ, приведенный съ поличнымъ, которое стоитъ больше полтины грошей, казнится смертію; если поличное стоитъ не больше полтины грошей, то вора бить палками у столпа, поличное возвратить тому, у кого украдено, и вознагражденіе ему заплатить изъ имущества вора; если же у вора имѣнья нѣтъ, то отрѣзать ему ухо. Если поймаютъ вора въ другой разъ съ поличнымъ, пусть оно и десяти грошей не стоитъ, во всякомъ случаѣ предавать его смерти [42].

Что касается народнаго права, то мы видѣли, что великій князь Василій высказалъ такое правило относительно пословъ отъ европейскихъ христіанскихъ государей: „Въ обычаѣ межъ великихъ государей, послы ѣздятъ и дѣла межь ихъ дѣлаютъ по сговору на обѣ стороны, а силы надъ ними ни которой не живетъ“. Но сынъ его Иванъ, по характеру своему, часто не могъ удерживаться отъ насильственныхъ поступковъ ни въ какихъ случаяхъ, и потому онъ позволялъ себѣ задерживать пословъ, если рѣчи ихъ ему не нравились: такъ задержаны были послы шведскій и литовскій. Съ Іоанна же IV-го пословъ въ Москвѣ начали содержать гораздо строже, чѣмъ прежде, и строгость эта удержалась въ послѣдствіи: причиною этому было открытіе сношеній князя Семена ростовскаго съ литовскимъ посломъ Довойною во вредъ государству. Когда послѣ этого пріѣхалъ новый литовскій посолъ, князь Збаражскій, то его велѣно было держать въ совершенномъ оцѣпленіи; приставы получили наказъ: беречь накрѣпко, чтобъ дѣти боярскіе и боярскіе люди и торговые люди мимо посольскаго двора не ходили и на дворъ не входили и не говорили бъ съ польскими людьми. Лошадей поить на посольскомъ же дворѣ, а на рѣку поить не отпускать; если же станутъ говорить, что прежде лошадей паивали на рѣкѣ, а въ колодцахъ вода дурна, лошади не пьютъ, то приставамъ отвѣчать: колодцы хорошіе лучше рѣчной воды, прежде паивали на рѣкѣ, да у водопоя люди посольскіе съ здѣшними людьми

всегда дерутся и лошадей теряютъ; если же посольскіе люди никакъ не заходятъ поить лошадей на дворѣ, то посылать ихъ къ рѣкѣ съ приставами, къ особому прорубю, и беречь, чтобъ никто съ ними не говорилъ.

Кромѣ задержки, послы испытывали и другіе знаки царской немилости, если переговоры съ ними не вели къ желанному концу: такъ, когда литовскіе послы, Кишка съ товарищами, не соглашались на царскія требованія и просили отпуска, то царь приговорилъ съ боярами: если отъ пословъ дѣла не явится, то отпустить ихъ, и на отпускѣ приказать съ ними поклонъ королю, а руки имъ не давать, потому что въ отвѣтѣ слово положено на пословъ гнѣвное. Когда пріѣхалъ шведскій посолъ отъ Густава Вазы послѣ войны, то царь не звалъ его къ рукѣ и обѣдать, потому что пріѣхалъ впервые послѣ войны, и неизвѣстно еще было какого рода грамоты привезъ онъ.

Въ пріемѣ крымскихъ пословъ наблюдались особенные обычаи: посолъ, благодаря за государево жалованье, становился на колѣна и снималъ колпакъ; послѣ цѣлованія руки, послу и его свитѣ подавали медъ, потомъ раздавали имъ подарки. Въ малолѣтство Іоанна встрѣчаемъ извѣстіе о береженіи руки государевой во время представленія пословъ: „Да звалъ (великій князь) его (посла) къ рукѣ, а берегли его руки князь Василій Васильевичъ Шуйскій, да князь Иванъ Овчина“. Касательно поминковъ, которые получали послы, любопытно извѣстіе о посольствѣ князя Ромодановскаго въ Данію: послы дали королю отъ себя поминки, король отдарилъ ихъ; но послы объявили королевской радѣ, что дары королевскіе и въ половину не стóятъ ихъ поминковъ, что царь не такъ жаловалъ датскихъ пословъ. Вельможи отвѣчали, что доложатъ объ этомъ королю и при этомъ прибавили, что король пожаловалъ пословъ своихъ жалованьемъ не въ торговлю: что у него случилось, тѣмъ и пожаловалъ. Послы отвѣчали: мы привезли королю поминки великіе, дѣлаючи ему честь великую, чтобъ со сторонъ пригоже было видѣть, а не въ торговлю; мы въ королевскомъ жалованьѣ корысти не хотимъ. Король прислалъ часть ихъ поминковъ назадъ, причемъ имъ сказано: вы говорили о своихъ поминкахъ какъ-будто торговать хотѣли; но государь нашъ торговать не хочетъ: что ему полюбилось, то взялъ, а что̀ ему не любо, то вамъ отослалъ. Въ Москвѣ былъ обычай оказывать иностраннымъ посламъ вниманіе,

посылая къ нимъ въ подарокъ часть добычи съ царской охоты; по этому поводу въ посольскихъ книгахъ записанъ любопытный случай: Пріѣзжалъ отъ государя къ литовскимъ посламъ псовникъ съ государскимъ жалованьемъ отъ государской потѣхи, съ зайцами; послы подчивали псовника виномъ, но не подарили ничѣмъ; приставы сочли своею обязанностію послать спросить пословъ, зачѣмъ они за государское жалованье псовника не подарили? Тогда послы отправили псовнику отъ себя 4 золотыхъ, да отъ дворянъ своихъ два золотыхъ, причемъ посланный съ деньгами сказалъ псовнику: „Послы тебя жалуютъ, а дворяне челомъ бьютъ". Псовникъ взялъ два золотыхъ отъ дворянъ, но посольскихъ четырехъ не взялъ: онъ обидѣлся выраженіемъ: жалуютъ. Въ 1537 году великій князь велѣлъ отослать назадъ всѣ поминки, поднесенные ему литовскимъ посломъ, Яномъ Глѣбовичемъ съ товарищами, и вмѣстѣ послалъ къ нимъ свое жалованье. Послы поминки и государево жалованье взяли, но сказали приставу: „Мы пріѣхали къ великому государю для добраго дѣла, и поминки привезли, какъ пригоже его государству; мы думали, что этимъ честь оказали и ему, и своему господарю, а государь насъ оскорбилъ, что нашихъ поминковъ у насъ не взялъ; а намъ на что его жалованье? такъ ты жалованье это возьми и отвези: мы пріѣхали не для корысти, а для дѣла. — Приставъ сказалъ объ этомъ великому князю, который велѣлъ ему сказать посламъ какъ-будто бъ отъ казначея: „Чего не бывало прежде, и намъ о томъ государю сказать нельзя; прежде бывали у государя ихъ дяди и братья, и что государю полюбится изъ ихъ поминковъ, то онъ возьметъ, а что не полюбится, то велитъ отдать, и сверхъ того жалуетъ своимъ жалованьемъ; сдѣлается ли дѣло, не сдѣлается ли, все равно, государь жалуетъ таковъ государскій чинъ. Теперь государь пожаловалъ ихъ, и, по нашему, они не пригоже говорятъ, что взять жалованье назадъ". Въ 1554 году московскій посолъ бояринъ Юрьевъ съ товарищами поднесли королю Сигизмунду Августу подарки, которые король велѣлъ отослать имъ всѣ назадъ: принесли они кубки, кречетовъ и бубны, но кречеты были хворые и краснаго между ними ни одного не было.

Любопытно также извѣстіе о поведеніи литовскихъ пословъ, Яна Кротошевскаго съ товарищами, въ Москвѣ и по дорогѣ: задирка отъ ихъ людей была не въ одномъ мѣстѣ: въ Вязьмѣ дѣтей боярскихъ слуги ихъ били; въ Москвѣ, на встрѣчѣ, то же самое;

ѣдучи посадомъ въ трубы трубили, приставовъ безчестили, въ одного камнями бросали и носъ ему перешибли; дьяка ругали; сыну боярскому давали пить зелья, а тотъ и умеръ съ ихъ зелья; у лошади хвостъ отсѣкли; ѣхалъ отъ Благовѣщенья, послѣ обѣдни, царскій духовникъ, Евстаѳій протопопъ, и люди королевскіе его безчестили, ругали и били, а послы сыску и обороны ни въ чемъ не учинили. Царь, узнавши объ этомъ, велѣлъ сказать посламъ: „Съ посольствомъ они сюда пріѣхали или по своей волѣ ходить: какъ имъ надобно“. Съ того человѣка, который обезчестилъ протопопа, царь велѣлъ снять шапку, съ лошади его весь нарядъ конскій оборвать; встрѣчать пословъ государь не велѣлъ, потому что имъ на государскихъ очахъ нельзя быть за ихъ безчинство. Послы оправдывались, что въ Вязьмѣ сами Москвичи били ихъ людей; въ трубы трубили по польскому обычаю, и приставы объ этомъ ничего не говорили, чтобъ не трубить; на другія безчинства имъ не жаловались; кто лошади хвостъ отсѣкъ, сыскать нельзя; больному давали не лихое зелье, а лѣкарство, а онъ умеръ судомъ Божіимъ; протопопа купецъ королевскій позади себя не нарочно ударилъ палкой. Но потомъ, когда самъ царь повторилъ посламъ тѣ же жалобы, и сказалъ, что протопопа, снявши съ лошади били, то послы ничего не сказали въ оправданіе. Потомъ послы съ своей стороны подали листъ, гдѣ перечислялись ихъ убытки: все крали у нихъ по дорогѣ. Послы жаловались также, что въ Москвѣ взяли товары у литовскихъ купцовъ и назадъ не отдали; бояре отвѣчали: мы обо всѣхъ этихъ статьяхъ справлялись, и казначей съ дьякомъ намъ сказали, что лошади и товары побраны въ пенѣ царской у Армянъ и Грековъ; а въ прежнихъ обычаяхъ того не бывало, чтобъ съ литовскими послами Армяне и Греки приходили, да и то намъ извѣстно, что въ государствѣ государя нашего Армяне и Греки не живутъ, а теперь новость завелась, что съ литовскими послами приходятъ разныхъ земель люди; съ вами были люди султана турецкаго, а подъ именемъ вашего государя и были они съ вами для лазутчества, искали надъ землею нашего государя лихаго дѣла: такъ еще царскаго величества милость, что ихъ самихъ не казнили.—Въ наказѣ московскимъ посламъ, отправлявшимся для подтвержденія договора въ Литву, говорится: если станутъ говорить, что королевскимъ посламъ было въ Москвѣ безчестье, то отвѣчать: это дѣлалось потому, что государь вашъ прислалъ къ государю

11*

нашему пословъ польскихъ и литовскихъ вмѣстѣ; а Ляхи на Москвѣ вѣдомы и прежде; они пріѣхали гордымъ обычаемъ на рубежъ.

Люди, отправлявшіеся съ русскими послами, иногда не понимали главной своей обязанности—быть молчаливыми; такъ царь писалъ Наумову, бывшему посломъ въ Крыму: „Ты своихъ ребятъ отпустилъ въ Москву, а они, дорогою ѣдучи, всѣ вѣсти разсказали; знаешь самъ, что такія дѣла надобно держать въ тайнѣ; ты это сдѣлалъ не гораздо, что людей своихъ отпустилъ, а они всѣ вѣсти разгласили. Такъ ты бы впередъ къ намъ вѣсти писалъ, а людей своихъ въ то время не отпускалъ, чтобъ такія тайныя вѣсти до насъ доходили, а въ людяхъ бы молва не была безъ нашего вѣдома". Дьякъ, отправлявшійся съ посломъ, долженъ былъ цѣловать крестъ, что будетъ дѣлать дѣла по государскому наказу, безъ хитрости, не пронесетъ рѣчей никому до самой смерти и отъ государя не утаитъ ничего [43].

При описаніи осады Пскова, въ источникахъ встрѣчаемъ извѣстіе о коварствѣ, которое употребилъ Замойскій, чтобъ лишить жизни князя Шуйскаго. Къ послѣднему явился изъ польскаго стана русскій плѣнникъ, съ большимъ ящикомъ и письмомъ отъ Нѣмца Моллера, который прежде былъ въ царской службѣ. Моллеръ писалъ, что хочетъ передаться къ Русскимъ и напередъ посылаетъ свою казну, просилъ Шуйскаго отперетъ ящикъ, взять оттуда золото и беречь его. Но Шуйскому ящикъ показался подозрителенъ: онъ велѣлъ открыть его бережно искусному мастеру, который нашелъ въ немъ заряженныя пищали, осыпанныя порохомъ. Баторіевъ историкъ, Гейденштейнъ, говоритъ, что Замойскій позволилъ себѣ этотъ поступокъ изъ мести Русскимъ, которые напали на знаменитаго въ послѣдствіи Жолкѣвскаго во время перемирія, заключеннаго для погребенія убитыхъ.

Что касается плѣнныхъ, то мы видѣли, что въ сношеніяхъ московскаго двора съ литовскимъ каждое изъ двухъ государствъ обыкновенно требовало возвращенія свободы плѣннымъ съ обѣихъ сторонъ, когда считало это для себя выгоднымъ, т.-е. когда имѣло плѣнныхъ меньше, чѣмъ другое государство, и всякій разъ послѣднее не соглашалось на это освобожденіе, и дѣло оканчивалось размѣномъ и выкупомъ, или, если не соглашались въ цѣнѣ выкупа, то плѣнные оставались умирать въ неволѣ; иногда плѣнные отпускались въ отечество съ тѣмъ, чтобъ собрали окупъ за себя и за

товарищей: смоленскій намѣстникъ писалъ въ 1580 году оршанскому старостѣ, что вышелъ изъ Литвы на окупъ на в ѣ р у г о с у д а р я в е л и к а г о к н я з я сынъ боярскій Сатинъ, а товарищъ его Одоевцовъ остался въ плѣну у виленскаго воеводы; теперь Сатинъ пріѣхалъ въ Смоленскъ съ окупомъ, привезъ за себя и за Одоевцова 250 рублей денегъ, 40 куницъ, лисицу черную и два бобра черныхъ. Въ походахъ на литовскія области иногда отпускали плѣнныхъ на свободу вслѣдствіе религіозныхъ побужденій; такъ подъ 1535 годомъ лѣтописецъ говоритъ: посылалъ князь великій воеводъ своихъ на литовскую землю, они многихъ побрали въ плѣнъ, по многимъ по своей вѣрѣ православной милость показали и отпустили; также церкви Божіи велѣли честно держать всему своему воинству и не вредить ничѣмъ, ничего не выносить изъ церкви. Мы видѣли, что при заключеніи мира со Швеціею московское правительство выговорило, чтобъ Шведы своихъ плѣнныхъ выкупили, а Русскихъ отпустили безъ вознагражденія. Что касается до участи татарскихъ плѣнниковъ въ описываемое время, какъ въ малолѣтство Іоанна IV, такъ и при его совершеннолѣтіи, то мы находимъ въ лѣтописяхъ страшныя извѣстія: подъ 1535 годомъ говорится: „Посадили Татаръ царя Шигъ-Алея, въ Псковѣ, 73 человѣка въ тюрьму на смерть, въ томъ числѣ семеро малыхъ дѣтей, а въ Новгородѣ 84 человѣка; въ продолженіе сутокъ они перемерли, только восемь человѣкъ остались живы въ тюрьмѣ не поены, не кормлены много дней; этихъ побили, а женщинъ посадили въ другую тюрьму, полегче; въ слѣдующемъ году архіепископъ Макарій выпросилъ этихъ женщинъ н а с в о е б р е м я, и роздалъ ихъ священникамъ съ приказаніемъ крестить ихъ въ христіанскую вѣру; священники начали выдавать ихъ замужъ, и онѣ были очень усердны къ вѣрѣ христіанской.“ Подъ 1555 годомъ читаемъ: давали дьяки по монастырямъ Татаръ, которые сидѣли въ тюрьмахъ и захотѣли креститься, а которые не захотѣли креститься, тѣхъ метали въ воду. Въ 1581 году, во время войны со Швеціею, царь велѣлъ казнить Шведовъ, которые будутъ приведены въ языкахъ. Царь позволилъ литовскимъ плѣннымъ, взятымъ въ Полоцкѣ, видѣться съ литовскими послами, но съ условіемъ, чтобъ они при этомъ свиданіи говорили по-русски, а не по-польски. Что же касается до плѣнниковъ мало значительныхъ, то ихъ дарили и продавали; мы видѣли, что въ 1556 году царь запретилъ продавать шведскихъ плѣн-

ников въ Ливонію и Литву, позволивъ продавать ихъ только въ московскіе города. Однажды царь послалъ хану въ подарокъ краснаго кречета да двухъ плѣнныхъ Литовцевъ, королевскихъ дворянъ. Изъ сношеній съ Крымомъ узнаемъ, что ханскіе гонцы и купцы, пріѣзжая въ Москву, покупали литовскихъ и нѣмецкихъ плѣнниковъ, человѣкъ по пятнадцати и двадцати; эти плѣнники, по ихъ неосторожности, убѣгали отъ нихъ дорогою, а потомъ они докучали объ этомъ государю и приказнымъ людямъ били челомъ, чтобъ бѣглецовъ отыскивали. Однажды царь писалъ хану: „Твои гонцы покупали на Москвѣ полонъ литовскій и нѣмецкій; мы велѣли дать имъ нашу грамоту въ Путивль къ намѣстнику о пропускѣ этихъ плѣнныхъ; но намѣстникъ задержалъ изъ нихъ 17 человѣкъ плѣнныхъ Литовцевъ и Нѣмцевъ, да женщину, которая сказывается Русскою, потому что въ пропускной грамотѣ эти 15 человѣкъ не написаны. Гонцы твои сдѣлали не хорошо, что вели полонъ лишній, грамоты нашей пропускной не взявши.“ Ногаи также покупали плѣнныхъ въ Москвѣ; царь писалъ къ князю Измаилу: „Твоему человѣку дали мы 50 рублей покупать что тебѣ нужно, и полонъ нѣмецкій покупать позволили ему, сколько тебѣ надобно.“

Но если Татары накупали много плѣнныхъ Литовцевъ или Нѣмцевъ въ Москвѣ, то, съ другой стороны, во время нападеній своихъ на области московскія они выводили много русскихъ плѣнныхъ. О состояніи этихъ несчастныхъ въ Крыму до насъ дошло современное извѣстіе Литовца Михалона: „Корабли, приходящіе къ крымскимъ Татарамъ часто изъ-за моря, изъ Азіи, привозятъ имъ оружіе, одежды и лошадей, а отходятъ отъ нихъ нагруженные рабами. И всѣ ихъ рынки знамениты только этимъ товаромъ, который у нихъ всегда подъ руками и для продажи, и для залога, и для подарковъ, и всякій изъ нихъ, по крайней мѣрѣ имѣющій коня, даже если на самомъ дѣлѣ нѣтъ у него раба, но предполагая, что можетъ достать ихъ извѣстное количество, обѣщаетъ по контракту кредиторамъ своимъ въ положенный срокъ заплатить за одежду, оружіе и живыхъ коней живыми же, но не конями, а людьми, и притомъ нашей крови. И эти обѣщанія исполняются въ точности, какъ будто бы наши люди были у нихъ всегда на задворьяхъ. Поэтому одинъ Еврей, мѣняла, видя безпрестанно безчисленное множество привозимыхъ въ Тавриду плѣнниковъ нашихъ, спрашивалъ у насъ, остаются ли еще люди въ нашихъ

сторонахъ или нѣтъ, и откуда ихъ такое множество? Такъ всегда имѣютъ они въ запасѣ рабовъ не только для торговли съ другими народами, но и для потѣхи своей дома и для удовлетворенія своимъ наклонностямъ къ жестокости. Тѣ, которые посильнѣе изъ этихъ несчастныхъ, часто, если не дѣлаются кастратами, то клеймятся на лбу и на щекахъ и, связанные или скованные, мучатся днемъ на работѣ, ночью въ темницахъ, и жизнь ихъ поддерживается небольшимъ количествомъ пищи, состоящей въ мясѣ дохлыхъ животныхъ, покрытомъ червями, отвратительномъ даже для собакъ. Женщины, которыя понѣжнѣе, держатся иначе, нѣкоторыя должны увеселять на пирахъ, если умѣютъ пѣть или играть. Красивыя женщины, принадлежащія къ болѣе благородной крови нашего племени, отводятся къ хану. Когда рабовъ выводятъ на продажу, то ведутъ ихъ на площадь гуськомъ, цѣлыми десятками, прикованныхъ другъ къ другу около шеи, и продаютъ такими десятками съ аукціона, причемъ аукціонеръ кричитъ громко, что это рабы самые новые, простые, не хитры, только что привезенные изъ народа королевскаго, а не московскаго; московское же племя считается у нихъ дешевымъ, какъ коварное и обманчивое. Этотъ товаръ цѣнится въ Тавридѣ съ большимъ знаніемъ и покупается дорого иностранными купцами для продажи по цѣнѣ еще большей отдаленнымъ народамъ".

По извѣстію того же Михалона, христіанскіе плѣнники, увозимые изъ Тавриды въ далекія страны, всего болѣе горевали о томъ, что будутъ удалены отъ храмовъ Божіихъ. Отсюда выкупъ плѣнныхъ христіанъ изъ рукъ татарскихъ сдѣлался необходимо священною, религіозною обязанностію, и изъ дѣла частнаго милосердія обращался въ дѣло государственное, ибо правительство имѣло средства удовлетворительнѣе распоряжаться выкупомъ. Подъ 1535 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что великій князь Иванъ Васильевичъ и мать его Елена прислали къ новгородскому владыкѣ такую грамоту: „Приходили въ прежніе годы Татары на государеву Украйну, и, по нашимъ грѣхамъ, взяли въ плѣнъ дѣтей боярскихъ, мужей, женъ и дѣвицъ; Господь Богъ не презрѣлъ своего созданія, не допустилъ православныхъ жить между иноплеменниками, и умягчилъ сердца послѣднихъ: они возвратили плѣнныхъ, но просятъ у государя серебра. Князь великій велѣлъ своимъ боярамъ давать серебро, приказываетъ и богомольцу своему, владыкѣ Ма-

карію, собрать со всѣхъ монастырей своей архіепископіи, по обежному счету, семь сотъ рублей". Макарій велѣлъ собрать эти деньги какъ можно скорѣе, помянувъ слово Господне: „аще злато предадимъ, въ того мѣсто обрящемъ другое, а за душу человѣческую нѣсть что измѣны дати". Мы видѣли, какое распоряженіе относительно выкупа плѣнныхъ было сдѣлано на соборѣ 1551 года. Выкупъ плѣнныхъ сдѣлался очень выгоднымъ промысломъ для крымскихъ гонцовъ; московскіе послы жаловались въ Крыму: „гонцы крымскіе ѣздятъ не для государскаго дѣла, голечество покупаютъ у князей и у мурзъ и ѣздятъ для своихъ долговъ: покупаютъ плѣнныхъ въ Крыму дешево, а берутъ на нихъ кабалы не по государеву уложенью, во многихъ деньгахъ, не по ихнему отечеству". Въ наказѣ, данномъ отправлявшемуся въ Крымъ посломъ князю Мосальскому, говорится: „Если крымскіе князья и гонцы, пріѣзжавшіе въ Москву, станутъ говорить, что приводили они съ собой выкупленныхъ плѣнниковъ, а на Москвѣ деньги за нихъ давали не сполна,—то отвѣчать, что они выкупали дѣтей боярскихъ молодыхъ не по ихъ отечеству; выкупали также козаковъ и боярскихъ людей; которые дѣти боярскіе взяты въ бояхъ, за тѣхъ государь давалъ окупъ, кто чего стоитъ. Это дѣло торговое: въ чемъ есть прибытокъ, тѣмъ и торгуютъ; а государю нашему не по цѣнѣ, чего кто не сто́итъ, впередъ не платить; казначеи и дьяки государевы гонцамъ вашимъ не разъ говаривали, чтобы они покупали по цѣнѣ, кто чего сто́итъ, а лишней безмѣрной цѣны не писали. Теперь, какія кабалы у гонцовъ были, государь нашъ много денегъ дать велѣлъ, чего кто и не сто́итъ, потому что ханъ и калга объ этомъ писали, а впередъ пусть плѣнныхъ выкупаютъ кто чего сто́итъ". Самъ царь писалъ хану: „Впередъ если твои гонцы захотятъ выкупать плѣнныхъ, то пусть выкупаютъ, развѣдывая, кто чего сто́итъ, и распрашивая нашихъ пословъ; а если ваши послы и гонцы впередъ приведутъ выкупленныхъ плѣнниковъ, а нашего посла поруки и кабалы по нихъ не будетъ, то мы будемъ такихъ плѣнныхъ отдавать назадъ; а котораго плѣнника нашъ посолъ выкупитъ, давши на себя кабалу, за того платежъ будетъ безъ убавки" [44].

Что касается состоянія нравовъ и обычаевъ въ Московскомъ государствѣ, то нельзя думать, чтобъ царствованіе Грознаго могло дѣйствовать на смягченіе нравовъ, на введеніе лучшихъ обычаевъ.

явленіе Грознаго, условливаясь, между прочимъ, состояніемъ современныхъ нравовъ, въ свою очередь вредно дѣйствовало на послѣдніе, пріучая къ жестокостямъ и насиліямъ, къ презрѣнію жизни и благосостоянію ближняго. Церковь вооружалась противъ скомороховъ и медвѣжьихъ поводчиковъ за ихъ безнравственное поведеніе, монастыри предписывали выбивать ихъ изъ своихъ владѣній; но Іоаннъ показывалъ примѣръ пристрастія къ грубымъ забавамъ, доставляемымъ медвѣдями и скоморохами; Іоаннъ любилъ травить людей медвѣдями: слуги подражали господину. Вотъ что разсказываетъ лѣтописецъ подъ 1572 годомъ: на Софійской сторонѣ, въ земщинѣ, Суббота Осетръ билъ до крови дьяка Данила Бартенева и медвѣдемъ его дралъ, и въ избѣ дьякъ былъ съ медвѣдемъ; подъячіе изъ избы сверху металисъ вонъ изъ оконъ; на дьякѣ медвѣдь платье изодралъ, и въ одномъ кафтанѣ понесли его на подворье. Въ это время въ Новгородѣ и по всѣмъ городамъ и волостямъ на государя брали веселыхъ людей и медвѣдей отсылали на государя; Суббота поѣхалъ изъ Новгорода на подводахъ съ скоморохами, и медвѣдей повезли съ собою на подводахъ въ Москву. Для опричниковъ, какъ видно, не было ничего святаго: такъ во время государева разгрома въ Новгородской волости, они разломали гробъ чудотворца Саввы Вишерскаго. Въ посланіяхъ пастырей церкви встрѣчаемъ указаніе на распространеніе гнуснаго противоестественнаго порока; не повторяемъ того, что говорятъ иностранцы. Кромѣ того, государство было еще слабо, не имѣло достаточныхъ средствъ блюсти за общественнымъ порядкомъ: отсюда противообщественнымъ стремленіямъ, стремленію жить на счетъ ближняго было по прежнему много простора. Юное общество обнаруживало свою жизненность, свою силу тѣмъ, что не смотрѣло на это равнодушно, не хотѣло терпѣть подобныхъ явленій и изыскивало всѣ возможныя средства для устроенія лучшаго порядка: историкъ не можетъ не признать этого; но вмѣстѣ онъ долженъ признать, что благія усилія общества для водворенія наряда встрѣчали могущественныя препятствія.

Общество было еще въ такомъ состояніи, что допускало возможность наѣздовъ, какъ напримѣръ въ 1579 году государевъ Даниловскій прикащикъ со своими людьми и государевыми крестьянами наѣзжалъ на монастырское село Хрепелево. Изъ губныхъ грамотъ можно ясно видѣть, до какой степени доходило разбойни-

чество въ описываемое время: „Били вы намъ челомъ, что у васъ многія села и деревни разбойники разбиваютъ, имѣнья ваши грабятъ, села и деревни жгутъ, на дорогахъ многихъ людей грабятъ и разбиваютъ, и убиваютъ многихъ людей до смерти; а иные многіе люди разбойниковъ у себя держатъ, а къ инымъ людямъ разбойники разбойную рухлядь привозятъ“. Любопытенъ въ этомъ отношеніи наказъ князя Өедора Оболенскаго, присланный изъ литовскаго плѣна сыну его, князю Димитрію: „Жилъ бы ты по отца своего наукѣ, смуты не затѣвалъ (не чмутилъ), людямъ отца своего и своимъ красть, разбивать и всякое лихо чинить не велѣлъ, отъ всякаго лиха унималъ бы ихъ, велѣлъ бы своимъ людямъ по деревнямъ хлѣбъ пахать и тѣмъ сытымъ быть. А если людей отцовскихъ и своихъ отъ лиха удержать не сможешь, то бей челомъ бояриму князю Ивану Өедоровичу Оболенскому (Телепневу), чтобъ велѣлъ ихъ удержать, чтобъ отъ государя великаго князя въ отцовскихъ людахъ и въ твоихъ тебѣ срамоты не было“. Дурно было то, что убійства совершались и между людьми, не принадлежашими къ разбойничьимъ шайкамъ: въ 1568 году вологжанинъ Коваль жаловался на бутурлинскаго человѣка, Мамина: „покололъ у меня Маминъ сынишку моего Тренку, на площади, у судебни; а вины сынишка мой надъ собою не знаетъ никакой, за что его покололъ; а теперь сынишка мой лежитъ въ концѣ живота“. Доказательствомъ, какъ слабо вкоренены были государственныя понятія, какъ въ этомъ отношеніи общество не далеко еще ушло отъ временъ Русской Правды, служатъ мировыя по уголовнымъ дѣламъ. Въ мировой записи 1560 года говорится: „Я Михайла Леонтьевъ, слуга Новинскаго митрополичья монастыря, билъ челомъ государю, вмѣсто игумена и братьи, на крестьянъ Кириллова монастыря, которые убили слугу Новинскаго монастыря. И мы, не ходя на судъ передъ губныхъ старостъ, по государевой грамотѣ, передъ княземъ Гнѣздиловскимъ съ товарищи, помирились съ слугою Кириллова монастыря, Истомою Васильевымъ, который помирился съ нами вмѣсто тѣхъ душегубцевъ: я взялъ у Истомы долгъ убитаго и за монастырскіе убытки, что отъ грамотъ давалось, за проѣсть, за волокиту, сорокъ рублей денегъ казенныхъ; и впередъ мнѣ и другимъ монастырскимъ слугамъ на душегубцахъ этого дѣла не отыскивать, въ противномъ случаѣ на игуменѣ Новинскомъ и строителѣ взять сто рублей въ Кирилловъ

монастырь“. Дошла до насъ и другая мировая съ убійцами, заключенная родственниками убитаго: „Я Михайла Кондратьевъ, я Данила Лукьяновъ, я Степанъ Скомороховъ, дали на себя запись Ульянѣ Скорняковой да Василью Скорнякову въ томъ, что, по грѣхамъ, учинилось убійство Ульянина мужа, а Васильева зятя, Григорія Иванова, площаднаго писчика убили: и за убитую голову головщину платить намъ, а Ульянѣ да Василью въ той головщинѣ убытка де не довести никакого“. Конечно, мировыя съ вѣдомыми разбойниками, совершавшими убійства для грабежа, не допускались; но любопытно это послабленіе противообщественнымъ привычкамъ, этой скорости на убійство въ гнѣвѣ, въ ссорѣ: по грѣхамъ учинилось убійство, убійца заплатитъ головщину родственникамъ убитаго и спокоенъ. Любопытны эти выраженія въ приведенныхъ грамотахъ: покололъ моего сынишку, а сынишка мой вины на себѣ не знаетъ никакой, какъ будто еслибы была вина, то убійца имѣлъ какое-нибудь оправданіе; а въ другой грамотѣ заключается мировая съ людьми, которые называются настоящимъ своимъ именемъ — душегубцами. Какъ эти мировыя объясняютъ намъ поведеніе Шуйскихъ и самого Іоанна, объясняютъ эту скорость на дѣла насилія въ гнѣвѣ, этотъ недостатокъ благоговѣнія предъ жизнію ближняго: Іоаннъ, по грѣхамъ, и сына покололъ: вѣдь онъ не хотѣлъ этого сдѣлать и послѣ сильно раскаивался. — По прежнему лѣтописцы жалуются на большіе грабежи во время пожаровъ.

Правительство сочло своею обязанностію вступиться, умѣрить посягательства на собственность ближняго подъ законными формами. Мы видѣли, что съ 1557 года въ продолженіе пяти лѣтъ должникамъ дана была льгота выплачивать съ раскладкою и безъ роста; понятно, какъ это не выгодно было заимодавцамъ, и вотъ встрѣчаемъ челобитныя такого рода: билъ челомъ Ляпунъ Некрасовъ сынъ Мякининъ и отъ имени братьевъ своихъ на Өеодора и Василья Волынскихъ: занялъ онъ съ братьями у Волынскихъ по двумъ кабаламъ, по одной кабалѣ рубль, по другой два, а кабалы писаны на имя ихъ людей; онъ Волынскимъ деньги по кабаламъ платитъ, а они не берутъ, деньги ростятъ силою, хотятъ продержать государево уложенье, урочныя лѣта. Встрѣчаемъ также челобитную, что заимодавцы не берутъ отъ должника денегъ, желая удержать у себя закладъ. Когда закладывалось недвижимое имуще-

ство, то заимодавецъ за ростъ пользовался имъ: „за ростъ деревни пахать, всякими угодьями владѣть и крестьянъ вѣдать“. Мы видѣли, что ростъ „какъ шло въ людяхъ“ былъ 20 на 100.

По прежнему церковь блюла за тѣмъ, чтобъ противообщественныя явленія не усиливались; новгородскій архіепископъ Ѳеодосій писалъ царю: „Бога ради, государь, потщися и промысли о своей отчинѣ, о Великомъ Новгородѣ, что въ ней теперь дѣлается: въ корчмахъ безпрестанно души погибаютъ, безъ покаянія и безъ причастія въ домахъ, на дорогахъ, на торжищахъ, въ городѣ и по погостамъ убійства и грабежи великіе, проходу и проѣзду нѣтъ; кромѣ тебя, государя, этого душевнаго вреда и внѣшняго треволненія уставить некому. Пишу къ тебѣ не потому, чтобъ хотѣлъ учить и наставлять твое остроуміе и благородную премудрость: ибо нелѣпо намъ забывать свою мѣру и дерзать на это; но какъ ученикъ учителю, какъ рабъ государю, напоминаю тебѣ и молю тебя безпрестанно; потому что тебѣ, по подобію небесной власти, далъ Царь небесный скипетръ силы земнаго царствія, да научишь людей правду хранить и отженешь бѣсовское на нихъ желаніе. Солнце лучами своими освѣщаетъ всю тварь: дѣло царской добродѣтели миловать нищихъ и обиженныхъ; но царь выше солнца, ибо солнце заходитъ, а царь свѣтомъ истиннымъ обличаетъ тайная неправды. Сколько ты силою выше всѣхъ, столько подобаетъ тебѣ свѣтить дѣлами“ и проч.

„Въ 1555 году Троицкаго Сергіева монастыря игуменъ, поговоря съ келаремъ и соборными старцами, по соборному уложенію государя царя и митрополита, приказали своимъ крестьянамъ Присѣцкимъ (поименованы два крестьянина) и всей волости, не велѣли имъ въ волости держать скомороховъ, волхвовъ, бабъ ворожей, воровъ и разбойниковъ: а станутъ держать, и у котораго соцкаго въ его сотной найдутъ скомороха, или волхва, или бабу ворожею, то на этомъ соцкомъ и на его сотной, на стѣ человѣкъ взять пени десять рублей денегъ, а скомороха или волхва, или бабу ворожею, бивши и ограбивши, выбить изъ волости вонъ, а прохожихъ скомороховъ въ волость не пускать“.

Въ старину не любили воевать въ Великій постъ, не дѣлали приступовъ къ городамъ по воскресеньямъ; въ описываемое время, въ 1559 году, царь далъ память казначеямъ: въ который день служится панихида большая, митрополитъ у государя за столомъ,

а государь передъ нимъ стоитъ, въ тотъ день смертною и торговою казнію не казнить никого. Предъ началомъ важныхъ предпріятій разсылалась милостыня по монастырямъ съ просьбою о молитвахъ: предъ казанскимъ походомъ послано было въ Соловецкій монастырь семь рублей съ просьбою: „и вы бъ молили Господа Бога о здравіи и тишинѣ всего православнаго христіанства и о государевѣ согрѣшеніи и здравіи, обѣдни пѣли и молебны служили, чтобъ Господь Богъ государю нашему, его воеводамъ и воинству далъ побѣду, а государя бъ во всѣхъ его грѣхахъ прощали“. Въ 1562 году царь писалъ въ Троицкій Сергіевъ монастырь: „Чтобы вы пожаловали, молили Господа Бога о нашемъ согрѣшеніи, что, какъ человѣкъ, согрѣшилъ я: ибо нѣтъ человѣка, который и одинъ часъ могъ бы прожить безъ грѣха. И потому молю преподобіе ваше, да подвигнетесь со тщаніемъ на молитву, да вашихъ ради святыхъ молитвъ презритъ Богъ наши великія беззаконія и подастъ намъ оставленіе грѣховъ, даруетъ намъ разумъ, разсужденіе и мудрость въ управленіи и строеніи Богомъ преданнаго мнѣ стада Христовыхъ словесныхъ овецъ. Враги христіанства и наши, крымскій царь, древній отступникъ Божій, буій варваръ, всегда готовый пролить христіанскую, и литовскій король, который имя Божіе и Пречистыя его Матери и всѣхъ святыхъ много хулилъ, святыя иконы попралъ, честному кресту ругался, съ ними издавна прельщенный отъ дьявола Нѣмецкій родъ— распылались на все православіе, пожрать его желая и уповая только на свое бѣсовское волхованіе“, и проч. Въ 1567 году митрополитъ прислалъ въ Кирилловъ монастырь грамоту такого содержанія: „Грѣхъ ради нашихъ, безбожный крымскій царь Девлетъ-Гирей, со всѣмъ своимъ бесерменствомъ и латынствомъ, и литовскій король Сигизмундъ Августъ, и поганые Нѣмцы въ многія различныя ереси впали, особенно въ Лютерову прелесть, и святыя церкви раззорили, честнымъ иконамъ поругались и впередъ злой совѣтъ совѣщаютъ на нашу благочестивую христіанскую вѣру греческаго закона. Услыхавъ объ этомъ, боговѣнчанный царь-государь очень оскорбился и опечалился за святыя церкви и честныя иконы, и, вземши Бога на помощь, пошелъ со всѣмъ своимъ воинствомъ на недруговъ“ и пр. Въ 1571 году, по случаю войны со Швеціею, митрополитъ писалъ въ Кирилловъ монастырь, чтобъ монахи не только упражнялись въ молитвахъ объ успѣхѣ царскаго

оружія, но также соблюдали бы и постъ; въ Филипповъ постъ, Великій мясоѣдъ и Великій постъ въ пьянство не упивались бы. Богомольныя грамоты по монастырямъ посылались въ случаѣ болѣзни царя. Во время голода, по предписанію митрополита, пѣли молебны и святили воду, архіерей разсылалъ по епархіи увѣщательныя грамоты о нравственномъ исправленіи. По случаю побѣдъ звонили въ колокола цѣлый день до полуночи, пѣли молебны по церквамъ. Былъ обычай въ городахъ ходить около кремля и посада крестнымъ ходомъ, молебны пѣть и воду святить три раза въ годъ; во второе воскресенье послѣ Велика дни, въ первое воскресенье Петрова поста и въ Успенскій постъ; въ Крещенье и первое августа святили воду на рѣкѣ; а 1-го сентября, въ новый годъ, Лѣтопровожанье провожали передъ церковію. 21-го іюня 1548 года царь, по благословенію митрополита, установилъ до скончанія міра общую память благовѣрнымъ князьямъ боярамъ и христолюбивому воинству, священническому и иноческому чину и всѣмъ православнымъ христіанамъ, отъ иноплеменныхъ въ бранехъ и на всѣхъ побоищахъ избіенныхъ и въ плѣнъ сведенныхъ, голодомъ, жаждою, наготою, морозомъ и всякими нуждами измершихъ, въ пожарахъ убитыхъ, и огнемъ скончавшихся, и въ водахъ истопшихъ.

Однимъ изъ характеристическихъ явленій древняго русскаго общества были юродивые, которые, пользуясь глубокимъ уваженіемъ правительства и народа, позволяли себѣ во имя религіи обличать нравственные безпорядки. Въ описываемое время знамениты были юродивые: въ Псковѣ — Николай, въ Москвѣ — Василій (Блаженный или Нагой), Іоаннъ (Большой Колпакъ).

Изъ обычаевъ не относившихся къ религіи замѣтимъ обычай писать рядныя грамоты предъ женитьбою и выдачею замужъ. Въ 1542 году княгиня Согорская выдавала дочь свою за князя Хованскаго; эта дочь была вдова, но рядная написана отъ имени одной матери; въ грамотѣ перечисляется приданое, которое дается зятю, а не дочери; оно состоитъ изъ образовъ, земель, изъ головъ служнихъ и дѣловыхъ людей и денегъ, которыя, сказано, даются за платье и разныя женскія украшенія. Женихи давали записи, что они непремѣнно женятся въ назначенное время, въ противномъ случаѣ должны заплатить родственникамъ невѣсты означенную въ рядной сумму денегъ за свадебный подъемъ. Иногда

женихъ прибавлялъ въ рядной, что по смерти его все имущество его переходитъ къ женѣ; а если кто изъ роду его станетъ отъ нея требовать этого имущества, то долженъ заплатить ей означенную въ рядной сумму денегъ. Одинъ крестьянинъ вдовецъ, у котораго было трое сыновей, сосватался на вдовѣ же, у которой былъ сынъ и четыре дочери; въ рядной исчислено имѣніе, приносимое женихомъ и невѣстою, и положено: дочерей выдавать замужъ сообща по силамъ; если женинъ сынъ (сынъ богоданный) захочетъ отдѣлиться, то опредѣлено, что онъ долженъ получить изъ материнскаго имѣнія; если мужъ умретъ, то трое сыновей его отъ перваго брака получаютъ половину имѣнія. Въ другой подобной рядной женихъ говоритъ, что если богоданный сынъ захочетъ уйти, то беретъ деньги за проданный дворъ отца своего; если же останется жить съ вотчимомъ и будетъ его слушаться, то получитъ также часть изъ имѣнія вотчима. Одинъ крестьянинъ женился на вдовѣ Тихвинскаго посадскаго, и далъ запись Тихвинскому монастырю, что богоданныхъ сыновей своихъ будетъ кормить и поить до возраста; а какъ они придутъ въ возрастъ, то имъ быть крестьянами Тихвинскаго монастыря, подобно дѣду и отцу своему, а въ то время какъ будутъ жить у вотчима, послѣдній не долженъ отдавать ихъ никуда, въ боярскій дворъ въ холопство и въ крестьяне не рядить никуда. По Стоглаву положено было вѣнчать мущинъ не ранѣе 15, а дѣвицъ не ранѣе 12 лѣтъ. Касательно одежды и украшеній встрѣчаемъ названія: кортелъ бѣлій, кортелъ кощатый, одинцы жемчужные, серьги бечата на серебрѣ съ жемчугами, опашень, однорядка большая съ пугвицами хамьянными, однорядка аспидная, ферези, тряски, терликъ, кафтаны суконные однорядочные и сермяжные, новины, лѣтники, сарафаны суконные и крашенинные, телогрѣи, торлопъ, вошвы, передцы, птуръ.—Встрѣчаемъ описанія домоваго строенія: дворъ, во дворѣ хоромы: горница на подклетѣ, горница съ двумя комнатами на подклѣтахъ, двѣ повалуши, сушило на подклѣтахъ, на улицѣ противъ двора погребъ. Или: двѣ избы, клѣть на подклѣти, мыльня, два сѣнника на двухъ хлѣвахъ, сарай. Иногда встрѣчается: изба съ прирубомъ; горница на двухъ щербетахъ, противъ горницъ анбаръ на двухъ подклѣтяхъ и съ передмостьемъ; или: горница большая на подклѣтѣ, а связи у этой горницы сѣни съ подсѣньемъ; горенка на мшаникѣ. Или горница столовая бѣлая на подклѣти съ сѣнями, горница съ

комнатой на подклѣтѣ, сушило съ перерубомъ, погребъ, ледникъ. Или: три избы да два пристѣна, дверь огорожена заметомъ. При городскихъ дворахъ упоминаются огороды съ деревьями яблоновыми и вишневыми [45].

Что касается нравовъ и обычаевъ въ западной Россіи, то до насъ дошли объ нихъ любопытныя извѣстія въ не разъ приведенномъ уже сочиненіи Михалона Литвина, хотя авторъ, негодуя на роскошь, изнѣженность нравовъ у современниковъ своихъ и противополагая нравамъ послѣднихъ нравы предковъ и сосѣднихъ народовъ, не чуждъ преувеличеній. „Всего чаще, говоритъ онъ, въ городахъ литовскихъ встрѣчаются заводы, на которыхъ выдѣлывается изъ жита водка и пиво. Эти напитки жители берутъ съ собою на войну и, сдѣлавъ къ нимъ привычку дома, если случится во время войны пить воду, гибнутъ отъ судорогъ и поноса. Крестьяне, оставивъ поле, идутъ въ шинки и пируютъ тамъ дни и ночи, заставляя ученыхъ медвѣдей увеселять себя пляскою подъ волынку. Отсюда происходитъ то, что, потративъ свое имущество, они доходятъ до голода, обращаются къ воровству и разбою, такъ что въ каждой литовской провинціи въ одинъ мѣсяцъ казнятъ смертію за это преступленіе больше людей, чѣмъ во всѣхъ земляхъ татарскихъ и московскихъ въ продолженіе ста или двухъ сотъ лѣтъ. Нашихъ губитъ невоздержаніе или ссоры во время попоекъ, а не правительство. День начинается питьемъ водки: еще въ постели кричатъ: вина, вина! и пьютъ этотъ ядъ и мущины, и женщины, и юноши на улицахъ, на площадяхъ, а напившись, ничего не могутъ дѣлать, какъ только спать, и кто разъ привыкъ къ этому злу, въ томъ постоянно возрастаетъ страсть къ пьянству.“ Михалонъ жалуется на судебные поборы: „беретъ предсѣдатель суда, беретъ слуга судьи, беретъ нотаріусъ, беретъ протонотаріусъ, беретъ вижъ, который назначаетъ день суду, беретъ дѣтскій, который призываетъ подсудимаго, беретъ чиновникъ, который призываетъ свидѣтелей. Бѣднякъ, желая позвать къ суду вельможу, ни за какія деньги не найдетъ себѣ стряпчаго. Свидѣтелемъ можетъ быть всякій во всякомъ дѣлѣ, кромѣ межевыхъ, и всякому вѣрятъ безъ присяги; отъ этого многіе сдѣлали себѣ промыслъ изъ лжесвидѣтельствъ. Подсудимый, хотя бы онъ былъ явнымъ похитителемъ чужой собственности, не прежде обязанъ явиться въ судъ, какъ по истеченіи мѣсяца послѣ позыва. Если

у меня отнимается лошадь, стоющая 50 или 100 грошей, въ самое нужное время полевыхъ работъ, то я не могу прежде позвать въ судъ похитителя, какъ заплативъ за позывъ цѣну похищенной лошади, хотя послѣ не только не получу вознагражденія за убытки, но и виновнаго не прежде, какъ мѣсяцъ спустя, могу притянуть къ суду. Такимъ образомъ обиженный или все уступаетъ похитителю, или вноситъ столько же. Хотя изъ числа вельможъ обязанность судей исполняютъ во всей Литвѣ двое воеводъ, не слишкомъ отдаленные одинъ отъ другаго, но какъ могутъ они разсмотрѣть всѣ тяжбы такого многочисленнаго народа и такихъ провинцій, особенно когда они должны заботиться и о государственныхъ дѣлахъ. Поэтому, будучи заняты множествомъ дѣлъ общественныхъ и частныхъ, они разсматриваютъ тяжбы только по праздничнымъ днямъ, когда бываетъ свободнѣе отъ дѣлъ. И то дурно, что нѣтъ опредѣленныхъ мѣстъ для нихъ засѣданій. Часто приходится обиженному искать правосудія болѣе чѣмъ за 50 миль. Есть у насъ 40 дней, посвященныхъ воспоминанію страстей Господнихъ, посту и молитвѣ, которые мы и проводимъ въ тяжбахъ. Упомянутые воеводы имѣютъ своихъ намѣстниковъ, которые, питая свое тѣло, сидятъ обыкновенно въ судѣ при шумѣ гостей, мало знакомые съ законами, но исправно взимающіе свой пересудъ.

„Въ страну нашу собрался отовсюду самый дурной изъ всѣхъ народовъ — Іудейскій, распространившійся по всѣмъ городамъ Подоліи, Волыни и другихъ плодородныхъ областей, народъ вѣроломный, хитрый, вредный, который портитъ наши товары, подделываетъ деньги, подписи, печати, на всѣхъ рынкахъ отнимаетъ у христіанъ средства къ жизни, не знаетъ другаго искусства, кромѣ обмана и клеветы.

„Мы держимъ въ безпрерывномъ рабствѣ людей своихъ, добытыхъ не войною и не куплею, принадлежащихъ не къ чужому, но къ нашему племени и вѣрѣ, сиротъ, неимущихъ, попавшихъ въ сѣти черезъ бракъ съ рабынями; мы во зло употребляемъ нашу власть надъ ними, мучимъ ихъ, уродуемъ, убиваемъ безъ суда, по малѣйшему подозрѣнію. Напротивъ того, у Татаръ и Москвитянъ ни одинъ чиновникъ не можетъ убить человѣка даже при очевидномъ преступленіи,—это право предоставлено только судьямъ въ столицахъ. А у насъ по всѣмъ селамъ и деревнямъ дѣлаются приговоры о жизни людей. Къ тому же на защиту госу-

дарства беремъ мы подати съ однихъ только подвластныхъ намъ бѣдныхъ горожанъ и съ бѣднѣйшихъ пахарей, оставляя въ покоѣ владѣльцевъ имѣній, которые получаютъ гораздо болѣе съ своихъ владѣній.

„Ни Татары, ни Москвитяне не даютъ своимъ женамъ никакой свободы, говоря: кто дастъ свободу женѣ, тотъ у себя ее отнимаетъ. Онѣ у нихъ не имѣютъ власти; а у насъ нѣкоторыя владѣютъ многими мущинами, имѣя села, города, земли, однѣ на правахъ временнаго пользованія, другія по праву наслѣдованія, и по этой страсти къ владычеству живутъ онѣ подъ видомъ дѣвства или вдовства необузданно, въ тягость подданнымъ, преслѣдуя однихъ ненавистію, губя другихъ слѣпою любовію.

„Враги наши, Татары, смѣются надъ нашей безпечностью, нападая на насъ, погруженныхъ послѣ пировъ въ сонъ: „Иванъ! ты спишь, говорятъ они, а я тружуся, вяжу тебя.“ Теперь нашихъ воиновъ погибаетъ среди праздности въ корчмахъ, гдѣ они убиваютъ другъ друга, больше, нежели самихъ непріятелей, которые часто опустошаютъ нашу страну, тогда какъ наши могли бы найти лучше случай показать свое мужество въ бояхъ съ врагомъ трезвымъ и дѣятельнымъ на границахъ Подоліи и Кіева, могли бы тамъ изъ рекрутовъ сдѣлаться храбрыми воинами, и намъ не нужно было бы искать такихъ людей внѣ отечества.

„Смѣются Татары, что у насъ почетные люди мягко покоятся и спятъ на скамьяхъ, когда совершается божественная служба, а людей бѣднаго состоянія не пускаютъ садиться, сами приходятъ въ храмы со многими провожатыми, и ставятъ ихъ передъ собой, чтобъ похвастать ихъ количествомъ. Греческіе монахи воздерживаются отъ женъ; а что священники въ древнія времена женились, это видно изъ многихъ мѣстъ Св. Писанія. Еслибы и наши поступали теперь также, то были бы непорочнѣе, чѣмъ въ этомъ поддѣльномъ монашествѣ, въ которомъ они живутъ какъ изнѣженные сибариты, горятъ всегда страстію и содержатъ наложницъ. Обязанности, возложенныя нами на нихъ, слагаютъ они на своихъ викаріевъ, а сами предаются праздности и удовольствіямъ, пируютъ, одѣваются великолѣпно“.

Жалобы Михалона на роскошь, изнѣженность мущинъ въ западной Россіи, на подчиненіе ихъ женскому вліянію, раздѣляетъ, какъ мы видѣли, московскій отъѣзжикъ, князь Курбскій. Подроб-

ности о жизни князя Курбскаго въ западной Россіи также содержатъ въ себѣ любопытныя черты тамошняго быта. Начнемъ съ его семейныхъ отношеній. Курбскій оставилъ въ Московскомъ государствѣ свою семью, мать, жену и сына ребенка, которые, какъ онъ говоритъ въ предисловіи къ Новому Маргариту, были заключены царемъ въ темницу и тамъ троскою поморены. Въ 1571 году Курбскій вступилъ въ бракъ съ Марьею Юрьевною Козинскою, урожденною княжною Голшанскою, вдовою послѣ двоихъ мужей, матерью двоихъ взрослыхъ сыновей отъ перваго брака съ Монтолтомъ. Сначала Курбскій жилъ согласно съ женою, которая записала ему почти всѣ свои имѣнія, и эту запись подтвердила въ духовномъ завѣщаніи. Но скоро отношенія перемѣнились: въ мартѣ 1576 года было написано завѣщаніе княгини, а въ августѣ 1577 уже наряжены были возные съ шляхтою, добрыми людьми для слѣдствія по жалобѣ сына княгини, Андрея Монтолта, будто бы князь Курбскій избилъ свою жену, измучилъ и посадилъ въ заключеніе, и будто бы отъ этихъ побоевъ и мукъ ея ужь нѣтъ на свѣтѣ. Возные нашли князя Курбскаго больнымъ, въ постели, а княгиню здоровою, сидящею подлѣ мужа. Курбскій сказалъ возному: „Панъ возный! гляди жена моя сидитъ въ добромъ здоровьѣ, а дѣти ея на меня выдумываютъ“; и обратясь къ княгинѣ сказалъ: „говори княгиня сама.“ Та отвѣчала: „Что мнѣ говорить, милостивый князь, самъ возный видитъ, что я сижу.“ Курбскій прибавилъ: „Давно они мать свою морятъ, а она все жива и меня еще погребетъ.“ Княгиня замѣтила на это: „Какъ знать? либо ваша милость меня погребешь, потому что и я плохаго здоровья.“

Но въ тотъ же самый день, какъ возный внесъ въ градскія книги описанную сцену, князь Курбскій подалъ жалобу, что недавно жена его взяла изъ кладовой сундукъ, въ которомъ хранились привилегіи и другія важныя бумаги, и передала ихъ сыновьямъ своимъ Монтолтамъ; что одинъ изъ нихъ, Андрей, разъѣзжаетъ близь имѣній Курбскаго, съ слугами и многими помощниками своими, ловя и подстерегая Курбскаго по дорогамъ, дѣлая засады, умышляя на его жизнь. Въ слѣдъ за тѣмъ Курбскій жаловался, что Андрей Монтолтъ наѣхалъ разбоемъ на его землю Скулинскую, сжегъ сторожку, сторожей побилъ, измучилъ, потопилъ, нѣкоторыхъ

связалъ и увелъ съ собою, бочечныя доски всѣ сжегъ. Курбскій нашелъ въ сундукѣ жены своей мѣшочекъ съ пескомъ, волосами и другими чарами; горничная княгини, Раинка, показала, что всѣ эти вещи дала княгинѣ какая-то старуха, но что это была не отрава, а только снадобье, приготовленное для возбужденія въ Курбскомъ любви къ женѣ; а теперь, продолжала Раинка, княгиня старается повидаться съ старухою, чтобъ получить такое зелье, которое могла бы она употребить не для любви, а для чего-нибудь другаго. Наконецъ, по приговору пріятелей, Курбскій и жена его положили развестись, причемъ нѣкоторыя имѣнія княгини должны были остаться за Курбскимъ. 1-го августа 1578 года подписана была мировая сдѣлка, а 2-го числа бывшая княгиня Курбская подала жалобу на мужа, что онъ обходился съ нею не какъ съ женою, посадилъ безо всякой вины въ заключеніе, билъ палкой, принудилъ къ тому, что она дала ему нѣсколько бланковыхъ листовъ съ своими печатями и собственноручными подписями, и совершалъ акты ко вреду ея; жаловалась, что Курбскій, разведясь съ нею, удержалъ движимое ея имущество, силою удержалъ служанку ея, Раинку, мучилъ ее, посадилъ въ тюрьму и велѣлъ тамъ ее изнасиловать. Курбскій, съ своей стороны, подалъ жалобу, что когда онъ отправилъ бывшую жену свою во Владимиръ со всею учтивостію, въ коляскѣ четвернею, то воевода минскій, Сапѣга, бывшій при разводѣ посредникомъ со стороны Марьи Юрьевны, велѣлъ слугамъ своимъ перебить кучеру Курбскаго палкою руки и ноги и удержать коляску, бранилъ Курбскаго срамными словами. Въ декабрѣ Марья Юрьевна помирилась съ Курбскимъ, объявила, что послѣдній далъ ей во всѣхъ ея искахъ законное удовлетвореніе, и что она не будетъ начинать новыхъ исковъ ни противъ него, ни противъ дѣтей его и потомковъ; при этомъ горничная ея, Раинка, объявила также, что всѣ ея прежнія показанія, какъ противъ Курбскаго, такъ и противъ бывшей жены его, ложны, что она дѣлала ихъ по наущенію другихъ въ гнѣвѣ, что никогда не была она ни бита, ни мучена, не изнасилована. Но когда Курбскій женился на дѣвицѣ Александрѣ Семашковнѣ, которою, какъ видно изъ его завѣщанія, былъ очень доволенъ, то старая жена подала опять королю жалобу на незаконное расторженіе брака; тогда Курбскій выставилъ законную для церковнаго суда причину:

трое людей показали, что они собственными глазами видѣли, какъ бывшая княгиня Курбская нарушила супружескую вѣрность. Дѣло кончилось опять мировою сдѣлкою.

Кромѣ этихъ неудовольствій, Курбскій долженъ былъ испытать еще много другихъ. Въ 1575 году князь Андрей Вишневецкій, воевода Браславскій, собравшись со множествомъ вооруженныхъ слугъ, бояръ и крестьянъ своихъ, конныхъ и пѣшихъ, съ пищалями и ружьями, наѣхалъ на его земли, захватилъ два стада, побилъ четырехъ пастуховъ; когда Курбскій послалъ къ нему слугъ своихъ и постороннихъ добрыхъ людей спросить о причинѣ наѣзда, то Вишневецкій вмѣсто отвѣта велѣлъ схватить и убить ихъ. Курбскій поспѣшилъ отомстить ему въ тотъ же самый день: нѣсколько сотъ слугъ его и подданныхъ напали на имѣніе Вишневецкаго, побили крестьянъ, пограбили хлѣбъ. Горожане также не удерживались отъ насильственныхъ поступковъ; любимый слуга Курбскаго, москвичъ Иванъ Келеметъ, подалъ въ 1571 году такую жалобу: „Былъ я во Владимирѣ, чтобъ отвѣчать передъ судомъ по дѣлу господина моего. Когда я выѣзжалъ уже изъ города, то ландвойтъ, ратманы и мѣщане владимирскіе, приказавъ звонить въ колокола и запереть городскія ворота, собрались со множествомъ мѣщанъ, вооруженныхъ разнымъ оружіемъ, намѣреваясь лишить меня жизни, безо всякаго съ моей стороны повода, такъ что я едва успѣлъ уѣхать изъ города. Послѣ того, мѣщане, ратманы и ландвойтъ гнались за мною и, догнавши на полѣ, за милю отъ города, изранили меня самого, бывшихъ со мною слугъ господина моего, моихъ собственныхъ слугъ и коней; рыдванъ мой растрясли, жену мою истерзали, перстни съ рукъ посрывали; а изъ рыдвана взяли сундукъ и шкатулку.“ Въ 1575 году самъ князь Курбскій подалъ жалобу: „Недавно, когда Татары вторгнулись въ землю Волынскую, я, по своей шляхетской обязанности, поѣхалъ съ своимъ отрядомъ какъ можно скорѣе противъ непріятеля, а уряднику своему Калиновскому приказалъ съ деньгами ѣхать въ слѣдъ за мною какъ можно скорѣе. Когда онъ проѣзжалъ между Берестечкомъ и Николаевымъ, то мѣщане берестецкіе Остаховичи съ многими помощниками своими, захвативъ на большой дорогѣ Калиновскаго и ѣхавшаго съ нимъ вмѣстѣ боярина моего Туровицкаго, разбойнически, жестоко избили ихъ и изранили и все, что съ ними было, побрали; послѣ чего бросили ихъ замертво и возвратились

домой въ Берестечко. Урядники берестецкіе, узнавши объ убійствѣ, поймали злодѣевъ и посадили ихъ въ тюрьму; но когда привезенъ былъ Калиновскій чуть живой въ Берестечко и объявилъ, что онъ мой слуга, то урядники, посовѣтовавшись между собою, забрали все имѣніе, отнятое злодѣями у слугъ моихъ, самихъ злодѣевъ изъ тюрьмы выпустили и неизвѣстно куда дѣвали, а Калиновскаго, продержавши не малое время въ Берестечкѣ, положивъ на возъ едва живаго, въ одной рубашкѣ, приказали вывезти вонъ изъ города и бросить въ дубравѣ на мѣстѣ разбоя.“

Мы упоминали о вѣрномъ слугѣ Курбскаго, Иванѣ Келеметѣ, о нападеніи на него горожанъ владимирскихъ въ 1571 году; въ слѣдующемъ 1572 его постигла насильственная смерть тамъ же, во Владимирѣ. Когда онъ находился здѣсь опять по дѣламъ господина своего, то къ нему на квартиру, подъ вечеръ, пришли слуги князя Булыги и усѣлись незванные; хозяинъ дома, мѣщанинъ Капля, сталъ ихъ выпроваживать; но они отвѣчали: „Для чего намъ идти? развѣ для этого москвитянина?“ Одинъ изъ нихъ, схвативши стклянку съ горѣлкою, бросилъ ею въ Келемета. Тутъ началась ссора, обнажено было оружіе: Келеметъ выгналъ было ихъ изъ свѣтлицы и заперся; но они начали выбивать двери и окна. Капля въ это время выбѣжалъ изъ дому, и когда возвратился туда опять, то увидалъ, что самъ князь Булыга стоитъ въ сѣняхъ, а Келеметъ, уже убитый, лежитъ въ свѣтлицѣ на землѣ. Деньги и вещи, принадлежавшія Келемету, были пограблены убійцами. Булыга не явился къ суду, и мѣстный судъ приговорилъ его къ уплатѣ головщины и всѣхъ убытковъ, а самого преступника отослать на судъ королевскій; но убійца, при посредничествѣ нѣсколькихъ паповъ, заключилъ мировую съ Курбскимъ, обязавшись заплатить ему за голову убитаго и за всѣ убытки и высидѣть во владимирскомъ замкѣ годъ и шесть недѣль. Другой слуга Курбскаго, бѣжавшій съ нимъ изъ Московскаго государства, Петръ Вороновецкій, былъ также убитъ неизвѣстно кѣмъ; жена убитаго сначала обвиняла было въ преступленіи самого князя Курбскаго, но потомъ отреклась отъ своего обвиненія.

Послѣ этихъ случаевъ Курбскій имѣлъ право жаловаться, что онъ, изгнанный безъ правды, пребываетъ въ странствіи, между людьми тяжелыми и очень негостепріимными. Изъ всего видно, что его и его москвичей не любили въ новомъ ихъ отечествѣ. Но съ дру-

гой стороны посмотримъ, какъ поступалъ самъ Курбскій въ столкновеніяхъ съ сосѣдями и людьми ему подчиненными. Когда сосѣдніе съ данными ему королемъ волостями крестьяне смединскіе обвиняли его въ завладѣніи ихъ землею, подраніи пчелъ, насиліяхъ, побояхъ и грабежахъ, и король прислалъ ему свой напоминальный листъ, то Курбскій отвѣчалъ: „Я не велю вступаться въ землю Смединскую, а приказываю защищать свою землю; если смединцы будутъ присвоять мою землю, которую они считаютъ своею, то я прикажу ловить ихъ и вѣшать. А что касается до удовлетворенія, которое смединцы требуютъ отъ урядниковъ и крестьянъ моихъ за обиду и вредъ, то я имъ въ томъ суда и расправы давать не обязанъ, ибо, если что̀ урядники и крестьяне мои сдѣлали, то сдѣлали, защищая мою землю.“ Курбскій, по какому-то праву, завладѣлъ имѣніемъ пановъ Красенскихъ; король Сигизмундъ Августъ рѣшилъ, что Курбскій долженъ возвратить имѣніе. Курбскій получилъ королевское приказаніе, когда уже Сигизмунда Августа не было въ живыхъ. Посланецъ королевскій долго разъѣзжалъ по имѣніямъ Курбскаго съ листомъ королевскимъ. Слуги Курбскаго посылали его изъ одного имѣнія въ другое, даже одинъ изъ нихъ грозилъ ему палкой. Наконецъ посланецъ нашелъ Курбскаго и хотѣлъ вручить ему листъ королевскій, но Курбскій, въ присутствіи многихъ знатныхъ особъ, сказалъ ему: „Ты ѣздишь ко мнѣ съ мертвыми листами, потому что когда король умеръ, то и всѣ листы его умерли. Да хотя бы ты и отъ живаго короля пріѣхалъ, то я тебѣ и никому другому имѣнія не уступлю.“ Въ 1572 году на Курбскаго подана была жалоба, что онъ перехватилъ въ своемъ имѣніи слугу враждебнаго ему пана, ограбилъ и мучилъ, пыталъ о намѣреніяхъ послѣдняго противъ него; а въ 1579 году возный, который ѣздилъ къ Курбскому звать его къ суду, подалъ жалобу, что слуги князя напали на него на дорогѣ, били въ шесть кіевъ, бросили едва живаго, и бьючи приговаривали: „позововъ къ его милости, князю, пану нашему, не носи.“ Вѣрный слуга Курбскаго, извѣстный уже намъ Иванъ Келеметъ, подражалъ своему пану: въ 1569 году владимирскіе Жиди подали жалобу, что Келеметъ, урядникъ Курбскаго въ Ковлѣ, который былъ отданъ королемъ во владѣніе послѣднему, схватилъ за долги двоихъ Жидовъ ковельскихъ и Жидовку въ субботу, въ школѣ на молитвѣ, посадилъ въ яму, наполненную водою, запечаталъ въ домахъ ихъ и въ домахъ дру-

гихъ Жидовъ лавки и пивницы. Возный, отряженный по этой жалобѣ въ Ковель, доносилъ, что когда онъ съ понятою шляхтою пришелъ къ воротамъ зàмка, то привратникъ ихъ въ замокъ не пустилъ. Стоя у воротъ, они слышали вопль заключенныхъ въ водяной ямѣ Жидовъ, которыхъ сосали піявки. Наконецъ вышелъ Келеметъ и сказалъ: „Развѣ пану не вольно наказывать подданныхъ своихъ не только тюрьмою или другимъ какимъ-нибудь наказаніемъ, но даже смертію? А я чтó ни дѣлаю, все дѣлаю по приказанію своего пана, его милости князя Курбскаго; потому что панъ мой, владѣя имѣніемъ Ковельскимъ и подданными, воленъ наказывать ихъ какъ хочетъ, а королю, его милости и никому другому нѣтъ до того никакого дѣла.“ Жиды владимирскіе, пришедшіе вмѣстѣ съ вознымъ, сказали на это: „Вольно пану карать своихъ подданныхъ, но только согласно съ закономъ, а ты нарушаешь наши права, подтвержденныя королевскими привилегіями.“ Келеметъ отвѣчалъ: „Я вашихъ правъ и вольностей знать не хочу“, и велѣлъ всѣмъ Жидамъ выбраться изъ города. По королевскому декрету, Курбскій долженъ былъ освободить Жидовъ, отпечатать школу ихъ, домы и лавки. Панцырный бояринъ Ковельскій, Порыдубскій, подалъ королю жалобу, что Курбскій наслалъ открытою силою слугъ, бояръ и крестьянъ своихъ на его имѣніе и на домъ, приказалъ схватить его самого и со всѣмъ семействомъ и держалъ шесть лѣтъ въ жестокомъ заключеніи, имѣніе все пограбилъ. Что касается до сопротивленія суднымъ и королевскимъ приговорамъ, то поведеніе Курбскаго и слугъ єго не составляло исключенія: въ 1582 году возный доносилъ, что когда онъ по приказанію городскаго владимирскаго уряда, ѣздилъ къ пану Красенскому, чтобъ взыскать съ него деньги въ пользу князя Курбскаго, то Красенскій въ панцырѣ, съ нѣсколькими сотнями конныхъ вооруженныхъ людей, загородилъ ему дорогу къ своему селу и сказалъ: „будемъ васъ бить и защищаться до сморти“, причемъ дѣйствительно прибилъ двоихъ слугъ Курбскаго. Король принужденъ былъ дать указъ, чтобъ старосты кременецкій, владимирскій и луцкій, ополчивъ шляхту всего воеводства Волынскаго, вооруженною рукою произвели взысканіе съ Красенскаго; но многіе шляхтичи, вмѣсто того, чтобъ исполнить королевскій указъ, присоединились къ Красенскому, который, раздѣливши вооруженныхъ людей своихъ на три отряда, самъ съ однимъ отрядомъ загородилъ

дорогу къ двумъ своимъ имѣніямъ, а жена его, Ганна, съ двумя другими отрядами, загородила дорогу къ имѣнію Красному [46].

Въ 1548 году католическій виленскій епископъ Павелъ жаловался королю, что въ его епархіи многія жены мужей своихъ покидаютъ, живутъ съ Жидами, Турками, Татарами, забывъ свое христіанство. Но подлѣ этихъ извѣстій, которыя не могутъ дать намъ выгоднаго понятія о нравственномъ состояніи въ западной Россіи въ описываемое время, встрѣчаемъ извѣстія, которыя показываютъ и дѣйствія животворнаго начала, которое будило человѣка и указывало ему высшія цѣли жизни: на дорогѣ, по которой проѣзжалъ съ пира пьяный панъ съ женою, тоже нетрезвою, оба, какъ въ пьяномъ, такъ и въ трезвомъ видѣ, не уважавшіе жизни, чести и собственности меньшихъ братій; на дорогѣ, по которой ѣхалъ панъ съ вооруженнымъ отрядомъ слугъ и крестьянъ, чтобъ напасть на имѣніе своего противника; на дорогѣ, по которой шли слуги и служанки, чтобъ сдѣлать предъ судомъ ложное показаніе или безстыдно объявить ложнымъ справедливое,—на этой же самой дорогѣ можно было встрѣтить молодаго человѣка, который, испытавъ бѣду, призналъ ее Божіимъ наказаніемъ за извѣстный грѣхъ свой, для очищенія себя отъ него предпринялъ подвигъ—идетъ пѣшкомъ собирать на церковное строеніе.

Мы видѣли нравы, образъ жизни, взаимныя отношенія пановъ западно-русскихъ; теперь войдемъ въ ихъ жилища, въ эти домы, гдѣ они пировали, ссорились и мирились. Среди обширнаго двора находился большой домъ съ большими сѣнями; изъ сѣней входъ въ свѣтлицу, въ свѣтлицѣ двери на завѣсахъ, четыре окна, столъ дубовый на ножкахъ, вокругъ четыре скамьи, печь муравленая зеленая; изъ свѣтлицы ходъ въ кладовую. Изъ тѣхъ же сѣней, на противоположной сторонѣ, входъ въ другую свѣтлицу, въ которой такая же мебель, какъ и въ первой, и ходъ въ другую кладовую; изъ тѣхъ же сѣней лѣстница наверхъ. Кромѣ большаго дома, на дворѣ еще нѣсколько строеній, свѣтлицъ съ окнами, вправленными въ олово, столами разноцвѣтными, дубовыми, липовыми, печами муравлеными зелеными, скамьями при столахъ и вокругъ свѣтлицъ, кроватями дубовыми, камельками, надъ воротами галлерея съ окнами; при описаніи панскихъ дворовъ встрѣчаемъ и старое знакомое намъ слово гридня: на дворѣ гридня большая, въ ней столъ, во-

кругъ четыре скамьи. Домъ со стороны пруда и дикаго лѣса огороженъ острогомъ [47].

Нравственное состояніе общества, со всѣми своими сторонами, свѣтлыми и темными, должно было отразиться въ памятникахъ литературныхъ. Мы видѣли, что окончательная, доведенная до крайности борьба между новымъ порядкомъ вещей и остатками старины не прошла молча. Двое потомковъ Мономаха, потомокъ старшей линіи, линіи Мстиславовой, князь Андрей Курбскій-Смоленскій-Ярославскій, и потомокъ младшей линіи, линіи Юрія Долгорукаго, Иванъ Васильевичъ московскій, царь всея Руси и самодержецъ, сразились въ послѣдной усобицѣ, въ послѣдней которѣ, сразились—словомъ. Но одна крайность борьбы, одинъ личный характеръ борцовъ не объяснятъ намъ вполнѣ явленія; надобно прибавить, что борцы эти воспитались въ словесной борьбѣ, въ преданіяхъ о ней, привыкли признавать за этою борьбою важное значеніе, привыкли уважать это новое оружіе—слово. Борьба, которая при Грозномъ оканчивалась, борьба государей московскихъ съ основанными на старинѣ притязаніями княжеско-боярскими, началась при Іоаннѣ III и тогда же была уже соединена съ литературнымъ движеніемъ; борьба Софіи Палеологъ съ Патрикѣевыми и Ряполовскими тѣсно была соединена съ церковною борьбою по поводу ереси жидовствующихъ; одною матеріальною борьбою, преслѣдованіями и казнями, дѣло не могло ограничиться: Іосифъ Волоцкій, требуя отъ правительства строгихъ мѣръ противъ еретиковъ, долженъ былъ вмѣстѣ съ этимъ написать книгу для ихъ обличенія. Враги Іосифа не оставались безмолвными: заволжскіе старцы опровергали письменно мнѣнія Волоцкаго, старецъ Вассіанъ Косой (князь Патрикѣевъ) былъ представителемъ этихъ старцевъ, считался въ Москвѣ однимъ изъ самыхъ грамотныхъ и смышленыхъ людей. Является Максимъ Грекъ—свѣтило тогдашней науки; около него собираются русскіе грамотные люди, онъ образуетъ учениковъ, въ числѣ которыхъ считаетъ себя и князь Курбскій; но около Святогорскаго старца собираются также люди, недовольные новымъ порядкомъ вещей, принесеннымъ гречанкою Софьею, движеніе литературное опять тѣсно соединено съ политическимъ; Максимъ Грекъ подвергается опалѣ вмѣстѣ съ Вассіаномъ Косымъ, ихъ врагъ—митрополитъ Даніилъ, также одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ писателей времени; въ борьбѣ политической постоянно

употребляется оружіемъ — слово. Такимъ образомъ литература политико-церковно-полемическая, которою обозначается описываемое время, явно ведетъ свое начало оттуда же, откуда начинается борьба политическая, отъ борьбы Софіи и Волоцкаго съ Патрикѣевыми и жидовствующими.

Мы уже знакомы съ произведеніями пера Іоаннова; но прежде мы преимущественно должны были обращать вниманіе на содержаніе этихъ произведеній; теперь же скажемъ нѣсколько словъ о формѣ, ибо послѣдняя также послужитъ намъ объясненіемъ характера этого знаменитаго историческаго лица, и средствъ, которыми владѣлъ Іоаннъ. По тогдашнимъ средствамъ къ умственному образованію, Іоаннъ былъ начетчикъ, самоучка, и съ нимъ случилось то же самое, что можно видѣть и теперь на подобныхъ начетчикахъ: формы языка, на которомъ читалъ онъ, формы, имѣвшія для него важное, священное значеніе, эти формы густо столпились въ его памяти, и когда онъ хотѣлъ употреблять ихъ, то, безъ изученія особенностей этихъ формъ, руководясь только одною памятью, онъ часто не могъ совладѣть съ ними, съ постройкою рѣчи, накидывалъ слова, предложенія безъ связи, бросался отъ одного предмета къ другому; не окончивши одного, начиналъ другое. Сюда же должно присоединить еще страстность Іоанна, которая препятствовала ему спокойно обдумывать то, что онъ писалъ.

Что читалъ Іоаннъ, это ясно видно изъ его писемъ: Священное Писаніе, переведенныя сочиненія Отцовъ церкви, русскія лѣтописи, хронографы, изъ которыхъ бралъ свѣдѣнія о римской и византійской исторіи; но преимущественно онъ находился подъ вліяніемъ двухъ первыхъ, такъ что посланія его наполнены мѣстами изъ Св. Писаній и сочиненій Св. Отцовъ. Талантъ Іоанна видѣнъ въ искусномъ употребленіи средствъ: въ перепискѣ съ Курбскимъ онъ ловко обращается къ религіозному чувству послѣдняго и выставляетъ ему на видъ ту сторону его поступка, противъ которой это чувство особенно должно было вопіять: „князь, зачѣмъ ты продалъ душу за тѣло; ты озлобился на меня, и душу свою погубилъ, потому что поднялъ руки на церковное разореніе. Не думаешь ли, что убережешься отъ этого? никакъ. Если ты пойдешь вмѣстѣ съ ними (Литовцами) воевать, то непремѣнно будешь церкви разорять, иконы попирать, христіанъ губить. Представь себѣ, какъ нѣжныя тѣла младенцевъ будутъ попираемы и терзаемы конскими ногами.

Такимъ образомъ, твое злобѣсное умышленіе развѣ не уподобляется Иродову неистовству, направленному противъ младенцевъ? Неужели ты назовешь это благочестіемъ? Итакъ, ты ради тѣла погубилъ душу, ради славы мимотекущія пріобрѣлъ безславіе, и не на человѣка озлобился, а на Бога возсталъ. Разумѣй, несчастный, съ какой высоты и въ какую пропасть ты низвергся душою и тѣломъ! Могутъ понять и тамъ, кто поумнѣе, что ты отъѣхалъ, желая славы мимотекущія и богатства, а не отъ смерти бѣгалъ. Если ты праведенъ и благочестивъ, то зачѣмъ испугался неповинной смерти, которая не есть смерть, но пріобрѣтеніе". Потомъ Іоаннъ словами Писанія доказываетъ, что и самый отъѣздъ Курбскаго, даже и безъ войны противъ православнаго отечества есть грѣхъ: „Зачѣмъ ты презрѣлъ апостола Павла, который говоритъ: „противящійся власти Божію повелѣнію противится". Смотри и разумѣй: кто Богу противится, тотъ называется отступникомъ, и это величайшій грѣхъ". Курбскій указываетъ на происхожденіе свое отъ святаго князя Ѳеодора Ростиславича Смоленскаго-Ярославскаго и отдаетъ свое дѣло на судъ этому предку своему. Но Іоаннъ низлагаетъ его и здѣсь: „Съ охотою принимаю въ судьи Святаго Ѳеодора Ростиславича, хотя онъ тебѣ и родственникъ: потому что кто былъ праведенъ здѣсь, въ земной жизни, тотъ тѣмъ болѣе творитъ праведное по смерти, и праведно разсудитъ онъ между нами и вами. Этотъ самый святой князь Ѳеодоръ исцѣлилъ царицу нашу Анастасію, которую вы уподобляли Евдокіи: ясно, что онъ не вамъ, но намъ недостойнымъ милость свою простираетъ; такъ и теперь надѣемся, что онъ будетъ помогать болѣе намъ, чѣмъ вамъ. Еслибъ вы были чада Авраамля, то творили бы дѣла Авраамля: можетъ Богъ и отъ камней воздвигнуть чадъ Аврааму; не всѣ происходящіе отъ Авраама къ сѣмени Авраамову причитаются, но живущіе въ вѣрѣ Авраамовой. Ты пишешь, что хочешь письмо свое въ гробъ съ собою положить: значитъ ты отложилъ уже и послѣднее свое христіанство. Господь повелѣлъ не противиться злу; а ты и конечное прощеніе отвергаешь: такъ не слѣдуетъ тебя и погребать похристіански". Изъ Св. Писанія заимствуетъ Іоаннъ уподобленія свои: „Ради временной славы (пишетъ онъ къ Курбскому), и сребролюбія, и сладости міра сего, ты все свое благочестіе душевное съ христіанскою вѣрою и закономъ попралъ; ты уподобился сѣмени, падающему на камень и выросшему при жарѣ солнечномъ, но вдругъ

ради слова ложнаго ты соблазнился, отпалъ и плода не сотворилъ".

Понятно, что при томъ недостаточномъ состояніи просвѣщенія, въ какомъ находилось русское общество въ описываемое время, грамотѣй, начетчикъ тѣмъ большимъ пользовался уваженіемъ, чѣмъ больше выказывалъ свою ученость, начитанность въ рѣчахъ и посланіяхъ: понятно, что Іоаннъ любилъ выказывать свою ученость, помѣщая въ письмахъ своихъ обширныя историческія выписки: любятъ обыкновенно хвастаться тѣмъ что̀ рѣдко и ново; толпа увлекается количествомъ, обиліемъ; законность вопроса о приличіи, о мѣрѣ признается еще очень немногими, умственно возмужалыми; Іоаннъ же по природѣ своей не могъ принадлежать къ этимъ немногимъ, ибо менѣе другихъ былъ способенъ удовлетворять требованіямъ приличія и мѣры. Плодовитость рѣчи, неумѣнье сдержаться, умѣрить себя, проистекая вообще отъ страстности его природы, зависѣли также болѣе или менѣе и отъ особеннаго состоянія его духа: такъ первое посланіе къ Курбскому, написанное въ сильномъ волненіи и гнѣвѣ, отличается особеннымъ многорѣчіемъ; второе посланіе кратко: между другими причинами этой краткости нельзя не признать и ту, что второе посланіе написано при большемъ спокойствіи духа, при большемъ довольствѣ своимъ положеніемъ, отъ военныхъ удачъ происшедшимъ.

Болѣзненное нравственное состояніе въ Іоаннѣ всего болѣе выражается въ этой насмѣшливости, въ этомъ желаніи поймать человѣка на словѣ, поставить его въ трудное положеніе и наслаждаться этимъ, въ отсутствіи уваженія, снисхожденія къ несчастному положенію человѣка, въ желаніи не утѣшить человѣка въ бѣдѣ, но возложить на него вину бѣды, показать ему, что онъ не имѣетъ права жаловаться. Неудивительно, что онъ не щадитъ въ своихъ насмѣшкахъ Курбскаго: „Писалъ ты себѣ въ досаду, отвѣчаетъ онъ ему, что мы тебя въ дальніе города, какъ бы въ опалѣ держа, посылали: теперь мы, по волѣ Божіей, и дальше твоихъ далекихъ городовъ прошли, и кони наши переѣхали всѣ ваши дороги изъ Литвы и въ Литву, и пѣши мы ходили и воду во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ пили; такъ теперь уже нельзя говорить, что не вездѣ коня нашего ноги были. И гдѣ ты хотѣлъ успокоиться отъ всѣхъ трудовъ твоихъ, въ Вольмарѣ, и тутъ на покой твой Богъ насъ принесъ; и гдѣ ты думалъ, что ушелъ, а мы тутъ, по волѣ Бо-

жіей, догнали. И ты дальше поѣхалъ". Неудивительно, что Іоаннъ находилъ удовольствіе злить крымскаго хана, напоминая ему о не кстати высказанномъ порывѣ безкорыстія: „Зачѣмъ ты просишь у меня подарковъ? вѣдь ты писалъ, что всѣ богатства міра для тебя съ прахомъ равны?" Но вотъ одинъ изъ самыхъ приближенныхъ и усердныхъ новыхъ слугъ Ивана, возвышенный царемъ вслѣдствіе нерасположенія къ людямъ болѣе родовитымъ, Василій Грязной, попался въ плѣнъ къ крымскимъ Татарамъ; къ этому Грязному царь писалъ: „Ты писалъ, что по грѣхамъ взяли тебя въ плѣнъ: такъ надобно было тебѣ, Васюшка, безъ пути средь крымскихъ улусовъ не заѣзжать; а если заѣхалъ, такъ надобно было спать не по объѣздному. Ты думалъ, что въ объѣздъ пріѣхалъ съ собаками за зайцами: но Крымцы самого тебя въ торокъ завязали. Или ты думалъ, что такъ же и въ Крыму, какъ у меня стоя за кушаньемъ шутить? Крымцы такъ не спятъ, какъ вы, и умѣютъ васъ, нѣжонокъ, ловить. Только бы такіе Крымцы были, какъ вы, жонки, такъ имъ бы и за рѣку не бывать, не только что въ Москвѣ. Ты сказываешься великимъ человѣкомъ: правда, что грѣха таить? отца нашего и наши бояре стали намъ измѣнять, и мы васъ, мужиковъ, къ себѣ приблизили, надѣясь отъ васъ службы и правды. А помянулъ бы ты свое и отцовское величество въ Алексинѣ: такіе и въ станицахъ ѣзжали; ты самъ въ станицѣ у Пенинскаго былъ мало что не въ охотникахъ съ собаками, а предки твои у ростовскихъ владыкъ служили; мы не запираемся, что ты у насъ въ приближеньи былъ, и мы для твоего приближенья тысячи двѣ рублей за тебя дадимъ, а до этихъ поръ такіе, какъ ты, по 50 рублей бывали"[48].

Мы видѣли, что Іоаннъ, словесной премудрости риторъ, любилъ устно, въ отвѣтахъ посламъ, выказывать обиліе и красоту своей рѣчи. Отъ спора съ Поссевиномъ онъ уклонялся и потому, что опасался оказаться несостоятельнымъ предъ ученымъ іезуитомъ, и потому, что опасался, говоря противъ католицизма, оскорбить главу католическаго міра. Но дошло до насъ извѣстіе о спорѣ его съ протестантомъ Рогитою, гдѣ онъ уже не боялся никого оскорбить: „Говорилъ я тебѣ прежде и теперь повторяю (началъ Іоаннъ), что не хочу я съ тобой вести спора потому, тебѣ хочется только разузнать наши мнѣнія, а не согласиться съ нами. Итакъ должно поступить по заповѣди Господней: не давайте святыни псамъ, не

бросайте бисера предъ свиньями. Прежде скажу, объ учителѣ вашемъ Лютерѣ, который и по жизни, и по имени своему былъ л ю т ъ" [49], и проч. Надобно замѣтить, что въ это время вездѣ, и въ западной Европѣ, и въ ближайшей Литвѣ, въ ожесточенныхъ спорахъ или, лучше сказать, перебранкахъ политическихъ и религіозныхъ, не соблюдали никакихъ приличій, и любили, особенно по сходству звуковъ, давать смѣшное и обидное значеніе имени противника; такъ въ Литвѣ доставалось отъ католиковъ имени знаменитаго протестантскаго борца—Волана [50]; въ Германіи Мюнцеръ называлъ Лютера докторъ Люгнеръ, а нашъ Грозный нашелъ еще ближайшее созвучіе. Что словопроизводства были въ ходу, видно также изъ другихъ извѣстій: разсказываютъ, что Грозный одно время ласкалъ очень Нѣмцевъ; это понятно и потому, что онъ хотѣлъ привязать къ себѣ Ливонцевъ, и потому, что подозрѣвалъ своихъ Русскихъ, и потому, что хотѣлъ оправдать собственное поведеніе недостоинствомъ послѣднихъ. Онъ хвалился своимъ нѣмецкимъ происхожденіемъ именно отъ герцоговъ баварскихъ, и въ доказательство этому приводилъ названіе: б о я р с, гдѣ слышалось ему слово Baiern [51]. Флетчеръ разсказываетъ, что однажды царь, отдавая золотыхъ дѣлъ мастеру, Англичанину, слитки золота для сдѣланія изъ нихъ посуды, велѣлъ хорошенько смотрѣть за вѣсомъ, прибавя: „Русскіе мои всѣ воры". Англичанинъ улыбнулся и, спрошенный о причинѣ улыбки, отвѣчалъ: „Ваше величество забыли, что вы сами Русскій".—„Я не Русскій, отвѣчалъ царь: предки мои Германцы" [52].

Письма Курбскаго относительно изложенія носятъ иной характеръ, чѣмъ письма къ нему Іоанновы, по разнымъ причинамъ. Во-первыхъ, Іоаннъ былъ начетчикъ, самоучка; Курбскій былъ ученикомъ Максима Грека, и поэтому долженъ былъ имѣть уже другія высшія понятія о риторствѣ въ словесной премудрости, долженъ былъ пріобрѣсти большое умѣнье разбираться въ словесномъ матеріалѣ и давать своей рѣчи бо́льшую стройность. Въ отвѣтѣ Іоанну Курбскій укоряетъ его за неприличное многословіе, за нестройность рѣчи, за слишкомъ обширныя выписки изъ Св. Писанія и отеческихъ твореній: „Широковѣщательное и многошумящее твое писаніе я получилъ, выразумѣлъ и понялъ, что оно отрыгнуто отъ неукротимаго гнѣва съ ядовитыми словами, что̀ не только царю, столь великому и во вселенной славимому, но и простому

убогому воину было бы неприлично; особенно въ немъ много изъ священныхъ писаній нахватано, и приведены эти слова со многою яростію и лютостію, не строками и не стихами, какъ обычай искуснымъ и ученымъ, которые въ краткихъ словахъ многій разумъ замыкаютъ, но сверхъ всякой мѣры и перепутанно, цѣлыми книгами, и паремьями, и посланіями! Тутъ же говорится и о постеляхъ, и о тѣлогрѣяхъ, и о всякой всячинѣ, точно басни бабъ неистовыхъ, и такъ все варварски, что не только ученымъ и искуснымъ мужамъ, но и простымъ, даже дѣтямъ въ удивленіе и смѣхъ, особенно въ чужой землѣ, гдѣ находятся люди, не только въ грамматическихъ и риторскихъ, но и въ діалектическихъ и философскихъ ученіяхъ искусные.“ Дѣйствительно, если сравнимъ по формѣ письма Іоанна съ письмами Курбскаго, то не можемъ не отдать преимущества послѣднему; вотъ напримѣръ начало одного изъ писемъ его къ царю: „Если пророки плакали и рыдали о градѣ Іерусалимѣ и о церкви преукрашенной, изъ камня прекраснѣйшаго созданной и о гибели живущихъ въ немъ: то какъ намъ не восплакать о разореніи града Бога живаго, или церкви твоей тѣлесной, которую создалъ Господь, а не человѣкъ, въ которой нѣкогда Духъ Святый пребывалъ, которая послѣ прехвальнаго покаянія была вычищена и чистыми слезами измыта, отъ которой чистая молитва, какъ благоуханное миро, или ѳиміамъ, ко престолу Господню восходила, въ которой, на твердомъ основаніи правовѣрной вѣры, благочестивыя дѣла созидались, и въ этой церкви царская душа, какъ голубица съ посеребренными крылами блисталась, честнѣе и свѣтлѣе золота, благодатію Духа Святаго преукрашенная дѣлами, укрѣпленная и освѣщенная тѣломъ и кровію Христовою. Такова твоя прежде бывала церковь тѣлесная!“.

Большей стройности, большему изяществу и спокойствію рѣчи Курбскаго содѣйствовало еще то, что онъ былъ способнѣе сохранять спокойствіе, не былъ такъ раздражителенъ и страстенъ, не былъ такъ испорченъ въ молодости, какъ Грозный. Наконецъ на форму рѣчи Курбскаго должно было имѣть сильное вліяніе то положеніе, въ которомъ онъ явился писателемъ, положеніе изгнанника. Чувство ненависти къ гонителю, побуждавшее его къ рѣчи гнѣвной, умѣрялось другимъ чувствомъ, чувствомъ глубокой скорби о потерѣ отечества, о безотрадности положенія своего. Это особенно ощутительно въ первомъ посланіи, которое состоитъ изъ

одного болѣзненнаго вопля: „Зачѣмъ о царь! ты побилъ сильныхъ во Израили, и воеводъ, отъ Бога тебѣ данныхъ, различнымъ смертямъ предалъ, и побѣдоносную и святую кровь ихъ въ церквахъ Божіихъ и на торжествахъ владычныхъ пролилъ, и мученическою кровью ихъ праги церковные обагрилъ! на доброхотовъ твоихъ, душу за тебя полагающихъ, неслыханныя мученья, гоненія и смерти умыслилъ, измѣнами, чародѣйствами и другими неподобными поступками облыгая православныхъ, стараясь усердно свѣтъ въ тьму преложить и сладкое прозвать горькимъ? Чѣмъ провинились они предъ тобою, о царь! или чѣмъ прогнѣвали тебя, христіанскій предстатель! Не прегордыя ли царства храбростію своею разорили и сдѣлали тебѣ подручниками тѣхъ, у которыхъ прежде въ рабствѣ были праотцы наши? Не претвердые ли города германскіе тщаніемъ разума ихъ отъ Бога тебѣ даны были? И вотъ твое намъ воздаяніе за это: всеродно губишь насъ! Или думаешь, что ты безсмертенъ; или прельщенъ ересію и думаешь, что не будетъ суда Іисусова? Онъ, Христосъ мой, сѣдящій на престолѣ херувимскомъ, судья между тобою и мною. Какого зла и гоненія отъ тебя я не потерпѣлъ? какихъ бѣдъ и напастей на меня ты не воздвигнулъ? какихъ лжесплетеній презлыхъ на меня не взвелъ? Приключившіяся мнѣ отъ тебя различныя бѣды по порядку, за множествомъ ихъ, не могу теперь исчислить: потому что объятъ еще горестію души моей. Но скажу все вмѣстѣ: всего я лишенъ и отъ земли Божіей понапрасну отогнанъ!“

Мы уже упоминали въ своемъ мѣстѣ о значеніи „Исторіи князя великаго Московскаго“, написанной Курбскимъ въ изгнаніи. О цѣли исторіи вообще авторъ разсуждаетъ здѣсь такъ: „Славныя дѣла великихъ мужей мудрыми людьми въ исторіяхъ для того описаны, да ревнуютъ имъ грядущія поколѣнія; а презлыхъ и лукавыхъ пагубныя и скверныя дѣла для того написаны, чтобъ остерегались ихъ люди какъ смертоноснаго яда или повѣтрія, не только тѣлеснаго, но и душевнаго“. Какъ одинъ изъ главныхъ участниковъ событія, Курбскій подробно описываетъ взятіе Казани; любопытно посмотрѣть, какъ онъ понимаетъ значеніе этого событія: „Съ помощію Божіею противъ супостатовъ возмогло воинство христіанское. И противъ какихъ супостатовъ? противъ великаго и грознаго измаильтянскаго языка, котораго нѣкогда вся вселенная трепетала, и не только трепетала, но и опустошена была; и не противъ одного

царя воинство христіанское ополчилось, но заразъ противъ трехъ великихъ и сильныхъ, то-есть противъ перекопскаго царя, казанскаго и противъ княжатъ нагайскихъ. Съ помощію Христа Бога съ этого времени отражало оно нападенія всѣхъ троихъ и преславными побѣдами украшалось, и въ небольшое число лѣтъ предѣлы христіанскіе расширились: гдѣ прежде въ опустошенныхъ краяхъ русскихъ были зимовища татарскія, тамъ города сооружались; и не только кони русскихъ сыновъ изъ текущихъ въ Азіи рѣкъ напились, но и города тамъ поставились".—Принадлежа къ самымъ грамотнымъ людямъ восточной и западной Россіи, Курбскій не упускалъ случая хвалить грамотность и краснорѣчіе въ другихъ; такъ, говоря о князѣ Иванѣ Бѣльскомъ, прибавляетъ: „Онъ былъ не только мужественъ, но и разуменъ, и въ священныхъ писаніяхъ нѣсколько искусенъ". О плѣнномъ ливонскомъ ландмаршалѣ, Филиппѣ Беллѣ, говоритъ: „Былъ онъ мужъ не только мужественный и храбрый, но и словества полонъ, острый разумъ и добрую память имущій".

Курбскій былъ ученикъ Максима Грека и вмѣстѣ ревностный хранитель Патрикѣевскихъ преданій. Поэтому не удивительно встрѣтить у него такой отзывъ о Вассіанѣ Косомъ: „оставя мірскую славу, онъ въ пустыню вселился и препровождалъ строгое и святое житіе подобно великому и славному древнему Антонію, и чтобъ не обвинилъ меня кто въ дерзости, Іоанну Крестителю ревностію уподобился, потому что и тотъ законопреступный бракъ царю возбранялъ". О Максимѣ Грекѣ, по поводу посѣщенія его царемъ, Курбскій отзывается такъ: „Максимъ преподобный, мужъ очень мудрый, и не только въ риторскомъ искусствѣ сильный, но и философъ искусный, старостію умащенный, терпѣніемъ исповѣдническимъ украшенный". Курбскій находился въ тѣсной связи съ извѣстнымъ Артеміемъ, игуменомъ Троицкимъ, который, по его словамъ, былъ совершенно невиненъ въ неправославныхъ мнѣніяхъ. Наши церковные источники того мнѣнія, что Артемій былъ не совсѣмъ правъ предъ соборомъ; былъ ли совершенно правъ Курбскій въ своихъ мнѣніяхъ, въ какой степени на правоту его мнѣній имѣло вліяніе сочувствіе ко врагамъ автора Просвѣтителя и всѣхъ Осифлянъ—мы не знаемъ; но извѣстно то, что въ Литвѣ Курбскій явился самымъ ревностнымъ защитникомъ православія какъ противъ католицизма, такъ особенно противъ протестантизма. Понятно, что самое

изгнаніе, самая тоска по землѣ Сваторусской, какъ онъ выражается, могли усилить это усердіе къ вѣрѣ, которая больше всего связывала его съ потеряннымъ отечествомъ, которая одна въ Литвѣ заставляла его думать, что онъ не совершенно на чужбинѣ; понятно, что страдая тоскою по землѣ Святорусской, Курбскій сталъ такъ усерденъ къ поддержанію того исповѣданія, которое въ Литвѣ называлось русскимъ. Курбскій испыталъ то, о чемъ говоритъ поэтъ: „родина—что́ здоровье: тогда только узнаешь имъ полную цѣну, когда потеряешь". Въ пылу гнѣва Курбскій назоветъ иногда отечество не благороднымъ, но тутъ же невольно выразитъ тоску объ изгнаніи изъ земли любимаго отечества.

Въ исторіи князя великаго московскаго Курбскій, при всякомъ удобномъ случаѣ, выражаетъ свое сильное нерасположеніе къ протестантизму. Такъ принятію протестантизма приписываетъ онъ паденіе Ливоніи. Разсказавши о взятіи Нарвы Русскими, Курбскій прибавляетъ: „Вотъ мзда ругателямъ, которые уподобляютъ Христовъ образъ, по плоти написанный, и образъ Матери Его болванамъ поганскихъ боговъ! Вотъ иконамахамъ воздаяніе! Воистину знаменіе суда прежде суда на нихъ было изъявлено, да прочіе убоятся не хулить святыни". Упадокъ воинственнаго духа у Поляковъ и Литовцевъ Курбскій приписываетъ также распространенію между ними лютеранскихъ ересей: „Когда путь Господень оставили и вѣру церковную отринули, ринулись въ пространный и широкій путь, тоесть въ пропасть ереси лютерскія и другихъ различныхъ сектъ, особенно самые богатые ихъ вельможи: тогда и приключилось имъ это".

Переводя съ латинскаго языка на славянскій бесѣду Іоанна Златоустаго о вѣрѣ, надеждѣ и любви, Курбскій послалъ свой трудъ князю Константину Острожскому, а тотъ отдалъ его для перевода на польскій языкъ человѣку неправославному. Курбскій разсердился и писалъ князю Острожскому: „Не знаю, какъ это случилось, что вы отдали мой переводъ на испытаніе человѣку, не только въ наукахъ неискусному, но и грамматическихъ чиновъ отнюдь невѣдущему, къ тому еще и скверныхъ словъ исполненному, стыда не имущему, глаголы священныхъ писаній нечисто отрыгающему: потому что я самъ изъ устъ его слышалъ искаженіе словъ апостола Павла. Ты пишешь, что отдалъ перевести на польскій языкъ: вѣрь мнѣ, что еслибы множество ученыхъ сошлись и стали ломать славянскаго языка чины грамматическіе, перелагая въ польскую барбарію,

то въ точности изложить не смогли бы". При сильномъ движеніи и разгоряченіи страстей, какъ было тогда въ Литвѣ по случаю явленія новыхъ ученій, Курбскій не могъ избѣжать горячихъ споровъ съ ревнителями послѣднихъ. Такой споръ онъ имѣлъ у князя Корецкаго съ паномъ Чапліемъ, послѣдователемъ извѣстныхъ намъ московскихъ еретиковъ—Өеодосія Косаго и товарища его Игнатія. Споръ, какъ видно изъ словъ Курбскаго, кончился сильнымъ возвышеніемъ голоса со стороны Чаплія, причемъ Курбскій, видя, что дѣйствуетъ страсть, а не разсудокъ, не сталъ отвѣчать. Но Чаплій не оставилъ его въ покоѣ и прислалъ письменное изложеніе своего ученія. Курбскій отвѣчалъ, что его нечего учить, съ молоду Священному Писанію наученнаго; какъ апостолы и ученики ихъ не требовали толкованій отъ древнихъ еретиковъ, такъ и онъ, Курбскій, не требуетъ толкованій Меланхтона, Лютера и учениковъ его, Цвинглія и Кальвина и прочихъ, которые еще и при жизни его съ нимъ не соглашались; имъ послѣдуютъ теперь и панъ Өеодосій и панъ Игнатій, не ради ученій, а ради паней своихъ. „Ты пишешь, продолжаетъ Курбскій, чтобъ я написалъ тебѣ о Лютерѣ, почему я называлъ его лжепророкомъ; но я уже тебѣ пространно говорилъ, что онъ не только презрѣлъ святыхъ всѣхъ, но многихъ книгъ ветхаго завѣта и апостольскихъ писаній нѣкоторыхъ не принимаетъ. Ты забылъ или хочешь выманить у меня сочиненіе какое-нибудь и дать пану Игнатію на поруганіе нашей церкви Божіей? Нѣтъ, это тебѣ не удастся: мы остережемся, по слову Господню, повергать святыню псамъ". Протестанты любили выставлять на видъ богатство епископовъ и монаховъ; Курбскій отвѣчалъ Чаплію: „Что касается до епископовъ богатыхъ и монаховъ любостяжательныхъ, которымъ предки наши дали имѣнія не для корысти, а для страннопріимства, на милостыни убогимъ и на боголѣпіе церковное — какъ они распоряжаются этими имѣніями, судитъ ихъ Богъ, а не я, потому что у меня самого бремя грѣховъ тяжкое. Мы не о такихъ говоримъ, а объ истинныхъ, апостолоподобныхъ епископахъ и монахахъ нестяжательныхъ, которыхъ Лютеръ вмѣстѣ смѣшалъ съ нынѣшними законопреступниками, похулилъ и уставы ихъ отвергнулъ, какъ ваша милость отвергла Дамаскина. Хулишь его, думаю не читавши, по чужимъ словамъ, потому что книга не переведена на славянскій языкъ, а хотя часть нѣкоторая и переведена, только такъ дурно, что понять нельзя; а у Грековъ

и Латиновъ вся есть. Но ваша милость и учитель твой, панъ Игнатій, не только по-гречески, но и по-латыни, думаю, не умѣете, только хулить и браниться искусны". Сильно обрадовался Курбскій когда одинъ изъ молодыхъ шляхтичей, Бокей Печихвостовскій, обратился изъ протестантизма снова въ православіе: два увѣщательныхъ письма писалъ онъ ему, чтобъ пребывалъ твердо на новомъ истинномъ пути.

Но во времена Курбскаго не противъ одного протестантизма нужно было ратовать защитнику православія: уже послѣдовало и католическое, іезуитское, противодѣйствіе, болѣе опасное чѣмъ раздѣленный протестантизмъ. Курбскій писалъ виленскому бурмистру, Кузьмѣ Мамоничу: „Слышалъ я отъ многихъ людей достойныхъ объ этомъ іезуитѣ, который отрыгалъ много ядовитыхъ силлогизмовъ на святую вѣру нашу, называя насъ схизматиками, тогда какъ сами они совершенные схизматики, напившіеся отъ мутныхъ источниковъ, истекающихъ отъ новомудренныхъ ихъ папъ. Но объ этомъ, Богъ дастъ, будемъ пространнѣе бесѣдовать не только съ своимъ, но, если случится, и съ ними; а теперь одно припомяну, чѣмъ они нашихъ несовершенныхъ въ писаніяхъ устрашаютъ, говоря: кто не повинуется папѣ, тотъ не спасется. Это ложное ихъ страшилище обличится; а теперь совѣтуйте нашимъ, чтобъ безъ православныхъ ученыхъ не сражались съ ними, не ходили бы къ нимъ на проповѣди. Не стыдятся они правовѣрныхъ, въ седмостолпныхъ догматахъ стоящихъ, ругать и срамить, съ еретиками смѣшивать, Лютеранами, Цвингліанами, Кальвинистами, и отводить отъ правовѣрія къ полувѣрію, къ новомысленной и хромой ѳеологіи отъ истиннаго богословія. Похвально словесности навыкать и дѣйствовать, чтобъ правду оборонять; а они, смѣшавши елокуцію съ діалектическими софизмами и придавъ къ тому пронунціацію, на правовѣрныхъ обращаютъ, истину стараются разорить ораторскими штуками, похлѣбствуя папѣ своему, превознося грознаго вельможнаго епископа, оружіемъ препоясаннаго и полки воиновъ водящаго, и хуля нашихъ патріарховъ, убогихъ и нищихъ, смиренномудріемъ Христовымъ украшенныхъ, между безбожными Турками мученически терпящихъ и благочестія догматы невредимо соблюдающихъ. Въ другомъ письмѣ къ тому же Мамоничу Курбскій пишетъ: „О злохитростяхъ іезуитскихъ я уже тебѣ писалъ: не ужасайтесь софизмовъ ихъ, но стойте только въ православной вѣрѣ крѣпко. Злохитро-

стями своими супостаты не изгубятъ восточныхъ церквей! Что опи выдали противъ нашей церкви? Книжки своими силлогизмами поганскими изукрашенныя, софистически превращая и растлѣвая апостольскую ѳеологію? Но вотъ, по Божіей благодати, подана намъ книга отъ Святой Горы, точно самою рукою Божіею принесена ради простоты и глубокаго неискусства церковниковъ русскихъ церквей, не говорю—по лѣности и обжорству нашихъ епископовъ. Объ этой книгѣ я уже тебѣ говорилъ, что князь Константинъ Острожскій далъ переписать пану Гарабурдѣ и мнѣ. Въ этой книгѣ не теперешнія дудки ихъ и пищульки, но всѣ силлогизмы, папою и всѣми кардиналами и наилучшимъ ихъ ѳеологомъ Ѳомою (Аквинскимъ) на апостольскую ѳеологію восточныхъ церквей отрыгнутые, опровергнуты боговидными мужами, Григоріемъ и Ниломъ, митрополитами солунскими. Я совѣтую вамъ письмо мое это прочесть всему собору виленскому, да возревнуютъ ревностію Божіею по праотеческомъ родномъ своемъ правовѣріи, да наймутъ писаря добраго, и переписавши книгу, да читаютъ ее трезво, отлучившись отъ пьянства: въ ней готовые отвѣты блаженныхъ тѣхъ мужей. А если будемъ растянувшись лежать въ давнообычномъ пьянствѣ, тогда не только паны іезуиты и пресвитеры римской церкви, сильные въ Священномъ Писаніи, силлогизмами и софизмами погански могутъ васъ растерзать лежащихъ, но и дрянные звѣрки, то-есть новоявленные еретики, могутъ васъ растерзать и развести каждый въ свою нору. Итакъ, не унывайте, не отчаявайтесь, не ужасайтесь софизмовъ; но выберите одного изъ пресвитеровъ, или хотя изъ простыхъ людей, словеснаго и въ писаніяхъ искуснаго, и принявъ ту книгу въ руки, противьтесь этимъ непреоборимымъ оружіемъ".

Княгиня Чарторыйская писала къ Курбскому, что сынъ ея въ страхѣ Божіемъ и правовѣріи праотеческомъ утвержденъ, имѣетъ охоту къ Священному Писанію, и что она хочетъ послать его въ Вильпу учиться, къ іезуитамъ. Курбскій отвѣчалъ: „Намѣреніе твое похвально; но, какъ слуга и пріятель твой, я не хочу отъ тебя утаить, что многіе родители отдали дѣтей своихъ іезуитамъ учиться свободнымъ наукамъ: но они, не науча, прежде всего отлучили ихъ отъ правовѣрія, какъ сыновей князя Коршинскаго и другихъ. Впрочемъ Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустый ѣздили учиться въ Аѳины къ поганскимъ философамъ, а правости душевной и праотеческаго правовѣрія не лишились. Я остав-

ляю это дѣло на мудрое разсужденіе вашей милости и пріятелей твоихъ".

Другой знаменитый ревнитель по православіи, князь Константинъ Острожскій считалъ позволительнымъ низлагать враговъ православія однихъ другими, пользоваться сочиненіями протестантовъ противъ іезуитовъ. Курбскій не раздѣлялъ этого мнѣнія: когда однажды Острожскій прислалъ ему книгу іезуита Скарги и письмо аріанина Мотовила, противъ нея направленное, то Курбскій отвѣчалъ: „Кто слыхалъ отъ вѣка, или въ какихъ хроникахъ писано, чтобъ волка-растерзателя къ стаду овецъ на пажить призывать? гдѣ слыхано, чтобъ христіанинъ правовѣрный отъ аріанина Христоненавистнаго услаждался епистоліями, или принималъ отъ него писанія на помощь церкви Христа Бога?" Когда въ другой разъ Острожскій прислалъ Курбскому книгу Мотовила противъ іезуитовъ, то онъ отвѣчалъ: „Ваша милость прислалъ мнѣ книгу, сыномъ дьявольскимъ написанную, антихристовымъ помощникомъ сочиненную! Мнѣ христіанину правовѣрному, брату своему присяжному, ваша милость эту книгу вмѣсто поминка шлетъ? О бѣда, плача достойная! О нужда окаяннѣйшая! Въ такую дерзость и стултицію (глупость) начальники христіанскіе впали, что не только ядовитыхъ драконовъ въ домахъ своихъ питать и держать не стыдятся, но и за оборонителей и помощниковъ ихъ себѣ почитаютъ! И что̀ еще дивнѣе: церковь Божію оборонять имъ приказываютъ и книги противъ полувѣрныхъ Латинъ писать имъ повелѣваютъ!" Причину такого поведенія князя Острожскаго Курбскій полагаетъ въ лѣности и нерадѣніи, въ нежеланіи самому заняться изученіемъ Св. Писанія: „Отъ лѣности все это намъ приключается, отъ нежеланія читать Св. Писанія; я объ этомъ тебѣ много и на словахъ докучалъ, чтобъ ты читалъ его часто, хотя понемногу, и не перестану тебѣ докучать до самой смерти своей (потому что очень люблю тебя), пока не увижу, что ты приложишь объ этомъ большее стараніе".

Религіозная дѣятельность Курбскаго не ограничивалась сословнымъ кругомъ: мы видѣли, что онъ обращался съ своими увѣщаніями къ Мамоничу и всѣмъ виленскимъ горожанамъ православнаго исповѣданія; находимъ между письмами его и письмо къ Семену Сѣдельнику, горожанину львовскому, котораго называетъ превозлюбленнымъ братомъ, правовѣріемъ украшеннымъ. Въ отвѣтъ на

вопросъ Семена о чистилищѣ Курбскій послалъ ему переведенное имъ съ латинскаго толкованіе Златоустаго на Апостола Павла: „Прими этотъ мой подарокъ духовный, пишетъ Курбскій Семену, внимательно читай и услаждайся съ правовѣрными восточныхъ церквей, а схизматикамъ не показывай и не спорь съ ними. Навѣсти меня, и тогда побесѣдуемъ, какъ подобно съ ними поступать, чтобъ не могли противиться правдѣ: у нихъ вѣдь обычай очень искусными силлогизмами поганскихъ философовъ, смѣшавшихъ ихъ съ упорностію своею, истинѣ Евангельской сопротивляться; особенно нападаютъ на такихъ, которые хотя оружіе отъ Священнаго Писанія имѣютъ, но дѣйствовать имъ не умѣютъ, сопротивляться врагамъ не искусны".

Курбскій не разъ говоритъ объ этомъ неискусствѣ русскихъ людей дѣйствовать духовнымъ оружіемъ и объ искусствѣ враговъ ихъ въ этомъ дѣлѣ, не разъ отклоняетъ своихъ собратій по вѣрѣ отъ опасныхъ споровъ съ ловкими іезуитами. Ясно понимая недостаточность средствъ къ борьбѣ, разумѣется, онъ всѣми силами долженъ былъ стараться о ихъ пріобрѣтеніи, о пріобрѣтеніи книгъ, доступныхъ по языку своему большинству православныхъ. Для этого нужно было переводить книги Св. Отцовъ восточной церкви; какъ хлопоталъ Курбскій объ этомъ переводѣ, всего лучше видно изъ письма его къ Марку, ученику извѣстнаго намъ Артемія; по всѣмъ вѣроятностямъ, это Маркъ Сарыгозинъ, извѣстный также намъ московскій отъѣзжикъ. Курбскій говоритъ въ этомъ письмѣ, что Артемій, находясь уже въ Литвѣ, просилъ его купить всѣ сочиненія Василія Великаго и добыть такого человѣка, который бы могъ перевести ихъ съ греческаго или латинскаго языка. Курбскій сказалъ ему на это: „если я и добуду человѣка, знающаго по-гречески и по-латыни, то по-славянски не будетъ умѣть". Артемій отвѣчалъ: „Хотя я и старъ, но пѣшкомъ приду изъ Луцка туда, гдѣ мнѣ укажешь, и буду помогать въ переводѣ". „Я, продолжаетъ Курбскій въ письмѣ, услыхавши это изъ устъ преподобнаго, не только началъ отыскивать переводчика, но самъ, будучи уже въ сѣдинахъ, не мало лѣтъ провелъ, учась языку латинскому съ большимъ трудомъ; умоливъ и благороднаго юношу, брата моего князя Михаила Оболенскаго (также отъѣзжика), чтобы онъ изучилъ высшія науки на языкѣ римскомъ; онъ послушался меня и три года провелъ въ Краковской школѣ, и потомъ для усовершенство-

ванія въ наукахъ въ Италію поѣхалъ, оставя домъ, жену и дѣтей, и пробылъ тамъ два года; теперь возвратился здоровъ и въ праотеческомъ благочестіи невредимъ, какъ корабль, преисполненный дорогихъ корыстей. Я же купилъ не только всѣ сочиненія Василія Великаго, но и другихъ нѣкоторыхъ учителей нашихъ: Златоуста, Григорія Богослова, Кирилла Александрійскаго, Іоанна Дамаскина и хронику, съ новогреческаго на латинскій переведенную, очень потребную и премудрую: написана она Никифоромъ Каллистомъ. Союза ради любовнаго Христа нашего, такъ и раба его, старца твоего, а моего отца, святаго преподобнаго Артемія, яви любовь къ единоплеменной Россіи, ко всему славянскому языку! Не полѣнись пріѣхать къ намъ на нѣсколько мѣсяцевъ на помощь нашей грубости и неискуству, потому что мы не умѣемъ въ совершенствѣ владѣть славянскимъ языкомъ, какъ ты и князь Оболенскій, и потому боюсь пуститься одинъ безъ помощи на такое великое и достохвальное дѣло. Посылаю тебѣ предисловійце одной книги нашего перевода, не затѣмъ, чтобъ величаться или потщеславиться этимъ, но для показанія недостатка и невѣжества нашего; искалъ я себѣ помощи, обращался туда и сюда, и нигдѣ не нашелъ. Если Богъ тебя принесетъ къ намъ, то я бы сѣлъ съ однимъ баккалавромъ за книгу Павловыхъ посланій, протолкованныхъ Златоустомъ, а ваша бы милость сѣлъ за другую книгу съ княземъ Михаиломъ. Посылаю къ вашей милости въ подарокъ духовный одну рѣчь Григорія Богослова и слово Василія Великаго нашего перевода.“ Предисловіе къ переводу своему словъ Златоустовыхъ, который онъ называетъ, Новымъ Маргаритомъ, Курбскій начинаетъ жалобами на свое несчастное положеніе, на изгнаніе безъ правды, пребываніе въ странствіи между людьми тяжелыми и негостепріимными, притомъ въ ересяхъ различныхъ развращенными, тогда какъ въ отечествѣ огонь мучительства прелютый горитъ: „Слыша это, объятъ я жалостію и стѣсняемъ отовсюду уныніемъ, съѣдаютъ нестерпимыя бѣды, какъ моль, сердце мое. Обращаюсь въ скорбяхъ къ Господу и утѣшаюсь въ книжныхъ дѣлахъ, изучая разумы древнихъ высочайшихъ мужей. Прочелъ Аристотеля. Часто обращался и читалъ родное мое Священное Писаніе, которымъ праотцы мои были по душѣ воспитаны. При этомъ случилось мнѣ вспомнить о преподобномъ Максимѣ, новомъ исповѣдникѣ, какъ однажды онъ мнѣ говорилъ, что книги великихъ учителей восточныхъ не

переведены на славянскій языкъ, но послѣ взятія Константинополя переведены были на латинскій. Вспомнивъ объ этомъ, я началъ учиться по-латыни, чтобы перевести на свой языкъ то, что еще не переведено: нашими учителями чужіе наслаждаются, а мы голодомъ духовнымъ таемъ, на свое глядя. Для этого не мало лѣтъ потратилъ я, обучаясь наукамъ грамматическимъ, діалектическимъ и прочимъ. Научившись языку, купилъ книги и умолилъ участвовать въ переводѣ юношу, именемъ Амвросія, въ писаніи искуснаго и верха философіи внѣшней достигшаго. Прежде всего мы съ нимъ перевели съ латинскаго на славянскій языкъ оглавленіе книгамъ Златоустовымъ, вопервыхъ для того, чтобъ всѣ знали, сколько переведено изъ нихъ на славянскій языкъ и какое множество еще не переведено; вовторыхъ, чтобъ благовѣрные мужи возревновали по Богѣ и перевели остальное; втретьихъ потому, что нѣкоторые поэты и многіе еретики приписали свои сочиненія Златоустому, чтобъ удобнѣе принимались ради его имени: такъ пусть реестръ нашъ покажетъ, что̀ принадлежитъ Златоусту и что̀ нѣтъ. По разсмотрѣніи этихъ главъ, я хотѣлъ начать переводъ посланій апостола Павла, объясненныхъ Златоустымъ, и искалъ мужей, хорошо владѣющихъ славянскимъ языкомъ, но не могъ найти. Кого нашелъ изъ монаховъ и мірскихъ, тѣ не хотѣли помочь мнѣ: монахи отреклись, не похвально уничижая себя, не говорю—лицемѣрно или отъ лѣности; мірскіе не захотѣли, будучи объяты суетами міра сего и терніемъ подавляя сѣмя благовѣрія. Я боялся, что въ молодости не навыкъ славянскому языку, потому что безпрестанно обращался въ исполненіи повелѣній царевыхъ, въ чину стратилатскомъ, потомъ въ синклитскомъ, исправлялъ дѣла, иногда судебныя, иногда совѣтническія, часто и съ воинствомъ ополчался противъ враговъ креста Христова. И сюда пріѣхавши, принужденъ былъ королемъ въ службѣ военной, а когда освободился отъ службы, ненавистные и лукавые сосѣди мѣшали мнѣ заняться этимъ дѣломъ, желая отнять у меня имѣніе, королемъ данное мнѣ на пропитаніе, желая и крови моей насытиться. Несмотря на то, покусился я съ означеннымъ юношею Амвросіемъ перевести нѣкоторыя изъ словъ Златоустовыхъ, до сихъ поръ еще на славянскій языкъ не переведенныя.“ Въ предисловіи къ переводу своему книги Іоанна Дамаскина—Небеса Курбскій указываетъ на значеніе просвѣщенія и вооружается противъ тѣхъ, которые въ Московскомъ

государствѣ не понимали этого значенія: „Да пріемлемъ слова предобрѣйшія и, Бога ради, не потакаемъ безумнымъ, или, лучше сказать, лукавымъ прелестникамъ, выдающимъ себя за учителей. Я самъ отъ нихъ слыхалъ, еще будучи въ русской землѣ, подъ державою московскаго царя: прельщаютъ они юношей трудолюбивыхъ, желающихъ навыкнуть писанію, говоря имъ: не читайте книгъ многихъ и указываютъ: вотъ этотъ отъ книгъ умъ потерялъ, а вотъ этотъ въ ересь впалъ. О бѣда! отъ чего бѣсы бѣгаютъ и исчезаютъ, чѣмъ еретики обличаются, а нѣкоторыя исправляются, это оружіе они отнимаютъ, и это врачевство смертоноснымъ ядомъ называютъ!“ Въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „У насъ и десятой части книгъ учителей нашихъ старыхъ не переведено, по лѣности, нерадѣнію властителей нашихъ, потому что нынѣшняго вѣка мнимые учители больше въ болгарскихъ басняхъ или въ бабьихъ бредняхъ упражняются, читаютъ ихъ и хвалятъ, нежели великихъ учителей разумомъ наслаждаются: Господи Христе Боже нашъ! отвори намъ мысленныя очи и избави насъ отъ такихъ“ [53]. Наконецъ, чтобъ дать опору православнымъ въ борьбѣ съ католицизмомъ, Курбскій написалъ исторію флорентійскаго собора.

Такъ дѣйствовалъ для поддержанія вѣры предковъ въ Россіи западной одинъ изъ первыхъ грамотѣевъ земли Московской, ученикъ Максима Грека. Это почетное имя, имя ученика Максимова, принадлежитъ не одному Курбскому; оно встрѣчается и при имени другихъ писателей второй половины XVI вѣка и всего лучше показываетъ намъ значеніе знаменитаго святогорскаго инока. Курбскій въ исторіи князя великаго московскаго говоритъ, что митрополитъ Даніилъ злою смертію уморилъ въ своемъ домѣ преподобнаго Силвана, Максимова ученика, искуснаго въ любомудріи внѣшнемъ и духовномъ. Этотъ Силванъ, сотрудникъ Максима въ переводахъ, славился какъ грамматикъ; въ одномъ сборникѣ XVII вѣка находится слѣдующее мѣсто: „Никому нельзя правильно писать, кто не знаетъ грамматическаго устроенія, ниже родовъ, ниже чиселъ, ниже падежей, ниже временъ, ниже склоненій, ниже окончательныхъ буквъ по родамъ во всѣхъ падежахъ, болѣе же въ притяжательныхъ именахъ, какъ говоритъ старецъ Селиванъ, ученикъ Максима Грека, преподобнаго старца“ [54].

Третій ученикъ Максима Грека, Зиновій Отенскій, знаменитъ былъ на Востокѣ тѣмъ же, чѣмъ Курбскій на Западѣ, борьбою съ новоявившимися ересями, именно съ ересью Ѳеодосія Косаго. Въ началѣ книги, написанной для обличенія этой ереси, Зиновій разсказываетъ, что однажды пришли къ нему въ монастырь три человѣка, двое монаховъ и одинъ міряпинъ; на вопросъ Зиновія, кто они и откуда? монахи отвѣчали, что они клирошане Старорусскаго Спасова монастыря; одного зовутъ Герасимомъ, а другаго Аѳанасіемъ, міряпинъ же иконописецъ художествомъ, а зовутъ его Ѳедоромъ. „Бога ради, говорили они Зиновію: не отрипь насъ отъ себя, не скрой пользы, какъ спастись?" Зиновій отвѣчалъ: „Вы называете себя клирошанами, постоянно слѣдовательно читаете Св. Писаніе, научающееся какъ спастись." Клирошане: „Книги писаны закрыто". Зиновій: „Открыто божественное Евангеліе и Отческія слова всякому хотящему готовы къ разумѣнію." Клирошане: „Просвѣщеннымъ открыто Писаніе, а непросвѣщеннымъ и очень закрыто". Зиновій: „Всякому и не книжнику понятно божественное Евангеліе и Отческія писанія." Клирошане: „Есть теперь ученіе, и это нынѣшнее ученіе хвалятъ многіе, потому что открыто, а Отческое ученіе закрыто, и потому Отческое ученіе читать не полезно; умоляемъ тебя: скажи намъ ты истину и не отринь насъ Бога ради". „Зиновій: „Отческое ученіе знаю хорошо и божественнаго Василія книгу постническую знаю, а нынѣшняго ученія не вѣдаю, о которомъ вы говорите." Клирошане: „Бога ради, скажи намъ истину: нынѣшнее ученіе какъ по твоему? божественно оно, отъ Бога ли? вѣдь хорошо нынѣшнее ученіе, потому что возбраняетъ послѣдовать человѣческимъ преданіямъ и повелѣваетъ послѣдовать Писанію, столповымъ книгамъ; Бога ради, скажи намъ истину, многими хвалится и принимается новое ученіе и многіе его любятъ." Зиновій отвѣчалъ, что оцѣнка новому ученію готова уже изъ самаго названія его: оно новое, слѣдовательно беззаконное, ибо апостолъ Павелъ сказалъ: „аще и Ангелъ съ небеси благовѣститъ вамъ паче еже пріяти, анаѳема да будетъ". Да скажите, кто это новый учитель? Клирошане: „Новому ученію учитель Ѳеодосій, прозвищемъ Косой."—Зиновій: „Съ самаго начала, объявивши только имя учителя, уже вы показали развращенность ученія: косое можетъ ли быть прямо? но скажите, кто и откуда этотъ учитель?"

Клирошане разсказали судьбу Косаго, потомъ изложили его ученіе. Тогда Зиновій приступилъ къ опроверженію этого ученія. Мы оставимъ богословскую сторону опроверженія, какъ намъ не принадлежащую, и обратимъ вниманіе на научныя средства, какими обладали самые грамотные люди времени. Доказывая необходимость первой причины, Зиновій говоритъ: „Не было нигдѣ писано, чтобъ произошла когда птица не отъ яйца, или яйцо не произошло отъ птицы, кромѣ такъ-называемаго уединеннаго финика (феникса); также и рыба: нѣтъ рыбы не отъ икры, нѣтъ икры не отъ рыбы. Гдѣ же всему этому родоначальникъ? Скажетъ ли послѣдователь самобытной ереси, что отъ воздуха родоначальники явились, потому что изъ воздушныхъ тучъ нѣкогда дождило жито, иногда пепелъ, иногда серебряныя крохи, какъ въ лѣтописныхъ книгахъ пишется, да и на нашей памяти однажды на безводной землѣ, послѣ сильнаго дождя, были найдены рыбы мертвыя: но не воздухъ родитель всему этому, а съ низу облака почерпаютъ съ водою рыбу, и потомъ съ дождемъ испускаютъ ее опять на землю; ни земля, ни воздухъ въ 7074 [55] года не произвели отъ себя вновь никакихъ родоначальниковъ, но воспитываютъ бывшихъ уже“. Въ книгѣ Зиновія особенно важны для насъ указанія на связь новой ереси съ старою, съ ересью жидовствующихъ, на желаніе послѣдователей Косаго утвердиться на авторитетѣ старца Вассіана (князя Патрикѣева) и Максима Грека. Такъ клирошане, между прочимъ, сказали Зиновію: „Монастыри, преступая заповѣдь нестяжанія, имѣютъ села. Объ этомъ очень хорошо писалъ князь Вассіанъ, также и Максимъ Грекъ много говорилъ объ этомъ, написалъ и разговоръ между любостяжателемъ и нестяжателемъ“. Зиновій отвѣчалъ: „Города и веси ничѣмъ не отличаются отъ монастырей относительно исполненія заповѣдей Господнихъ: почему же Вассіанъ и Максимъ осуждаютъ монастыри за преступленіе евангельскихъ заповѣдей, а на города и села никакого зазора не положили? Каждая страна имѣетъ свой обычай по климату своему (по особому ея строенія чину солнечнаго ради обхожденія и воздушнаго пошествія): какъ же можно всѣ страны ввести въ одинъ обычай единаго гражданства? Василій Великій говоритъ, что одежда и пища постниковъ должна быть по обычаю каждой земли. Благоговѣйный Максимъ, кажется, забылъ объ этихъ словахъ Великаго Василія! Я человѣкъ грубый, смысла премудраго Максима разумѣть не могу,

но думаю, что онъ писалъ произвольно (хотѣньемъ своего помысла обносился). Русскіе монастыри осуждалъ онъ за любостяжаніе, а самъ не могъ, по примѣру пророка Даніила и трехъ отроковъ, оставить великаго князя трапезу, какъ монахъ законоположникъ нестяжанія въ монастыряхъ русскихъ, но былъ самъ изъ числа многостяжательныхъ. И латинскіе и русскіе монастыри одинаково милостынею питаются; различествуютъ только тѣмъ, что латинскій монастырь каждую недѣлю два раза въ годъ проходитъ, собирая брашно и вино, а русскіе монастыри, одинъ разъ лѣтомъ пришедши въ деревню, данную имъ въ милостыню, соберутъ плодъ, а остальное время года безмолвствуютъ въ монастырѣ, прилежа посту и молитвамъ. Хотя и высоко любомудрствовалъ о нестяжаніи добрый Максимъ, однако неприлично ему было латинской области и ереси монастырь предъ русскими монастырями возвышать. Не показалъ онъ что̀ нестяженіе въ которой-нибудь странѣ и что̀ стяженіе, потому что разныя страны не одинакое устроеніе отъ Бога имѣютъ. Онъ писалъ только для укора, потому и не представилъ въ примѣръ египетскихъ монастырей, которые просіяли силами и знаменіями, какъ небеса звѣздами, но представилъ въ примѣръ латинскій монастырь; еслибъ предложилъ въ примѣръ египетскій монастырь, то извѣстно, что египетская страна не похожа на русскую. Слезы навертываются на глазахъ, когда вспомнишь, какъ живутъ эти иноки, которыхъ осуждаютъ за то, что они владѣютъ селами: кожа на рукахъ у нихъ растрескалась отъ работы, лица осунулись, волосы въ безпорядкѣ, ноги посинѣли и опухли; сборщики податей истязуютъ ихъ немилосердно; денегъ у нихъ столько, что у нищихъ, которые приходятъ къ нимъ за милостынею, больше: у рѣдкаго можно найти пять или шесть сребренниковъ. Пища ихъ—хлѣбъ овсяный невѣянный, колосья ржаные толченые; питье—вода; горячее кушанье изъ капустнаго листа, у богатыхъ—свекла и рѣпа; сладкое кушанье—рябина и калина. А князь Вассіанъ какъ жилъ въ Симоновѣ? не угодно ему было симоновскихъ блюдъ кушать—хлѣба ржанаго, щей, свѣкольника, каши; молока промзглаго и пива монастырскаго, очищающаго желудокъ, не пилъ потому, что это кушаніе и пиво съ деревень шло, вмѣсто этого онъ питался кушаньями, которыя приносили ему со стола великокняжескаго; пилъ же нестяжатель романею, бастро, мушкатель, рейнское вино".

Ненависть къ обличителю первой ереси, Іосифу Волоцкому, отрыгнула у Ѳеодосія Косаго и его послѣдователей; клирошане сказали Зиновію: „Косой говоритъ, что не подобаетъ теперь послѣ седьмаго собора писать книгъ, а Іосифъ Волоцкій написалъ книги свои послѣ седьмаго собора законопреступно, и потому читать ихъ не должно". Понятно, что Зиновію легко было отвѣчать на это, и, между прочимъ, онъ замѣтилъ: „Косой укоряетъ книгу Іосифову потому, что въ ней, какъ въ зеркалѣ, ересь его обличается". Находимъ и еще очень важное указаніе на ересь жидовствующихъ и ея продолженіе. Клирошанѣ говорили: „Нѣкоторые въ символѣ говорятъ: жду воскресенія мертвыхъ, и Максимъ Грекъ такъ велѣлъ говорить, ибо, *чаять* рѣчь не тверда: чаемъ того, что̀ будетъ или не будетъ, а чего ждемъ, то будетъ непремѣнно". Зиновій отвѣчалъ имъ: „Максимъ Грекъ былъ оченъ ученъ, искусенъ и въ переводѣ съ греческаго языка на латинскій; когда онъ пришелъ изъ Святой Горы, и великій князь Василій велѣлъ ему переводить Псалтырь толковую съ греческаго языка на русскій, то онъ пріискалъ толмачей латинскихъ, и перевелъ Псалтырь съ греческаго языка на латинскій, а толмачи латинскіе переводили съ латинскаго на русскій, потому что Максимъ русскій языкъ мало разумѣлъ. Но во времена великаго князя Ивана и сына его Василія возникла ересь безбожная, и многіе тогда вельможи и люди чиновные въ эту ересъ поползнулись. Великіе князья судъ но нечестіе воздвигли, особенно великій князь Василій, и огнемъ хульниковъ истребили; тогда многіе вельможи, страха ради предъ Самодержцемъ, отверглись нечестія, только лицемъ, а не сердцемъ, они-то умыслили лукавство на святое исповѣданіе вѣры, потрясли народную рѣчь и ввели новое, говоря, что слово *чаю* смысла неопредѣленнаго; Максимъ принялъ это отъ вельможъ. Я думаю, что и это лукавое умышленіе христоборцевъ или людей грубыхъ смысломъ—возводить въ книжныя рѣчи отъ общихъ народныхъ рѣчей, тогда какъ по моему приличнѣе книжными рѣчами исправлять общенародныя рѣчи, а не книжныя народными обезчещивать".

Послѣ полемическихъ сочиненій религіознаго и политическаго содержанія, въ которыхъ сказался бурный вѣкъ Грознаго, вѣкъ движенія, разнаго рода попытокъ и протестовъ, наше вниманіе останавливаютъ два памятника, въ которыхъ общество старалось собрать свои нравственныя средства и представило—въ одномъ сводѣ пра-

вила житейской мудрости, въ другомъ сокровища церковныхъ ученій и образцы высшей духовной жизни: первый памятникъ—Домострой, второй Макарьевскія Минеи.

Не удивительно, что съ Домостроемъ, собраніемъ правилъ житейской мудрости, домашняго семейнаго благочинія, соединено имя Сильвестра, знаменитаго руководителя нравственности молодаго царя, устроителя благочинія въ семействѣ царскомъ. Въ Домострое[56] безспорно принадлежитъ Сильвестру послѣдняя глава, начинающаяся такъ: „Благословеніе отъ благовѣщенскаго попа Сильвестра возлюбленному моему единородному сыну Анѳиму". Это поученіе сыну, подкрѣпленное собственнымъ примѣромъ, очень напоминающее поученіе Мономаха, легко можетъ быть принято за совершенно отдѣльное сочиненіе, не имѣющее никакой связи съ собственно такъ-называемымъ Домостроемъ и приложенное къ послѣднему позднѣйшимъ составителемъ или переписчикомъ по сходству содержанія. И потому сначала мы должны обратиться къ собственно Сильвестрову поученію и потомъ къ пространному Домострою, имѣющему также для насъ большую важность по изложенію понятій и обычаевъ времени: „Сынъ мой! говоритъ Сильвестръ: ты имѣешь на себѣ и святительское благословеніе и жалованіе государя царя, государыни царицы, братьевъ царскихъ и всѣхъ бояръ, и съ добрыми людьми водишься, и со многими иноземцами большая у тебя торговля и дружба; ты получилъ все доброе: такъ умѣй совершать о Богѣ, какъ начато при нашемъ попеченіи. Имѣй вѣру къ Богу, все упованіе возлагай на Господа, прибѣгай всегда съ вѣрою къ Божіимъ церквамъ: заутрени не просыпай, обѣдни не прогуливай, вечерни не пропивай; павечерницу, полунощницу и часы ты долженъ пѣть каждый день въ своемъ домѣ; если возможно, по времени прибавишь правила: это отъ тебя зависитъ: большую милость отъ Бога получишь. Въ церкви и дома на молитвѣ самому, женѣ, дѣтямъ и домочадцамъ стоять со страхомъ, не разговаривать, не озираться; читать единогласно, чисто не вдвое. Священническій и иноческій чинъ почитай; повинуйся отцу духовному, въ домъ свой призывай священниковъ служить молебны. Въ церковь приходи съ милостынею и съ приношеніемъ. Церковниковъ, нищихъ, малолѣтнихъ, бѣдныхъ, скорбныхъ, странствовавшихъ призывай въ домъ свой, по силѣ накорми, напой, согрѣй, милостыню давай въ дому, въ торгу, на пути. Помни, сынъ, какъ мы жили: никогда никто не вышелъ

изъ дому нашего тощъ или скорбенъ. Имѣй любовь нелицемѣрную ко всѣмъ, не осуждай никого, не дѣлай другому, чего самъ не любишь, и больше всего храни чистоту тѣлесную, да возненавидь хмѣльное питье; Господа ради отвергни отъ себя пьянство; отъ него рождаются всѣ злые обычаи; если отъ этого сохранитъ тебя Господь, то все благое и полезное отъ Бога получишь, отъ людей честенъ будешь и душѣ своей просвѣтъ сотворишь на всякія добрыя дѣла. Жену люби и въ законѣ съ ней живи; что́ самъ дѣлаешь, тому же и жену учи: всякому страху Божію, всякому знанію и промыслу, рукодѣлью и домашнему обиходу, всякому порядку (порядиѣ). Умѣла бы сама и печь и варить, всякую домашнюю п о р я д н ю знала бъ и всякое женское рукодѣлье; хмѣльнаго питья отнюдь бы не любила, да и дѣти и слуги у ней также бы его не любили; безъ рукодѣлья жена ни на минуту бъ не была, также и слуги. Съ гостями у себя и въ гостяхъ отнюдь бы не была пьяна, съ гостями вела бы бесѣду о рукодѣльѣ, о домашнемъ порядкѣ, о законной христіанской жизни, а не пересмѣивала бы, не переговаривала бы ни о комъ; въ гостяхъ и дома пѣсней бѣсовскихъ и всякаго срамословія ни себѣ, ни слугамъ не позволяла бы; волхвовъ, кудесниковъ и никакого чарованія не знала бы. Если жена не слушается, всячески наказывай страхомъ, а не гнѣвайся; наказывай наединѣ, да наказавъ примолви, и жалуй, и люби ее. Также дѣтей и домочадцевъ учи страху Божію и всякимъ добрымъ дѣламъ. Домочадцевъ своихъ одѣвай и корми достаточно. Ты видѣлъ, какъ я жилъ въ благоговѣніи и страхѣ Божіи, въ простотѣ сердца, въ церковномъ прилежаніи, со страхомъ всегда пользуясь божественнымъ писаніемъ: ты видѣлъ, какъ я былъ ото всѣхъ почитаемъ, всѣми любимъ; всякому старался я угодить: ни передъ кѣмъ не гордился, никому не прекословилъ, никого не осуждалъ, не просмѣивалъ, не укорялъ, ни съ кѣмъ не бранился; приходила отъ кого обида—терпѣлъ и на себя вину полагалъ; отъ того враги дѣлались друзьями. Не пропускалъ я никогда церковнаго пѣнія; нищаго, страннаго, скорбнаго никогда не презрѣлъ, заключенныхъ въ темницы, плѣнныхъ, должныхъ выкупалъ, голодныхъ кормилъ; рабовъ своихъ всѣхъ освободилъ и надѣлилъ; и чужихъ рабовъ выкупалъ. И всѣ эти рабы наши свободны, и добрыми домами живутъ и молятъ за насъ Бога, и добра хотятъ намъ всегда. Теперь домочадцы наши всѣ свободные, живутъ у насъ по своей волѣ. Видѣлъ ты, сколько я сиротъ,

и рабовъ, и убогихъ, мужскаго пола и женскаго, въ Новгородѣ и въ Москвѣ вскормилъ и вспоилъ до совершеннаго возвраста, научилъ, кто къ чему былъ способенъ: многихъ грамотѣ, писать, пѣть; иныхъ иконному писанію, другихъ книжному рукодѣлію; однихъ серебренному мастерству, другихъ другому какому-нибудь рукодѣлію, нѣкоторыхъ выучилъ торговать. Также и мать твоя многихъ дѣвицъ, сиротъ и бѣдныхъ воспитала, выучила и, надѣливъ, замужъ отдавала; а мущинъ мы поженили у добрыхъ людей. Многіе изъ нихъ въ священническомъ и дьяконскомъ чину, въ дьякахъ, подъячихъ и во всякихъ чинахъ, кто чего дородился и въ чемъ кому благоволилъ Богъ. Во всѣхъ этихъ нашихъ вскормленникахъ и послуживцахъ ни сраму, ни убытка, никакой продажи отъ людей, ни людямъ отъ насъ, ни тяжбы ни съ кѣмъ не бывало; а отъ кого изъ нихъ досада и убытки большіе бывали, то все по себѣ понесено, никто того не слыхалъ; а намъ-то Богъ исполнилъ. И ты, сынъ, также дѣлай: на себѣ всякую обиду понеси и претерпи: Богъ сугубо исполнитъ. Гостей пріѣзжихъ у себя корми; а на сосѣдствѣ и съ знакомыми любовно живи, о хлѣбѣ, о соли, о доброй сдѣлкѣ, о всякой ссудѣ. Поѣдешь куда въ гости, поминки недорогія вези за любовь. А въ пути отъ стола подавай домохозяевамъ и приходящимъ, сажай ихъ съ собою за столъ и питейца также подавай; а маломочнымъ милостыню давай. Если такъ будешь дѣлать, то вездѣ тебя ждутъ и встрѣчаютъ, въ путь провожаютъ, отъ всякаго лиха берегутъ, на стану не подадутъ, на дорогѣ не разобьютъ. Кормятъ вотъ для чего: добраго за добро, а лихаго отъ лиха, чтобъ на добро обратился. Во всемъ этомъ убытка нѣтъ: въ добрыхъ людяхъ хлѣбъ-соль заемное дѣло; и поминки тоже, а дружба вѣчная и слава добрая. На дорогѣ, въ пиру, въ торговлѣ отнюдь самъ брани не начинай, а кто выбранитъ, терпи Бога ради. Если людямъ твоимъ случится съ кѣмъ-нибудь брань, то ты на своихъ бранись, а будетъ дѣло кручиновато, то и ударь своего, хотя бы онъ и правъ былъ: тѣмъ брань утолишь, также убытка и вражды не будетъ. Недруга напоить и накормить: то вмѣсто вражды дружба. Вспомни великое Божіе милосердіе къ намъ и заступленіе: отъ юности и до сего времени на поруку я не давалъ никого, ни меня никто не давалъ, на судѣ не былъ ни съ кѣмъ. Видѣлъ ты самъ: мастеровъ всякихъ было много, деньги я давалъ имъ на рукодѣлье впередъ, много было изъ нихъ смутьяновъ и бражниковъ: по со

всѣми съ тѣми въ сорокъ лѣтъ разстался я безъ остуды, безъ пристава, безо всякой кручины. Все то мирено хлѣбомъ да солью, да питьемъ, да подачею, да своимъ терпѣніемъ. А самъ у кого что покупалъ, продавцу отъ меня милая ласка, безъ волокиты платежъ, да еще хлѣбъ и соль сверхъ. Отсюда дружба во вѣкъ: мимо меня не продастъ, худаго товара не дастъ. Кому что продавывалъ, все въ любовь не въ обманъ: не понравится кому мой товаръ, назадъ возьму и деньги отдамъ; о куплѣ и продажѣ ни съ кѣмъ брани и тяжбы не бывало: оттого добрые люди во всемъ вѣрили, иноземцы и здѣшніе. Никому ни въ чемъ ни солгано, ни манено, ни пересрочено; ни кабалы, ни записи на себя ни въ чемъ не давывалъ, ложь никому ни въ чемъ не бывала. Видѣлъ ты самъ, какія большія сплетки со многими людьми бывали, да все, далъ Богъ, безъ вражды кончалось. А вѣдаешь и самъ, что не богатствомъ жито съ добрыми людьми: правдою, да ласкою, да любовью, а не гордостію, и безо всякой лжи."

Въ этомъ наставленіи, въ этомъ указаніи на свой образъ мыслей и жизни Сильвестръ обнаруживается передъ нами вполнѣ. Мы понимаемъ то впечатлѣніе, какое долженъ былъ производить на современниковъ подобный человѣкъ: благочестивый, трезвый, кроткій, щедрый, ласковый, услужливый, превосходный господинъ, любившій устраивать судьбу своихъ домочадцевъ, человѣкъ, съ которымъ каждому было пріятно и выгодно имѣть дѣло—вотъ Сильвестръ! Таковъ именно долженствовалъ быть этотъ человѣкъ: иначе мы не поймемъ его нравственнаго вліянія надъ молодымъ царемъ, не поймемъ того, какъ простой священникъ могъ собрать около себя остатки боярства. Но спросятъ: какъ же при этой кротости, уклончивости, Сильвестръ успѣлъ раздражить противъ себя царя и царицу? Это объясняется очень легко изъ того же образа мыслей и дѣйствій, какой высказывается въ Домостроѣ: Сильвестръ къ Іоанну находился въ отношеніи наставника, руководителя; здѣсь онъ считалъ своею обязанностію поступать строго, требовать буквальнаго исполненія предписаннаго; мы видѣли, что Сильвестръ предписываетъ сыну ударить домочадца, хотя бы и праваго, лишь бы только предотвратить вражду и убытокъ; Іоаннъ былъ для Сильвестра свой, ученикъ, сынъ; какъ самъ Сильвестръ, при столкновеніи съ другими, считалъ своею обязанностію уклоняться, уступать, предотвращая вражду, такъ требовалъ того же самаго и отъ царя въ стол-

кновенія послѣдняго съ боярами: отсюда объясняются намъ жалобы Іоанна на это принесеніе въ жертву его выгодъ выгодамъ бояръ; пользуясь своимъ нравственнымъ вліяніемъ, Сильвестръ позабывалъ въ Іоаннѣ царя и видѣлъ въ немъ только молодаго человѣка, обязаннаго быть кроткимъ, терпѣливымъ и послушнымъ; въ боярахъ видѣлъ онъ мужей совѣта и доблести: и вотъ когда молодой царь рѣшался прекословить имъ, настаивать на своемъ мнѣніи, какъ напримѣръ относительно войны ливонской, то Сильвестръ смотрѣлъ на это какъ на грѣхъ и грозилъ молодому человѣку небесною карою за своевольство.

Несмотря на то, что наставленіе Сильвестра сыну носитъ, повидимому, религіозный, христіанскій характеръ, нельзя не замѣтить, что цѣль его—научить житейской мудрости: кротость, терпѣніе и другія христіанскія добродѣтели предписываются какъ средства для пріобрѣтенія выгодъ житейскихъ, для пріобрѣтенія людской благосклонности; предписывается доброе дѣло, и сейчасъ же выставляется на видъ матеріальная польза отъ него; предписывая уступчивость, уклоненіе отъ вражды, и основываясь при этомъ, повидимому, на христіанской заповѣди, Сильвестръ доходитъ до того, что предписываетъ человѣкоугодничество, столь противное христіанству: „ударь своего, хотя бы онъ и правъ былъ; этимъ брань утолишь, убытка и вражды избудешь“. Вотъ слѣдствіе того, что христіанство понято не въ духѣ, а въ плоти! Сильвестръ считаетъ добрымъ дѣломъ освободить рабовъ, хвалится, что у него всѣ домочадцы свободные, живутъ по своей волѣ, и въ то же время считаетъ позволительнымъ бить домочадца, хотя бы онъ и справедливъ былъ: хочетъ исполнить форму, а духа не понимаетъ, не понимаетъ, что христіанство, ученіе божественное и вѣчное, не имѣетъ дѣла съ формами преходящими, дѣйствуетъ на духъ, на его очищеніе и посредствомъ этого очищенія дѣйствуетъ уже и на улучшеніе формъ.

Что смѣшеніе чистаго съ нечистымъ, смѣшеніе правилъ мудрости небесной съ правилами мудрости житейской мало приноситъ и житейской пользы человѣку—видно всего лучше изъ примѣра Сильвестра; онъ говорилъ сыну: „подражай мнѣ! смотри, какъ я отъ всѣхъ почитаемъ, всѣми любимъ, потому что всѣмъ уноровилъ“. Но подъ конецъ вышло, что не всѣмъ уноровилъ, ибо всѣмъ уноровить дѣло невозможное; истинная мудрость велитъ ра-

ботать одному господину. По всѣмъ вѣроятностямъ и во время болѣзни царя Сильвестръ хотѣлъ всѣмъ угоровить; вслѣдствіе чего уклонился, голоса его въ началѣ не было слышно, а потомъ онъ хотѣлъ помирить князя Владиміра съ больнымъ Іоанномъ, говорилъ присягнувшимъ боярамъ: „Зачѣмъ вы не пускаете князя Владиміра къ государю? онъ государю добра хочетъ."

Въ пространномъ Домостроѣ говорится объ обязанностяхъ къ Богу, духовнымъ пастырямъ, ближнему вообще, къ царю. Между предписаніями религіозными, общими всѣмъ временамъ, насъ останавливаютъ особенныя, напримѣръ: св. крестъ, образа, мощи цѣловать, перекрестясь, духъ въ себѣ удержавъ, губъ не разѣвая; зубами просвиры не кусать, какъ обыкновенный хлѣбъ, но ломать маленькими кусочками и класть въ ротъ, ѣсть губами и ртомъ не чавкать. Если съ кѣмъ хочешь сотворить цѣлованіе о Христѣ, также долженъ духъ въ себѣ удержать и губами не плюскать. „Поразсуди человѣческую немощь: нечувственнаго духа гнушаемся— чесночнаго, хмѣльнаго, больнаго и всякаго смрада: коль мерзки предъ Господомъ нашъ смрадъ и обоняніе."

Объ обязанностяхъ родителей къ дѣтямъ говорится такъ: „Имѣть попеченіе отцу и матери о дѣтяхъ: снабдить ихъ и воспитать въ добромъ наказаніи; учить страху Божію, приличному поведенію (в ѣ ж е с т в у) и всякому благочинію; по времени, и по дѣтямъ, и по возрасту смотря, учить рукодѣлію, кто чего достоинъ, кому какую способность (п р о с у г ъ) Богъ далъ. Любить ихъ и беречь и страхомъ спасать; уча и наказуя, и разсуждая раны возлагать. Казни сына своего отъ юности, и будетъ покоить тебя на старости; не ослабѣвай бія младенца; если жезломъ бьешь его—не умретъ, но здоровъ будетъ; бія его по тѣлу, душу его избавляешь отъ смерти, и проч. т. п. А у кого дочь родится, то разсудительные люди откладываютъ на нее отъ всякаго приплода: также полотна и прочее каждый годъ ей въ особый сундукъ кладутъ, всего прибавляютъ постоянно по немножку, а не вдругъ; дочери растутъ, страху Божію и вѣжеству учатся, а приданое съ ними прибываетъ, и какъ замужъ сговорятъ, то все готово."

Относительно обязанностей дѣтей къ родителямъ не встрѣчаемъ ничего особеннаго противъ общихъ нравственныхъ правилъ. Обязанности замужней женщины Домострой опредѣляетъ такъ: она ходитъ въ церковь по возможности, по совѣту съ мужемъ. Мужья

должны учить женъ своихъ съ любовію и благоразсуднымъ наказаніемъ. Если жена по мужнему наученію не живетъ, то мужу надобно ее наказывать наединѣ, и, наказавъ, пожаловать и примолвить: другъ на друга не должны сердиться. Слугъ и дѣтей также, посмотря по винѣ, наказывать, и раны возлагать, да наказавъ, пожаловать, а хозяйкѣ за слугъ печаловаться: такъ слугамъ надежно. А только жены, сына или дочери слово или наказаніе неймётъ, то плетью постегать, а побить не передъ людьми, наединѣ; а по уху, по лицу не бить, ни подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ, ни посохомъ не колотить и ни чѣмъ желѣзнымъ или деревяннымъ. А если велика вина, то, снявъ рубашку, плеткою вѣжливенько побить за руки держа. Жены мужей своихъ спрашиваютъ о всякомъ благочиніи и во всемъ имъ покоряются. Вставши и помолившись, хозяйка должна указать служанкамъ дневную работу; всякое кушанье, мясное и рыбное, всякій приспѣхъ скоромный и постный, и всякое рукодѣлье она должна сама умѣтѣ сдѣлать, чтобъ могла и служанку научить; если все знаетъ мужнимъ наказаніемъ и грозою и своимъ добрымъ разумомъ, то все будетъ споро и всего будетъ много. Сама хозяйка отнюдь никогда не была бы безъ дѣла; тогда и служанкамъ, смотря на нее, повадно дѣлать; мужъ ли придетъ, гостья ли придетъ—всегда бъ за рукодѣльемъ сидѣла сама: то ей честь и слава и мужу похвала: никогда не должны слуги будить хозяйку, хозяйка должна будить слугъ. Съ слугами хозяйка не должна говорить пустыхъ рѣчей и пересмѣшныхъ; торговки, бездѣльныя жонки и волхвы чтобъ къ ней не приходили, потому что отъ нихъ много зла дѣлается. Всякій бы день жена у мужа спрашивалась и съ нимъ совѣтовалась о всякомъ обиходѣ; знаться должна только съ тѣми, съ кѣмъ мужъ велитъ; съ гостями бесѣдовать о рукодѣльѣ, о домашнемъ устройствѣ, примѣчать, гдѣ увидитъ что хорошее; чего не знаетъ, спрашивать вѣжливо, кто что укажетъ—низко челомъ бить и пришедши домой, все мужу сказать. Съ такими добрыми женщинами пригоже сходиться; не для ѣды, не для питья, а для доброй бесѣды и науки, внимать себѣ на пользу, а не пересмѣхать и никого не переговаривать; спросятъ о чемъ про кого другіе—отвѣчать: не знаю, ничего не слыхала и сама о ненадобномъ не спрашиваю, о княгиняхъ, боярыняхъ и сосѣдяхъ не пересужаю. Отнюдь беречься отъ пьянаго питья; должна пить безхмѣльную брагу и квасъ и дома, и въ лю-

дяхъ, тайкомъ отъ мужа ни ѣсть, ни пить; чужаго у себя не держать безъ мужня вѣдома: обо всемъ совѣтоваться съ мужемъ, а не съ холопомъ и не съ рабою. Безлѣпицъ домашнихъ мужу не доносить; въ чемъ сама не можетъ управиться, о томъ должна сказать мужу въ правду.

Объ отношеніяхъ къ слугамъ Домострой говоритъ: „господа должны людей своихъ жаловать, кормить, поить, одѣвать, въ теплѣ держать во всякомъ покоѣ и благоденствіи; а если держать у себя людей не по силѣ, не по доходу, не довольствовать ихъ ѣдою, питьемъ и одеждою, или держать не рукодѣльныхъ, которые сами ничего не умѣютъ промыслить: такимъ слугамъ по неволѣ, со слезами, и лгать, и красть и развратничать, мущинамъ разбивать и красть и въ корчмѣ пить. Такимъ безумнымъ господамъ отъ Бога грѣхъ и отъ людей посмѣхъ, а съ сосѣдями дурное житье. Слугамъ приказывай: о людяхъ не переговаривать, гдѣ въ людяхъ были и что видѣли недобро — того дома не сказывали бы, а что дома дѣлается, того въ людяхъ не пересказывали бы; помнили бы о томъ, зачѣмъ посланы, а о другомъ о чемъ станутъ спрашивать—не отвѣчать, поскорѣе отдѣлавшись, домой идти; между господами никакой ссоры не будетъ. Куда пошлютъ слугу въ добрые люди, то онъ долженъ у воротъ легонько поколотить; когда будетъ идти по двору и кто спроситъ: за какимъ дѣломъ идетъ? отвѣчать: не къ тебѣ я посланъ, къ кому посланъ съ тѣмъ и буду говорить; должно сказать только отъ кого идешь; пусть скажутъ господину. У сѣней, избы или кельи должно ноги грязныя вытереть, носъ высморкать, выкашляться, искусно молитву сотворить; если аминя не отдадутъ, то и въ другой, и въ третій разъ молитву сотворить по больше перваго раза; если и тутъ отвѣта не дадутъ, то легонько потолкаться; когда впустятъ, святымъ иконамъ поклониться и отъ господина челобитье и посылку править, и въ это время носа не копать пальцемъ, ни кашлять, ни сморкать, ни харкать, ни плевать, если же нужно, то, отшедъ въ сторону, устроиться вѣжливенько, стоять и на сторону не смотрѣть, исправить что наказано, ни о чемъ другомъ не бесѣдовать и скорѣе къ себѣ идти. Гдѣ случится быть, при господинѣ или безъ господина никакой вещи не ворошить, ни смотрѣть, ни съ мѣста не переложить, ѣды и питья не отвѣдывать; что куда послано, того также не подсматривать и не отвѣдывать“.

Вотъ идеалъ семейной жизни, какъ онъ былъ созданъ древнимъ русскимъ обществомъ! Женщина поставлена здѣсь на видномъ мѣстѣ; ея дѣятельность обширна, она — хозяйка, то-есть, раньше всѣхъ встаетъ она, будитъ слугъ и до ночи не перестаетъ работать; указываетъ, распоряжается; минуты она не можетъ быть праздна; мужъ долженъ каждый день ходить въ церковь ко всѣмъ службамъ, жена по возможности, сколько позволяли ей хозяйственныя заботы. Женщина-мать не на первомъ планѣ; кратко, въ общихъ выраженіяхъ говорится, что она вмѣстѣ съ мужемъ должна воспитывать дѣтей въ страхѣ Божіемъ и благочестіи, должна учить дочерей рукодѣльямъ; гораздо подробнѣе говорится, какъ со дня рожденія дочери она должна копить ей приданое; матеріальныя, хозяйственныя заботы должны поглощать все существо женщины, начиная съ двѣнадцатилѣтняго возраста, когда она могла по закону выходить замужъ. Но вотъ она переступаетъ порогъ дома, ѣдетъ въ гости; чего же требуетъ отъ нея здѣсь Домострой? Съ гостями она должна бесѣдовать о рукодѣльѣ и о домашнемъ строеніи: какъ порядокъ вести и какое рукодѣльице сдѣлать. Необходимаго для возстановленія нравственныхъ силъ развлеченія, перемѣны занятія, перемѣны предмета для разговора нѣтъ и быть не должно, по общественнымъ условіямъ. Домострой совершенно правъ, предписывая женщинѣ заниматься только хозяйствомъ и говорить только о хозяйствѣ; ибо другаго приличнаго для нея занятія, другаго приличнаго для нея разговора нѣтъ: если она не будетъ говорить о хозяйствѣ, то она будетъ пересмѣхать, переговаривать; дома она должна постоянно сидѣть за работою или распоряжаться работами другихъ, развлеченія, какимъ она можетъ предаться—все это развлеченія постыдныя, вредныя: пустые, пересмѣшные разговоры съ слугами, разговоры съ торговками, женками бездѣльными, волхвами. Повторяю, что мы не имѣемъ никакого права упрекать Домострой въ жестокости къ женщинѣ; у него нѣтъ приличныхъ, невинныхъ удовольствій, которыя бы онъ могъ предложить ей, и потому онъ принужденъ отказать ей во всякомъ удовольствіи, принужденъ требовать, чтобъ она не имѣла минуты свободной, которая можетъ породить въ ней желаніе удовольствія неприличнаго, или, что всего хуже, желаніе развеселить себя хмѣлемъ. Сколько женщинъ по доброй волѣ могло приближаться къ идеалу, начертанному Домостроемъ; сколькихъ надобно

было заставлять приближаться къ нему силою, и сколькихъ нельзя было заставить приблизиться къ нему никакою силою; сколько женщинъ предавалось названнымъ неприличнымъ удовольствіямъ?— на этотъ вопросъ мы отвѣчать не рѣшимся.

Много главъ посвящено въ Домостроѣ подробностямъ хозяйственнымъ: какъ всякое платье кроить, остатки и обрѣзки беречь, всякую посуду и снасть ремесленную въ порядкѣ держать, чтобъ все было свое, не нужно было идти ни за чѣмъ на чужой дворъ; какъ всякое платье носить бережно, какъ запасъ годовой и всякій товаръ покупать; покупать все, чему привозъ, что́ дешево; какъ огородъ и садъ водить? и пр. т. п. Въ главѣ о томъ, какъ избу устроить хорошо и чисто, видимъ только перечисленіе посуды, которую должно держать въ чистотѣ и порядкѣ: предписывается мыть избу, стѣны, лавки, скамьи, полъ, окна, двери; у нижняго крыльца класть сѣно для обтиранія ногъ, передъ дверями рогожку или войлокъ. Объ иконахъ говорится, что ихъ должно ставить на стѣнахъ, устроивъ благолѣпно, со всякимъ украшеніемъ, свѣтильниками и завѣсою.

Всякій день мужъ съ женою, дѣтьми и домочадцами поетъ на дому вечерню, павечерницу, полунощницу. Послѣ правила отнюдь ни пить, ни ѣсть, ни разговаривать; въ полночь должно тайно вставать и со слезами Богу молиться.

Когда предлагается трапеза, то въ началѣ священники прославляютъ Отца и Сына, и Св. Духа, потомъ Богородицу. Пречистый хлѣбъ вынимаютъ, по окончаніи стола, Пречистый хлѣбъ воздвизаютъ, и, отпѣвъ Достойно, ѣдятъ и чашу Пречистой пьютъ; а потомъ о здравіи и за упокой. Когда передъ тобой поставятъ пищу, то не смѣй хулить, а съ благодарностію ѣшь. Очень любопытно наставленіе какъ вести себя на свадьбѣ, показывающее нравы и обычаи времени: „Когда званъ будешь на бракъ; то не упивайся до пьянства, и не засиживайся поздно, потому что въ пьянствѣ и долгомъ сидѣньи бываетъ брань, свара, бой, кровопролитіе. Не говорю не пить вовсе, нѣтъ! но говорю не упиваться; я дара Божія не хулю, но хулю пьющихъ безъ воздержанія“.

Что касается знаменитаго сборника, извѣстнаго подъ именемъ Макарьевскихъ Миней, то объ немъ всего лучше можно получить понятіе изъ предисловія (лѣтописца) самого составителя: „1553

года, мѣсяца ноября, далъ я эту святую великую книгу Минею Четію, мѣсяцъ Ноябрь и прочія 12 великихъ книгъ. Въ этихъ Четіихъ Минеяхъ всѣ книги чтомыя собраны: Св. Евангеліе — четыре Евангелиста толковыхъ, Св. Апостолъ и всѣ св. апостольскія посланія и дѣянія съ толкованіями, и три великихъ псалтыри разныхъ толковниковъ и Златоустовы книги, Златоструй и Маргаритъ, и Великій Златоустъ, и Великій Василій и Григорій Богословъ съ толкованіями и великая книга Никонская съ прочими посланіями его, и прочія всѣ святыя книги собраны и написаны въ нихъ пророческія и апостольскія и отеческія и праздничныя слова и похвальныя слова и всѣхъ святыхъ отецъ житія и мученія святыхъ мученикъ и святыхъ мученицъ, житія и подвиги преподобныхъ и богоносныхъ отецъ и святыхъ женъ страданія и подвиги; и всѣ святые патерики написаны, азбучные, Іерусалимскіе, Египетскіе, Синайскіе, Скитскіе, Печерскіе и всѣ святыя книги собраны и написаны, которыя въ русской землѣ находятся, и съ новыми святыми чудотворцами. Написалъ я эти святыя книги въ Великомъ Новгородѣ, когда былъ тамъ архіепископомъ, а писалъ ихъ въ одно мѣсто двѣнацать лѣтъ многимъ имѣніемъ и многими различными писарями, не щадя серебра и всякихъ почестей, особенно много трудовъ и подвиговъ подъялъ отъ исправленія иностранныхъ и древнихъ рѣченій, переводя ихъ на русскую рѣчь, и сколько намъ Богъ даровалъ уразумѣть, столько и смогъ я исправить".

До насъ дошли и подробности, какъ трудился Макарій при составленіи своихъ Миней; дошли имена грамотѣевъ, которымъ онъ поручалъ написаніе житій святыхъ: такъ подъ 1537 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что пріѣхалъ въ Новгородъ изъ Москвы сынъ боярскій, храбрый воинъ, Василій Михайловичъ Тучковъ для сбора ратныхъ людей; узнавши, что этотъ Тучковъ издѣтства навыкъ Св. Писанію, Макарій началъ благословлять его на духовное дѣло, чтобъ написалъ житіе Михаила Клопскаго; оно и прежде было написано, но очень просто, потому что тогда люди въ Новгородѣ еще не были искусны въ писаніи. По благословенію же Макарія, уже митрополита, инокъ Варлаамъ (въ міру Василій) написалъ страданіе пресвитера Исидора Новаго и 72 русскихъ людей, замученныхъ Нѣмцами въ Юрьевѣ Ливонскомъ (Дерптѣ), въ княженіи Іоанна III, при митрополитѣ Филиппѣ и Новгородскомъ владыкѣ Іонѣ: Исидоръ былъ священникомъ при церкви Св. Николая и Св.

Георгія Каппадокійскаго въ Юрьевѣ въ Русскомъ концѣ, возбудилъ противъ себя Нѣмцевъ облпченіями ихъ вѣры, былъ схваченъ съ своими прихожанами во время крестнаго хода на рѣку Омовжу въ день Богоявленія, заключенъ въ темницу, на увѣщанія принять латинство отвѣчалъ сильнѣйшими облпченіями и утопленъ въ той же рѣкѣ Омовжѣ вмѣстѣ съ 72 Русскими [57]. Тотъ же Василій (Варлаамъ) написалъ нѣсколько житій другихъ святыхъ, въ томъ числѣ и житіе Евфросина Псковскаго, о которомъ уже выше было сказано. Лѣтописецъ говоритъ, что въ 1536 году, по приказанію владыки Макарія, была переведена толковая Псалтирь съ латинскаго языка на русскій: перевелъ Димитрій Толмачъ въ глубокой старости.

Къ описываемому времени относится составленіе Степенной книги—изложенія церковныхъ и гражданскихъ событій русской исторіи съ религіозной точки зрѣнія. Въ описываемое время, какъ мы видѣли, явилась потребность писать украшеннымъ языкомъ; Макарій не былъ доволенъ древнимъ житіемъ Св. Михаила Клопскаго, ибо оно было очень просто написано. Степенная книга представляетъ образецъ того слога, который считался красивымъ, напримѣръ въ похвалѣ великому князю Василію: „Поистиннѣ убо царь нарицашеся, иже царствуяй надъ страстьми и сластемъ одолѣвати могій, иже цѣломудрія вѣнцомъ вѣнчанный и порфирою правды облеченный. Таковъ убо бысть сей: истовый велеумный правитель, всеоблій наказатель, истинный кормчій, изящный предстатель, молитвенникъ крѣпокъ, чистотѣ рачитель, цѣломудрія образъ, терпѣнія столпъ, княземъ русскимъ и болярамъ и прочимъ вельможамъ и всѣмъ людемъ о благочестіи твердый поборникъ, архіереямъ и всему освященному собору благоразумный соглагольникъ, и проч.“

Составленіе лѣтописей продолжалось по прежнему: въ дошедшихъ до насъ спискахъ легко усмотрѣть два рода составленія — правительственное и частное; что въ описываемое время лѣтописи составлялись правительственными лицами, подъ высшимъ надзоромъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія: въ описи царскаго архива читаемъ: „Списки черные, писалъ память, что писати въ Лѣтописецъ лѣтъ новыхъ, которые у Алексѣя (Адашева) взяты“; или: „Ящикъ 224, а въ немъ списки, что писати въ Лѣтописецъ, лѣта новыя прибраны отъ лѣта 7068 до лѣта 7074 и до 76“ [58]. Но въ то же время частными людьми составлялись въ Москвѣ и дру-

гихъ городахъ другаго рода лѣтописи, въ которыхъ находимъ неодобреніе казнямъ и опричнинѣ. Въ своемъ мѣстѣ были приведены эти отзывы лѣтописей, какъ видно, въ Москвѣ составленныхъ. Псковскій лѣтописецъ очень сильно вооружается противъ московскихъ распоряженій; говоря о переводѣ Нѣмцевъ изъ Юрьева въ московскіе города, онъ прибавляетъ: „свели ихъ не вѣдаемъ за что, Богъ вѣсть, измѣнивши прямое слово, которое воеводы дали имъ, какъ Юрьевъ отворили, что не выводить ихъ изъ города". Псковскій лѣтописецъ такъ объясняетъ причину гнѣва Іоаннова на бояръ: „Пришелъ царь и великій князь Иванъ Васильевичъ съ великою опалою въ великій Новгородъ и многихъ нарочитыхъ людей погубилъ, многое множество людей на правежѣ побито было, иноческаго и священническаго чина и монахинь; и была туга и скорбь въ людяхъ большая, святыя обители и церкви Божіи и села запустѣли. Кромѣ того царь велѣлъ править посоху подъ нарядъ и мосты мостить въ ливонскую землю, зелейную руду сбирать, и отъ этого налога и правежа всѣ новгородцы и псковичи обнищали и въ посоху пошли сами, а давать стало нечего, и тамъ въ чужой землѣ померли отъ голода, и холода, отъ мостовъ и наряда; въ Псковѣ байдаки и лодки большія посохой тянули подъ ливонскіе города, и, потянувши немного, покинули по лѣсамъ, тутъ они сгнили, а людей погубили. Взявъ 24 города у Нѣмцевъ, своихъ людей посадилъ съ нарядомъ и запасами, запасы возили изъ дальнихъ городовъ изъ Замосковныхъ, наполнилъ чужіе города русскими людьми, а свои пусты положилъ. Когда царь возвратился въ Русь, то Нѣмцы собрались изъ-за моря, да Литва пришла изъ Польши и всѣ эти города себѣ побрали, русскихъ людей въ нихъ побили, а къ царю прислали Нѣмца, лютаго волхва, именемъ Елисея (Бомелія), и былъ онъ у него въ приближеньи, любимцемъ. Навелъ Елисей на царя страхованье, сталъ тотъ бѣгать отъ навожденія невѣрныхъ и совсѣмъ было отвелъ царя отъ вѣры: на русскихъ людей царю свирѣпство внушилъ, а къ Нѣмцамъ на любовь преложилъ. Безбожные Нѣмцы узнали по своимъ гаданіямъ, что быть имъ до конца разоренными: для этого они такого злаго еретика и подослали къ царю, потому что падки Русскіе люди на волхвованіе. И наустилъ Елисей царя на убійство многихъ родовъ княжескихъ и боярскихъ, напослѣдокъ и самому внушилъ бѣжать въ Англійскую землю и тамъ жениться, а своихъ остальныхъ бо-

ярь побить. Но Елисея не допустили до этого, самаго смерти предали, да не до конца разорится русское царство и вѣра христіанская. Такова была держава грознаго царя Ивана Васильевича." Бомелій былъ медикъ, родомъ Голландецъ: и по иностраннымъ свидѣтельствамъ это былъ негодяй, подучавшій Іоанна на убійства и составлявшій отравы, но потомъ обвиненный въ сношеніяхъ съ Баторіемъ и сожженный всенародно въ Москвѣ [59].

Въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ сборникахъ нашихъ попадается повѣсть о началѣ Царяграда и взятіи его Турками. Думаютъ, что повѣсть эта, неизвѣстнаго сочинителя, могла быть принесена скоро послѣ описываемаго въ ней событія Греками, которые начали приходить въ Москву за милостынею. Но въ естественной связи съ нею помѣщается разсказъ о распоряженіяхъ султана Магомета, разсказъ, помѣщаемый и отдѣльно, и приписываемый Ивану Пересвѣтову, о которомъ мы уже упоминали [60]. Разсказъ этотъ имѣетъ политическое значеніе и непосредственное отношеніе къ обстоятельствамъ Іоаннова времени. Распоряженія Магомета II-го, почерпнувшаго мудрость изъ христіанскихъ книгъ, представляются въ образецъ: „Царь Магометъ салтанъ велѣлъ со всего царства всѣ доходы къ себѣ въ казну собирать и ни въ одномъ городѣ вельможамъ своимъ намѣстничества не далъ, чтобъ они не прельщались судить неправедно, а давалъ имъ жалованье ежегодно изъ казны своей царской, кто чего достоинъ, и во все царство судъ далъ прямой". Слѣдуетъ описаніе жестокой казни судьямъ за неправду: съ нихъ живыхъ сдирали кожу. „Магометъ салтанъ такъ говорилъ: нельзя царю царство безъ грозы держать: царь Константинъ (Палеологъ) далъ волю вельможамъ, и Богъ разгнѣвался на него, на вельможъ его и на все царство за то, что они правдою гнушались. Магометъ велѣлъ принести книги полныя и докладныя и сжечь ихъ; постановилъ, что рабъ долженъ служить только семь лѣтъ, а если дорого купленъ, то девять; царь Магометъ выписалъ изъ христіанскихъ книгъ ту мудрость, что въ которомъ царствѣ люди порабощены, въ томъ царствѣ люди не храбры.... Греки хвалятся государевымъ царствомъ благовѣрнаго царя русскаго, другаго христіанскаго царства вольнаго и закона греческаго нѣтъ; и въ спорахъ съ Латинами Греки на русское царство указываютъ: еслибы къ той истинной вѣрѣ христіанской да правда турецкая была, то съ русскими людьми ангелы бесѣдовали бы".

Выше приведенъ былъ разсказъ псковскаго лѣтописца и свидѣтельства иностранцевъ-современниковъ о лекарѣ Бомеліи. По этому поводу явилась повѣсть нѣкоего боголюбиваго мужа, что былъ царь православный, боголюбивый и милостивый, ходившій по заповѣдямъ Божіимъ; но, по дѣйству дьявольскому, явился при немъ одинъ изъ синклитовъ, чародѣй злой, который вошелъ къ нему въ милость и началъ клеветать на людей неповинныхъ; оскорбилъ царь неповинныхъ различными печалями, и самъ отъ нихъ печаль имѣлъ и страхъ. Но приспѣло время мести Божіей: встали окрестные города и поплѣнили его земли, города разорили, людей поразили и до царствующаго града дошли; царь, видя бѣду, покаялся и сжегъ чародѣя съ товарищами его [61].

Событія царствованія Грознаго перешли и въ народныя преданія: въ древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ встрѣчаемъ пѣсню о взятіи Казанскаго царства: согласно съ настоящимъ дѣломъ, и въ пѣсни говорится, что городъ взятъ былъ подкопомъ; говорится, что великій князь московскій только по взятіи Казанскаго царства воцарился и насѣлъ на московское царство, что тогда только Москва основалась, и съ тѣхъ поръ пошла великая слава; мы видѣли, что самъ Іоаннъ однимъ изъ правъ своихъ на царскій титулъ считалъ покореніе царства Казанскаго.—Въ пѣснѣ, какъ Ермакъ Сибирь взялъ, говорится, что три донскихъ атамана собрались въ устьѣ Волги, и старшій изъ нихъ, Ермакъ, говорилъ товарищамъ: „Не корыстна у насъ шутка зашучена: гуляли мы по морю синему, убили мы посла персидскаго, и какъ намъ на то будетъ отвѣтствовать! Въ Астрахани жить нельзя, на Волгѣ жить—ворами слыть, на Яикъ идти—переходъ великъ, въ Казань идти—грозенъ царь стоитъ, въ Москву идти—перехватаннымъ быть: пойдемте мы въ Усолья къ Строгановымъ!“ Пѣсня разнится съ лѣтописью въ томъ, что посылаетъ самого Ермака въ Москву бить челомъ царю Сибирью. Въ пѣснѣ о Мастрюкѣ Темрюковичѣ описывается борьба черкасскаго князя Мастрюка, шурина Грознаго, съ двумя московскими богатырями: послѣдніе остаются побѣдителями. Какъ въ этой пѣснѣ, такъ и въ пѣснѣ объ Ермакѣ, самымъ приближеннымъ къ царю лицомъ является большой бояринъ Никита Романовичъ. Преданія о грозномъ царствованіи, богатомъ казнями, о любимомъ опричникѣ Малютѣ Скуратовѣ, скоромъ исполнителѣ кровавыхъ приказаній, о ненависти Годуновыхъ къ Романовымъ, о сыноубій-

ствѣ, за которымъ слѣдовало горькое раскаяніе убійцы—всѣ эти преданія, перемѣшавшись, исказившись въ памяти народной, отозвались въ пѣснѣ: „Никитѣ Романовичу дано село Преображенское". Іоаннъ является въ народной памяти грознымъ царемъ, покорителемъ Казани, Астрахани, Рязани, выводчикомъ измѣны изъ Кіева и Новгорода. Любопытно видѣть, какъ народныя сказанія и пѣсни, искажая главныя событія, вѣрно сохраняютъ нѣкоторыя мелкія черты. Извѣстно, что Іоаннъ въ припадкѣ гнѣва, увидавши человѣка ему неугоднаго, вонзилъ ему въ ногу острый жезлъ свой; такъ онъ поступилъ съ слугою Курбскаго, подавшимъ ему письмо отъ своего господина. Въ пѣснѣ Іоаннъ дѣлаетъ то же самое съ Никитою Романовичемъ, на котораго Годуновы донесли, что онъ веселится во время скорби царя о потерѣ сына. Мы упоминали о Донскомъ атаманѣ Мишкѣ Черкашенинѣ [62], который былъ грозою для Азова; въ пѣснѣ сохранилось преданіе объ этомъ польскомъ (степномъ) атаманѣ: „За Зарайскомъ городомъ, за Рязанью за Старою, издалеча изъ чиста поля, изъ раздолья широкаго, какъ бы гнѣдаго тура привезли убитаго, привезли убитаго атамана польскаго, атамана польскаго, а по имени Михайла Черкашенина" [63].

Что касается вообще состоянія просвѣщенія въ Московскомъ государствѣ въ царствованіе Грознаго, то мы не могли не замѣтить усиленнаго литературнаго движенія противъ прежняго. Движенія, и политическое и религіозное, возбуждали умственную дѣятельность, вызывали на борьбу словомъ, къ которой нельзя было приступить безъ приготовленія, безъ начитанности; примѣръ царя въ словесной премудрости ритора и людей къ нему близкихъ не могъ не имѣть вліянія; духовное оружіе собиралось, складывалось въ одно мѣсто, чтобъ удобнѣе можно было имъ пользоваться; митрополитъ Макарій собралъ всѣ извѣстныя на Руси духовныя книги въ двѣнадцать громадныхъ фоліантовъ; монастыри продолжали собирать книги, а какую важность придавали они своимъ библіотекамъ, видно изъ того, что при нихъ были особые книгохранители; въ Іосифовомъ Волоколамскомъ монастырѣ было болѣе 1000 книгъ. Несмотря однако на усиленіе литературной дѣятельности, на распространеніе грамотности, общество, уважая грамотность, было еще далеко до убѣжденія въ необходимости ея даже для членовъ своихъ, занимавшихъ первыя мѣста въ государствѣ; если въ бояринѣ князѣ Курбскомъ видимъ замѣчательнаго по тогдашнимъ сред-

ствамъ писателя, то къ соборной грамотѣ 1566 года двое вельможъ, Иванъ Шереметевъ Меньшой и Иванъ Чеботовъ, рукъ не приложили, потому что грамотѣ не умѣли. Въ поручной записи по бояринѣ Иванѣ Петровичѣ Яковлевѣ находимъ припись: „Которые князья и дѣти боярскіе въ сей записи написаны, а у записи рукъ ихъ нѣтъ: и тѣ князья и дѣти боярскіе, ставши передъ дьякомъ, сказали, что они Ивана Петровича ручали, а у записи рукъ ихъ нѣтъ, потому что они грамотѣ не умѣютъ." Были и такіе, которые отвращали молодыхъ людей отъ ученія, стращая ихъ помѣшательствомъ ума и ересями. Въ Домостроѣ не видимъ увѣщанія отцамъ учить дѣтей грамотѣ, которая признается необходимостію только для духовнаго сословія и людей приказныхъ. Мы видѣли, какія средства для распространенія грамотности въ Московскомъ государствѣ употребилъ соборъ 1557 года. Въ житіи Св. Гурія казанскаго говорится, что господинъ посадилъ его въ темницу; другъ приносилъ ему сюда бумаги и чернилъ, и Святый писалъ книжицы въ наученіе дѣтямъ, продавалъ ихъ и вырученныя деньги раздавалъ нищимъ. Въ западной Россіи были школы при церквахъ: въ 1572 году Дмитрій Митуричъ просилъ у князя Константина Острожскаго участка пустой земли, съ тѣмъ, чтобъ не нести съ нея никакихъ повинностей, а только служить при церкви, держать школу и быть уставникомъ. Поссевинъ пишетъ, что князья Острожскій и Слуцкій имѣютъ типографіи и школы, которыми шизма питается [64].

Къ царствованію Іоанна IV относится и введеніе того могущественнаго средства, которое окрылило мысль человѣческую, введеніе книгопечатанія. Еще въ XV вѣкѣ появилось книгопечатаніе въ славянскихъ странахъ, именно въ Краковѣ съ 1491 года; съ 1525 года видимъ книгопечатаніе и въ Вильнѣ. Царь Іоаннъ въ 1548 году, между другими мастерами, выписалъ изъ Германіи и типографовъ; но ихъ не пропустили въ Россію. Въ 1552 году датскій король Христіанъ III присылалъ въ Москву Ганса Миссенгейма, съ предложеніемъ царю принять протестантизмъ; Миссенгеймъ привозилъ съ собою Библію и двѣ другія книги, въ которыхъ содержалась сущность христіанской вѣры по новому ученію. Еслибы царь согласился на предложеніе королевское, то Миссенгеймъ, переведя привезенныя имъ книги на русскій языкъ, долженъ былъ напечатать ихъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ. Неизвѣстно

какъ принятъ былъ Миссенгеймъ Іоанномъ; невѣроятно, чтобъ царь поручилъ устроеніе типографіи человѣку, присланному явно съ цѣлію распространенія протестантизма. По русскимъ извѣстіямъ, царь, нуждаясь въ церковныхъ книгахъ для вновь строющихся многихъ церквей, велѣлъ скупать ихъ на торгахъ, но оказалось очень мало исправныхъ; это привело Іоанна къ мысли о необходимости книгопечатанія; митрополитъ Макарій одобрилъ эту мысль, и съ 1553 года приступили къ дѣлу, построили домъ царскою казною, въ которомъ только съ 1563 года начали заниматься книгопечатаніемъ два мастера — дьяконъ отъ Николы Гостунскаго, Иванъ Ѳедоровъ, да Петръ Тимоѳеевъ Мстиславецъ; кромѣ нихъ мы уже прежде встрѣчали имя мастера печатныхъ книгъ Маруши Нефедьева подъ 1556 годомъ. 1-го марта 1564 года окончено было печатаніе первой книги—Дѣяній апостольскихъ и соборныхъ посланій съ посланіями апостола Павла. Въ XVII вѣкѣ ходили слухи, что эти первые мастера печатнаго дѣла научились своему искусству у Нѣмцевъ; нѣкоторые же говорили, что сначала русскіе мастера печатали книги малыми и неискусными начертаніями, а послѣ выучились печатать лучше у Нѣмцевъ (у Фрязовъ).

Хотя книгопечатаніе было заведено съ цѣлію прекратить порчу книгъ, однако, при тогдашнемъ состояніи просвѣщенія, не было средствъ повѣрить славянскаго текста греческимъ и изъ славянскихъ текстовъ выбрать лучшій. Доказательствомъ отсутствія просвѣщенія служитъ то, что издатели текстъ Новаго Завѣта называютъ текстомъ 70 толковниковъ! Правописаніе въ первой печатной нашей книгѣ очень плохое, но внѣшность, по времени, очень удовлетворительна. Первые мастера, напечатавши въ 1565 году Часовникъ, принуждены были бѣжать изъ Москвы за границу, обвиненные въ ереси; они сами потомъ объясняли это гоненіе завистію многихъ начальниковъ, священноначальниковъ и учителей, которые на нихъ многія ереси умышляли, желая благое претворить во зло, не потому, чтобы навыкали грамматической хитрости или были исполнены духовнаго разума, но такъ, понапрасну злое слово пронесли. Есть извѣстіе, что типографскій домъ было сожженъ неблагонамѣренными людьми. Въ 1568 году была напечатана Андроникомъ Невѣжею Псалтирь въ Москвѣ, въ 1578 она же напечатана въ Александровской слободѣ; но въ извѣстіи XVII вѣка о книгопечатномъ дѣлѣ говорится, что Андроникъ Невѣжа съ товарищами печаталъ

Часовники и Псалтири, Апостолы и Евангелія, Тріоди, Октоихъ и прочія божественныя книги. Московскіе изгнанники, Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ, удалившись въ Литву, напечатали тамъ много книгъ: оба трудились въ Заблудовѣ, у гетмана Хоткѣвича; потомъ Иванъ Ѳедоровъ печаталъ во Львовѣ, Петръ Тимоѳеевъ въ Вильнѣ, наконецъ Иванъ Ѳедоровъ перешелъ въ Острогъ, къ князю Константину, и въ 1581 году напечаталъ тамъ цѣлую славянскую Библію. Хотя къ этому важному изданію приступлено было, повидимому, съ достаточнымъ приготовленіемъ, однако острожская Библія заключаетъ въ себѣ важныя ошибки; князь Константинъ жалуется, что у него было мало помощниковъ, а одинъ изъ этихъ немногихъ помощниковъ сознается, что никогда не видѣлъ училища.

Первая книга—Апостолъ, была напечатана на плотной голландской бумагѣ. Лѣтописцы оставили намъ извѣстія о дороговизнѣ бумаги, что̀, разумѣется должно было ихъ занимать: такъ въ новгородской лѣтописи подъ 1545 годомъ находимъ извѣстіе: въ этомъ году была бумага дорога, десть два алтына книжная; подъ 1555: бумага дорога была, листъ полденьги писчей.

Считаемъ приличнымъ окончить обзоръ внутренняго состоянія русскаго общества при Іоаннѣ IV словами одного наблюдательнаго иностранца: „Что̀ будетъ изъ Русскихъ людей, если они къ способностямъ переносить суровую жизнь и довольствоваться малымъ присоединятъ еще искусство воинское? Еслибы они сознавали свою силу, то никто не могъ бы соперничать съ ними и сосѣди не имѣли бы отъ нихъ покою“ [65]. Иностранцы смотрѣли односторонне: имъ все казалось, что наука увеличитъ только матеріальныя средства Русскихъ людей, которые употребятъ эти средства противъ сосѣдей. Наука даетъ сознаніе не одннхъ матеріальныхъ, но и нравственныхъ силъ, даетъ народу средства умѣрять силы матеріальныя, направлять ихъ ко благу своему и ко благу другихъ народовъ.

ГЛАВА II.

Царствованіе Θеодора Іоанновича.

Положеніе царскаго дома.—Будущія династіи.—Смуты при утвержденіи Θеодора на престолѣ. — Царское вѣнчаніе Θеодора. — Смерть боярина Никиты Романовича; Годуновъ и его борьба съ Шуйскими.—Образъ царя и правителя.

Іоаннъ Грозный, собственно говоря, былъ послѣдній московскій государь изъ Рюриковской династіи. Собраніе земли, уничтоженіе прежнихъ родовыхъ отношеній между князьями и коренившагося на этихъ отношеніяхъ положенія дружины не обошлись безъ насильственныхъ кровавыхъ явленій, которыя, усиливаясь все болѣе и болѣе, подъ конецъ достигли страшныхъ размѣровъ и принесли свои плоды: боковыя линіи въ потомствѣ Василія Темнаго пресѣклись: князья этихъ линій перемерли безпотомственно въ темницахъ или погибли насильственною смертію; наконецъ, вслѣдствіе страшной привычки давать волю гнѣву и рукамъ, Грозный поразилъ смертельно старшаго сына, поразивши, какъ говорятъ, и внука въ утробѣ материнской. Отчаяніе сыноубійцы должно было увеличиваться сознаніемъ того положенія, въ какомъ онъ оставлялъ свое потомство: младшій сынъ Θеодоръ былъ неспособенъ къ правленію; потомъ родился у Іоанна отъ пятой жены еще сынъ, Димитрій; но этотъ при смерти отца былъ еще въ пеленкахъ.

Такимъ образомъ и по смерти Грознаго государство находилось въ такомъ же положеніи, какъ и по смерти отца его: хотя сынъ Грознаго, Θеодоръ, вступилъ на престолъ и возрастнымъ, но былъ младенецъ по способностямъ, слѣдовательно нужна была опека, регентство, и открывалось поприще для борьбы за это регентство. Но такъ какъ младенчество Θеодора было постоянно и онъ умеръ

не оставя кровныхъ наслѣдниковъ, то борьба бояръ за регентство въ его царствованіе получаетъ уже новое значеніе: здѣсь должны были выставиться не могущественнѣйшіе только роды боярскіе, но будущія династіи: двѣ изъ нихъ погибли въ борьбѣ, въ буряхъ смутнаго времени; третья утвердилась на престолѣ Рюриковичей.

Изъ князей Гедеминовичей большимъ почетомъ пользовалась фамилія князей Мстиславскихъ; при смерти Іоанна князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій занималъ первое мѣсто между боярами; но члены этой фамиліи не отличались никогда значительными способностями, энергіею; гораздо виднѣе въ этомъ отношеніи была младшая линія знаменитаго Патрикѣевскаго рода, линія князей Голицыныхъ, и представитель ея, князь Василій Васильевичъ, является искателемъ престола въ смутное время.

Князей потомковъ Рюрика было много, и южныхъ и сѣверныхъ, и племени Святослава Черниговскаго, и племени Всеволода III Суздальскаго: но князья эти, въ борьбѣ съ младшею линіею Невскаго, съ князьями московскими, потеряли свое значеніе: отношенія родственныя, происхожденія отъ одного родоначальника, были забыты, когда эти князья назвались холопями государей московскихъ; сами князья хорошо помнили свое прежнее значеніе, но народъ забылъ объ немъ: мы видѣли, какъ слаба была связь этихъ князей съ областями, которыми прежде владѣли ихъ предки, и какъ Іоаннъ Грозный отобраніемъ въ казну и перемѣною вотчинъ старался окончательно порвать всякую связь; притомъ и названіе: князь, не напоминало болѣе народу о происхожденіи отъ древнихъ властителей Россіи, ибо подлѣ Рюриковичей съ этимъ же титуломъ явились и Гедиминовичи Литовскіе, и выходцы изъ Орды и съ Кавказа.

Между князьями Рюриковичами, по прежнему, первое мѣсто по родовымъ преданіямъ, по энергіи и выдающимся достоинствамъ своихъ членовъ занимала фамилія Шуйскихъ. Опала, постигшая эту фамилію при совершеннолѣтіи Іоанна, не могла сломить ее: князь Петръ Шуйскій, какъ полководецъ, является на самомъ видномъ мѣстѣ, и хотя погибъ безъ славы во второй Оршинской битвѣ, но защита Пскова, въ которой прославился сынъ его, князь Иванъ Петровичъ, возстановила съ лихвою славу фамиліи. Извѣстно, какъ дорогъ бываетъ для народа одинъ успѣхъ среди многихъ неудачъ, какъ дорогъ бываетъ для народа человѣкъ, совершившій славный подвигъ, поддержавшій честь народную въ то время, когда другіе

теряли ее: неудивительно потому встрѣчать намъ извѣстіе, что князь Иванъ Петровичъ Шуйскій пользовался особеннымъ расположеніемъ горожанъ московскихъ, купцовъ и черныхъ людей.

Но подлѣ княжескихъ фамилій, Рюриковскихъ и Гедиминовскихъ, являются двѣ боярскія московскія фамиліи, приблизившіяся къ престолу посредствомъ родства съ царями, фамилія Романовыхъ-Юрьевыхъ и Годуновыхъ. Конечно, ни потомки удѣльныхъ, представители отжившей старины, ни литовскіе выходцы не имѣли такого историческаго права наслѣдовать собирателямъ земли, государямъ московскимъ, какъ представители древняго, истаго московскаго боярства, которое такъ усердно послужило собирателямъ земли при ихъ дѣлѣ. Ни одна изъ этихъ старыхъ, истыхъ боярскихъ фамилій такъ устойчиво не удерживала за собою виднаго мѣста, такъ неуклонно не присутствовала при дѣлѣ государственнаго созиданія, совершаемаго Москвою, какъ фамилія Романовыхъ-Юрьевыхъ [66]. Менѣе значительна была фамилія Годуновыхъ: Борисъ Өеодоровичъ Годуновъ приблизился къ царю Іоанну посредствомъ брака своего на дочери любимца царскаго, извѣстнаго опричника, Малюты Скуратова-Бѣльскаго; потомъ Годуновъ еще болѣе приблизился къ царскому семейству черезъ бракъ сестры его Ирины съ царевичемъ Өеодоромъ; личныя достоинства давали Борису средства сохранить и усилить значеніе, пріобрѣтенное имъ посредствомъ этихъ связей. Источники говорятъ согласно, что умирающій Іоаннъ поручилъ сыновей своихъ, Өедора и Димитрія, нѣкоторымъ изъ самыхъ приближенныхъ вельможъ; но источники сильно разногласятъ относительно именъ и числа этихъ вельможъ. Одни называютъ только двухъ старшихъ членовъ Думы: князя Ивана Өеодоровича Мстиславскаго и Никиту Романовича Юрьева; другіе называютъ Никиту Романовича и князя Ивана Петровича Шуйскаго; по нѣкоторымъ Іоаннъ приказалъ Өеодора Шуйскому, Мстиславскому и Никитѣ Романовичу; иные упоминаютъ неопредѣленно о четырехъ главныхъ совѣтникахъ, а иные наконецъ о пяти, прибавляя къ тремъ означеннымъ лицамъ еще двухъ — Богдана Бѣльскаго и Бориса Годунова. Сначала изъ этихъ вельможъ самымъ сильнымъ вліяніемъ пользовался дядя царскій, Никита Романовичъ [67]; но уже отъ августа 1584 года мы имѣемъ извѣстіе о тяжкой болѣзни этого боярина [68].

Θеодоръ утвердился на престолѣ не безъ смутъ: какъ по смерти великаго князя Василія началась немедленно смута по поводу удѣльнаго князя, такъ и теперь смута началась также по поводу удѣльнаго князя, брата Θеодорова, Димитрія, хотя этотъ удѣльный и былъ младенецъ. Какъ видно, смута началась еще при жизни Іоанна, потому что въ первую же ночь по его смерти, 18 марта, приверженные къ Θеодору вельможи обвинили въ измѣнѣ Нагихъ, родственниковъ Димитрія по матери, велѣли ихъ схватить, держать подъ стражею, схватили и многихъ другихъ, которыхъ жаловалъ покойный царь, и разослали по городамъ, иныхъ по темницамъ, другихъ за приставами; домы ихъ разорили, помѣстья и отчины роздали въ раздачу[69]. Волновались вельможи и горожане; для охраненія порядка отряды войска ходили по улицамъ и пушки стояли на площадяхъ. Потомъ Димитрій съ матерью, отцомъ ея и родственниками, Нагими, отосланъ былъ въ свой удѣлъ—Угличъ [70]. Иностранцы пишутъ, что главнымъ заводчикомъ смуты въ пользу Димитрія былъ Богданъ Бѣльскій, человѣкъ славившійся умомъ, досужествомъ ко всякимъ дѣламъ, безпокойный, честолюбивый, склонный къ крамоламъ. По отъѣздѣ Димитрія въ Угличъ, Бѣльскій остался въ Москвѣ и продолжалъ крамолы, вслѣдствіе чего противные ему бояре съ народомъ осадили его въ кремлѣ и принудили къ сдачѣ. Русскіе лѣтописцы также говорятъ о возстаніи московскаго народа противъ Бѣльскаго. По ихъ словамъ, въ народѣ разнесся слухъ, что Бѣльскій съ своими совѣтниками извелъ царя Іоанна, а теперь хочетъ побить бояръ, хочетъ искать смерти царю Θеодору, послѣ котораго быть ему самому на царствѣ Московскомъ. Чернь взволновалась, возмутила и ратныхъ людей, пришли съ великою силою и оружіемъ къ городу, и едва успѣли затворить отъ нихъ кремль. Къ черни пристали Рязанцы—Ляпуновы, Кикины и другіе городовые дѣти боярскіе, оборотили пушку къ Фроловскимъ (Спасскимъ) воротамъ и хотѣли выбить ихъ вонъ. Тогда царь Θеодоръ выслалъ къ народу бояръ, князя Ивана Θеодоровича Мстиславскаго, Никиту Романовича Юрьева и двоихъ дьяковъ, братьевъ Щелкаловыхъ, велѣлъ уговаривать народъ милостиво, что возмутилъ его кто-нибудь не по дѣлу, хотя пролитія крови христіанской, и разспросить, что̀ ихъ приходъ въ городъ и на кого? На этотъ вопросъ въ народѣ раздался крикъ: „Выдай намъ Богдана Бѣльскаго: онъ хочетъ извести царскій корень и

боярскіе роды". Тогда царь велѣлъ объявить народу, что Богдана Бѣльскаго онъ велѣлъ сослать въ Нижній-Новгородъ; и народъ, слыша слова государевы и видя всѣхъ бояръ, разошелся по домамъ [71]. По другимъ извѣстіямъ [72], въ народѣ ходили слухи, что Бѣльскій прочитъ царство Московское совѣтнику своему Борису Годунову, и что заводчиками смуты были Рязанцы Ляпуновы и Кикины, по внушенію князей Шуйскихъ. Наконецъ, по одному извѣстію, поводомъ къ смутѣ было слѣдующее обстоятельство: между боярами были двѣ стороны: къ одной принадлежали: князь Мстиславскій, Шуйскій, Голицынъ, Романовъ, Шереметевъ, Головинъ; къ другой — Годуновы, Трубецкіе, Щелкаловъ (?); Богданъ Бѣльскій хотѣлъ быть больше казначея, Петра Головина, и за Петра сталъ князь Мстиславскій, а за Богдана — Годуновъ; Бѣльскаго хотѣли убить до смерти, и едва ушелъ онъ къ царицѣ; въ это время одинъ сынъ боярскій выѣхалъ изъ кремля на торгъ началъ скакать и кричать, что бояръ Годуновыхъ побиваютъ до смерти; народъ взволновался и двинулся къ кремлю; увидѣвши, что кремль запертъ, всколебался еще сильнѣе и сталъ придвигать пушки къ воротамъ: тогда бояре помирились, выѣхали и уговорили народъ разойтись. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ этомъ дѣлѣ было убито 20 человѣкъ и около 100 ранено [73].

Какъ бы то ни было, вѣрно одно, что приверженцы Ѳеодора опасались непріязненныхъ движеній со стороны приверженцевъ Димитрія, что Богданъ Бѣльскій своими честолюбивыми стремленіями возбудилъ противъ себя сильную ненависть многочисленной и могущественной стороны въ Думѣ, и долженъ былъ ей уступить вслѣдствіе случайнаго или подготовленнаго его врагами мятежа народнаго. Лѣтописецъ говоритъ, что Борисъ Годуновъ, мстя за приходъ на Богдана Бѣльскаго, велѣлъ схватить и разослать по городамъ и темницамъ дворянъ Ляпуновыхъ, Кикиныхъ и другихъ дѣтей боярскихъ, также многихъ посадскихъ людей; но мы знаемъ, какъ лѣтописцы любили приписывать Годунову всякій насильственный поступокъ: они приписываютъ ему же и отдачу подъ стражу Нагихъ тотчасъ по смерти царя Іоанна; мы знаемъ также, что въ это время онъ вовсе не имѣлъ того могущества, которымъ обладалъ послѣ.

По словамъ лѣтописца, пришли изо всѣхъ городовъ въ Москву имянитые люди и молили со слезами царевича Ѳеодора, чтобъ былъ

на Московскомъ государствѣ царемъ и вѣнчался царскимъ вѣнцомъ. Это извѣстіе очень любопытно: зачѣмъ явились именитые люди изъ городовъ въ Москву? Былъ ли обычай прежде, что именитые люди изъ городовъ являлись въ Москву поздравлять новаго государя, и теперь они, устрашенные смутами, умоляютъ Ѳедора поскорѣе [74] принять царскій вѣнецъ? или положеніе дѣлъ было такъ смутно и опасно, или дѣйствительно раждался вопросъ, кому быть царемъ—возрастному, но неспособному Ѳеодору или младенцу Димитрію, и было такъ много людей на сторонѣ послѣдняго, что Дума сочла за нужное вызвать именитыхъ людей изъ городовъ? Англичанинъ Горсей, бывшій въ это время въ Москвѣ, говоритъ о соборѣ, бывшемъ 4-го мая, на которомъ присутствовали митрополитъ, архіепископы, епископы, игумены и все дворянство [75].

Въ 1584 году 31-го мая Ѳеодоръ вѣнчался на царство по прежнимъ обычаямъ [76]; митрополитъ Діонисій говорилъ поученіе, увѣщевалъ царя имѣть вѣру ко святымъ церквамъ и честнымъ монастырямъ, ему, митрополиту, и всѣмъ своимъ богомольцамъ повиноваться, ибо честь воздающаяся святителю къ Самому Христу восходитъ; братью свою по плоти любить и почитать; бояръ и вельможъ жаловать и беречь, по ихъ отечеству, и ко всѣмъ князьямъ и княжатамъ, къ дѣтямъ боярскимъ и ко всему воинству быть приступну, милостиву и привѣтну; всѣхъ православныхъ христіанъ блюсти, жаловать и попеченіе о нихъ имѣть отъ всего сердца, за обидимыхъ стоять царски и мужески, не давать обижать не по суду и не по правдѣ; языка льстиваго и слуха суетнаго не принимать, оболгателя не слушать, и злымъ людямъ вѣры не давать; быть любомудру или мудрымъ послѣдовать, потому что на нихъ, какъ на престолѣ, Богъ почиваетъ; раздавать сапы безвозмездно, ибо купившій власть мздоимцемъ бываетъ, и проч.

Въ 1586 году въ апрѣлѣ умеръ бояринъ Никита Романовичъ [77], и на его мѣсто, по словамъ лѣтописей, сталъ правителемъ братъ царицы, Борисъ Годуновъ, хотя какъ видно и прежде, при жизни Никиты Романовича, особенно пользуясь болѣзнію послѣдняго, Борисъ не упускалъ случаевъ все болѣе и болѣе усиливать свое вліяніе на царя посредствомъ сестры; Ирина же, какъ говорятъ современныя свидѣтельства, была способна сама имѣть вліяніе и проводить вліяніе брата [78]. Но понятно, что утвержденіе на мѣстѣ правителя не могло обойтись для Годунова безъ борьбы съ людьми,

которые считали за собою бо́льшія права на занятіе этого мѣста. Была вражда между боярами, говорятъ лѣтописцы; раздѣлились они на двѣ стороны: на одной Борисъ Годуновъ съ дядьями и братьями, съ нѣкоторыми князьями, боярами, дьяками, духовными и многими служилыми людьми; на другой сторонѣ князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій, а съ нимъ Шуйскіе, Воротынскіе, Головины, Колычовы, и другіе служилые люди, и чернь московская. Говорятъ, что сначала Годуновъ привлекъ на свою сторону князя Мстиславскаго, такъ что тотъ назвалъ его себѣ сыномъ; но потомъ Шуйскіе, Воротынскіе, Голицыны, другіе бояре, служилые люди и чернь московская, стали уговаривать Мстиславскаго, чтобъ онъ, соединясь съ ними, извелъ Бориса. Мстиславскій долго отказывался, но потомъ согласился: положили убить Годунова на пиру въ домѣ Мстиславскаго. Извѣстіе вѣроятное: мы знаемъ, какъ дѣйствовали Шуйскіе въ малолѣтство Іоанна, а потомъ въ грозное царствованіе отъ насильственныхъ, кровавыхъ поступковъ некогда было отвыкнуть; родовой характеръ, т.-е. родовая безхарактерность Мстиславскихъ изображена также вѣрно: сперва князь Иванъ отказывается, а потомъ соглашается на убійство названнаго сына. Какъ бы то ни было, свидѣтельства согласны, что на этотъ разъ борьба съ Годуновымъ велась во имя первенствующаго боярина, князя Мстиславскаго, и Годуновъ, соединясь съ дьяками Щелкаловыми, назвавши ихъ себѣ отцами, осилилъ противниковъ [73]: князь Иванъ Мстиславскій былъ схваченъ и постриженъ въ Кирилловѣ монастырѣ; Воротынскихъ, Головиныхъ и многихъ другихъ схватили и разослали по городамъ, нѣкоторыхъ заключили въ темницы; одинъ изъ Головиныхъ, Михайла, услыхавъ объ опалѣ родичей, ушелъ изъ своей Медынской отчины въ Литву къ Баторію.

Но Шуйскіе, искусно дѣйствуя черезъ другихъ, остались нетронутыми. Годуновъ съ своими совѣтниками держалъ на нихъ большой гнѣвъ; они, съ своей стороны, ему противились и ни въ чемъ не поддавались; гости всѣ и московскіе торговые черные люди стояли за Шуйскихъ и, говорятъ, хотѣли побить Годунова камнями, что́ заставило его искать мира съ Шуйскими. Митрополитъ Діонисій хотѣлъ быть посредникомъ: онъ позвалъ и Годунова, и Шуйскихъ къ себѣ, умолялъ помириться, и они послушались его увѣщаній. Но въ то время, какъ бояре были у митрополита, у Грановитой палаты собралась толпа торговыхъ людей; князь Иванъ

Петровичъ Шуйскій, вышедши отъ митрополита, подошелъ къ купцамъ и объявилъ имъ, что они, Шуйскіе, съ Борисомъ Өедоровичемъ помирились; тутъ изъ толпы выступили два купца и сказали ему: „Помирились вы нашими головами: и вамъ отъ Бориса пропасть, да и намъ погибнуть". Въ ту же ночь эти два купца были схвачены и сосланы невѣдомо куда. Любопытно это сильное участіе торговыхъ людей московскихъ въ борьбѣ Шуйскихъ съ Годуновымъ; мы не можемъ не видать здѣсь слѣдствія поступковъ Грознаго, который, враждуя къ боярамъ, поднялъ значеніе горожанъ московскихъ, призывая ихъ па соборъ, обращаясь къ нимъ съ жалобою на бояръ по отъѣздѣ въ Александровскую слободу. Понятно, что поступокъ Годунова съ купцами не могъ поддержать мира между нимъ и Шуйскими. Послѣдніе придумали самое удобное средство сломить въ корню могущество Годунова, убѣдивши Өеодора развестись, по примѣру дѣда, съ неплодною Ириною и вступить въ новый бракъ: князь Иванъ Петровичъ Шуйскій и другіе бояре, гости московскіе и всѣ люди купеческіе, согласились и утвердились рукописаніемъ бить челомъ государю о разводѣ. Митрополитъ, котораго голосъ больше всѣхъ имѣлъ значенія въ этомъ дѣлѣ, также былъ согласенъ дѣйствовать заодно съ ними. Но Годуновъ узналъ о замыслѣ враговъ и постарался уговорить Діонисія не начинать дѣла. Между прочимъ, говорятъ, Борисъ представлялъ митрополиту, что и лучше, если у Өеодора не будетъ дѣтей, ибо, въ противномъ случаѣ, произойдетъ междоусобіе между ними и дядею ихъ, Димитріемъ Углицкимъ. Естественно, что, отклонивши эту бѣду, Годуновъ не могъ долго оставлять въ покоѣ Шуйскихъ, давать имъ время еще что-нибудь придумать противъ него; естественно, что и Шуйскіе также не могли долго оставаться въ покоѣ. Лѣтописцы говорятъ, что Борисъ не умягчилъ своего сердца на Шуйскихъ и научилъ людей ихъ, Өеодора Стараго съ товарищами, обвинить господъ своихъ въ измѣнѣ. Вслѣдствіе этого въ 1587 году Шуйскихъ перехватали; князя Ивана Петровича схватили на дорогѣ, когда онъ ѣхалъ въ свою Суздальскую вотчину; вмѣстѣ съ Шуйскими схватили друзей ихъ, князей Татевыхъ, Урусовыхъ, Колычевыхъ, Бакасывыхъ и другихъ; людей ихъ пытали разными пытками и много крови пролили; пытали крѣпкими пытками и гостей московскихъ, Өеодора Нагая съ товарищами, и на пыткахъ они ничего не сказали. По окончаніи слѣдствія, князя Ивана Пе-

тровича Шуйскаго сослали въ отчину его, село Лопатничи, съ приставомъ, изъ Лопатничъ отправили на Бѣлоозеро и тамъ удавили; князя Андрея Ивановича Шуйскаго сослали въ село Воскресенское, оттуда въ Каргополь и тамъ удавили; князя Ивана Татева сослали въ Астрахань, Крюка-Колычева въ Нижній-Новгородъ, въ тюрьму каменную, Бакасовыхъ и другихъ знатныхъ людей разослали по городамъ, а гостямъ московскимъ, Ѳеодору Нагаю съ шестью товарищами, въ Москвѣ, на пожарѣ отсѣкли головы, другихъ торговыхъ людей заключили въ тюрьмы, нѣкоторыхъ разослали по городамъ на житье. Не знаемъ, вѣрить ли безусловно показанію лѣтописца объ участи двоихъ князей Шуйскихъ, Ивана и Андрея? дѣйствительно ли они были удавлены и именно по приказанію Годунова? или это былъ только слухъ? дѣло Романовыхъ научаетъ насъ осторожности. Любопытно, какъ само правительство, т.-е. Годуновъ съ своею стороною, старались представить это дѣло правительствамъ иностраннымъ. Въ наказахъ посламъ, отправлявшимся въ Литву, находимъ: спросятъ за что на Шуйскихъ государь опалу положилъ? и за что казнили земскихъ посадскихъ людей?—отвѣчать: государь князя Ивана Петровича за его службу пожаловалъ своимъ великимъ жалованьемъ, далъ въ кормленье Псковъ и съ пригородами, съ тамгою и кабалами, чего ни одному боярину не давалъ государь. Братья его, князь Андрей и другіе братья, стали предъ государемъ измѣну дѣлать, неправду, на всякое лихо умышлять съ торговыми мужиками, а князь Иванъ Петровичъ имъ потакалъ, къ нимъ присталъ и неправды многія показалъ предъ государемъ. То не диво въ государствѣ добрыхъ жаловать, а лихихъ казнить. Государь нашъ милостивъ: какъ сѣлъ послѣ отца на своихъ государствахъ, ко всѣмъ людямъ свое милосердіе и жалованье великое показалъ; а мужики, надѣясь на государскую милость, заворовали было, не въ свое дѣло вступились, къ бездѣльникамъ пристали; государь велѣлъ объ этомъ сыскать, и которые мужики воры такое бездѣлье учинили, тѣхъ пять или шесть человѣкъ государь велѣлъ казнить; а Шуйскаго князя Андрея сослалъ въ деревню, за то, что къ бездѣльникамъ приставалъ, а опалы на него никакой не положилъ; братья же князя Андрея, князь Василій, князь Димитрій, князь Александръ и князь Иванъ, въ Москвѣ; а князь Василій Ѳеодоровичъ Скопинъ-Шуйскій, тотъ былъ на жалованьѣ на Каргополѣ, и теперь, думаемъ, въ Москвѣ;

бояринъ князь Иванъ Петровичъ поѣхалъ къ себѣ въ отчину новую, въ государево данье, на Кинешму: городъ у него большой на Волгѣ, государь ему пожаловалъ за псковскую осаду; а мужики, всѣ посадскіе люди теперь по старому живутъ.—Если спросятъ: зачѣмъ же въ кремлѣ городѣ въ осадѣ сидѣли и стражу крѣпкую поставили?—отвѣчать: этого не было; это сказалъ какой-нибудь бездѣльникъ: отъ кого отъ мужиковъ въ осадѣ сидѣть? а сторожа въ городѣ и по воротамъ не новость; такъ издавна ведется: сторожа по воротамъ, и дѣти боярскіе прикащики живутъ для всякаго береженья[80].

Лилась кровь на пыткахъ, на плахѣ: лилась кровь въ усобицѣ боярской; и вотъ митрополитъ Діонисій вспомнилъ свою обязанность печалованія: видя многое убійство и кровопролитіе неповинное, онъ, вмѣстѣ съ крутицкимъ архіепископомъ Варлаамомъ, началъ говорить царю о многихъ неправдахъ Годунова. Но какое дѣйствіе могли произвести слова архіереевъ на ребенка, привязаннаго къ своей нянькѣ? Годуновъ оболгалъ царю архіереевъ, говоритъ лѣтописецъ: Діонисій и Варлаамъ были свергнуты и заточены въ новгородскіе монастыри; въ митрополиты возведенъ былъ Іовъ, архіепископъ ростовскій, человѣкъ вполнѣ преданный Годунову.

О митрополитѣ Діонисіи существуетъ мнѣніе, что онъ, будучи честолюбивъ, уменъ, сладкорѣчивъ, дѣйствовалъ противъ Годунова въ союзѣ съ Шуйскими вслѣдствіе оскорбленнаго честолюбія, вслѣдствіе того, что Годуновъ мѣшалъ его вліянію на набожнаго царя.[81] Діонисій могъ быть уменъ и сладкорѣчивъ: во многихъ хронографахъ онъ называется мудрымъ грамматикомъ; но чтобы онъ дѣйствовалъ противъ Годунова изъ честолюбія, на это нѣтъ никакихъ современныхъ свидѣтельствъ. Діонисій является въ началѣ миротворцемъ между Годуновымъ и Шуйскими; потомъ, когда тотчасъ же послѣ примиренія Годуновъ опять началъ вражду, сославши неизвѣстно куда двоихъ приверженцевъ Шуйскаго, митрополитъ соединяется съ послѣднимъ, но позволяетъ уговорить себя Борису не начинать дѣла о разводѣ, ибо это дѣло долженствовало быть очень тяжело для совѣсти святителя; Діонисій не могъ не помнить, какимъ нареканіямъ подвергался митрополитъ Даніилъ за разводъ великаго князя Василія. Наконецъ, когда, по прямому свидѣтельству лѣтописца, Годуновъ, преслѣдуя Шуйскихъ, пролилъ много

крови неповинной, Діонисій является явнымъ обличителемъ неправдъ его предъ царемъ и страдаетъ за это. Душа человѣческая темна; Діонисій могъ дѣйствовать по разнымъ побужденіямъ; но мы считаемъ непозволительнымъ для историка приписывать историческому лицу побужденія именно безнравственныя, когда на это нѣтъ никакихъ доказательствъ.

Годуновъ освободился отъ всѣхъ соперниковъ; послѣ паденія Шуйскихъ и сверженія Діонисія съ Варлаамомъ, никто уже не осмѣливался возставать противъ всемогущаго правителя, который былъ признанъ таковымъ и внутри и внѣ государства. Годуновъ величался Конюшимъ и ближнимъ Великимъ бояриномъ, намѣстникомъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго; правительствамъ иностраннымъ давалось знать, что если они хотятъ получить желаемое отъ московскаго правительства, то должны обращаться къ шурину царскому, котораго просьбы у царя безъ исполненія не бываютъ; правительства иностранныя поняли это, и мы видимъ, что Годуновъ переписывается и передаривается съ императоромъ, королевою англійскою, съ ханомъ крымскимъ, съ великимъ визиремъ турецкимъ, принимаетъ у себя пословъ. По извѣстіямъ иностранцевъ, бывшихъ въ Москвѣ, Борисъ былъ правителемъ государства по имени и царемъ по власти; ежегодный доходъ его вмѣстѣ съ жалованьемъ простирался до 93,700 рубл. и больше; онъ получалъ доходы съ области Важской, съ Рязани и страны Сѣверской, съ Твери и Торжка, съ бань и купаленъ московскихъ, съ пчельниковъ и луговъ по обоимъ берегамъ Москвы рѣки на 30 верстъ вверхъ и на 40 внизъ по теченію: говорятъ, что Годуновъ и его родственники могли выставлять съ своихъ имѣній въ 40 дней 100,000 вооруженныхъ людей.

Мы видѣли какъ Борисъ достигъ значенія правителя и какими путями избавился отъ всѣхъ своихъ противниковъ. Теперь мы должны перейти къ его правительственной дѣятельности; но прежде взглянемъ на образы и царя, и правителя, какъ они начертаны современниками.

Өеодоръ былъ небольшаго роста, приземистъ, опухлъ; носъ у него ястребиный, походка нетвердая; онъ тяжелъ и недѣятеленъ, но всегда улыбается. Онъ простъ, слабоуменъ, но очень ласковъ, тихъ, милостивъ и чрезвычайно набоженъ. Обыкновенно встаетъ онъ около четырехъ часовъ утра. Когда одѣнется и умоется, при-

ходитъ къ нему отецъ духовный съ крестомъ, къ которому царь прикладывается. Затѣмъ крестовый дьякъ вноситъ въ комнату икону святаго, празднуемаго въ тотъ день, передъ которою царь молится около четверти часа. Входитъ опять священникъ со святою водою, кропитъ ею иконы и царя. Послѣ этого царь посылаетъ къ царицѣ спросить, хорошо ли она почивала? и чрезъ нѣсколько времени самъ идетъ здороваться съ нею въ средней комнатѣ, находящейся между его и ея покоями; отсюда идутъ они вмѣстѣ въ церковь къ заутрени, продолжающейся около часу. Возвратясь изъ церкви, царь садится въ большой комнатѣ, куда являются на поклонъ бояре, находящіеся въ особенной милости. Около девяти часовъ царь ѣдетъ къ обѣднѣ, которая продолжается два часа; отдохнувши послѣ службы, обѣдаетъ; послѣ обѣда спитъ обыкновенно три часа, иногда же только два, если отправляется въ баню или смотрѣть кулачный бой. Послѣ отдыха идетъ къ вечернѣ и, возвратясь оттуда, большею частію проводитъ время съ царицею до ужина. Тутъ забавляютъ его шуты и карлы мужескаго и женскаго пола, которые кувыркаются и поютъ пѣсни: это самая любимая его забава; другая забава—бой людей съ медвѣдями. Каждую недѣлю царь отправляется на богомолье въ какой-нибудь изъ ближнихъ монастырей. Если кто на выходѣ бьетъ ему челомъ, то онъ, избывая мірской суеты и докуки, отсылаетъ челобитчика къ большому боярину Годунову.

Объ этомъ большомъ бояринѣ современники говорятъ, что онъ цвѣлъ благолѣпіемъ, видомъ и умомъ всѣхъ людей превзошелъ; мужъ чудный и сладкорѣчивый, много устроилъ онъ въ русскомъ государствѣ достохвальныхъ вещей, ненавидѣлъ мздоимство, старался искоренять разбои, воровства, корчемства, но не могъ искоренить; былъ онъ свѣтлодушенъ и милостивъ и нищелюбивъ; но въ военномъ дѣлѣ былъ неискусенъ. Цвѣлъ онъ какъ финикъ листвіемъ добродѣтели, и еслибы терпъ завистной злобы не помрачалъ цвѣта его добробѣтели, то могъ бы древнимъ царямъ уподобиться. Отъ клеветниковъ извѣты на невинныхъ въ ярости суетно принималъ, и поэтому навелъ на себя негодованіе чиноначальниковъ всей Руской земли; отсюда много напастныхъ золъ на него возстали и доброцвѣтущую царства его красоту внезапно низложили[82].

ГЛАВА III.

Продолженіе царствованія Өеодора Іоанновича.

Состояніе Польши въ началѣ царствованія Өеодора.—Посольство Измаилова къ Баторію.—Посольство князя Троекурова и Безнина.—Слухи о замыслахъ австрійскаго дома на престолъ московскій.—Пріѣздъ въ Москву Баторіева посла Гарабурды и переговоры его о престолонаслѣдіи.—Вторичное посольство князя Троекурова къ Баторію. — Смерть Баторія. — Королевскіе выборы въ Польшѣ. — Избраніе Сигизмунда Вазы. — Сношенія съ Швеціею. — Война съ нею.—Сношенія съ Польшею.—Миръ съ Швеціею.—Сношенія съ Австріею.—Съ Папою.—Съ Англіею.—Съ Даніею.—Съ Крымомъ; нашествіе хана Казы-Гирея на Москву.—Сношенія съ Турціею.—Донскіе козаки.—Дѣла кавказскія.—Переговоры съ Персіею.—Утвержденіе Русскихъ въ Сибири.

Въ то время, когда на престолѣ московскомъ воцарился послѣдній изъ Рюриковичей, и въ глазахъ его боролись двѣ фамиліи, Годуновы и Шуйскіе, которымъ суждено было на короткое время занимать престолъ Московскій и гибнуть въ буряхъ смутнаго времени,— въ то время Европа приготовлялась къ рѣшенію великаго религіознаго вопроса, поднятаго въ XVI вѣкѣ. Южные полуострова— Аппенинскій и Пиренейскій оставались вѣрны католицизму; на сѣверѣ, наоборотъ, въ Англіи, Шотландіи, Нидерландахъ, Даніи, сѣверной Германіи, торжествовалъ протестантизмъ; въ Швеціи, несмотря на колебанія короля Іоанна, торжество протестантизма также было несомнѣнно. Въ государствахъ средней Европы борьба продолжалась: во Франціи, среди кровавыхъ волненій, пресѣкалась царственная линія Валуа, но Генрихъ Бурбонъ, начавшій борьбу подъ знаменемъ протестантизма, скоро долженъ былъ убѣдиться въ необходимости уступить католическому большинству; Германія готовилась къ тридцатилѣтней войнѣ, которою должно было запе-

чатлѣться ея раздвоеніе. Въ Польшѣ бралъ верхъ католицизмъ; здѣсь оканчивалъ свое царствованіе Баторій.

Баторій принадлежалъ къ числу тѣхъ историческихъ лицъ, которыя, опираясь на свои личныя силы, рѣшаются идти на перекоръ уже установившемуся порядку вещей, наперекоръ дѣлу вѣковъ и цѣлыхъ поколѣній, и успѣваютъ на время остановить ходъ неотразимыхъ событій; эти люди показываютъ, какое значеніе можетъ имѣть въ извѣстное время одна великая личность, и въ то же время показываютъ, какъ ничтожны силы одного человѣка, если онѣ становятся на дорогѣ тому, чему, рано или поздно, суждено быть. Явившись случайно на польскомъ престолѣ, Баторій предположилъ себѣ цѣлію утвердить могущество Польши, уничтоживъ могущество Московскаго государства и, повидимому, достигъ своей цѣли: побѣдилъ, унизилъ Іоанна IV-го, отнялъ у него балтійскіе берега, обладаніе которыми было необходимымъ условіемъ для дальнѣйшаго преуспѣянія, для могущества Московскаго государства; но когда онъ вздумалъ нанести этому государству рѣшительный ударъ, то внутри собственной страны встрѣтилъ тому препятствія, приготовленныя вѣками, и сокрушить которыя онъ былъ не въ состояніи: то было могущество вельможъ, преслѣдующихъ свои личныя цѣли и согласныхъ только въ одномъ стремленіи—не давать усилиться королевской власти. Баторій дѣйствовалъ не одинъ: онъ приблизилъ къ себѣ, въ санѣ гетмана и канцлера, самаго даровитаго и самаго образованнаго изъ вельможъ польскихъ Яна Замойскаго; но и соединенныя усилія этихъ двухъ знаменитыхъ людей не могли ничего сдѣлать.

Дѣло Зборовскихъ, напоминающее римскихъ Катилинъ, Клодіевъ и Милоновъ, даетъ намъ ясное понятіе о состояніи Польши въ описываемое время. Въ 1574 году, при королѣ Генрихѣ, у самаго королевскаго замка произошла схватка между двумя врагами, Самуиломъ Зборовскимъ и Яномъ Теньчыньскимъ, изъ которыхъ каждый былъ окруженъ своею дружиною; вмѣстѣ съ Теньчыньскимъ находился пріятель его, Андрей Ваповскій, который былъ смертельно раненъ въ схваткѣ. Зборовскій приговоренъ былъ за то къ вѣчному изгнанію изъ отечества; но онъ мало думалъ объ исполненіи приговора: набравши наемную дружину, онъ разъѣзжалъ съ нею по польскимъ областямъ, правители которыхъ или не смѣли, или не хотѣли остановить его. Съ нимъ въ сношеніи были братья его,

Христофъ и Андрей, которые, видя нерасположеніе къ себѣ Баторія и Замойскаго, и грозимые разореніемъ вслѣдствіе своей расточительности, обнаруживали явно враждебные умыслы противъ короля и гетмана: два раза давали знать Баторію о замыслахъ Зборовскихъ на его жизнь.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Замойскій, въ званіи старосты краковскаго, отправился въ Краковъ, для отправленія судныхъ дѣлъ; на дорогѣ получилъ онъ вѣсть, что Самуилъ Зборовскій другимъ путемъ приближается также къ Кракову и явно хвалится, что въѣдетъ въ городъ въ одно время съ Замойскимъ. Когда Замойскій остановился въ Прошовицахъ, мѣстѣ, принадлежавшемъ уже къ краковскому староству, Зборовскій остановился въ Подоланахъ, въ милѣ отъ Прошовицъ, и при солнечномъ заходѣ отправился въ Печму, къ одной изъ своихъ родственницъ; а въ Краковѣ между тѣмъ толпа буйной молодежи собиралась ударить на Замойскаго при его въѣздѣ въ городъ, въ то самое время, какъ Зборовскій ударитъ на него съ тылу. Узнавши, что Зборовскій одинъ въ Печмѣ, Замойскій отправилъ отрядъ пѣхоты, подъ начальствомъ вѣрныхъ людей, захватить его тамъ ночью, что́ и было легко исполнено; опираясь на право старостъ приводить въ исполненіе судные приговоры, Замойскій велѣлъ казнить смертію Зборовскаго, ибо за нарушеніе приговора о вѣчномъ изгнаніи нарушителю назначена была смертная казнь [33].

Этотъ поступокъ канцлера возбудилъ страшную бурю, потому что у Зборовскихъ была большая партія, да и кромѣ нихъ было много недовольныхъ королемъ и Замойскимъ. Выставляли сомнѣніе относительно права Замойскаго казнить смертію Самуила; говорили, что хотя король Генрихъ и осудилъ послѣдняго на вѣчное изгнаніе, однако чести у него не отнялъ, слѣдовательно, его нельзя было казнить смертію; на это возражали, что если осужденному на вѣчное изгнаніе не будетъ грозить смерть за нарушеніе приговора, то что́ будетъ мѣшать ему возвращаться на родину? что на изгнаніе осуждаютъ именно тѣхъ, которые по винѣ своей дошли до смертной казни. Между прочимъ Зборовскимъ удалось привлечь на свою сторону Станислава Гурку, воеводу Познанскаго, пользовавшагося самымъ сильнымъ вліяніемъ въ Великой Польшѣ. Гурка до сихъ поръ былъ въ непріязни съ Зборовскими и въ дружбѣ съ Замойскимъ: но въ это время умеръ братъ его, послѣ котораго онъ просилъ

себѣ у короля староства Яворовскаго; того же староства просилъ Замойскій и получилъ: тогда раздосадованный Гурка перешелъ на сторону Зборовскихъ.

Приближался сеймъ. На предварительныхъ сеймикахъ уже обнаружились волненія. На сеймикъ въ Прошовицы пріѣхалъ Христофъ Зборовскій изъ Моравіи; когда Николай Зебржидовскій, родственникъ Замойскаго, выходилъ въ церковь, раздались выстрѣлы: когда начались совѣщанія, Зборовскій съ пріятелями подняли громкіе голоса противъ Баторія: съ негодованіемъ указывали на могущество Замойскаго, оплакивали смерть Самуила Зборовскаго, называли неслыханнымъ тиранствомъ судъ, которымъ правительство грозило двоимъ другимъ Зборовскимъ. Христофъ Зборовскій прямо взводилъ на Замойскаго обвиненіе, что тотъ хотѣлъ его отравить: но человѣкъ, на котораго Зборовскій указывалъ, какъ на подосланнаго Замойскимъ отравителя, высвободившись изъ-подъ власти Зборовскаго, объявилъ, что послѣдній обѣщаніями, угрозами и пытками заставилъ его признать себя виновнымъ въ умыслѣ и указать на Замойскаго, какъ на подстрекателя къ преступленію. Въ Великой Польшѣ на сеймикѣ, когда Янъ Зборовскій, каштелянъ гнѣзенскій, въ рѣчи своей осыпалъ бранью Замойскаго, а краковскій каноникъ, Петровскій, говорилъ за послѣдняго, то воевода познаньскій, Гурка, прервалъ Петровскаго, за нимъ подняла крикъ вся сторона Зборовскихъ и раздались выстрѣлы. На другихъ сеймикахъ происходили подобныя же волненія. Вслѣдствіе этого на большой сеймъ съѣхались толпы въ полномъ вооруженіи, какъ на войнѣ. Король пріѣхалъ въ сопровожденіи дружины Замойскаго, большей части сенаторовъ литовскихъ и князя Константина Острожскаго. Начался судъ надъ Христофомъ Зборовскимъ, который почелъ за лучшее не явиться на него лично: кромѣ означенныхъ обвиненій въ посягательствѣ на жизнь королевскую, его обвинили еще въ сношеніяхъ съ московскимъ дворомъ, клонившихся ко вреду Польши, и въ подобнаго же рода сношеніяхъ съ козаками. Янъ Зборовскій и Янъ Нѣмоевскій, объявившіе себя защитниками обвиненнаго, такъ слабо его защищали, что судъ приговорилъ Христофа къ лишенію чести, правъ шляхетства и имущества. Но этотъ приговоръ, разумѣется, не утишилъ, а только еще болѣе раздражилъ сторону Зборовскихъ.

Несмотря на эти внутреннія волненія, Баторій не оставлялъ

своего замысла—нанести рѣшительный ударъ Московскому государству, отнять у него, по крайней мѣрѣ, Смоленскъ и Сѣверную землю. Вступленіе на престолъ слабаго Ѳеодора и смуты, раздоры боярскіе, немедленно обнаружавшіеся, представляли, по его мнѣнію, самый удобный къ тому случай. Посолъ его, Левъ Сапѣга, съ цѣлію застращать новое московское правительство, объявилъ, что султанъ приготовляется къ войнѣ съ Москвою; требовалъ, чтобъ царь далъ королю 120 тысячъ золотыхъ за московскихъ плѣнниковъ, а литовскихъ освободилъ безъ выкупа, на томъ основаніи, что у короля плѣнники все знатные люди, а у царя простые; чтобъ всѣ жалобы литовскихъ людей были удовлетворены, и чтобъ Ѳеодоръ исключилъ изъ своего титула названіе Ливонскаго.—Новое московское правительство наслѣдовало отъ стараго сильное нежеланіе воевать съ Баторіемъ и потому рѣшено было употребить всѣ усилія, чтобъ продлить перемиріе. Государь приговорилъ съ боярами, какъ вѣнчался царскимъ вѣнцомъ: литовскихъ плѣнниковъ всѣхъ что ни есть опустить въ Литву даромъ, а о своихъ плѣнникахъ положить на волю короля Стефана: если Стефанъ король государевыхъ плѣнниковъ и не отпуститъ, то государева правда будетъ на немъ и явна будетъ всѣмъ пограничнымъ государямъ; а захочетъ Стефанъ король плѣнныхъ продавать, то ихъ выкупить. Сапѣгѣ объявили объ этомъ рѣшеніи, объявили что 900 плѣнныхъ уже освобождены и что ждутъ такого же поступка и отъ Стефана; что новымъ жалобамъ литовскихъ подданныхъ будетъ удовлетворено; но что касается до жалобъ, относящихся еще ко временамъ царя Іоанна, то это дѣла старыя, о нихъ припоминать непригоже, были въ то время обиды и Русскимъ людямъ отъ Литвы, но объ нихъ государь не упоминаетъ; Сапѣгѣ объявили тоже, что названіе Ливонскаго Ѳеодоръ наслѣдовалъ отъ отца своего вмѣстѣ съ царствомъ. Посолъ уѣхалъ, заключивъ перемиріе только на 10 мѣсяцевъ, и новости, привезенныя имъ къ королю, конечно не могли сдѣлать послѣдняго миролюбивѣе: Сапѣга въ письмѣ своемъ къ папскому легату Болоньетти изъ Москвы, отъ 10 іюля 1584 года, такъ изображаетъ особу новаго царя и положеніе дѣлъ въ Москвѣ: „Великій князь малъ ростомъ; говоритъ онъ тихо и очень медленно; разсудка у него мало, или, какъ другіе говорятъ и какъ я самъ замѣтилъ, вовсе нѣтъ. Когда онъ, во время моего представленія, сидѣлъ на престолѣ во всѣхъ царскихъ украшені-

яхъ то, смотря на скипетръ и державу, все смѣялся. Между вельможами раздоры и схватки безпрестанные: такъ и нынче, сказывали мнѣ, чуть-чуть дѣло не дошло у нихъ до кровопролитія, а государь не таковъ, чтобъ могъ этому воспрепятствовать. Черемисы свергли иго; Татары грозятъ нападеніемъ и ходитъ слухъ, что король шведскій собираетъ войско. Но никого здѣсь такъ не боятся, какъ нашего короля. Въ самомъ городѣ частые пожары, виновниками ихъ безъ сомнѣнія разбойники, которыми здѣсь все наполнено" [84]. Королю доносили также, что между четырьмя вельможами, которыхъ покойный царь назначилъ правителями, господствуетъ несогласіе, и что они часто спорятъ о мѣстахъ въ присутствіи государя. Доносили, что первый по мѣсту бояринъ, князь Мстиславскій, очень расположенъ къ польскому королю, и если изъ противной партіи умретъ Никита Романовичъ, который не можетъ долго жить по причинѣ тяжкой болѣзни, то король будетъ имѣть много приверженцевъ между боярами [85].

Еще до отъѣзда Сапѣги отправленъ былъ къ Баторію посолъ Андрей Измайловъ съ извѣстіемъ о воцареніи Феодора; Измайлову данъ былъ наказъ вести себя очень умѣренно, уступать относительно церемоній: къ панамъ не ходить, грамоту отдать самому королю; но если будутъ упрямиться, станутъ непремѣнно требовать чтобъ ему быть у пановъ, то ему къ панамъ идти, только рѣчей не говорить и грамоты вѣрющей не давать. Прежде наказывалось настрого посламъ, чтобъ они сначала рѣчь говорили и грамоту подали, а потомъ уже шли къ рукѣ королевской; но теперь Измайлову позволено было согласиться идти напередъ къ рукѣ. Если король не спроситъ о здоровьѣ царскомъ и противъ поклона Феодора не встанетъ, то посолъ долженъ сказать: царь Иванъ Васильевичъ при поклонѣ королевскомъ встаетъ, а Стефанъ король не встаетъ, и то вѣдаетъ Стефанъ король: что такъ дѣлаетъ мимо прежняго обычая,—а больше того ничего не говорить.

Король дѣйствительно противъ государева имени и поклона не всталъ; Измайловъ замѣтилъ, какъ ему было приказано, и тогда Стефанъ всталъ и шапку снялъ. Измайловъ представилъ опасную грамоту на великихъ литовскихъ пословъ, которые должны были ѣхать въ Москву для заключенія мира; но паны радные отвѣчали ему: „Король къ государю вашему пословъ своихъ слать не хочетъ, потому: государя нашего посолъ Левъ Сапѣга и теперь у

государя вашего въ Москвѣ, а тѣснота ему великая: гдѣ стоитъ, тотъ дворъ огороженъ высоко, и малыя щели позадѣланы, не только что человѣка нельзя видѣть, и вѣтру провѣять неқуда; съ двора литовскаго человѣка никакого не спустятъ, кормъ даютъ дурной; литовскаго посла держатъ хуже всѣхъ другихъ пословъ; въ такое государство никто не захочетъ идти въ послахъ, а государь нашъ силою никого не пошлетъ". Измайловъ отвѣчалъ: „Это слово пронесъ какой-нибудь недобрый человѣкъ; послы разныхъ государствъ, которые теперь на Москвѣ, стоятъ по разнымъ дворамъ, и береженье къ нимъ крѣпкое для того, чтобъ между ними ссоры не было; а еслибъ другихъ государствъ пословъ на Москвѣ не было, то вашему послу было бы всѣхъ вольнѣе; крымскій посолъ и гонцы стоятъ за городомъ не близко, дворъ для нихъ особый сдѣланъ, и съ двора ихъ никуда не спускаютъ". Одинъ изъ пановъ, молодой Радзивилъ Сиротка, говорилъ съ запальчивостью: „Государя нашего посолъ теперь на Москвѣ, а государь бы вашъ отпустилъ его, да за нимъ бы своего посла къ королю прислалъ, и государь нашъ станетъ совѣтоваться со всею радою и землею, какъ ему съ государемъ вашимъ впередъ быть. Государь вашъ молодъ, а нашъ государь старъ, и государю вашему пригоже къ нашему государю писаться младшимъ братомъ, да и Смоленска и Сѣверскихъ городовъ государь вашъ поступился бы". Измайловъ отвѣчалъ, что такихъ безмѣрныхъ рѣчей говорить непригоже. Когда всѣ паны вышли, остался старикъ Гарабурда; онъ подошелъ къ Измайлову и сказалъ: „Видѣлъ какъ молодые-то паны чуть-чуть дѣла не разодрали, а старыхъ слушать не хотятъ". Измайловъ отвѣчалъ, что старики должны наводить молодыхъ на доброе дѣло, на миръ; а если король, послушавшись молодыхъ, мира не захочетъ, то государь, надѣясь на Бога, воевать готовъ. Гарабурда, зная хорошо расположеніе умовъ въ сенатѣ и шляхтѣ, увѣрялъ посла, что будетъ миръ, хотя король не переставалъ обнаруживать непріязненное расположеніе къ Москвѣ; на отпускѣ Измайлову объявили, что Баторій опасной грамоты не принимаетъ, новыхъ пословъ въ Москву для переговоровъ о мирѣ не отправитъ; обѣдать Измайлова король не позвалъ, отговариваясь множествомъ дѣлъ. Измайловъ доносилъ своему правительству, что король тотчасъ по смерти Іоанна IV хотѣлъ объявить войну Москвѣ; но рада отсовѣтовала; а земля на военныя издержки давала только половину противъ

того чего требовалъ Баторій, потому что въ Польшѣ неурожай. Изъ плѣнниковъ московскихъ король прислалъ царю только двадцать человѣкъ; ихъ привезъ посланецъ Лука Сапѣга, которому бояре велѣли объявить: „царь Ѳеодоръ освободилъ плѣнныхъ литовцевъ до 900 человѣкъ, а король прислалъ ему за это двадцать человѣкъ, самыхъ молодыхъ людей, только одинъ между ними Мещерскій князь получше, да и тотъ рядовой, а добраго сына боярскаго нѣтъ ни одного“. Посланецъ отвѣчалъ на это, что король послѣ отпуститъ и всѣхъ плѣнныхъ, только оставитъ на окупъ 30 человѣкъ. Царь написалъ по этому случаю Баторію: „И впередъ бы между нами этого не было съ обѣихъ сторонъ, что христіанъ продавать изъ плѣна на деньги и на золотые“, и приводилъ въ примѣръ свой поступокъ по смерти отцовской.

Но Баторій не уступалъ ни въ чемъ; въ Москвѣ также не хотѣли уступать, не хотѣли и раздражать короля, ускорять опасный разрывъ. Приставу, бывшему при Лукѣ Сапѣгѣ, данъ былъ такой наказъ: если литовскій посланникъ начнетъ рѣчи о раздорѣ, станетъ говорить о войнѣ, то отвѣчать ему: „не хитро разодрать, надобно добро сдѣлать; а тѣмъ хвалиться нечѣмъ, что съ обѣихъ сторонъ начнетъ литься кровь христіанская; Москва теперь не старая; и на Москвѣ молодыхъ такихъ много, что хотятъ биться и мирное постановленіе разорвать, да что прибыли, что съ обѣихъ сторонъ кровь христіанская разливаться начинаетъ?“ Не надѣясь дождаться пословъ отъ Баторія, отправили къ нему въ началѣ 1585 года великихъ пословъ, боярина князя Троекурова и думнаго дворянина Безнина, которымъ дали наказъ: къ рукѣ королевской прежде поклона не ходить; но если принудятъ, то идти, сказавши: „Это дѣлается новою причиною; не по прежнему обычаю“. Отъ всякихъ людей уклоняться, чтобъ ни съ кѣмъ не говорить ни про что, кромѣ приставовъ, да тѣхъ, кого съ отвѣтомъ вышлютъ; но и съ отвѣтчиками рѣчей не плодить, а говорить гладко, чтобъ къ дѣлу было ближе. Если станутъ государя укорять, то говорить: „того судитъ Богъ, кто государя укоряетъ“, и пойти прочь. Провѣдывать: рижскіе Нѣмцы королю послушны ли, и королевы люди теперь въ Ригѣ есть ли, кто именно и много ли ихъ, и что рижскіе люди королю съ себя даютъ, и лифляндская земля на какой мѣрѣ устроена у Стефана короля, и какъ ее впередъ строить хочетъ? Когда спросятъ о шведскомъ королѣ, отвѣчать: государю нашему надъ

шведскимъ королемъ и впредь промышлять, сколько Богъ помощи подастъ. Относительно главнаго дѣла, заключенія перемирія, посламъ было наказано: заключите перемиріе до того срока, до какого было заключено при царѣ Иванѣ; если паны станутъ говорить высоко, и вы отвѣчайте имъ высоко же, говорите, что теперь Москва не по старому, государю у нихъ мира не выкупать стать, государь противъ короля стоять готовъ: это большая мѣра: дѣлайте по ней, какъ узнаете, что у короля съ панами рознь есть. Если же почаете, что у короля съ панами розни большой нѣтъ, и уговорить пановъ по первой мѣрѣ будетъ невозможно, то дѣлайте по другой мѣрѣ, чтобъ непремѣнно перемиріе съ королемъ взять; если же и по другой мѣрѣ уговорить будетъ нельзя, то настаивайте на обсылку, чтобъ вамъ съ государемъ о дѣлѣ обослаться; если же и на обсылку не приговорите и отпускъ вамъ скажутъ, то, по конечной неволѣ, объявите и послѣдніл мѣры, чтобъ непремѣнно, хотя на малое время, заключить перемирье. Посламъ было наказано также, чтобъ они постарались уговорить Тимоѳея Тетерина и другихъ московскихъ отъѣзжиковъ возвратиться въ отечество по опасной грамотѣ, за исключеніемъ одного Головина, отъѣхавшаго въ послѣднее время, вслѣдствіе торжества Годунова надъ Шуйскими.

Этотъ Головинъ сначала очень было затруднилъ посольское дѣло, наговоривши королю, и безъ того сильно желавшему войны, что Московское государство, вслѣдствіе слабости царя и раздора между боярами, находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи, что войскамъ его сопротивленія ни откуда не будетъ: „никто противъ него руки не подниметъ для того: рознь въ государевыхъ бояpахъ великая, а людямъ строенья нѣтъ, и для розни и нестроенья служить и биться никто не хочетъ“; Головинъ увѣрялъ также короля, что Троекуровъ и Безнинъ присланы заключить миръ на всей королевской волѣ. Вслѣдствіе этихъ рѣчей король запросилъ у пословъ Новгорода, Пскова, Лукъ, Смоленска, Сѣверской земли, и прибавилъ: „Отецъ вашего государя не хотѣлъ меня знать, да узналъ, и онъ меня не знаетъ, а потомъ узнаетъ; когда ему буду знакомъ, тогда съ нимъ и помирюся, а теперь онъ меня не знаетъ и мнѣ зачѣмъ съ нимъ мириться?“ Но по прежнему Баторій встрѣтилъ сопротивленіе въ сенатѣ и сеймѣ. „Король, доносили Троекуровъ и Безнинъ въ Москву,—просилъ у пановъ радныхъ и у пословъ повѣтныхъ наемныхъ людей и грошей, и говорилъ имъ: „Не потеряйте

сами у себя, пустите меня съ московскимъ воеваться, Богъ дастъ вамъ государство въ руки даромъ." Послы повѣтовые не согласились дать королю денегъ; притомъ же Троекуровъ и Безнинъ распустили слухъ, что Головину вѣрить нельзя; ибо это лазутчикъ, подосланный нарочно боярами къ Баторію. Паны и шляхта и безъ того не желавшіе войны, охотно повѣрили этому слуху. Послы повѣтовые, по донесенію Троекурова и Безнина, говорили королю: „Какъ такой нелѣпости вѣрить, что король куда ни пойдетъ, все его будетъ? а люди-то на Москвѣ куда дѣвались? Еще бы Головинъ пріѣхалъ къ тебѣ отъ стараго государя, тогда можно было бы вѣрить: старый государь жестокъ былъ; а отъ нынѣшняго зачѣмъ ѣхать! теперь государь у нихъ милостивый; ты теперь помирись да разсмотри: если объявится, что Головинъ сказалъ правду, то у тебя война съ московскимъ государемъ и впередъ не уйдетъ." Баторій сердился на пословъ повѣтовыхъ, сердился на московскихъ пословъ, подарковъ ихъ не взялъ, обѣдать не звалъ, со столомъ къ нимъ не посылалъ, стояли они далеко и тѣсно: но принужденъ былъ согласиться на двухлѣтнее перемиріе. Лука Новосильцевъ, отправленный къ императору черезъ Польшу, доносилъ, что на дорогѣ архіепископъ примасъ Карнковскій зазвалъ его къ себѣ обѣдать и на обѣдѣ говорилъ: „Король нашъ Стефанъ съ вашимъ государемъ мириться не хотѣлъ, а вѣрилъ словамъ Михайлы Головина. А слышалъ я отъ плѣнниковъ литовскихъ, что государь вашъ набожный и милостивый, и государыня разумна и милостива не только до своихъ людей, но и до плѣнныхъ милостива; плѣнниковъ всѣхъ государь вашъ освободилъ и отпустилъ даромъ. И мы, послы со всѣхъ уѣздовъ королю отказали, что съ земель своихъ поборовъ не дадимъ, на что̀ рать нанимать, а захочешь съ государемъ московскимъ воеваться идти, нанимай ратныхъ людей на свои деньги, и уговорили, чтобъ плѣнниковъ отпустилъ такъ же какъ и государь московскій; а плѣнниковъ много на панскихъ имѣнахъ, и паны для своей корысти короля не слушаютъ. Король нашъ намъ не проченъ, а впредь думаемъ быть съ вами вмѣстѣ подъ государя вашего рукою, потому что государь вашъ набожный, христіанскій. Сказывали намъ плѣнники наши, что есть на Москвѣ шуринъ государскій, Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, правитель земли и милостивецъ великій: и нашимъ плѣнникамъ милость оказалъ, на отпускѣ ихъ у себя кормилъ и поилъ, и пожаловалъ всѣхъ

сукнами и деньгами; и какъ были въ тюрьмахъ, великія милостыни присылалъ; и намъ за честь, что у такого великаго государя такой ближній человѣкъ разумный и милостивый, а у прежняго государя былъ Алексѣй Адашевъ, и онъ московскимъ государствомъ также правилъ." Новосильцевъ сказалъ ему на это: „Алексѣй былъ разуменъ, а этотъ не Алексѣева верста: это великій человѣкъ, бояринъ и конюшій, государю нашему шуринъ, государынѣ братъ родной, а разумомъ его Богъ исполнилъ всѣмъ и о землѣ великій печальникъ." Приставъ говорилъ Новосильцеву тоже, что король непрочен и не любятъ его всею землею, съ королевою живетъ не ласково; теперь онъ боленъ, на ногѣ старыя раны отворились, а доктора заживлять не смѣютъ потому: какъ заживятъ, такъ и будетъ ему смерть."

Новое обстоятельство еще болѣе усиливало въ это время миролюбивое расположеніе пановъ и шляхты къ Москвѣ, не могло не дѣйствовать и на самого короля. До сихъ поръ Москва должна была со вниманіемъ слѣдить за избраніемъ королей въ Польшѣ, хлопотать о соединеніи государствъ или, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобъ не былъ избранъ государь враждебный; но теперь, казалось, наступала очередь Польшѣ и Литвѣ принять такое же положеніе относительно Москвы: во владѣніяхъ Баторія пронесся слухъ, и слухъ очень крѣпкій, будто австрійскіе эрцгерцоги хлопочутъ, чтобъ Максимиліанъ, братъ императора, занялъ престолъ московскій вмѣсто неспособнаго Θеодора, будто бояре московскіе уже отправляли по этому дѣлу посольство къ императору. Баторію дано было знать изъ Данцига, что не только австрійскій домъ хлопочетъ объ этомъ, но что въ Регенсбургѣ собрались курфюрсты для совѣщанія о средствахъ, какъ бы достигнуть Максимиліану престолъ московскій [56].— Еслибы это дѣло удалось, то Польшѣ грозила опасность быть окруженною владѣніями австрійскаго дома; тогда въ случаѣ смерти Баторія, она по неволѣ должна была бы такъ же выбрать кого-нибудь изъ принцевъ этого дома, чего не хотѣли Баторій, Замойскій и очень многіе вмѣстѣ съ ними. Вотъ почему рѣшено было отправить въ Москву извѣстнаго уже и пріятнаго здѣсь, притомъ же и православнаго, Гарабурду, съ предложеніями, которыя должны были противодѣйствовать предложеніямъ австрійскихъ принцевъ.

Гарабурда началъ посольство жалобами на притѣсненія, которыя терпѣли литовскіе купцы въ московскихъ областяхъ, и на то, что

царь не выпускаетъ изъ плѣна Нѣмцевъ ливонскихъ. Ему отвѣчали жалобами, что король Стефанъ выпустилъ изъ плѣна только молодыхъ людей, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ, пашенныхъ мужиковъ; относительно ливонскихъ Нѣмцевъ отвѣчали, что нѣкоторые вступили въ службу царскую и живутъ на помѣстьяхъ, а иные торговые люди, торгуютъ вмѣстѣ съ торговыми людьми московскими, что ни тѣхъ, ни другихъ отпустить не пригоже. Когда начались переговоры о мирѣ, начались обычные запросы, то Гарабурда сказалъ: „Еще о Новгородѣ да о Псковѣ можно рѣчь (говòрю) оставить, но за Смоленскъ и Сѣверскую землю государю нашему стоять крѣпко.“ Бояре отвѣчали: „И прежде такія слова много разъ говорились, да потомъ эти рѣчи оставляли же: и драницы съ одного города государь нашъ не поступится.“ Послѣ этого Гарабурда приступилъ къ выполненію главнаго своего порученія и сказалъ боярамъ: „Паны радные прислали со мною къ преосвященному отцу, Діонисію митрополиту, и къ вамъ, Думѣ государской, грамоту. Что идутъ рѣчи между нами о городахъ и волостяхъ, и тѣ рѣчи ни къ чему не поведутъ: какъ можно этому статься? Чего мы у васъ просимъ, то можно ли вамъ отдать безъ кровопролитія? А чего вы будете у насъ просить, того намъ безъ кровопролитія ничего отдать нельзя. И потому намъ бы эти рѣчи съ обѣихъ сторонъ оставить, и былъ бы государь вашъ съ нашимъ государемъ въ докончаньѣ на томъ: кто что̀ теперь за собою держитъ, тотъ то и держи, и никто бы ни у кого ничего не просилъ, чего безъ кровопролитія взять нельзя, и чѣмъ быть кровопролитію, лучше братъ у брата ничего не проси. Дай Господи многолѣтія обоимъ государямъ; но если Богъ по душу пошлетъ Стефана короля, и потомковъ у него не останется, то корону польскую и великое княжество литовское соединить съ московскимъ государствомъ подъ государскую руку: Краковъ противъ Москвы, а Вильну противъ Новгорода. А пошлетъ Богъ по душу вашего царя, то московскому государству быть подъ рукою нашего государя, а другаго государя вамъ не искать. Это великое дѣло мнѣ поручено приговорить и записи написать.“ Бояре отвѣчали: „Намъ про государя своего такихъ словъ, что̀ ты говорилъ, и помянуть не пригоже; это дѣло къ доброму дѣлу не годится.“ Бояре доложили о своихъ переговорахъ государю: рѣшено было въ Думѣ, что государю пригоже помириться съ Стефаномъ на томъ, что̀ теперь за кѣмъ есть; но что вести переговоры о смерти го-

сударевой не пригоже. Гарабурда однако не отставалъ отъ своего предложенія, причемъ началъ уже перемѣнять условія, убѣдившись вѣроятно на мѣстѣ, что Өеодору не грозитъ близкая смерть: „Поміістъ Богъ по душу государя вашего, то государство московское соединить съ королевствомъ польскимъ и великимъ княжествомъ литовскимъ, и быть имъ вмѣстѣ подъ рукою государя нашего; государства разныя, а главу бы одну надъ собою имѣли. Если же Стефана короля не станетъ, то намъ, Полякамъ и Литовцамъ, вольно выбирать себѣ въ государя вашего государя, вольно намъ его и не выбрать." Бояре отвѣчали на это: „Мы съ тобою объ этомъ и не говорили: какъ намъ про государя своего говорить? у насъ государи прирожденные изначала, и мы ихъ холопи прирожденные; а вы себѣ выбираете государей: кого выберете, тотъ вамъ и государь. Ты теперь говоришь мимо прежней своей рѣчи, что третьяго дня съ нами говорилъ: ворочаешь рѣчь инымъ образцомъ, и намъ съ тобою объ этомъ говорить нечего. Мы про твои рѣчи митрополиту и всему собору сказывали, и митрополитъ со всѣмъ соборомъ намъ запретилъ духовно, чтобъ мы отнюдь объ этомъ не говорили. Какъ намъ про государя своего и помыслить это, не только что говорить? Мы и про вашего государя говорить этого не хотимъ; а вамъ воля говорить и мыслить про своего государя. Ты посолъ великаго государя, пришелъ къ великому государю нашему, и такія непригожія слова говоришь о ихъ государской смерти? Кто насъ не осудитъ, когда мы при государѣ, видя его государское здоровье, будемъ говорить такія слова?" Гарабурда отвѣчалъ: „Вижу, что вы сердитесь; сказываете, что митрополитъ и попы запрещаютъ вамъ говорить о томъ дѣлѣ, что̀ я вамъ объявилъ; но я говорю то что̀ со мною наказано. И если это дѣло не сойдется, то мнѣ на докончанье безъ уступокъ съ вашей стороны дѣлать не наказано." Бояре повторили, что и границы государь не дастъ, а проситъ государь у короля искони вѣчной вотчины своей—Кіева съ уѣздомъ и пригородами, и прочихъ вотчинъ своихъ; бояре говорили Гарабурдѣ съ сердцемъ: „Если съ тобою только и дѣла, что̀ ты говорилъ, то не зачѣмъ было тебѣ съ этимъ и ѣздить; если посолъ не однословенъ, то чему вѣрить?" а приставу было наказано говорить послу: „Теперь Москва не старая: надобно отъ Москвы беречься уже не Полоцку, не ливонской землѣ, а надобно беречься отъ нея Вильнѣ."

Гарабурда, видя неудачу и видя, что его заискиванія произвели перемѣну въ тонѣ у бояръ московскихъ и у пристава, чтобъ сдѣлать что-нибудь, предложилъ съѣздъ великихъ людей на границахъ для постановленія вѣчнаго мира. Бояре, имѣя постоянно въ виду выиграть время, соглашались на съѣздъ, но съ условіемъ продолженія срока перемирія; они говорили Гарабурдѣ: „Михайла! это дѣло великое для всего христіанства; государю нашему надобно совѣтоваться объ немъ со всею землею; сперва съ митрополитомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, а потомъ съ боярами и со всѣми думными людьми, со всѣми воеводами и со всею землею; на такой совѣтъ съѣзжаться надобно будетъ изъ дальнихъ мѣстъ.“ Гарабурда отвѣчалъ, что для продолженія перемирія ему наказа нѣтъ, тогда бояре сказали ему: „Такъ какое же съ тобою дѣло? пріѣхалъ съ бездѣльемъ, съ бездѣльемъ и отъѣдешь.“ Гарабурда дѣйствительно поѣхалъ ни съ чѣмъ; онъ сказалъ боярамъ о слухѣ, что они посылали къ эрцгерцогу Максимиліану съ предложеніемъ престола; въ отвѣтъ на это бояре написали къ панамъ: „Сильно раздосадовало насъ, что какой-то злодѣй измѣнникъ затѣялъ такія злодѣйскія слова“.

Но продлить перемиріе считали попрежнему необходимымъ въ Москвѣ, и князь Троекуровъ вторично отправился къ Баторію, котораго нашелъ въ Троднѣ. Паны теперь, въ свою очередь, осердились на бояръ за отказъ принять ихъ предложеніе о соединеніи государствъ; они обратились къ Троекурову съ бранчивою рѣчью: „Мы бояръ государя вашего, братью свою, кормили хлѣбомъ, а они намъ противъ нашего хлѣба мечутъ камень. Разсуди самъ, не камень ли это? мы усердно просили нашего государя, и по нашимъ просьбамъ онъ по сіе время съ государемъ вашимъ не воюетъ. Впередъ мы государю вашему, боярамъ и всей землѣ добра хотимъ, точно такъ же какъ и своей землѣ; а бояре пишутъ: кто начнетъ недружбу, противъ того государь вашъ стоять готовъ, да пишутъ, чтобъ государь нашъ поотдавалъ вашему государю свои искони вѣчныя вотчины и что̀ вновѣ взялъ, и послѣ этихъ статей пишутъ, чтобъ мы государя своего наводили на вѣчную пріязнь! Разсуди самъ, какъ мы можемъ такую грамоту поднесть своему государю? мы и между собой такой грамотѣ дивуемся, какъ это бояре не знаютъ, что̀ надъ вашимъ государствомъ по грѣхамъ сдѣлалось? потомковъ у государя вашего нѣтъ; а каковъ вашъ

сударь отъ природы, мы знаемъ: есть въ немъ набожность, а противъ непріятелей биться его не станетъ. На Москвѣ что̀ дѣлается, то мы также знаемъ; людей нѣтъ, а кто и есть, и тѣ худы, строенья людямъ нѣтъ, и во всѣхъ людяхъ рознь. Бояре думаютъ, что они себѣ пособляютъ, а они только дѣло портятъ: въ нашей землѣ давно вѣдомо, что бояре ваши посылали къ цесареву брату отъ себя посла. Но цесарю съ вашимъ государствомъ что̀ сошлось? Цесарь теперь и самъ себѣ пособить не умѣетъ; и смотря на эту пересылку съ цесаревымъ братомъ, многіе государи домогаются и промышляютъ о вашей землѣ; а Турскому у васъ же просить Астрахани и Казани, и Перекопскій васъ же всегда воюетъ и впередъ воевать хочетъ; а Черемиса ваша вамъ же недруги. И у бояръ гдѣ умъ? пишутъ, что государь вашъ противъ всѣхъ недруговъ стоять готовъ, и просить запросовъ не стыдятся! Рѣчи ваши государю нашему ничего добраго не принесли; только лишь сердцу его надсада. Теперь мы не только государя своего не будемъ просить, чтобъ былъ съ государемъ вашимъ въ покоѣ; еще будемъ ему напоминать, чтобъ, по прислгѣ своей, земель при предкахъ его у государства отнятыхъ отыскивалъ, и не только что дадимъ ему денегъ на наемныхъ людей, но и сами своими головами изъ обѣихъ земель идти съ нимъ готовы. А вы съ чѣмъ пріѣхали, съ тѣмъ вамъ и уѣзжать“. Посолъ отвѣчалъ: „На боярскія рѣчи вамъ досадовать не пригоже и въ дѣло того ставить нечего; и прежде въ ссылкахъ и разговорахъ бывало: о стародавныхъ дѣлахъ съ обѣихъ сторонъ говорятъ, да что̀ къ дѣлу не пригодится, то съ обѣихъ сторонъ оставляютъ, да говорятъ о дѣлахъ, какъ чему статься пригоже. Дивимся мы вашему разуму, что вы Бога не боитесь и людей не стыдитесь, говорите такое, чего было вамъ и мыслить не пригоже. Разсказываете, что надъ государствомъ государя нашего по грѣхамъ учинилось; но мы надъ государствомъ нашимъ никакого грѣха не видимъ, а только милость Божію и благоденствіе. Вы еще съ Богомъ не бесѣдовали; а человѣку того не дано знать, что впредь будетъ. По писанному, кто злословитъ царя, тотъ смертію да умретъ: государь нашъ дородный государь, разумный и счастливый, сидитъ онъ на своихъ государствахъ по благословенію отца своего и правитъ государствомъ самъ, и противъ всѣхъ недруговъ стоять готовъ такъ же какъ отецъ, дѣдъ и прадѣдъ его; людей у него много, вдвое противъ прежняго, потому

что къ людямъ своимъ онъ милостивъ и жалованье даетъ имъ, не жалѣя своей государской казны, и люди ему всѣ съ великимъ раденьемъ служатъ и впередъ служить хотятъ и противъ всѣхъ его недруговъ померетъ хотятъ; въ людяхъ розни никакой нѣтъ; это вамъ такія бездѣльныя рѣчи говорятъ собаки измѣнники: такимъ людямъ вамъ потакать нечего и говорить измѣнничьихъ рѣчей не пригоже; намъ про государя вашего и про государство ваше и про васъ много что есть говорить, да, по государеву наказу, говорить не хотимъ, присланы мы на доброе дѣло, а не на раздоръ. Государю нашему у вашего государя мира не покупать стать: захочетъ государь вашъ добраго дѣла, и нашъ государь добраго дѣла хочетъ, а не захочетъ вашъ государь добраго дѣла, то нашъ государь противъ него стоять готовъ". Въ переговорахъ, когда дѣло пошло о взаимныхъ требованіяхъ извѣстныхъ земель, разумѣется, не могли согласиться; паны попрежнему настаивали на пограничный съѣздъ вельможъ, послы, сообразно съ своими цѣлями, требовали для этого съѣзда продолженія перемирія хотя на одинъ годъ; паны отвѣчали имъ: „И на полгода мы перемирья не заключимъ: вы говорите о съѣздѣ не для дѣла, а только чтобъ время проволочить; зачѣмъ вамъ для съѣзда еще цѣлый годъ перемирья?" Послы отвѣчали, что нужно много времени для совѣщанія со всею землею; паны на это возражали: „У васъ въ обычаѣ ведется: что сдумаетъ государь да бояре, на томъ и станетъ, а землѣ до того и дѣла нѣтъ". По конечной неволѣ послы должны были согласиться только на двухмѣсячную прибавку къ прежде заключенному перемирію, и въ это время положено быть съѣзду великимъ посламъ между Оршею и Смоленскомъ для переговоровъ о томъ, какъ быть обоимъ государствамъ подъ одною державою въ случаѣ кончины того или другаго государя; и какъ опредѣлить границы ихъ, если они не захотятъ соединиться.

Но Баторій не дождался съѣзда. 2 декабря 1586 года онъ умеръ, не успѣвъ довершить ни одного изъ своихъ начинаній ни внутри, ни внѣ: онъ задержалъ только на время усиленіе Московскаго государства, отнявши у него прибалтійскія области, но сокрушить могущество этого государства, раздвинутъ Литву до границъ Витовтовыхъ онъ не успѣлъ: тому помѣшала ограниченность средствъ, ограниченіе власти королевской, подозрительность могущественныхъ вельможъ къ воинственному королю. Сломить могущество вельможъ,

установить наслѣдственное правленіе, или по крайней мѣрѣ установить лучшій способъ избранія королевскаго, сдержать своеволіе онъ также не успѣлъ. Найдя государства свои въ сильномъ религіозномъ разъединеніи, Баторій хотя не былъ по природѣ своей фанатикомъ, не воздвигалъ гоненія на диссидентовъ, однако благопріятствовалъ утвержденію іезуитовъ, потому что это знаменитое братство могло обѣщать ему дѣятельную помощь въ замышляемыхъ имъ внутреннихъ перемѣнахъ. Какого рода была эта помощь, какого рода были внушенія, которыя должно было принимать отъ іезуитовъ воспитывавшееся у нихъ юношество, видно изъ проповѣдей самаго талантливаго изъ нихъ, Петра Скарги Повенскаго. Скарга громко возставалъ противъ существующаго порядка вещей въ Польшѣ: проповѣдуя, съ одной стороны, подчиненіе свѣтской власти власти духовной, королей папѣ, онъ, съ другой стороны, твердилъ о необходимости крѣпкой, неограниченной власти королевской: „Естественный порядокъ, говорилъ онъ, — состоитъ въ томъ, чтобъ одна голова управляла тѣломъ: и если въ государствѣ не одна, а много головъ, то это знакъ тяжкой, смертельной болѣзни". Скарга утверждалъ, что римская имперія тогда только вошла въ исполинскіе размѣры свои, когда въ ней утвердилось монархическое правленіе; вооружался противъ пословъ сеймовыхъ за то, что они присваиваютъ себѣ могущество вредное для власти королевской и сенаторской, и спасительную монархію превращаютъ въ демократію, самый дурной изъ образовъ правленія, особенно въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Польша и Литва. Право, по которому шляхтичъ, не уличенный въ преступленіи, не могъ быть схваченъ, Скарга называлъ источникомъ разбоевъ, измѣнъ и т. п. Но всѣ эти внушенія остались тщетными: іезуиты не могли перемѣнить политическаго строя Польши и Литвы, они успѣли только въ одномъ, чего конечно не хотѣлъ Баторій: они успѣли воспламенить въ католическомъ народонаселеніи Польши и Литвы религіозную нетерпимость, которая повела къ гоненію на несходныя исповѣданія, къ гоненію на православное русское народонаселеніе, а это гоненіе повело къ отложенію Малороссіи, нанесшему самый сильный ударъ могуществу Польши. Такимъ образомъ орудіе, приготовленное для утвержденія крѣпости, могущества Польши, стало орудіемъ ея паденія.

События, происходившія въ концѣ царствованія Баторія, обѣщали

сильныя волненія послѣ его смерти: ненависть между стороною Зборовскихъ и стороною Замойскаго могла теперь разыграться на свободѣ. Волненія начались на сеймикахъ: даже во Львовѣ, гдѣ было такъ сильно вліяніе Замойскаго, нашлись приверженцы Зборовскихъ, въ числѣ которыхъ сталъ Николай Язловецкій, староста Снятынскій. Язловецкій началъ провозглашать, что пора положить предѣлъ возвышенію одного человѣка надъ всѣми, что всѣмъ вѣдомы замыслы Замойскаго, который, во что бы то ни стало, хочетъ посадить на престолѣ одного изъ Баторіевъ; что для охраненія государства необходимо отнять у Замойскаго гетманство, ибо со смертію королевскою всѣ правительственныя лица должны сложить съ себя свои должности. Замойскій отвѣчалъ, что всѣ саны и почести получилъ онъ за прямыя отечеству заслуги, что слухъ о замыслахъ его относительно Баторіевъ—клевета, что утвержать, будто со смертію королевскою должны прекратиться всѣ правительственныя отправленія противно здравому смыслу, ибо именно во время междуцарствія государство и не можетъ обойтись безъ начальства военнаго, безъ гетмана. Въ Львовѣ дѣло кончилось въ пользу Замойскаго; но не такъ было въ Варшавѣ на конвокаціонномъ сеймѣ: Карнковскій, архіепископъ Гнѣзненскій, примасъ, который занималъ первое мѣсто въ государствѣ во время междуцарствія, поддался совершенно вліянію Зборовскихъ и Гурки; по ихъ внушенію онъ написалъ къ Замойскому, чтобъ тотъ для охраненія границъ королевства не покидалъ войска; отсутствіе Замойскаго дало въ сенатѣ верхъ Зборовскимъ. Андрей Зборовскій явился въ сенатъ съ требованіемъ управы на Замойскаго, и когда одинъ изъ сенаторовъ Лесновольскій, хотѣлъ защищать послѣдняго, то голосъ его былъ заглушенъ криками и угрозами пріятелей Зборовскаго; одинъ изъ нихъ даже нацѣлилъ ружье на Лесновольскаго и спрашивалъ Зборовскихъ, прикажутъ ли стрѣлять? За стѣнами Варшавы также едва дѣло не дошло до усобицы между обѣими сторонами. Наконецъ назначили день избирательнаго сейма—30 іюня, 1587 года.

Зборовскіе явились на избраніе съ 10,000 войска, въ числѣ котораго находилось не мало наемниковъ французскихъ, нѣмецкихъ, италіанскихъ, чешскихъ: толпы эти были наняты на австрійскія деньги, ибо Зборовскіе, поддерживаемые папскимъ нунціемъ, Аннибаломъ ди Капуа, хотѣли избрать эрцгерцога Максиміліана, брата императора Рудольфа II. Замойскій, опираясь преимущественно на

шляхту и поддерживаемый деньгами вдовы Баторія, королевы Анны, держалъ сторону племянника ея, шведскаго принца Сигизмунда, сына короля Іоанна и Екатерины Ягеллонъ. Замойскій и Гурка съ Зборовскими расположились военными станами, каждый въ назначенномъ себѣ мѣстѣ подъ Варшавою (на равнинахъ Воли), готовясь, въ случаѣ нужды, съ оружіемъ въ рукахъ поддерживать своего избранника; но на противоположномъ берегу Вислы, подъ Каменкою, расположились особымъ станомъ Литовцы, у которыхъ былъ свой кандидатъ—царь московскій.

20 декабря 1586 года въ Москвѣ узнали о смерти Баторія. Недавній опытъ показалъ, какъ важно было для московскаго государства избраніе короля въ Польшѣ: Іоаннъ IV не хотѣлъ употребить дѣятельныхъ мѣръ для полученія польскаго престола, допустилъ сѣсть на немъ Баторію и потерялъ прибалтійскія области, принужденъ былъ заключить постыдный миръ съ Литвою; но Іоаннъ, во время избранія, не зналъ еще характера Баторія и могъ презирать этого бѣднаго средствами князька трансильванскаго, теперь же бояре Θеодора не могли не видать страшной опасности, которая грозила ихъ государству въ случаѣ, еслибъ избранъ былъ на престолъ королевичъ шведскій и два сосѣднія и враждебныя Москвѣ государства соединились подъ однимъ главою. Вотъ почему въ Москвѣ рѣшили дѣятельно хлопотать о пріобрѣтеніи въ Польшѣ и особенно въ Литвѣ приверженцевъ царю Θеодору.

20-го января 1587 г. уже отправленъ былъ дворянинъ Ржевскій въ Литву съ царскою грамотою къ панамъ, въ которой говорилось: „Вы бы, паны рада, свѣтскіе и духовные, смолвившись между собою и со всею землею, о добрѣ христіанскомъ порадѣли, нашего жалованья къ себѣ и государемъ насъ на корону польскую и великое княжество литовское похотѣли, чтобъ этимъ обоимъ государствамъ быть подъ нашею царскою рукою въ общедательной любви, соединеніи и докончаніи; а мы вашихъ правъ и вольностей нарушать ни въ чемъ не хотимъ, еще и сверхъ прежняго во всякихъ чинахъ и вотчинахъ прибавлять и своимъ жалованьемъ наддавать хотимъ“. Кромѣ этой общей грамоты посланы были отдѣльныя къ каждому вельможѣ: каждаго царь приглашалъ стараться объ его избраніи съ братьею своею, племянниками и цѣлымъ родомъ. Потомъ каждый бояринъ писалъ къ соотвѣтствующему себѣ по мѣсту пану литовскому съ тѣмъ же предложеніемъ. Ржевскому данъ былъ такой

наказъ: „Если паны литовскіе станутъ говорить, что они государя царя къ себѣ на государство хотятъ, но польскіе паны не хотятъ, и если они отъ королевства польскаго отложатся, то государь будетъ ли за нихъ стоять?—отвѣчать: Сами знаете, что Поляки вѣрою съ христіанами розны, а вы, паны рада литовскіе и вся земля литовская, съ нашею землею одной вѣры и одного обычая, такъ вы бы пожелали себѣ государя нашего, христіанскаго государя, а если будетъ литовское государство соединено съ московскимъ, то государю нашему литовской земли какъ не оберегать? Если будутъ оба государства на всѣхъ недруговъ заодно, то польская земля по неволѣ будетъ присоединена къ московскому и литовскому государствамъ, а государю то и любѣе, что литовское великое княжество будетъ вмѣстѣ съ его государствами. И какъ нашему государю за это не стоять? Начальное государство кіевское отъ прародителей слѣдуетъ нашему государю, а теперь изневолено, отъ литовскаго государства оторвано къ коронѣ польской, и не однимъ Кіевомъ польскіе люди завладѣли у васъ, пановъ литовскихъ, да присоединили къ польской землѣ насильствомъ: такъ государю нашему какъ всего этого у Поляковъ не отнять и къ вамъ и къ государству московскому не присоединить?“ Ржевскому наказано было также: „Увидится съ нимъ Тимоха Тетеринъ, Давидъ Бѣльскій, Мурза Купкѣевъ и другіе отъѣзжіе въ Литву и станутъ спрашивать, есть ли къ нимъ государевъ приказъ, то отвѣчать, чтобъ они государева жалованья къ себѣ поискали, государю послужили и доброхотали; а что они предъ государемъ проступили, дерзость сдѣлали, въ Литву отъѣхали, и они бъ въ томъ себѣ никакого сомнѣнья не держали: государь эту вину отдастъ имъ, если на государствахъ польскомъ и литовскомъ будетъ и во всемъ ихъ пожалуетъ по отечеству; которые изъ нихъ захотятъ быть въ русскомъ государствѣ, тѣхъ государь пожалуетъ вотчинами и помѣстьями, устроить велитъ въ московскомъ государствѣ по ихъ достоинству; а они бы теперь государю службу свою показали: что провѣдаютъ у пановъ радъ о государскомъ дѣлѣ—которые паны захотятъ къ себѣ государя на государство и которые не захотятъ—о томъ бы провѣдывая, посламъ сказывали и государю доброхотали.—Если паны станутъ говорить, чтобъ государь далъ имъ на государство брата своего, царевича Димитрія, то отвѣчать: „это дѣло несходное: царевичъ еще молодъ, всего четырехъ лѣтъ; а вамъ чего лучше, какъ быть подъ царскою рукою въ оборонѣ и

жить по своимъ обычаямъ, какъ у васъ ведется и какъ вамъ захочется".

Паны литовскіе отвѣчали на посольство Ржевскаго, что дѣло избранія должно рѣшиться на общемъ сеймѣ въ Варшавѣ, куда царь долженъ отправить своихъ пословъ. Богатый купецъ литовскій, Лука Мамоничъ, имѣвшій торговыя связи съ Москвою, говорилъ Ржевскому отъ имени трехъ пановъ—Николая Радзивила, Льва Сапѣги и Ѳеодора Скумина: „Паны эти государю радѣютъ и говорятъ, чтобъ государь вашъ непремѣнно отправилъ пословъ своихъ великихъ на е л е к ц і ю (елекцію); къ панамъ радамъ и къ рыцарству обѣихъ земель прислалъ бы свои грамоты съ любовію и ласкою, не такъ бы высоко было выписано въ грамотахъ какъ теперь, потому что паны польскіе люди сердитые и упрямые, къ нимъ надобно писать ласково, а государю великому какой въ томъ убытокъ будетъ? Рыцарству бы написать, что государь ихъ пожалуетъ, заплатитъ имъ все жалованье изъ своей казны, чего король Стефанъ имъ не заплатилъ, а всего денегъ будетъ немного: тысячъ съ пять или шесть, да и этихъ денегъ рыцарство не возьметъ на государѣ, только было бы въ грамотѣ написано для того, чтобъ они за государя вашего стояли. Стефанъ король обѣщалъ рыцарству всѣ деньги заплатить и присягалъ, но ни одного пенезя на немъ не взяли. Да и къ панамъ бы государево жалованье было: теперь къ панамъ присылаютъ цезарь и другіе княжата съ поминками большими и съ ласкою, доискиваясь государства". Ржевскій отвѣчалъ на это, что государю пословъ своихъ на большой сеймъ къ панамъ посылать не пригоже.

Но сношенія этимъ не кончились. Въ Литвѣ не боялись отъ Ѳеодора того, чего боялись отъ Іоанна, и тѣмъ сильнѣе желали избранія московскаго царя; притомъ литовскіе паны не хотѣли порвать съ послѣднимъ изъ боязни, чтобъ онъ не воспользовался междуцарствіемъ и не послалъ войска въ ихъ предѣлы. Вотъ почему еще въ апрѣлѣ того же года двое знатныхъ пословъ литовскихъ, Черниковскій и князь Огинскій, пріѣхали въ Москву съ просьбою о продолженіи перемирія до конца 1588 года. Просьба эта была принята очень охотно, причемъ бояре говорили: „Мы всѣ бояре и думные люди со всею землею хотимъ и у Бога просимъ, чтобы государство московское, польское и литовское были подъ одною царскою рукою. Выѣхали недавно къ намъ выѣзжіе

литовскіе люди па Псковѣ и сказывали, будто нѣкоторые паны, для денегъ, что раздаетъ королева, выбираютъ шведскаго королевича, пишутъ и выставляютъ большіе прибытки, которые Польша и Литва отъ этого получатъ. Но кто выбираетъ шведскаго королевича, тотъ христіанству убытокъ замышляетъ, а не прибытокъ, будетъ такое же кровопролитіе, что и при Стефанѣ королѣ: какъ скоро шведскаго выберете, то между нами и вами, да и между всѣми христіанами пойдетъ кровопролитіе и не перестанетъ". Послы захотѣли напомнить, что войны Стефана не были невыгодны для его государствъ, и спросили: „Что же дурнаго при Стефанѣ королѣ дѣлалось?" На это имъ отвѣчали: „Мы вамъ про Стефана правду и про его къ вашему государству доброхотство разскажемъ подробно, только вы не подосадуйте. Со стороны нашего государя прибытокъ и намъ, и вамъ, и всему христіанству будетъ: государь нашъ государь христіанскій, богобоязливый, милосердый, ласковый до всего христіанства, а другіе р я д о в ы е государи выбираются на государство, а любви къ нему не имѣютъ, какъ напримѣръ Стефанъ король, который присягалъ султану привести Поляковъ и Литовцевъ къ нему въ подданство; писалъ онъ къ турскому султану въ тайныхъ своихъ грамотахъ, чтобъ султанъ рать готовилъ на литовскихъ и польскихъ пановъ, таковы де есть въ Польшѣ и Литвѣ люди богатые, денегъ тысячъ до пяти сотъ золотыхъ ефимковъ и всякой казны много безъ числа, ихъ надобно протрясти, чтобъ они гордости своей посбавили, а то они очень спѣсивы теперь. У нашего же государя у самого богатства безчисленныя, и, казны своей не жалѣя, хочетъ онъ защищать какъ московское государство, такъ и польское и литовское отъ Татаръ и Турокъ: отъ Крыма по Дону, Донцу и Днѣпру поставитъ своихъ людей, города подѣлаетъ и на Крымъ наступитъ своею казною, чтобъ на Подолье и на волынскую землю, и на польскую, и на литовскую впередъ тѣ поганые никто не приходилъ, въ доходы и прибытки королевскіе государь вступаться не хочетъ, обѣщаетъ все это отдать панамъ раднымъ и всему рыцарству, да еще изъ своей казны польскимъ и литовскимъ панамъ раднымъ и всему рыцарству хочетъ наддавать, и въ своихъ государствахъ у новыхъ городовъ въ степи хочетъ польскихъ и литовскихъ людей землями жаловать. За грѣхи всего христіанства у васъ къ намъ ненависть, и эта ненависть всему христіанству вредитъ, покой и любовное соеди-

ненье во всемъ христіанствѣ разоряется: и для того надобно вамъ, всѣмъ панамъ совѣтовать то, что къ прибытку всему христіанству, да неповинны будете въ крови христіанской предъ Вседержителемъ Богомъ. И то пригоже знать всякому христіанину, что за пріязнь христіанамъ съ погаными? Еслибы государства ваши съ царствомъ православнаго государя нашего соединились, то всѣ поганскіе государи руки бы свои опустили: пришлось бы имъ тогда уже себя беречь, а не христіанство плѣнить: Молдавія, Валахія, Боснія, Сербія и Венгрія, которыя за Турками, достались бы Польшѣ и Литвѣ, а что поближе къ намъ, Крымъ, Азовъ, Кафа, Черкасы и другія орды достались бы Москвѣ, потому что и теперь трое крымскихъ царевичей со многими людьми уже на сторонѣ нашего государя, готовы въ Астрахани. А только будетъ избранъ шведскій королевичъ, то этихъ Татаръ, которымъ было изъ Астрахани и изъ-за Волги идти на Крымъ, поворотятъ на литовскую землю. Если же выберете нашего государя, то онъ будетъ стоять на бусурмановъ самъ своею царскою п е р с о н о ю (парсуною) и со всѣми своими людьми, станетъ помогать своею казною а панскихъ обычаевъ и вольностей ни въ чемъ не нарушитъ, и ничего у нихъ не захочетъ; а что какіе доходы собираются съ польской и литовской земли, то все государь нашъ уступитъ панамъ раднымъ, и что у нихъ старая казна прежнихъ королей и что вновь къ ней прибавлено и что изъ Венгріи привезено, изъ того ничего государю нашему не надобно, много у государя нашего и своей всякой казны, и столько пожитку всякаго какъ въ его государствѣ, ни въ какомъ государствѣ нѣтъ, встрѣчъ многихъ, что Польшѣ и Литвѣ были въ убытокъ, государю нашему не надобно: онъ пріѣдетъ съ своимъ кормомъ и съ своими всякими государскими обиходами, а вашего ничего государю нашему не надобно, кромѣ ласки; государь нашъ съ своею казною къ вамъ пріѣдетъ, чтобъ изъ своей казны можно было всякимъ тамошнимъ людямъ давать.“

Въ Москвѣ такъ опасались соединенія Польши и Литвы съ Швеціею подъ однимъ государемъ, что не находили болѣе непригожимъ отправить великихъ пословъ на сеймъ; эти послы были двое бояръ: Степанъ Васильевичъ Годуновъ и князь Ѳеодоръ Михайловичъ Троекуровъ съ знаменитымъ дьякомъ Василіемъ Щелкаловымъ. Въ Литвѣ также сильно хотѣли избранія Ѳеодора: перехвачены были грамоты жителей Вильны къ царю; но въ Литвѣ московскіе приверженцы

хорошо понимали, какія важныя препятствія этому избранію встрѣтятся на польскомъ сеймѣ. Литовскій подскарбій, Θеодоръ Скуминъ, говорилъ московскому послу Ржевскому: „Я христіанинъ вашей греческой вѣры, и отецъ съ матерью у меня были христіане, такъ я вамъ говорю по своему христіанству: мы всѣ хотимъ, чтобъ намъ съ вами быть въ соединеніи на вѣки, чтобъ вашъ государь пановалъ на нашихъ панствахъ, только бы далъ Богъ намъ три колоды пересѣчь, за что всѣ паны радные стоятъ и стоять будутъ: 1) чтобъ государю вашему короноваться у насъ въ Краковѣ; 2) писаться въ титулѣ прежде королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ; 3) чтобъ государю вѣру перемѣнить: вы говорите, что не только государю, и вамъ о томъ мыслить нельзя; это правда, я съ панами радными говорилъ: христіанину какъ вѣру свою оставить? Если мы эти три колоды, дастъ Богъ, перевалимъ, то будемъ съ вами въ вѣчномъ соединеніи."

Кромѣ обѣщаній, которыя бояре давали въ Москвѣ посламъ литовскимъ, Годуновъ и князь Троекуровъ должны были предложить еще на сеймѣ, что государь платитъ, изъ собственной казны, до 100,000 золотыхъ венгерскихъ ратнымъ людямъ, которымъ остался долженъ Стефанъ Баторій; что, по изгнаніи Шведовъ изъ Эстоніи, всѣ города ея будутъ уступлены Литвѣ и Польшѣ, кромѣ Нарвы, что купцамъ польскимъ и литовскимъ открытъ будетъ путь во всѣ московскія области и дальше во всѣ восточныя страны; что между жителями соединенныхъ государствъ будетъ позволено свободное сообщеніе и сватовство. На счетъ пребыванія царя въ Польшѣ (четвертой колоды, о которой забылъ Скуминъ) послы должны были сказать: побывъ немного въ Польшѣ и Литвѣ, государь опять поѣдетъ въ Москву и будетъ жить на своемъ прежнемъ государствѣ; въ Польшѣ же и Литвѣ всѣмъ управляютъ паны радные по прежнему обычаю, по своимъ правамъ и вольностямъ. Пословъ, которые придутъ съ неважными дѣлами, отправлять панамъ раднымъ, обославшись съ государемъ, а которые придутъ съ великими земскими дѣлами, тѣмъ быть у государя въ Москвѣ, а у государя въ то время быть изъ Польши и Литвы по два пана радныхъ, да по писарю.

Въ случаѣ, если сеймъ не согласится на избраніе Θеодора, послы должны были говорить, чтобъ избрали цесарева брата Максимиліана: „государю царю то будетъ любо же, потому что Максимиліанъ

великаго государя сынъ и на такихъ великихъ государствахъ быть ему пригоже; а выбирать шведскаго и другихъ поморскихъ не пригоже: это государи непристойные, о христіанствѣ не радѣютъ и всегда кроворазлитія христіанскаго желаютъ."—Желаніе помѣшать выбору Сигизмунда шведскаго и трудность соглашенія въ мѣрахъ относительно управленія двумя государствами, изъ которыхъ ни одно не хотѣло уступить другому ни въ чести, ни въ выгодахъ, привели московское правительство къ мысли предоставить Польшу и Литву полному самоуправленію, лишь бы онѣ по имени только признавали своимъ государемъ царя московскаго; въ этомъ смыслѣ Годунову и Троекурову было наказано: „Выберутъ ли насъ себѣ государемъ или приговорятъ быть подъ нашею царскою рукою, а управляться самимъ—все равно, соглашайтесь, только пусть будутъ съ нами въ соединеніи и докончаніи на всякаго недруга заодно; только этимъ промышляйте, этимъ свою службу и раденье намъ покажите, чтобъ далъ Богъ вамъ, не сдѣлавши дѣла, не разъѣхаться."

Въ Литвѣ обрадовались, что московскій государь согласился дѣйствовать рѣшительно для достиженія короны польской и литовской, согласился отправить великихъ пословъ на сеймъ, и послы эти оказывали большую учтивость, не спорили, какъ прежде, о мелкихъ церемоніяхъ. Выѣзжавшіе на встрѣчу литовцы говорили посламъ: „Теперь мы встрѣчаемъ васъ, великихъ пословъ государя православнаго; и далъ бы намъ Богъ всею землею встрѣтить самого вашего государя къ себѣ. Въ литовской землѣ во всѣхъ повѣтахъ все рыцарство и вся земля уложили на томъ: хотятъ выбирать себѣ государемъ вашего государя." Приставы говорили посламъ: „Вы показали уступчивость большую противъ прежнихъ обычаевъ: прежде, когда приставы пріѣзжали къ посламъ вашего государя и отъ короля, то послы о шапкахъ споръ поднимали, и противъ королевскаго имени шапокъ не снимали тотчасъ; а вы теперь, великіе послы, противъ рѣчи пановъ радныхъ, братьи своей, шапки сняли: и паны радные, братьи ваши, принимаютъ это отъ васъ за великую учтивость.„

Но въ Литвѣ скоро увидали, что московскіе послы по прежнему разнятся отъ всѣхъ другихъ пословъ, пріѣхавшихъ на сеймъ хлопотать объ избраніи своихъ государей: по прежнему московскіе послы пріѣхали безъ денегъ. Паны радные литовскіе послали пи-

саря сказать имъ: „Надобно вамъ промыслить сейчасъ же, выдать тысячъ съ двѣсти рублей для того, чтобъ всѣхъ людей отъ Зборовскихъ, и отъ воеводы Познанскаго, Гурки и отъ канцлера, Яна Замойскаго приворотить къ себѣ на выборъ вашего государя: какъ увидятъ рыцарскіе люди государя вашего гроши, то всѣ отъ Зборовскихъ и отъ канцлера къ намъ приступятъ; а только деньгами не промыслить, то доброму дѣлу никакъ не бывать, и будутъ говорить про васъ всѣ: „что жъ это за послы, когда деньгами не могутъ промыслить!" Послы отвѣчали, что обо всемъ будутъ говорить съ самими панами на посольствѣ. Потомъ ночью тайно пріѣхалъ къ нимъ воевода Троцкій, Янъ Глѣбовичъ, съ стольникомъ коронимъ, княземъ Василіемъ Пронскимъ, и говорилъ: „Я государю вашему службу свою хочу показать, воеводу Познанскаго и Зборовскихъ уговариваю, чтобъ были съ нами вмѣстѣ и выбирали вашего государя и на то уже ихъ навелъ: только у нихъ люди наемные, которымъ срокъ приходитъ, и надобно воеводѣ Познанскому и Зборовскимъ помочь деньгами, чтобъ имъ было что наемнымъ людямъ давать и противъ канцлера стоять." Послы отвѣчали, что объ этомъ имъ наказа нѣтъ, да и казны съ ними нѣтъ.

Несмотря однако на недостатокъ этого могущественнаго на избирательныхъ сеймахъ средства—денегъ, сторона московская была очень сильна, не только между Литвою, но и между Поляками, ибо для большинства избраніе Ѳеодора казалось самымъ вѣрнымъ выходомъ изъ борьбы двухъ сторонъ, Зборовскихъ и Замойскаго. Когда выставлено было въ полѣ три знамени—московское—шапка, австрійское—нѣмецкая шляпа и шведское—сельдь, то подъ шапкою оказалось огромное большинство. 4 августа Годуновъ и Троекуровъ правили посольство въ рыцарскомъ колѣ: поставили посламъ скамью противъ большихъ пановъ, а кругомъ того мѣста сидѣли паны же радные и послы повѣтовые. Увидавши, что для нихъ приготовлена скамья, что паны и послы повѣтовые всѣ сидятъ, московскіе послы начали говорить панамъ раднымъ: „Въ обычаѣ не ведется ни въ какихъ государствахъ, что посламъ, пришедши отъ государя своего, рѣчь говорить сидя, и намъ какъ это сдѣлать, что посольство государя своего сидя править? мы станемъ отъ государя посольство править стоя, и вамъ пригоже государя нашего рѣчь отъ насъ слушать стоя же." Паны отвѣчали: „Мы вамъ сказываемъ, какъ у насъ въ обычаѣ ведется, не спорьте объ

этомъ, правьте посольство сидя, а мы при имени государя вашего будемъ вставать". Послы продолжали спорить; наконецъ паны сказали: „Мы вамъ обычай здѣшній сказываемъ; вы не слушаете, такъ дѣлайте какъ хотите: мы сядемъ, а вы какъ хотите, такъ посольство и правьте, на вашей волѣ". Сказавши это паны сѣли, и послы правили посольство сидя.

Для разсужденія о подробностяхъ условій выбора назначили 15 пановъ духовныхъ и свѣтскихъ, которые должны были съѣхаться съ московскими послами въ селѣ Каменцѣ близъ Варшавы. Здѣсь тотчасъ же обнаружились тѣ колоды, пересѣчь которыя Скуминъ считалъ такимъ труднымъ дѣломъ. Паны спросили пословъ: соединитъ ли государь свое московское государство съ королевствомъ такъ, какъ Литва соединена съ Польшею, навѣки и неразрывно? приступитъ ли къ вѣрѣ Римской? будетъ ли послушенъ папѣ? будетъ ли вѣнчаться въ Краковѣ въ латинской церкви отъ архіепископа Гнѣзненскаго? причастіе опрѣсночное приметъ ли и церковь греческую съ римскою соединитъ ли? Пріѣдетъ ли въ Варшаву черезъ 10 недѣль послѣ избранія? напишетъ ли въ своемъ титулѣ королевство польское выше царства московскаго? Бояре отвѣчали: королевство польское и великое княжество литовское соединятся съ московскимъ государствомъ навѣки такъ, чтобъ имъ противъ всякаго недруга стоять заодно, чтобы жители ихъ могли свободно ѣздить изъ земли въ землю, жить, свататься и жениться съ позволенія государя. Государь останется въ православной вѣрѣ; вѣнчаться на королевство будетъ или въ Москвѣ или въ Смоленскѣ; будетъ уважать папу, не будетъ препятствовать ему въ управленіи польскимъ духовенствомъ, но не позволитъ мѣшаться въ дѣла греческой церкви. Корона польская будетъ подъ царскою шапкою Мономаховою; титулъ будетъ: Царь и Великій Князь всея Руси, Владимирскій и Московскій, Король польскій и Великій Князь Литовскій: „Хотя бы, сказали послы,—и Римъ старый, и Римъ новый, царствующій градъ Византія, начали прикладываться къ нашему государю, то какъ ему можно свое государство московское ниже какого-нибудь государства поставить?" Относительно времени пріѣзда въ Польшу послы объявили: „Въ томъ воленъ Богъ да государь: какъ захочетъ, такъ къ вамъ и пріѣдетъ, намъ того угадать нельзя и наказа намъ государь объ этомъ не далъ".

Паны отвѣчали, что на этихъ условіяхъ Θеодоръ не можетъ быть избранъ, и особенно настаивали на вопросѣ о деньгахъ, которыя царь какъ можно скорѣе долженъ выдать для подкрѣпленія стороны своей на сеймѣ и для найму войска, потому что, въ случаѣ царскаго избранія, враги съ разныхъ сторонъ нападутъ на Польшу; приводили въ примѣръ щедрость императора и короля испанскаго. Послы говорили на это: Государь нашъ на наемныхъ людей казны своей дастъ, что̀ будетъ пригоже. Вы говорите, что цесарь и король испанскій для своего избранія даютъ вамъ казну большую, да еще на много лѣтъ; но государь нашъ хочетъ быть королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ не для своего прибытка и чести, а только для покоя христіанскаго, для избавленія и расширенія этимъ государствамъ. Приводитъ государь нашъ то себѣ на память, что давно уже московское государство и корона польская, и великое княжество литовское между собою въ непріятельствѣ, и кровь христіанская съ обѣихъ сторонъ лилась: такъ его бы государскимъ смотрѣньемъ кровь литься перестала и были бы христіане въ покоѣ; а вы на такое государя нашего радѣнье о покоѣ христіанскомъ не смотрите, указываете на цесареву и на испанскаго короля казну. Ваша воля, если вамъ деньги христіанскаго покоя лучше. А государю нашему ваши государства зачѣмъ покупать? Съ Божіею помощью государь нашъ сидитъ на своихъ государствахъ. Государь нашъ хочетъ, чтобъ между всѣми христіанами утвержденъ былъ покой, и стоять бы всѣмъ христіанамъ на басурманъ заодно; но если вы говорите, что государь нашъ долженъ дать свою казну, долженъ велѣть биться съ тѣми людьми, которые не захотятъ его выбрать, то значитъ онъ долженъ воздвигнуть еще больше кровопролитія между христіанами, а не покой христіанамъ сдѣлать“. Паны отвѣчали: „По всѣмъ этимъ статьямъ, которыя между нами въ разговорѣ были, государю вашему у насъ на государствѣ быть нельзя“. Тогда послы, исполняя наказъ, объявили, что царь, если не можетъ быть избранъ самъ, желаетъ избранія эрцгерцога Максимиліана. На это паны отвѣчали: „Не пригоже государю вашему, да и вамъ государя намъ указывать; знаете сами, что мы ни по чьему указу государя себѣ не выбираемъ; выбираемъ, кого намъ Богъ укажетъ по нашимъ вольностямъ“. На второмъ съѣздѣ паны опять начали дѣло о деньгахъ,

спросили: „дастъ ли имъ государь на скорую оборону 200,000 рублей? безъ чего объ избраніи Θеодора говорить нельзя“. Послы отвѣчали, что государь государства не покупаетъ; но если будетъ избранъ, то они, послы, занявши, дадутъ до 60,000 золотыхъ польскихъ. Паны возразили, что этого мало; послы прибавили до 100,000; паны не согласились и на это; они говорили: „царь обѣщаетъ давать шляхтѣ землю по Дону и Донцу; но въ такихъ пустыхъ мѣстахъ какая имъ прибыль будетъ? да далеко имъ туда и ѣздить. У насъ за Кіевомъ такихъ и своихъ земель много. Какъ вамъ не стыдно о такихъ земляхъ и въ артикулахъ писать! будетъ ли государь давать нашимъ людямъ земли въ московскомъ государствѣ, въ Смоленскѣ и Сѣверскихъ городахъ?“ Послы отвѣчали: „Чья къ государю нашему служба дойдетъ, того государь воленъ жаловать вотчиною и въ московскомъ государствѣ“. Паны спрашивали: „заплатитъ ли государь войску долги королей Сигизмунда Августа и Стефана?“ Послы отвѣчали, что государь заплатитъ за одного Стефана что̀ пригоже, но за Сигизмунда Августа платить не будетъ. Паны говорили: „что̀ эта за вольность, что нашимъ людямъ къ вамъ ѣздить вольно, а вашимъ людямъ къ намъ ѣздить можно только съ доклада государя? но если государь вашъ не позволитъ никому ѣздить, то ѣздить и не станутъ?“ Паны говорили долго, чтобъ было вольно ѣздить людямъ съ обѣихъ сторонъ какъ захотятъ; но послы имъ рѣшительно въ этомъ отказали: „у васъ, говорили они,—въ вашихъ государствахъ людямъ вольность ѣздить во всѣ государства; а въ московскомъ государствѣ того въ обычаѣ не живетъ, что безъ государева повелѣнья ѣздить по своей волѣ и впередъ тому быть не пригоже, о томъ вамъ много говорить не надобно“. Между тѣмъ шли споры между панами духовными и свѣтскими, приверженцами Максимиліана, Сигизмунда и Θеодора. Кардиналъ Радзивилъ, говорилъ, что „избраніе московскаго царя очень выгодно для республики, но препятствіемъ непреодолимымъ служитъ религія. Притомъ это наслѣдственный врагъ нашего народа: недостойно было бы намъ непріятеля взять въ государи. Опричнина его также была бы намъ тяжела. Если при покойномъ королѣ намъ тяжелы были нѣсколько сотъ гайдуковъ, то опричнина будетъ еще тягостнѣе. Но, что̀ всего важнѣе, московскій не способенъ къ правленію, не имѣетъ достаточнаго къ тому разума“. Христофъ Зборовскій также указывалъ на неспособность Θеодора,

выставлялъ сомнѣнія—будутъ ли исполнены обѣщанія? „По моему невозможное дѣло, говорилъ онъ, — чтобъ этотъ гордый народъ москвитяне, который придаетъ важность даже снятію шапки, могъ согласиться, чтобъ государство его было присоединено къ коронѣ, скорѣе захотятъ они приставить Польшу къ Московскому государству, какъ рукавъ къ кафтану". Приверженцы Ѳеодора возражали, что на счетъ умственныхъ способностей его ходятъ разные слухи, а дѣла его неразумія не показываютъ: онъ укротилъ внутренніе раздоры, что̀ гораздо труднѣе, чѣмъ вести удачно внѣшнія войны, какъ внутреннюю рану труднѣе вылѣчить, чѣмъ наружную. Плѣнныхъ выпустилъ безъ окупа: все это показываетъ въ немъ человѣка разумнаго и милосерднаго. Особенно приверженцы Ѳеодора хвалили его за отпускъ плѣнныхъ безъ окупа.

Въ то время какъ происходили эти споры и переговоры съ московскими послами, которые не вели ни къ чему рѣшительному, сторона австрійская, то-есть сторона Гурки и Зборовскихъ, слабѣла ежедневно и вслѣдствіе народнаго нерасположенія къ австрійскому дому, къ Нѣмцамъ, и вслѣдствіе явнаго стремленія вождей партіи къ мѣрамъ насильственнымъ, желанія рѣшить дѣло поскорѣе междоусобною битвою. Сильный ударъ нанесъ австрійской партіи примасъ королевства Карнковскій, открыто перешедшій на сторону Замойскаго. Папскій нунцій и другіе члены австрійской партіи, видя затруднительность своего положенія, не разъ пытались помирить Зборовскихъ съ Замойскимъ, чтобы отвлечь послѣдняго отъ Сигизмунда; предлагали сдѣлку, обѣщали, что Максиміліанъ австрійскій, ставши королемъ польскимъ, женится на Аннѣ шведской, сестрѣ Сигизмунда. Замойскій колебался, ибо самъ находился въ затруднительномъ положеніи: несмотря на то, что сильное большинство пановъ и шляхты было на его сторонѣ, денежныя средства его истощились; около Варшавы съѣстные припасы были страшно дороги, вслѣдствіе чего паны и шляхта, не имѣя возможности кормиться, разъѣзжались съ сейма: такимъ образомъ матеріальныя силы Замойскаго уменьшались, тогда какъ у Зборовскихъ было наемное войско, содержавшееся на австрійскія деньги. Въ одну ночь, когда Замойскій волновался тяжелыми мыслями о своемъ положеніи, о невозможности достать денегъ для удержанія своихъ приверженцевъ, а съ другой стороны, объ униженіи, о безотрадномъ будущемъ въ случаѣ избранія Австрійца и торжества

Зборовскихъ, которые во всякомъ случаѣ останутся на первомъ мѣстѣ при Максимиліанѣ,—вдругъ вошелъ къ нему примасъ Карнковскій и объявилъ, что медлить болѣе нечего, и что онъ готовъ провозгласить королемъ Сигизмунда. Замойскій согласился, и 19-го августа (новаго стиля) Сигизмундъ былъ избранъ стороною Замойскаго; но сторона Зборовскихъ не согласилась уступить противникамъ и 22 августа провозгласила королемъ эрцгерцога Максимиліана. Литва не участвовала ни въ томъ, ни въ другомъ избраніи; по свидѣтельству современниковъ, не мало было и Поляковъ, которые оба избранія считали неправильными.

Вслѣдствіе этого разъединенія, къ московскимъ посламъ пріѣхали опять депутаты отъ пановъ и объявили, что Замойскій съ товарищами избрали Сигизмунда, а Литва вся и бо́льшая половина Поляковъ хотятъ избирать московскаго царя, но не могутъ провозгласить его, ибо не рѣшено еще дѣло объ условіяхъ избранія, и потому пусть послы объявятъ рѣшительно: приступитъ ли государь къ римской вѣрѣ? можно ли ему пріѣхать въ 10 недѣль? какимъ обычаемъ государю титулъ свой описывать, ибо корона не можетъ быть подъ шапкою, которая называется царскою? дастъ ли государь сейчасъ же на скорую оборону 100,000 рублей? Послы отвѣчали, что на все это отвѣтъ данъ и другаго не будетъ.

Этимъ отвѣтомъ дѣло было кончено съ Польшею, но не съ Литвою. Литовскіе паны послали сказать посламъ: „Замойскій выбралъ шведскаго королевича, воевода Познанскій Гурка, да Зборовскіе выбрали цесарева брата; а мы всѣ, Литва и Поляковъ большая половина, хотимъ государя вашего, да стало дѣло за вѣрою и за пріѣздомъ, что государь вашъ скоро не пріѣдетъ: только бъ намъ государя вашего пріѣздъ былъ вѣдомъ вскорѣ, и мы бы, избравши вашего государя, тотчасъ всѣ своими головами рушились къ Кракову и короны не дали бы ни Шведу, ни цесареву брату. Теперь намъ пріѣздъ государя вашего не вѣдомъ, и за этимъ да еще за вѣрою намъ государя вашего выбрать нельзя, а Шведа и цесарева брата мы также не выбрали и впередъ ихъ не хотимъ; елекцію мы разорвали и хотимъ назначить новый съѣздъ для избиранія государя. Вѣчнаго мира теперь намъ съ вами заключить нельзя, потому что время коротко, да и насъ, пановъ—радъ мало, многіе уже разъѣхались: заключимъ теперь перемиріе.“ Послы согласились, и заключено было перемиріе на 15

лѣтъ, причемъ каждое государство осталось при своемъ. Когда перемиріе было заключено, заѣхали къ посламъ на подворье воевода виленскій Христофъ Радзивилъ, да воевода троцкій Янъ Глѣбовичъ и говорили имъ тайно, выславши всѣхъ людей: „Черезъ пять недѣль будетъ у насъ, у Литвы, съѣздъ всѣмъ людямъ въ Вильнѣ, и у Поляковъ, которые Шведа и цесарева брата не выбирали, также съѣздъ будетъ; всѣ мы хотимъ того, чтобъ у насъ государемъ былъ вашъ царь; если же не будетъ у насъ вашъ государь, то развѣ потому только, что самъ не захочетъ. Вы теперь съ гонцомъ отпишите къ государю наскоро, что если онъ хочетъ быть у насъ государемъ, то прислалъ бы на съѣздъ въ Вильну гонца съ грамотами наскоро, а въ грамотахъ къ панамъ литовскимъ и ко всей литовской землѣ хвалилъ бы ихъ и благодарилъ, что они его себѣ государемъ выбрать хотѣли и имя его выславляли, и просилъ бы ихъ, чтобъ и впередъ такъ дѣлали. А о вѣрѣ бы написалъ такъ: вы бы меня на государство выбрали, а за вѣрою не останавливались: отъ греческой вѣры отступить и къ римской приступить мнѣ нельзя; а какъ меня на государство выберете, то я сейчасъ же отправлю посла своего къ папѣ съ прошеньемъ, чтобъ меня въ томъ не нудилъ; о пріѣздѣ своемъ написалъ бы государь, что будетъ послѣ того, какъ его провозгласятъ, черезъ три мѣсяца или немного позднѣе; да на скорую оборону далъ бы 100,000 рублей, и мы тотчасъ государя вашего обѣими землями выберемъ. О цесаревѣ же братѣ государь бы вашъ къ намъ не писалъ; если будетъ писать, то всѣхъ людей отъ себя отгонитъ; мы уже лучше приступимъ всѣ къ Шведу. Цесарева брата и помянуть у насъ никто не хочетъ, потому что онъ не богатый государь, да и весь въ долгахъ; а цеса́рь, братъ его, и самъ долженъ, и дань даетъ турскому султану; и какъ только цесаревъ братъ у насъ на государствѣ будетъ, то онъ тотчасъ захочетъ богатѣть и долги платить, а все это станетъ съ насъ лупить. Захочетъ съ турскимъ воевать, все съ насъ же сбирать станетъ; а своего ему на войну дать нечего: мало ли что сулитъ, чтобъ только его выбрали, а на самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего. Да и потому цесарева брата не хотимъ: которыя государства поддались цесарю, и онъ у нихъ всѣ права поломалъ, и дань на нихъ наложилъ такую, что стянуть нельзя. У насъ писанное дѣло, что нѣмецкій языкъ славянскому языку никакъ добра не смыслитъ: и

намъ какъ Нѣмца взять себѣ въ государи? Если уже государь вашъ не захочетъ у насъ быть на государствѣ, то написалъ бы въ грамотахъ, чтобъ мы выбрали себѣ государя изъ своего народа, что у насъ слыветъ п я с т ъ: это нашимъ людямъ всѣмъ будетъ любо. Да и то у насъ, у Литвы есть въ разговорахъ: если Поляки съ нами на избраніе вашего государя не согласятся, то мы: Литва, Кіевъ, Волынь, Подолье, Подляшье и Мазовія, хотимъ отъ Польши отодраться: такъ государь вашъ насъ возьметъ ли и на одной Литвѣ безъ Польши у насъ государемъ будетъ ли, и за насъ своею силою станетъ ли?"

Съ отвѣтомъ на этотъ важный вопросъ отправленъ былъ въ Литву дворянинъ Ржевскій, который повезъ также богатые подарки для каждаго пана, цѣною на 20,000 нынѣшнихъ рублей. Въ грамотѣ своей къ панамъ царь писалъ: „Мы у васъ государемъ быть хотимъ: только намъ теперь къ вамъ ѣхать нельзя, потому что вы себѣ не одного государя выбрали, и многіе хотятъ того, чему статься нельзя, чтобъ мы, оставя свою истинную православную христіанскую вѣру, пристали къ римской вѣрѣ; сами подумайте, какъ этому можно статься? А если Богъ дастъ впередъ, какъ намъ будетъ время, то мы къ вамъ ѣхать хотимъ." По тайному наказу Ржевскій долженъ былъ сказать панамъ: „только возьмите себѣ въ государи нашего государя и будьте подъ его царскою рукою, а всѣмъ управляйте сами въ коронѣ польской и великомъ княжествѣ литовскомъ по своимъ правамъ и вольностямъ. А потомъ государь нашъ, когда разсмотритъ васъ и вашу къ себѣ ласку увидитъ, а вы государскую милость къ себѣ увидите, то государь поѣдетъ къ вамъ короноваться по своей государской волѣ, какъ ему время будетъ; короноваться ему по греческому закону, а къ римской вѣрѣ приступить и помыслить ему нельзя. Надобно будетъ вамъ теперь на скорую оборону денегъ, то, какъ скоро выберете нашего государя, онъ дастъ вамъ русскими деньгами до 70,000 рублей, а польскими золотыми до 230,000." Паны отвѣчали на это, что царь не можетъ быть королемъ безъ принятія римской вѣры: „государь вашъ, говорили они Ржевскому,—самъ порвалъ дѣло тѣмъ, что писалъ въ своихъ грамотахъ; у насъ никогда не бывало, чтобъ король короновался по греческому закону; хотя бы мы всѣ паны радные на это согласились, то архіепископы и епископы никакъ не согласятся, а видите и сами, что у насъ

въ радѣ они большіе люди и стоятъ крѣпко за то, чтобъ король у нихъ былъ римской вѣры, и никому противъ нихъ въ томъ устоять нельзя; государю вашему вовсе не надобно было писать въ грамотахъ, что ему короноваться по греческому закону." Ржевскій доносилъ, что государево жалованье паны приняли съ большою благодарностію, много челомъ били и обѣщали заслужить за него государю; не взялъ соболей одинъ Николай Христофъ Радзивилъ, сказавши, что далъ Богу обѣщаніе не брать даровъ ни у котораго государя. Но и отпустивши Ржевскаго съ рѣшительнымъ отказомъ, литовскіе паны велѣли везти его тихо, все поджидая вѣстей изъ Польши, и велѣли везти не мѣшкая только тогда, какъ узнали, что Сигизмундъ уже короновался[87].

Паны литовскіе имѣли право медлить и ждать вѣстей изъ Польши, потому что оба соперника—Сигизмундъ и Максимиліанъ не хотѣли уступить другъ другу безъ кровопролитія. Максимиліанъ приблизился къ Кракову, но принужденъ былъ отступить, послѣ неудачной попытки овладѣть городомъ. Сигизмундъ безпрепятственно вступилъ въ Краковъ и короновался; Замойскій двинулся за удалившимся Максимиліаномъ и при Бычинѣ, въ Силезіи, взялъ его въ плѣнъ послѣ кровопролитнаго сраженія. Такъ исполнились, повидимому, замыслы Замойскаго, грозившіе бѣдою Москвѣ. Но у Замойскаго была одна судьба съ Баторіемъ. Стремленія Баторія шли на перекоръ всей исторіи того государства, гдѣ онъ призванъ былъ царствовать; стремленія Замойскаго шли на перекоръ великому движенію, господствовавшему тогда во всей Европѣ, и понятно, что дѣло знаменитаго канцлера и гетмана обратилось немедленно противъ него самого. Замойскій надѣялся, что при соединеніи двухъ могущественныхъ государствъ, Польши и Швеціи, „Сигизмундъ если не всѣмъ московскимъ государствомъ овладѣетъ, то, по меньшей мѣрѣ, возьметъ Псковъ и Смоленскъ, а военными кораблями шведскими загородитъ морскую дорогу въ Бѣлое море, отъ чего московскому государству великій убытокъ будетъ". Но на первомъ планѣ тогда въ Европѣ было религіозное движеніе; новый король польскій, наслѣдный принцъ шведскій, долженствовавшій поэтому соединить оба государства подъ одною державою, былъ подобно Фердинанду II австрійскому, вполнѣ человѣкъ своего времени, человѣкъ, которымъ господствующій интересъ времени владѣлъ неограниченно. Сигизмундъ былъ ревностный католикъ и хотѣлъ доставить

торжество своему исповѣданію всюду, во что бы то ни стало, всѣ поступки его естественно и необходимо вытекали изъ того положенія, въ какое онъ, по убѣжденіямъ своимъ, поставилъ себя относительно господствующаго интереса времени. Какъ ревностный католикъ, Сигизмундъ сталъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей католическаго противодѣйствія и потому сильно сочувствовалъ учрежденію, имѣвшему цѣлію торжество католицизма надъ всѣми другими христіанскими исповѣданіями, сильно сочувствовалъ іезуитамъ, подчиняяся ихъ внушеніямъ. Будучи похожъ на Фердинанда II и нисколько не похожъ на Генриха IV французскаго, Сигизмундъ не былъ способенъ къ сдѣлкамъ въ дѣлѣ вѣры: ставши королемъ шведскимъ, онъ не хотѣлъ позволить, чтобъ въ Швеціи господствовалъ протестантизмъ, вслѣдствіе этого потерялъ отцовскій престолъ и вмѣсто соединенія произвелъ ожесточенную борьбу между Швеціею и Польшею; также точно потомъ онъ не могъ позволить сыну своему Владиславу принять православіе и тѣмъ самымъ заставилъ жителей Московскаго государства встать какъ одинъ человѣкъ противъ Поляковъ; въ областяхъ польскихъ и литовскихъ онъ не могъ быть равнодушенъ относительно диссидентовъ и, поддерживая унію, приготовилъ отпаденіе Малороссіи; въ отношеніи къ западнымъ сосѣдямъ онъ не могъ не сочувствовать католическимъ стремленіямъ австрійскаго дома, и потому изъ соперника немедленно сдѣлался ему другомъ и союзникомъ. Такъ жестоко обмануты были всѣ надежды Замойскаго.

Въ Москвѣ скоро могли увѣриться въ разрушеніи замысловъ Замойскаго и освободиться отъ страха, который внушало сначала избраніе шведскаго королевича на польскій престолъ. Подъячій Андрей Ивановъ, отправленный въ Литву для вѣстей, писалъ, что новаго короля Сигизмунда держатъ ни за что, потому что промыслу въ немъ нѣтъ никакого: и неразумнымъ его ставятъ, и землею его не любятъ, потому что отъ него землѣ прибыли нѣтъ никакой, владѣютъ всѣмъ паны. Нужно было ласкать этихъ пановъ, особенно литовскихъ, и Годуновъ писалъ къ самому могущественному изъ нихъ, виленскому воеводѣ Христофу Радзивилу: „Вѣдомо тебѣ, брату нашему любительному, что я, будучи у великаго государя въ ближней Думѣ, всегда радѣю, и съ братьями своими, со всѣми боярами, мудрыми думами мыслимъ и промышляемъ и государя всегда на то наводимъ, чтобъ между нимъ и

вашимъ государемъ была любовь. Послалъ я къ тебѣ отъ своей любви поминокъ, платно—казильбашское (персидское) дѣло, а прислалъ ко мнѣ это платно въ поминкахъ персидскій Аббасъ шахъ съ своего плеча.“ Потомъ Годуновъ писалъ къ Радзивилу, что за его Борисовымъ челобитьемъ съ литовскихъ купцовъ пошлинъ въ Москвѣ не брали и, благодаря ему же, опалы на нихъ не положено за то, что они подрались съ приказными людьми.

Всего важнѣе для Москвы было то, чтобъ Польша и Литва не дѣйствовали заодно съ Швеціею, война съ которою считалась необходимостію: Баторію при Іоаннѣ уступлена была спорная Ливонія; но въ рукахъ у Шведовъ остались извѣчные русскіе города, возвратить которые требовала честь государственная. Въ началѣ царствованія Ѳеодора, при жизни Баторія, о войнѣ съ Швеціею думать было нельзя, ибо съ часа на часъ ждали разрыва съ Литвою. Эстонскій намѣстникъ, извѣстный Делагарди, узнавъ о смерти Грознаго, спрашивалъ у новгородскаго воеводы, князя Скопина-Шуйскаго, будетъ ли соблюдаться плюсскій договоръ, заключенный при покойномъ царѣ, и пріѣдутъ ли московскіе послы въ Стокгольмъ для заключенія вѣчнаго мира? Делагарди прислалъ и опасныя грамоты на пословъ. Требованіе, чтобъ московскіе послы ѣхали въ Стокгольмъ было большимъ оскорбленіемъ для московскаго правительства, не привыкшаго соблюдать даже и равенства въ сношеніяхъ съ шведскимъ; притомъ въ письмѣ Делагарди титулъ царскій былъ написанъ не такъ, а король названъ великимъ княземъ Ижорскимъ и Шелонской пятины въ землѣ русской. Не получая долго отвѣта, Делагарди прислалъ вторую грамоту, снова приглашая московскихъ пословъ пріѣхать въ Швецію. На эту грамоту отвѣчалъ ему второй новгородскій воевода, князь Лобановъ-Ростовскій: „Ты пришлецъ въ шведской землѣ, старыхъ обычаевъ государскихъ не вѣдаешь, какъ отецъ государя вашего ссылался съ новгородскими намѣстниками. Государю нашему опасныя королевскія грамоты на пословъ ненадобны, то дѣло непригожее, и я эту опасную грамоту отослалъ съ твоимъ же гончикомъ назадъ. А что ты писалъ государя нашего титулъ не по пригожу, такъ это потому, что ты при государяхъ не живалъ, государя нашего титула и не знаешь, какъ его описывать.“ Делагарди обидѣлся этимъ отвѣтомъ, обидѣлся и тѣмъ, что отвѣчалъ ему не первый новгородскій воевода, а второй, и потому писалъ къ Скопину-Шуйскому:

„Я всегда былъ такой же, какъ ты, если только не лучше тебя"; а къ Лобанову-Ростовскому писалъ: „Вы все стоите въ своемъ великомъ русскомъ безумномъ невѣжествѣ и гордости; а пригоже было бы вамъ это оставить, потому что прибыли вамъ отъ этого мало. Будь тебѣ вѣдомо, что я издавна въ здѣшнемъ высокохвальномъ государствѣ шведскомъ не иноземецъ, и не называютъ меня иноземцемъ. Пишешь, что нѣкоторое время я не былъ при дворѣ своего государя—это правда: думаю что объ этомъ узналъ твой государь и ты, и другіе его поддапные, потому что я ходилъ съ шведскою ратью въ вашей землѣ и ее воевалъ. Знай, что мой король никакъ не пошлетъ своихъ пословъ въ землю твоего государя до тѣхъ поръ, пока всѣ дѣла постановятся и совершатся на рубежѣ."

Переговоровъ на рубежѣ требовалъ и самъ король Іоаннъ въ грамотѣ къ царю; но и эта королевская грамота заключала въ себѣ также оскорбленіе Ѳеодора, потому что король не удержался, чтобъ не высказать своей ненависти къ отцу Ѳеодорову; онъ писалъ: „Отецъ твой владѣлъ своею землею и подданными своими немилостиво, съ кровопролитіемъ; и сосѣдъ онъ былъ лихой и неспокойный." Ѳеодоръ отвѣчалъ: „Намъ было не пригоже отпустить къ тебѣ твоего гонца: на гонцовъ, которые съ такими укорительными словами пріѣзжаютъ, вездѣ опалы кладутъ. Но мы государи христіанскіе, за челобитьемъ бояръ своихъ, для своего милостиваго христіанскаго обычая, на твоего гонца никакой опалы не положили. Мы твоему гонцу нашихъ царскихъ очей видѣть не велѣли, потому что онъ съ такою грамотою пріѣхалъ: въ грамотѣ написаны укоры нашему отцу, чего нигдѣ не слыхано. А что ты писалъ, чтобъ намъ пословъ своихъ послать на съѣздъ, и намъ мимо прежнихъ обычаевъ и за такія твои слова пословъ своихъ посылать было не пригоже: но для своего царскаго милосердаго обычая, по челобитью бояръ, мы пословъ своихъ на съѣздъ отправить велѣли."

Въ октябрѣ 1585 года бояринъ князь Ѳеодоръ Шестуновъ и думный дворянинъ Игнатій Татищевъ съѣхались на устьѣ Плюсы, близъ Нарвы, съ шведскими сановниками Класомъ Тоттомъ и Делагарди. Не имѣя возможности начать войну, московское правительство наказало своимъ посламъ не разрывать мира ни подъ какимъ видомъ; требовать сначала возвращенія русскихъ городовъ даромъ

и, если не согласятся, предложить за нихъ деньги, именно за Ивань-городъ, Яму, Копорье и Корелу 15.000 рублей. Если шведскіе послы непремѣнно будутъ требовать, чтобъ царь писалъ себѣ короля братомъ, то, по конечной неволѣ, согласиться и на это; если же Ивань-города отдать не захотятъ, то помириться и безъ него, давши за три другіе города 6.000 рублей. На требованіе московскихъ пословъ возвратить города даромъ Шведы отвѣчали: „Гдѣ слыхано, чтобъ города отдавать даромъ? отдаютъ яблоки да груши, а не города. Если отдавать города, то лучше отдать ихъ литовскому: онъ присылалъ просить у нашего государя съ большимъ челобитьемъ и денегъ даетъ за нихъ много, хочетъ помириться съ нашимъ государемъ вѣчнымъ миромъ и стоять заодно на вашего государя, да онъ же государю нашему въ свойствѣ.“ Шведы требовали только за Яму и Копорье 400,000 рублей! Соглашались также мѣнять земли на земли: уступали Яму и Копорье, но требовали за нихъ Орѣшка или земель за Невою и Сумерскаго погоста; за вѣчный миръ съ братствомъ предлагали даже деньги, только чтобъ всѣ спорные города остались за ними. На это предложеніе московскіе послы отвѣчали: „Велѣно намъ говорить о городахъ: Ивань-городѣ, Ямѣ, Копорьѣ, Корелѣ, чтобъ государь вашъ отдалъ государю нашему его вотчину, а государь нашъ христіанскій хочетъ монастыри и церкви христіанскія воздвигнуть по прежнему, чтобъ имя Божіе славилось, потому что теперь всѣ эти мѣста разорены. Государь нашъ въ своей вотчинѣ, въ дальнихъ мѣстахъ на степи, по Дону и за Тихою Сосною, поставилъ 12 городовъ и въ нихъ воздвигъ монастыри и церкви; а были тѣ мѣста пусты лѣтъ по триста и по четыреста. А деньги государю нашему не надобны; много у нашего государя всякой царской казны и безъ вашего государя.“

Во время переговоровъ, Делагарди утонулъ при переѣздѣ черезъ Нарву. Шестуновъ и Татищевъ дали знать объ этомъ въ Москву и получили отвѣтъ отъ царскаго имени: „Писали вы намъ, что Пунтусъ Делагарди утонулъ; сдѣлалось это Божіимъ милосердіемъ и великаго чудотворца Николы милостію.“ Несмотря однако на то, что страшнаго Делагарди не было болѣе, посламъ было предписано: давать за Ивань-городъ, Яму и Копорье до 15,000 рублей, и уже по конечной неволѣ заключить перемиріе безъ городовъ, только ни подъ какимъ видомъ не разрывать. Послы видѣли ко-

вѣчную неволю, ибо переговоры не вели ни къ чему; и въ декабрѣ 1585 года утвердили перемиріе на четыре года безо всякихъ уступокъ.

Сношенія возобновились лѣтомъ 1589 года опять бранчивою перепискою: король Іоаннъ писалъ Θеодору, что русскіе вторгнулись въ шведскія владѣнія, жгли, грабили, били и мучили молодыхъ и старыхъ, что такимъ образомъ перемиріе нарушено со стороны царя, и онъ, король, съ воинскою силою стоитъ уже въ Ливоніи: если царь хочетъ мира, то пусть высылаетъ великихъ пословъ ко дню Св. Лаврентія; если же не хочетъ, то пусть знаетъ, что онъ, король, не будетъ держать своихъ воинскихъ людей безъ дѣла до перемирнаго срока. Царь отвѣчалъ; „Твоя грамота пришла къ намъ за день до Св. Лаврентія, 9-го августа. Мы грамоту твою выслушали и такому безмѣрному задору твоему подивились. Намъ было за такіе твои гордыя слова и ссылаться съ тобою не пригоже; да мы великіе государи христіанскіе для своего царскаго милосерднаго обычая тебѣ объявляемъ“. Отвергнувши извѣстіе о нападеніи русскихъ на шведскія области и укоривши, въ свою очередь, Шведовъ, за нападенія на московскія владѣнія, царь продолжаетъ: „Ты писалъ, что не хочешь ждать до срока мирнаго постановленія: такихъ гордыхъ словъ тебѣ было писать не пригоже. А у насъ у великихъ государей благочестивыхъ русскихъ царей изначала ведется: гдѣ наши послы и посланники не только переговоры закрѣпятъ крестнымъ цѣлованіемъ, хотя гдѣ и слово молвятъ, и то неизмѣнно бываетъ. Если ты начнешь до срока войну, то кровь будетъ на тебѣ, а наши рати противъ тебя готовы. А что ты писалъ о послахъ: и намъ было за такіе задоры и за такія твои гордыя письма ссылаться съ тобою непригоже; но мы государи христіанскіе, за челобитьемъ бояръ нашихъ и чтобъ разлитія крови христіанской не было, пословъ своихъ великихъ на съѣздъ, на рѣку Нарову, къ устью Плюсы-рѣки послали“.

Эти послы были: окольничій князь Хворостининъ и казначей Черемисиновъ. Они получили наказъ: требовать Нарвы, Ивань-города, Ямы, Копорья, Корелы, за эти города заключить договоръ съ братствомъ и заплатить до 20,000 рублей, а безъ Нарвы давать только до 15,000; заключить вѣчный миръ съ братствомъ даже за три города—Яму, Копорье и Корелу; если же Шведы будутъ уступать только два города, то не рѣшать дѣла безъ обсылки

съ государемъ. Когда уже послы отправились и переслались съ шведскими послами на счетъ времени начатія переговоровъ, то получили новый царскій наказъ: „Говорить съ послами по большимъ, высокимъ мѣрамъ, а послѣдняя мѣра: въ государеву сторону Нарву, Иванъ-городъ, Яму, Копорье, Корелу безъ накладу, безъ денегъ; если же не согласятся уступить этихъ городовъ безъ денегъ, то ничего не рѣшать безъ обсылки съ государемъ; если же согласятся, то заключить вѣчный миръ безъ братства". Дѣло, разумѣется, не уладилось. Шведскіе послы объявили, что они не уступятъ ни одной пяди земли, не только городовъ; Русскіе отвѣчали имъ: „Государю нашему, не отыскавъ своей отчины, городовъ ливонской и новгородской земли, съ вашимъ государемъ для чего мириться? Теперь уже вашему государю пригоже отдавать намъ всѣ города, да и за подъемъ государю нашему заплатить, что онъ укажетъ".

Такая перемѣна происходила оттого, что Баторія уже не было болѣе, и хотя на престолѣ польскомъ сидѣлъ сынъ шведскаго короля, однако отношенія его къ подданнымъ нисколько не обѣщали тѣснаго союза между ними и Шведами. Въ Москву давали знать что Сигизмундъ непроченъ въ своихъ государствахъ, что Литва, по крайней мѣрѣ, легко можетъ поддаться царю. Въ грамотѣ своей къ королю Іоанну Ѳеодоръ грозилъ союзомъ съ императоромъ Рудольфомъ, съ шахомъ персидскимъ, прямо объявилъ, что Литовцы хотятъ ему поддаться. Іоаннъ отвѣчалъ: „Пришла къ намъ твоя грамота писанная неподобно и гордо; мы на нее не хотимъ больше отвѣчать, а полагаемся на волю Божію. Ты пишешь, что ждешь помощи отъ императора и другихъ государей: и мы рады, что теперь сталъ ты безсиленъ и ждешь отъ другихъ помощи. Увидимъ, какая помощь отъ нихъ тебѣ будетъ! Пишешь, что Литва хочетъ подъ твою руку поддаться: все это ложь! мы знаемъ подлинно, что Литва клятвы своей не нарушитъ. Знай, что мы оба, я и милый мой сынъ, можемъ нашихъ подданныхъ, которые намъ не прямятъ, унять, и тебѣ за великую твою гордость отомстить. Отецъ твой въ своей спѣсивости не хотѣлъ покориться, и земля его въ чужія руки пошла. Хочешь у насъ земель и городовъ—такъ попытайся отнять ихъ воинскою силою, а гордостію и спѣсивыми грамотами не возьмешь".

Въ Москвѣ рѣшили не упускать благопріятнаго времени и попытаться возвратить государеву отчину воинскою силою. Въ январѣ 1590 года многочисленное русское войско выступило къ шведскимъ границамъ; самъ царь находился при немъ; воеводами были—въ большомъ полку князь Θеодоръ Мстиславскій, занимавшій послѣ ссылки отца первое мѣсто между боярами, въ передовомъ полку князь Дмитрій Хворостининъ, считавшійся лучшимъ полководцемъ [38]; при царѣ, въ званіи дворовыхъ или ближнихъ воеводъ, находились—Борисъ Годуновъ и Θедоръ Никитичъ Романовъ. Яма была взята; двадцатитысячный шведскій отрядъ, подъ начальствомъ Густава Банера, былъ разбитъ княземъ Хворостининымъ близъ Нарвы; несмотря на неудачный приступъ къ Нарвѣ, отбитый съ большою для русскихъ потерею, Шведы видѣли невозможность продолжать съ успѣхомъ войну и 25 февраля заключили перемиріе на одинъ годъ, уступивъ царю Яму, Ивань-городъ и Копорье, обѣщая уступить и больше на будущемъ съѣздѣ посольскомъ. Съѣздъ не повелъ ни къ чему, потому что Шведы уступали Корельскую область, но Русскіе не хотѣли мириться безъ Нарвы. Военныя дѣйствія однако кончились на этотъ разъ неудачною осадою Ивань-города Шведами. Московское правительство не рѣшалось предпринимать новаго похода: приступъ къ Нарвѣ показалъ, что осада большихъ крѣпостей не можетъ обѣщать вѣрнаго успѣха; а правитель Годуновъ, по характеру своему, всего менѣе былъ способенъ прельщаться предпріятіями, не обѣщавшими вѣрнаго успѣха; съ другой стороны, несмотря на все нежеланіе Литвы заступаться за Швецію и нарушать перемиріе съ Москвою, нельзя было надѣяться, что Сигизмундъ польскій останется долго спокойнымъ зрителемъ успѣховъ Москвы въ войнѣ съ отцомъ его; Швеція одна не казалась опасною; отъ нея нетрудно было получить желаемое, да и немногаго отъ нея требовалось; чего наиболѣе должны были желать въ Москвѣ — удачнаго похода, этого достигли: и Швеціи, и Польшѣ, а главное—Литвѣ, было показано, что Москва теперь не старая и не боится поднять оружія противъ побѣдителей Грознаго, и царь, котораго называли неспособнымъ, водитъ самъ полки свои; до сихъ поръ приверженцы Θеодора въ Польшѣ и Литвѣ могли указывать только на успѣхи его внутренняго управленія, теперь могли указывать и на успѣхъ воинскій, а усилить приверженцевъ государя московскаго въ Литвѣ было важнѣе всего при томъ смут-

номъ состояніи, въ которомъ находились владѣнія Сигизмунда III. Въ Москву дали знать, что Крымцы повоевали Литву, а Сигизмундъ поѣхалъ къ отцу и не возвратится въ Польшу; тогда рѣшили послать панамъ грамоты, припомянуть о соединеньѣ, да и вѣстей провѣдать; посланы были грамоты отъ князя Мстиславскаго къ кардиналу Радзивилу, отъ Бориса Годунова къ воеводѣ виленскому Радзивилу, отъ Ѳедора Никитича Романова къ воеводѣ троцкому, Яну Глѣбовичу. Бояре извѣщали пановъ, что ханъ снова хочетъ идти на Литву, приглашалъ и царя воевать ее, но царь не согласился; что необходимо соединиться Литвѣ съ Москвою противъ невѣрныхъ. Но эта задирка не повела ни къ чему: паны благодарили за доброе расположеніе къ нимъ царя, но прибавили, что, по вѣстямъ изъ Крыма, самъ царь поднимаетъ хана на Литву. Въ то же время московское правительство должно было двинуть войско къ Чернигову и требовать удовлетворенія за обиду, нанесенную ему, впрочемъ, безъ вѣдома польско-литовскаго правительства. И твердый Баторій принужденъ былъ горько жаловаться на своевольство Запорожцевъ, которыхъ онъ величалъ разбойниками: въ 1585 году они посадили въ воду Глембоцкаго, котораго онъ послалъ уговаривать ихъ, чтобъ не тревожили крымскаго хана, не нарушали договоровъ съ нимъ заключенныхъ [89]. Понятно, что своевольство козаковъ не могло укротиться по смерти Баторія: собравшись изъ Канева, Черкасъ, Переяславля, они явились передъ Воронежомъ, объявивъ тамошнему воеводѣ, что пришли стоять заодно противъ Татаръ съ донскими козаками; воевода повѣрилъ, давалъ имъ кормъ и поставилъ ихъ въ острогѣ у посада; но козаки ночью зажгли городъ и побили много людей. На жалобу московскаго правительства кіевскій воевода князь Острожскій отвѣчалъ: „писали паны радные къ князю Александру Вишневецкому, велѣли ему схватить атамана запорожскаго, Потребацкаго съ товарищами, которые сожгли Воронежъ; паны грозили Вишневецкому, что если онъ козаковъ не переловитъ, то поплатится головою, потому что они ведутъ къ размирью съ государемъ московскимъ. Вишневецкій Потребацкаго схватилъ и съ нимъ 70 человѣкъ козаковъ“.

Осенью 1590 года въ Москву дали знать, что ѣдутъ послы Сигизмундовы—Станиславъ Радоминскій и Гаврила Война: затѣмъ пришло извѣстіе изъ Смоленска о странномъ поведеніи пословъ: побывъ

немного въ этомъ городѣ, они вдругъ вернулись назадъ. Смоленскій воевода Траханіотовъ послалъ сына боярскаго Андрея Дѣдѣвшина [90] сказать имъ, что никогда такъ не водилось—не бывши посламъ у государя, возвратиться назадъ, и почему они возвращаются? Послы отвѣчали: „Отъ прежнихъ королей литовскихъ къ вашимъ государямъ послы хаживали, а такого безчестья имъ не бывало: съ голоду насъ поморили, корму намъ не даютъ, поставили насъ съ стрѣльцами, и мы нынче стали не послы, а плѣнники, приставы насъ безчестятъ. И мы идемъ назадъ: мы хотимъ съ вами биться за такое безчестье; побьемъ мы васъ и пройдемъ назадъ—укору намъ въ томъ не будетъ; а вы насъ побьете, то во всѣхъ земляхъ отзовется, что московскіе люди побили пословъ".—Воевода назадъ ихъ не пустилъ, но и своимъ дѣтямъ боярскимъ биться съ ними не велѣлъ. Послы пробили булавами головы двоимъ дѣтямъ боярскимъ; но когда наѣхали стрѣльцы и козаки, то Радоминскій и Война, увидѣвъ многихъ людей, возвратились, только въ отведенную имъ Богданову околицу не поѣхали, а стали на лугу въ шатрахъ, корму отъ приставовъ не брали, а послали людей своихъ по деревнямъ брать кормъ силою, и эти люди ихъ начали жечь изгороды и ломать мельницы. Въ Можайскѣ собирали для нихъ кормъ губные старосты и городовой прикащикъ. Годуновъ, не упускавшій случая выставить себя съ выгодной стороны, заискать расположеніе иностранцевъ, послалъ отъ себя кормъ на Вязему, въ свое село Никольское, и приставъ долженъ былъ сказать посламъ: „Надобно было вамъ стоять на Вяземѣ, а тутъ деревни въ сторонѣ отъ дороги, и дворцы худы, по боярскимъ селамъ у великихъ людей не ставятся: но вотъ ко мнѣ указъ пришелъ отъ конюшаго боярина, велитъ намъ съ вами стоять въ своемъ селѣ на Вяземѣ; дѣлаетъ онъ это, желая между великими государями любовь братскую видѣть, а вамъ, великимъ посламъ, почесть оказывая".

Чего особенно не желали въ Москвѣ, то и случилось: послы объявили, что царь нарушилъ перемиріе, взявши шведскіе города, и долженъ возвратить ихъ. Бояре отвѣчали, что государь такихъ безмѣрныхъ рѣчей и слушать не захотѣлъ. Бояре выставляли на видъ, что царь, вслѣдствіе челобитья папы, велѣлъ двинуть войско въ сѣверскіе города на помощь Польшѣ противъ Турокъ, послы отвѣчали, что король и они объ этомъ ничего не знаютъ. Мѣсяца два толковали объ условіяхъ вѣчнаго мира; послы просили Смоленска,

потомъ просили хотя какой-нибудь уступки: „хотя бы одну деревню государь вашъ уступилъ нашему; а то какъ ничѣмъ не потѣшить на доконичанье?“ Бояре отвѣчали: „Деревня дѣло пустое, нашимъ братьямъ можно уступать другъ другу деревни для любви; но великимъ государямъ не деревня дорога, дороги государское имя да честь; какъ государю нашему отдавать отъ любви и отъ соединенья города? государю нашему не только города не давать, и деревни“. Насчетъ вѣчнаго мира согласиться не могли, большое затрудненіе и для заключенія перемирія представляли отношенія шведскія: московское правительство хотѣло получить отъ Швеціи Нарву; польское, поставившее условіемъ избранія Сигизмундова присоединеніе Эстоніи къ Польшѣ, никакъ на это не соглашалось. 1-го января 1591 года государь велѣлъ быть у себя на соборѣ духовенству, всѣмъ боярамъ, думнымъ дворянамъ и думнымъ дьякамъ и говорилъ, что послы безъ Нарвы никакъ перемирья закрѣпить не хотятъ, а шведскій передъ государемъ ни въ чемъ не исправится. И только теперь на шведскаго послать войско, а съ литовскимъ перемирья не закрѣпить, то литовскій шведскому станетъ помогать, и въ томъ государеву дѣлу и земскому, надобно думать, будетъ не прибыльно. И приговорилъ государь съ соборомъ, чтобъ теперь Нарвы не писать въ обѣихъ перемирныхъ грамотахъ, ни въ государеву сторону, ни въ королевскую; да написать о Нарвѣ боярамъ съ послами договорныя записи: съ обѣихъ сторонъ не воевать и города не доступать, пока государевы послы будутъ у короля и объ немъ договорятся. Заключено было перемиріе на 12 лѣтъ; послы требовали, чтобъ царь не воевалъ съ Швеціею, и царь согласился не воевать съ нею годъ; согласился въ продолженіе всѣхъ 12 перемирныхъ лѣтъ не трогать, кромѣ Нарвы, тѣхъ городовъ ливонскихъ, которые теперь за шведскимъ, но которые шведскій уступаетъ коронѣ польской. Въ заключеніе бояре говорили посламъ: „Написано въ перемирныхъ грамотахъ: татя, бѣглеца, холопа, рабу, должника, по исправѣ, выдать; это пишется изстари, а не соблюдается, бѣглецовъ никогда не выдаютъ съ обѣихъ сторонъ: и этого слова въ грамотахъ теперь не писать бы? Послы отвѣчали: „Это слово старинное, отставить намъ его нельзя; вѣдь это не тѣ бѣглецы, что отъѣзжаютъ отъ государя къ государю: бываютъ бѣглецы по украйнамъ, которые живутъ близъ рубежа, отъ шляхты и отъ дѣтей боярскихъ бѣгаютъ мужики своровавши,

да перешедъ за рубежъ, живутъ не вдалекѣ, и такихъ, сыскивая, отдаютъ“.

Послы Сигизмундовы выговорили, чтобъ царь цѣлый годъ не воевалъ съ королемъ шведскимъ; но не успѣли они еще выѣхать изъ Московскаго государства, какъ Іоаннъ, въ надеждѣ на союзъ съ крымскимъ ханомъ, велѣлъ своимъ воеводамъ возобновить военныя дѣйствія. Зимою Шведы пожгли села близъ Ямы и Копорья; лѣтомъ выслана была противъ нихъ рать — въ большомъ полку воевода Петръ Никитичъ Шереметевъ, въ передовомъ князь Владиміръ Тимоѳеевичъ Долгорукій; этотъ передовой полкъ былъ разбитъ, Долгорукій попался въ плѣнъ; съ другой стороны Шведы напали на берега Бѣлаго моря, но здѣсь не имѣли успѣха. А между тѣмъ великіе московскіе послы — Салтыковъ и Татищевъ, отправились въ Литву взять съ Сигизмунда клятву въ ненарушеніи перемирія, ибо всего больше боялись имѣть въ одно время дѣло и съ Польшею, и съ Швеціею. Посламъ данъ былъ наказъ: о кормѣ съ приставами не браниться, говорить гладко; объявить, что несмотря на дурное поведеніе польскихъ пословъ въ Смоленскѣ, по ихъ жалобѣ, для Сигизмунда короля, государь велѣлъ приставовъ посадить въ тюрьму, а воеводу съ Смоленска свелъ и опалу на него положилъ. Наказано было: беречь накрѣпко, чтобъ король на обѣихъ грамотахъ крестъ цѣловалъ въ самый крестъ прямо губами, а не въ подножье, и не мимо креста, и не носомъ. Въ тайномъ наказѣ говорилось: „Если захотятъ Нарву писать въ королевскую сторону, то, по самой конечной неволѣ, давать за Нарву до 20 и до 30,000, а по самой неволѣ и до 50,000 золотыхъ венгерскихъ, только бы перемирье закрѣпить и Нарву написать въ государеву сторону; а по самой конечной неволѣ написать, что и Нарву государю не воевать во всѣ перемирныя 12 лѣтъ“. Съ послами отправлены были въ запасъ двѣ опасныя грамоты на случай, если какіе-нибудь именитые люди изъ Польши или изъ Литвы захотятъ отъѣхать на государево имя. Въ грамотахъ говорилось: „Какъ у насъ будешь, и мы тебя пожалуемъ своимъ великимъ жалованьемъ, устроить велимъ помѣстьемъ и вотчиною и денежнымъ жалованьемъ по твоему достоинству“. Послана была опасная грамота и на доктора, который захочетъ ѣхать къ государю; въ ней заключалось то же обѣщаніе и кромѣ того обѣщался свободный выѣздъ назадъ. Наконецъ посламъ велѣно было жаловаться на малороссійскихъ

козаковъ (Черкасъ), которые въ степи побиваютъ и въ плѣнъ берутъ московскихъ станичниковъ и сторожевыхъ головъ, не даютъ наблюдать за крымцами.

Салтыковъ и Татищевъ встрѣтили дурной пріемъ, ихъ задерживали на дорогѣ. Чтобъ узнать причину задержки, они напоили шляхтича, князя Лукомскаго, и тотъ проговорился, почему ихъ не пускаютъ: король живетъ въ Краковѣ, и Поляки миру не хотятъ, а литовскіе паны и шляхта миру рады, и хотятъ, чтобъ послы были у короля въ Литвѣ, а не въ Польшѣ. Изъ Варшавы послы доносили царю, что король искалъ причины разорвать перемиріе съ Москвою для отца своего, короля шведскаго, и они, послы, по самой конечной неволѣ дали договорную запись не посылать войска къ Нарвѣ во все продолженіе перемирія съ Польшею. Салтыковъ и Татищевъ настаивали, чтобъ сначала король подтвердилъ это перемиріе, а потомъ они поведутъ переговоры о тѣхъ дѣлахъ, которыя не были еще рѣшены въ Москвѣ. Но паны радные сказали имъ па это: „мы знаемъ, для чего вы этого хотите, обманываете насъ что глупыхъ пташекъ: одну поймавъ, послѣ и всѣхъ переловите. Мы вамъ говоримъ, что, не постановя о всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, о которыхъ не договорено, перемирья государь самъ писать не велитъ и креста цѣловать не будетъ. Паны согласились писать Θеодора царемъ только тогда, когда онъ уступитъ королю Смоленскъ и Сѣверскую землю. На предложеніе денегъ за Нарву паны отвѣчали: „это не товаръ; государи великихъ городовъ не продаютъ; вотъ у вашего государя Псковъ и Смоленскъ: только бъ ихъ продали, и мы бы собрали съ своего государства деньги большія да за Псковъ и Смоленскъ дали“.

Московское правительство обязалось не дѣйствовать противъ Нарвы; но это обязательство не препятствовало ему отомстить Шведамъ опустошеніемъ Финляндіи около Выборга и Або, зимою 1592 года. Въ ноябрѣ того же года умеръ король Іоаннъ; Сигизмундъ сталъ королемъ шведскимъ, но не надолго: во время кратковременнаго пребыванія своего въ Швеціи для коронаціи, онъ возбудилъ противъ себя народъ явною враждебностію къ протестантизму, явнымъ нарушеніемъ условій, вытребованныхъ у него чинами передъ коронаціею. Когда Сигизмундъ возвратился въ Польшу, правителемъ Швеціи остался дядя его Карлъ, который успѣлъ привлечь любовь народную поведеніемъ, противоположнымъ Си-

гизмундову. Король сильно охладѣлъ къ интересамъ протестантской, явно враждебной ему Швеціи; правитель былъ занятъ внутренними дѣлами, приготовленіями къ разрыву съ племянникомъ: это, разумѣется, заставляло обоихъ желать скорѣйшаго заключенія мира съ Москвою. Еще въ январѣ 1593 года заключено было двухлѣтнее перемиріе, съ условіемъ чтобъ каждый владѣлъ тѣмъ, чѣмъ владѣетъ. Послы московскіе, отправляемые въ Литву, давали знать государю, что Сигизмунда бояться нечего, несмотря на то, что онъ по имени король шведскій. Посолъ Рязановъ, бывшій у короля въ 1592 году, доносилъ, что Сигизмунда не любятъ за женитьбу на австрійской принцессѣ и за то, что несчастливъ: какъ началъ царствовать, все голодъ да моръ, что его ссадятъ съ престола и всѣ рады видѣть королемъ царя; только паны боятся, что царь повыкупитъ у нихъ всѣ города королевскіе, и которая у нихъ шляхта теперь служитъ, та у нихъ служить не будетъ, всѣ будутъ служить государю. Когда королевскій посолъ Хребтовичъ потребовалъ, чтобъ царь возвратилъ Сигизмунду города, взятые у Шведовъ, то бояре ему отвѣчали: „Ты своими безмѣрными рѣчами большое кроворазлитіе вчинаешь, мы идемъ къ государю, а слушать твоихъ словъ нечего, говоришь бездѣлье, напрасно было тебѣ съ этимъ и пріѣзжать.“ Тогда Хребтовичъ объявилъ, что ему велѣно заключить перемиріе на томъ, что̀ за кѣмъ есть и на то время, на какое заключено перемиріе съ Польшею. Но царь отвѣчалъ Сигизмунду, что относительно Швеціи будетъ держать перемиріе только на то время, на какое оно было заключено въ 1593 году, то-есть на два года.

Предъ истеченіемъ этого срока, въ концѣ 1594 года, шведскіе послы—Стенъ Банеръ, Горнъ, Бое, съѣхались съ московскими—княземъ Туренинымъ и Пушкинымъ на русской землѣ у Тявзина, близь Ивань-города. Дѣло началось письменною перебранкою: Шведы грозили тѣмъ, что у нихъ теперь съ Польшею одинъ король; Туренинъ отвѣчалъ: „Хотя корона польская и королевство шведское и въ соединеньи будутъ, но намъ не страшно, да и писать вамъ про это съ угрозами къ намъ не годится.“ Шведскіе послы требовали опять тѣхъ городовъ, которые были взяты недавно при Ѳеодорѣ; Русскіе отвѣчали, чтобъ они оставили эти свои непригожія слова, отъ которыхъ многія крови движутся, и поискали бы въ себѣ дороги къ доброму дѣлу. Русскіе послы требовали сперва

Нарвы и Корелы, но потомъ ограничились одною последнею. Когда Шведы упомянули, что въ Кореле ихъ правительствомъ сделаны большія укрепленія, которыя дорого стоили, то московскіе послы отвечали: „А вамъ кто велелъ чужое брать неправдою и, взявши, еще укреплять? чужое сколько за собою ни держать, и хотя золотымъ сделать, а потомъ отдавать же съ кровію, да и своего прибавить.“ Шведы просили за Корелу денегъ и требовали разоренія Ивань-города: „и многія жестокія разговорныя слова о Кореле съ обеихъ сторонъ были.“ Наконецъ Шведы отдали Корелу безъ денегъ. Начались переговоры о торговле. Московскіе послы говорили: „Сотворилъ Богъ человека самовластна и далъ ему волю сухимъ и водянымъ путемъ, где ни захочетъ, ехать: такъ вамъ противъ воли Божіей стоять не годится, всехъ поморскихъ и немецкихъ государствъ гостямъ и всякимъ торговымъ людямъ, землею и моремъ задержки и неволи чинить не пригоже.“ Шведскіе послы отвечали: „Мимо Ревеля и Выборга торговыхъ людей въ Ивань-городъ и Нарву съ ихъ товарами намъ не пропускать, потому что море наше и въ томъ мы вольны.“ Наконецъ уговорились: для иностранныхъ купцовъ торговыя пристани будутъ только Выборгъ и Ревель; одни шведскіе подданные могутъ пріезжать въ Нарву, и торгу быть на нарвской, а не на ивань-городской стороне. Между подданными обоихъ государствъ торговля вольная; путь чистъ черезъ шведскія владенія московскимъ посламъ въ другія государства, и посламъ другихъ государствъ въ Москву; Шведы обязаны пропускать безъ задержки техъ купцовъ, которые изъ иностранныхъ земель пойдутъ къ царю съ товарами, годными для его казны; обязаны пропускать также докторовъ, лекарей и всякихъ служилыхъ людей и мастеровъ, которые пойдутъ къ царю; пленные освобождаются съ обеихъ сторонъ безъ окупа и безъ обмены, кроме техъ, которые по своей воле останутся; Русскимъ людямъ вольно посылать людей своихъ въ Шведскую землю отыскивать русскихъ пленныхъ; королю брать дань съ Лопарей на восточной стороне (Остерботніи) къ Варанге, а царю брать дань съ Лопарей, которые къ двинской и къ корельской земле и къ Коле-городу. На этихъ условіяхъ заключенъ былъ вечный миръ 18 мая 1595 года.

Сношенія съ Сигизмундомъ, какъ польскимъ королемъ, были неважны. Зная о сильномъ неудовольствіи на Сигизмунда въ Польше,

московское правительство считало нужнымъ еще усиливать это неудовольствіе, указывая панамъ на униженіе, которое терпятъ ихъ государства отъ короля. Такъ гонецъ московскій, въ 1594 году, говорилъ панамъ: „Великій государь нашъ и всѣ бояре очень удивляются, какимъ образомъ Сигизмундъ король такія непригожія дѣла начинаетъ, что такія великія государства, корону польскую и великое княжество литовское, подъ шведское королевство въ титулѣ своемъ подписалъ. Вѣдомо всѣмъ, какъ велики государства польское и литовское передъ шведскимъ королевствомъ; корона польская и великое княжество литовское издавна въ равенствѣ съ великими государствами бываютъ, а шведская земля не великая, изначала бывала въ подданныхъ у датскаго короля, и были въ ней правители, а не короли; короли въ ней недавно стали, а ссылались прежніе правители съ боярами и намѣстниками новгородскими. Бояре думаютъ, что Сигизмундъ король такъ пишется безъ совѣту пановъ радъ, по совѣту шведскихъ думцевъ, а шведскихъ Нѣмцевъ неправда вамъ самимъ вѣдома, неправда ихъ во всей вселенной явна“ [91].

Отношенія польскія по прежнему поддерживали сношенія московскаго двора съ австрійскимъ. Лука Новосильцевъ, отправленный къ императору Рудольфу съ извѣстіемъ о воцареніи Ѳеодора, доносилъ, что приходили къ нему нарочно вельможи и говорили наединѣ, чтобъ великихъ государей сердца были вмѣстѣ, и какъ выйдутъ перемирныя лѣта съ королемъ Стефаномъ, то царь съ братомъ своимъ Рудольфомъ цесаремъ сослался бы, и стали бы они заодно на короля Стефана, потому что король Стефанъ сидитъ не на своемъ государствѣ, а государь московскій и цесарь прирожденные государи, и довелось бы имъ Стефаново государство между собою раздѣлить. По смерти Баторія братъ Рудольфа, эрцгерцогъ Максимиліанъ, прислалъ въ Москву посла своего съ просьбою къ царю хлопотать о польской коронѣ или для себя, или для него, Максимиліана; писалъ о томъ же къ Годунову, называя его дражайшимъ, особенно любительнымъ своимъ, пріятеля своего царя начальнымъ, тайной думы думцемъ и властелемъ; писалъ и къ думнымъ дьякамъ Щелкаловымъ, прося ихъ помощи, называя избранными, любительными. Въ генварѣ 1588 года царь приговорилъ съ боярами послать къ Рудольфу цесарю и брату его Максимиліану гонца съ грамотами о литовскомъ дѣлѣ, что на коронѣ

польской и на великомъ княжествѣ литовскомъ государя нѣтъ, такъ объ этихъ государствахъ промышлять бы сообща, чтобъ они, мимо нихъ, великихъ государей, къ другому государю не прошли. Ѣхать гонцу через литовскую землю; грамоты о большомъ дѣлѣ везти тайно, а другія везти явно—о персидскомъ дѣлѣ, о торговыхъ людяхъ, о заповѣдныхъ товарахъ. Персидское дѣло состояло въ томъ, что шахъ просилъ царя, императора Рудольфа, королей испанскаго и французскаго быть съ нимъ въ союзѣ на всякаго недруга заодно, и царь пожелалъ быть съ нимъ въ крѣпкомъ докончаньѣ. Относительно торговыхъ людей и заповѣдныхъ товаровъ царь писалъ: „Изъ давныхъ лѣтъ, при дѣдѣ и отцѣ нашемъ торговые люди изо всей нѣмецкой земли во Псковъ, Новгородъ и Нарву со всякими товарами приходили, и что годно намъ къ ратному дѣлу, мѣдь, олово, свинецъ, сѣру, селитру и всякій товаръ привозили и съ нашими гостями торговали на всякій товаръ безъ вывѣта; и прибытка себѣ искали съ обѣихъ сторонъ. Но когда, по смерти отца моего, я напомнилъ тебѣ объ этомъ, то ты отвѣчалъ, что отъ предковъ вашихъ, Карла V и Фердинанда, по прошенью и совѣту курфюрстовъ и князей, заповѣдано годные къ воинскому дѣлу товары изъ Римскаго государства вывозить и тебѣ безъ совѣта съ курфюрстами и князьями перемѣнить этого нельзя. Мы очень подивились, что въ прежніе года торговые люди ходили на обѣ стороны со всякими товарами безъ вывѣта, а теперь, по твоему закону, ваши торговые люди не вывозятъ къ намъ товаровъ, надобныхъ къ ратному дѣлу."

Гонецъ далъ знать изъ Смоленска, что онъ встрѣтилъ государева посланника Ржевскаго, который сказывалъ ему, что шведскаго короля сынъ теперь въ Краковѣ, сажаютъ его на королевство немногіе паны, и со всею землею онъ не укрѣпился, а цесаревъ братъ Максимиліанъ стоитъ въ Польшѣ и съ нимъ многіе люди. Гонцу велѣно продолжать путь, а изъ опасенія, что его черезъ Литву не пропустятъ, отправлена была другая грамота къ императору, тайно, на Ригу съ Нѣмцемъ Лукашемъ Павлусовымъ, третья съ московскимъ торговымъ человѣкомъ Тимохою Выходцемъ также на Ригу, или на которыя мѣста пригоже, куда проѣхать можно; четвертая съ гонцомъ Загрязскимъ. Русскіе гонцы возвратились съ литовскаго рубежа по вѣстямъ, что Сигизмундъ утвердился въ Польшѣ, а Максимиліанъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ Замойскимъ;

Тимоху Выходца въ Ригѣ схватили и посадили въ тюрьму; дошла грамота, посланная съ Нѣмцемъ Лукашемъ. Императоръ отвѣчалъ черезъ посла Николая Баркоча, похожденія котораго на дорогѣ описаны въ грамотѣ къ царю Лукаша Павлусова, возвращавшагося вмѣстѣ съ Варкочемъ: „Какъ пріѣхали мы въ Поморскую землю, въ городъ Штетинъ, то нашли тутъ любскаго торговаго человѣка Крона и съ нимъ тайно договорились, что ему насъ провезти черезъ нѣмецкую землю (Ливонію). И поѣхали мы врознь для того, чтобъ про насъ не провѣдали; поѣхалъ цесарскій посолъ въ торговомъ платьѣ съ однимъ своимъ человѣкомъ, да со мною и съ Крономъ черезъ прусскую землю. Когда мы были уже близко отъ московскаго рубежа, въ Новгородкѣ Ливонскомъ, то намъ сказали, что про насъ заказъ есть и стерегутъ по всѣмъ дорогамъ; на насъ напалъ страхъ великій: не вѣдаемъ какъ ѣхать?—ни назадъ, ни впередъ не смѣемъ. Положа упованіе на Бога, забывъ свой животъ, пошли на смерть; вооружились пищалями, самопалами, кортами и сквозь заставу подъ Новымъ-городомъ пробились силою. За нами погоня была великая, крикъ, шумъ необычайный, въ городѣ звонъ, хотѣли насъ поймать; но Богъ помиловалъ, ушли; гнался за нами державца новгородскій на пятнадцати коняхъ за три версты до Печоры; но Богъ насъ унесъ“. Варкочь пріѣхалъ съ благодарностію отъ императора и всего австрійскаго дома за радѣнье въ пользу Максимиліана на избирательномъ сеймѣ, и съ вопросомъ, какой помощи отъ царя можетъ ждать императоръ въ войнѣ съ Польшею и Турціею? О заповѣдныхъ товарахъ посолъ объявилъ очень неопредѣленно: цесарь радѣетъ о вольной торговлѣ, чтобъ торговымъ людямъ изъ Римскаго государства вольно было пріѣзжать торговать въ Русскую землю, а русскіе торговые люди ѣздили бы въ Римское государство. Посолъ привезъ грамоту и къ Годунову, который принялъ его по-царски: сидя, звалъ къ рукѣ, подчивалъ виномъ и медами, потомъ посылалъ ему на подворье вмѣсто стола кормъ съ своими людьми. Посолъ правилъ отъ императора челобитье Годунову за стараніе о союзѣ царя съ Рудольфомъ, просилъ, чтобъ онъ и больше еще промышлялъ объ этомъ, говорилъ, что Борисъ Ѳедоровичъ за своя добрыя дѣла у цесаря и короля испанскаго въ великой славѣ, чести и похвалѣ и изъ ласки ихъ никогда не выйдетъ. Годуновъ о всѣхъ этихъ дѣлахъ докладывалъ государю, и государь приговорилъ съ боярами, что къ цесарю рим-

скому и къ брату его Максимиліану отъ конюшаго и боярина Бориса Θедоровича Годунова грамоты писать пригоже нынѣ и впередъ: это царскому имени къ чести и прибавленью, что его государевъ конюшій и бояринъ ближній станетъ ссылаться съ великими государями; да и къ инымъ ко всѣмъ государямъ, которые станутъ къ Борису Θедоровичу грамоты писать, отвѣтныя отъ Бориса Θедоровича грамоты писать въ посольскомъ приказѣ вмѣстѣ съ государевыми грамотами. На всѣ рѣчи Варкоча былъ данъ отвѣтъ отъ царскаго имени: „Государь хочетъ, чтобъ братъ его дражайшій Рудольфъ цесарь, сославшись и укрѣпившись съ папою римскимъ, съ королемъ испанскимъ и со всѣми поморскими государями христіанскими, былъ съ нимъ въ соединеньѣ и докончаньѣ на турскаго. А персидскій шахъ съ государемъ ссылается о любви братской и хочетъ съ нимъ стоять на турскаго заодно; какъ будутъ шаховы послы у государя и обо всемъ договорятся, то государь объявитъ объ этомъ подлинно цесарскому величеству. Говорилъ ты о Максимиліанѣ, чтобъ ему подать помощь при отысканіи короны польской: послы государевы затѣмъ вѣчнаго мира и дальняго перемирія съ Польшею не заключили, чтобы и впередъ приводить пановъ на избраніе Максимиліана". Годуновъ писалъ императору: „Я принялъ, государь, твое жалованье,—грамоту съ покорностію любительно выслушалъ, и тебя, великаго государя, выславлялъ передъ государемъ нашимъ, при многихъ государевыхъ царяхъ, царевичахъ и государскихъ дѣтяхъ разныхъ государствъ, которыя подъ государя нашего рукою, при бояряхъ, князьяхъ и всякихъ служилыхъ людяхъ, что ты, великій государь, своею великою милостію и ласкою меня навѣстилъ, свою грамоту ко мнѣ прислалъ; и впередъ хочу тебя, великаго государя, выславлять. Я и прежде о твоихъ дѣлахъ радѣлъ, а теперь и больше того радѣю и впередъ радѣть и промышлять хочу". Максимиліану, который прислалъ ему грамоту и часы въ подарокъ, Годуновъ отвѣчалъ: „Я вашъ поминокъ принялъ въ покорности, съ великою любовію, и за то вашему величеству челомъ бью и впередъ тебя, великаго государя, буду выславлять, и вашему пресвѣтлѣйшеству много челомъ бью: примите мой легкій поминокъ, сорокъ соболей".

Варкочь былъ отправленъ назадъ чрезъ новый холмогорскій городъ (Архангельскъ) моремъ-океаномъ. Приставу данъ былъ наказъ отпустить его на корабляхъ извѣстнаго намъ Ивана Бѣлоборода

въ Гамбургъ, непремѣнно дня въ три или четыре, чтобъ англійскіе купцы, которые поѣдутъ съ Вологды, цесаревыхъ людей на Холмогорахъ не застали. А если англійскіе корабли придутъ раньше кораблей Ивана Бѣлоборода, то держать цесарева посла тайно на дворѣ Ивана же Бѣлоборода, и какъ его корабли придутъ, отпустить Варкоча тайно ночью или съ утра рано.

Лѣтомъ 1590 года Максимиліанъ извѣстилъ царя, что онъ выпущенъ изъ плѣна подъ условіемъ отреченія отъ польской короны; что это освобожденіе совершилось вслѣдствіе переговоровъ императора съ Сигизмундомъ, противъ воли его, Максимиліана, и потому онъ хочетъ мстить Полякамъ за свою обиду войною; но такъ какъ для войны нужно много денегъ, то проситъ царя прислать ихъ ему. Максимиліанъ просилъ денегъ на войну съ Польшею, и Варкочь въ 1591 году также прислалъ къ царю съ просьбою о жалованьѣ, потому что выдавалъ дочь свою замужъ. Варкочь просилъ также принять въ государеву службу графа Шкота, человѣка славнаго рода изъ итальянской земли, наученнаго великимъ разнымъ наукамъ свыше иныхъ всякихъ людей. Годуновъ отвѣчалъ ему: „Пишешь ко мнѣ о такомъ невеликомъ дѣлѣ, а о большомъ дѣлѣ, которое началось между нашимъ и вашимъ государемъ, не пишешь. Государь нашъ, желая быть въ соединеніи съ Рудольфомъ цесаремъ, по твоимъ же рѣчамъ, съ турецкимъ султаномъ и съ крымскимъ царемъ не ссылался и съ литовскимъ королемъ вѣчнаго мира заключать не велѣлъ. А теперь къ намъ слухъ дошелъ, что Рудольфъ цесарь съ турскимъ султаномъ ссылается о перемирьѣ, а съ литовскимъ королемъ о вѣчномъ мирѣ и сватовствѣ. И я тому очень подивился, какъ такое великое дѣло, годное всему христіанству, начать и покинуть. Что ты писалъ о Шкотѣ, то такой рыцарскій и великій человѣкъ достоинъ быть при государѣ нашемъ, только теперь ѣхать ему къ государю не время, а какъ время будетъ, то я къ тебѣ отпишу. Посылаю къ тебѣ для любви, на свадьбу дочери твоей, сорокъ соболей; столько же посылаю къ графу Шкоту, отдай ихъ ему.“

Великое дѣло, годное всему христіанству, было только на словахъ да на бумагѣ. Къ московскому двору обращались только тогда, когда его помощь нужна была австрійскому дому, когда нужно было помочь Максимиліану взойти на польскій престолъ, когда Рудольфъ нуждался въ помощи противъ Турокъ. Осенью 1593 года въ Москву

дали знать, что идетъ цесаревъ посолъ, опять тотъ же Варкочь. Московское правительство было очень озабочено въ это время внѣшними отношеніями, смертію шведскаго короля Іоанна, вслѣдствіе которой польскій король получилъ и престолъ шведскій, родственнымъ союзомъ Сигизмунда съ австрійскимъ домомъ, дѣлами турецкими. Приставу, который долженъ былъ встрѣчать посла, данъ былъ наказъ: провѣдать, па какой мѣрѣ положено у цесаря и брата его Максимиліана съ Сигизмундомъ польскимъ? какимъ обычаемъ цесарь отдалъ за Сигизмунда племянницу свою? какіе слухи у нихъ о Сигизмундѣ: быть ему назадъ на польскомъ королевствѣ, или быть ему на одномъ шведскомъ королевствѣ? и если не быть ему впередъ на польскомъ королевствѣ, то кого будутъ выбирать въ польскіе короли? и какъ теперь у цесаря дѣла съ турскимъ? поминки большіе цесарь къ турскому посылаетъ ли по прежнему?

Посолъ объявилъ, что императоръ отъ брата своего дражайшаго и любительнаго, государя царя, ожидаетъ крѣпкой любви и соединенія. Теперь они государи сильные, великіе, всему христіанству надежда, и вся вселенная на нихъ смотритъ, а невѣрные Турки и Татары всѣми своими лихими умыслами на нихъ, великихъ государей, стоятъ, христіанство потоптать хотятъ. Теперь время, чтобъ всѣ христіанскіе государи руки свои распростерли для братской любви и стояли бъ заодно противъ гонителя христіанскаго. Цесарь старается, чтобъ былъ миръ между государемъ царемъ и Сигизмундомъ, королемъ польскимъ и шведскимъ; цесарь проситъ у его царскаго величества, чтобъ его пресвѣтлѣйшество братскую помощь оказалъ, руку свою распростеръ къ оборонѣ цесарскаго величества и всего христіанства, и свою царскую мысль объявилъ, какъ промышлять надъ бусурманствомъ? Въ тайномъ разговорѣ съ Годуновымъ Варкочь просилъ, чтобъ царь отводилъ крымскихъ Татаръ, мѣшалъ имъ проходить вмѣстѣ съ Турками на Венгрію, чтобъ уговаривалъ также персидскаго шаха не мириться съ Турками; объявилъ, что Сигизмундъ на польскомъ королевствѣ быть не хочетъ, а хочетъ быть на шведскомъ королевствѣ, потому что паны рада польскіе и литовскіе самовольные люди и дѣлаютъ по своей волѣ какъ хотятъ, и ни въ чемъ его не слушаютъ, за государя не имѣютъ и воли ему нѣтъ никакой: держатъ его какъ невольника, а не какъ государя. Канцлеръ Янъ Замойскій умышляетъ взять на королевство брата Стефана Баторія и привезти его въ Краковъ тот-

часъ, какъ вѣсть объ отреченіи Сигизмунда короля будетъ. Посолъ объявилъ также, что низовскіе (запорожскіе) козаки бьютъ челомъ цесарю, хотятъ быть въ Венгрію и служить противъ Турокъ; цесарь наказалъ Варкочу спросить у Годунова: эти козаки государю царю вѣрою и правдою служатъ ли и смирно ли живутъ по границамъ. Если они государя царя ничѣмъ не разгнѣвали, служатъ правдою и съ царскими людьми не ссорятся, то цесарь думаетъ принять ихъ и послать противъ Турокъ. Годуновъ обѣщалъ бить челомъ царю, чтобъ съ Рудольфомъ цесаремъ противъ непріятелей вѣры христіанской сталъ заодно и помощь во всемъ оказалъ. Потомъ Варкочь просилъ, чтобъ ему позволено было снестись съ бывшимъ тогда въ Москвѣ персидскимъ посломъ Ази Хозревомъ; государь велѣлъ цесареву послу съ персидскимъ обослаться дворянами и провѣдать надъ ними, что они станутъ говорить между собою о соединеніи на турскаго. Дворянинъ, посланный Варкочемъ, объявилъ Ази Хозреву, что цесарь желаетъ союза съ шахомъ, который можетъ отправить къ нему пословъ чрезъ царскія владѣнія, Ази Хозревъ отвѣчалъ: „шахъ Аббасъ прислалъ меня сюда съ великимъ моленіемъ, чтобъ великій государь царь принялъ его къ себѣ въ любовь и стоялъ бы на своихъ и на его недруговъ заодно. А положилъ всю надежду „шахъ на шурина царскаго, Бориса Ѳедоровича Годунова, потому что онъ много разуменъ и справедливъ, радѣетъ между государями о всякомъ добромъ дѣлѣ, и имя его и слава во всей восточной и полуденной странѣ сіяетъ. Если я по здорову доѣду до шахова величества, то все государю своему разскажу, и государь нашъ тому очень обрадуется. Если три великіе государя будутъ въ союзѣ и станутъ заодно на турскаго, то турскаго житье съ часъ не будетъ".

Послѣ всѣхъ этихъ сношеній Варкочу было объявлено: Государь съ цесаремъ быть въ соединеньѣ хочетъ, только хочетъ знать, какъ Рудольфъ цесарь противъ турскаго намѣренъ стоять, и кто съ нимъ будетъ въ союзѣ? папа римскій, король испанскій, король датскій, князь венеціанскій и другіе поморскіе государи съ цесаремъ всѣ ли въ соединеньѣ будутъ, и съ литовскимъ королемъ ссылка о союзѣ была ли? Государь, для брата своего Рудольфа цесаря, и по челобитью шурина своего, Бориса Ѳедоровича Годунова, наскоро отправитъ пословъ своихъ къ крымскому хану, чтобъ онъ съ турскимъ въ венгерскую землю войною не ходилъ; персидскому

шаху также накрѣпко накажетъ, чтобъ онъ съ турскимъ не мирился. А что посолъ говорилъ тайно Борису Ѳедоровичу о Сигизмундѣ королѣ, то Рудольфу цесарю прежде всего надобно промышлять, чтобъ братъ его Максимиліанъ былъ на королевствѣ польскомъ, а великій государь хочетъ помогать этому дѣлу всячески.—Варкочь отвѣчалъ, что цесарь, папа и король испанскій о союзѣ противъ Турокъ между собою утвердились и положили все дѣло на Рудольфѣ; а къ другимъ государямъ цесарь еще не посылалъ: датскій король молодъ, а люди его думные хотятъ жить въ покоѣ; къ Сигизмунду не посылалъ потому, что паны живутъ съ королемъ несогласно и его ни въ чемъ не слушаютъ. Бояре сказали на это: „Ты былъ уже здѣсь прежде и государь отпустилъ тебя съ тѣмъ, чтобъ цесарь, сославшись съ другими государями, присылалъ сюда пословъ своихъ великихъ о вѣчномъ мирѣ, и чтобъ испанскіе и папины послы шли къ государю, съ цесаревыми вмѣстѣ. Донесъ ли ты объ этомъ цесарю?“ Посолъ отвѣчалъ, „что донесъ; но отправленіе пословъ замѣшкалось, потому что началась война между Испаніею, Англіею и королемъ Наваркимъ (Генрихомъ IV), англійская королева на морѣ велитъ крѣпко беречь, чтобъ отъ цесаря къ государю никто моремъ не проѣзжалъ“. Хорошо было бъ, продолжалъ Варкочь, еслибъ государь со мною отправилъ своихъ пословъ къ цесарю для окончательныхъ приговоровъ и закрѣпленія, а испанскіе и папины послы тутъ же будутъ. Бояре отвѣчали: „то дѣло нестаточное, что великому государю посылать къ цесарю пословъ своихъ напередъ“. Варкочь сказалъ на это: „воля государева; я только объ этомъ припомянулъ, а много не говорю“. Наконецъ Варкочь высказалъ главную цѣль своего посольства: „Вы мнѣ объявили, сказалъ онъ боярамъ,—что великій государь хочетъ быть съ Рудольфомъ цесаремъ въ любви и на всякаго недруга помогать; такъ цесарь вотъ чего проситъ теперь у вашего государя: если гонитель христіанскій, турскій султанъ, наруша перемиріе, наступитъ на государя нашего, то вашъ государь пожаловалъ бы Рудольфу цесарю помощь оказалъ своею государевою казною, соболями, куницами и другою рухлядью, а государь нашъ найметъ на это людей и будетъ противъ турскаго стоять, пока всѣ государи христіанскіе соединятся“. Бояре отвѣчали, что государь Рудольфу цесарю поможетъ своею казною и турскому его не выдастъ.

Находясь въ затруднительномъ положеніи, принужденная просить казны у московскаго государя для войны съ Турками, Австрія никакъ однако не могла освободиться отъ властолюбивыхъ замысловъ и старалась заранѣе обезпечивать пріобрѣтенія вовсе невѣрныя. Варкочь объявилъ боярамъ: „Рудольфъ цесарь велѣлъ мнѣ сказать государю вашему тайно, что онъ хочетъ доступать лифляндской земли, привести ее подъ свою цесарскую руку, а отъ Литвы и шведскаго отвести. Только о томъ государь нашъ хочетъ знать: захочетъ ли вашъ государь, чтобъ цесарь лифляндскую землю подъ свою руку приводилъ?“ Бояре отвѣчали, что государь, для братской любви, лифляндскую землю Рудольфу цесарю уступаетъ, кромѣ Юрьева съ пригородами, да Нарвы съ пригородами.

Мы видѣли, что австрійскій дворъ, ища отовсюду помощи противъ Турокъ, обратилъ свое вниманіе на козаковъ и спрашивалъ объ нихъ у московскаго правительства; послѣднему не было никакого дѣла до Черкасъ запорожскихъ; но, желая искренно успѣха императору противъ страшныхъ Турокъ, оно сочло нужнымъ описать Варкочу характеръ козаковъ: козаки, по этому описанію, были очень полезны для захвата добычи, для опустошенія земли непріятельской, для внезапныхъ наѣздовъ; но съ другой стороны это народъ неукротимый, жестокій и непостоянный, они лучше другихъ войскъ переносятъ голодъ, но имъ нельзя ввѣрять крѣпостей, пусть они ищутъ себѣ корму въ землѣ непріятельской.

Польскій шляхтичъ Станиславъ Хлопицкій взялся набрать осьми—или десятитысячный отрядъ козаковъ для императорской службы, и въ 1594 году явился въ Москву съ грамотою отъ Рудольфа, которая была написана вмѣстѣ на имя царя Ѳеодора, Аарона, воеводы волошскаго, князя Збаражскаго, воеводы Браславскаго и всѣхъ честнѣйшихъ и удалыхъ рыцарей, которые живутъ въ войскѣ запорожскомъ. Императоръ просилъ жаловать Хлопицкаго и его войско и всюду пропускать; козаки, по словамъ грамоты, должны были залечь всѣ дороги крымскимъ людямъ, чтобъ имъ нельзя было пройти къ турскому на помощь, также идти въ турецкую землю и опустошать ее. Изъ этого мы видимъ, что московскими указаніями на козацкій характеръ уже воспользовались. Въ Москву пріѣхалъ Хлопицкій для того, какъ самъ говорилъ, что Запорожцы издавна слуги царскіе и безъ вѣдома царя идти не хотятъ; онъ просилъ, чтобъ царь, прибавивши къ Запорожцамъ своихъ людей,

послалъ все это войско подъ своимъ знаменемъ и помогъ ему своею казною: тогда у непріятеля креста Христова серце упадетъ, какъ услышитъ такую силу царскаго величества. Кромѣ желанія выпросить у царя денегъ, въ этой просьбѣ могла заключаться и хитрость, желаніе вовлечь Москву въ войну съ Турками и такимъ образомъ отвлечь силы послѣднихъ отъ Австріи.

Но государь указалъ, что Хлопицкому у него быть не пригоже, потому что цесарь писалъ въ одной грамотѣ къ государю и къ князю Збаражскому, а князь Збаражскій холопъ литовскаго, и къ государю великому писать въ одной грамотѣ съ холопомъ не годится. За это Хлопицкій достоинъ былъ большой опалы; но государь для Рудольфа цесаря опалы на него не положилъ и отпускаетъ къ цесарю, а что̀ приказывалъ цесарь о запорожскихъ Черкасахъ, то сказать Хлопицкому, что государь повелѣніе свое къ запорожскимъ Черкасамъ, къ гетману Богдану Микошинскому послалъ, велѣлъ имъ идти къ цесарю на помощь.

Въ концѣ 1594 года пріѣхалъ въ третій разъ Варкочь въ Москву напомнить царю обѣщаніе его помочь цесарю казною: „Если хотите помогать, говорилъ онъ, то помогите теперь, потому что турскій пришелъ на насъ со всею своею силою“. Годунову Варкочь говорилъ: „Цесарь прислалъ тебѣ свои любительные поминки, какіе посылаетъ къ братьямъ своимъ и къ курфюрстамъ: двѣ цѣпи золотыя, одна съ персоною (портретомъ) цесарскою, да часы золоченые съ планитами. Его царское величество, государь мой, ваше пресвѣтлѣйшество проситъ, чтобъ вы умилосердились, о кровопролитіи христіанскомъ пожалѣли и были бы печальникомъ его царскому величеству, чтобъ государь казны своей послалъ, которой имѣетъ отъ Господа Бога очень много, и пожаловалъ бы послалъ скоро, потому что теперь пора. Господь Богъ на семъ свѣтѣ всякими потѣхами и радостію надаритъ тебя и дѣтей твоихъ, а на томъ свѣтѣ вѣчный платежъ будетъ; а у всѣхъ государей и людей христіанскихъ великую и вѣчную славу имѣть будешь“. Бояре дали ему отвѣтъ, что государь, жалѣя о христіанствѣ, по братской любви къ цесарю Рудольфу, по прошенью и челобитью шурина своего, Бориса Өеодоровича Годунова, Рудольфу цесарю противъ непріятеля всего христіанства, турскаго султана, своею царскою казною вспоможенье учинилъ, мягкою рухлядью, соболями и другими мѣхами, и съ этою казною отправляетъ къ

цесарю посланниковъ своихъ. Услыхавъ это, Варкочь билъ челомъ и говорилъ: „Это будетъ государю нашему и всѣмъ государямъ христіанскимъ и всему христіанству въ великую радость, и будетъ за это цесарь самъ собою и со всѣми своими землями и областями служить и благодарность воздавать. А сдѣлалось это ходатайствомъ, радѣньемъ и промысломъ царскаго шурина, Бориса Ѳедоровича Годунова, и цесарское величество за то его пресвѣтлѣйшеству своею любовію всячески воздавать будетъ и ни за что не постоитъ.“

Не знаемъ, въ какой степени на рѣшеніе помочь императору казною имѣло вліяніе честолюбіе Годунова, обольщеннаго ласкательствами императора и посла его, обольщеннаго мыслію, что пріобрѣтаетъ благодарность перваго государя христіанской Европы; очень можетъ быть, что честолюбіе Годунова играло въ этомъ дѣлѣ большую роль; но должно замѣтить, что въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ другихъ Годуновъ могъ легко оправдывать свой поступокъ: по смерти Баторія и послѣ того какъ увидали, что избраніе Сигизмунда шведскаго на польскій престолъ вовсе не имѣетъ такихъ слѣдствій, какихъ опасались прежде, въ Москвѣ больше всего боялись могущества Турокъ, и помочь косвеннымъ образомъ противъ нихъ австрійскому дому могло считаться дѣломъ благоразумія.

Варкочь увѣрялъ Годунова въ благодарности императора, въ томъ, что Рудольфъ ни за что не постоитъ при изъявленіи этой благодарности, и вотъ приставу, провожавшему посла, было наказано поговорить съ нимъ къ слову: „у царскаго шурина Бориса Ѳедоровича, по его дородству и храбрости, многихъ государствъ лошади есть, а цесарской области дородныхъ лошадей большихъ, которыя бы пригодились подъ его сѣдло, нѣтъ: и если цесарь захочетъ прислать Борису Ѳедоровичу лошадей добрыхъ, то Борису Ѳедоровичу это будетъ очень любительно.“

Въ апрѣлѣ 1595 года отправлены были къ цесарю съ казною на вспоможеніе противъ турскаго думный дворянинъ Вельяминовъ и дьякъ Власьевъ; они повезли соболей, куницъ, лисицъ, бѣлки, бобровъ, волковъ, кожъ лосиныхъ на 44,720 рублей. Пріѣхавши въ Прагу, гдѣ жилъ Рудольфъ, Вельяминовъ и Власьевъ потребовали, чтобъ имъ указали мѣсто, гдѣ разложить мѣха. Имъ дали у цесаря на дворѣ двадцать палатъ, гдѣ они и разложили собо-

лей, куницъ, лисицъ, бобровъ и волковъ налицо, а бѣлку въ коробьяхъ. Когда все было изготовлено, самъ императоръ съ ближними людьми пришелъ смотрѣть посылку, государеву вспоможенью обрадовался и удивлялся, какъ такая великая казна собрана? говорилъ, что прежніе цесари и совѣтники ихъ никогда такой большой казны, такихъ дорогихъ соболей и лисицъ не видывали и разспрашивалъ пословъ, гдѣ такіе звѣри водятся, въ какомъ государствѣ? Послы отвѣчали, что всѣ эти звѣри водятся въ государевомъ государствѣ, въ Кондѣ и Печорѣ, въ Угрѣ и въ Сибирскомъ царствѣ близь Оби рѣки великой, отъ Москвы больше 5,000 верстъ. На другой день цесаревы совѣтники присылали къ посламъ съ просьбою, чтобъ государевы собольники положили цѣну присылкѣ, какъ ее продать. Послы отказали: „Мы присланы къ цесарскому величеству съ дружелюбнымъ дѣломъ, съ государевою помощію, а не для того, чтобъ оцѣнивать государеву казну, оцѣнивать мы не привыкли и не знаемъ; а собольники присланы съ нами для переправки, цѣнить они такой дорогой рухляди не умѣютъ, такими товарами не торгуютъ.“ Послѣ сказывали посламъ, что цесарь велѣлъ оцѣнить присылку пражскимъ купцамъ, и тѣ оцѣнили ее въ 400,000 рублей, а тремъ сортамъ лучшихъ соболей цѣны положить не умѣли по ихъ дороговизнѣ.

Весною 1597 года пріѣхалъ въ Москву знатный посолъ императорскій, Авраамъ, Бургграфъ Донавскій, привезъ царю подарки: мощи чудотворца Николая, окованныя золотомъ и серебромъ, съ каменьемъ; два возка со всѣмъ приборомъ, а у возковъ по шести санниковъ, шесть сѣрыхъ и шесть гнѣдыхъ; часы съ перечасьемъ, съ людьми, трубами, накрами и варганами: какъ перечасье и часы забьютъ, въ то время въ трубы, накры и варганы заиграютъ люди какъ живые; другіе часы съ перечасьемъ: какъ перечасье забьютъ, въ то время часы запоютъ разными голосами; два сосуда для питья хрустальные, золотомъ окованные. Поблагодаривши государя за присылку мѣховъ, посолъ объявилъ, что мѣха эти до сихъ поръ въ казнѣ у императора, на деньги промѣнять ихъ не случилось, и потому просилъ, чтобъ впередъ государь присылалъ серебромъ и золотомъ, просилъ объявить, сколько еще государь намѣренъ прислать казны своей императору и въ какое время? Годунову посолъ говорилъ: „Государь нашъ велѣлъ тебѣ бить челомъ, чтобъ великій государь вашъ оборонилъ его отъ крымскаго царя, чтобъ крым-

скій царь не ходилъ войною на венгерскую землю.“ Годуновъ отвѣчалъ на это очень хитро; „У великаго государя рати много, можно ему Рудольфа цесаря оборонять отъ недруговъ: только бы далъ дорогу нашей рати король польскій черезъ литовскую и польскую земли рѣкою Днѣпромъ; тогда государь послалъ бы на крымскаго рать свою плавную, а изъ Сѣверской земли послалъ бы рать конную, и крымскому отъ такой рати гдѣ было бы дѣться? не стало бы крымскаго царя ни на одинъ часъ.“ Годунову прислалъ Рудольфъ поминки: кубокъ двойчатый серебряный, позолоченный, жемчугомъ да изумрудомъ саженый; часы стоячіе боевые съ знаменами небесными; два жеребца съ бархатными попонами; два попугая. Сыну Борисову Ѳедору: часы стоячіе боевые, а придѣланъ на нихъ медвѣдь, четыре попугая, двѣ обезьяны.

Печатнику и посольскому дьяку, Василію Яковлевичу Щелкалову, поручено было вести переговоры съ посломъ. Щелкаловъ началъ съ того, что императоръ нѣсколько разъ присылалъ къ царю съ просьбою о союзѣ, съ обѣщаніемъ прислать великихъ пословъ для его заключенія: „Теперь, продолжалъ Щелкаловъ,—цесарь прислалъ тебя, великаго человѣка; такъ объяви, какой далъ тебѣ цесарь наказъ о заключеніи союза?“ Посолъ отвѣчалъ, что испанскій король воюетъ съ англійскою королевою, съ королемъ французскимъ и Нидерландами; и потому о союзѣ къ цесарю пословъ не присылывалъ, и цесарь потому же не приказывалъ ему, послу, заключать союза съ царемъ, ибо съ папою и королемъ испанскимъ еще не укрѣпился. „Какъ же, возразилъ Щелкаловъ,—прежній посолъ Варкочь объявилъ здѣсь, что цесарь уже заключилъ союзъ съ папою и королемъ испанскимъ?“—„Это Варкочь совралъ,“ отвѣчалъ посолъ: „Здѣсь говорилъ не по приказу, а пріѣхавши къ цесарю, сказалъ не такъ, какъ здѣсь дѣлалось.“ Щелкаловъ продолжалъ: „Главное дѣло въ томъ, чтобъ укрѣпить братскую любовь и союзъ между нашимъ государемъ и Рудольфомъ цесаремъ, а всѣ другія дѣла послѣ сдѣлаются: цесарь укрѣпится съ испанскимъ, нашъ государь съ персидскимъ. А теперь ты присланъ сюда, именитый человѣкъ, и отъ папы римскаго посолъ здѣсь же; такъ это великое дѣло закрѣпить бы теперь для общаго добра христіанскаго.“ Посолъ отвѣчалъ: „Я самъ знаю, что это дѣло между великими государями очень годное, да если со мною отъ государя нашего наказа нѣтъ, то какъ мнѣ сдѣлать? только были бы у меня крылья,

такъ я бы полетѣлъ, наказъ у царя взялъ и здѣсь это дѣло сдѣлалъ."—Если такое великое дѣло годно всему христіанству, сказалъ на это Щелкаловъ,—и ты его желаешь, то побудь здѣсь, а къ государю своему за наказомъ пошли дворянина."—„Это дѣло не статочное, отвѣчалъ посолъ,—да и не смѣю я такъ сдѣлать мимо наказа государя своего."

Этимъ переговоры кончились. Австрійскій дворъ показалъ ясно, чего онъ добивался отъ московскаго царя, котораго считалъ очень богатымъ. Одинъ изъ дворянъ посольской свиты потребовалъ также переговорить съ Щелкаловымъ отъ имени эрцгерцога Максимиліана, и объявилъ, что Максимиліанъ хочетъ всякими мѣрами промышлять, чтобъ быть на королевствѣ польскомъ, и держитъ крѣпкую надежду, что государь поможетъ ему въ томъ. Щелкаловъ отвѣчалъ: „Великій государь радѣлъ и промышлялъ объ этомъ, что вамъ и самимъ вѣдомо: да если на то воли Божіей не было, и то не сталось? И теперь государь нашъ хочетъ, чтобъ Максимиліанъ былъ на королевствѣ Польскомъ, да вѣдь самъ знаешь: на государство силою какъ сѣсть? Надобно, чтобъ большіе люди, да и всею землею захотѣли и выбрали на королевство; а только землею не захотятъ, и того государства трудно доступать. Ты мнѣ объяви есть ли ссылка Максимиліану съ панами радными, которые бы его хотѣли на государство, и многіе ли паны хотятъ?" Дворянинъ отвѣчалъ: „Есть тайная ссылка пановъ-радъ съ Максимиліаномъ, хотятъ его князь Острожскій, воевода Познаньскій, Зборовскіе и другіе паны и рыцарство многое до 7000 человѣкъ. И только царскаго величества вспоможеніе будетъ, то Максимиліану польское государство можно получить." Щелкаловъ спросилъ: „Какого же вспоможенія хочетъ Максимиліанъ?" Дворянинъ отвѣчалъ: „Теперь государю вашему помогать людьми нельзя, потому что до исхода перемирья вашего съ Литвою еще пять лѣтъ: такъ государь бы пожаловалъ, помогъ своею царскою казною; да пожаловалъ бы, прислалъ эту казну въ Любекъ, а напередъ прислалъ бы въ Любекъ пословъ своихъ, и Максимиліанъ туда же пословъ своихъ пришлетъ для укрѣпленія." Щелкаловъ сказалъ на это: „Дѣло не статочное, чтобъ государю посылать пословъ своихъ въ Любекъ къ такимъ мужикамъ торговымъ."—Этимъ кончилось сношеніе съ австрійскимъ домомъ въ царствованіе Θеодора [92].

Имя папы упоминалось постоянно въ сношеніяхъ съ австрійскимъ дворомъ, въ толкахъ о союзѣ всѣхъ христіанскихъ державъ противъ турокъ; и папа не упускалъ случая давать знать о себѣ московскому правительству, давать знать о своемъ вліяніи. И Григорій XIII, и Сикстъ V-й увѣдомляли царя, что они хотятъ отправить въ Москву опять Антонія Поссевина; Сикстъ объявилъ, что Стефанъ Баторій, въ исполненіе своей клятвы, данной при вступленіи на престолъ польскій, хочетъ возвратить земли, отшедшія отъ Литвы къ Москвѣ при прежнихъ короляхъ, и потому папа отправляетъ Поссевина, чтобъ воспрепятствовать войнѣ. Но смерть Баторія сдѣлала это посредничество ненужнымъ. Потомъ два раза, въ 1595 и 1597 году, пріѣзжалъ въ Москву посолъ Климента VIII, иллирійскій священникъ Комулей: Славянинъ былъ избранъ именно потому, что могъ объясняться съ Русскими безъ посредства переводчика. Комулею было наказано склонять царя къ войнѣ съ Турками, склонять внушеніемъ страха предъ могуществомъ Турокъ, указаніемъ выгодъ, которыя могутъ получить русскіе отъ пріобрѣтенія счастливыхъ южныхъ странъ, въ сообществѣ съ народами, искусными въ дѣлѣ ратномъ, напоминаніемъ, что Византія есть наслѣдственное достояніе государей московскихъ, что народы, угнетаемые Турками, родственны Русскимъ по языку и вѣрѣ. Комулей долженъ былъ также хлопотать о соединеніи церквей; внушать, что одинъ папа можетъ утверждать государей въ королевскомъ достоинствѣ, что истинная церковь въ Римѣ, а не въ Константинополѣ, гдѣ патріархи рабы султана. Ходъ переговоровъ и слѣдствія ихъ намъ неизвѣстны [93].

Мы видѣли, что Грозный передъ смертію велъ переговоры съ англійскимъ посломъ Боусомъ, который сердилъ его тѣмъ, что никакъ не хотѣлъ войти въ виды его относительно союза Москвы съ Англіей противъ Польши и Швеціи. Мы видѣли также, что Боусъ главными врагами своими считалъ Никиту Романовича, Богдана Бѣльскаго и дьяка Андрея Щелкалова. Послѣдній по жалобѣ посла былъ удаленъ отъ сношенія съ нимъ и, если вѣрить Боусу, былъ даже прибитъ царемъ. По смерти Іоанна посолъ (какъ онъ самъ говоритъ) впалъ въ руки враговъ своихъ, Никиты Романовича и Андрея Щелкалова: девять недѣль держали его въ заключеніи въ его домѣ, содержали строго, обходились дурно, и каждый день ждалъ онъ еще худшаго. Послѣ прекращенія возстанія противъ Бѣльскаго,

послу велѣно было явиться во дворецъ, при входѣ въ который у него отняли мечъ: „еслибъ я не вооружился терпѣніемъ, то погибъ бы, писалъ Боусъ:—большія услуги оказалъ мнѣ Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, и сдѣлалъ бы еще больше, но онъ не имѣлъ еще власти до коронаціи царя; несмотря на то, онъ часто присылалъ ко мнѣ и дарилъ дорогими подарками“. Боуса отпустили съ грамотою, въ которой царь писалъ Елисаветѣ, что англійскіе купцы будутъ пользоваться и при немъ тѣми же выгодами, которыя были даны имъ послѣднею грамотою отца его; но взамѣнъ требовалъ, чтобъ королева позволила московскимъ купцамъ ходить торговать въ Англію и черезъ Англію въ другія государства, также чтобъ позволила иностраннымъ купцамъ ходить чрезъ Англію въ Россію со всякими товарами, съ доспѣхами, мѣдью, оловомъ, сѣрою, нефтью, свинцомъ, селитрою и всякимъ оружіемъ; чтобъ пропускала мастеровъ всякихъ ратныхъ и рукодѣльныхъ, каменнаго дѣла и городовыхъ мастеровъ, пушечныхъ литцевъ и колокольниковъ. Но озлобленный Боусъ бросилъ въ Холмогорахъ царскую грамоту и дары. Тогда отправили въ Англію въ л е г к и х ъ г о н ч и к а х ъ толмача Бекмана, родомъ Ливонца.

Въ слѣдствіе жалобъ Боуса, королева долго не принимала Бекмана; наконецъ приняла и спросила: „Для чего нынѣшній государь ко мнѣ не такъ любовенъ, какъ былъ отецъ его? Всякимъ людямъ иныхъ земель велитъ на Русь ѣздить торговать, а моимъ людямъ для чего не велитъ?“ Бекманъ отвѣчалъ, что такого запрещенія нѣтъ. Тогда призванъ былъ Боусъ, и Елисавета спросила его: зачѣмъ онъ ей сказалъ, что царь не велитъ англичанамъ ѣздить торговать въ его землю? Боусъ отвѣчалъ, что онъ не то говорилъ, говорилъ онъ, что съ другихъ иноземцевъ пошлинъ не берутъ. а съ Англичанъ берутъ. Бекманъ возражалъ: „Это не правда: съ Англичанъ берутъ половинную пошлину, а съ другихъ полную; и еслибъ Боусъ государевыхъ грамотъ въ Холмогорахъ не покинулъ, то ты бы, государыня, подлинно провѣдала, какую нынѣшній государь хотѣлъ держать къ тебѣ любовь больше стараго“. Бекмана опустили съ грамотою, въ которой Елисавета соглашалась позволить русскимъ купцамъ торговать въ Англіи, съ условіемъ, чтобъ царь далъ Англійско-Русской Компаніи право исключительной торговли въ своихъ областяхъ. Но при отпускѣ Бекманъ не былъ допущенъ къ Елисаветѣ. Этимъ оскорбились въ Москвѣ, и

приговорилъ государь съ боярами отписать къ королевѣ Елисаветѣ съ вычетомъ о послѣ ея и о гостяхъ, и что Толмача Бекмана не попригожу отпустилъ дьякъ ея, а не сама она, о томъ подлинно выписать, а грамоту послать съ Англичаниномъ. Въ грамотѣ говорилось: „Дѣло несхожее указывать намъ въ нашихъ государствахъ—тому торговать, а иному не торговать: гости твои бьютъ тебѣ челомъ не подѣлу, хотятъ одни корыстоваться, а другихъ мимо себя пускать не хотятъ; въ нашихъ государствахъ съ Божіею помощію всякихъ товаровъ довольно и безъ твоихъ гостей, государства наши великія и людей въ нихъ, и всякихъ товаровъ много".

Англичанинъ, съ которымъ приговорили послать эту грамоту къ Елисаветѣ, купецъ Горсей должно быть объяснилъ въ Лондонѣ состояніе дѣлъ при московскомъ дворѣ, указалъ къ кому нужно обратиться, чтобъ получить желаемое. Елисавета прислала съ Горсеемъ грамоту къ царицѣ Иринѣ, гдѣ писала, что часто слышитъ о ея мудрости и чести, что слава объ этой мудрости разнеслась по многимъ государствамъ; прислала къ ней опять лѣкаря Якоби, знатока въ женскихъ болѣзняхъ. Но главное, Елисавета прислала грамоту къ Годунову, въ которой называла его кровнымъ любительнымъ пріятелемъ, какъ переводили въ Москвѣ [94]. Въ грамотѣ къ царю Елисавета оправдывала поведеніе посла своего Боуса тѣмъ, что его очень разсердили, приказывая снимать мечъ при входѣ къ царю: „Такое недовѣріе насъ очень опечалило, писала Елисавета;—въ нашихъ земляхъ это великое безчестіе, когда велятъ мечъ снять, и за такое безчестіе въ сердцѣ нашего посла великая кручина была, и что ни дѣлалъ, все съ кручиною. А теперь сказалъ намъ Горсей, что мечъ отнимаютъ у пословъ по вашему обычаю, какъ у васъ всегда ведется въ царствѣ, и мы, узнавъ это, перестали кручиниться, и надѣемся, что между нами будетъ вѣчная любовь". Горсей сказалъ Елисаветѣ, что въ Москвѣ недовольны тѣмъ, что она приняла Бекмана въ саду, который онъ назвалъ огородомъ; королева писала объ этомъ царю: „Мѣсто, гдѣ Бекманъ былъ передъ нами, есть мѣсто честное, близко нашей палаты, и туда никого не пускаютъ, только великихъ и любительныхъ слугъ для чести; и въ огородѣ этомъ нѣтъ ни луку, ни чесноку; Бекманъ сказалъ неправду. Такъ пригоже тебѣ Бекмана гонца за его лживыя и бездѣльныя ссорныя слова не только понаказать, и побить пригоже".

Годуновъ оправдалъ надежды своей кровной любительной пріятельницы: въ 1587 году позволено было англійскимъ купцамъ торговать вольною торговлею, пошлины съ ихъ товаровъ—таможенной, замытной, свальной, проѣзжей, судовой, съ головъ, мостовщины, перевозовъ—брать не велѣно. Только запрещено было имъ брать съ собою въ Московское государство чужіе товары; Русскимъ людямъ отъ Англичанъ англійскими товарами не торговать; закладней Русскихъ людей Англичанамъ за собою не держать, закупней своихъ по городамъ не посылать, товаръ на товаръ мѣнять и продавать должны они мѣстнымъ дѣломъ, а въ розницу, въ развѣсъ и въ аршинъ на своемъ дворѣ не продавать и не мѣнять: сукна продавать кипами и поставами, камки и бархаты поставцами, вина куфами. Если англійскіе купцы захотятъ ѣхать въ иныя государства или въ свою землю, то брать имъ съ собою товары изъ царской казны [35], продавать и мѣнять ихъ на товары, которые Московскому государству потребны и въ царскую казну отдавать. Выѣзжая изъ Москвы, англійскіе купцы должны являться въ посольскомъ приказѣ, къ дьяку Андрею Щелкалову. Разобьетъ англійскій корабль и принесетъ къ русскимъ берегамъ, то царь велитъ сыскать товары въ правду и отдать Англичанамъ. Англійскіе купцы живутъ по старинѣ на дворѣ своемъ у Св. Максима за торгомъ, держатъ одного дворника Русскаго или своего Нѣмца, а другихъ Русскихъ людей не держатъ; да у нихъ же дворы—въ Ярославлѣ, въ Вологдѣ, на Холмогорахъ и у пристанища морскаго. На людей своихъ, посылаемыхъ изъ Московскаго государства, Англичане берутъ проѣзжія грамоты изъ польскаго приказа; кому будетъ дѣло до Англичанъ, судятъ ихъ царскій казначей и посольскій дьякъ, а чего сыскъ не возьметъ, присуживаютъ имъ вѣру съ жребія: чей жребій вынется, тому и вѣру учинить.

Годуновъ далъ знать Елисаветѣ въ своей грамотѣ, что государь „для тебя, сестры своей, и для нашего печалованія твоихъ подданныхъ пожаловалъ больше прежняго. А я объ нихъ впередъ буду государю своему печаловаться и держать ихъ подъ своею рукою, буду славить передъ государемъ и государынею твои къ себѣ милость и ласку“. Благодаря кровному, любительному пріятельству Елисаветы къ Годунову, англійскіе купцы освободились отъ платежа пошлинъ, простиравшихся болѣе чѣмъ на 2,000 фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Но доходили жалобы другихъ иностранныхъ

купцовъ, что Англичане не пропускаютъ кораблей ихъ къ Московскому государству. Вслѣдствіе этихъ жалобъ царь писалъ Елисаветѣ: „Бьютъ намъ челомъ многіе Нѣмцы разныхъ земель, Англичане (не изъ компаніи), Французы, Нидерландцы и другихъ земель, на твоихъ гостей, что они кораблей ихъ къ нашему государству пропускать не хотятъ. Мы этому и вѣрить не хотимъ; а если такъ дѣлается въ самомъ дѣлѣ, то это твоихъ гостей правда ли, что за наше великое жалованье иноземцевъ отгоняютъ? Божію дорогу, Океанъ-море какъ можно перенять, унять и затворить?“ Съ другой стороны министры Елисаветины прислали на имя Годунова и Щелкалова грамоту, въ которой прописаны были жалобы англійскихъ купцовъ на московскихъ приказныхъ людей. Щелкаловъ отвѣчалъ одинъ: „Къ такому великому человѣку (Годунову) писали вы многія непригожія слова, повѣря непрямымъ людямъ, ворамъ. Пишете въ своей грамотѣ съ укоризною къ такому честному и великому человѣку, къ шурину государскому, будто вашимъ торговымъ людямъ и жить нельзя, потому что имъ отъ приказныхъ людей жесточь великая, и торговать перестать хотятъ, и если торговать перестанутъ, то будетъ безчестно государю нашему и его приказнымъ людямъ. За такія слова бояринъ Годуновъ самъ въ своей грамотѣ писать къ вамъ не захотѣлъ, словамъ вашимъ очень подивился и приказалъ мнѣ вамъ отписать.“

Сношенія возобновились по дѣлу Англичанина Антона Мерша, который набралъ въ долгъ денегъ у Годунова, бояръ, служилыхъ людей, у купцовъ, монаховъ, и объявилъ, что взялъ эти деньги на общій расходъ, въ общіе товары; но товарищи его отказались платить долги, объявили, что Мершъ бралъ деньги безъ ихъ вѣдома, на себя. Годуновъ въ 1588 году велѣлъ извѣстному уже намъ Бекману отвезти этого Мерша въ Англію. Королева нескоро приняла Бекмана: „Я долго не пускала тебя до своихъ очей, сказала она ему,—потому что была нездорова, очень грустила о смерти своего дворецкаго (графа Лейстера): да великая досада была у меня на тебя за то, что ты въ рѣчахъ своему государю примѣнилъ нашъ потѣшный садъ къ капустному огороду, гдѣ сѣютъ лукъ да чеснокъ; за такое дѣло ты достоинъ былъ пени, но мы тебѣ не мстили.“ Бекманъ отвѣчалъ: „Бью челомъ вашему величеству, вели безопально выговорить.“ Елисавета позволила, и Бекманъ

сталъ говорить: „Я этого не думалъ, не только что не говорилъ, въ чемъ Богъ свидѣтель; если въ царской грамотѣ объ этомъ написано, или кто сможетъ на имя довести, то я у вашего величества милости не прошу, хочу за мою вину терпѣть наказанье; нанесъ на меня это лихой человѣкъ, который хотѣлъ моей доброй славѣ поруху учинить, и я надѣюсь, что тотъ камень упадетъ на его голову.“ Елисавета отвѣчала, что она объ этомъ дѣлѣ забудетъ. Мершъ, позванный къ допросу, объявилъ, что онъ заплатилъ деньги, взятыя имъ изъ царской казны; въ частныхъ долгахъ—въ однихъ винился, въ другихъ запирался, и сказалъ, что его собственныхъ денегъ задержано въ Москвѣ 15,000 рублей. Когда Лордъ казначей сказалъ объ этомъ показаніи Бекману, тотъ отвѣчалъ,—что надобно вѣрить царской грамотѣ, а не бездѣльнымъ рѣчамъ Мерша.—„Это правда, возразилъ казначей, но зачѣмъ было Мершу давать такія деньги? онъ былъ гость небольшой, скорѣй былъ простой слуга у гостей, а большіе гости кабалъ не подписывали.“ Бекманъ отвѣчалъ: „Мершъ былъ на гостинномъ дворѣ, покупалъ, продавалъ, деньги занималъ и самъ въ долгъ давалъ, не какъ слуга, а какъ большой гость, на которомъ все положено; сверхъ того онъ умѣетъ по-русски читать и писать, и ваши большіе гости не объявили, что ему не вѣрить.“

Еще до возвращенія Бекмана, осенью 1588 года, пріѣхалъ въ Москву посолъ отъ Елисаветы Флетчеръ. Онъ объявилъ царю, что съ королевною Елисаветою многіе государи въ братствѣ, дружбѣ и любви, но ни съ кѣмъ не имѣетъ она такой дружбы и любви, какъ съ нимъ, царемъ. „Если нѣкоторые Англичане, продолжалъ Флетчеръ,—поступили здѣсь нехорошо, то его величество за немногихъ виновныхъ на другихъ невинныхъ нелюбья не держалъ бы, не велѣлъ оглашать и поругать всей земли за одного человѣка, потому что нѣтъ такой земли и торговли, гдѣ бы не было лихихъ людей; хотя бы подданные королевины и лихіе люди были, то все въ нихъ столько худаго не было бы, еслибъ государевы люди съ ними въ бездѣлье не мѣшались. Королева надѣется, что государь послѣдуетъ примѣру отца своего, будетъ продолжать сердечное пріятельство къ ней; да чѣмъ ему слѣдовать примѣру отцовскому, лучше смотрѣть на свой собственный образецъ, потому что онъ самъ подданныхъ королевиныхъ жаловалъ своею государскою ласкою.“ Флетчеръ подалъ длинный списокъ статей, въ ко-

торыхъ заключались просьбы Елисаветы къ царю: Елисавета просила, чтобъ государь подтвердилъ ея купцамъ послѣднюю жалованную грамоту съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ новыхъ статей изъ прежней грамоты Грознаго; купцы англійскіе прекратили бы торговлю съ Россіею, еслибы не надѣялись впередъ на государево жалованье, что государь не отниметъ у нихъ грамоты изъ такого небольшаго дѣла, какъ Мершево. — На это Флетчеру отвѣчали: „англійскимъ гостямъ государево жалованье стало ни во что; а тѣмъ нечѣмъ грозить, что они не поѣдутъ торговать въ наше государство: много гостей и кромѣ Англичанъ пріѣзжаютъ къ намъ торговать." Королева просила, чтобъ приказные люди не отнимали силою товаровъ у англійскихъ купцовъ, какъ недавно случилось. Отвѣтъ: Насилія никакого, никакимъ гостямъ казначеи и дьяки не дѣлаютъ, англійскихъ же гостей больше другихъ берегутъ; а если кто взялъ товаръ у англійскаго гостя и денегъ не заплатилъ или какъ-нибудь его обидѣлъ, то ты скажи, кто это сдѣлалъ именно, и государь велитъ расправу учинить. Королева просила, чтобъ англійскіе купцы не платили долговъ за Мерша, потому что онъ набралъ денегъ въ займы, когда не былъ съ ними въ товарищахъ, а торговалъ самъ по себѣ, и дана была ему отъ царскихъ приказныхъ людей особенная грамота на торговлю за моремъ во всѣхъ мѣстахъ; объ этой грамотѣ купцы англійскіе и прикащики ихъ не знали; притомъ эти купцы и прикащики ихъ сказывали рускимъ людямъ, которые теперь ищутъ на Мершѣ своихъ денегъ, чтобъ они ему не вѣрили и съ нимъ не торговали, а русскіе люди отвѣчали, что они съ нимъ не торгуютъ; королевѣ извѣстно также, что Мершевы деньги остались на сохраненьи въ государевой землѣ и они отданы его заимодавцамъ. Чтобъ впередъ въ такихъ дѣлахъ царю докуки не было, королева бьетъ челомъ, чтобъ приказные люди считали членами компаніи только тѣхъ Англичанъ, которыхъ имена принесетъ къ нимъ прикащикъ. На это отвѣчали: сыскано подлинно, что въ то время какъ Мершъ занималъ деньги, англійскіе купцы жили на своемъ дворѣ всѣ вмѣстѣ и торговали заодно; на то, чтобъ считать принадлежащими къ компаніи только тѣхъ Англичанъ, о которыхъ прикащикъ дастъ знать, согласились. Королева просила, чтобъ позволено было англійскимъ купцамъ покупать всѣ товары безъ вывѣта: на это отвѣчали, что позволеніе уже дано, исключая воскъ, который позволено промѣнивать только

на селитру, порохъ и сѣру. Елисавета просила чтобъ не пытать Англичанъ, которые будутъ обвинены въ какомъ-нибудь преступленіи; на это отвѣчали, что Англичанъ никогда не брали и за недѣльщика не давали, о пыткѣ же никогда и помину не было и впередъ не будетъ. Елисавета просила, чтобъ судъ надъ Англичанами порученъ былъ самому Годунову; на это отвѣчали: дѣло несходное судить купеческія дѣла Борису Ѳедоровичу; Борису Ѳедоровичу приказаны дѣла государственныя, которыми государство держится; англійскихъ купцовъ будутъ судить приказные люди; а вершить дѣла будутъ, докладывая Борису Ѳедоровичу. Елисавета просила, чтобъ царь позволилъ англійскимъ гостямъ проѣзжать чрезъ свою землю въ Бухарію, Шемаху, Казбинъ, Персію, а другимъ гостямъ туда ѣздить запретилъ бы, кромѣ своихъ посланниковъ; на это отвѣчали, что государь велитъ пропускать англійскихъ купцовъ въ эти страны безпошлинно; но и государевы люди въ тѣ земли будутъ также ходить: какъ тому можно статься, чтобъ государевымъ людямъ туда не ходить? и то велико государево жалованье къ англійскимъ гостямъ, что имъ позволено ходить въ такія дальнія государства, а другимъ иноземцамъ за версту дальше Москвы ходить не велѣно. Елисавета просила, чтобъ позволено было Англичанамъ на Вычегдѣ дворъ поставить, руды желѣзной искать и желѣзо выдѣлывать, и лѣсу дать имъ верстъ на семь или на восемь около тѣхъ мѣстъ, гдѣ станутъ дворы и мельницы желѣзныя ставить, за что Англичане будутъ платить тамги по Московкѣ за каждый фунтъ. Отвѣчали, что царь этимъ Англичанъ пожалуетъ. Королева просила, чтобъ англійскимъ купцамъ позволено было держать у себя и нанимать барышниковъ и скупщиковъ, которымъ они будутъ платить наемъ по договору. Отвѣтъ: Тому быть не пригоже; въ этихъ барышникахъ и наймитахъ большая смута и воровство бываетъ. Прежде съ такими барышниками англійскіе гости, Романъ Романовъ съ товарищами, дошли до большой вины: былъ у нихъ на дворѣ въ купчинахъ торговый человѣкъ, Ярославецъ Вахрушъ Семеновъ, и когда англійскіе гости посылали людей своихъ тайкомъ чрезъ Литовскую землю, безъ проѣзжихъ грамотъ, то Вахрушъ этимъ промышлялъ, извощиковъ нанималъ подъ тѣхъ воровъ, которые отъ гостей ѣздили съ грамотами, а въ грамотахъ Романъ писалъ непригожія дѣла про наше государство. Елисавета просила, чтобъ позволено было денежнымъ

мастерамъ во всѣхъ мѣстахъ передѣлывать на англійскихъ гостей ефимки въ деньги безпошлинно, гости будутъ платить только за уголье и мастерамъ за работу. На это согласились, но пошлина оставлена общая. Елисавета опять просила, чтобъ царь запретилъ торговать въ своей землѣ Англичанамъ, не принадлежащимъ къ компаніи и другимъ иноземцамъ. Отвѣтъ: Это дѣло нестаточное и ни въ какихъ государствахъ этого не ведется; если Елисавета королевна къ государю объ этомъ приказываетъ, то этимъ нелюбье свое объявляетъ царскому величеству, къ убытку государевой землѣ хочетъ дорогу въ нее затворить. Елисавета просила, чтобъ вольно было купцамъ англійскимъ, ихъ прикащикамъ и слугамъ жить по своей вѣрѣ; на это отвѣчали: Государю нашему до ихъ вѣры дѣла нѣтъ; многихъ вѣръ люди живутъ въ нашемъ государствѣ, и никого государь отъ вѣры отводить не велитъ, всякій живетъ въ своей вѣрѣ. Наконецъ Елисавета просила, что если англійскіе гости пошлютъ искать китайской земли, то вольно было бы имъ брать проводниковъ, судовыхъ людей, суда, кормъ на людей и всякіе другіе запасы. Отвѣтъ: Это дѣло нестаточное; государю нашему чрезъ свое государство пускать на отыскиваніе другихъ государствъ непригоже.

Вмѣстѣ съ этими отвѣтами Флетчеру дали роспись, что взять на англійскихъ купцахъ по кабаламъ Мерша; всего приходилось болѣе 23,000 рублей, но потомъ объявлено было послу, что государь, любя сестру свою, Елисавету королевну, приказалъ взыскать только половину этихъ денегъ. Между тѣмъ Антонъ Мершъ объявилъ министрамъ Елисаветинымъ, что всѣ деньги, которыя онъ занялъ на имя компаніи, заняты были по наущенію дьяка Андрея Щелкалова, который велѣлъ ему и печать сдѣлать такую же, какая была у него, когда онъ еще служилъ у гостей, далъ слово во всемъ этомъ его очистить и помочь собрать всѣ долги; что онъ, Мершъ, не смѣлъ ослушаться Щелкалова, который былъ канцлеръ и одинъ изъ самыхъ большихъ людей у государя, притомъ же у него, Мерша, не было никакого другаго пріятеля. Елисавета переслала эти показанія въ Москву, давая имъ полную вѣру, прислала назадъ и самого Мерша. Но Флетчеру, который представилъ объ этомъ дѣлѣ государю, данъ былъ отвѣтъ, что Мершъ воръ вѣдомый, сказалъ ложныя слова на государскаго дьяка Андрея Щелкалова, и то диво великое, что люди честные, королевнины думные

люди, не умѣли такого вѣдомаго вора обличить въ своей землѣ, обыскать объ его воровствѣ его же товарищами.

Елисавета продолжала льстить Годунову въ своихъ грамотахъ; Годуновъ повторялъ ей въ своихъ, что государь оказалъ разныя милости англійскимъ купцамъ, „любя тебя, сестру свою любительную, а за моимъ челобитьемъ и печалованіемъ“. Королева присылала ему подарки; однажды онъ ихъ не взялъ и извинялся въ этомъ такимъ образомъ: „Ты, государыня, прислала ко мнѣ свое жалованье, поминки, и я твоего жалованья не взялъ, потому что посолъ твой привезъ отъ тебя къ государю нашему въ поминкахъ золотые—въ половину золотой, и въ четверть золотой, и въ деньгу золотой. Такіе поминки между вами, великими государями, прежде не бывали. Государь нашъ этихъ поминковъ брать не велѣлъ, и я поэтому твоего жалованья взять не посмѣлъ, а за твое жалованье тебѣ, великой государынѣ, челомъ бью. Я впередъ хочу видѣть и государя своего умолять и на то наводить, чтобъ между вами любовь братская утвердилась на вѣки и больше прежняго; твое жалованье впередъ хочу на себѣ держать и твоихъ гостей хочу держать подъ своею рукою во всякомъ береженьѣ“. Знаменитый министръ Елисаветинъ, Сесиль (который въ русскихъ грамотахъ величается: Вилимъ Сисель, честнѣйшаго чину рычардъ подвязочной, то-есть кавалеръ ордена подвязки) писалъ Годунову: „Вздумали было наши гости не торговать больше въ вашемъ государствѣ для многихъ обидъ; но теперь они хотятъ торговать многими всякими товарами, если ты, Борисъ Ѳедоровичъ, станешь ихъ беречь, впередъ они другаго помощника себѣ не ищутъ“. Сесиль просилъ уничтоженія остающихся кабалъ, данныхъ Мершемъ и безпошлинной торговли. Борисъ отвѣчалъ: „На англійскихъ гостяхъ и то взяли только половину долговъ, не велю брать и другой половины, убытковъ имъ никакихъ не будетъ и во всемъ ихъ стану беречь, по всѣмъ приказамъ отъ всякихъ убытковъ, и торговля имъ будетъ повольная по прежнему, государь не велѣлъ брать съ дворовъ ихъ никакихъ пошлинъ“. Но Сесиль продолжалъ жаловаться на обиды: „Какъ пріѣдутъ англійскіе гости въ вашу землю, то имъ не велятъ торговать никакими товарами, а велятъ имъ покупать государевъ товаръ по указной цѣнѣ, а не по той, чего стоитъ; и если наши гости не захотятъ покупать этого товару по такой высокой цѣнѣ, то ихъ задерживаютъ долгое время

въ устьѣ Двинскомъ, и они живутъ въ большомъ страхѣ, какъ имъ идти назадъ въ морозы и бури. Тебѣ извѣстно, что насилье не годится надъ торговыми людьми: если будутъ впередъ дѣлатъ имъ насиліе, навязывать имъ товары, которые имъ ненадобны, а надобнымъ товарамъ цѣну указывать высокую, то это будетъ не вольная торговля, а насиліе". Борисъ въ отвѣтѣ своемъ говорилъ, что жалобы на насилія несправедливы, и по прежнему обѣщалъ, что торгъ будетъ повольный еще больше прежняго [96].

Съ Даніею были въ царствованіе Ѳеодора неважныя сношенія по поводу опредѣленія границъ съ Норвегіею. Гораздо больше вниманія московское правительство должно было обращать на югъ, гдѣ изъ Крыма ежечасно ожидали нападенія и гдѣ Турція не переставала грозить отнятіемъ завоеваній Грознаго. Съ 1584 до 1588 года Крымцы нѣсколько разъ нападали на украйну; но счастьемъ для Москвы было то, что въ это время, когда ждали войны съ Баторіемъ, въ Крыму происходили усобицы: ханъ Магметъ-Гирей былъ убитъ братомъ Исламъ-Гиреемъ; сыновья Магметъ-Гирея, Сайдетъ и Муратъ, прогнали было дядю, причемъ опустошили весь Крымъ, ханскую казну всю разграбили, женъ и дѣтей русскихъ и литовскихъ въ плѣнъ побрали; но были прогнаны опять дядею Исламомъ и отдались въ покровительство московскаго царя: Сайдету позволено было кочевать съ Ногаями близъ Астрахани, а Муратъ сталъ жить въ самой Астрахани. Исламъ, боясь племянниковъ, которыхъ любили въ Крыму, долженъ былъ опираться на Турокъ, позволять имъ всякаго рода насилія, что еще больше ожесточило противъ него Крымцевъ: „Мы всѣмъ крымскимъ юртомъ желаемъ, говорили они, чтобъ былъ царемъ Сайдетъ-Гирей царевичъ, а Исламъ-Гирея всѣ люди не любятъ. Турецкими людьми крымскій юртъ опустошилъ, отъ янычаръ насильство и убійство великое". До чего дошелъ Крымъ во время этихъ усобицъ, видно изъ словъ калги Исламова, Алпъ-царевича, московскому гонцу: „Государь вашъ прислалъ мнѣ поминки легкіе; но мы не думали чтобъ государь вашъ въ такое время захотѣлъ и сноситься съ нами". Исламъ писалъ Ѳеодору: „Если захочешь съ нами въ самомъ дѣлѣ быть въ дружбѣ, то ты бы нашихъ недруговъ, Сайдета и Мурата, у себя не держалъ, хотя они тебѣ и въ руки попались; ты бы сослалъ ихъ туда, гдѣ бы ихъ ни слыхать, ни видать; а денегъ и казны не годится имъ давать. Если ты съ нами подру-

жишься, то мы непремѣнно станемъ надъ невѣрною Литвою промышлять". Московскій посолъ долженъ былъ поручиться хану, что Сайдетъ и Муратъ не пойдутъ на Крымъ, если только самъ ханъ не пойдетъ на московскія украйны, царевичей не отпуститъ, султану походъ па Астрахань отговоритъ, а въ Москву вѣсть пришлетъ о замыслахъ турецкихъ людей.

Большую услугу также оказывали Москвѣ запорожскіе козаки, которые не давали покоя Туркамъ и Татарамъ, раздражали султана и хана противъ Литвы, отвлекали вниманіе ихъ отъ Москвы. Козаки то приходили войною на крымскіе улусы, то присылали къ хану съ предложеніемъ своей службы, и потомъ опять нападали на Крымъ. Такъ, въ 1585 году, козаки съ атаманомъ своимъ, Яномъ Ярышевскимъ, два раза приходили па крымскіе улусы, отогнали лошадей и всякаго скота больше 40,000 и людей многихъ въ плѣнъ взяли. А потомъ отъ этого же Ярышевскаго и отъ всѣхъ атамановъ пріѣхали къ хану четыре козака и говорили ему: „Прислали насъ атаманы днѣпровскіе, чтобъ ты, государь, ихъ пожаловалъ, съ ними помирился, и давалъ имъ свое жалованье; атаманы же и всѣ Черкасы тебѣ хотятъ служить: куда ихъ пошлешь на своего недруга, кромѣ литовскаго короля, и они готовы". Ханъ отвѣчалъ: „Я атамановъ и всѣхъ Черкасъ радъ жаловать, и какъ они будутъ мнѣ надобны, то я имъ тогда свое жалованье пришлю, и они бы были готовы". Но вмѣсто службы хану козаки взяли Очаковъ, а въ 1588 году, въ числѣ 1,500, пришли моремъ въ судахъ на крымскіе улусы въ Тунтарахань, между Козлевомъ и Перекопью, взяли 17 селъ. Султанъ присылалъ къ Исламъ-Гирею съ угрозою, что если все такъ будетъ, то онъ выгонитъ его изъ Крыма. Исламъ умеръ въ 1588 году; преемникъ его, Казы-Гирей, въ исполненіе воли султана, долженъ былъ мстить Литвѣ за козацкія опустошенія и потому дружелюбно сносился съ Москвою; царь отвѣчалъ ему такимъ же образомъ: „Прежде какъ былъ на крымскомъ юртѣ Исламъ-Гирей, то мы послали рать своею большую на Донъ и Волгу со многими воеводами, а идти было имъ съ Муратъ-Гиреемъ царевичемъ на Исламъ-Гирея царя за его неправды. Да и на Днѣпръ за пороги къ князю Кирику и къ князю Михайлу Ружинскимъ, къ атаманамъ и Черкасамъ послали мы головъ Лихарева и Хрущова, велѣли имъ идти со всѣми Черкасами на Крымъ. Но когда услыхали мы, что ты воцарился, то походъ

отложили, и послали къ тебѣ языка—Татарина, котораго прислали къ намъ съ Днѣпра головы Лихаревъ и Хрущовъ и князья Ружинскіе". Въ Москвѣ считали нужнымъ оказывать хану услуги, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, услуги въ татарскомъ вкусѣ: Казы-Гирей писалъ къ царю, чтобъ тотъ велѣлъ извести одного Татарина, Аталыкъ Муслы, попавшагося въ плѣнъ къ Русскимъ, потому что онъ негодный человѣкъ; царь отвѣчалъ, что просьба ханская исполнена, Аталыкъ изведенъ.

Впрочемъ изъ тона царскихъ грамотъ и изъ небольшаго количества поминковъ видно было, что въ Москвѣ не очень боялись хана: царь писалъ хану только поклонъ, а не челобитье, а ханъ въ грамотахъ къ Годунову обращался такимъ образомъ: „Брата нашего, многаго крестьянства государя, большому визирю и доброму карачею и въ боярахъ начальнѣйшему и въ крестьянскомъ законѣ въ своей странѣ между своихъ сверстниковъ честнѣйшему, другу нашему Борису множествомъ многъ поклонъ." Не посылая въ Крымъ богатыхъ подарковъ, правитель не хотѣлъ кормить и дарить многочисленную толпу Татаръ, которые обыкновенно приходили съ гонцами, чтобъ попользоваться государевымъ жалованьемъ; гонцу Мишурину, отправлявшемуся въ Крымъ, было наказано: царю, царевичамъ и царевымъ ближнимъ людямъ говорить накрѣпко, чтобъ посылали къ государю гонцовъ своихъ немногихъ, больше 30 человѣкъ не посылали бы, а что посылаютъ многихъ гонцовъ, отъ того государеву и цареву дѣлу поруха. Вотъ теперь прислалъ Казы-Гирей царь гонца своего, а съ нимъ пришло 80 человѣкъ, чего никогда не бывало. Впередъ бы царь велѣлъ посылать гонцовъ немногихъ, а станутъ гонцы ходить многіе, то имъ государева жалованья и корму не будетъ.

Мы видимъ, что царь въ грамотѣ къ хану упоминалъ о сношеніяхъ своихъ съ Запорожцами, которые должны были вмѣстѣ съ московскими войсками идти на Крымъ при Исламъ-Гиреѣ. Какого рода отношенія были у московскаго правительства къ Черкасамъ, видно изъ наказа, даннаго гонцу Петру Зиновьеву, отправлявшемуся въ Крымъ; какъ пойдетъ Петръ съ Ливенъ, и вѣсть будетъ, что пришли на Донецъ съ Днѣпра, изъ Запорожья Черкасы, Матвѣй Ѳедоровъ съ товарищами, стоятъ смирно и государевымъ людямъ отъ нихъ зацѣпки нѣтъ никакой,—то Петру послать напередъ себя станицу къ запорожскимъ Черкасамъ и велѣть про

себя сказать, что есть съ нимъ отъ государя къ нимъ ко всѣмъ грамота и рѣчь, и Матвѣй бы Ѳедоровъ и товарищи его съ нимъ видѣлись, и Черкасамъ своимъ всѣмъ по всему Донцу заказали бы, чтобъ они надъ Петромъ и надъ крымскими гонцами и надъ провожатыми ихъ ничего не сдѣлали, а онъ, Петръ, идетъ въ Крымъ съ крымскими гонцами легкимъ дѣломъ наскоро, и поминковъ съ нимъ ничего не послано. Да какъ съ нимъ атаманы и молодцы запорожскіе съѣдутся, и Петру отъ государя поклонъ имъ исправить и грамоту отъ государя подать; а говорить имъ отъ государя, чтобъ они его, Петра, и крымскихъ гонцовъ пропустили и провожатыхъ ни чѣмъ не тронули [97], а государево къ нимъ жалованье будетъ сейчасъ же съ государскимъ сыномъ боярскимъ. А государь, увидя ихъ передъ собою службу, пришлетъ къ нимъ на Донецъ большое свое жалованье. Службу свою Запорожцы показывали по прежнему; гонецъ Мишуринъ въ 1589 году доносилъ, что Черкасы взяли турецкій корабль на морѣ близь Козлева; потомъ дали знать Казы-Гирею, что пришли въ Козлевъ, въ посадъ, ночью, литовскіе люди, атаманъ черкасскій Кулага и съ нимъ Черкасъ 800 человѣкъ, пришли они моремъ въ малыхъ стругахъ. Казы-Гирей тотчасъ пошелъ въ Козлевъ со всѣми людьми; но Черкасъ къ городѣ уже не засталъ: они выграбили здѣсь лавки, выбирая изъ нихъ лучшее, Турокъ и Жидовъ однихъ били, другихъ забирали въ плѣнъ; но тутъ напалъ на нихъ калга Фети-Гирей и былъ бой въ самомъ посадѣ; Татары взяли у Черкасъ человѣкъ съ тридцать въ плѣнъ, Кулага былъ убитъ, остальные ушли. Кромѣ того Черкасы вокругъ Бѣлгорода (Акермана) всѣ посады пожгли: воевали въ Азовѣ посадъ, взяли въ плѣнъ 300 человѣкъ, бухарскихъ купцовъ побили. Послѣ этого султанъ прислалъ три каторги (судна), въ каждой по 50 янычаръ, съ огненнымъ боемъ, да по четыре пушечки, за ними будетъ еще пять каторгъ съ янычарами, велѣлъ имъ турецкій султанъ при устьѣ Днѣпра беречь отъ Черкасъ проходу на море, а къ хану турскій писалъ, чтобъ шелъ на Литву.

Козаки донскіе и терскіе также безпокоили Татаръ и Турокъ, хотя и не въ такой степени, какъ Запорожцы. Ханъ писалъ Годунову: „Ваши козаки донскіе Азову городу досаждаютъ: ваши же козаки съ Дона и съ Самары къ Овечьимъ водамъ приходятъ украдкою къ нашимъ улусамъ, воруютъ скотъ. Султанъ ко мнѣ писалъ,

что казну свою потратилъ, взялъ городъ Дербентъ, а теперь изъ Азова въ Дербентъ людямъ его прохода нѣтъ: Русскіе козаки, которые на Терекѣ живутъ, на перевозахъ и топкихъ, мѣстахъ па нихъ нападаютъ; султанъ не можетъ этого терпѣть съ большою ратью и народомъ хочетъ города брать и Москву воевать." Султанъ приказывалъ хану наблюдать за Литвою; Казы-Гирей хотѣлъ, чтобъ царь московскій платилъ ему за это; онъ писалъ Ѳеодору: „хотимъ этою зимою зимовать на Днѣпрѣ и караулить, а у васъ просимъ, чтобъ вы за этотъ караулъ прислали намъ наемъ." „Казы-Гирею хотѣлось, съ одной стороны, чтобъ царь отпустилъ къ нему Муратъ-Гирея, который продолжалъ жить въ Астрахани, а съ другой выманить побольше денегъ, и потому онъ написалъ очень ласково: Русскіе козаки приходили на наши стада и отогнали съ 700 лошадей; наши люди, вмѣстѣ съ азовскими козаками, пошли за ними въ погоню; но мы за этими погоньщиками послали людей своихъ, велѣли ихъ перехватать и опалу на нихъ положили; да привели было они одного сына боярскаго, мы его у нихъ взяли и послали къ вамъ, брату нашему." Но въ Москвѣ не трогались этими учтивостями, не присылали ни Муратъ-Гирея, ни денегъ. Легко понять, какъ это раздражало хана, особенно послѣднее. Муратъ-Гирей умеръ въ Астрахани: Русскіе утверждали, что онъ былъ отравленъ людьми, подосланными изъ Крыма, а въ Крыму утверждали, что его отравили Русскіе—новое побужденіе къ враждѣ и мести; побуждалъ хана къ этой враждѣ и султанъ, который сердился на Москву за нападеніе донскихъ и терскихъ козаковъ; наконецъ побуждалъ хана къ нападенію на Москву король шведскій Іоаннъ, обѣщалъ ему богатые поминки, если онъ извоюетъ московскаго царя, давая знать, что сопротивленія Татарамъ не будетъ, потому что войска царскія находятся на сѣверѣ, у границъ шведскихъ. Ханъ рѣшился посмотрѣть береговъ Оки, и если можно пробраться дальше. Въ концѣ 1590 года пріѣхалъ въ Крымъ русскій посолъ Бибиковъ; когда онъ правилъ поклонъ и посольство отъ государя, а потомъ правилъ челобитье отъ боярина Бориса Ѳедоровича, подалъ грамоту и поминки, то ханъ противъ государева поклона и здоровья не всталъ. 11 января 1591 года пріѣхалъ въ жидовскій городъ Кыркоръ, гдѣ стоялъ посолъ, Ахметъ-ага, велѣлъ Бибикова позвать къ себѣ и говорилъ ему царевымъ словомъ: „Посылалъ царь къ тебѣ просить пятидесяти шубъ бѣльихъ,

да пяти шубъ куньихъ, что не прислано мулламъ, да списковъ, наказовъ и росписей, а ты царева слова не послушалъ, и царь у тебя велѣлъ взять все твое имѣніе." Приставы ограбили Бибикова и толмачей, взяли у нихъ все—шубы, шапки, платье, деньги, запасы, вино. Весною орда собралась въ походъ, и 5 мая ханъ послалъ сказать Бибикову, что онъ идетъ не на государеву украйну, а на литовскаго короля.

Но въ іюнѣ въ Москвѣ узнали, что Татары идутъ не на Литву, а на государеву украйну; тогда, 26 числа, велѣно было воеводамъ изъ всѣхъ полковъ, расположенныхъ по обычаю на берегу Оки, и изъ городовъ украйныхъ идти въ Серпуховъ въ сходъ къ боярину князю Ѳедору Ивановичу Мстиславскому; но когда узнали подробно, что идетъ самъ ханъ съ большимъ войскомъ прямо къ Москвѣ, то велѣно было боярамъ и воеводамъ со всѣми полками спѣшить къ столицѣ, чтобъ предупредить хана. 1-го іюля въ вечерни пришли полки къ Москвѣ и стали противъ Коломенскаго; 2-го числа имъ велѣно было идти къ обозу, устроенному противъ Данилова монастыря; въ этотъ день пріѣзжалъ къ нимъ самъ царь: бояръ, воеводъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ жаловалъ о здоровьѣ спрашивалъ, по полкамъ смотрѣлъ. 3-го іюля пріѣхалъ въ Москву съ берегу оставленный тамъ для вѣстей голова Колтовской и объявилъ, что ханъ перешелъ Оку подъ Тѣшиловымъ, ночевалъ въ Лопаснѣ и идетъ прямо къ Москвѣ. По этимъ вѣстямъ отправили на Пахру 250 человѣкъ дѣтей боярскихъ—Смольнянъ, Алексинцевъ, Тулянъ, подъ начальствомъ князя Бахтеяро́ва Ростовскаго: имъ велѣно было стать на рѣкѣ и промышлять надъ передовыми крымскими людьми; эти передовые люди сбили ихъ съ Пахры, ранили воеводу и много дѣтей боярскихъ побили и взяли въ плѣнъ. Тогда велѣно было боярамъ и воеводамъ стать со всѣми людьми въ обозѣ; въ большомъ полку былъ воеводою князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій, въ правой рукѣ князь Никита Романовичъ Трубецкой, въ передовомъ полку князь Тимоѳей Романовичъ Трубецкой, въ лѣвой рукѣ князь Василій Черкасскій; у каждаго изъ трехъ первыхъ воеводъ были въ товарищахъ по Годунову: у Мстиславскаго самъ Борисъ, у Никиты Трубецкаго Степанъ Васильевичъ Годуновъ, у Тимоѳея Трубецкаго Иванъ Васильевичъ Годуновъ; кромѣ того у Мстиславскаго и Бориса Годунова въ прибылыхъ въ думѣ были кравчій Александръ Никитичъ Романовъ, окольничій Андрей Клешнинъ, каз-

начей Черемисиновъ, оружничій Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій, думный дворянинъ Пивовъ.

4-го іюля, утромъ въ воскресенье, пришелъ къ Москвѣ ханъ, самъ сталъ противъ Коломенскаго, а къ обозу, гдѣ сидѣли русскіе воеводы, выслалъ царевичей; противъ нихъ воеводы выслали изо всѣхъ полковъ головъ съ сотнями, ротмистровъ съ литовскими и нѣмецкими людьми, велѣли имъ травиться съ Крымцами, по тогдашнему выраженію. Эта травля продолжалась до ночи, безъ рѣшительнаго исхода; Татары не любили такихъ встрѣчъ: травиться съ Русскими безо всякой пользы имъ не нравилось, идти на обозъ, гдѣ сосредоточены были московскія силы съ нарядомъ—еще менѣе, между тѣмъ плѣнники объявили, что пришло къ Москвѣ новое войско, новогородское и изъ другихъ областей, и воеводы хотятъ ударить на Крымцевъ ночью. Казы-Гирей не сталъ дожидаться разсвѣта и побѣжалъ, бросивъ обозъ. Утромъ 5-го числа воеводы послали за нимъ скорые полки; но тѣ не могли его нигдѣ нагнать, потому что онъ бѣжалъ не останавливаясь ни у одного города; задніе отряды его были нагнаны и разбиты подъ Тулою, остатки истреблены въ степяхъ. Главная царская рать двинулась также изъ обоза и шла до Серпухова: сюда 10-го іюля пріѣхалъ изъ Москвы князь Козловскій и объявилъ Мстиславскому опалу за то, что въ отпискахъ къ государю онъ писалъ одно свое имя, не упоминая о конюшемъ бояринѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ Годуновѣ. Но въ тотъ же день пріѣхалъ стольникъ Иванъ Никитичъ Романовъ, правилъ боярамъ и воеводамъ отъ государя поклонъ, спрашивалъ всю рать о здоровьѣ, подалъ князю Мстиславскому и Борису Годунову золотые португальскіе, другимъ боярамъ и воеводамъ по два золотыхъ корабельныхъ; инымъ по одному, другимъ золотые венгерскіе. Младшіе воеводы остались на берегу, старшіе возвратились въ Москву. Здѣсь Годуновъ получилъ шубу въ тысячу рублей съ плечъ государевыхъ, цѣпь золотую также съ государя, сосудъ золотой, который называли Мамай, потому что былъ взятъ въ Мамаевомъ обозѣ послѣ Куликовской битвы, три города въ Важской землѣ, званіе Слуги, которое, какъ должны были объяснять наши послы въ Литвѣ, было честнѣе боярскаго; князь Мстиславскій получилъ также шубу съ царскихъ плечъ, кубокъ съ золотою чаркою и пригородъ Кашинъ съ уѣздомъ; другіе воеводы и ратные люди получили шубы, сосуды, вот-

чины, помѣстья, деньги, камки, бархаты, атласы, мѣха, сукна. Нѣсколько дней были пиры у государя въ Грановитой палатѣ; въ благодарность Богу построили Донской монастырь.

Въ концѣ іюля возвратился въ Крымъ съ войны калга, стали спрашивать его—гдѣ ханъ? а онъ ничего не знаетъ, прибѣжалъ калга скорымъ дѣломъ, войска возвратилось только треть; пришли пѣшкомъ, полону привели немного. 2-го августа пріѣхалъ самъ ханъ въ Бакчисарай, ночью, въ телѣгѣ, раненый; послѣ видѣли, что лѣвая рука у него была подвязана. Въ концѣ августа позвали къ хану московскаго посла Бибикова; ханъ велѣлъ ему сѣсть и началъ говорить: „Былъ я на Москвѣ, и меня не подчивали, гостямъ не рады.“ Посолъ отвѣчалъ: „Вольный человѣкъ царь! Ты у государя нашего укралъ, ходилъ въ его землю черезъ свое слово, да и былъ ты въ нашей землѣ и у Москвы постоялъ немножко, а еслибъ ты постоялъ побольше, то государь нашъ умѣлъ бы подчивать.“ Ханъ не отвѣчалъ на это ничего, позвалъ Бибикова обѣдать и послѣ обѣда велѣлъ положить на него платно золотное. Бибиковъ провѣдывалъ, для чего ханъ ходилъ въ государеву землю? Ему отвѣчали, что хану хотѣлось показать себя, потому что онъ, какъ сѣлъ на царство, на московской украйнѣ не бывалъ, а у нихъ это безчестно, умыселъ ханскій былъ уже давно. Объяснили ему почему ханъ побѣжалъ отъ Москвы: плѣнники сказали, что новгородская и псковская сила пришла, и хочетъ государь выслать на хана воеводъ своихъ; Казы-Гирей спросилъ: „Кто главный воевода?“ Плѣнные отвѣчали, что Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ. Тогда князья и мурзы стали говорить: „Если Бориса пошлютъ, то съ Борисомъ будетъ много людей.“ Ханъ и побѣжалъ. Одинъ изъ князей крымскихъ говорилъ Бибикову: „Зачѣмъ государь вашъ много городовъ ставитъ на украйнахъ, на Терекѣ, на Волгѣ, около Крыма?“ Бибиковъ отвѣчалъ: „Въ землѣ государевой людей умножилось, взяла тѣснота, государь сильный, для того и города ставитъ.“ Князь сказалъ на это: „Вашъ государь также хочетъ сдѣлать, какъ надъ Казанью: сначала городъ близко поставилъ, а потомъ и Казань взялъ, но Крымъ не Казань, у Крыма много рукъ и глазъ, государю вашему надобно будетъ идти мимо городовъ въ середку.“

Ханъ первый началъ сношенія съ царемъ, и черезъ два мѣсяца по возвращеніи изъ похода прислалъ гонцовъ своихъ въ Москву. На вопросъ отъ бояръ, зачѣмъ они пріѣхали? гонцы отвѣчали:

„Царь у государя вашего ни Казани, ни Астрахани не проситъ, только поминки бы вашъ государь прислалъ по царевой грамотѣ.“ Бояре велѣли сказать имъ: „Если позналъ царь неправду свою, то долженъ принести покореніе большое; поминки посылаютъ за дружбу, а видя цареву неправду и такую недружбу, поминковъ посылать не за что.“ Гонцы отвѣчали: „Еслибъ царь своей неправды не узналъ, то насъ къ государю вашему не послалъ бы; а государь бы вашъ Казы-Гирею царю приходъ его подъ Москву простилъ: вѣдь царь ходилъ войною, и большой досады ему не учинилъ, которою дорогою пришелъ, тою же дорогою и назадъ вышелъ.“ Но это наглое смиреніе оказалось хитростію: хану нужно было о п л о ш и т ь московское правительство, какъ тогда выражались; въ Москвѣ дѣйствительно оплошали: думали, что Крымцы послѣ несчастнаго похода своего не въ состояніи скоро напасть на украйны, и обманулись жестоко: въ маѣ 1592 года калга Фети-Гирей ворвался въ Украйну безвѣстно, въ рязанскія, каширскія и тульскія земли; Татары побили много людей, пожгли много селъ и деревень, много побрали въ плѣнъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые, не ожидая нападенія, не перебирались съ семействами въ города; полону сведено было такъ много, говоритъ лѣтописецъ, что и старые люди не запомнятъ такой войны отъ поганыхъ.

Ханъ поправился и перемѣнилъ тонъ, сказалъ гонцу царскому, отправленному къ нему еще до нападенія калги: „Дивлюсь я больше всего тому, что около Троицына дня у васъ прибылыхъ большихъ людей ни на берегу, ни на Украйнѣ не было, а которые украинскіе люди и собрались, и они были всѣ въ лѣсу, на поле не вышли и съ нашими людьми не бились, только и побились немного литовскіе люди. Сказывали мнѣ царевичи и всѣ князья: такой войны нашимъ людямъ не бывало никогда: наши люди ни сабли, ни стрѣлы не вынимали, загоняли плѣнныхъ плетьми.“ Гонецъ отвѣчалъ: „Ты присылалъ къ государю гонцовъ своихъ съ любовными грамотами, и отъ того людей на Украйнѣ въ сборѣ не было; если теперь такъ оплошали, то впередъ уже такъ не будетъ, не оплошится государь нашъ, положась на твое слово.“ Но ханъ, довольный тѣмъ, что могъ перемѣнить тонъ и снова запрашивать, не думалъ болѣе о войнѣ съ Москвою, ибо долженъ былъ участвовать въ войнахъ султана въ Молдавіи, Валахіи, Венгріи. На запросы ханскіе и обычныя увѣренія, что калга нападалъ на московскія украйны свое-

вольно, царь велѣлъ отвѣчать ему: „Посылаемъ къ тебѣ посла съ большими поминками, а на тебѣ хотимъ еще правды посмотрѣть. Одного изъ пословъ твоихъ Аллабердея мурзу мы оставили у себя для большаго дѣла, чтобъ безъ добраго человѣка у насъ не было и ссылка между нами не порвалась. Когда нашъ посланникъ Семенъ Безобразовъ и твои гонцы въ Крымъ къ тебѣ придутъ, то ты тотчасъ отпусти къ намъ своего гонца легкаго и отпиши, какого своего добраго человѣка нарядишь къ намъ въ послахъ и какого большаго своего человѣка пошлешь съ нимъ въ провожатыхъ, который съ нашимъ добрымъ человѣкомъ у Ливенъ будетъ говорить о вѣчномъ мирѣ; напиши, къ какому сроку быть имъ къ Ливнамъ и взять нашего посла и твоего посла Аллабердея съ большими поминками и запросными деньгами: мы къ этому сроку пришлемъ при своемъ послѣ, князѣ Меркуріѣ Щербатомъ, и своего добраго человѣка, который съ твоимъ ближнимъ великимъ человѣкомъ о всякихъ дѣлахъ приговоритъ и размѣняется послами по прежнему обычаю: нашъ посолъ князь Щербатый и твой посолъ Аллабердей пойдутъ къ тебѣ, а твой новый посолъ и нашъ старый посланникъ Безобразовъ пойдутъ къ намъ." Посланнику Безобразову былъ данъ наказъ: „Послано съ нимъ 1,000 золотыхъ, и ему тѣ золотые держать у себя тайно; какъ онъ придетъ въ крымскіе улусы и провѣдаетъ, что царь въ Крыму не по старому и походу на московскія украйны не чаять, или царь ждетъ себѣ перемѣны отъ турскаго, или есть на немъ какая-нибудь иная худоба, или будетъ у него походъ на Литву, по приказу турскаго, то ему, Безобразову, никакъ не давать золотыхъ и держать ихъ у себя тайно, чтобъ никто не зналъ, и толмачи. А если онъ провѣдаетъ, что царь наготовѣ, собрался на государевы украйны и худобы на немъ нѣтъ никакой, то дать золотые: царю 700, калгѣ 200, Нурадину царевичу 100. Посланнику наказано было также выкупать плѣнныхъ: обыкновенно платили за дѣтей боярскихъ отъ 50 до 100 рублей; за сотника стрѣлецкаго 50, за попадью 25 рублей, за дочь княжескую 50; въ послѣдній набѣгъ попалось въ плѣнъ нѣсколько людей значительныхъ: такъ Безобразовъ долженъ былъ непремѣнно выкупить Никифора Ельчанинова; дать за него 200 рублей; непремѣнно же долженъ былъ выкупить жену Тутолмина, дать за нее 200 рублей, да отъ мужа до 200 рублей; за мать Щепотьевыхъ давать до 70 рублей, да отъ дѣтей ея до 40 р.

Прежде отправленія посла и знатнаго человѣка для переговоровъ о вѣчномъ мирѣ, ханъ прислалъ гонца съ требованіями отъ своего и султанова имени, чтобъ сведены были терскіе и донскіе козаки, чтобъ царь прислалъ ему 30,000 рублей на постройку города на Днѣпрѣ, на Кошкинѣ перевозѣ; что по русски Добрый перевозъ выше пороговъ, и велѣлъ бы отпустить въ Крымъ жену умершаго Муратъ-Гирея. Дьякъ Андрей Щелкаловъ отвѣчалъ гонцу: „Это дѣло нестаточное, государь нашъ въ этомъ крымскаго и турскаго не послушаетъ, мало-ль что турскій пишетъ! прежде писывалъ турскій о Казани и Астрахани, и тому чему вѣрить? какъ было тому статься? А теперь также не схожее дѣло. Терскаго города государю нашему не снашивать. Терскій городъ поставилъ государь въ своей отчинѣ, въ Кабардинской землѣ для того: изъ давнихъ лѣтъ кабардинскіе Черкесы холопи государевы; а бѣжали изъ рязанскихъ предѣловъ въ горы, и служили отцу государя нашего и теперь служатъ; они били челомъ, чтобъ для ихъ обереганья городъ велѣлъ на Терекѣ поставить; а теперь государю нашему отъ своей вотчины какъ отступиться?“ Гонецъ сталъ опять говорить: „Царь со мною приказывалъ тайно, чтобъ государь города сносить и козаковъ сводить съ Терки (Терека) не велѣлъ, только бъ велѣлъ помапить и къ царю отписать, что Тереку очистить, а царь объ этомъ отпишетъ къ турскому, чтобъ турскій далъ покой; на государя ходить ему не велѣлъ; а царь въ это время городъ на Кошкинѣ перевозѣ у Днѣпра поставитъ, всѣ крымскіе улусы къ Днѣпру переведетъ и Перекопь разоритъ; а на городовой бы харчъ государь послалъ къ Казы-Гирею царю 30,000 руб“. Щелкаловъ отвѣчалъ: „Какъ этому вѣрить? какъ царю отъ турскаго отстать? и можно ли ему противъ турскаго стоять? и какимъ обычаемъ городъ поставить и укрѣпить? и нарядъ у царя есть ли и знаетъ ли турскій про городъ?“ Гонецъ отвѣчалъ, что ханъ пришлетъ въ заложники сына и по человѣку изъ каждаго большаго рода. Съ тѣми же рѣчами гонецъ былъ у Годунова; тотъ отвѣчалъ ему о Терекѣ также отказомъ, прибавивъ: „Самъ разсуди: если кто поставитъ деревеньку, хотя и не на своей землѣ, да устроитъ ее, то даромъ не отдастъ безъ крови, да безъ бою“. На тайный наказъ о строеніи города и присылкѣ 30,000 руб. Борисъ отвѣчалъ: „Такой великій запросъ какъ можно выполнить? Столько денегъ и собрать нельзя, просить бы такъ, какъ чему можно статься; да чему и вѣрить; царево слово, что ни приказывалъ къ

нашему государю, прямо никогда не бывало".—Послѣ этихъ переговоровъ въ думѣ рѣшились отправить въ Крымъ князя Щербатаго, послать съ нимъ поминки, примѣрясь къ прежнему, до 40,000 руб. или больше, да хану послать 10,000 рублей, Муратъ-Гирееву жену отпустить.

Въ ноябрѣ 1593 года вмѣстѣ съ княземъ Щербатовымъ отправились въ Ливны бояринъ князь Өедоръ Яковлевичъ Хворостининъ да оружничій Богданъ Ивановичъ Бѣльскій для переговоровъ о вѣчномъ мирѣ съ ханскимъ уполномоченнымъ Ахметъ-пашою. Пріѣхавши въ Ливны, Хворостининъ послалъ сказать Ахметъ-пашѣ, чтобъ тотъ ѣхалъ къ нимъ за рѣку Сосну на переговоры; Ахметъ отвѣчалъ, что ему за рѣку ѣхать невмѣстно: прежде пріѣзжалъ въ Путвиль большой его братъ Муратъ князь, а съ Москвы пріѣзжалъ тогда на размѣну пословъ Андрей Нагой, который пріѣзжалъ за рѣку Сеймъ къ Мурату князю въ шатеръ; потому теперь онъ, Ахматъ-паша, государя своего имени потерять и прежняго обычая нарушить не хочетъ.—Хворостининъ возражалъ, что Андрей Нагой былъ дворянинъ обычный и великаго такого дѣла тогда не было, а теперь для великаго дѣла посланы люди великіе. Ахметъ отвѣчалъ, что и онъ у своего государя человѣкъ именитый же, да и служба его къ царю Өедору Ивановичу вѣдома; и ему отъ хана приказъ—за Сосну не ѣздить. Когда Хворостининъ далъ знать объ этомъ затрудненіи царю, то получилъ грамоту: „Сами знаете, что по ту и по сю сторону Сосны все наша земля, и вы бы приказали къ Ахметъ-пашѣ, что вы для добраго дѣла и мимо нашего указа свой съѣзжій шатеръ на ихъ сторонѣ велите поставить, только бы Ахметъ-паша пріѣзжалъ къ вамъ на съѣздъ въ вашъ шатеръ". Но Хворостининъ урядился съ Ахметъ-пашею иначе: положили съѣзжаться на серединѣ рѣки на мосту. Ахметъ далъ шерть за хана и царевичей—быть въ прямой дружбѣ и братствѣ съ царемъ, а Хворостининъ обѣщалъ: „Если ханъ, калга и всѣ царевичи въ своей правдѣ устоятъ, лѣтомъ 1594 года на московскіе украйны воевать не будетъ; то государь осенью пословъ своихъ и другую половину запроса къ хану пришлетъ (первую половину везъ Щербатовъ), и впередъ поминки станетъ посылать ежегодно, государя нашего слово инако не будетъ, въ томъ вѣрьте намъ". Ахметъ отвѣчалъ: „Я вашимъ словамъ вѣрю". Потомъ Ахметъ сталъ говорить, чтобъ государь велѣлъ козаковъ съ Дона свести, а къ Дер-

бенту и Шемахѣ дорогу велѣлъ очистить. Хворостининъ отвѣчалъ: „На Дону живутъ козаки воры, бѣглые люди, и живучи на Дону, сложась съ запорожскими Черкасами, Азовъ тѣснятъ безъ государева вѣдома и государевыхъ посланниковъ не слушаютъ. А теперь какъ вашъ государь съ нашимъ государемъ укрѣпятся, то государь нашъ пошлетъ на Донъ рать свою, и велитъ тѣхъ воровъ донскихъ козаковъ перехватать и перевѣшать, остальныхъ съ Дону сослать, и впередъ на Дону не будетъ ни одного человѣка; а на Терку государь пошлетъ воеводамъ крѣпкій наказъ, чтобъ турецкимъ людямъ тѣсноты и помѣшки нигдѣ не дѣлали“.

Несмотря на эти соглашенія князя Хворостинина съ Ахметъ-пашею, дѣло не вдругъ уладилось въ Крыму, когда пріѣхалъ туда князь Щербатовъ съ поминками: князья, мурзы и уланы пріѣхали къ послу въ станъ брать государево жалованье, и нѣкоторые взяли поминки, а другіе не взяли и говорили: „Государь вашъ царь писалъ къ нашему государю, что послалъ къ намъ свое жалованье большое, а намъ и съ гонцами присылалось больше этого: кому прежде присылалось платенъ по десяти, тому теперь прислано пять—шесть, а шапки худыя“. Посолъ говорилъ что хану прислано 10,000 рублей, а калгѣ и всѣмъ князьямъ, мурзамъ и уланамъ 17,000 деньгами и платьемъ; на это мурзы отвѣчали: „Намъ до запросныхъ ханскихъ денегъ дѣла нѣтъ, эти деньги идутъ на городовое строеніе; платья и нашихъ денегъ съ ханскими запросными деньгами нельзя мѣшать“. Царевичъ-калга разсердился, что ему прислано денегъ мало: если хану, говорилъ онъ—прислали 10,000, то ему должны были прислать 5000. Калга побранился съ ханомъ: „Ты, говорилъ онъ ему—денегъ много взялъ, завладѣлъ всѣмъ одинъ и идешь теперь на Венгрію; а я останусь въ Крыму и пойду на московскую украйну“. Ханъ также не хотѣлъ давать шерти, требовалъ, чтобъ царь ежегодно присылалъ ему по 10,000 рублей; но Ахметъ-паша говорилъ хану: „Если ты теперь передъ московскимъ посломъ клятвы въ вѣчномъ мирѣ не дашь и пойдешь на султанову службу въ Венгрію, а государь московскій съ королемъ литовскимъ помирится, то впередъ тебѣ отъ него ничего не видать“. Ханъ призадумался, ничего не сказалъ на это, наконецъ далъ шерть, согласился написать въ шертной грамотѣ полный царскій титулъ, согласился приложить печать внизу грамоты, чтò дѣлалъ онъ для одного турецкаго султана: „Скажи брату моему, говорилъ

онъ Щербатову,—что я ему за великую честь не постоялъ, чего при прежнихъ царяхъ не бывало". Щербатовъ настаивалъ на безденежное освобожденіе плѣнныхъ съ обѣихъ сторонъ; ханъ отвѣчалъ: „Которые плѣнники у князей и у мурзъ, тѣхъ мнѣ взять нельзя; у меня ни одного плѣнника нѣтъ, а еслибъ были, то я бы за нихъ брату моему никакъ не постоялъ; въ крымскомъ юртѣ не ведется, чтобъ царю отнимать плѣнныхъ у князей и мурзъ: они тѣмъ живутъ; а у которыхъ Татаръ братья и племя въ плѣну у вашего государя, тѣхъ они окупаютъ и мѣняютъ сами, а мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ". Любопытно донесеніе Щербатова о томъ, какъ онъ разузнавалъ о нужныхъ ему вѣстяхъ: „У насъ, писалъ онъ,—полоняники старые прикормлены для твоего государева дѣла;" о распрѣ калги съ ханомъ, напримѣръ, Щербатовъ узналъ отъ стараго русскаго плѣнника, Сеньки Иванова, который жилъ въ мельникахъ у одного мурзы. Щербатовъ доносилъ также о томъ, какъ ханъ и царевичъ-калга угощались на его счетъ: однажды калга ѣхалъ отъ хана мимо посольскихъ становъ, и заслалъ къ Щербатову Татарина, велѣлъ ему сказать, чтобъ онъ выслалъ къ нему на поле вина, меду и чего-нибудь поѣсть; Щербатовъ послалъ вина, меду, коврижекъ, черныхъ хлѣбцевъ и постилъ. Также угощалъ онъ и самого хана.

Въ Москвѣ при переговорахъ съ крымскимъ посломъ, встрѣтилось также затрудненіе. Посолъ требовалъ возвращенія Пашаямурзы, который выѣхалъ съ Муратъ-Гиреемъ въ нуждѣ, к о з а ч е с т в о м ъ, какъ онъ выражался, и по смерти Муратъ-Гирея, вступилъ въ службу московскую; государь далъ ему на волю—хочетъ ѣдетъ въ Крымъ, хочетъ остается въ Москвѣ. Посолъ просилъ свиданія съ Пашаемъ и говорилъ ему, чтобъ ѣхалъ въ Крымъ къ хану и къ отцу своему. Пашай отвѣчалъ, что ему отъ царскаго жалованья въ Крымъ не ѣхать, здѣсь онъ пожалованъ великимъ государевымъ жалованьемъ, вотчинами и помѣстьями большими, селами и деньгами, чего всему родству его въ крымѣ у хана не видать, и пожаловалъ его государь, велѣлъ за него дать царевну, дочь Кайбулину. Тогда крымскіе послы и гонцы начали говорить съ сердцемъ, что онъ глупитъ, говоритъ не гораздо, а дьяку Андрею Щелкалову, говорили: только государь пожалуетъ, велитъ его отдать, и они его возьмутъ силою, и къ хану въ Крымъ отведутъ связавши. Дьякъ отвѣчалъ: „Если онъ ѣхать самъ не хо-

четъ, то государю въ неволю его не отдавать, а сердиться вамъ и въ брань говорить о томъ не пригоже". Одинъ изъ крымскихъ гонцовъ сказалъ на это: „Только государь не велитъ отдать Паша-мурзу, то за этимъ все доброе дѣло порушится". Дьякъ отвѣчалъ: „Такія непригожія рѣчи и раздорныя слова къ доброму дѣлу не пригодны: великому государю нашему не только что хана, и никого не страшно; только хану за такія не великія дѣла раскидывать, то государю его дружба не подъ нужду, надобно хану о томъ стараться, чтобъ государь нашъ захотѣлъ быть съ нимъ въ дружбѣ и любви". Посолъ окончилъ дѣло, сказавши: Такъ промолвилось съ сердца, а ханъ за такія не великія дѣла съ государемъ не раскинетъ, будетъ въ дружбѣ и въ любви во вѣки"[98].

Ясно было, что Крыму миръ былъ нуженъ, и въ Москвѣ это понимали. Война съ Австріею отвлекла Татаръ отъ Московскихъ украйнъ; она же мѣшала и султану обращать большое вниманіе на Москву, хотя онъ и не переставалъ враждебно смотрѣть на нее; причиною были: жалобы ногайскихъ владѣльцевъ на притѣсненія отъ Москвы и особенно дѣйствія козаковъ. Вотъ что говорилъ московскимъ толмачамъ въ Крыму ногайскій посолъ, пріѣхавшій къ Исламъ-Гирею: „Государь вашъ князь великій завоевалъ съ нами, пословъ Уруска-князя велѣлъ обезчестить и отпустилъ ихъ съ Москвы не пожаловавъ, а козаки волжскіе сильно обожаютъ насъ, много улусовъ у насъ повоевали, много городковъ поставили на Яикѣ и за Яикомъ, тѣсноту намъ сдѣлали большую. Меня отправилъ Урусъ-князь и къ турскому царю просить, чтобъ Турскій послалъ людей своихъ подъ Астрахань; а мы пойдемъ съ ними". Толмачи отвѣчали, что Ногаи, забывъ жалованье царя Ивана, московскихъ пословъ велѣли грабить и безчестить, и людей своихъ посылали на московскія украйны ежегодно. Но турскій людей своихъ къ Астрахани не посылалъ, и Ногаи принуждены были подчиниться Москвѣ. Ногаи вѣрно и простосердечно объяснили причины, принуждавшія ихъ къ этому подчиненію; посолъ ногайскаго князя Уруса говорилъ московскому послу въ Крыму: „меня Урусъ князь послалъ къ турскому султану, чтобъ турскій султанъ на Уруса князя и на всѣхъ мурзъ не пенялъ, что учинились въ волѣ государя московскаго: чья будетъ Астрахань, Волга и Яикъ, того будетъ и вся ногайская орда". Потомъ московскій посолъ доносилъ изъ Крыма царю: „Поѣхали мурзы ногайскіе и всѣ лучшіе люди

въ Крымъ отъ неволи, заплакавъ, пометали отцовъ и матерей, женъ и дѣтей и все имѣніе, говорятъ: „Просили у насъ Муратъ-Гирей царевичъ и воеводы астраханскіе лучшихъ людей, братью нашу и дѣтей въ закладъ: но наши отцы, дѣды и прадѣды вѣкъ свой жили; а закладовъ не давали, въ волѣ государя московскаго бывали и присягали, но никогда надъ ними такой неволи не бывало, что надъ нами дѣлаетъ теперь Муратъ-Гирей царевичъ“. Мурзы и всѣ лучшіе люди въ слѣдствіе этого послали къ турскому царю бить челомъ, чтобъ принялъ въ подданство.

Султанъ, разумѣется, не могъ слушать равнодушно этихъ жалобъ: не могъ равнодушно слушать и донесеній, что донскіе козаки приходятъ подъ Азовъ безпрестанно, корабли и каторги громятъ и людей турецкихъ побиваютъ.

Въ іюлѣ 1584 года отправленъ былъ въ Константинополь къ султану Амурату посланникъ Благовъ извѣстить султана о восшествіи на престолъ Θеодора, объявить, что новый царь не велѣлъ съ турецкихъ купцовъ брать пошлины и тамги, что покойный царь для султана Селима велѣлъ вывести своихъ ратныхъ людей изъ Терской крѣпости, гдѣ живутъ теперь волжскіе козаки, безъ государева вѣдома; что вѣрѣ магометанской нѣтъ нигдѣ тѣсноты въ Россіи: въ Касимовѣ мечети владѣетъ тамъ магометанинъ Мустафалей; что на Дону и близко Азова живутъ козаки все бѣглые люди, иные козаки тутъ и постарѣли живучи, а ссора идетъ оттого, что азовскіе люди съ Крымцами и Ногаями ходятъ на государевы украйны войною, много Русскихъ людей берутъ въ плѣнъ и возятъ въ Азовъ, а козаки этого не могутъ терпѣть и на нихъ приходятъ, потому что ихъ родъ и племя на украйнахъ. Благовъ настаивалъ, чтобъ султанъ отправилъ съ нимъ своего посланника въ Москву; это собственно считалось нужнымъ для того, чтобъ заявить предъ другими государями дружественныя сношенія страшнаго и надменнаго султана съ царемъ. Паши долго не соглашались на это, говорили: „Султанъ государь великій; послы его ѣздятъ къ великимъ государямъ, къ цесарю, королю французскому, испанскому, англійскому, потому что тѣ присылаютъ ему казну; а съ вами у насъ одни дѣла торговыя“. Благовъ отвѣчалъ: „Государи наши никогда къ Турскому казны не посылывали; государь бы вашъ послалъ для братской любви со мною вмѣстѣ посланника своего чауша добраго; а только государь вашъ со мною

его не пошлетъ, а пошлетъ послѣ меня, то нашему государю эта присылка учинится не въ любовь и султанова посланника ко своему царскому лицу пустить не велитъ". Паши говорили: „Вотъ тому будетъ 14 лѣтъ, какъ приходилъ отъ отца государя вашего, посланникъ, и съ нимъ поминки присланы были большіе, а съ тобою поминки присланы малые не по прежнему, и государю нашему теперь для чего посылать своего посланника". Благовъ отвѣчалъ: „Развѣ тотъ посланникъ дѣлалъ чрезъ государевъ наказъ и прибавлялъ свои поминки? и государь нашъ за то и опалу свою на него положилъ; а со мною что послано, то я и довезъ". Когда пришли къ Благову приставы и сказали, что паши велѣли взять съ него деньги за проѣздъ на кораблѣ Чернымъ моремъ, то посланникъ отвѣчалъ: „это гдѣ водится, чтобъ посламъ не давали подводъ или корабля?" Приставы говорили. „Паши намъ сказывали, что султанъ на тебѣ деньги велѣлъ взять за то, что съ тобою поминковъ прислано мало". Благовъ отвѣчалъ: „Я привезъ то, что мнѣ дано, и Амуратъ султанъ писалъ бы о томъ къ нашему государю; если на мнѣ султанъ деньги за корабль велитъ взять, то я отъ этого у государя своего въ убыткѣ не буду; но отъ такого малаго дѣла между государями братская любовь и дружба порушится и ссылки между ними впередъ не будетъ". Благовъ настоялъ на своемъ: султанъ отпустилъ съ нимъ въ Москву посланника своего Ибрагима. И этотъ посланникъ, какъ прежній, отказался отъ переговоровъ съ боярами о союзѣ между султаномъ и царемъ; но требовалъ, чтобъ ему выдали Муратъ-Гирея царевича и уняли донскаго атамана Кишкина, нападавшаго на Азовъ. Ибрагима отпустили съ отвѣтомъ, что на Дону разбойничаютъ больше козаки литовскіе, чѣмъ московскіе, что Кишкинъ отозванъ въ Москву, и остальнымъ козакамъ запрещено нападать на Азовъ, а о Муратъ-Гиреѣ будетъ наказано султану съ новымъ царскимъ посломъ.

Благовъ говорилъ въ Константинополѣ всѣмъ одно о терскихъ и донскихъ козакахъ: „Сами знаете, что на Терекѣ и на Дону живутъ воры бѣглые люди, безъ вѣдома государева, не слушаютъ они никого, и мнѣ до козаковъ какое дѣло?" Благовъ уже кромѣ царскаго наказа могъ дѣлать подобные отзывы о козакахъ по собственному опыту. Когда онъ ѣхалъ Дономъ, то козаки приходили на него, безчестили его, суда отнимали, много запасовъ пограбили.

Когда въ Москвѣ узнали объ этомъ, и узнали, что Благовъ возвращается вмѣстѣ съ посланникомъ султановымъ, то на встрѣчу къ нимъ отправленъ былъ Василій Биркинъ. Этотъ Биркинъ, пріѣхавъ на Донъ, долженъ былъ вмѣстѣ съ атаманомъ Кишкинымъ и другими атаманами и козаками, которые государю служатъ, сыскать и перехватать грабителей, лучшихъ трехъ - четырехъ изъ нихъ привести къ государю, а другихъ за воровство бить кнутомъ на Дону; если же надъ ними такъ промыслить нельзя, то промыслить надъ ними обманомъ, уговорить ихъ да и перехватать, чтобъ другимъ, на нихъ смотря, было не повадно воровать. Въ Москву дали знать, что перешелъ съ Волги на Донъ атаманъ Юшка Невитаевъ съ товарищами и хочетъ воровать, приходить на Благова: Биркину и Кишкину велѣно было его схватить и привести въ Москву; если же Юшка исправится и станетъ служить и прямить, то надъ ними ничего не дѣлать. Биркинъ доносилъ, что козаки на морѣ захватили Черкесъ рыболововъ; Биркинъ сталъ имъ говорить, чтобъ они отпустили Черкесъ, ибо отъ этого можетъ пострадать царскій посланникъ въ Константинополѣ, Благовъ; козаки отвѣчали ему, что за Благова не только не отпустятъ плѣнниковъ, но и волоса не дадутъ сорвать у себя; козаки, которые служили государю, говорили Биркину, что другіе козаки непремѣнно хотятъ громить Благова и турецкаго посланника, и не отпустятъ ни одного человѣка живаго, чтобъ въ Москвѣ вѣсти не было. О намѣреніи козаковъ громить Благова и турецкаго посланника узнали и въ Азовѣ, куда принесъ эти вѣсти бусурманинъ Магметъ, который былъ прежде донскимъ козакомъ: тогда турецкій посланникъ не захотѣлъ ѣхать изъ Азова, и Благова долго здѣсь задерживали, требуя чтобъ донскіе козаки дали клятву не громить посланниковъ; за плѣненныхъ козаками Черкесъ взяли у Благова толмача да подъячаго.

Не ранѣе апрѣля 1592 года отправленъ былъ второй посланникъ изъ Москвы въ Константинополь, дворянинъ Нащокинъ. Въ думѣ рѣшили: пригоже къ турскому послать посланника, чтобъ ссылки не порвались; пригоже прежнія ссылки припомянуть и про то объявить: отъ чего посланникъ позамѣшкался; да о присылкѣ персидскаго шаха объявить, что присылалъ просить союза и рати, но государь ему рати не далъ и пословъ его отпустилъ ни съ чѣмъ; о цесаревой присылкѣ также приказать устно, что цесарь и со-

юзники его, папа, короли испанскій и польскій, уговариваютъ царя воевать съ султаномъ, но царь ихъ не слушаетъ; провѣдать на султанѣ: въ дружбу ли ему это будетъ? да и вѣстей всякихъ провѣдать.

Нащокинъ долженъ былъ сказать султану, что государь такъ долго не отправлялъ къ нему посланника потому, что король польскій не пропускалъ пословъ чрезъ Литву, а на Дону живутъ литовскіе козаки, сложась съ нашими измѣнниками, донскими козаками, наконецъ потому, что зашли многія дѣла, походъ на Шведовъ. Между прочимъ Нащокину дана была такая память: пріѣзжалъ къ государю терновскій митрополитъ Діонисій и сказывалъ приказнымъ людямъ, что у турскаго султана ближній человѣкъ Иванъ Грекъ, родственникъ ему, митрополиту; митрополитъ обѣщалъ государю служить и всякими дѣлами промышлять и что провѣдаетъ, государевымъ посланникамъ приказывать и къ Ивану Греку послано съ нимъ государево жалованье. Такъ, когда посланникъ въ Царьградъ пріѣдетъ, то ему съ митрополитомъ Терновскимъ и съ Іереміею патріархомъ обосляться тайно, чтобъ митрополитъ вмѣстѣ съ патріархомъ государю служилъ, султановыхъ ближнихъ людей на то приводилъ, чтобъ государю служили и султана на всякое добро наводили, чтобъ онъ съ государемъ захотѣлъ быть въ крѣпкой дружбѣ и въ любви; посланника государева отпустилъ бы съ добрымъ дѣломъ и съ нимъ вмѣстѣ отправилъ бы своего посланника, добраго человѣка. Если патріархъ и митрополитъ станутъ государю служить и станутъ просить списка съ государевой грамоты, которая послана къ султану, чтобъ имъ знать государево дѣло, чѣмъ промышлять, то Нащокину списокъ дать и отослать его тайно, и государево жалованье Ивану Греку отослать тайно же.

Къ донскимъ козакамъ „которые атаманы и козаки на Дону вверху и которые на низу близко Азова", послана была царская грамота съ убѣжденіемъ, чтобъ они въ то время, какъ Нащокинъ пойдетъ въ Азовъ, жили съ азовскими людьми мирно, и которые азовскіе люди будутъ ходить на Донъ попрежнему для рыбныхъ ловель и дровъ, тѣхъ не задирали бы; чтобъ плѣнныхъ Турокъ и Черкесъ отдали, за что царь пожалуетъ ихъ великимъ жалованьемъ; козакамъ было объявлено также, что въ то время какъ Нащокинъ будетъ въ Турціи, на Дону будетъ жить сынъ боярскій

Хрущовъ, съ которымъ они не должны пропускать воинскихъ людей на государевы украины.

Когда Нащокинъ объявилъ козакамъ волю государеву, то они отвѣчали: „Тебя посланника провожать и государю служить мы готовы; но плѣнниковъ намъ отдать нельзя: взяли мы ихъ своею кровью, а ходили эти Черкесы за нами сами и нашихъ головъ искали, а не мы на нихъ ходили; которыхъ нашу братью атамановъ и козаковъ берутъ азовскіе люди, тѣхъ на каторги сажаютъ, и не только что не отдаютъ даромъ, и на окупъ не даютъ, во время мира перехватали козаковъ 24 человѣка и на каторги посажали, а эту зиму больше 100 человѣкъ по городкамъ азовскіе люди съ Черкесами взяли и на каторги распродали; и то къ намъ государево нежалованье, что хочетъ взять у насъ плѣнниковъ, которыхъ мы добыли своею кровью". Сказавши это, козаки отошли отъ Нащокина, стали въ кругъ и начали читать государевы грамоты; прочтя ихъ, всѣ атаманы и козаки говорили между собою шумно, что имъ плѣнниковъ не отдавать; потомъ нѣкоторые подошли опять къ послу и начали говорить: „Прежде государь насъ жаловалъ, писывалъ къ намъ въ грамотахъ: низовымъ атаманамъ, и лучшихъ называлъ по имени, а потомъ приписывалъ: и всѣмъ атаманамъ низовымъ и верховымъ; а теперь писано напередъ атаманамъ и козакамъ верховымъ, и потомъ уже намъ, низовымъ, и то не поимянно; но верховые козаки государевой службы не знаютъ. Если государь теперь съ вами прислалъ окупъ, то мы плѣнниковъ отдадимъ, а безъ окупу намъ ихъ отдать нельзя: только намъ теперь отдать ихъ безъ окупу, и намъ тѣхъ окуповъ не видать и въ 10 лѣтъ, а къ Москвѣ намъ по тѣ окупы не ѣздить; если же вамъ велѣлъ государь тѣхъ плѣнниковъ взять у насъ силою, то вы у насъ возьмите ихъ изъ крови: а мы, пересѣкши ихъ, пойдемъ куда очи несутъ, уже то у насъ готово пропало". Нащокинъ отвѣчалъ: „Отъѣздомъ вамъ государю грозить непригоже, холопы вы государевы и живете на государевой отчинѣ". Козаки на это сказали: „Если къ намъ государево нежалованье, то намъ впередъ на Дону какъ жить, что ужъ впередъ у насъ плѣнниковъ окупать не станутъ? кого возьмемъ, а турскій станетъ писать къ государю, и государь станетъ у насъ даромъ брать и къ турскому отсылать: и намъ на Дону чѣмъ жить?" Когда Нащокинъ сталъ имъ говорить, чтобъ жили въ мирѣ съ Азовомъ, пока онъ сходитъ въ Кон-

стантинополь, то козаки отвѣчали: „Намъ теперь черезъ прежніе обычаи самимъ о миру задирать не пригоже, а вотъ наши товарищи на морѣ, Василій Жегулинъ съ товарищами 300 человѣкъ, и намъ ихъ не выждавъ, какъ мириться? — Посланникъ привезъ козакамъ государево жалованье, сукна, и хотѣлъ раздавать ихъ по наказу—лучшимъ хорошія, а рядовымъ похуже; но козаки сказали, что у нихъ большихъ нѣтъ никого, всѣ ровны и раздѣлятъ сами на все войско, по чему достанется. Когда наконецъ Нащокинъ сталъ имъ говорить, чтобъ они служили государю съ Хрущовымъ, то они отвѣчали: „Прежде мы служили государю и головъ у насъ не бывало, служивали своими головами, и теперь ради государю служить своими головами, а не съ Хрущовымъ". Но одними словами не кончилось: по возвращеніи съ моря атамана Жегулина, козаки въ числѣ 600 человѣкъ пришли къ посольскому шатру съ саблями и ручницами, и кричали, чтобъ Нащокинъ показалъ имъ государевъ наказъ. Посланникъ отвѣчалъ, что наказъ данъ о многихъ дѣлахъ, и показывать его нельзя; если же они пришли грабить государеву казну, то онъ, посланникъ, съ своими людьми готовъ помереть за нее. Козаки шумѣли много, селитру и запасы государевы взяли силою; потомъ схватили донскаго атамана Васильева, пріѣхавшаго съ Нащокинымъ изъ Москвы, били его ослопами и посадили въ воду передъ шатромъ посольскимъ. Этотъ Васильевъ уговаривалъ ихъ, чтобъ они измѣны свои покрыли, государю не грубили и плѣнниковъ выдали.

Нащокинъ послѣ многихъ затрудненій достигъ Константинополя и справилъ свое посольство; султанъ уже отпустилъ его и рѣшилъ вмѣстѣ съ нимъ отправить своего посланника въ Москву, какъ вдругъ пришли вѣсти, что донскіе козаки взяли у Азовцевъ въ плѣнъ 130 человѣкъ, и что царь московскій поставилъ на Дону и на Терекѣ четыре новыхъ города. Тогда великій визирь сказалъ Нащокину: „Это ли любовь вашего государя къ вашему? за это вѣдь пригоже за сабли да воеваться, а не дружиться! Если государь вашъ велитъ съ Дону козаковъ свести, и государь нашъ также крымскаго хана, азовскихъ и бѣлгородскихъ людей велитъ унять. Вы говорите: донскіе козаки вольные люди, воруютъ безъ вѣдома вашего государя; крымскіе и азовскіе люди также вольные. Впередъ только государь вашъ не сведетъ съ Дону козаковъ, и я вамъ говорю по Богу: не только крымскому и Ногаямъ велимъ

ходить, но сами пойдемъ своими головами со многою ратью сухимъ путемъ и водянымъ, съ нарядомъ и городомъ, хотя и себѣ досадимъ, а ужъ сдѣлаемъ это, и тогда миру не будетъ". Нащокинъ отвѣчалъ: „Далъ бы Богъ, чтобъ между государями впередъ братская любовь утвердилась; а теперь если крымскій ханъ и пойдетъ на государевы украйны, то воля Божія: государя нашего рать противъ него готова, и не угадать, кому что Богъ дастъ. Лучше бы крымскаго унять, чтобъ впередъ между государями братская любовь не рушилась". Визирь сказалъ на это: „Правда: когда люди съ людьми сшибутся, то будетъ убытокъ на обѣ стороны, да уже не воротишь. А намъ стало досадно, что сдѣлали ваши козаки. За такія дѣла надъ послами опала бываетъ; но государь нашъ надъ вами за это ничего сдѣлать не велѣлъ, потому что у насъ того въ обычаѣ не ведется, и отпуститъ васъ къ вашему государю по прежнему обычаю, а съ вами вмѣстѣ посылаетъ своего посланника".

Когда Нащокинъ далъ знать объ этомъ въ Москву, то на Донъ отправлена была царская грамота: „Если вы начнете съ азовскими людьми какой-нибудь задоръ и между нами и турскимъ сдѣлаете этимъ недружбу, то вамъ отъ насъ быть въ опалѣ и въ Москвѣ вамъ никогда уже не бывать; пошлемъ на низъ Дономъ къ Раздорамъ большую свою рать, велимъ поставить городъ на Раздорахъ и васъ сгонимъ съ Дону: тогда вамъ отъ насъ и турскаго султана гдѣ избыть? Такъ вы бы службу свою показали: перебравъ лучшихъ атамановъ и молодцовъ конныхъ, послали на Калміусъ на Арослановъ улусъ, улусъ его погромили бы, языковъ добрыхъ добыли и къ намъ съ этими языками товарищей своихъ прислали, чтобъ намъ про ханское умышленье и про его походъ вѣдомо было. Если же до приходу въ Азовъ нашего и турскаго посланниковъ ханъ или царевичи его пойдутъ на наши украйны и съ ними азовскіе люди, то вы бы всѣ на коняхъ шли подъ нихъ на перевозъ и на дороги и на Донецъ сѣверскій, и надъ ними нашимъ дѣломъ промышляли; а гдѣ сойдетесь на Донцѣ съ нашими людьми путивльскими и съ запорожскими Черкасами, которые придутъ по нашему указу подъ хана на Донецъ (а велѣно Черкасамъ запорожскимъ, гетману Христофу Косицкому и всѣмъ атаманамъ и Черкасамъ быть на Донцѣ на дорогахъ и за ханомъ идти къ нашимъ украйнамъ): то вы бы промышляли съ ними, съ нашимъ дворяниномъ, который съ ними будетъ вмѣстѣ заодно".

Но козаки не только не хотѣли показать своей службы, по царскимъ требованіямъ, даже не хотѣли дать провожатыхъ для пословъ. Князь Волконскій, отправленный встрѣчать турецкаго посланника подъ Азовъ, доносилъ царю: „Донскіе атаманы и козаки о провожаньѣ намъ отказали, что имъ неволею послать провожатыхъ нельзя, а которые охотники сами захотятъ ѣхать, то они имъ не запрещаютъ; но охотниковъ съ нами идетъ только человѣкъ съ тридцать. Хотѣли съ нами идти въ провожатыхъ атаманы и козаки многіе; но пріѣхалъ съ Украйны на низъ въ войско козакъ Нехорошко Картавый, который сбѣжалъ съ твоей государевой службы изъ Серпухова, и сказывалъ козакамъ, что на Москвѣ ихъ товарищамъ нужда большая, твоего государева жалованья имъ не даютъ, на Донъ не пускаютъ, служатъ на своихъ коняхъ, корму имъ не даютъ, а иныхъ въ холопи выдаютъ. Услыхавши это, многіе атаманы и козаки съ нами ѣхать раздумали, а которые охотники съ нами ѣдутъ, и тѣмъ мы не вѣримъ, потому что побѣжали отъ донскихъ козаковъ 40 человѣкъ, думаемъ, что пошли къ Черкасамъ."

Турецкій посланникъ, Резванъ, пріѣхавши въ Москву, объявилъ тѣ же требованія, о которыхъ Нащокинъ слышалъ уже отъ визиря въ Константинополѣ, то-есть, чтобъ донскіе козаки были сведены и крѣпости на Дону и Терекѣ разрушены. Государь приговорилъ съ боярами: „Турскаго посланника отпустить, а съ нимъ вмѣстѣ къ Амурату султану отправить своего посланника для того, чтобъ ссылка впередъ не порвалась; противъ грамоты султановой отписать, что государь чрезъ кабардинскую землю турецкимъ людямъ, которые станутъ ходить въ Дербентъ и Шемаху, дорогу отворяетъ; а про козаковъ отписать по прежнему, что на Дону живутъ воры, бѣглые люди и, соединясь съ литовскими Черкасами, турецкимъ городамъ тѣсноту дѣлаютъ безъ государева вѣдома; а городовъ государевыхъ на Дону нѣтъ." Новымъ посломъ былъ назначенъ дворянинъ Ислѣньевъ, который отправился въ іюлѣ 1594 года. Ислѣньевъ долженъ былъ отдать грамоту и жалованье Терновскому митрополиту и сказать ему; „Какъ былъ посланникъ Нащокинъ, то ты государю служилъ, и эта твоя служба государю извѣстна, послужи и теперь." Къ Патріарху повезъ Ислѣньевъ паробка для наученья греческому языку [22]. Подробности переговоровъ этого посла намъ неизвѣстны, изъ сношеній съ австрійскимъ дворомъ узнаемъ, что Ислѣньевъ былъ задержанъ въ Константинополѣ новымъ султаномъ Магометомъ III.

Изо всѣхъ этихъ переговоровъ мы видимъ, что султанъ, кромѣ сведенія козаковъ съ Дону, требовалъ еще уничтоженія крѣпости московской на Терекѣ. Мы видѣли, какъ послѣ взятія Астрахани Московское государство должно было войти въ сношенія съ народцами кавказскими, которые, враждуя другъ съ другомъ, боясь Турокъ и Крымцевъ, требовали его покровительства, предлагали подданство; Іоаннъ IV вошелъ въ родственный союзъ съ черкесскими владѣтелями и построилъ крѣпость на Терекѣ, которую потомъ оставилъ, по требованію султана. При Ѳеодорѣ въ 1586 году явились въ Москвѣ послы отъ кахетинскаго князя Александра, который, угрожаемый съ одной стороны Турками, съ другой Персами, билъ челомъ со всѣмъ народомъ, чтобы единственный православный государь принялъ ихъ въ свое подданство, спасъ ихъ жизнь и душу. Царь принялъ Александра въ подданство: отправлены были въ Кахетію учительные люди, монахи, священники, иконописцы, чтобъ возстановить чистоту христіанскаго ученія и богослуженія среди народа, окруженнаго иновѣрцами; дана была и помощь матеріальная: отправленъ снарядъ огнестрѣльный. Терская крѣпость исправлена и занята стрѣльцами. Изъ Москвы требовали, чтобъ Александръ доставилъ въ эту крѣпость запасы на 2,500 человѣкъ, но онъ отказался: „Для дальной дороги, для горъ высокихъ; да и запасу собрать столько нельзя.“ Московскому войску легко было защитить Александра отъ владѣльца тарковскаго (Шевкала), сдѣлать послѣднему утѣсненіе великое и отнять у него рѣку Койсу, вслѣдствіе чего онъ и билъ челомъ государю; но нельзя было рѣшиться за Кахетію вступить въ явную борьбу съ страшными Турками: Турки требовали отъ Александра запасовъ и пропуска войскамъ ихъ чрезъ его землю въ Дербентъ и Баку; Александръ отвѣчалъ: „Съ запасомъ чрезъ свою землю не пущу, и своихъ запасовъ не дамъ: я холопъ царя русскаго, а турскаго не боюсь“. Но изъ Москвы дали ему знать, чтобъ онъ жилъ съ турскимъ, переманивая его, пока промыслъ надъ нимъ учинится. Александръ видѣлъ, что чрезъ подданство Москвѣ онъ не достигъ главной цѣли своей, не можетъ надѣяться скорой и сильной обороны, видѣлъ что ему совѣтуютъ по прежнему, какъ слабому, хитрить съ сильными, переманивать ихъ, и потому не могъ быть усерденъ. Онъ билъ челомъ, чтобъ государь опять послалъ на Шевкала большую рать, взялъ Тарки и посадилъ тутъ изъ своихъ рукъ свата

Александрова, Крымъ-Шевкала. Изъ Москвы отвѣчали, что рать будетъ отправлена, но чтобъ и онъ, съ своей стороны, послалъ туда же свою рать съ сыномъ и сватомъ; московскій воевода князь Хворостининъ дѣйствительно вошелъ въ землю Шевкалову и взялъ Тарки, но понапрасну дожидался полковъ кахетинскихъ; вмѣсто нихъ явились непріятели, разные горскіе народцы: Хворостининъ принужденъ былъ разорить Тарки и выступить оттуда; но онъ возвратился на Терекъ съ немногими людьми: 3,000 человѣкъ было у него истреблено горцами. Было ясно, что московское государство въ концѣ XVI вѣка еще не могло поддерживать такихъ отдаленныхъ владѣній; но Θеодоръ уже принялъ титулъ государя земли иверской, грузинскихъ царей и кабардинской земли, черкасскихъ и горскихъ князей[100].

Ведя переговоры съ императоромъ нѣмецкимъ о союзѣ всѣхъ христіанскихъ государей противъ Турокъ и приказывая посламъ говорить султану, что царь, изъ дружбы къ нему, не слушаетъ предложеній императора, королей и папы, Годуновъ въ то же время велъ переговоры съ Персіею о томъ же самомъ союзѣ противъ Турокъ, и также московскіе послы утверждали въ Константинополѣ, что царь не слушаетъ предложеній шаха. Неудачная борьба съ Турками заставила шаха Годабенда въ 1586 году предложить царю союзъ противъ султана; шахъ не щадилъ обѣщаній, говорилъ, что отдастъ русскимъ Баку и Дербентъ, если даже и самъ возьметъ ихъ у Турокъ. Сынъ его Аббасъ Великій продолжалъ сношенія все съ тою же цѣлію; этотъ, кромѣ Дербента и Баку, уступалъ царю Кахетію, владѣніе русскаго присяжника Александра; посолъ его, склоняя Годунова къ союзу, говорилъ, что такіе два великіе государя, какъ царь и шахъ, не только смогутъ стоять противъ турскаго, но и сгонятъ его съ государства. Отъ этого новаго союзника московскому правительству нечего было позаимствовать хорошаго въ нравственномъ отношеніи. Аббасъ велѣлъ сказать Годунову, что перемиріе, заключенное имъ съ султаномъ, есть только хитрость, что онъ отдалъ Туркамъ въ заложники шестилѣтняго племянника своего—и это ничего: „Вѣдь племянника своего мнѣ убить же было.“ Посолъ персидскій также говорилъ Годунову: „Одинъ племянникъ шаховъ у турскаго, а двое у шаха посажены по городамъ и глаза у нихъ повынуты; государи наши у себя братьевъ и племянниковъ не любятъ.“ И переговоры съ

Персіею о союзѣ противъ Турокъ кончились такъ же, какъ и переговоры съ Австріею, ничѣмъ [101].

Но если Московское государство не могло утвердить свою власть на юго-востокѣ, въ странахъ кавказскихъ, по условіямъ мѣстнымъ и по столкновенію тамъ съ государствами магометанскими, бывшими тогда еще во всей силѣ; то оно могло безпрепятственно распространять свои владѣнія въ обычномъ направленіи, къ сѣверо-востоку. Въ бывшемъ казанскомъ царствѣ и при Ѳеодорѣ, какъ при отцѣ его, волновались Черемисы; но были укрощаемы; главнымъ средствомъ къ ихъ усмиренію служили постройки городовъ, населенныхъ русскими людьми: Цывильска, Уржума, Царева-города на Кокшагѣ, Санчурска и другихъ. Русскіе люди успѣли утвердиться и за Ураломъ, въ Сибири, куда при Іоаннѣ IV проложили дорогу козаки съ Ермакомъ. Мы видѣли, что Грозный, узнавъ объ успѣхахъ послѣдняго, послалъ въ Сибирь воеводъ, князя Болховскаго и Глухова. Эти воеводы соединились съ Ермакомъ осенью 1583 года, были приняты съ большою честію, козаки надарили имъ дорогихъ мѣховъ, но не озаботились главнымъ, собраніемъ съѣстныхъ припасовъ на зиму для гостей. Сдѣлался голодъ между Русскими и много померло козаковъ и московскихъ служилыхъ людей, въ томъ числѣ и воевода князь Болховской. Весною 1584 года голодъ прекратился, но постигли несчастія другаго рода; Карача, который покинулъ Кучума послѣ плѣна Маметкулова, стоялъ съ своимъ улусомъ на рѣкѣ Тарѣ, онъ прислалъ къ Ермаку просить помощи противъ Ногайской орды; Ермакъ, повѣривъ одной шерти, не взявши заложниковъ, отправилъ къ нему Ивана Кольцо съ сорока человѣками козаковъ, которые всѣ были измѣннически истреблены Карачею; другой атаманъ, Яковъ Михайловъ, подошедшій къ улусу на развѣдку, былъ также убитъ. Послѣ этого Карача облегъ малочисленныхъ козаковъ въ городѣ и стоялъ съ половины іюня, желая выморить Русскихъ голодомъ; но въ одну ночь, когда улусники спали, ничего не подозрѣвая, атаманъ Мещерякъ вышелъ изъ города и ударилъ на непріятельскій станъ; Карача, потерявши двоихъ сыновей, побѣжалъ изъ стана; на разсвѣтѣ улусники собрались и дали битву козакамъ въ надеждѣ подавить ихъ числомъ, но Мещерякъ, засѣвши въ стану Карачи, отбивался до полудня и заставилъ непріятеля отступить; Карача потерялъ надежду одолѣть козаковъ и ушелъ за Ишимъ. Но торжество коза-

ковъ не было продолжительно; бухарскіе купцы дали знать Ермаку, что Кучумъ не пропускаетъ ихъ въ городъ Сибирь; Ермакъ съ небольшимъ отрядомъ (50 человѣкъ) отправился по Иртышу къ нимъ навстрѣчу, не нашелъ ихъ, и съ 5-го на 6-е августа расположился ночевать на берегу рѣки; козаки, утомленные путемъ, крѣпко заснули, а на другомъ берегу не спалъ Кучумъ. Въ глубокую ночь, подъ проливнымъ дождемъ, онъ переправился черезъ рѣку напалъ на сонныхъ козаковъ и истребилъ ихъ; Ермакъ, какъ носился слухъ, желая достигнуть своего струга, утонулъ въ Иртышѣ.

Послѣ голода и трехъ пораженій козаковъ осталось такъ мало въ Сибири, что атаманъ Мещерякъ счелъ невозможнымъ оставаться здѣсь долѣе и выступилъ по дорогѣ на Русь. Сибирь снова была занята Кучумомъ, который однако скоро былъ выгнанъ изъ нея соперникомъ своимъ Сейдякомъ. Но эти князьки не долго могли на свободѣ выгонять другъ друга. Новое правительство московское высылало въ Сибирь воеводу за воеводой. Осенью 1585 года пришелъ воевода Мансуровъ, который поставилъ городокъ на Оби, при устьѣ Иртыша. Остяки пришли осаждать его и принесли съ собою славнаго идола, къ которому на поклоненіе ходили изъ дальнихъ мѣстъ; но пушечное ядро, вылетѣвшее изъ Русскаго городка, разбило его, и Остяки, потерявши надежду на свое божество, не безпокоили больше Русскихъ; мало того, Лугуй, князь двухъ городовъ и четырехъ городковъ на Оби, пріѣхалъ въ Москву съ челобитьемъ, чтобъ Русскіе ратные люди, которые сидятъ въ городѣ на устьѣ Иртыша, не воевали его племени и людей, а онъ будетъ давать дань въ Вымской землѣ приказнымъ людямъ. За то что онъ пріѣхалъ прежде всѣхъ бить челомъ, государь его пожаловалъ, велѣлъ привозить дань ему самому или его братьямъ или племянникамъ по семи сороковъ соболей лучшихъ [102]. Воеводы Сукинъ и Мясной основали на берегу Туры городъ Тюмень, а воевода Чулковъ въ 1587 году основалъ Тобольскъ; Сейдякъ вздумалъ было приступить къ этому городу, но былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Соперникъ его Кучумъ держался въ Барабинской степи и нападалъ на русскія владѣнія; въ 1591 году воевода князь Кольцовъ-Мосальскій разбилъ его близъ озера Чили-Кула, взялъ въ плѣнъ двухъ женъ его и сына, Абдулъ-Хаира. Послѣ этого Кучумъ обратился къ царю съ просьбою, чтобъ тотъ отдалъ ему юртъ и отпу-

стилъ племянника Магметъ-Кула, а онъ, Кучумъ, будетъ подъ царскою высокою рукою; три года ему не было отвѣта, а на четвертый, какъ видно, Кучумъ опять показался опасенъ, и въ 1597 году отправлена была къ нему царская грамота, въ которой, перечисливши всѣ грубости Кучума при царѣ Іоаннѣ и послѣ, Θеодоръ писалъ: „Теперь въ нашей отчинѣ, въ Сибирской землѣ города поставлены, въ нихъ осадные люди съ огненнымъ боемъ устроены; а большой своей рати въ Сибирскую землю на тебя послать мы не велѣли для того, что ожидаемъ отъ тебя обращенья: а еслибъ наша большая рать послана была въ Сибирь, то тебя бы нашли гдѣ бъ ты ни былъ, и неправды твои тебѣ отомстили бы. Мы, великій государь, хотѣли тебя пожаловать, устроить на Сибирской землѣ царемъ, а племянникъ твой Магметъ-Кула устроенъ въ нашемъ государствѣ, пожалованъ городами и волостями по его достоинству и служитъ нашему царскому величеству. А какъ ты козакомъ кочуешь на полѣ съ немногими людьми, то намъ извѣстно. Ногайскіе улусы, которые кочевали вмѣстѣ съ тобою, на которыхъ была тебѣ большая надежда, отъ тебя отстали; Чинъ-Мурза отъѣхалъ къ нашему царскому величеству, остальные твои люди отъ тебя пошли прочь съ двумя царевичами, а иные пошли въ Бухары, Ногаи, въ козацкую орду, съ тобою теперь людей немного, это намъ подлинно извѣстно; да хотя бъ съ тобою было и много людей, то тебѣ по своей неправдѣ противъ нашей рати какъ стоять? Знаешь и самъ, какія были великія мусульманскія государства Казань и Астрахань: и тѣ отецъ нашъ, пришедши своею царскою персоною взялъ, а тебѣ, будучи на полѣ и живучи козакомъ, отъ нашей рати и огненнаго боя какъ избыть? Теперь за твои прежнія грубости и неправды пригоже было намъ на тебя послать свою рать съ огненнымъ боемъ и тебя совсѣмъ разгромить. Но мы, истинный христіанскій милостивый государь, по своему царскому милосердому обычаю смертнымъ животъ даемъ и виннымъ милость кажемъ, видя тебя въ такой невзгодѣ, наше жалованное и милостивое слово тебѣ объявляемъ, чтобъ ты ѣхалъ къ нашему царскому величеству безо всякаго сомнѣнія: захочешь быть въ нашемъ государствѣ Московскомъ, при нашихъ царскихъ очахъ, и мы тебя устроить велимъ городами и волостями и денежнымъ жалованьемъ, по твоему достоинству; а если бывши у насъ, захочешь быть на прежнемъ своемъ юртѣ въ Сибири, и мы тебя пожа-

-луемъ на Сибирской землѣ царемъ и станемъ тебя держать милостиво." Кучумъ отвѣчалъ требованіемъ Иртышскаго берега, писалъ къ Тарскимъ воеводамъ: „До сихъ поръ я пытался противъ васъ стоять, Сибирь не я отдалъ, сами вы взяли. Теперь попытаемся помириться: на концѣ не будетъ ли лучше? съ Ногаями я въ союзѣ, и только съ обѣихъ сторонъ станемъ, то княжая казна шатнется; а хочу помириться правдою, и для мира на всякое дѣло уступки сдѣлаю." О дальнѣйшихъ сношеніяхъ мы не знаемъ; по всѣмъ вѣроятностямъ они прекратились вслѣдствіе несогласія Кучума ѣхать въ Москву. Не скоро успокоились и другіе князьки: такъ въ іюлѣ 1592 года царь писалъ Строгановымъ, чтобъ они собрали съ своихъ городовъ сотню ратныхъ людей, давали имъ найму помѣсячно и запасовъ дали бы на всю осень и зиму: изъ нихъ 50 человѣкъ пѣшихъ, которые должны были идти въ Сибирь съ воеводою Трахапіотовымъ, и 50 конныхъ, назначенныхъ на войну противъ Пелымскаго князя. Но самымъ вѣрнымъ средствомъ укрѣпленія Сибири за Москвою было построеніе городковъ, населеніе ихъ и мѣстъ окрестныхъ русскими людьми; въ царствованіе Ѳеодора были построены: Пелымъ, Березовъ, Сургутъ, Тара, Нарымъ, Кетскій острогъ [103].

ГЛАВА IV.

Продолженіе царствованія Θеодора Іоанновича.

Царская власть.—Соборы.—Приказы.—Финансы.—Торговля.—Города.—Береговая служба.—Козаки.—Мѣстничество.—Укрѣпленіе крестьянъ.—Холопи.—Переселенія.—Церковь.—Учрежденіе патріаршества.—Нравы и обычаи.—Искусство.

Царствованіе Грознаго было тяжело не для одного только сословія, которое особенно испытывало гнѣвъ царскій, не для однихъ только тѣхъ мѣстъ, которыя были разгромлены Іоанномъ: кромѣ того, что земщина должна была испытывать отъ опричнины, страшно изнурительны были безпрерывныя войны, и государство, при восшествіи на престолъ Θеодора, находилось въ самомъ незавидномъ положеніи. На соборѣ, созванномъ въ іюлѣ 1584 года, было положено отставить тарханы для воинскаго чина и оскудѣнія, „пока земля поустроится и помощь во всемъ учинится царскимъ осмотрѣніемъ"[103]. Въ тринадцатилѣтнее царствованіе Θеодора земля имѣла возможность поустроиться, потому что продолжительныхъ войнъ не было, а правитель Годуновъ тамъ, гдѣ дѣло не шло о его личныхъ выгодахъ, любилъ показывать свое попеченіе о благѣ общемъ, свою вражду къ злоупотребленіямъ лицъ правительственныхъ, свое милосердіе, и потому современники имѣли право прославлять царствованіе Θеодора какъ счастливое, безмятежное, въ которое и начальные люди и все православное христіанство начали отъ бывшей скорби утѣшаться.

Годуновъ дѣйствовалъ именемъ царскимъ, былъ силенъ властію, отъ царя истекавшею, властію, которая давала ему средство осилівать людей знатнѣйшихъ: естественно, что въ выгодахъ Годунова было поддерживать царское значеніе на той высотѣ, на которую

оно было возведено государями предшествовавшими. Въ важнѣйшихъ дѣлахъ, какъ напримѣръ для временнаго прекращенія тархановъ, по поводу переговоровъ съ Польшею и т. п., созывались соборы или чрезвычайныя собранія думы, гдѣ кромѣ бояръ и думныхъ людей присутствовало духовенство. По свидѣтельству Флетчера, царь приказывалъ призывать на соборъ тѣхъ изъ принадлежавшихъ къ думѣ вельможъ, которыхъ самъ заблагоразсудитъ, патріархъ же приглашалъ, кромѣ митрополитовъ и архіепископовъ, тѣхъ епископовъ, архимандритовъ и монаховъ, которые пользовались особенною извѣстностію и уваженіемъ. Соборы обыкновенно созывались по пятницамъ, въ столовой палатѣ; царь садился на тронѣ, недалеко отъ него, за небольшимъ четыреугольнымъ столомъ, за которымъ могло помѣститься человѣкъ двѣнадцать, садился патріархъ съ духовенствомъ и нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ членовъ думы, съ двумя дьяками, которые записывали все, что̀ происходило; прочіе члены садились на скамьяхъ около стѣны. Потомъ одинъ изъ дьяковъ излагалъ содержаніе дѣла, для разсужденія о которомъ созванъ соборъ; спрошенныя о мнѣніи духовныя лица обыкновенно отвѣчали, что государь и дума его премудры, опытны, гораздо способнѣе ихъ судить о томъ, что̀ полезно для государства, потому что они, духовные, занимаются только служеніемъ Богу и предметами, относящимися до религіи, и потому просятъ государя и думныхъ людей сдѣлать нужное постановленіе, а они, вмѣсто совѣтовъ, будутъ помогать имъ молитвами.

Для управленія дѣлами внѣшними и внутренними существовали приказы и нѣкоторые изъ нихъ носятъ названіе четвертей или четей: первый Посольскій, находившійся въ вѣдѣніи думнаго дьяка Андрея Щелкалова, получавшаго 100 рублей жалованья; второй Разрядный, въ вѣдѣніи Василія Щелкалова, за котораго управлялъ Сапунъ Абрамовъ; жалованье и здѣсь было тоже — 100 рублей; третій Помѣстный, въ вѣдѣніи думнаго дьяка Елизара Вылузгина, получавшаго 500 рублей жалованья; четвертый Казанскаго дворца, въ вѣдѣніи думнаго дьяка Дружины Пантелѣева, человѣка замѣчательнаго по уму и расторопности; онъ получалъ 150 рублей въ годъ. Въ царскихъ грамотахъ четверти называются по имени дьяковъ, ими управлявшихъ, напримѣръ: „Четверть дьяка нашего Василья Щелкалова“. Въ другихъ же приказахъ сидѣли бояре и окольничіе: такъ въ 1577 году царь приказалъ сидѣть въ Разбойномъ

приказѣ боярину князю Куракину и окольничему князю Лобанову [104]. При областныхъ правителяхъ находились по прежнему дьяки, помощники или, лучше сказать, руководители ихъ, потому что эти дьяки завѣдывали всѣми дѣлами. Областные правители обыкновенно смѣнялись черезъ годъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, пользовавшихся особеннымъ благоволеніемъ: для нихъ срокъ продолжался еще на годъ или на два; они получали жалованья по 100, по 50, по 30 рублей; народъ, по свидѣтельству Флетчера, ненавидѣлъ ихъ за взятки, и русскій лѣтописецъ говоритъ, что Годуновъ, несмотря на доброе желаніе свое, не могъ истребить лихоимства; правители областей брали взятки и потому еще, что должны были дѣлиться съ начальниками четей или приказовъ. Въ четыре самые важные пограничные города назначались правителями люди знатные, по два въ каждый городъ,—одинъ изъ приближенныхъ къ царю лицъ. Эти четыре города: Смоленскъ, Псковъ, Новгородъ, Казань. Обязанностей у правителей этихъ городовъ было больше, чѣмъ у другихъ, и имъ давалась исполнительная власть въ дѣлахъ уголовныхъ. Ихъ также смѣняютъ каждый годъ, исключая особенные случаи; жалованья получаютъ они отъ 400 до 700 рублей.

Дворцовый Приказъ или Приказъ Большаго дворца, управлявшій царскими вотчинами, находился при Ѳеодорѣ въ завѣдываніи дворецкаго Григорія Васильевича Годунова, отличавшагося бережливостію: при Іоаннѣ IV-мъ продажа излишка податей, доставляемыхъ натурою, приносила Приказу не болѣе 60,000 рублей ежегодно, а при Ѳеодорѣ до 230,000; Іоаннъ жилъ роскошнѣе и болѣе по-царски, чѣмъ сынъ его. Четверти собирали тягла и подати съ остальныхъ земель до 400,000 рублей въ годъ: область псковская доставляла 18,000 рублей; новгородская 35,000; торжокская и тверская 8,000; рязанская 30,000; муромская 12,000; холмогорская и двинская 8,000; вологодская 12,000; казанская 18,000; устюжская 30,000; ростовская 50,000; московская 40,000; костромская 12,000; Сибирь 20,000. Пошлины торговыя, судныя и другія и остатки суммъ изъ разныхъ Приказовъ, шедшіе въ Приказъ Большаго прихода, доставляли ежегодно 800,000 рублей; съ Москвы торговыхъ пошлинъ сходило 12,000 рублей; Смоленска 8,000, Пскова 12,000; Новгорода 6,000, Старой Русы 18,000 (отъ солеваренія), Торжка 800, Твери 700, Ярославля 1,200, Костромы 1,800, Нижняго Новгорода 7000, Казани 11,000, Вологды 2000. Такимъ образомъ еже-

годно поступало въ казну чистаго дохода до 1,430,000 руб. [105]. Торговыя пошлины собирались цѣловальниками и отдавались на откупъ изъ наддачи; въ грамотахъ, которыя давались откупщикамъ, говорилось: „Отказать ему пошлину до сроку за два мѣсяца, а не откажетъ до сроку за два мѣсяца и станетъ отказывать на срокъ, то впередъ брать откупъ на откупщикѣ и на его поручникахъ, а наддача вдвое". Срокъ откупа назначался годъ. По грамотѣ, данной двинскимъ таможеннымъ цѣловальникамъ въ 1588 году, велѣно брать съ судна, какое бы оно ни было, судовой подъемной грузовой пошлины съ 1000 пудъ по два рубля и по двѣ гривны; со ста пудъ по семи алтынъ и по двѣ деньги; съ того же судна посаженнаго брать по десяти алтынъ и головщины по деньгѣ съ головы; съ людей брать побережное по 22 алтына съ ладьи. Кто пріѣдетъ въ саняхъ или верхомъ или пѣшкомъ придетъ, съ того брать явку. Тутъ же упоминается пошлина свальная — съ 1000 пудъ по полтинѣ, съ воза по двѣ деньги и проч.; подъемная пошлина—съ подъему по двѣ деньги, „а поднимать въ вѣсу товаръ подъ оба конца", кто же станетъ продавать въ развѣсъ меньше пуда, съ тѣхъ подъема не брать; рукознобная пошлина: съ пудомъ ходить и товаръ всякій вѣсчій у гостей вѣсить, пошлину рукознобную брать съ купца и продавца съ подъема по деньгѣ, да съ припуску по деньгѣ. Цѣловальники доносили, что у нихъ многіе люди пошлинъ не платятъ: такъ не платятъ ихъ англійскіе гости, не платятъ суда Троицкаго, Кириллова и другихъ монастырей; суда Ѳедора Кобелева большой иногородной пошлины не платятъ, а платятъ только туземную, двинскую, на томъ основаніи, что у Кобелева есть на Двинѣ промыслы и угодья; на томъ же основаніи не платятъ пошлинъ суда Данилы Строганова и Данилы Бренкова. Царь отвѣчалъ, чтобъ пошлину брали съ русскихъ людей со всѣхъ безъ исключенія, съ Двинянъ двинскую, а съ иногородцевъ иногородную, также и съ иноземцевъ, кромѣ Англичанъ, которые имѣютъ жалованную грамоту. Въ 1592 году торговыя пошлины въ селахъ Чарандѣ и Короткомъ были пожалованы боярину Дмитрію Ивановичу Годунову.

Въ 1588 году староста и рыболовы переяславской рыболовской слободы били челомъ, что берутъ съ нихъ во дворецъ оброки и пошлины за посошной кормъ, съ рыбныхъ ловель, за закорныхъ щукъ; съ рѣкъ, пошлины дворецкаго и дьячьи, ключничьи, ямскія

деньги, сѣнныя деньги, присудныя деньги, всего до 50 рублей, и отъ того у нихъ рыболовская слободка пустѣетъ. Царь съ царицею пожаловали, не велѣли два года брать съ нихъ ямскихъ и присудныхъ денегъ. Въ 1590 году были освобождены отъ торговыхъ пошлинъ и земскихъ повинностей жители Кольской волости, также волостей Кереги и Ковды по случаю разоренія ихъ Шведами. Въ 1591 г. крестьяне Глотовой слободки били челомъ, что Вычегжане, Вымичи и Сысоличи, самовольствомъ велятъ имъ всякія подати платить съ собою вмѣстѣ, сбавя съ себя; а у нихъ въ Глотовой слободкѣ живутъ все молодшіе люди, кормятся пиктою да звѣремъ, а хлѣба не пашутъ и не торгуютъ ничѣмъ, — а на Вычегдѣ и на Сысолѣ живутъ прожиточные, торговые люди, торгуютъ всякими товарами и хлѣбъ пашутъ. Государь пожаловалъ, велѣлъ крестьянамъ Глотовой слободки привозить подати въ Москву самимъ по прежнему, а съ Вымичами, Сысоличами и Вычегжанами ни въ какія подати имъ не тянуть [106].

Количество торговыхъ пошлинъ должно было уменьшиться въ царствованіе Θеодора, если вѣрить показаніямъ Флетчера, по словамъ котораго вывозъ почти всѣхъ товаровъ уменьшился очень значительно противъ прежняго. Мѣховъ вывозилось на 400 или 500,000 рублей; воску вывозилось до 10,000 пудовъ, тогда какъ прежде отправлялось до 50,000; о медѣ Флетчеръ говоритъ неопредѣленно, что вывозили въ довольно большомъ количествѣ; сала вывозилось до 30,000, а прежде до 100,000. Льномъ и пенькой прежде нагружалось въ Нарвской пристани до 100 судовъ а во Флетчерово время не болѣе 5. Причины этого уменьшенія вывоза объяснены у Флетчера неудовлетворительно: первою причиною, говоритъ онъ, полагаютъ отнятіе у русскихъ Нарвской пристани; второю закрытіе сухопутнаго сообщенія чрезъ Смоленскъ и Полоцкъ, по случаю войны съ Польшею; въ третьихъ, наконецъ, упадокъ внѣшней торговли зависитъ отъ того, что купцы и крестьяне съ недавняго времени были обременены невыносимыми налогами и не были обезпечены въ собственности. Вторую причину нельзя принять, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ она высказана Флетчеромъ, ибо въ царствованіе Θеодора войны съ Польшею не было; если разумѣть такъ, что война съ Польшею должна была уменьшить сухопутный вывозъ въ царствованіе Іоанна, и въ царствованіе Θеодора дѣло еще не успѣло поправиться, то въ такомъ

случаѣ подъ словомъ прежде мы должны разумѣть первую половину вѣка, и выраженіе: купцы и крестьяне съ недавняго времени обременены невыносимыми налогами, должно также отнести къ царствованію Іоанна, а не Ѳеодора, ибо мы знаемъ, что при послѣднемъ особеннаго обремененія не было. Мы видѣли причину почему уменьшился вывозъ воску: зная, какъ этотъ товаръ требуется иностранцами, и видя, что послѣдніе не хотятъ къ намъ возить военныхъ запасовъ, московское правительство постановило: мѣнять воскъ только на селитру, порохъ и сѣру. Въ царствованіе Ѳеодора торговля производилась съ Польшею, московскіе купцы ѣздили въ Варшаву и Познань; но по прежнему встрѣчаемъ сильныя жалобы купцовъ на притѣсненія, обманы и разбои. Торопецкій купецъ Рубцовъ ѣздилъ торговать въ Витебскъ; и сторговавшись, поѣхалъ назадъ на Велижъ, и здѣсь его ротмистръ Дробовскій прибилъ, взялъ два челна ржи, а въ нихъ 35 четвертей, куплена четверть по 20 алтынъ съ гривною, да 10 литръ золота и серебра, цѣною по 5 рублей литра, да 25 литръ шелку разныхъ цвѣтовъ, по 40 алтынъ литра, да поставъ сукна лазореваго въ 14 рублей, да двумъ челнамъ цѣна 5 рублей съ полтиною. Двое смоленскихъ купцовъ били челомъ на двоихъ оршанскихъ купцовъ: торговали они съ ними товаръ на товаръ и договорились, чтобъ Оршане дали имъ за ихъ товары 40 пудъ квасцовъ и 2 пуда ладону; Оршане привезли въ Смоленскъ двѣ бочки и сказали, что въ нихъ квасцы; но когда смоленскіе купцы при цѣловальникахъ разбили эти бочки, то оказалось, что на верху только квасцы а въ серединѣ всякая всячина. Два другихъ смоленскихъ купца били челомъ, что ѣздили они съ хмелемъ въ Оршу, и договорились съ тремя литовскими купцами мѣнять хмель на сукна, оцѣнивши сукно по 30 алтынъ безъ гривны аршинъ, а хмель по 30 алтынъ пудъ, но Литовцы стали имъ давать сукна худыя полуанглійскія. Двое торговыхъ людей московскіе жильцы били челомъ, что ѣздили они въ Польшу, въ Варшаву и Познань, и отдали познаньскимъ купцамъ соболей на 1500 рублей, взявши съ нихъ кабалу за руками и печатями; въ это время Познань вся сгорѣла, и должники отказали, что имъ платить долгу нечѣмъ. Купцы московскіе, новгородскіе, псковскіе, смоленскіе, бѣльскіе, торопецкіе, вяземскіе и всѣхъ городовъ били челомъ: ѣздятъ они торговать въ Литву смоленскою дорогою, и съ нихъ берутъ державцы и уряд-

ники поборы, головщины, мостовщины, явки, перевозы по всѣмъ городамъ и большимъ селамъ до Вильны, да съ нихъ же берутъ по городамъ подарки большіе, въ которомъ городѣ торгуютъ они или не торгуютъ, все берутъ съ нихъ тамгу; гдѣ ни остановятся— урядники, мытники и поборцы держатъ ихъ по недѣлѣ и по двѣ для своей корысти, а они имъ подарки по неволѣ даютъ; въ Вильнѣ имъ съ пріѣзжими людьми торговать не велятъ; извощиковъ имъ подъ товаръ самимъ нанимать не позволяютъ, нанимаютъ извощиковъ литовскіе люди, а провозъ съ московскихъ купцовъ берутъ вдвое. А въ Смоленскѣ съ литовскихъ купцовъ берутъ одну пошлину, которые изъ нихъ захотятъ ѣхать въ Москву, то ихъ туда пропускаютъ безпошлинно, и въ Москвѣ пошлину берутъ малую, всего со 100 рублей по 4 рубля, съ рубля по 8 денегъ, и всякіе пріѣзжіе люди, Устюжане и Двиняне, Пермичи и Холмогорцы съ литовскими купцами въ Москвѣ торгуютъ свободно. Купцы жаловались также на пограничные разбои: бѣглые крестьяне приходили изъ-за рубежа разбоемъ, во Ржевскомъ уѣздѣ славился разбоями какой-то Мухортъ.[107].

Любчане хлопотали о возстановленіи своей торговли въ Новгородѣ, Иванъ-городѣ и Псковѣ, и въ 1593 году выпросили у царя позволеніе завести здѣсь свои дворы и платить только половину пошлины; но Ревельцы настаивали, чтобъ ганзейскіе корабли не могли проходить мимо ихъ города, жалуясь, что въ противномъ случаѣ они останутся безъ пропитанія [108].

Флетчеръ говоритъ о невыносимыхъ налогахъ, которыми были обременены купцы и крестьяне; но московскіе послы такъ обязаны были прославлять Годунова въ Литвѣ: „Это человѣкъ начальный въ землѣ, вся земля отъ государя ему приказана, и строенье во всей землѣ такое, какого никогда не бывало, города каменные на Москвѣ и въ Астрахани подѣлалъ, что ни есть земель въ государствѣ, всѣ сохи въ тарханахъ, во льготѣ, даній никакихъ не берутъ, ни посохъ ни къ какому дѣлу, городовыя дѣла всякія дѣлаютъ изъ казны наймомъ, а плотниковъ устроено больше 1,000 человѣкъ [109].

Разумѣется мы не обязаны вѣрить, что въ царствованіе Ѳеодора правительство не брало никакихъ податей; что же касается до постройки новыхъ городовъ и укрѣпленія старыхъ, то въ это царствованіе дѣйствительно было сдѣлано довольно. Углубленіе въ

степь было необходимо для безопасности государства: подвижныя разъѣзжія станицы не вполнѣ помогали, необходимы были станицы неподвижныя, города, мимо которыхъ нельзя было бы проходить безнаказанно хищнымъ толпамъ татарскимъ. Но, съ другой стороны, построеніе города въ степи означало взятіе во владѣніе всей окружной страны; такъ незамѣтно, ибо безпрепятственно, распространялась и безъ того уже обширная государственная область; городъ съ своимъ военнымъ населеніемъ, вытягивалъ въ степь и другаго рода насельниковъ, которые могли быть безопасны подъ его защитою: такимъ образомъ все далѣе и далѣе двигалась русская колонизація. Мы видѣли, какъ хорошо понимали Татары опасность, грозившую имъ отъ этого движенія; мы видѣли также, что построеніемъ города московское правительство грозило козакамъ. Въ царствованіе Ѳеодора построены были въ степи Курскъ, Ливны, Кромы, Воронежъ, Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйки; въ волжской области, на луговой сторонѣ, въ Черемисѣ поставлены города Шанчуринъ или Санчурскъ, Саратовъ, Переволока, Царицынъ, наконецъ поставленъ городъ и на отдаленномъ Яикѣ. Въ 1584 году основанъ былъ Архангельскъ съ деревянными стѣнами; въ Астрахани въ 1589 году построена крѣпость каменная, такая же основана въ Смоленскѣ въ 1596 году [11]. Въ началѣ царствованія, въ 1586 году, сочли нужнымъ укрѣпить Москву, заложили Бѣлый или Царевъ-городъ; строителемъ былъ церковный и палатный мастеръ Ѳеодоръ Конь [11]. Какъ производилось это городовое строенье видно изъ наказа, даннаго князю Звенигородскому съ товарищами, ѣхавшему строить крѣпость въ Смоленскѣ: „Пріѣхавъ въ Смоленскъ, сыскать на посадѣ и въ уѣздѣ сараи и печи всѣ, владычни и монастырскіе и всякихъ людей, гдѣ дѣлывали кирпичъ, известь и кирпичъ жгли, и всѣ эти сараи и печи отписать на государя, потомъ велѣть ихъ починить и покрыть, также подѣлать новые сараи и печи, лѣсъ и дрова приготовить, а если можно, то и камень на известь, и бутовый камень велѣть ломать. Для этого дѣла послана съ ними государева казна, и всѣ тѣ дѣла имъ дѣлать наймомъ, нанимать охочихъ людей, уговариваясь съ ними, а сваи велѣть дѣлать государевыми дворцовыми селами, росписать на выть по сту свай и велѣть вывезти эти сваи въ Смоленскъ зимою по пути дворцовыхъ же селъ крестьянамъ. Ко всему дѣлу взять у смоленскаго воеводы 10 человѣкъ цѣловальниковъ изъ Смольнянъ, посад-

скихъ лучше людей, и велѣть имъ вѣдать денежные расходы и писать ихъ въ книги подлинно, порознь, по статьямъ, и къ этимъ книгамъ, ко всѣмъ статьямъ цѣловальники должны руки прикладывать, чтобъ въ деньгахъ кражи не было. А на разсылку взять у воеводы дѣтей боярскихъ 20 человѣкъ; и надъ этими дѣтьми боярскими, цѣловальниками и подмастерьями беречь, чтобъ они посуловъ не брали, и не корыстовались ничѣмъ, и самому князю Звенигородскому съ товарищами посуловъ и поминковъ не брать, не норовить никому и не корыстоваться ничѣмъ. А кто не станетъ запасами промышлять или кому понаровитъ, или посулъ возьметъ или чѣмъ покорыствуется, тотъ будетъ отъ государя казненъ смертію [112].

Война съ Баторіемъ при Іоаннѣ, значеніе, какое пріобрѣлъ во время этой войны крѣпкій Псковъ, должны были навести на мысль о необходимости укрѣпить Смоленскъ, тѣмъ болѣе, что войско оставалось въ прежнемъ ненадежномъ положеніи, и противъ Крымцевъ оно билось изъ обоза подъ Москвою. По извѣстіямъ Флетчера, войско, кромѣ неопредѣленнаго числа ратниковъ, набираемыхъ въ важныхъ случаяхъ, состояло при Ѳеодорѣ изъ 80,000 конницы дворянской и изъ 12,000 пѣхоты-стрѣльцовъ, изъ которыхъ 5,000 должны былъ находиться въ Москвѣ, 2,000 (стременные) при особѣ государя; остальные 5,000 размѣщались по важнѣйшимъ городамъ; дворяне большіе получали жалованья отъ 70 до 100 рублей въ годъ, середніе отъ 40 до 60; дѣти боярскіе отъ 20 до 30; стрѣльцы получаютъ по 7 рублей въ годъ, кромѣ того 12 мѣръ ржи и столько же овса; упоминаются и конные стрѣльцы [113]. Наемныхъ солдатъ изъ иностранцевъ при Флетчерѣ было 4,300 человѣкъ, изъ нихъ 4,000 Черкасъ или малороссійскихъ козаковъ; 150 Голландцевъ и Шотландцевъ и смѣшанный отрядъ изъ 150 человѣкъ: Грековъ, Турокъ, Датчанъ и Шведовъ; кромѣ этихъ иностранцевъ въ походы выступали по прежнему толпы Татаръ, Черемисъ, Мордвы. Полки выступали подъ начальствомъ воеводъ; подъ воеводами находились головы, предводительствовавшіе 1,000, 500 и 100 человѣками, пятидесятники, начальники 50, десятскіе— 10 человѣкъ; литовскіе и нѣмецкіе люди выступали въ походъ подъ начальствомъ своихъ ротмистровъ. Когда государь выступалъ въ походъ, то при немъ находились: дворовые воеводы, оружейничій, воеводы для посылокъ, окольничіи передъ государемъ, дворяне съ

пищалями, со шлемами, съ доспѣхомъ, дворяне у знамени; рынды: съ большимъ саадакомъ, съ другимъ саадакомъ, съ меньшимъ копьемъ да съ сулицею, съ меньшимъ саадакомъ, съ рогатиною, рынды имѣли поддатней.

Главною обязанностію войска была береговая служба: каждую весну полки собирались на берега Оки стеречь крымскихъ Татаръ; въ связи съ береговою службою находилась сторожевая и станичная. Воеводамъ, строившимъ города Ливны и Воронежъ, было приказано: „Какія будутъ вѣсти на Ливнахъ про приходъ воинскихъ людей на государевы украйны, то съ Ливенъ присылать съ вѣстями на Воронежъ, а съ Воронежа на Ливны; ѣздить дорогами, которыя поближе и бережнѣе. Сторожи воеводамъ ставить, присмотря, въ которыхъ мѣстахъ пригоже, и станицы посылать также присмотря.“ Съ Ливенъ расписано было ставить 13 сторожъ, съ Воронежа 12. Въ 1591 году писалъ Путивльскій воевода, что Черкасы во многихъ мѣстахъ ходятъ на поле, путивльскія большія станицы и сторожевыя всѣ погромили, проѣзду изъ Путивля большимъ станицамъ къ устью Айдара, а сторожевымъ къ устью Боровой нѣтъ. Бояре приговорили; учредить на Ливнахъ двѣ станицы добрыя, выбрать вожей изъ козаковъ или изъ кого пригоже, одну послать къ Донцу Сѣверскому большимъ муравскимъ шляхомъ, а другую къ Сѣверскому же Донцу до Изюмъ-Кургана, между Донцомъ и Осколомъ. Съ Ельца ставили 9 сторожъ по Быстрой Соснѣ и за Сосною, съ Кромъ семь сторожъ. Въ 1594 году было постановлено: путивльскимъ, ливенскимъ и елецкимъ станичнымъ головамъ, станичникамъ и вожамъ, за службу, изронъ и полонъ давать государево жалованье, за коня по 4 рубля, за мерина по 3 рубля; а которыхъ станичниковъ или вожей на полѣ въ станицѣ убьютъ, то за ихъ службу, убійство и за изронъ давать жалованье женамъ и дѣтямъ ихъ по 4 рубля.

Мы имѣли уже случай говорить о поведеніи степныхъ козаковъ въ описываемое время. Какъ поступало государство издавна съ Татарами, принимая ихъ въ службу и употребляя противъ враждебныхъ себѣ соплеменниковъ ихъ, такъ точно поступало оно и съ козаками, заставляя вѣрныхъ себѣ козаковъ преслѣдовать козаковъ непокорныхъ или воровскихъ. Въ 1591 году билъ челомъ царю волжскій атаманъ Болдырь вмѣсто товарищей своихъ, 40 человѣкъ, и сказывалъ: въ прошломъ 1589 году громили его на

Волгѣ Черкасы, ранили, держали въ плѣну 6 недѣль; но онъ изъ плѣна ушелъ и взялъ три человѣка казаковъ воровъ и привелъ на Переволоку къ воеводѣ; его же, Болдыря, посылали, съ Царицына за воровскими атаманами и козаками, за Андрюшею Голощаномъ съ товарищами, и онъ Голощана поймалъ; посылали его на Медвѣдицу за воровскими козаками, и онъ на Медвѣдицѣ поймалъ четыре человѣка; посылали его изъ новаго города Саратова, и онъ поймалъ воровскаго атамана Щеголева: такъ государь за его службу пожаловалъ бы, какъ его Богъ извѣститъ. Болдырю дали сукно да рубль денегъ. Въ 1591 же году астраханскому воеводѣ велѣно было для похода на Шевкала собрать 1,000 человѣкъ волжскихъ козаковъ и 500 яицкихъ и дать имъ по осминѣ муки человѣку, да десяти человѣкамъ четверть крупъ и толокна, или и больше, смотря по времени, сколько они останутся въ Астрахани, коннымъ дать по четверти овса человѣку; если же они, для нужды, станутъ просить денегъ, то дать имъ по полтинѣ на человѣка. Точно также государство употребляло и малороссійскихъ козаковъ, Черкасъ, вступавшихъ въ его службу, противъ ихъ прежнихъ товарищей. Въ этомъ отношеніи очень любопытна отписка царю путивльскаго воеводы Борисова въ 1589 году: „Пріѣхалъ съ поля въ Путивль на твое государево имя Черкашенинъ Василій Андреевъ съ двумя донецкими козаками и въ разспросѣ сказалъ: былъ онъ на Донцѣ съ Черкасами, съ атаманомъ Евлашовымъ, и громили донецкихъ козаковъ, Власа Яковлева и Семейку Новгородца, взяли ихъ въ плѣнъ и привели къ себѣ въ станъ; здѣсь Власъ уговорилъ Василья Андреева, чтобъ онъ отсталъ отъ своихъ; тотъ отправился въ станъ ко Власовымъ товарищамъ, подвелъ ихъ на своего атамана Евлашова, погромилъ его, а Власа и Семейку отгромилъ, и вмѣстѣ съ ними явился въ Путивль.“ Воевода немедленно употребилъ его въ дѣло, послалъ на государеву службу, съ путивльскими новоьыѣзжими Черкасами за Черкасами же, и онъ ходилъ дважды съ другимъ атаманомъ и громилъ Черкасъ, имѣнье и лошадей путивльскихъ севрюковъ у нихъ отгромилъ. Въ этомъ отношеніи любопытны также царскіе наказы Аѳанасью Зиновьеву: въ апрѣлѣ 1589 года царь писалъ ему, чтобъ онъ съ Путивльцами, Черниговцами, съ рыльскими и стародубскими козаками шелъ на поле, на Донецъ или на Осколъ, укрѣпился тамъ въ крѣпкихъ мѣстахъ и посылалъ станицы провѣдывать про хана. Долженъ послать и къ запорож-

скимъ Черкесамъ, къ атаману Матвѣю съ товарищами, провѣдать, будутъ ли они государю прямы? какъ хотятъ стоять и промышлять государевымъ дѣломъ? станичниковъ, сторожей, путивльскихъ козаковъ и севрюковъ государевыхъ, которые по Донцу стоятъ, берегутъ ли? Крымскихъ гонцовъ пропускаютъ ли? не пойдутъ ли вмѣстѣ воровать съ ворами Черкасами, Мишукомъ и его товарищами, или станутъ надъ ними промышлять? Если провѣдаетъ, что Черкасы, атаманъ Матвѣй съ товарищами, прямы, то вмѣстѣ съ ними долженъ промышлять надъ крымскими людьми. Если о Татарахъ вѣстей не будетъ, то Зиновьеву идти промышлять надъ ворами Черкасами, Мишукомъ съ товарищами (а былъ Мишукъ Путивлецъ козакъ), воровъ этихъ переловить и перевѣшать.—По царскому указу, къ Зиновьеву собрались изъ Путивля 20 человѣкъ дѣтей боярскихъ, бѣлодворцевъ 57, Черкасъ 45, изъ Рыльска 20 человѣкъ дѣтей боярскихъ, да козаковъ 47, изъ Чернигова пришло дѣтей боярскихъ 70 человѣкъ съ 93 лошадьми; велѣно было также въ Путивлѣ, Рыльскѣ и Стародубѣ прибрать охочихъ козаковъ 277 человѣкъ и дать имъ жалованья по 2 рубля, съ тѣмъ, чтобъ они были о двухъ коняхъ и о двухъ меринахъ; но въ Путивлѣ и Рыльскѣ головы не могли прибрать ни одного человѣка; а изъ Стародуба привели только пять человѣкъ. Велѣно было также изъ путивльскихъ стрѣльцовъ изъ 100 человѣкъ выбрать 25 человѣкъ лучшихъ, да изъ пушкарей и затинщиковъ 20 лучшихъ; но стрѣлцы объявили, что у нихъ лошадей нѣтъ, а пушкари и затинщики объявили, что у нихъ пищалей нѣтъ, и царскаго указа не послушались. Когда Зиновьевъ донесъ объ этомъ, то государь приказалъ на стрѣльцахъ, пушкаряхъ и затинщикахъ лошадей и пищали доправить тотчасъ, охочимъ же козакамъ давать по три рубля, и были бы они о двухъ коняхъ или о двухъ меринахъ, а по нуждѣ у двоихъ могутъ быть три лошади. Зиновьевъ нашелъ запорожскаго атамана Матвѣя на Донцѣ и увидалъ что Черкасы служатъ государю прямую службу, и такъ какъ они били челомъ, что на Донцѣ они терпятъ голодъ, ѣдятъ траву, то царь послалъ имъ запасы, муку и толокно и 100 рублей денегъ въ раздѣлъ на 620 человѣкъ, атаманамъ послалъ подарки [115].

Мѣстничество вредило московскому войску все болѣе и болѣе вслѣдствіе увеличенія и осложненія родовыхъ и служебныхъ счетовъ. Степень интереса, который принимало служилое сословіе въ

мѣстничествѣ и характеръ этого явленія, обнаруживаются въ выраженіяхъ челобитныхъ: „Вели, государь, мнѣ свой царскій судъ дать, вели въ нашемъ отечествѣ счесть, чтобъ я, холопъ твой въ конецъ не загинулъ!“ Или: „Милостивый царь государь, покажи холопу своему милость! не вели отнять отца и дѣда у меня, холопа своего; вели судъ вершить.“ Въ 1589 году, во время представленія турецкаго посла, четвертымъ рындою былъ назначенъ Гаврила Вельяминовъ; одинъ изъ трехъ другихъ рындъ подалъ челобитную на дѣда Вельяминова, и писалъ: „Если я, холопъ твой, не утяжу дѣда Гаврилова, то я всему роду Вельяминовыхъ безчестье плачу.“

Въ 1588 году государь велѣлъ быть на Тулѣ противъ Крымцевъ въ большомъ полку воеводами князю Тимоѳею Романовичу Трубецкому, да князю Димитрію Ивановичу Хворостинину; въ то же время князь Хилковъ былъ воеводою въ Орлѣ, князь Кашинъ въ Новосили и Кривой Салтыковъ въ Бѣлевѣ; эти воеводы украинскихъ городовъ, по обычаю, должны были, при вѣстяхъ о непріятелѣ, идти въ сходъ къ главнымъ воеводамъ, и вотъ Хилковъ, Кашинъ и Салтыковъ бьютъ челомъ: „Если грамоты будутъ приходить къ одному боярину и воеводѣ, князю Т. Р. Трубецкому съ товарищи, то мы на государеву службу готовы, а станутъ грамоты приходить къ князю Трубецкому и къ князю Хворостинину, то намъ меньше князя Хворостинина быть невмѣстно.“ Въ слѣдующемъ году опять Трубецкой и Хворостининъ были назначены въ Тулу воеводами большаго полка, а въ передовомъ князь Андрей Голицынъ: послѣдній разболѣлся, будто боленъ, не хотя въ меньшихъ быть у князя Трубецкаго. Князья Ногтевъ и Одоевскій сказали: „На государеву службу готовы, а меньше князя Ивана Голицына быть намъ невмѣстно;“ князь Петръ Буйносовъ сказалъ: „меньше мнѣ князя Одоевскаго быть невмѣстно;“ князь Туренинъ сказалъ: „меньше мнѣ князя Буйносова быть невмѣстно.“ Князь Михайла Одоевскій, пріѣхавъ на службу, списковъ съ именами служилыхъ людей не взялъ для князя Ивана Голицына; князь Иванъ Туренинъ списковъ не взялъ для князя Буйносова, а князь Буйносовъ на службу не поѣхалъ для Одоевскаго. Въ 1597 году высланы были на берегъ (Оки) для предосторожности отъ Крымцевъ знатнѣйшіе бояре: Мстиславскій, Годуновъ (Борисъ), Шуйскіе, Трубецкой, Голицынъ, и вотъ князь Тимоѳей Романовичъ Трубец-

кой, воевода сторожеваго полка, бьетъ челомъ на князя Василія Ивановича Шуйскаго, воеводу правой руки, Иванъ Голицынъ, воевода лѣвой руки, бьетъ челомъ на князя Трубецкаго, князь Черкасскій бьетъ челомъ на князя Ноготкова, Буйносовъ на Голицына, Шереметевъ на Ноготкова и Буйносова, Кашинъ на Буйносова и Шереметева.

Когда дѣло было неясное, правительство назначало судъ: судили обыкновенно бояринъ и дьякъ; въ разрядныхъ книгахъ встрѣчаемъ извѣстія, что иногда бояре рѣшали дѣла по пристрастію: такъ въ 1586 году Ѳедоръ Колычевъ былъ оправленъ предъ Романомъ Алферьевымъ, и разрядная говоритъ: „Тѣмъ судомъ промышлялъ бояринъ князь Иванъ Петровичъ Шуйскій для Крюкова Колычева". Въ судьи по дѣлу князя Тимоѳея Трубецкаго съ княземъ Андреемъ Голицынымъ назначенъ былъ первенствующій бояринъ князь Ѳеодоръ Мстиславскій. Когда Трубецкой подалъ память, то Мстиславскій сказалъ: „Князь Тимоѳей Романовичъ Трубецкой въ памяти написалъ, что дѣдъ мой, князь Ѳеодоръ Михайловичъ, былъ съ княземъ Микулинскимъ; но дѣдъ мой меньше князя Микулинскаго не бывалъ, тѣмъ меня князь Т. Р. Трубецкой безчеститъ". Да сталъ о томъ сердитовать, да вставъ съ мѣста, пошелъ вонъ. Князь Трубецкой говорилъ ему: „Не сердитуй, князь Ѳедоръ Ивановичъ! по дѣдѣ твоемъ съ тобою можно было въ отечествѣ считаться, но по отцѣ твоемъ съ тобою мѣстничаться нельзя, потому что государь отца твоего жаловалъ и учинилъ его велика". Бояре также стали уговаривать Мстиславскаго, и онъ сѣлъ въ судѣ опять. Князь Трубецкой ссылался на свадьбу короля Магнуса, на которой князь Вас. Юр. Голицынъ былъ меньше брата его, князя Ѳеодора Трубецкаго. Для повѣрки спросили ящикъ съ свадебными чинами, нашли списочекъ о свадьбѣ короля Магнуса, гдѣ имени князя Трубецкаго не было, а написаны были только князь Шейдяковъ, князь Голицынъ, да дьякъ Василій Щелкаловъ. Бояре спросили послѣдняго, гдѣ у него книги о свадьбѣ короля Магнуса? Тотъ отвѣчалъ, что свадьбу приказалъ государь ему, но онъ разболѣлся, и государь приказалъ свадьбу брату его Андрею, Андрей же отвѣчалъ что онъ книгъ о королевой свадьбѣ у себя не упомнитъ. Тогда князь Трубецкой билъ челомъ, что Андрей и Василій Щелкаловы своровали, свадьбу передѣлали, брата его не написали, дружа Голицынымъ, потому что Голицыны Щелкаловымъ друзья и сваты. Щел-

каловы оправдывались тѣмъ, что списочекъ былъ написанъ рукою подъячаго Яковлева, который не могъ передѣлать его въ ихъ пользу, потому что онъ и всѣ разрядные подъячіе имъ недруги. На другой день дьякъ Сапунъ Абрамовъ принесъ къ боярамъ черный списокъ королевой свадьбѣ и сказалъ, что онъ этотъ списокъ нашелъ въ ящикѣ Василья Щелкалова; въ этомъ спискѣ дьякъ Василій Щелкаловъ написалъ самъ себя въ сидячихъ съ боярами, а помарки сдѣланы рукою брата его Андрея. Тогда бояре спросили Василія Щелкалова: почему онъ самъ себя написалъ въ сидячихъ на свадьбѣ, а вчера сказывалъ, что былъ боленъ? Щелкаловъ отвѣчалъ: „Да моя ли это рука: боюсь, чтобъ кто-нибудь не поддѣлалъ мою руку". Бояре велѣли ему смотрѣть, и онъ долженъ былъ признаться, что рука его. Дѣло было рѣшено въ пользу Трубецкаго. Иногда судъ не вершался, потому что служба запяла. Когда челобитныя казались явно несправедливыми, то правительство употребляло понужденія и наказанія: въ 1588 году князь Тюфякинъ билъ челомъ на князя Хворостинина; царь суда не далъ, и велѣлъ Тюфякина посадить въ воровскую тюрьму на четыре недѣли. Когда князь Андрей Голицынъ не поѣхалъ на службу изъ мѣстничества съ княземъ Трубецкимъ, то царь велѣлъ отправить его на службу съ приставомъ; но князь Андрей и тогда списковъ не взялъ; царь велѣлъ посадить его въ тюрьму, а кормъ давать изъ его же денегъ, по алтыну на день; Голицынъ просидѣлъ въ тюрьмѣ двѣ недѣли и все же списковъ не взялъ; царь велѣлъ освободить его изъ тюрьмы и отпустить со службы. Подобное же упорство обнаружилъ въ 1596 году Петръ Шереметевъ, назначенный третьимъ воеводою въ большомъ полку; онъ билъ челомъ на Θеодора Никитича Романова, втораго воеводу правой руки, у царской руки не былъ и на службу не поѣхалъ; царь велѣлъ Шереметева вывезть скованнаго въ телѣгѣ за посадъ и послать на службу; и пріѣхавъ на службу, онъ два раза отговаривался взять списки, наконецъ уступилъ и взялъ. Въ 1589 году стольникъ князь Гвоздевъ билъ челомъ на стольника же князя Одоевскаго: царь велѣлъ Гвоздева безъ суда бить батогами и потомъ выдать головою Одоевскому. Въ томъ же году въ Алексинѣ были посажены въ тюрьму воеводы, князья Одоевскій и Туренинъ, за то, что списковъ не взяли и дѣтей боярскихъ въ пріѣздѣ не переписывали. Въ 1591 году воевода князь Борятинскій былъ посланъ въ Сибирь

за мѣстничество съ княземъ Долгорукимъ. Иногда правительство не ограничивалось только угрозою наказанія, ибо это мало помогало съ нѣкоторыми лицами, но угрозою еще бóльшаго пониженія родовой чести: такъ въ 1592 году, когда извѣстный уже намъ князь Андрей Голицынъ, назначенный воеводою передоваго полка, билъ челомъ на князя Ивана Михайловича Глинскаго, воеводу большаго полка, то царь велѣлъ сказать ему: „Что дуришь, бить челомъ не по дѣлу! велю на отца дать правую грамоту". Иногда дѣло оканчивалось тѣмъ, что государь челобитья не принималъ и не приказывалъ его записывать.

Мѣстничались не одни воеводы, но и станичныя головы: въ 1595 году Захаръ Ляпуновъ, братъ знаменитаго въ послѣдствіи Прокофья, не захотѣлъ быть въ станичныхъ головахъ вмѣстѣ съ Кикинымъ и сбѣжалъ со службы изъ Ельца; рязанскому воеводѣ велѣно было взять Ляпунова изъ его помѣстья, скованнаго привезти въ Переяславль Рязанскій, бить батогами передъ всѣми людьми, посадить въ тюрьму и потомъ отправить на службу съ приставомъ.

Подъ 1586 годомъ упоминается любопытный случай мѣстничества по отношенію къ городовому управленію: въ Торопецъ былъ назначенъ воевода Елизарій Сабуровъ, но тамъ уже былъ намѣстникъ и воевода князь Василій Пронскій; Сабуровъ билъ челомъ, что ему меньше Пронскаго быть невмѣстно. Дѣло рѣшено было такъ, что государь велѣлъ Сабурову вѣдать дѣло ратное, а князю Пронскому вѣдать свое дѣло намѣстническое. Наконецъ упоминаются мѣстническіе случаи между придворными чинами и при торжествахъ придворныхъ. Государь пожаловалъ, велѣлъ сѣсть за столъ постельничему Истомѣ Безобразову, да стряпчему Елизару Стараго: послѣдній билъ челомъ на Безобразова: „Истома постельничій съ путемъ, а я стряпчій съ ключемъ, и мнѣ ниже Истомы сидѣть невмѣстно, хотя Истома честнѣе меня путемъ". Въ 1589 году князь Григорій Куракинъ не былъ у стола государева, потому что не хотѣлъ сидѣть ниже князя Ѳедора Трубецкаго. Когда въ 1593 году князь Хворостининъ не ѣлъ за государевымъ столомъ и билъ челомъ на князя Туренина, то дѣло, какъ видно, показалось такъ запутаннымъ, что государь имъ суда не далъ и не указалъ ничего.

Въ описываемое время начинаемъ встрѣчать извѣстіе о жалованьѣ или подмогѣ посламъ, отправлявшимся къ иностраннымъ

дворамъ: такъ думному дворянину Вельяминову, ѣхавшему къ императору, дано было 200 рублей, дьяку Власьеву 100 рублей, дворянамъ—одному 25, другимъ по 24 рубля [116].

Къ царствованію Ѳеодора относится одно изъ самыхъ важныхъ въ исторіи русскихъ сословій явленіе — законъ объ укрѣпленіи крестьянъ. Мы уже не разъ указывали на причину этого явленія въ обширности русской государственной области и въ маломъ ея населеніи, въ обиліи земель и въ недостаткѣ рукъ для ихъ обработанія; отсюда для землевладѣльцевъ всего важнѣе было перезывать къ себѣ какъ можно болѣе работниковъ и удерживать ихъ. При существованіи отдѣльныхъ княжествъ, каждое изъ нихъ старалось перезвать, переманить льготами земледѣльцевъ изъ другаго. Когда отдѣльныя княжества исчезли, земля собралась, то богатые и сильные землевладѣльцы имѣли возможность большими льготами переманивать къ себѣ вольныхъ крестьянъ съ земель бѣдныхъ отчинниковъ и помѣщиковъ. Стараясь перезывать крестьянъ, богатые и сильные землевладѣльцы старались въ то же время удерживать ихъ у себя разными средствами: мы видѣли, что при Василіи Темномъ Троицкій монастырь выпросилъ себѣ право удерживать крестьянъ въ извѣстныхъ волостяхъ; мы видѣли также, какъ тяжко было каждому землевладѣльцу разставаться съ крестьяниномъ, отпускать его на чужую землю, потому нѣкоторые позволяли себѣ насилія для удержанія крестьянъ, и можно думать, что эти насилія не были рѣдки. Но если для значительныхъ землевладѣльцевъ было выгодно льготами перезывать къ себѣ крестьянъ отъ менѣе значительныхъ, то эти выгоды необходимо должны были столкнуться съ выгодами государства. Одною изъ самыхъ главныхъ потребностей послѣдняго было умноженіе войска; основу войска составляли дворяне и дѣти боярскія, получавшіе за свою службу помѣстья, съ которыхъ они должны были содержать себя и, по призыву государеву, являться на службу конны, людны и оружны, по тогдашнему выраженію. Но понятно, что эта возможность содержать себя и являться на службу въ требуемомъ видѣ зависѣла отъ дохода, который получалъ помѣщикъ съ своего земельнаго участка, а доходъ этотъ зависѣлъ отъ населенія земли; чтобъ имѣть возможность всегда нести требуемую службу, служилый человѣкъ долженъ былъ имѣть на своей землѣ постоянное народонаселеніе; а могъ ли онъ имѣть его, когда богатый сосѣдъ

переманивалъ у него крестьянъ большими льготами? Государство, давши служилому человѣку землю, обязано было дать ему и постоянныхъ работниковъ, иначе онъ служить не могъ. Чтобъ понять цѣль закона объ укрѣпленіи крестьянъ, стóитъ только обратить вниманіе на то, съ какою цѣлію и въ чью пользу законъ поддерживался послѣ, въ XVII вѣкѣ: бѣдные помѣщики бьютъ челомъ, что богатые, несмотря на законъ, переманиваютъ у нихъ крестьянъ, и засылаютъ ихъ спачала въ свои дальнія вотчины, чтобъ сыскать было нельзя, и такимъ образомъ разоряютъ ихъ, бѣдныхъ помѣщиковъ. Мы видѣли, что въ литовской Россіи гораздо прежде поднятъ былъ тотъ же самый вопросъ: какъ воспрепятствовать переманкѣ крестьянъ большими льготами отъ одного землевладѣльца къ другому? Здѣсь шляхта рѣшила ввести общее положеніе, на какихъ условіяхъ водворять вольныхъ крестьянъ, и тотъ, кто бъ осмѣлился дать крестьянамъ бóльшія льготы и тѣмъ переманивать ихъ къ себѣ, подвергался денежному взысканію. Въ Россіи восточной употреблено было другое средство—прикрѣпленіе къ землѣ.

Когда именно послѣдовало это прикрѣпленіе, мы не можемъ съ точностію опредѣлить, ибо указа о всеобщемъ укрѣпленіи крестьянъ до насъ не дошло; дошелъ до насъ только слѣдующій указъ 1597 года: „которые крестьяне изъ помѣстій и отчинъ выбѣжали до нынѣшняго года за пять лѣтъ, на тѣхъ судъ давать и сыскивать накрѣпко, и по суду этихъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами, дѣтьми и со всѣмъ имѣніемъ отвозить назадъ, гдѣ они жили; а которые крестьяне выбѣжали до этого указа лѣтъ за шесть, за семь, за десять и больше, а помѣщики или отчинники на нихъ въ побѣгѣ не били челомъ, на такихъ суда не давать.“ По смыслу этого извѣстія законъ объ укрѣпленіи можно отодвинуть къ началу царствованія Θеодора; отодвигать дальше мы не можемъ, ибо есть прямое извѣстіе объ указѣ царя Василія Ивановича Шуйскаго, гдѣ Годуновъ выставляется виновникомъ закрѣпленія въ царствованіе Θеодора. Въ этомъ извѣстіи говорится, что царь Θеодоръ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянамъ заказалъ.

Кромѣ приведеннаго извѣстія объ указѣ Шуйскаго, о переходѣ крестьянъ въ первый годъ царствованія Θеодора свидѣтельствуетъ еще извѣстіе о мѣрѣ, которая служила приготовленіемъ къ прикрѣпленію и которая прямо указываетъ на главное побужденіе къ нему.

Въ приговорной грамотѣ духовнаго собора, державнаго 20 іюля 1584 года сказано: „Совѣтовались мы и утвердились, чтобъ впередъ тарханамъ не быть; земли митрополичьи, архіепископскія, владычни и монастырскія въ тарханахъ никакой царской дани и земскихъ разметовъ не платятъ, а воинство, служилые люди эти земли оплачиваютъ; оттого большое запустѣніе за воинскими людьми въ отчинахъ ихъ и помѣстьяхъ; а крестьяне, вышедши изъ-за служилыхъ людей, живутъ за тарханами во льготѣ, и отъ того великая тощета воинскимъ людямъ пришла. И потому, для великихъ нуждъ и тощеты воинскимъ людямъ, мы уложили“, и проч. Здѣсь явно приближеніе къ закрѣпленію: служилымъ людямъ тощета отъ того, что крестьяне уходятъ отъ нихъ, приманиваемые тарханами: положено уничтожить тарханы. Но эта мѣра на соборѣ была объявлена временною, и мы знаемъ, какъ она была кратковременна: въ октябрѣ того же года уже тарханы возстановляются. По всѣмъ вѣроятностямъ слѣдовательно законъ объ укрѣпленіи крестьянъ долженствовалъ быть одновременнымъ съ возстановленіемъ тархановъ, ибо надобно было дать служилымъ людямъ обезпеченіе, необходимость котораго была такъ торжественно провозглашена на соборѣ. Такимъ образомъ мы видимъ, что и въ Московскомъ государствѣ при рѣшеніи вопроса сначала приблизились было къ тому же средству, которое было употреблено въ западной Россіи, то-есть къ уравненію выгодъ на всѣхъ земляхъ, уравненію, необходимо отнимавшему у крестянина побужденіе къ переходу съ одной земли на другую; но въ Московскомъ государствѣ это средство скоро было покинуто, вслѣдствіе столкновенія съ интересомъ могущественнаго сословія. При объясненіи этого явленія, необходимо также обращать вниманіе на то, что Московское государство въ описываемое время находилось на очень низкой ступени промышленнаго развитія, было чисто земледѣльческимъ; мануфактурная промышленность была въ младенчествѣ, городъ, въ смыслѣ центра мануфактурной промышленности, не существовалъ, городъ продолжалъ быть огороженнымъ селомъ, городскіе жители продолжали заниматься земледѣліемъ точно такъ же, какъ сельчане и деревенщики. Въ чисто земледѣльческомъ государствѣ господствующимъ отношеніемъ бываетъ отношеніе землевладѣльца къ земледѣльцу, причемъ обыкновенно первый стремится привести втораго въ полную отъ себя зависимость. Главный землевладѣлецъ—государство испомѣстило на своихъ земляхъ служилыхъ людей, ко-

торымъ должно было дать постоянныхъ насельниковъ, земледѣльцевъ. Но тутъ государство, какъ землевладѣлецъ, сталкивалось съ другимъ богатымъ землевладѣльцемъ—церковью. Сперва было государство потребовало отъ церкви, чтобъ она отказалась отъ тархановъ въ пользу служилыхъ людей; но скоро потомъ, не желая нарушать интересовъ ни одного изъ этихъ могущественныхъ землевладѣльцевъ, ни государства, ни церкви, дѣло уладили такимъ образомъ, что церковь осталась при тарханахъ, а служилые люди удержали навсегда населеніе земель своихъ. Что же касается до другихъ землевладѣльцевъ, знатныхъ и богатыхъ отчинниковъ, то конечно закрѣпленіе крестьянъ не могло быть для нихъ выгодно, ибо лишало ихъ права перезывать на свои земли крестьянъ съ земель мелкихъ помѣщиковъ; но значеніе вельможъ было ослаблено вслѣдствіе извѣстной намъ борьбы государей московскихъ съ княжескими и дружинными притязаніями, борьбы, которая, съ другой стороны, усиливала значеніе мелкихъ служилыхъ людей, выставляла ихъ интересы на первый планъ для правительства. Шуйскій въ приведенномъ выше указѣ говоритъ, что царь Ѳеодоръ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянамъ заказалъ. Понятно, что Годунову не нужно было щадить интересы старѣйшихъ бояръ, которыхъ никакими уступками онъ не могъ заставить уступить себѣ первенство; въ борьбѣ съ старѣйшими боярами ему выгодно было опираться на духовенство и на мелкихъ служилыхъ людей, которыхъ онъ и старался привлечь на свою сторону уступками. Поэтому имѣемъ право принять извѣстіе, что Годуновъ содѣйствовалъ этой сдѣлкѣ между выгодами духовенства и мелкихъ служилыхъ людей. У насъ нѣтъ средствъ знать отношеніе, существовавшее въ описываемое время между землями государственными, служилыхъ людей—вотчинниковъ и церковными; мы можемъ указать только на нѣкоторые отрывки изъ общаго описанія земель, въ которыхъ видно очень любопытное отношеніе. Въ Горетовѣ стану Московскаго уѣзда въ 1586 году подъ помѣстьями и вотчинами было 5780 четвертей пахатной земли; порожней и оброчной земли, находившейся въ непосредственномъ вѣдѣніи правительства, было 8639 четвертей, церковныхъ же земель было 9422 четверти. Изъ 59 помѣстій и вотчинъ, упоминаемыхъ въ Горетовѣ стану, 16 перемѣнили своихъ владѣльцевъ не посредствомъ продажи [117].

Относительно крестьянъ въ описываемое время любопытна наказная память Вельскаго стана крестьянамъ Бориса Годунова: „По наказу государя Бориса Өеодоровича, приказали его приказные люди (такіе-то) Вельскаго стана крестьянамъ (слѣдуетъ перечисленіе 12 человѣкъ: Петру Иванову Дьяконову, Никитѣ Иванову и проч.) и старостамъ, и цѣловальникамъ, и сотскимъ, и пятидесятскимъ, и десятскимъ, и всѣмъ крестьянамъ Вельскаго стана. Били вы челомъ государю Борису Өеодоровичу, чтобъ отъ васъ кабакъ свести: и государь Борисъ Өеодоровичъ кабакъ свести велѣлъ; и вы бы, Петръ Дьяконовъ да Никита Ивановъ съ товарищами, которые въ этой памяти именно писаны, и выборные судьи и старосты, и цѣловальники, и сотскіе, и пятидесятскіе, и десятскіе, берегли крѣпко, чтобъ у васъ продажнаго питья ни у кого не было, и въ отвозъ съ виномъ и со всякимъ продажнымъ питьемъ не ѣздили, зернью по деревнямъ крестьяне не играли бы и воровства бы не было; а лучшіе о т р а д н ы е крестьяне, кому можно про себя питье держать въ своихъ домахъ, и они бы держали про себя, а не продавали; а которымъ крестьянамъ случится, къ праздникамъ или поминкамъ пива сварить и вина скурить и они бы о томъ вамъ докладывали тебѣ Петру Дьяконову да Никитѣ Иванову съ товарищами, также выборнымъ судьямъ, старостамъ и цѣловальникамъ", и проч. Мы видимъ, что здѣсь, въ Годуновскихъ имѣніяхъ, были выборные судьи, старосты, цѣловальники, сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе, и въ то же время видимъ, что выше всѣхъ этихъ лицъ стояло 12 человѣкъ крестьянъ. Въ этомъ же отношеніи замѣчательна царская грамота 1590 года: посадскіе люди Соли Вычегодской и волостные крестьяне били челомъ на коряжемскаго игумена Герасима за то, что онъ не участвовалъ съ ними въ подмогѣ переселенцамъ въ Сибирь; игуменъ, въ свою очередь, билъ челомъ на Вычегодцевъ, обвиняя ихъ въ неправильныхъ поступкахъ: въ Москвѣ рѣшили дѣло, а привести въ исполненіе это рѣшеніе поручено было Строгановымъ, Максиму и Никитѣ, царская грамота послана была къ нимъ; но изъ этой грамоты вовсе не видно, чтобъ Строгановы занимали какую-нибудь правительственную должность въ Сольвычегодскѣ: они были только самые богатые, самые значительные по своему вліянію люди въ области, и вотъ царь, мимо старостъ и цѣловальниковъ, посылаетъ грамоту къ нимъ, пишетъ: „И вы бы посадскимъ людямъ и волостнымъ крестьянамъ на старцахъ Коряжемскаго монастыря, на

слугахъ и на крестьянахъ его больше того брать не велѣли." [118]. Изъ этихъ грамотъ мы видимъ значеніе лучшихъ людей въ волости, видимъ, какъ въ волостяхъ подлѣ правительственныхъ лицъ по праву существовали правительственныя лица на дѣлѣ. Это явленіе ярко освѣщаетъ тогдашнее общество, къ которому никакъ нельзя прилагать нашихъ опредѣленій.

Вмѣстѣ съ прикрѣпленіемъ крестьянъ въ царствованіе Θеодора послѣдовало и прикрѣпленіе или обращеніе въ холопи вольныхъ слугъ. Въ 1597 году велѣно было всѣмъ господамъ принести въ Холопій приказъ списки именъ холопей своихъ какъ служащихъ, такъ и бѣглыхъ, и крѣпости на нихъ, и записывать въ книги для большаго укрѣпленія. Кто далъ на себя служилую кабалу съ 1-го іюня 1586 года, тѣмъ быть въ холопствѣ, денегъ по этимъ служилымъ кабаламъ у нихъ не брать и челобитья ихъ не слушать, а выдавать ихъ господамъ въ службу до смерти. Которые люди служатъ у кого добровольно, тѣхъ вольныхъ людей ставить въ Холопьемъ приказѣ съ тѣми, у кого служатъ, да разспрашивать, какъ давно служатъ и кабалу на себя даютъ ли? которые люди вольные послужили у кого недѣль пять-шесть, а кабалъ на себя давать не хотятъ, тѣхъ отпускать на волю; а кто послужилъ съ полгода и больше, на тѣхъ служилыя кабалы давать и челобитья ихъ не слушать, потому что господинъ такого добровольнаго холопа кормилъ, одѣвалъ и обувалъ [119].

Земли было много, рукъ мало; служилымъ людямъ была тощета, что крестьяне уходили отъ нихъ, а между тѣмъ пространство земель, требовавшихъ населенія, увеличивалось все болѣе и болѣе, колоніи вытягивались и на югъ въ степи, и на сѣверовостокъ, за Уральскія горы, въ безконечную Сибирь. Много говорятъ о томъ, какъ сильно пострадала Испанія, вслѣдствіе выселенія ея жителей въ новооткрытыя страны; а Россія въ XVI вѣкѣ, и безъ того бѣдная населеніемъ, развѣ не высылала безпрестанно колоній? и какое слѣдствіе долженъ былъ имѣть для государства этотъ выводъ колоній? Флетчеръ говоритъ, что на дорогѣ между Вологдою и Ярославлемъ онъ видѣлъ до 50 обширныхъ деревень, совершенно пустыхъ. Легко понять, какъ эта рѣдкость населенія должна была замедлять общественное развитіе, затруднять всѣ государственныя отправленія; а съ другой стороны, рѣдкость населенія, отсутствіе мѣстъ, гдѣ бы сталпливались большія массы народонаселенія, раз-

общенность мѣстъ съ относительно бо́льшимъ народонаселеніемъ, возможность при первомъ неудобствѣ, физическомъ или нравственномъ, уходить въ пустынныя страны, не разрывая съ отечествомъ, доставляло правительству возможность съ меньшими препятствіями приводить въ исполненіе мѣры, которыя оно считало необходимыми. Для примѣра приведемъ только одно явленіе изъ послѣдующей исторіи: раскольничество въ концѣ XVII вѣка несомнѣнно обнаружилось бы иначе, еслибъ многіе изъ фанатиковъ должны были оставаться въ городахъ и селахъ, не имѣя возможности уйти въ далекія, пустынныя страны, и такимъ образомъ избавить отъ себя общество. Воровскіе козаки были вредны государству, въ смутное время явились грубнѣе Литвы и Нѣмцевъ, по выраженію современниковъ; но въ спокойное время на ходъ государственнаго развитія развѣ не могло имѣть вліянія то обстоятельство, что люди съ козацкими наклонностями уходили за границу государства? Понятно, какую силу получало правительство отъ этого ухода людей безпокойныхъ.

Къ концу XVI вѣка пустынныхъ пространствъ было уже очень много въ Московскомъ государствѣ, когда къ нимъ присоединились еще обширныя пустыни сибирскія. Правительство взяло у козаковъ Сибирское царство, ибо прежде всего оно должно было радоваться возможности обогощать казну свою дорогимъ пушнымъ товаромъ, но чтобъ укрѣпиться въ Сибири, нужно было населить ее русскими людьми; чтобъ имѣть возможность населять сибирскіе городки служилыми людьми, нужно было имѣть подлѣ нихъ людей пашенныхъ, взять слѣдовательно часть народонаселенія въ старыхъ областяхъ государства, и безъ того имѣвшихъ его мало. Въ 1590 году велѣно было въ Сольвычегодскѣ на посадѣ и во всемъ уѣздѣ выбрать въ Сибирь на житье тридцать человѣкъ пашенныхъ людей, съ женами и дѣтьми и со всѣмъ имѣніемъ, а у всякаго человѣка было бы по три мерина добрыхъ, да по три коровы, да по двѣ козы, да по три свиньи, да по пяти овецъ, да по двое гусей, да по пяти куръ, да по двое утятъ, да на годъ хлѣба, да соха со всѣмъ для пашни, да телѣга, да сани и всякая рухлядь, а на подмогу сольвычегодскіе посадскіе и уѣздные люди должны были имъ дать по 25 рублей человѣку [120].

Съ распространеніемъ границъ государства, съ переселеніемъ русскихъ людей въ новыя страны, распространялись, разумѣется, и

предѣлы церкви. Но пріобрѣтая новыхъ членовъ между инородцами, церковь должна была принимать мѣры, чтобъ не отпадали отъ нея старые. Въ 1593 году казанскій владыка Гермогенъ писалъ царю, что въ Казани и въ уѣздахъ Казанскомъ и Свіяжскомъ живутъ новокрещены вмѣстѣ съ Татарами, Чувашами, Черемисами и Вотяками, ѣдятъ и пьютъ съ ними, къ церквамъ Божіимъ не приходятъ, крестовъ на себѣ не носятъ, въ домахъ образовъ и крестовъ не держатъ, поповъ не призываютъ и отцовъ духовныхъ не имѣютъ; обвѣнчавшись въ церкви, перевѣнчиваются у поповъ татарскихъ, ѣдятъ скоромное въ посты, живутъ мимо своихъ женъ съ нѣмецкими плѣнницами. Онъ, владыка, призывалъ ихъ и поучалъ, но они ученья не принимаютъ и отъ татарскихъ обычаевъ не отстаютъ, и совершенно отъ христіанской вѣры отстали, о томъ сильно скорбятъ, что отъ своей вѣры отстали, и въ православной вѣрѣ не утвердились, потому что живутъ съ невѣрными вмѣстѣ, отъ церквей далеко; и видя такое невѣрье въ новокрещенахъ, иные Татары не только не крестятся въ православную вѣру, но и ругаются ей; да прежде, въ сорокъ лѣтъ отъ казанскаго взятья, не бывали въ татарской слободѣ мечети, а теперь стали мечети ставить близь посада, на лучной выстрѣлъ. Получивши это донесеніе царь приказалъ воеводамъ, чтобъ они, переписавши всѣхъ новокрещенъ устроили имъ слободу въ Казани съ церковію и полнымъ причтомъ; кто изъ нихъ не захочетъ переселиться и ставить себѣ дворъ въ слободѣ, тѣхъ давать на поруки, а иныхъ въ тюрьму сажать; чтобъ воеводы выбрали сына боярскаго добраго и приказали ему эту слободу вѣдать, беречь, чтобъ новокрещены христіанскую вѣру держали крѣпко, женились бы у русскихъ людей и дочерей своихъ выдавали за русскихъ же; которые не станутъ христіанской вѣры крѣпко держать, тѣхъ смирять, въ тюрьму сажать въ желѣза, въ цѣпи, бить, а другихъ отсылать къ владыкѣ, чтобъ налагалъ эпитимью. Всѣ мечети воеводы должны были посметать и въ конецъ ихъ извести. Гермогенъ писалъ также, что многіе русскіе люди живутъ у Татаръ, Черемисъ, Чувашей, женятся у нихъ, многіе живутъ у Нѣмцевъ по слободамъ и деревнямъ добровольно и въ деньгахъ, и всѣ эти люди отъ христіанской вѣры отпали, обратились у Татаръ въ татарскую вѣру, а у Нѣмцевъ въ римскую и лютеранскую: царь приказалъ воеводамъ распорядиться, чтобъ русскіе люди не жили у Татаръ и у Нѣм-

цевъ; должниковъ, которые служатъ въ небольшихъ деньгахъ, выкупить, а которые въ большихъ, тѣхъ отдать новокрещенамъ, у которыхъ взамѣнъ взять Литву и Латышей и отдать Татарамъ и Нѣмцамъ, которымъ запретить, чтобъ они русскихъ людей впередъ не принимали и денегъ имъ въ займы не давали. Въ 1597 году князю Василію Ухтомскому, назначенному воеводою въ Пустоозерскій острогъ, велѣно было призвать Самоѣдовъ и другихъ иноземцевъ въ православную христіанскую вѣру. Ухтомскій билъ челомъ, что Пустоозерскій острогъ мѣсто дальнее, деревень у него, воеводы, по той дорогѣ нѣтъ, изъ Москвы запасъ взять далеко: почему государь пожаловалъ бы, велѣлъ ему дать съ устюжскаго кружечнаго двора 300 ведеръ вина по подрядной цѣнѣ. Царь велѣлъ ему дать 50 ведеръ [121].

Главный пастырь русской церкви въ царствованіе Ѳеодора перемѣнилъ званіе митрополита на званіе патріарха. Мы видѣли, вслѣдствіе какихъ причинъ сѣверовосточная русская церковь получила на дѣлѣ самостоятельность отъ церкви константинопольской, хотя самое названіе главнаго пастыря ея: митрополитъ, обличало номинальную зависимость ея отъ патріарха. Взятіе Константинополя Турками, зависимость восточныхъ патріарховъ отъ султана, должны были возбудить въ Москвѣ желаніе пріобрѣсть самостоятельность совершенную, а въ патріархахъ уничтожить противоборство исполненію этого желанія; возвышеніе сѣверовосточной русской церкви, какъ самостоятельной и цвѣтущей, требовало, по крайней мѣрѣ, уравненія ея съ старшими церквами, которыя страдали подъ игомъ невѣрныхъ, нуждались въ ея помощи; въ Москвѣ возникло даже мнѣніе, что опасно имѣть единеніе съ людьми рабствующими невѣрнымъ, мнѣніе, противъ котораго долженъ былъ вооружиться Максимъ Грекъ. Желаніе полной самостоятельности должно было еще болѣе усилиться, когда обнаружились враждебныя движенія католическія, когда іезуиты главною укорою русской церкви ставили зависимость ея отъ раба султанова. Необходимо было слѣдовательно для русской церкви имѣть своего патріарха; выгодно было имѣть его для Москвы, ибо этимъ наносился ударъ дѣлу Витовтову: Москва брала неоспоримое преимущество предъ Кіевомъ, и глаза православныхъ въ Литвѣ не могли не обращаться къ патріарху всероссійскому.

Посланникъ Благовъ, отправленный къ султану, повезъ патріарху константинопольскому на поминъ души царя Іоанна милостыни 1,000 рублей; у патріарха, по обычаю, учились греческому языку два русскихъ паробка, Ушаковъ и Внуковъ; къ нимъ Благовъ отвезъ шубы и деньги по 10 рублей; посланникъ долженъ былъ имъ сказать, чтобъ они учились греческому языку и грамотѣ радѣтельно, пристально, а не гуляли, патріарха во всемъ слушались бы, а патріарху долженъ былъ сказать, чтобъ велѣлъ учить паробковъ радѣтельно, держалъ бы ихъ у себя въ наказаньи, а воли бы имъ не давалъ. Посланы были богатыя милостыни и другимъ православнымъ церквамъ, греческимъ и славянскимъ [122]. Лѣтомъ 1586 года пріѣхалъ въ Москву за милостынею антіохійскій патріархъ Іоакимъ. Любопытны подробности свиданія его съ митрополитомъ Діонисіемъ: когда онъ вошелъ въ Успенскій соборъ, то митрополитъ стоялъ въ святительскомъ санѣ на устроенномъ мѣстѣ, окруженный знатнымъ духовенствомъ; приложившись къ образамъ, патріархъ пошелъ къ митрополиту, тотъ сошелъ къ нему навстрѣчу съ сажень отъ своего мѣста и благословилъ его напередъ и потомъ уже принялъ благословеніе отъ патріарха; Іоакимъ поговорилъ слегка, что пригоже было митрополиту отъ него принять благословеніе напередъ, да и пересталъ. Здѣсь, при этомъ столкновеніи значенія дѣйствительнаго съ значеніемъ номинальнымъ, всего яснѣе высказалось несообразность отношеній московскаго митрополита къ патріархамъ, и очень можетъ быть, что именно прибытіе патріарха Іоакима въ Москву и это столкновеніе его съ митрополитомъ Діонисіемъ, показавши на дѣлѣ несообразность отношеній между значеніемъ дѣйствительнымъ и значеніемъ номинальнымъ, и побудили къ рѣшительному шагу. Какъ бы то ни было, предложеніе объ учрежденіи патріаршества было сдѣлано царемъ думѣ во время пребыванія Іоакима въ Москвѣ, и побужденіемъ къ этому дѣлу царь именно выставилъ бѣдственное состояніе церкви греческой и возвеличеніе церкви русской: „По волѣ Божіей, въ наказаніе наше, восточные патріархи и прочіе святители только имя святителей носятъ, власти же едва ли не всякой лишены; наша же страна, благодатію Божіею, во многорасширеніе приходитъ, и потому я хочу, если Богу угодно и писанія божественныя не запрещаютъ, устроить въ Москвѣ превысочайшій престолъ патріаршескій; если вамъ это угодно, объявите; по моему тутъ нѣтъ повре-

жденія благочестію, но еще больше преуспѣянія вѣрѣ Христовой.“ Духовенство и вельможи похвалили мысль царскую, но прибавили, что надобно приступить къ дѣлу съ согласія всей церкви восточной, „да не скажутъ пишущіе на святую нашу вѣру Латыны и прочіе еретики, что въ Москвѣ патріаршій престолъ устроился одною царскою властію.“ Эти слова показываютъ, что въ Москвѣ знали о враждебныхъ движеніяхъ на православіе въ западной Россіи и принимали ихъ въ соображеніе. Іоакиму дали знать о желаніи царя, и онъ обѣщалъ предложить объ этомъ дѣлѣ собору греческой церкви.

Лѣтомъ 1587 года пріѣхалъ въ Москву Грекъ Николай съ объявленіемъ, что патріархи цареградскій и антіохійскій уже созывали соборъ, послали за двумя другими патріархами, іерусалимскимъ и александрійскимъ, будутъ совѣтоваться съ ними и пришлютъ въ Москву патріарха іерусалимскаго съ наказомъ объ учрежденіи патріаршества. Но черезъ годъ, лѣтомъ 1588, государю дали знать, что въ Смоленскъ нечаянно пріѣхалъ старшій изъ патріарховъ, византійскій Іеремія. Въ отвѣтъ на это извѣщеніе смоленскіе воеводы получили выговоръ, зачѣмъ патріархъ пришелъ къ нимъ къ пристани безвѣстно? „Впередъ такъ просто не дѣлайте, чтобъ на рубежъ никакой посланникъ и никакой человѣкъ подъ посадъ безвѣстно не пріѣзжалъ“. Епископу смоленскому царь писалъ: „Если патріархъ станетъ проситься у воеводъ въ Церковь Пречистой Богородицы помолиться, то мы ему въ церковь идти позволили: и у тебя въ церкви въ то время было бы устроено чинно и людно, архимандритовъ, игуменовъ и поповъ было бы много, встрѣчалъ бы ты патріарха и чтилъ его честно, точно такъ же, какъ митрополита нашего чтите.“ Приставъ, отправленный встрѣчать и провожать патріарха, получилъ наказъ: „Развѣдать какимъ обычаемъ патріархъ къ государю поѣхалъ, и теперь онъ патріаршество цареградское держитъ ли и нѣтъ ли кого другаго на его мѣстѣ? и кромѣ его нужды, что ѣдетъ за милостынею, есть ли съ нимъ отъ всѣхъ патріарховъ съ соборнаго приговора къ государю приказъ? Честь къ патріарху держать великую, такую же, какъ къ здѣшнему митрополиту.“

Въ Москвѣ Іеремію помѣстили на дворѣ рязанскаго владыки; самого его велѣно было помѣстить въ большихъ хоромахъ въ горницѣ съ комнатою; провожатыхъ его, митрополита Мальвазійскаго

и архіепископа Элассонскаго, въ столовой избѣ и въ комнатѣ, архимандриту дать подклѣтъ особый, а старцевъ и слугъ устроить по подклѣтамъ. Грековъ, Турокъ и другихъ иноземцевъ не велѣно было пускать на дворъ, слугъ патріаршихъ со двора; если отъ митрополита Іова, отъ знатнаго духовенства и бояръ станутъ приходить съ кормомъ, такихъ людей пускать было позволено; если же какой иноземецъ станетъ проситься къ патріарху, или самъ патріархъ захочетъ видѣться съ какимъ-нибудь иноземцемъ, то приставы должны были ему отвѣчать, что скажутъ объ этомъ боярамъ и посольскому дьяку Андрею Щелкалову. Купцовъ, пріѣхавшихъ съ Іеремією, поставили на литовскомъ гостиномъ дворѣ.

Недѣлю спустя по пріѣздѣ, государь велѣлъ патріарху быть у себя и принялъ его, какъ принималъ обыкновенно пословъ, съ тѣмъ только различіемъ, что навстрѣчу ему переступилъ съ полсажени отъ трона. Послѣ этого представленія, не выходя изъ дворца, Іеремія имѣлъ разговоръ съ Годуновымъ, разсказалъ ему о своихъ несчастіяхъ, какъ онъ былъ обнесенъ султану, свергнутъ съ патріаршаго престола, потомъ опять возведенъ: разсказалъ о бѣдственномъ состояніи своей церкви, о грабежѣ Турокъ; разсказалъ о дѣлахъ литовскихъ, что могъ узнать дорогою, наконецъ говорилъ т а й н ы я р ѣ ч и. Послѣ этого разговора, государь, подумавъ съ царицею, говорилъ боярамъ; „Велѣлъ намъ Богъ видѣть къ себѣ пришествіе патріарха цареградскаго, и мы о томъ размыслили, чтобъ въ нашемъ государствѣ учинить патріарха, кого Господь Богъ благоволитъ: если захочетъ быть въ нашемъ государствѣ цареградскій патріархъ Іеремія, то ему быть патріархомъ въ начальномъ мѣстѣ Владимірѣ, а на Москвѣ быть митрополиту по прежнему; если же не захочетъ цареградскій патріархъ быть во Владимірѣ, то на Москвѣ поставитъ патріарха изъ московскаго собора.“ Годунову поручено было ѣхать къ Іереміи и совѣтовать съ нимъ, возможно ли тому статься, чтобъ ему быть въ Россійскомъ царствѣ въ стольнѣйшемъ городѣ Владимірѣ. Іеремія отвѣчалъ: „будетъ на то воля великаго государя, чтобъ мнѣ быть въ его государствѣ—я не отрекаюсь: только мнѣ во Владимірѣ быть невозможно, потому что патріархи бываютъ всегда при государѣ: а то что за патріаршество, что жить не при государѣ?“ Тогда царь опять созвалъ бояръ и говорилъ имъ: „Патріархъ Іеремія вселенскій на владимірскомъ и всея Руси патріаршествѣ быть не хочетъ,

а если мы позволимъ ему быть въ своемъ государствѣ на Москвѣ на патріаршествѣ, гдѣ теперь отецъ нашъ и богомолецъ Іовъ митрополитъ, то онъ согласенъ. Но это дѣло нестаточное: какъ намъ такого сопрестольника великихъ чудотворцевъ и достохвальнаго житія мужа, святаго и преподобнаго отца нашего и богомольца Іова митрополита отъ пречистой Богородицы и отъ великихъ чудотворцевъ изгнать, а сдѣлать греческаго закона патріарха, а онъ здѣшняго обычая и русскаго языка не знаетъ, и ни о какихъ дѣлахъ духовныхъ намъ съ нимъ говорить безъ толмача нельзя." Годуновъ вмѣстѣ съ Щелкаловымъ отправился опять къ Іереміи и говорилъ ему, чтобъ благословилъ и поставилъ въ патріархи изъ россійскаго собора митрополита Іова. При этомъ свиданіи было рѣшено, что Іеремія на патріаршество владимирское, московское и всея Руси благословитъ и поставитъ кого государю будетъ угодно, и благословеніе дастъ, что впередъ патріархамъ поставляться въ Россійскомъ царствѣ отъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ.

Намъ не нужно предполагать, что въ первомъ разговорѣ съ Годуновымъ самъ Іеремія изъявилъ желаніе остаться патріаршествовать въ Москвѣ: мысль о выгодныхъ слѣдствіяхъ перемѣщенія старшаго патріаршаго стола изъ Византіи въ Московское государство легко могла придти Годунову и другимъ. Пусть въ Константинополѣ, по приказу султана, выбрали бы другаго патріарха: Іеремія и его русскіе преемники не потеряли бы чрезъ это права называться вселенскими, права на первенство; утвержденіе Іереміи въ Московскомъ государствѣ особенно было бъ важно относительно западной русской церкви, которая уже давно признавала свою зависимость отъ него. Съ другой стороны, намъ не нужно предполагать, что дѣло не уладилось единственно по настоянію Годунова, которому не выгодно было удалить Іова, совершенно ему преданнаго: при отчужденности отъ иностранцевъ и сильно развившейся вслѣдствіе того подозрительности, ясные слѣды которой видны повсюду, имѣть патріархомъ иностранца, Грека, должно было казаться крайне неудобнымъ; указывать на единовѣріе, какъ могущее уничтожить всякое подозрѣніе, нельзя, ибо мы видѣли, какъ обходились съ этимъ самымъ Іереміею: не велѣно было пускать къ нему ни одного иностранца: наши предки въ описываемое время жили тою жизнію, когда свой обычай составляетъ все; отсюда понятно, какъ страшно

было имѣть патріархомъ человѣка, незнающаго русскаго обычая, человѣка греческаго закона. Мало того, нужно было рѣшиться на дѣло страшно тяжелое: отвергнуть человѣка, котораго уже привыкли видѣть на такомъ высокомъ мѣстѣ, каково было митрополичье: для вселенскаго патріарха Іереміи не могли придумать чести высшей, какъ та, которая воздавалась митрополиту Іову, и вотъ этого Іова надобно безвинно лишить этой чести, прогнать! Понятно, слѣдовательно, что не по однимъ личнымъ отношеніямъ Годунова къ Іову настаивали, чтобъ Іеремія жилъ во Владимирѣ.

Несмотря на то, что царь прямо объявилъ о невозможности прогнать Іова отъ церкви Богородицы и отъ чудотворцевъ, исполнили обычай избранія: архіереи назначили трехъ кандидатовъ: митрополита Іова, новгородскаго архіепископа Александра, ростовскаго Варлаама, и предоставили царю выборъ. Θеодоръ избралъ Іова, который и былъ посвященъ 26 января 1589 года: слѣдовательно дѣло тянулось полгода! Патріархъ долженъ былъ имѣть въ своемъ вѣдѣніи митрополитовъ; это званіе дали владыкамъ: новгородскому, казанскому, ростовскому и крутицкому (въ Москвѣ), шесть епископовъ получали званіе архіепископовъ: вологодскій, суздальскій, нижегородскій, смоленскій, рязанскій, тверской.

Богато одаренный отправился Іеремія въ маѣ 1589 года въ Константинополь, съ грамотою отъ царя къ султану, въ которой Θеодоръ писалъ: „Ты бъ, братъ нашъ Муратъ салтанъ, патріарха Іеремію держалъ въ своей области и беречь велѣлъ пашамъ своимъ такъ же, какъ ваши прародители патріарховъ держали въ береженьѣ, по старинѣ во всемъ; ты бъ это сдѣлалъ для насъ." Пріѣхавши въ Смоленскъ, Іеремія получилъ грамоту отъ Годунова, въ которой правитель просилъ его провѣдать въ Литвѣ о тамошнихъ дѣлахъ: „о Максимиліанѣ, гдѣ онъ теперь и какимъ обычаемъ живетъ? въ польской ли землѣ или отпущенъ? и какъ отпущенъ, по какому договору? Укрѣпился ли королевичъ шведскій на польской коронѣ и на какой мѣрѣ утвердился, какое его впередъ умышленье о нашемъ государѣ? провѣдавъ объ этомъ, отписалъ бы ты ко мнѣ тайно, не объявляя своего святительскаго имени ни въ чемъ; а когда будешь въ Цареградѣ, то отпиши о всѣхъ тамошнихъ дѣлахъ."

Только чрезъ два года, въ іюнѣ 1591 г., пріѣхалъ въ Москву митрополитъ терновскій и привезъ утвержденную грамоту на московское патріаршество. Іеремія писалъ къ Іову: „Послали мы тво-

ему святительству соборную совершенную грамоту: будешь имѣть пятое мѣсто, подъ іерусалимскимъ патріархомъ. И ты прими грамоту съ благодарностію и тихомиріемъ, и постарайся о митрополитѣ терновскомъ при царѣ и при царицѣ словомъ и дѣломъ, попечалуйся святому и высочайшему царю нашему, да сотворитъ пригожую помощь, какъ обѣщалъ ты насъ пожаловать при постановленіи своемъ, въ своей палатѣ; а мы кромѣ Бога да святаго царя надежды ни отъ кого не имѣемъ, патріаршества цареградскаго не можетъ никто воздвигнуть и устроить по прежнему кромѣ святаго царя.“ Въ письмѣ Годунову патріархъ просилъ о присылкѣ 6000 золотыхъ на сооруженіе патріаршества. Митрополитъ Терновскій поднесъ Годунову дары: два атласа золотныхъ, саблю булатную, да два сосудца ценинныхъ; Годуновъ даровъ не принялъ, сказавъ: „Намъ у васъ даровъ брать не подобаетъ, мы должны васъ надѣлять, чѣмъ Богъ послалъ.“ Митрополитъ просилъ, чтобъ Годуновъ не обижалъ его, взялъ дары, и тотъ взялъ два сосуда ценинныхъ. Правитель хотѣлъ знать, какъ былъ держанъ соборъ объ учрежденіи московскаго патріаршества, съ вѣдома ли султана и пашей? Митрополитъ отвѣчалъ, что соборъ былъ держанъ, доложа султана. Просьба патріарха была исполнена: царь послалъ на построеніе церкви и патріаршескаго дома большое количество мѣховъ и рыбьяго зуба [123]. Когда Салтыковъ и Татищевъ отправлялись послами въ Литву, то имъ данъ былъ наказъ: „Станутъ спрашивать про патріаршеское постановленье, то вы говорите: приходилъ къ великому государю изъ греческаго государства Антіохійскій патріархъ Іоакимъ и говорилъ государеву шурину, Борису Ѳедоровичу Годунову, что изъ давныхъ лѣтъ на семи соборахъ уложено быть въ Римѣ папѣ греческой вѣры, а въ греческомъ государствѣ четыремъ патріархамъ; но когда Евгеній папа римскій составилъ суемысленный осьмой соборъ, то съ этого времени папы римскіе отъ греческой вѣры отстали; еслибы по сіе время въ греческомъ государствѣ были благочестивые цари христіанскіе, то патріархи поставили бы папу въ греческомъ государствѣ, и теперь они всѣ четыре патріарха совѣтовали со всѣмъ вселенскимъ соборомъ греческихъ государствъ, дабы вмѣсто папы римскаго поставить Вселенскаго патріарха Константинопольскаго, а на его мѣсто поставить четвертаго патріарха, въ Московскомъ государствѣ. Если паны радные будутъ говорить, что изначала этого не бывало, то отвѣчать:

вотъ у васъ въ Вильнѣ прежде кардиналовъ не бывало, а были бискупы, а теперь папа сдѣлалъ Юрія Радзивила кардиналомъ: и тому что дивиться [124].

Изъ другихъ отношеній церковныхъ при Ѳеодорѣ замѣтимъ, что архіереи, какъ говорилось въ ихъ настольныхъ грамотахъ, ставились „по избранію св. Духа (на соборѣ) и по совѣту боговѣнчаннаго царя." Въ началѣ царствованія Ѳеодорова былъ любопытный случай, при которомъ опять послышалась укоризна Осифлянамъ. Рязанскій епископъ Леонидъ подалъ царю слѣдующую челобитную: „Пожаловалъ ты меня, государь, велѣлъ быть у себя за столомъ на Рождество Христово; а архіепископъ ростовскій Евфимій мнѣ съ собою ѣсть съ блюда не далъ и меня въ конецъ позорилъ; а прежде, при отцѣ твоемъ, я ѣдалъ съ одного блюда съ архіепископомъ новгородскимъ; а онъ же насъ, Осифовскихъ постриженниковъ, называетъ всѣхъ не Осифлянами; но Жидовлянами." Неизвѣстно чѣмъ рѣшено было дѣло.

Въ іюнѣ 1594 года, по государеву приказу, патріархъ Іовъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ приговорилъ учредить въ Москвѣ 8 старостъ поповскихъ, чтобъ у каждаго было по 40 поповъ, да по четыре дьякона въ десятскихъ, поставить имъ избу у Покрова Богородицы на Рву (у Покровскаго собора или у Василія Блаженнаго), куда должны сходиться старосты и десятскіе каждый день. Старосты должны были наблюдать, чтобъ въ извѣстные дни были по всѣмъ церквамъ молебны и обѣдни, разсылать для этого по всѣмъ церквамъ память, чтобъ всѣмъ попамъ было вѣдомо; да и всякій день передъ обѣднями попы должны были по всѣмъ церквамъ пѣть молебны о вселенскомъ устроеніи, благосостояніи церквей, о многолѣтнемъ здравіи царя и царицы, о ихъ чадородіи, о христолюбивомъ воинствѣ и о всемъ православномъ христіанствѣ. Старосты должны были наблюдать, чтобъ всѣ попы и дьяконы являлись въ крестные ходы и до окончанія ихъ не расходились, а которые не явятся, о тѣхъ доносить патріарху. Служить должны по церквамъ попы сами, а наймитовъ не нанимать, кромѣ великой нужды или какого-нибудь прегрѣшенія; отъ ружныхъ церквей и приходскихъ храмовъ попамъ по другимъ церквамъ служить не наниматься; безмѣстные попы должны приходить къ Покрову Богородицы, къ поповской избѣ, и здѣсь наниматься служить съ патріаршаго доклада; найму брать въ простые дни по алтыну, а въ

большіе праздники и на Святой недѣлѣ по два алтына, а больше не брали бы и божественною литургіею не торговали бы, старосты должны за этимъ смотрѣть крѣпко. Черпымъ попамъ у мірскихъ церквей не наниматься служить. Въ который день панихиды служить и на завтрее обѣдни заупокойныя по государямъ, въ тѣ дни старосты съ десятскими давали бы память по всѣмъ церквамъ, къ которымъ по книгамъ велѣно каноны давать, а которые попы за государевы панихидные столы садятся, тѣ должны знать кого въ какой день поминать. Если христолюбцы станутъ приносить милостыню на храмы о здравіи или за упокой и велятъ раздѣлить по храмамъ въ поповской избѣ, то старосты должны эту милостыню раздать по храмамъ. Пяти протопопамъ поручено было смотрѣть, чтобъ старосты поповскіе исполняли этотъ наказъ.

Относительно монастырскаго благочинія царь въ 1584 году писалъ въ Соловецкій монастырь: „Слухъ до насъ дошелъ, что у васъ сытятъ квасы медвеные да квасятъ, и уставъ прежній монастырскій перемѣненъ; такъ вы бы квасовъ не квасили и прежняго чина монастырскаго не рушили; и которые старцы станутъ роптать, тѣхъ бы смиряли по монастырскому чину.“ Въ 1592 году двое старцевъ били челомъ на игумена и келаря Кириллова новгородскаго монастыря, что они монастырскую казну раздаютъ въ займы, для своей прибыли, безъ братскаго вѣдома, дружатся съ дѣтьми боярскими, берутъ у нихъ себѣ гостинцы всякіе. Когда одинъ изъ челобитчиковъ сталъ имъ объ этомъ говорить, то они посадили его въ двои желѣза да въ цѣпь, а потомъ девять дней били его на правежѣ, правили деньги, которыя онъ проѣздилъ въ Москву по монастырскимъ дѣламъ. Бить на нихъ челомъ нельзя, откупаются монастырскою же казной; кромѣ субботы и воскресенья службы никогда въ монастырѣ нѣтъ и священника нѣтъ.

Въ іюлѣ 1584 года постановили, чтобъ тарханамъ не быть, съ 1-го сентября, на время, до государева указа, пока земля поустроится и помощь во всемъ учинится царскимъ осмотрѣніемъ. Но уже въ октябрѣ того же года царь далъ тарханную грамоту митрополиту Діонисію на слободку Святославлю, которую великій князь Василій Дмитріевичъ далъ митрополиту Кипріану вмѣсто города Алексина. Тогда же, въ іюлѣ 1584, было подтверждено, чтобъ вотчинникамъ вотчинъ своихъ по душамъ не давать; но видимъ, что это постановленіе или было скоро отмѣнено, или не исполнялось. Въ

1587 году знаменитый въ послѣдствіи князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, по приказу отца своего, далъ въ суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь вотчинную деревню безъ доклада государю; не перечисляемъ царскихъ пожалованій землями въ монастыри. По прежнему давалось монастырямъ право производить торговлю, право сбирать въ своихъ селахъ таможенную пошлину; по прежнему давались грамоты съ освобожденіемъ монастырскихъ владѣній отъ разныхъ податей и повинностей; этихъ грамотъ отъ царствованія Θеодора дошло до насъ очень много, и начинаютъ онѣ раздаваться очень рано.

Касательно отношеній монастыря къ тѣмъ, на чей счетъ онъ былъ построенъ и поддерживался, любопытна царская грамота 1595 года. Въ Двинскомъ уѣздѣ, при устьѣ Нижняго Моржа, былъ монастырь Никольскій, построенный мірскимъ иждивеніемъ. Староста этого монастыря билъ челомъ государю, что десятильникъ митрополита новгородскаго разорилъ монастырь своимъ насильствомъ; царь далъ грамоту двинскимъ даннымъ старостамъ и становымъ земскимъ судьямъ Калейскаго стана, гдѣ находился монастырь, чтобъ они защищали монастырь отъ обидъ; а когда Калейскаго стана крестьяне захотятъ впередъ перемѣнить никольскихъ старостъ и въ монастырской казнѣ ихъ считать, или сами старосты захотятъ перемѣниться и въ казнѣ отчетъ отдать, то всѣ бы крестьяне Калейскаго стана четырьмя волостками никольскихъ старостъ выбирали межъ собою кого сами излюбятъ, новыхъ старостъ приводили къ крестному цѣлованью, а старыхъ съ лучшими людьми въ казнѣ считали и счетные списки отдавали новымъ старостамъ.

По старымъ грамотамъ Грознаго, монастырскіе крестьяне выбирали у себя прикащиковъ, старостъ, цѣловальниковъ, сотскихъ, пятидесятскихъ, десятскихъ, для губныхъ дѣлъ прикащиковъ, губныхъ цѣловальниковъ и дьячковъ, монастыри продолжали опредѣлять свои отношенія къ крестьянамъ уставными грамотами [125].

Кромѣ приведенныхъ указовъ о крестьянахъ и холопяхъ отъ временъ Θеодора. до насъ не дошло другихъ дополненій къ Судебнику. Относительно завѣдыванія судомъ любопытно извѣстіе разрядныхъ книгъ подъ 1588 годомъ: царь велѣлъ отставить князя Меркурія Щербатаго отъ плавной рати и послалъ его въ Тверь судьею. Дошла до насъ отъ описываемаго времени любопытная челобитная царю старцевъ Іосифова монастыря, по поводу спора о землѣ между

ихъ крестьянами и крестьянами боярина Ивана Васильевича Годунова: „Послана, государь, отъ тебя грамота въ Козельскій и Бѣлевскій уѣздъ къ Кузьмѣ Безобразову: велѣно ему выбрать 10 лучшихъ крестьянъ боярина Ивана Васильевича Годунова и столько же нашихъ лучшихъ крестьянъ и дать имъ жребій: чей жребій вынется, тѣмъ отводить землю и лѣсъ съ образомъ.“ Кузьма лучшихъ людей выбралъ и говорилъ крестьянамъ Ивана Васильевича: „Съ образомъ съ жребія идете ли отводить лѣсъ и землю, по своему отводному рубежу?“ Слуга Ивана Васильевича отвѣчалъ: „Крестьянамъ Ивана Васильевича лѣсу и земли не отважививать и жребія не брать; пусть монастырскіе крестьяне отводятъ лѣсъ и землю безъ жребія.“ Монастырскіе крестьяне били челомъ Кузьмѣ: „Ивана Васильевича крестьянамъ надобна земля и лѣсъ Пречистой Богородицы и чудотворца Іосифа, перелѣзши изъ Бѣлевскаго уѣзда въ Козельскій уѣздъ черезъ вѣковую межу городу съ городомъ: такъ и лѣсъ имъ отводить съ образомъ, землю и лѣсъ Пречистой, а мы имъ вѣримъ и безъ жребія.“ „Крестьянцы наши съ образомъ земли и лѣсу отводить не смѣютъ, мы имъ не велимъ отводить твоего государева жалованья; а люди и крестьяне Ивана Васильевича нашимъ крестьянамъ грозятъ: велятъ имъ неволею отводить нашу прямую монастырскую землю, для того, чтобъ насъ, нищихъ твоихъ опозорить, огласить и въ грѣхъ ввесть, а крестьянецъ нашихъ продать и вотчину монастырскую запустошить; а монастырскіе крестьянцы уже и такъ отъ нихъ застращены, четвертый годъ безпрестанныя обиды и насильства терпятъ. Государь, милосердый царь! пощади свою богомолью, вели учинить безгрѣшно, чего не ведется, что иноческому чину землю отводить съ образомъ: вели сыскать старыми писцовыми книгами и старыми гранями. Обыскные люди обоихъ городовъ, Козельска и Бѣлева, всѣ знаютъ вѣковой рубежъ городу съ городомъ, да не смѣютъ сказать правды, блюдутся Ивана Васильевича“ [126].

Относительно нравовъ и обычаевъ замѣтимъ извѣстіе о потѣхахъ царскихъ: государь пожаловалъ Василія Усова, дано ему 15 рублей денегъ, да сукно доброе въ 2 рубля: тѣшилъ онъ государя, закололъ передъ нимъ медвѣдя; даны были подарки какому-то Молвенинову: государя тѣшилъ, привелъ медвѣдя съ хлѣбомъ да солью въ саадакѣ, и съ дикимъ медвѣдемъ своего медвѣдя спускалъ; дано сукно доброе въ два рубля охотнику Глазову: тѣшился государь на

царицыны именины медвѣдями, волками и лисицами, и медвѣдь Глазова ободралъ.—1-го августа государь ѣздилъ подъ Симоновъ для водоосвященія на рѣкѣ и тамъ купался (мочался).—Смирное платье (трауръ) по царевнѣ Ѳеодосіи для чиновъ придворныхъ было цвѣту темнозеленаго, вишневаго, багроваго, синяго, безъ саженья.

Относительно нравовъ и обычаевъ народныхъ замѣтимъ, что въ 1590 году староста и крестьяне тавренской волости обговорились между собою, по благословенію отца своего духовнаго, и учинили заповѣдь на три года, чтобъ въ праздникъ, въ воскресеніе Христово дѣла не дѣлать никакого чернаго, ни угодья не угодовать, ни паснаго, ни силоваго, ни бѣлки не лѣсовать, ни рыбы не ловить, ни ягодъ, ни губъ не носить, ни путика паснаго, ни силоваго внове не ставить; а въ пятницу ни толочь, ни молоть, ни камня не жечь, проводить съ чистотою и любовію; женамъ по воскресеньямъ ни шить, ни брать. А кто заповѣдь эту порушитъ и доведутъ его людьми добрыми: на томъ доправить сотскому, по мірскому уложенію, 8 алтынъ денегъ на церковное строеніе, а двѣ деньги сотскому. Кто станетъ яица бить, на томъ доправить ту же заповѣдь 8 алтынъ.

Подъ 1595 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ, что князь Василій Щепинъ да Василій Лебедевъ составили заговоръ зажечь Москву во многихъ мѣстахъ, а самимъ у Василія Блаженнаго грабить казну; рѣшеточный прикащикъ Байковъ, участвовавшій въ заговорѣ, долженъ былъ въ это время не отпирать рѣшетокъ. Но заговоръ былъ открытъ и главные участники казнены смертію.

Въ лѣтописяхъ же находимъ извѣстіе о чародѣйствахъ и о полной вѣрѣ въ ихъ силу. О Годуновѣ говорится, что онъ изъ многихъ городовъ собиралъ волхвовъ и кудесниковъ и съ ихъ помощію привлекъ къ себѣ любовь царя. Волшебники предсказывали Борису, что онъ будетъ царствовать, но не долго, только семь лѣтъ. Приведемъ также любопытный разсказъ лѣтописца объ отравленіи крымскаго царевича Муратъ-Гирея въ Астрахани: бусурманы прислали вѣдуновъ и его испортили. Воеводы, видя его болѣзнь великую, привели къ нему лѣкаря Арапа. Арапъ сказалъ, что его вылѣчить нельзя, пока не сыщутъ вѣдуновъ, которые его портили, взялъ съ собою русскихъ людей, пошелъ въ юрты, перехваталъ тамъ вѣдуновъ и началъ ихъ мучить. Вѣдуны сказали: „если кровь боль-

ныхъ не замерзла, то можно пособить." Тогда Арапъ велѣлъ вѣдунамъ метать изъ себя кровь въ лохань, и они выметали всю кровь, которую выпили изъ соннаго царевича, женъ его и другихъ Татаръ, и тѣмъ ихъ испортили. Вѣдуны разсказывали Арапу по порядку: вотъ это кровь царевича, вотъ эта его женъ, вотъ эта другихъ Татаръ; кровь царевича и одной изъ женъ его вся замерзла, и потому вѣдуны сказали, что имъ живымъ не быть; чья же кровь не замерзла, и если помазать ею больнаго, то онъ останется живъ. Когда царевичъ умеръ, то воеводы донесли обо всемъ подробно государю; царь отправилъ въ Астрахань Астаѳія Пушкина съ приказаньемъ пытать вѣдуновъ, по чьему умышленію испортили царевича, и послѣ пытки пережечь. Пушкинъ пыталъ вѣдуновъ накрѣпко разными пытками, но ничего не могъ допытаться. Тогда тотъ же Арапъ началъ говорить, что у нихъ такъ ничего не допытаться, а велѣлъ положить имъ въ зубы конскія удила, повѣсить ихъ за руки и бить ихъ не по тѣлу, а по стѣнѣ противъ нихъ, — и они стали все сказывать. Воеводы, послѣ пытки, велѣли ихъ сжечь, и жегъ тотъ же Арапъ своимъ мастерствомъ; когда ихъ жгли, то слетѣлось сорокъ и воронъ многое множество [127].

Изъ перечисленія подарковъ, выданныхъ изъ царской казны разнымъ лицамъ, мы узнаемъ имена тогдашнихъ художниковъ: дано было сукно въ два рубля и еще два рубля денегъ Посnику ростовцу за то, что писалъ образъ Смоленской Богородицы. Этотъ Посникъ ростовцевъ носилъ названіе знаменщика; онъ получилъ англійское сукно доброе за то, что знаменовалъ, садилъ жемчугомъ съ дробницами черный бархатный покровъ на гробъ Іоанна Грознаго. Сохранились имена 14 серебряныхъ мастеровъ, которые дѣлали раку Сергія чудотворца [128]. Литьемъ огромныхъ пушекъ отличался мастеръ Андрей Чоховъ.

ГЛАВА V.

Окончаніе царствованія Ѳеодора Іоанновича.

Значеніе Рюриковой династіи.—Смерть царевича Димитрія въ Угличѣ.—Разборъ извѣстій объ этомъ событіи.—Рѣшеніе дѣла въ Москвѣ.—Мнѣніе народа.—Кончина царя Ѳеодора.

XVI-й вѣкъ исходилъ: съ его исходомъ прекращалась Рюрикова династія. Въ двухъ различныхъ положеніяхъ, въ двухъ различныхъ странахъ слѣдили мы за дѣятельностію потомковъ Рюрика и не могли не замѣтить основнаго различія въ этой дѣятельности. Сначала мы видимъ ихъ дѣйствующими въ громадной и рѣдко населенной странѣ, не имѣвшей до ихъ появленія исторіи. Съ необыкновенною быстротой Рюриковичи захватываютъ въ свое владѣніе обширныя пространства и подчиняютъ себѣ племена, здѣсь живущія: эту быстроту объясняетъ равнинность страны, удобство водныхъ путей, малочисленность и особенность племенъ, которыя не могли выставить крѣпкаго и дружнаго сопротивленія, ибо не знали союзнаго дѣйствія, каждое племя покорялось по одиночкѣ: ясный знакъ, что никакого единства между племенами не существовало, что это единство принесено князьями и сознаніе о единствѣ народномъ и государственномъ явилось вслѣдствіе ихъ дѣятельности. Они расплодили русскую землю и сами размножились въ ней съ необыкновенною силой: обстоятельство важное, ибо оно дало возможность членамъ одного владѣльческаго рода устроить себѣ множество столовъ во всѣхъ предѣлахъ громадной страны, взять въ свое непосредственное завѣдываніе всѣ важнѣйшія мѣста: не было потому необходимости въ намѣстникахъ большихъ городовъ и областей, въ людяхъ, изъ которыхъ могла бы образоваться сильная аристократія. Князья

разошлись по обширной странѣ, но не раздѣлились, ибо ихъ связывало другъ съ другомъ единство рода, которое такимъ образомъ приготовило единство земли. Чтобъ не порвалась связь между частями, связь слабая, только что завязавшаяся, необходимо было это безпрерывное движеніе, перемѣщеніе князей изъ одной области въ другую, съ концовъ отдаленныхъ. Князья съ своими дружинами представляли начало движенія, которое давало странѣ жизнь, исторію: не даромъ Мономахъ хвалится своимъ движеніемъ, большимъ количествомъ совершенныхъ имъ путешествій. Движеніе, движеніе неутомимое, было главною обязанностію князей въ это время: они строили города, давали имъ жителей, передвигали народонаселеніе изъ одной области въ другую, были виновниками новыхъ общественныхъ формъ, новыхъ отношеній. Все новое, все что̀ должно было дать племенамъ способность къ новой, высшей жизни, къ исторіи, было принесено этимъ движущимся началомъ, князьями и дружинами ихъ: они въ своемъ движеніи столкнулись съ Греками и взяли отъ нихъ христіанство; чтобъ понять значеніе Рюриковичей и дружинъ ихъ, какъ проводниковъ новаго, людей, пролагавшихъ пути исторической жизни, стоитъ только вспомнить разсказъ лѣтописца о появленіи волхва въ Новгородѣ: на вопросъ епископа: „кто идетъ къ кресту и кто къ волхву“? народъ, масса, хранящая старину, потянулась къ волхву, представителю стараго язычества, князь же и дружина его стали на сторонѣ епископа.—Скоро, при описаніи смутнаго времени, мы укажемъ и на великое значеніе массы народной, охранявшей старину, когда движеніе пошло путемъ незаконнымъ.

Такова была начальная дѣятельность Рюриковичей. Понятно, что въ эпоху этой начальной дѣятельности, при началѣ государственной зиждительности въ странѣ, не имѣвшей прежде исторіи, не могло быть еще ничего прочнаго, опредѣленнаго, все было еще въ зародышѣ, начала, сѣмена вещей сопоставлялись другъ съ другомъ безъ внутренней связи: части, образовавшись, стремились еще жить особенною жизнію; при сильномъ движеніи, просторѣ, возможности уходить при первомъ неудобствѣ, не было мѣста никакимъ опредѣленіямъ, ибо на движущейся почвѣ ничего построить нельзя. Главное право, главное ручательство въ выгодѣ положенія для члена общества, для члена извѣстнаго сословія, заключалось въ правѣ уйти, правѣ, которое основывалось на возможности ухода и

прекращалось съ этою возможностію. Столкновенія интересовъ разрѣшались не общими опредѣленіями, но порваніемъ отношеній, уходомъ изъ одной области въ другую, которая случайно, вслѣдствіе своей особной жизни съ особымъ правительствомъ, на время представляла бо́льшія удобства; отсюда господство временнаго, мѣстнаго, личнаго случайнаго надъ общимъ, господство необходимое при слабости, младенчествѣ государства.

Но государство росло и изъ младенчества оно переступило на высшую степень, которая знаменуется сосредоточеніемъ, осѣдлостію. Эта эпоха сосредоточенія необходима для утвержденія сознанія о государственномъ единствѣ, о единствѣ государственнаго интереса; здѣсь части, области, лица должны отказаться отъ своей особной, своеобразной жизни и подчиниться условіямъ жизни общей, и когда потомъ, при утвержденіи сознанія о государственномъ единствѣ, части получаютъ бо́льшую или меньшую самостоятельность, самоуправленіе, то эта самостоятельность является уже вслѣдствіе государственныхъ требованій, является съ непосредственнымъ отношеніемъ къ сосредоточивающей власти: такъ напримѣръ при Іоаннѣ IV даны были откупныя грамоты, установлявшія самоуправленіе въ волостяхъ; но отношеніе этихъ волостей къ царю вовсе не было похоже на отношеніе Новгорода или Пскова къ прежнимъ великимъ князьямъ московскимъ.

Въ эту эпоху сосредоточенія Рюриковичи, вслѣдствіе новыхъ условій временныхъ и мѣстныхъ (ибо главная сцена дѣйствія переносится съ юга на сѣверъ), перемѣняютъ свой характеръ и неуклонно ведутъ общество по новому пути. Изъ расплодителей земли они становятся собирателями земли, изъ храбрыхъ вождей дружинъ, любившихъ вездѣ честь свою брать, думавшихъ преимущественно объ этой вольной чести, а не объ упроченіи себѣ движимыхъ и недвижимыхъ стяжаній, считавшихъ неприличнымъ копить имѣніе, но все раздававшихъ дружинѣ—Рюриковичи становятся на сѣверѣ бережливыми хозяевами, преимущественно заботившимися о промыслахъ, прибыткахъ, крайне осторожными, неохотниками до рѣшительныхъ битвъ. И все на сѣверѣ, въ эпоху сосредоточенія, принимаетъ характеръ прочности, осѣдлости, вслѣдствіе чего земельныя отношенія, условливающія прочность, получаютъ важное значеніе; общество сознаетъ различіе з е м с к а г о человѣка, осѣдлаго собственника отъ вольнаго козака, представителя старины,

старой эпохи безнарядпаго движенія; этому представителю старины трудно въ новомъ обществѣ, онъ уходитъ на просторъ въ вольную степь и тамъ ждетъ случая вступить въ борьбу съ враждебнымъ ему новымъ порядкомъ вещей. Но эпоха сосредоточенія, но государи московскіе сдѣлали свое дѣло: государство крѣпко, и козаку не осилить земскаго человѣка.

Кончивши это второе дѣло свое, дѣло сосредоточенія земли, династія Рюрика сходитъ со сцены. Царь Θеодоръ не могъ самъ управлять государствомъ; явился правитель, который, вслѣдствіе произведеннаго прежними государями сосредоточенія власти и ослабленія могущества вельможныхъ родовъ, могъ легко, опираясь па свои близкія отношенія къ царю, осилить всѣхъ своихъ соперниковъ. Достигнувъ первенства, Годуновъ долженъ былъ подумать о будущемъ, и будущее это было для него страшно, тѣмъ страшнѣе, чѣмъ выше было его положеніе настоящее: у Θеодора не было сына, при которомъ бы Годуновъ, какъ дядя, могъ надѣяться сохранить прежнее значеніе, по крайней мѣрѣ, прежнюю честь; преемникомъ бездѣтнаго Θеодора долженствовалъ быть братъ его Димитрій, удаленный въ Угличъ при воцареніи старшаго брата, удаленный „совѣтомъ всѣхъ начальнѣйшихъ россійскихъ вельможъ“ [137]. Димитрій росъ при матери и ея родственникахъ, Нагихъ; понятно, какія чувства эти опальные Нагіе питали къ людямъ, подвергнувшимъ ихъ опалѣ, съ какими чувствами дожидались прекращенія своихъ бѣдствій, своего изгнанія, въ какихъ чувствахъ къ Годунову и къ людямъ ему близкимъ воспитывали ребенка, который не умѣлъ скрывать этихъ чувствъ. За будущее долженъ былъ бояться не одинъ Годуновъ, за будущее должны были бояться всѣ тѣ люди, которые были обязаны выгодами положенія своего Годунову и лишались всего съ его паденіемъ, а такихъ людей было очень много; наконецъ за будущее должны были бояться тѣ люди, которыхъ судьба хотя и не была тѣсно соединена съ судьбою Годунова, но по совѣту которыхъ Димитрій подвергся изгнанію, а къ этимъ людямъ принадлежали всѣ начальнѣйшіе россійскіе вельможи. И вотъ въ маѣ 1591 года разнеслась по государству вѣсть, что царевича Димитрія въ Угличѣ не стало [130], и понесся слухъ, что погибъ онъ насильственною смертію, отъ убійцъ, подосланныхъ Годуновымъ. Лѣтописцы такъ разсказываютъ подробности событія.

Сначала хотѣли отравить Димитрія: давали ему ядъ въ пищѣ и питьѣ, но понапрасну. Тогда Борисъ призвалъ родственниковъ своихъ, Годуновыхъ, людей близкихъ, окольничаго Клешнина и другихъ и объявилъ имъ, что отравой дѣйствовать нельзя, надобно употребить другія средства. Одинъ изъ Годуновыхъ, Григорій Васильевичъ, не хотѣлъ дать своего согласія на злое дѣло, и его больше не призывали на совѣтъ и чуждались. Другіе совѣтники Борисовы выбрали двухъ людей, по ихъ мнѣнію, способныхъ на дѣло — Владиміра Загряжскаго и Никифора Чепчюгова; но эти отреклись. Борисъ былъ въ большомъ горѣ, что дѣло не удается; его утѣшилъ Клешнинъ: „Не печалься, говорилъ онъ ему, у меня много родныхъ и друзей, желаніе твое будетъ исполнено". И точно, Клешнинъ отыскалъ человѣка, который взялся исполнить дѣло: то былъ дьякъ Михайла Битяговскій. Съ Битяговскимъ отправили въ Угличъ сына его Данилу, племянника Никиту Качалова, сына мамки Димитріевой, Осипа Волохова; этимъ людямъ поручено было завѣдывать всѣмъ въ городѣ. Царица Марья замѣтила враждебные замыслы Битяговскаго съ товарищами и стала беречь царевича, никуда отъ себя изъ хоромъ не отпускала. Но 15-го мая, въ полдень, она почему-то осталась въ хоромахъ, и мамка Волохова, бывшая въ заговорѣ, повела ребенка на дворъ, куда сошла за ними и кормилица, напрасно уговаривавшая мамку не водить ребенка. На крыльцѣ уже дожидались убійцы; Осипъ Волоховъ, взявши Димитрія за руку, сказалъ: „Это у тебя, государь новое ожерельице?" Ребенокъ поднялъ голову и отвѣчалъ: „Нѣтъ, старое". Въ эту минуту сверкнулъ ножъ; но убійца кольнулъ только въ шею, не успѣвъ захватить гортани, и убѣжалъ; Димитрій упалъ, кормилица пала на него, чтобъ защитить, и начала кричать, тогда Данила Битяговскій съ Качаловымъ, избивши ее до полусмерти, отняли у нея ребенка и дорѣзали. Тутъ выбѣжала мать и начала кричать. На дворѣ не было никого, всѣ родственники ея разошлись по домамъ; но соборный пономарь, видѣвшій съ колокольни убійство, заперся и началъ бить въ колоколъ; народъ сбѣжался на дворъ и, узнавши о преступленіи, умертвилъ стараго Битяговскаго и троихъ убійцъ; всего погибло 12 человѣкъ. Тѣло Димитрія положили въ гробъ и вынесли въ соборную церковь Преображенія, а къ царю послали гонца съ вѣстію объ убійствѣ брата. Гонца привели къ Борису; тотъ велѣлъ взять у него грамоту, написалъ

другую, что Димитрій самъ зарѣзался по небреженію Нагихъ, и велѣлъ эту грамоту подать царю: Θеодоръ долго плакалъ. Для сыску про дѣло и для погребенія Димитрія посланы были въ Угличъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, окольничій Андрей Клешнинъ, дьякъ Елизаръ Вылузгинъ и крутицкій митрополитъ Геласій. Посланные осмотрѣли тѣло, погребли его и стали разспрашивать Угличанъ, какъ, по небреженію Нагихъ, закололся царевичъ? Имъ отвѣчали, что царевичъ былъ убитъ своими рабами—Битяговскимъ съ товарищами, по приказанію Бориса Годунова и его совѣтниковъ. Но пріѣхавши въ Москву, Шуйскій съ товарищами сказали царю, что Димитрій закололся самъ. Нагихъ привезли въ Москву и пытали крѣпко; у пытки былъ самъ Годуновъ съ боярами и Клешнинымъ; но съ пытки Нагіе говорили, что царевичъ убитъ. Царицу Марью постригли въ монахини и заточили въ Выксинскую пустынь за Бѣлоозеро; Нагихъ всѣхъ разослали по городамъ, по тюрьмамъ; Угличанъ — однихъ казнили смертію, инымъ рѣзали языки, разсылали по тюрьмамъ, много людей свели въ Сибирь и населили ими городъ Пелымъ, и съ того времени Угличъ запустѣлъ.

Въ этомъ разсказѣ мы не встрѣчаемъ ни одной черты, которая бы заставляла заподозрить его; подробности самаго убіенія, предшествовавшій разговоръ убійцы съ жертвою, подробности приготовленій въ Москвѣ, имена лицъ, выбранныхъ, но отказавшихся взять на себя совершеніе злодѣйства, указанія на Клешнина, какъ на главнаго дѣятеля,—всѣ эти подробности не позволяютъ историку видѣть въ этомъ разсказѣ выдумку [131]. Сравнимъ теперь съ этимъ разсказомъ другой памятникъ, имѣвшій цѣлію доказать противное, т.-е. что Димитрій самъ закололся, обратимся къ слѣдственному дѣлу о убіеніи царевича.

19-го мая, вечеромъ, пріѣхали въ Угличъ князь Василій Шуйскій, Андрей Клешнинъ, Елизаръ Вылузгинъ и разспрашивали Михайлу Нагого: „Какимъ обычаемъ царевича Димитрія не стало? и что у него была за болѣзнь? Для чего онъ, Нагой, велѣлъ убить Михайлу Битяговскаго, сына его Данилу, Никиту Качалова, Данилу Третьякова, Осипа Волохова, посадскихъ людей, слугъ Битяговскаго и Волохова, и для чего онъ велѣлъ во вторникъ сбирать ножи, пищали, палицу желѣзную, сабли и класть на убитыхъ людей? Посадскихъ и сельскихъ многихъ людей для кого сбиралъ? и почему городоваго прикащика, Русина Ракова, приводилъ къ крест-

тому цѣлованью, что ему стоять съ нимъ заодно; и противъ кого было имъ стоять?“

Слѣдователи пріѣхали 19-го мая, вечеромъ; въ тотъ же вечеръ сдѣлали допросъ Михайлѣ Нагому, и о чемъ же спросили? не о томъ только, какъ приключилась смерть царевичу и что происходило потомъ, но спросили: какая болѣзнь была у царевича? зачѣмъ онъ, Нагой, велѣлъ убить извѣстныхъ людей и положить на нихъ оружіе, зачѣмъ сбиралъ людей, приводилъ городоваго прикащика ко кресту? Тотчасъ же представляется вопросъ: какимъ образомъ слѣдователи могли узнать все это? и послѣ уже изъ розыска открывается, что слѣдователи, пріѣхавъ въ Угличъ, прежде всего выслушали городоваго прикащика, Русина Ракова, который обвинилъ Нагихъ и показалъ, что царевичъ убился самъ. Итакъ, въ самомъ началѣ акта мы уже замѣчаемъ подозрительную неточность: о Русинѣ Раковѣ ничего не сказано, и прямо дѣлается допросъ Нагому на основаніи показаній Русина Ракова!

Михайла Нагой отвѣчалъ, что царевичъ зарѣзанъ Осипомъ Волоховымъ, Никитою Качаловымъ и Данилою Битяговскимъ, что убійцъ побили черные люди, безъ его, Михайлова, приказа, что оружіе на убитыхъ положилъ Русинъ Раковъ самъ, также безъ его вѣдома, и къ присягѣ городоваго прикащика онъ, Михайла Нагой, не приводилъ. Тогда Русинъ сослался на брата Михайлова, Григорія Нагого, и на слугу Бориса Аѳанасьева, и тѣ показали, что оружіе положено на убитыхъ по приказу Михайлы Нагого. Что же отвѣчалъ на это послѣдній? не знаемъ; знаемъ то, что онъ не приложилъ руки къ своимъ рѣчамъ; знаемъ еще любопытное обстоятельство: Русинъ Раковъ и сторожъ дьячьей избы, Евдокимъ Михайловъ, показали, что во вторникъ приходилъ въ дьячью избу человѣкъ Михайлы Нагого, Тимоѳей, вмѣстѣ съ Русиномъ Раковымъ; этотъ Тимоѳей принесъ живую курицу, зарѣзалъ ее, кровью вымазали разнаго рода оружіе, которое Русинъ Раковъ и положилъ на трупы Битяговскаго съ товарищами; но другой слуга Нагого, Борисъ Аѳанасьевъ, показалъ, что Тимоѳей еще въ понедѣльникъ вечеромъ сбѣжалъ невѣдомо куда, и дѣйствительно Тимоѳей у допроса не былъ.

Теперь посмотримъ, что показали Нагіе о самой смерти царевича. Михайла Нагой, какъ мы видѣли уже, сказалъ, что Димитрія зарѣзали Осипъ Волоховъ, Никита Качаловъ и Данила Битягов-

скій. Но онъ не объявилъ самаго главнаго, именно: кто сказалъ ему объ этомъ; потому что самъ онъ не видалъ, какъ было дѣло, прибѣжавши уже на колокольный звонъ и думая, что горитъ во дворцѣ. Григорій Нагой показалъ противное, что царевичъ накололся самъ ножомъ въ припадкѣ падучей болѣзни, которая на немъ и прежде бывала. Но и Григорій не объявилъ главнаго: кто сказалъ ему о родѣ смерти царевича, потому что самъ онъ также ничего не видалъ, прибѣжавши вмѣстѣ съ Михайлою. Но Григорій въ своемъ показаніи прибавляетъ очень важное обстоятельство, именно, что они застали царевича еще въ живыхъ, и умеръ онъ при нихъ. При этомъ Григорій не прибавилъ обстоятельствъ важныхъ: въ какомъ положеніи засталъ онъ царевича (кормилица показала, что онъ умеръ на ея рукахъ)? былъ ли у него или подлѣ него ножъ, которымъ онъ игралъ? Слѣдователи объ этомъ не спрашивали. Потомъ Григорій Нагой показалъ, что когда явился старый Битяговскій и набѣжало множество народу, то начали говорить, н е в ѣ д о м о к т о, будто царевича зарѣзалъ Данила Битяговскій съ товарищами. Изъ другихъ показаній открывается, что этотъ н е в ѣ д о м о к т о была царица Марья, что Григорій Нагой вѣрилъ своей сестрѣ и по ея приказу билъ мамку Василису Волохову полѣномъ по бокамъ; а теперь что̀ заставило его перемѣнить убѣжденіе? Одни скажутъ: онъ одумался, увидалъ неправду сестры и собственную; но другіе скажутъ, что онъ былъ улещенъ и застращенъ, и дѣло по прежнему остается темнымъ. Наконецъ третій Нагой, Андрей, показалъ, что царевичъ ходилъ на заднемъ дворѣ, игралъ съ дѣтьми черезъ черту ножемъ, и вдругъ на дворѣ закричали, что царевича не стало, царица сбѣжала сверху, а онъ, Андрей, въ то время сидѣлъ за столомъ; услыхавъ крикъ, онъ прибѣжалъ къ царицѣ и видитъ, что царевичъ лежитъ на рукахъ у кормилицы м е р т в ъ, а с к а з ы в а ю т ъ, что его зарѣзали: и онъ, Андрей, того не видалъ, кто его зарѣзалъ, а на царевичѣ бывала болѣзнь падучая. Это показаніе правдоподобнѣе прочихъ; но вотъ что замѣчательно: Андрей Нагой сидѣлъ во дворцѣ за обѣдомъ и сбѣжалъ на дворъ тотчасъ за царицею, какъ только услыхалъ крикъ и нашелъ уже царевича мертвымъ на рукахъ кормилицы; а Григорій Нагой обѣдалъ у себя на подворьѣ, прибѣжалъ уже на звонъ колоколовъ и нашелъ еще, царевича, живымъ!.... Что же мы должны заключить объ этихъ показаніяхъ?

то, что всѣ они, по своему явному противорѣчію и утайкѣ главныхъ обстоятельствъ, должны быть заподозрѣны и отстранены. Но обратимся къ показаніямъ очевидцевъ: не объяснятъ ли они намъ дѣла удовлетворительнѣе.

Мамка Василиса Волохова показала, что царевичъ игралъ съ дѣтьми ножомъ и, въ припадкѣ падучей болѣзни, покололся самъ въ горло; тогда царица Марья сбѣжала на дворъ и начала ее Василису, бить полѣномъ, не слушая никакихъ оправданій, и пробила ей голову во многихъ мѣстахъ, приговаривая, что Димитрія зарѣзали сынъ ея, Василисинъ, Осипъ вмѣстѣ съ Данилою Битяговскимъ и Никитою Качаловымъ; потомъ царица велѣла бить ее, Василису, брату своему, Григорію Нагому, послѣ чего бросили ее замертво. Потомъ начали звонить у Спаса въ колокола, сбѣжались посадскіе люди, и царица Марья велѣла имъ опять взять ее, Василису: мужики взяли ее, ободрали и простоволосу держали предъ царицею; прибѣжалъ на дворъ Михайла Битяговскій и началъ уговаривать посадскихъ людей и Михайлу Нагова; но царица и Михайла Нагой велѣли убить Битяговскаго. Василиса объявила также, что вмѣстѣ съ нею во время смерти царевича были: кормилица Ирина и постельница Марья Самойлова; спросили и этихъ женщинъ: кратко и сжато, почти въ одинхъ словахъ, онѣ объявили, что царевичъ игралъ съ дѣтьми и, въ припадкѣ падучей болѣзни, накололся самъ ножикомъ. Спросили и дѣтей, игравшихъ съ Димитріемъ: они показали то же, что и женщины; слѣдователи спросили у нихъ: кто еще съ ними былъ на дворѣ во время смерти царевича? дѣти указали дважды на кормилицу Ирину и на постельницу Марью Самойлову, но пропустили — Василису Волохову, и слѣдователи не обратили вниманія на это обстоятельство! Кромѣ трехъ женщинъ и дѣтей явился еще одинъ очевидецъ, стряпчій Семейка Юдинъ, который сказалъ, что стоялъ въ то время у поставца и самъ видѣлъ, какъ царевичъ накололся ножомъ въ припадкѣ падучей болѣзни. Вотъ и всѣ очевидцы. Остальныя же лица говорили по чужимъ рѣчамъ (чьимъ—неизвѣстно): и тѣмъ не менѣе многіе утверждали, что царевичъ игралъ съ дѣтьми и въ припадкѣ падучей болѣзни самъ наткнулся на ножъ.

Но кромѣ приведенныхъ есть еще и другія подозрительныя обстоятельства. Здѣсь первое мѣсто занималъ вопросъ: кто и когда началъ первый звонить у Спаса и этимъ привлекъ толпу народа

на дворъ царевичевъ? Михайла и Григорій Нагіе показали, что они прибѣжали съ своего подворья къ царевичу, будучи встревожены колокольнымъ звономъ; Василиса же Волохова объявила, что Григорій Нагой находился у царевича и билъ ее прежде, чѣмъ начали звонить у Спаса; Григорій Нагой прибавилъ, что въ колоколъ началъ звонить пономарь, прозвищемъ Огурецъ. Константиновской церкви пономарь, вдовый попъ Ѳедотъ Аѳанасьевъ, прозвищемъ Огурецъ, былъ потребованъ къ допросу и показалъ, что сидѣлъ дома, когда у Спаса зазвонилъ сторожъ Максимъ Кузнецовъ, и онъ, Огурецъ, отъ себя съ двора побѣжалъ въ городъ, и когда прибѣжалъ къ церкви къ Спасу, встрѣтился ему кормоваго дворца стряпчій, Суббота Протопоповъ, и велѣлъ ему звонить въ колоколъ у Спаса, да ударилъ его въ шею и заставилъ силою звонить, говоря, что царица Марья приказываетъ, и все это онъ говорилъ передъ Григорьемъ Нагимъ. Григорій Нагой сказалъ: „того онъ не слыхалъ, что тому попу Ѳедоту велѣлъ звонить Суббота Протопоповъ; а сказывалъ ему тотъ же попъ Ѳедотъ, что велѣлъ ему звонить Суббота, и что прибѣгалъ къ нему Михайла Битяговскій, и онъ заперся, на колокольню его не пустилъ“. А Суббота Протопоповъ, поставленный на очную ставку съ попомъ Ѳедотомъ, сказалъ: „Какъ пріѣхалъ на дворъ Михайла Нагой, и велѣлъ ему, Субботѣ, звонить въ колокола для того, чтобы міръ сходился, то онъ и приказалъ пономарю Огурцу звонить“. Такимъ образомъ звонъ произошелъ по приказу Нагихъ, а Нагіе показывали, что они сами прибѣжали на звонъ; но если они показывали ложно, то какъ очутились они на дворѣ у царевича? кто имъ далъ знать о несчастіи? Слѣдователи не обратили на это вниманія. Мало того, Огурецъ объявилъ, что онъ самъ прибѣжалъ на звонъ, что первый сталъ звонить у Спаса сторожъ Максимъ Кузнецовъ; но для чего же Субботѣ нужно было толкать Огурца въ шею и заставлять его звонить, когда звонъ уже былъ произведенъ? Куда дѣвался Кузнецовъ? какъ слѣдователи не обратили вниманія на эту запутанность и не потребовали къ допросу Кузнецова? Далѣе Константиновской церкви священникъ Богданъ показалъ, что онъ въ тотъ день, въ субботу обѣдалъ у Михайлы Битяговскаго: вдругъ зазвонили въ городѣ у Спаса въ колоколъ; Битяговскій послалъ своихъ людей провѣдать зачѣмъ звонятъ, и думалъ, что гдѣ-нибудь пожаръ; посланные воз-

вратились и сказали, что царевича Димитрія не стало; тогда Михайла тотчасъ пріѣхалъ на дворъ къ царевичу, началъ уговаривать посадскихъ людей и былъ ими убитъ; а сынъ Михайлы Битяговскаго, Данила, былъ въ то время у отца своего на подворьѣ, обѣдалъ. Священникъ показалъ, что Битяговскій дома еще узналъ о смерти царевича и тотчасъ отправился во дворецъ; а углицкіе разсыльщики показали, что Михайла Битяговскій, услыхавъ шумъ, пошелъ вмѣстѣ съ сыномъ въ дьячью избу; здѣсь сытникъ Моховиковъ сказалъ ему, что царевичъ боленъ падучею болѣзнію (еще только!), и Битяговскій отправился къ царицѣ, а сынъ его остался въ дьячьей избѣ. Какое же изъ этихъ двухъ показаній справедливо? Если справедливо показаніе священника Богдана, то Михайлѣ Битяговскому, извѣщенному, что царевича не стало, не зачѣмъ было сначала идти въ дьячью избу: онъ долженъ былъ прямо спѣшить во дворецъ. Разумѣется, для объясненія этого противорѣчія нужно было спросить сторожа дьячьей избы, Евдокима Михайлова: онъ долженъ былъ знать, былъ ли Михайла Битяговскій въ избѣ, и какъ попалъ туда сынъ его Данила, какъ вмѣстѣ съ послѣдними очутился тамъ и Качаловъ? По сторожа Евдокима спросить объ этомъ не заблагоразсудили. Спрашивали Кирилла Моховикова, который, по объявленію разсыльщиковъ, первый далъ знать Битяговскому о болѣзни царевича; и Моховиковъ не сказалъ ни слова о томъ, давалъ ли онъ объ этомъ знать Битяговскому, и объявилъ только, что когда царевичъ покололся ножомъ и начали звонить, то Михайла Битяговскій прибѣжалъ къ двору, къ воротамъ, а ворота были заперты, и онъ, Моховиковъ, побѣжалъ къ Михайлѣ къ воротамъ и ворота отперъ; когда Михайла вошелъ на дворъ и началъ посадскихъ и всякихъ людей уговаривать, то Моховикова начали бить и забили на смерть, руки и ноги переломали. Но какимъ образомъ ворота были заперты когда толпа народа находилась уже на дворѣ, когда нарочно велѣно было звонить, чтобъ народъ собирался на дворъ, и за что били Моховикова? На эти обстоятельства слѣдователи не обратили никакого вниманія; упустили изъ виду и слова пономаря, Огурца, что Михайла Битяговскій прибѣгалъ къ нему на колокольню, но что онъ заперся.

Послѣ всего этого не должны ли мы заключить, что слѣдствіе было произведено недобросовѣстно? не ясно ли видно, какъ спѣ-

шили собрать побольше свидѣтельствъ о томъ, что царевичъ зарѣзался самъ въ припадкѣ падучей болѣзни, не обращая вниманія на противорѣчія и на укрытіе главныхъ обстоятельствъ. Нагіе пострадали за то, что наустили народъ убить Битяговскихъ, Волохова и Качалова; Угличане пострадали за то, что повѣрили Нагимъ; но ни одинъ изъ Нагихъ не былъ свидѣтелемъ несчастія: кто же первый произнесъ имена убійцъ? царица Марья, какъ выходитъ изъ показанія Василисы Волоховой? но царица сама не была свидѣтельницею несчастія; слѣдовательно она или выдумала и то, что царевича убили, и то, кто именно убилъ, или услыхала объ этомъ отъ кого-нибудь изъ очевидцевъ. Положимъ, что выдумала; но странно, почему она назвала именно троихъ людей: Данилу Битяговскаго, Никиту Качалова и Осипа Волохова? почему она не назвала Михайлу Битяговскаго, главнаго врага ея братьевъ и ея самой? Митрополитъ Геласій, возвратясь въ Москву, говорилъ на духовномъ соборѣ: „Царица Марья, призвавъ меня къ себѣ, говорила, что убійство Михайлы Битяговскаго съ сыномъ и жильцовъ дѣло грѣшное, виноватое, просила меня донести ея челобитье до государя, чтобъ государь тѣмъ бѣднымъ червямъ, Михайлу Нагому съ братьями, въ ихъ винѣ милость показалъ". Положимъ, что царица точно говорила Геласію такимъ образомъ; но изъ ея словъ еще вовсе нельзя заключить, что она признавалась въ собственной винѣ; поступокъ Нагихъ она называетъ грѣшнымъ и виноватымъ; онъ и точно былъ таковъ, потому что Битяговскіе и товарищи его были убиты безъ суда, беззаконнымъ образомъ. Любопытно также, что ни постельница, ни кормилица, ни дѣти не подтвердили показанія мамки, что царица первая назвала имена убійцъ. Лѣтописное сказаніе благосклонно отзывается о кормилицѣ Иринѣ Ждановой: эта Жданова, подобно мамкѣ и постельницѣ, показала, что царевичъ заколося въ припадкѣ черной болѣзни; однако ее, вмѣстѣ съ мужемъ, вытребовали послѣ въ Москву.

Не смотря на всю неудовлетворительность показаній, содержащихся въ слѣдственномъ дѣлѣ, патріархъ Іовъ удовлетворился ими и объявилъ на соборѣ: „Передъ государемъ Михайлы и Григорья Нагихъ и углицкихъ посадскихъ людей измѣна явная: царевичу Димитрію смерть учинилась Божіимъ судомъ; а Михайла Нагой государевыхъ приказныхъ людей, дьяка Михайлу Битяговскаго съ сыномъ, Никиту Качалова и другихъ дворянъ, жильцовъ и посадскихъ людей, ко

торые стояли за правду, велѣлъ побить напрасно, за то, что Михайла Битяговскій съ Михайломъ Нагимъ часто бранился за государя, зачѣмъ онъ, Нагой, держалъ у себя вѣдуна, Андрюшу Мочалова, и много другихъ вѣдуновъ. За такое великое измѣнное дѣло Михайла Нагой съ братьею и мужики Угличане, по своимъ винамъ, дошли до всякаго наказанья. Но это дѣло земское, градское, то вѣдаетъ Богъ да государь, все въ его царской рукѣ, и казнь, и опала, и милость, о томъ государю какъ Богъ извѣститъ; а наша должность молить Бога о государѣ, государынѣ, о ихъ многолѣтнемъ здравіи и о тишинѣ междоусобной брани.“

Соборъ обвинилъ Нагихъ; но въ народѣ винили Бориса, а народъ памятливъ и любитъ съ событіемъ, особенно его поразившимъ, соединять и всѣ другія важныя событія. Легко понять впечатлѣніе, какое должна была произвести смерть Димитрія: и прежде гибли удѣльные въ темницахъ, но противъ нихъ было обвиненіе въ крамолахъ, они наказывались государемъ; теперь же погибъ ребенокъ невинный, погибъ не въ усобицѣ, не за вину отца, не по приказу государеву, погибъ отъ подданнаго. Скоро, въ іюнѣ мѣсяцѣ сдѣлался страшный пожаръ въ Москвѣ, выгорѣлъ весь Бѣлый городъ, Годуновъ расточилъ милости и льготы погорѣвшимъ; но понеслись слухи, что онъ нарочно велѣлъ зажечь Москву, дабы милостями привязать къ себѣ ея жителей и заставить ихъ забыть о Димитріи или, какъ говорили другіе, дабы заставить царя, бывшаго у Троицы, возвратиться въ Москву, а не ѣхать въ Угличъ для розыска; народъ думалъ, что царь не оставитъ такого великаго дѣла безъ личнаго изслѣдованія, народъ ждалъ правды. Слухъ былъ такъ силенъ, что Годуновъ почелъ нужнымъ опровергнуть его въ Литвѣ чрезъ посланника Ислѣньева, который получилъ наказъ: „Станутъ спрашивать про пожары московскіе, то говорить: мнѣ въ то время не случилось быть въ Москвѣ; своровали мужики воры, люди Нагихъ, Аѳанасья съ братьею: это на Москвѣ сыскано. Если же кто молвитъ, что есть слухи будто зажигали люди Годуновыхъ, то отвѣчать: это какой-нибудь воръ бездѣльникъ сказывалъ: лихому человѣку воля затѣвать. Годуновы бояре именитые, великіе.“—Пришелъ ханъ Казы-Гирей подъ Москву, и по украйнѣ понесся слухъ, что подвелъ его Борисъ Годуновъ, боясь земли за убійство царевича Димитрія; ходилъ этотъ слухъ между простыми людьми; Алексинскій сынъ боярскій донесъ на своего

крестьянина; крестьянина взяли и пытали въ Москвѣ; онъ оговорилъ многое множество людей; послали сыскивать по городамъ, много людей перехватали и пытали, кровь неповинную проливали, много людей съ пытокъ померло, иныхъ казнили и языки рѣзали, иныхъ по темницамъ поморили, и много мѣстъ отъ того запустѣло [132].

Черезъ годъ послѣ углицкаго происшествія, у царя родилась дочь Ѳеодосія, но въ слѣдующемъ году ребенокъ умеръ; Ѳеодоръ былъ долго печаленъ и въ Москвѣ былъ плачъ большой; къ Иринѣ патріархъ Іовъ писалъ утѣшительное посланіе, говорилъ что она можетъ помочь горю не слезами, не безполезнымъ изнуреніемъ тѣла, но молитвою, упованіемъ, по вѣрѣ дастъ Богъ чадородіе, и приводилъ въ примѣръ св. Анну. Въ Москвѣ плакали—и говорили, что царскую дочь уморилъ Борисъ. [133].

Черезъ пять лѣтъ по смерти дочери, въ самомъ концѣ 1597 года, царь Ѳеодоръ занемогъ смертельною болѣзнію, и 7 января 1598 года, въ часъ утра, скончался. Мужеское племя Калиты пресѣклось; оставалась одна женщина, дочь несчастнаго двоюроднаго брата Іоаннова, Владиміра Андреевича, вдова титулярнаго ливонскаго короля Магнуса, Марѳа (Марья) Владиміровна, возвратившаяся по смерти мужа въ Россію; но и она была мертва для свѣта, была монахинею; постриженіе ея, говорятъ, было невольное; у ней была дочь Евдокія; но и та умерла еще въ дѣтствѣ, говорятъ также смертію неестественною. Оставался еще человѣкъ, который не только носилъ названіе царя и великаго князя, но и дѣйствительно царствовалъ одно время въ Москвѣ по волѣ Грознаго, крещеный касимовскій ханъ, Симеонъ Бекбулатовичъ. Въ началѣ царствованія Ѳеодорова онъ еще упоминается въ разрядахъ подъ именемъ царя тверскаго и первенствуетъ предъ боярами; но потомъ лѣтопись говоритъ, что его свели въ село Кушалино, дворовыхъ людей было у него немного, жилъ онъ въ скудости; наконецъ онъ ослѣпъ, и въ этомъ несчастіи лѣтопись прямо обвиняетъ Годунова. Не пощадили Годунова и отъ обвиненія въ смерти самого царя Ѳеодора.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Дѣла Шведскія, № 3, стр. 37.

2) Древн. Росс. Вивліоѳ. ч. 13; Исторія Россіи, V, 138.

3) С. г. г. и д. I, № 168.

4) Никон. VII. 214; лѣтоп. рукопис. Синодал. библ. № 486; Карамз. VIII, примѣч. 587; Допол. къ акт. истор. I, № 55.

5) Александро-Невск. лѣтоп. подъ означ. годомъ.

6) А послѣ стола царь и в. князь пировалъ. Дѣла Крымскія, № 10, стр. 379.

7) Дѣла Польск. № 14, стр. 134.—Времен. Москов. Истор. Общ. № 7.

8) С. г. г. и д. I, № 163: отъ твоихъ князей, или отъ твоихъ бояръ; А. арх. эксп. I, № 187: „отъ В. Князя въ Бѣлозерскій уѣздъ, княземъ и дѣтемъ боярскимъ."

9) С. г. г. и д. II, № 35.

10) Древн. Росс. Вивліоѳ. XIII, 58.

11) Дополн. къ акт. истор. I, № 39.

12) Томъ VI, стр. 36.

13) Дѣла Польск. № 7, стр. 985.

14) Тж. № 9, стр. 99.

15) Тж. № 10, стр. 280 и 281.

16) Тж. № 14, стр. 140.

17) Тж. № 4, годъ 1552; № 6, стр. 21; № 7; стр. 21, 985; Англійскія дѣла, № 1, стр. 219; Акты арх. эксп. I, 207; Акты историч. I, № 180; Дѣла Ногайскія № 5, стр. 134.

18) П. С. Р. Л. III, 255; Дѣла Польск. № 7, стр. 506,

19) Дѣла Польск. № 4, годъ 1552, 1555; № 7; № 10, стр. 204.

20) Акты историч. I, № 154; С. г. г. и д. I, № 170, Акты арх. эксп. I, № 304; Акты юрид. № 22.

21) Дѣла Крымскія, № 8, стр. 114; Польск. № 7, стр. 985, № 12, стр. 5; № 13, стр. 548.

22) С. г. г. и д. II, № 38.

23) Симбирскій Сборникъ, Введеніе къ Разрядной.

24) Никонъ VII, 258.

25) Акты арх. эксп. I, № 218, 225; Временн. Моск. Истор. Общ. кн. 20; Дополн. къ акт. истор. I, № 47, 52, 100, 124, 69, 68, 72, 73, 90, 125, 107, 80, 68, 70, 90; Акты арх. эксп. I, № 205, 314; П. С. Р. Л. IV, 300, 309, 312, 314, 318.—Чтенія Москов. Истор. Общ. № 4, 1846, г.: О сторожев. службѣ, примѣч. 7.

26) Исторія Россіи, V, 216.

27) См. статью Бѣляева: О сторожевой, станичной и полевой службѣ въ Чтеніяхъ Москов. Истор. Общ. № 4, 1846 г.

28) Акты Западной Росс. III, № 4, 11, 38, 64.

29) Метрика Литовская, I, стр. 20, 22, 26, 30; Дѣла Крымск. № 12, стр. 188; № 15, вѣстовой списокъ Ржевскаго, 1576 года; L. Gorecii—Descriptio belli Jvoniae ap. Pistorium polon, histor. corpus t. III; Solicovii Commentarius; Septentrionalische Historien (Pamietniki Miller. do pan. St. Bat.) стр. 12.

30) Дополн. къ акт. историч. I, № 89; Акты арх. эксп. I, № 233 Дополн. къ акт. истор. I, № 78; Акты юридич. № 209, 168—172; Дополн. къ акт. истор. I, № 84, 85, 93.

31) Исторія Россіи V, 201.

32) Акты арх. эксп. I. № 230, 263, 282, 298; Дополн. къ акт. истор. I, № 95, 116; акты арх. эксп. I, № 223; Дополн. къ акт. истор. I, № 45; Акты Запад. Россіи, III, № 19; Акты изд. Кіев. Коммисс. т. II, уставъ о волокахъ.

33) Акты арх. эксп. I, № 234, 243, 250; С. г. г. и д. II, № 46, Исторія Россіи, VI, 425; Дополн. къ акт. истор. I, № 76, 79, 127, 103; П. С. Р. Л. IV, 299; Дополн. къ акт. истор. I, № 76 и слѣд.; № 52 слѣд.; П. С. Р. Л. III, 153; Дополн. къ акт. истор. I, № 86, 146; Акты юридич. № 289, 229; Акты арх. эксп. I, № 184, 210; П. С. Р. Л. III, 152, 160, 164, 174, 156, 158, 164, 169.

34) Акты арх. эксп. I, № 243, 250, 240; Акты истор. I, № 165; Акты арх. эксп. I, № 256; Акты истор. I, № 175; Акты юридич. № 46; Акты истор. № 153; Акты арх. эксп. I, № 234; Дополн. къ акт. истор. I, № 51, 56; Акты юридич. № 46, 176—182; Акты истор. № 134, 153; Акты арх. эксп. I, № 237; Акты юрид. № 21, 22, 228; Акты арх. эксп. I. № 200; С. г. г. и д. II, № 49.

35) Акты истор. I, № 192; Акты арх. эксп. I, № 261; Акты истор. I, № 301; Акты арх. эксп. I, № 200, 292, 317; Дополн. къ акт. истор. I № 82, 96, 93; Акты юридич. № 21; Дополн. къ акт. истор. I, № 202 Hakluyt's Collection of the early voyages et. c. v. I. П. С. Р. Л. III. 153, 164, 161, 168, 158.

36) Hakluyt's Collection of the early voyages et. c. v. I; Начал. торг. и полит. снош. между Англ. и Россіей—Гамеля, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1856, № 2 и 3. Дѣла Ногайскія № 4, стр. 350; Дѣла Польскія № 4, стр. 530; Дѣла Шведскія, № 1, стр. 128; Дѣла Датскія, № 1, стр. 251, 333; Александро-Невская лѣтопись подъ 7075 годомъ; Акты арх. эксп. I, № 211; Дѣла Польскія № 3, стр. 58, 60, 61, 62, 180, 200, № 4, стр. 155, 530; Дополн. къ акт. истор. I, № 61; Дѣла Шведскія № 1, стр. 424; Акты арх. эксп. I, № 282; Акты истор. I, № 193; Акты арх. эксп. I, № 188, 269; Акты истор. I, № 138; П. С. Р. Л. III, 155, 169, IV, 308, 317; Александро-Нев. лѣтоп. годъ 1566, 1567; Дѣла Крымскія № 13, стр. 140; Карамз. IX, прим. 326, 327, 328; Опис. архива старыхъ дѣлъ, стр. 230.

37) Собр. древ. грам. гор. Вильны и проч. I, № 27, 28, 30, 31, 33, 34, 47, 48, 53, 60, 61, 64; Акты Зап. Росс. III, №№ 28, 92, 121; II, 195, 203; Собр. грам. Вил. и проч. № 44; Акты Зап. Росс. II, № 200, 202; Метрика Литов. I, № 27. Отрывки Михалона Литвина въ Архивѣ Истор. юридич. свѣдѣній, кн. второй, полов. *вторая; Акты изд. Кіев. Коммисс. I, отд. II, № 23. Т. II, отд. 2.

38) Акты арх. эксп. № 241; Рукопис. житіе Св. Трифона Печенскаго. Дополн. къ акт. истор. I, № 28, 43; Акты арх. эксп. I, № 208, 305. Дополн. къ акт. истор. I, № 52, 62; Акты арх. эксп. I, № 184, 185, 264. Акты истор. I, № 173; Акты арх. эксп. № I, 186; Акты истор. I, № 158; Акты арх. эксп. I, № 229; Акты истор. I № 298; Дополн. къ акт. истор. I, № 41; Стоглав. по рукоп. Имп. Публ. библіот.; Акты арх. эксп. I, № 232; Акты истор. № 154, 155; Акты арх. эксп. I № 231; Акты истор. I, № 212, 204, 190; Акты арх. эксп. I, № 227, 308; С. г. г. и д. I, № 200; Акты арх. эксп. I, № 214, 195, 202, 197; Акты истор. I, № 189; Акты юридич. № 125, 126; Акты арх. эксп. I, № 191, 246, 221, 258, 268, 307, 189, 198; Акты истор. I, № 157.—Еп. Макарія—Исторія Русскаго раскола. стр. 5 и слѣд.; Акты арх. эксп. I, № 238, 239; Никон. лѣт. VII, 204; Акты истор. № 161, 296, 300, 297; П. С. Р. Л. III, 156, 164, 170, 172; Дѣла Греческ. № 1-й и 2-й; Собор. Грам. Духов. Правосл. Восточ. церкви, изд. кн. Оболенскимъ 1850 г.; Чтенія Москов. Истор. Общ. 1847 г. № 3, Акты Запад. Россіи II, № 193, 197, 198; III, № 32, 137, 140, 20, 21, 71, 80; II, № 67, 68, 212, 219, 231; III, № 2, 43; II, № 174, 205; III, 14, 15; II, № 230; III, № 29, 43, 53, 89, 118, 110, 129, 144, 126, 10, 3, 31; Исторія Россіи V. 266; Акты Западн Россіи, III, 138, 139; Собр. древ. грам. город. Вильны и проч. II, № 17; Акты Западн. Россіи, III, № 109, 131; Supplem. ad histor. Russ. Monum. № L, LIII—LIX, CLXIX—CLXXVI; Акты изд. Кіевск. Коммисс. I, отд. II, № 4—9.

39) Акты истор. I, № 153—155; Акты арх. эксп. I, № 274; Акты юридич. № 289; Акты арх. эксп. № 281, 280.

40) См. отступную грамоту отчича, гдѣ онъ обязывается не выкупать проданной вотчины, въ С. г. г. и д. I, № 173. Неволинъ (Ист. Росс Гражд. Зак. III, 68,) разсуждая о правѣ выкупа, говоритъ: „Неопредѣлительность, въ какой выкупъ родственный является по самымъ первымъ объ немъ извѣстіямъ, едва ли способна произвесть въ насъ убѣжденіе о глубокой его древности. Но онъ можетъ быть тѣмъ не менѣе весьма древенъ, какъ тѣ отношенія, изъ которыхъ онъ могъ возникнуть.“—Далѣе онъ отвергаетъ объясненія, что выкупъ есть остатокъ того общаго поземельнаго владѣнія, въ которомъ нѣкогда состояли родственники; онъ не признаетъ существованія у насъ общаго владѣнія родственниковъ, ибо, если въ древнія времена родственники владѣли иногда у насъ имуществами совокупно, то это ни въ какомъ случаѣ не была единственная форма обладанія землями; напротивъ, подлѣ нея очень легко могла существовать и дѣйствительно существовала другая форма отдѣльнаго обладанія.

Указаніе, что въ древнія времена, подлѣ совокупнаго обладанія существовала еще форма отдѣльнаго обладанія можетъ доказывать только, что первая форма не была исключительною; но тутъ еще рождается вопросъ которая форма древнѣе? Неволинъ (II, 9) въ баснословномъ извѣстіи о Кіи, Щекѣ и Хоривѣ, предполагаетъ, что три брата живутъ другъ отъ друга отдѣльно, на особыхъ мѣстахъ, особыми хозяйствами; но это предположеніе ни откуда не слѣдуетъ: три брата могли занять вблизи другъ отъ друга разныя мѣста для хозяйственныхъ удобствъ, но изъ этого еще нисколько не слѣдуетъ, чтобъ они раздѣлились: развѣ теперь мы не видимъ, что братья живутъ въ разныхъ мѣстахъ, въ разныхъ домахъ и однако имѣютъ нераздѣльное имущество? О надѣленіи князей участками нечего говорить, ибо мы знаемъ, что князья смотрѣли на эти участки какъ на временное владѣніе и покидали ихъ для другихъ, стремясь къ старшинству по родовой лѣстницѣ, признавая нераздѣльность рода и родовой собственности, отчинность всей Русской земли для всѣхъ. Но съ появленіемъ дружины, по самому характеру ея, необходимо должна была явиться отдѣльная собственность подлѣ родовой какъ вообще съ появленія князей и дружинъ ихъ родовой бытъ началъ ослабѣвать; но до окончательнаго его ослабленія было еще очень далеко; онъ уступалъ нелегко, оставлялъ и оставилъ видные слѣды.

„При существованіи общаго владѣнія, говоритъ далѣе Неволинъ, по самому свойству вещи, участникъ въ искѣ не можетъ отчуждать своей доли безъ согласія прочихъ соучастниковъ; отчужденіе имъ сдѣланное безъ согласія съ ними, должно имѣть своимъ послѣдствіемъ не право выкупа для прочихъ соучастниковъ, но недѣйствительность самаго от-

чужденія. Если же соучастниками дано согласіе на это отчужденіе, то послѣ сего для нихъ не можетъ еще существовать право выкупа."

Мы уже замѣтили, что съ появленіемъ князей и дружинъ ихъ, родовому быту нанесенъ былъ ударъ, онъ долженъ былъ ослабѣвать; но, какъ обыкновенно бываетъ при борьбѣ двухъ формъ, если старая форма такъ сильна, что не можетъ быть совершенно уничтожена новою, то между ними происходятъ, такъ-сказать, сдѣлки, взаимныя уступки: къ таковымъ сдѣлкамъ принадлежитъ и право выкупа: владѣлецъ могъ отчудить владѣніе безъ согласія родичей, но послѣдніе удерживали право выкупать отчужденное. Относительно борьбы между старою и новою формою и сдѣлокъ между ними чрезвычайно важно приведенное нами въ текстѣ постановленіе, что владѣлецъ можетъ отчуждать только половину отчины мимо отчичей, въ противномъ же случаѣ отчужденіе недѣйствительно. То же самое увидимъ и въ Литовскомъ законодательствѣ.

41) С. г. г. и д. I, № 165; Исторія Россіи IV, 240 и слѣд. Акты юрид. № 23, 137, 259.

42) Времени. Москов. Истор. Общ. кн. 23.

43) Дѣла Польск. № 4, годъ 1556, стр. 530 и слѣд. стр. 56; Дѣла Швед. № 1, стр. 18; Дѣла Крымск. № 8, стр. 159; Акты Зап. Росс. II, № 175; Литов. метр. I, № 55; Дѣла Датскія № 1, стр. 375; Дѣла Польск. № 9, стр. 33, 198, 375; Дѣла Крымскія № 8, стр. 326: Дѣла Польскія № 6, стр. 21.

44) Акты Зап. Росс. III, № 120; П. С. Р. Л. IV, 293; VI, 300, 301, III, 200, 157; Акты арх. эксп. I, № 310; Дополн. къ акт. истор. I, № 102. Дѣла Польск. № 7, стр. 461; Дѣла Крымск. № 10, стр. 143, № 11, стр. 126; № 12, стр. 296; Дѣла Ногайскія № 6, стр. 18. Архивъ историко-юридич. свѣд. кн. II, полов. 2. П. С. Р. Л. VI, 293; Дѣла Крымскія № 15, стр. 161, 250, 459.

45) Опис. рукоп. Румянц. музея, стр. 158; Акты юридич. № 46; Акты арх. эксп. I, № 187; Акты юрид. № 45, 270, 271; Дополн. къ акт. истор. № 239 и слѣд.; Дополн. къ акт. истор. I, № 41; Акты арх. эксп. I, № 244; Акты истор. I, № 154; Акты арх. эксп. I, № 212, 260, 267. 275, 283, 302, 306; Дополн. къ акт. истор. I, № 129, 221, 32; Акты арх. эксп. № I, 219; Акты юридич. № 392—399; П. С. Р. Л. IV, 303; III, 155, 167, 166, 173; Акты юридич. № 21, 46; Дополн. къ акт. истор. № 51; Акты юридич. № 85, 86. 87, 90, 91, 114; Акты Западн. Россіи II, № 188.

46) Жизнь кн. А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, Кіевъ. 1849 г.

47) Акты Западн. Россіи III, № 8, 37; Акты изд. Кіев. Коммисс. III, отдѣл. II.

48) Дѣла Крымскія № 14, стр. 215.

49) Lasicii—De Russorum Moscovitarum et Tartarorum religione.

50) См. Pisma historyczne Michala Balinskiego, т. III.

51) Карамзинъ IX, примѣч. 166.

52) Fletcher of the Russe Common Wealth, начало VI-й главы.

53) Описаніе Румянцев. музеума, стран. 557, стр. 242; на 243 любопытная выходка противъ Осифлянъ, которые упрекаются въ небытной ереси: того бо ради люты, безчеловѣчны и лукавы зѣло и властей, и имѣній желатели, иже не надѣются за всѣ прегрѣшенія отвѣта дати на суде.

54) Сборникъ Синодал. библіот. № 850, стр. 534.

55) Указаніе на время составленія книги.

56) По изданію во Временникѣ Москов. Истор. Общ. № 1.

57) Сборн. Синодал. библіот. № 850.

58) Акты арх. эксп. I, № 289.

59) Таубе и Крузе, стр. 230; Hacluyt's Collection 1, 520.

60) Исторія Россіи, VI, стр. 220, 448.

61) Москвитян. 1844 года, № 1.

62) Исторія Россіи, VI, стр. 422, 423.

63) О другихъ письменныхъ памятникахъ Іоаннова времени, въ которыхъ мы не нашли ничего особенно замѣчательнаго, не упоминаемъ.

64) Акты истор. т. I, стр. 404; Опись книгъ Волоколам. монаст. въ Чтеніяхъ Москов. Истор. Общ. 1847, № 7; Опис. Румянц. музея, стр. 127; Possev. de reb. Moscov. въ концѣ 1-го комментарія.

65) Русск. Истор. Сборн. т. IV, стр. 122. Сказаніе извѣстно о вообраafженіи книгъ печатнаго дѣла въ Сборн. Синод. библ. № 850. Флетчеръ гл. 21.—Hakluyt, I, 263.

66) См. Исторію Россіи, т. IV, стр. 45, 124; т. V, стр. 208, примѣч. 246, стр. 415.

67) Извѣстный намъ Англ. посолъ Боусъ пишетъ, что по смерти Грознаго вся власть перешла въ руки боярина Никиты Романовича, котораго главнымъ совѣтникомъ былъ дьякъ Андрей Щелкаловъ; Борисъ же Годуновъ не имѣлъ еше власти до коронаціи царя. — По малѣжъ времени умре Никита Юрьевичь Романовыхъ, и бысть преемникъ и правитель въ его мѣсто Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ (Лѣтоп. о мятеж. стр. 7. Хронографы библ. Архива Мин. Ин. Д. № 2 и 14).

68) Лѣтоп. о мятеж. стр. 5. Хронографы библ. Арх. Мин. Ин. Д. № 2, 14, 580; изъ иностранцевъ Одерборнъ, Гейденштейнъ и Горсей; Histor. Russ. Monum, II, № VIII.

69) Лѣтоп. о мятеж. 6.

70) Одерборнъ, Горсей и Петрей.

71) Лѣтоп. о мятеж. 8.

72) Такъ-назыв. Латухинская Степен. книга.

73) Сокращен. Временникъ до 1691 года, рукоп. Импер. Публич. Библіот. составлен. въ Вологдѣ. Histor. Russiae Monumenta, II, № 1.

74) Такъ можно заключать изъ Никонов. лѣтоп.: „молили со слезами чтобъ не мешкалъ"; но въ лѣтоп. о мятеж. просто; „чтобъ былъ."

75) And all the nobility whatsoever. Карамзинъ говоритъ: „вѣроятно люди воинскіе, приказные и купеческіе". Но мы не можемъ согласиться, чтобъ подъ nobility надобно было разумѣть кого-нибудь кромѣ дворянъ, ибо тотъ же Горсей ясно различаетъ nobilitie и cominaltie.

76) С. г. г. и д. II, № 51.

77) Samml. Russisch. Geschichte V, 36. Шли обычные въ то время слухи, будто правитель былъ отравленъ (Флетчеръ, гл. 9). Что эти слухи, какъ неосновательные, скоро утихли, доказательствомъ служитъ молчаніе нашихъ лѣтописцевъ, которые любили приписывать Годунову преступленія такого рода.

78) Флетчеръ въ концѣ 7-й главы; Горсей у Гаклюйта I, 529.

79) Лѣтоп. о мятеж. 9. Латухин. Степен. кн. и лѣтоп. Морозова.

80) Лѣтоп. о мятеж. стр. 4; Хронографы; Rer. Russicar. scriptor. exteri, I, p. 150; Петрей разсказываетъ, что Годуновъ, уговаривая митрополита не начинать дѣло о разводѣ между прочимъ представлялъ и то, что если у Θеодора будутъ дѣти, то междуусобіе между ними и дядей Димитріемъ неминуемо. Карамзинъ (X. прим. 147) говоритъ: „Это невѣроятно: Димитрій не имѣлъ бы права на корону, еслибы Θеодоръ оставилъ сыновей. Но мы видѣли ясныя доказательства, что преемство сына послѣ отца вовсе не утвердилось, какъ законъ непреложный; мы видѣли въ малолѣтство Іоанна смуту отъ удѣльныхъ дядей; во время болѣзни Іоанна многіе хотѣли возвести дядю Владиміра Андреевича вмѣсто сына царскаго Димитрія.—Сборн. Имп. Пуб. Библ. № 17. Повѣсть како похити неправдою на Москвѣ царскій престолъ Борисъ Годуновъ. Здѣсь говорится, что Годуновъ въ началѣ борьбы съ Шуйскими „не возможе имъ вскорѣ зла сотворити ничтоже, но точію самъ на себѣ поношеніе и укоризну принесе, и учинися вѣстно про сіе всенароднаго собранія московскихъ людей множеству, яже убо то и Борисъ умышляетъ на нихъ, и восхотѣша того окаяннаго московскіе народи побити каменіемъ." Тогда Борисъ началъ хлопотать какъ бы помириться съ Шуйскими. Написано сказаніе въ первое время царствованія Шуйскаго; авторъ говоритъ, что онъ былъ самовидцемъ дѣлъ Самозванца.

81) Карамзинъ: Θеодоръ, духомъ младенецъ, превосходя старцевъ въ набожности, какую государственную важность могъ бы дать сану первосвятительства, безъ руководства Годунова, при митрополитѣ честолюбивомъ, умномъ, сладкорѣчивомъ? Но Годуновъ не для того хотѣлъ

державной власти, чтобъ уступить ее монахамъ: честилъ духовенство какъ и бояръ, только знаками уваженія, благосклонно слушалъ митрополита, разсуждалъ съ нимъ, но дѣйствовалъ независимо, досаждая ему непреклонностію своей воли. Симъ объясняется непріязненное расположеніе Діонисія къ Годунову и тѣсная связь съ Шуйскими.

82) Флетчеръ, глава 26; Морозов. лѣтописецъ; хронографъ Карамзинскій № 2-й, археогр. Коммисс.; Руск. достопамятн. I, 173.

83) См. подробности въ книгѣ: Pamietniki dozycia i spawy Zborowskich, zebral Zegota Pauli.

84) Histor. Russiae Monum. II, № III.

85) Тж. № VIII.

86) Zrodla do dziejow Polsckich, pr. Grabowskiego i Przezdzieckiego t. I. p. 62, List Krola Stefana do Stanisl. Tarnowskiego, 1585. Jam a multo tempore crebris rumoribus ad nos perferebatur, archiduces Austriae laborare, ut in locum... minus idonei Moschoviae ducis Maximilianus Romanorum imperatoris frater assumatur. Ipsam etiam Moschov. legationem apud imperatorem fuisse recensent. Gedano nobis signiffcatum est, non modo Austriacam familiam in id incumbere, sed et electorum principum conventum Ratisbonae haberi ad consultandum de modo deducendi Maximilianum in Moschoviam.

87) Дѣла польскія, № 15—19; Histor. Russ. Monum. II, № XV и XVI Памятн. дипломат. снош. стр. 933.

88) По свидѣтельству Флетчера.—По разрядамъ Хворостининъ былъ вторымъ воеводою въ передовомъ полку, а первымъ князь Катыревъ-Ростовскій.

89) Zrzodla do dz. Polsk. Grabowsk. t. I. p. 64.

90) Это тотъ самый Дѣдѣвшинъ, по измѣнѣ котораго Смоленскъ былъ взятъ Сигизмундомъ въ 1611 году; его еще прежде видимъ въ свитѣ Москов. посла кн. Троекурова къ Баторію.

91) Дѣла польскія, № 20—24; Дѣла Шведскія № 4 8; Histor. Russiae Monum II, № XIX.

92) Памятн. дипломат. снош. т. I, и II; Histor. Russiae Monum. II, № XXV.

93) Histor. Russ. Monum. II, № IV, VI, X, XI, XXVI, XXVII, XXVIII, XXIX; Древн. Росс. Вивліоѳ. XII.

94) Our most deare and loving cousin.

95) Нашу бологодѣть.

96) Дѣла англійскія, № 1 и 2.

97) Не крявули.

98) Дѣла Крымскія № 16—21; Лѣтоп. о мятеж. стр. 27; Разрядная кн. въ Синбир. сборн. годъ 1591.

99) Дѣла Турецкія, № 2-й и 3-й.

100) Дѣла Грузинскія, № 1-й въ столбцахъ, годъ 1596 и 1597. Лѣтоп. о мятеж. стр. 36. Акты истор. I, № 227.

101) Дѣла Персидскія, № 1—4.

102) С. г. г. и д. II, № 54, 68, 66; Дополн. къ акт. истор. I, № 138; Лѣтоп. Сибирск. изд. 1821 г. Миллера—Сибирская исторія.

103) С. г. г. и д. I, № 202.

104) Of the russe Common Wealth, гл. 8; Акты арх. эксп. I, 326 Сиибир. Сборн. Разрядн. кн. стр. 95.

105) Тж. гл. 12.

106) А. арх. эксп. I, № 331, 332, 334, 338, 342, 356, 341, 347; Дополн. къ акт. истор. I, № 134.

107) Дѣла Польскія, № 22.

108) Suppelement. ad. histor. Russ. Monum, № LXXXVIII—XCIV.

109) Дѣла Польскія № 22, стр. 28.

110) Древн. Вивліоѳ. XVIII, 15; Хронографы; Никон. VIII, 30. Разряд. кн. Сиибир. сборн. стр. 89, 106, 129. Въ Латухинской Степенной книгѣ сказано, что Годуновъ, съѣздивши въ Смоленскъ для основанія тамъ крѣпости, назвалъ этотъ городъ ожерельемъ Московскаго государства: „Въ то же время болярин князь Ѳ. М. Трубецкой противу Борисовыхъ рѣчей глагола сице: какъ въ томъ ожирельѣ заведутся вши, и ихъ будетъ и не выжить.“

111) Акты истор. I, № 230. Слѣдов. права Латухинская степенная книга, а не Хронографы, которымъ послѣдовалъ Карамзинъ относительно имени строителя (т. X. примѣч. 137).

112) Акты арх. эксп. I, № 365.

113) Акты истор. I, № 230.

114) См. выше, примѣч. 27.

115) Акты истор. I, № 230, 228; Древняя Вивліоѳ. Полеваго, ст. 266.

116) Разрядн. кн. въ Сиибир. Сборникѣ; Времен. Моск. Истор. Общ. кн. 14; Памятн. диплом. снош. II, 235.

117) Акты историч. I, № 221; С. г. г. и д. I; № 202; Времен. Моск. Истор. Общ. № 13.

118) Акты арх. эксп. I, № 361, 349.

119) Акты истор. I, № 221.

120) Акты арх. эксп. I, № 349.

121) Акты арх. эксп. I, № 358; акты историч. I, № 250.

122) Дѣла Греческ. № 2; Іерусалимскому патріарху и въ монастыри послано 900 рублей, да 82 рубля на вѣчныя лампады за здравіе царя, царицы и чадородіе ихъ; архіепископу Синайской горы 54 рубля; въ Сербскій Вознесенскій Милешевъ монастырь, гдѣ мощи Саввы Серб-

скаго, 270 рублей; въ Сербскій Благовѣщенскій монастырь, что на рѣкѣ ва Попарати 120 рублей.

123) Послано было: 40 сороковъ соболей, 30 сороковъ куницъ, десятеры цки горностайные, 15 пудовъ рыбьяго зуба; самому патріарху царь послалъ омофоръ саженъ жемчугомъ, чару золотую па святую воду, да убрусецъ саженъ жемчугомъ дробнымъ. Патріархъ Іовъ послалъ бархатъ черный да 40 соболей. Годуновъ послалъ Іереміи, котораго величалъ великимъ господиномъ, и государемъ отцемъ, наставникомъ и спасителемъ души своей,—40 соболей, отъ жены ширинку, отъ сына Ѳеодора кубокъ серебряный позолоченый съ крышкою. На строеніе Пантелеимонова монастыря Аѳонскаго послано рухляди на 500 рублей; этому монастырю возобновлена жалованная грамота Грознаго, по которой старцы его могли пріѣзжать въ Россію для сбора на церковное строеніе; такая же грамота дана іерусалимскому монастырю Саввы Освященнаго. Въ 1593 году посланы Трифонъ Коробейниковъ, да Михайла Огарковъ съ заздравною милостынею въ Царьградъ, Александрію, Антіохію, Іерусалимъ и Синайскую гору; послано было съ ними 5534 золотыхъ угорскихъ, да три золотыхъ португальскихъ противъ 30 золотыхъ угорскихъ, да 8 сороковъ соболей, да цки собольи, цки куньи, сорокъ куницъ, пятеры цки бѣльи хрептовые, черева лисьи, да велѣно имъ взять въ Царѣградѣ у Ивана Кашурина за государевы соболи, которые ему даны на Москвѣ за 300 рублевъ, 600 золотыхъ угорскихъ.—Дѣла Греческ. № 2 и 3; С. г. г. и д. II, № 58, 59; Дополн. къ акт. истор. II, № 76; Arsenii Elassonis—iter in Moscoviam, in—Histor. Ruthen. scriptor. exter. v. II, лучшая статья объ учрежденіи патріаршества—Зернина, въ Архивѣ Истор. юридич. свѣдѣн. изд. Калач.

124) Дѣла польскія, № 21, стр. 82.

125) Дополн. къ акт. истор. I, № 137; Акты историч. I, № 216; акты арх. эксп. I, № 360, 321; Акты истор. I, № 242, 215, 220; Акты арх. эксп. I, № 322, 365, 329, 336, 339, 343, 344, 354, 355, 386; Акты истор. I, № 217, 222, 246, 247; Дополнен. къ акт. историч. I, № 130, 132, 141, 142, 143; Акты арх. эксп. I, № 364, 330, 351, 357.

126) Разряд. кн. въ Синбир. сбор., стр. 97, Юридич. акты, стр. 82.

127) Дополн. къ акт. истор. I, № 131; Акты юридич. стр. 383; Дѣла Греч. № 3, стр. 195. Памятн. дипл. снош. II, стр. 57; Морозов. лѣтоп. 75; Лѣтоп. о мятеж. 19.

128) Дополн. къ акт. истор. I, № 131.

129) Палицына—Сказаніе о осадѣ Троицк. мон. стр. 3.

130) Тамъ же: Сему же царевичу Димитрію естествомъ возростающу, и отъ ближнихъ си смущаему, за еже не вкупѣ съ братомъ пребыванія, и о семъ печалуяся, и часто въ дѣтскихъ глумленіяхъ глаголетъ и дѣй-

ствуетъ нелѣпая, о ближайшихъ братэ си, паче же о семъ Борисѣ. И врази суще и ласкатели, великимъ бѣдамъ замышленицы, въ десятерицу лжи составляюще, съ сими подходятъ вельможъ, наче жъ сего Бориса и отъ многія смуты ко грѣху сего низводятъ, его же краснѣйшаго юношу отсылаютъ и нехотяща въ вѣчный покой.

131) Противъ этого лѣтописнаго разсказа существуютъ въ нашей исторической литературѣ слѣдующія возраженія· прежде всего предлагаютъ вопросъ: нужна ли была Годунову смерть царевича и видно ли было изъ прежнихъ его дѣяній намѣреніе погубить несчастнаго сироту? Говорятъ „Димитрій родился отъ седьмаго брака Іоаннова и по тогдашнимъ понятіямъ едва ли имѣлъ право на престолъ, по крайней мѣрѣ, неоспоримое".—На это мы должны замѣтить, что Димитрій назывался царевичемъ, все государство признавало его такимъ, начиная отъ царя-брата; имя его поминалось въ церкви на ектеніяхъ; онъ имѣлъ удѣлъ; дворъ; его выставляли не только законнымъ наслѣдникомъ, но даже соперникомъ старшаго брата; наконецъ самое удаленіе его изъ Москвы показываетъ, какъ онъ казался опасенъ.

Говорятъ: „Митрополитъ Діонисій, Шуйскіе и другіе сановники, въ заговорѣ противъ Годунова, условились ударить челомъ царю, чтобъ онъ развелся съ неплодною супругою и взялъ другую, дабы имѣть наслѣдниковъ: слѣдовательно они не почитали Димитрія наслѣдникомъ".—Но здѣсь надобно, прежде всего, обратить вниманіе на цѣль заговора: Шуйскимъ нужно было какимъ бы то ни было средствомъ удалить Годунова отъ царя, и единственнымъ къ тому средствомъ былъ разводъ Ѳеодора съ сестрою Годунова. Великій князь Василій Ивановичъ развелся съ женою и вступилъ въ новый бракъ для того, чтобъ имѣть наслѣдника: неужели отсюда можно заключить, что родные и единоутробные братья великаго князя, Юрій и Андрей, не имѣли права наслѣдовать ему на Московскомъ престолѣ?

Далѣе возражаютъ: „Борисъ не велѣлъ молиться о Димитріи и поминать его имени на литургіи, мысля тѣмъ объявить царевича незаконнорожденнымъ: зачѣмъ было прибѣгать Борису къ этой лишней мѣрѣ, если онъ задумалъ убійство, — мѣрѣ, которая ясно обнаруживала непріязнь его къ Димитрію, навлекала на него неудовольствіе въ настоящемъ времени и оправдывала будущее сильное подозрѣніе въ предполагаемомъ убійствѣ? — Отвѣчаемъ: этотъ поступокъ свидѣтельствуетъ только, что Годуновъ съ товарищами шли постепенно въ своихъ мѣрахъ противъ Димитрія, и испытанная недостаточность одной мѣры заставляла прибѣгать къ другой сильнѣйшей.

Говорятъ: „Задумавъ убійство, какъ Борисъ не удалилъ изъ Углича Нагихъ, своихъ зложелателей, какъ не избавился отъ кормилицы, будто бы преданной царицѣ?" На это легко отвѣчать, что подобная мѣра была

опасна, ибо возбуждала сильное подозрѣніе. Также легко отвѣчать и на слѣдующее возраженіе: „Не слишкомъ ли рано, говорятъ, въ 1591 году думать было Борису о престолѣ, когда Ѳеодору было еще только 34 года, когда онъ могъ имѣть еще дѣтей, что и дѣйствительно случилось,—когда онъ могъ вступить въ новый бракъ, послѣ естественной смерти супруги?“—Но зачѣмъ же предполагать, что Годуновъ думалъ о престолѣ? Онъ, съ товарищами, считалъ крайне опаснымъ дождаться, пока царевичъ возрастетъ и захочетъ привести въ исполненіе тѣ угрозы, которыя, по словамъ доносчиковъ, уже привыкалъ произносить дѣтскій языкъ его. Ѳеодоръ *могъ* имѣть дѣтей, *могъ* пережить жену и жениться въ другой разъ; но безконечно *возможнѣе* было, что онъ не будетъ имѣть дѣтей, и что хворый мужъ не переживетъ здоровой жены.

Наконецъ говорятъ: „Неужели Борисъ, располагавшій духовенствомъ, съ сильною стороною между боярами, привлекшій къ себѣ народъ благодѣяніями, умѣвшій устроить дѣла такъ, что вся Россія, по смерти Ѳеодоровой, нѣсколько дней на колѣняхъ просила его, мимо многихъ потомковъ Рюрика, о принятіи вѣнца и молила со слезами Бога о внушеніи ему сей мысли,—неужели Борисъ могъ бояться совмѣстничества съ семилѣтнимъ или четырнадцатилѣтнимъ отрокомъ, безъ подпоры въ церкви, дворянствѣ, гражданахъ, безъ положительнаго права? Неужели онъ не могъ предвидѣть, что сей несчастный сирота былъ бы непремѣнно отверженъ народомъ, вслѣдъ за приверженцами правителя, если-бы слуга Борисовъ, патріархъ Іовъ, по рѣшенію собора и патріарховъ Александрійскаго, Антіохійскаго, Константинопольскаго и Іерусалимскаго, торжественно объявилъ народу съ лобнаго мѣста, что сынъ отъ седьмаго брака не имѣетъ права на престолъ?“—Положимъ, что Борисъ располагалъ духовенствомъ, имѣлъ сильную сторону между боярами, привлекъ народъ благодѣяніями; но мы не можемъ согласиться, чтобы вся Россія стала на колѣняхъ предлагать престолъ боярину, при жизни царевича. Намъ не нужно много распространяться объ этомъ предметѣ: стоитъ только вспомнить о появленіи Лжедимитрія и объ его успѣхѣ. Противъ этого возражаютъ: „Лжедимитрій явился при другихъ обстоятельствахъ: за него была мнимая невинность, чудесное спасеніе, смерть Бориса. Тогда уже не думали о седьмомъ бракѣ, а видѣли только сына Іоаннова, единственнаго наслѣдника; и кто былъ ему соперникомъ? юный Ѳеодоръ среди московскихъ бояръ, которые не любили Бориса.“—Но если за Лжедимитрія была мнимая невинность, чудесное спасеніе, смерть Бориса, то противъ него было самозванство, въ которомъ увѣрялъ народъ патріархъ Іовъ, проклявшій еретика; если не повѣрили Іову въ этомъ случаѣ, то основательно ли предполагать, чтобы положились на его рѣшеніе, когда бы онъ вздумалъ объявить, что царевичъ, какъ незаконнорожденный, не имѣлъ права на престолъ. Борисъ самъ хорошо

зналъ, что объявленіе Димитрія незаконнорожденнымъ произведетъ самое ничтожное вліяніе на умы Русскаго народа, питавшаго сильную привязанность къ царскому дому и привыкшаго считать Димитрія царевичемъ: вотъ почему Борисъ въ сношеніяхъ съ Польскимъ дворомъ упоминалъ о незаконности Димитрія, но не смѣлъ упомянуть о ней въ грамотахъ къ своему народу. Но положимъ даже, что какими бы то ни было средствами Годунову удалось бы захватить престолъ московскій мимо Димитрія, то неужели онъ могъ думать, что послѣдній позволилъ бы ему спокойно владѣть престоломъ? Неужели Борисъ могъ предполагать, что Димитрій въ борьбѣ съ нимъ не найдетъ ревностныхъ помощниковъ, тогда какъ находили ихъ всѣ прежніе удѣльные князья, воевавшіе съ великими князьями и при меньшихъ правахъ, чѣмъ какія имѣлъ Димитрій надъ Борисомъ? Могъ ли Борисъ не бояться совмѣстничества царевича, сына Іоаннова, единственной отрасли царскаго корня, когда онъ боялся совмѣстничества крещенаго Татарина, Семена Бекбулатовича.

Теперь разсмотримъ возраженія, направленныя противъ подробностей сказанія объ убіеніи царевича. Сказаніе говоритъ, что Борисъ совѣтовался съ родственниками и ближними людьми о средствахъ отдѣлаться отъ царевича, ибо отравленіе не удавалось. „Какъ! возражаютъ: Борисъ почелъ за нужное совѣтоваться! Какой обыкновенный убійца (не говорю уже правитель, будущій царь, мнимый лицемѣръ), осмѣливается объявлять многимъ лицамъ о будущемъ своемъ преступленіи и такимъ образомъ вручать имъ судьбу свою? Этотъ опытный знатокъ людей открывается опять двумъ человѣкамъ (двадцатымъ?), которые отказываются исполнить его порученіе и предаются гоненію (даже и не смерти?)! Могъ ли Борисъ гнать этихъ людей (Загрязскаго и Ченчугова) и питать ихъ нерасположеніе къ себѣ, во всякомъ случаѣ опасное! Онъ вѣрно убилъ бы ихъ или наградилъ безъ мѣры. Наконецъ отправляется въ Угличъ Битяговскій, представленный Клешнинымъ, съ сыномъ и Качаловымъ, удостоенные также совершенной довѣренности Годунова... Не слишкомъ ли уже дешева эта довѣренность Борисова?“ — Отвѣчаемъ: обыкновенный убійца могъ обойтись безъ соучастниковъ и совѣтниковъ: но не могъ обойтись безъ нихъ правитель Годуновъ: не самому же ему было ѣхать въ Угличъ для совершенія преступленія! и благоразумно ли было Годунову самому непосредственно сноситься съ убійцами? ясно, что онъ долженъ былъ, для отклоненія всякаго подозрѣнія, дѣйствовать чрезъ повѣреннаго, какимъ является Клешнинъ. Палицынъ говоритъ, что были люди, которые, выставляя безпрестанно опасность, грозившую со стороны Димитрія, склонили Бориса ко грѣху; сказаніе выставляетъ также совѣтниковъ, которымъ Годуновъ не объявляетъ въ первый разъ о своемъ замыслѣ, но извѣщаетъ объ его неудачѣ, изъ чего ясно, что совѣтники эти изначала были участниками дѣла. Изъ сказанія хорошо видно, какъ

самъ Борисъ дѣйствовалъ нерѣшительно, вяло, какъ главную роль игралъ Клешнинъ, и вотъ Палицынъ, которому не для чего было уменьшать преступленіе Бориса, обвиняетъ больше совѣтниковъ его. Хотятъ, чтобъ Борисъ убилъ Загрязскаго и Ченчугова; но это легко теперь сказать, а не легко было тогда сдѣлать. Борисъ старался пріобрѣсть привязанность народа милостями, а не казнями, и вотъ его заставляютъ убивать двухъ людей—безъ вины! или заставляютъ награждать ихъ черезъ мѣру, для возбужденія подозрѣній въ другихъ, для обнаруженія своей боязни передъ самыми награжденными! Говорятъ: „Борисъ не умѣлъ растолковать убійцамъ, чтобъ они сдѣлали свое дѣло какъ можно тише, осторожнѣе, по крайней мѣрѣ не днемъ, не при свидѣтеляхъ, всего менѣе при кормилицѣ, преданной Нагимъ?—Легко было Годунову растолковывать все это убійцамъ, но трудно было имъ исполнить его наказъ; трудно было имъ забраться ночью въ спальню царевича (по всѣмъ вѣроятностямъ онъ спалъ въ одной комнатѣ съ матерью); днемъ они убили его только при трехъ женщинахъ, а чтобъ забраться къ нему въ спальню ночью должны были подговаривать сторожей, постельницъ и т. д., слѣд. имѣть гораздо болѣе трехъ свидѣтелей? Напротивъ, время, выбранное убійцами, было самое удобное; всѣ разошлись обѣдать, надобно было колоколомъ поднимать ихъ изъ домовъ. Но положимъ даже, что убійцамъ удалось бы умертвить царевича ночью; но какъ бы они сами и тѣ, въ пользу которыхъ они дѣйствовали, объяснили это дѣло? Днемъ Дмитрій могъ играть ножомъ въ тычку и наколоться имъ въ припадкѣ падучей болѣзни; но неужели можно было сказать, что царевичъ ночью игралъ въ тычку, что съ нимъ на постель клали ножъ?

Говорятъ, что противъ Годунова разсѣяно въ лѣтописяхъ много нелѣпыхъ обвиненій, изъ которыхъ нельзя ли заключить, хотя по аналогіи, что и первое преступленіе, убіеніе Димитрія, приписывалось ему отъ предубѣжденія?—На это замѣтимъ, что всякому знаменитому историческому лицу приписывается обыкновенно лишнее какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ отношеніи; но изъ этого лишка мы не заключаемъ, что извѣстное историческое лицо не сдѣлало ничего хорошаго или ничего дурнаго. Вспомнимъ только о Наполеонѣ! Въ нашей исторіи Курбскій обвиняетъ Іоанна III въ смерти сына, въ заключеніи брата и внука: мы знаемъ, что первое нелѣпость, а второе справедливо. Лишнія злодѣйства накинуты на память Грознаго: изъ этого слѣдуетъ ли заключать, что онъ во всю жизнь не пролилъ капли крови? (Всѣ эти разсмотрѣнныя возраженія предложены г. Погодинымъ въ статьѣ: Объ участіи Годунова въ убіеніи царевича Димитрія.)—О Петрѣ Нагомъ и о ссыльной старицѣ, см. Акты истор. I, № 225.

Было представлено нѣсколько возраженій противъ нашего взгляда на оба извѣстія о смерти царевича Димитрія. (Сочиненія К. С. Аксакова, стр. 241 и слѣд.).

Говорятъ: „Мы встрѣчаемъ положительную невѣрность въ лѣтописномъ сказаніи. Въ немъ говорится, что Угличане показали о убіеніи царевича, что Нагихъ пытали въ Москвѣ, и они съ пытки говорили, что царевичъ убитъ. Между тѣмъ въ слѣдственномъ дѣлѣ собраны многія показанія Угличанъ, большею частію въ пользу того, что царевичъ убился самъ.“

Отвѣчаемъ: лѣтопись говоритъ о показаніи Угличанъ, сдѣланномъ всѣмъ городомъ, а кого водили къ разспросу, что спрашивали и какъ записывали, объ этомъ лѣтопись не знаетъ; притомъ развѣ можно лѣтописное сказаніе уличать въ невѣрности на основаніи слѣдственнаго дѣла, которое заключаетъ въ себѣ такія ясныя черты недобросовѣстности? возражатель говоритъ, что одинъ Михаилъ Нагой, не въ Москвѣ, а въ Угличѣ, показалъ, что царевичъ убитъ, а другіе его два брата показали, что царевичъ убился самъ.—Да, именно, это въ Угличѣ; а лѣтопись говоритъ совершенно о другомъ, о московскихъ пыткахъ, отрицать которыя нѣтъ никакого основанія. Возражатель указываетъ на невѣрность лѣтописнаго показанія о томъ, что ядъ не дѣйствовалъ по невозможности этого явленія; мы не видимъ этой невозможности; дѣло можетъ легко объясниться тѣмъ, что просто аптека была плоха.

Относительно слѣдственнаго дѣла возражатель настаиваетъ на обвиненіи Михайлы Нагаго въ томъ, что онъ велѣлъ класть оружіе на тѣла убитыхъ людей, причемъ вѣритъ прикащику Ракову; но мы указали на противорѣчіе показанія Ракова съ показаніемъ Бориса Аѳанасьева; возражатель не обратилъ на это вниманія. Возражатель указываетъ на свидѣтельство священника Богдана, что онъ въ то самое время, какъ ударили въ набатъ, обѣдалъ у Михайлы Битяговскаго, сынъ котораго, Данила, былъ въ то же время на подворьѣ отца своего, обѣдалъ; но въ дѣлѣ находятся другія показанія о Битяговскомъ, противорѣчащія показанію Богдана: возражатель и объ нихъ не упоминаетъ. Онъ указываетъ на свидѣтельство жильцовъ—дѣтей; но мы заподозрѣваемъ ихъ свидѣтельство указаніемъ, что они, при перечисленіи лицъ, находившихся при смерти царевича, дважды пропустили Василису Волохову: такимъ свидѣтелямъ вѣрить было нельзя.

132) Лѣтоп. о мятеж. стр. 30; Латухинск. степен. кн.; Маржеретъ; Дѣла Польскія № 21, стр. 206. Любопытно, что слухъ шелъ между простыми людьми на Украйнѣ, что сынъ боярскій донесъ на крестьянина.

133) Сборн. Импер. Публ. Библіот. № 17. Іовъ пишетъ: Адамъ по изверженіи отъ Бога изъ рая еще надѣяся безсмертенъ и въ раю быти, понеже не вѣдаше смертнаго искуса, донележъ мертва сына своего

Авеля видѣ... надъ тѣломъ мертвымъ сына своего плакася сѣдяще, не вѣда что сотвори, мняще бо и еще востати ему, и по малу день ото дня видѣвъ лице его и доброта погибающи, надеждѣ отпадши тѣмъ же и ангелу къ нему послану бывшу и рекшу, что всуе тружаешися, о Адаме! и плачася сѣдиши надъ тѣломъ мертвымъ: сія есть клятва, юже еси слышалъ, яко земля еси и въ ту же землю паки пойдеши. Милостивъ бо и человѣколюбивъ Богъ не презираетъ молитву молящихся Ему съ вѣрою и дастъ излише прошенія просящимъ у него и разверзаетъ ложесна неплодная, якоже древле Іоакиму и Аннѣ, неплоднымъ уже бывшимъ имъ и сего ради отъ всѣхъ сыновъ двоюнадесять колѣнъ Израилевъ поношаемымъ изъ церкви изгоняемымъ и въ приношеніе Божье не пріемлемымъ; Іоакимъ же иде въ пустыню и молящеся тамо 40 дней, Анна же иде въ садъ свой и ста подъ древомъ нарицаемомъ даѳини, еже есть яблонь, и ту молитвы принося Богови со слезами о безчадствіи своемъ; молящижеся ей прилѣте птица малѣйшая сѣде на древѣ томъ. Анна же возрѣвши къ верху древа, хотя посмотрѣти птичицу ту и се видѣ гнѣздо и птичища того на гнѣздѣ сѣдяща, возрыда же велми Анна и возопи гласомъ ко Господу, глаголя: О владыко! кому уподобилъ мя еси, яко и малѣйшія птичицы сея худши есмь, ибо и сія птица дѣти имать; лютѣ мнѣ, яко не уподобихся ни звѣремъ земнымъ, ибо и звѣри земныя дѣти родятъ, азъ же едина безъ чада есмь предъ тобою, Господи! увы мнѣ убозей: и водамъ азъ не уподобихся, яко и воды плодисты суть предъ тобою, Господи! волны бо ихъ по быстринамъ ихъ разливающеся веселятся славяще Тебе, Господи. И се ангелъ Господенъ ста предъ нею глаголя: Анно! Анно! услышана бысть молитва твоя. Видиши ли, государыни благовѣрная царице, колико можетъ молитва праведныхъ терпящихъ находящая имъ скорби, а кручиною, государыни, не взяти ничево, взяти то милостію Божіею... аще и печалуеши, то ничтоже полезно себѣ обрѣтаеши, но точію гнѣвиши Бога, души же своей вредъ не малъ сотворяеши, тѣло же свое безгодно изнуряеши, діяволъ же егда видитъ кого скорбяща и печалующа, тогда укрѣпляется нань. Сего ради молю твое благочестіе о всемъ положи упованіе на Бога и на Пречистую Богородицу, и Пречистая Богородица, видя твое таковое благо воленіе, умолитъ Сына своего, да подастъ ти всяко прошеніе твое егоже у него просиши, и благородная чресла твоя многоплодна сотворитъ и устроитъ тя яко лозу плодовиту въ дому твоемъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

2007053014